

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

РОССИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

МОШЕН

Annotation

Александр Бушков – самый издаваемый российский автор, «король русского боевика». В этой книге он выступает в новом качестве, выстраивая свою увлекательную, порой парадоксальную версию исторического пути России.

«...то, что нам известно о Лжедмитрии, с равным успехом может быть приложено и к самозванцу – уроженцу Западной Руси, и к настоящему царевичу, долго жившему вдали от родины...»

«Петр I впервые в отечественной истории начал в самых широких масштабах внедрять систему, охарактеризовать которую так и подмывает словом „большевизм“...»

«...германофильство Тухачевского и его окружения лежит на поверхности. Вполне вероятен заговор с участием высших военных Германии и СССР: одни хотели убрать Гитлера, другие – Сталина...»

- [Александр Бушков](#)
  - [Исповедь хулигана](#)
    - [Частный сыщик и прошлое](#)
    - [Среди мифов, как среди рифов](#)
    - [Курьезы и анекдоты](#)
    - [Случай и случайности](#)
    - [Незадачливый король Ежи](#)
    - [Корабли-призраки 1492 года?](#)
  - [Крещение Руси: сплетение загадок](#)
    - [Змея и летопись](#)
    - [Как была крещена Русь?](#)
    - [О Константине и Мефодии](#)
    - [Смерть на Днепре](#)
    - [И пришли миссионеры...](#)
    - [О бедных хазарах замолвите слово...](#)
    - [Виртуальность-1: тиара над Россией](#)
    - [Виртуальность-2: полумесяц над Россией](#)
  - [Славянская книга проклятий](#)
    - [Проклятие епископа](#)
    - [Проклятие княгини Раины](#)
  - [Призрак «Золотой Орды»](#)

- [О том, что известно всем](#)
- [Версия](#)
- [Об истории, историках и фактах](#)
- [Где монголы?](#)
- [Сколько было «монголо-татар»?](#)
- [Куда пришли «монголы», придя на Русь?](#)
- [Калка – клубок загадок](#)
- [Супермены из монгольских степей](#)
- [Свидетель без маски](#)
- [Хаос и порядок](#)
- [Александр Батыевич и другие](#)
- [И бысть умучен от злых татаровей...](#)
- [Загадки «Батыева похода»](#)
- [Меч над Европой](#)
- [Мираж «Великой Империи»](#)
  - [1. «Хождение встречь солнцу» и фронтир](#)
  - [2. Где Каракорум?](#)
  - [3. «Врет, как очевидец...»](#)
- [Правда ли, что монголы завоевали Китай?](#)
- [«Давай дэнги! Дэнги давай!»](#)
- [Сказка сказывается...](#)
- [О бунчуках, ямщиках и монетах](#)
- [Про Упыря и Чёрта](#)
- [Последний русский король](#)
- [О косвенных уликах](#)
- [Север и Юг](#)
- [Север против Юга: старая династия?](#)
- [Вместо эпилога](#)
- [Тайны Смутного времени](#)
  - [Предупреждение](#)
  - [«И бысть глад велик...»](#)
  - [Первые шаги и первая кровь](#)
  - [Триумф](#)
  - [Триста тридцать один день](#)
  - [17 мая – смерть в Кремле](#)
  - [Царь Васька](#)
  - [Гори, огонь, гори...](#)
  - [«Жен и детей зложим...»](#)
  - [Герой, которого не было](#)

- [«Таков печальный итог...»](#)
- [«Названный Димитрий»](#)
- [Эпилог и виртуальность](#)
- [Дракон московский](#)
  - [Распалась связь времен...](#)
  - [Предшественники](#)
  - [Софья](#)
  - [История болезни](#)
  - [Экономика](#)
  - [Внешняя политика](#)
  - [Военное дело](#)
  - [Закон, юстиция, престолонаследие](#)
  - [Образование, культура](#)
  - [Религия](#)
  - [Итог](#)
  - [Потомки](#)
  - [Виртуальность](#)
- [Смерть идеалиста](#)
  - [...Слишком все очевидно?](#)
  - [186 дней](#)
  - [Янычары](#)
  - [Виртуальность](#)
  - [Последний рыцарь](#)
- [Некто Емельян](#)
- [Гестапо Павла Пестеля](#)
  -
- [...И дряхлый Октябрь позади](#)
  - [Введение, оно же предупреждение](#)
  - [Мани, мани, мани...](#)
  - [«...Имена агентов не доверены бумаге»](#)
  - [Октябрь до Октября?](#)
  - [Если в кране нет воды...](#)
  - [Ники, Аликс и остальные](#)
  - [После Февраля](#)
  - [Виртуальность](#)
  - [Господа Обмановы](#)
- [Забытые страницы Второй мировой](#)
  - [Необъятное](#)
  - [Охотники за «Фау»](#)

- [Император и его тень](#)
  - [Император](#)
  - [Тень императора](#)
  - [Жуков](#)
  - [Микита](#)
- [Секреты Советского космоса](#)
  - [«Малыш» и «Великан»](#)
  - [Тайна или розыгрыш?](#)
- [Бесы в оптическом прицеле](#)
  -
- [Россия, которой не было: взгляд гения](#)
- [Список литературы](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
  - [108](#)
  - [109](#)
  - [110](#)
  - [111](#)
  - [112](#)
  - [113](#)
  - [114](#)
  - [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
-

Александр Бушков

Россия, которой не было

Загадки, версии, гипотезы

*Не быть тебе творцом, когда тебя ведет
к прошедшему одно лишь гордое презрение.
Дух – создал старое: лишь в новом он найдет
основу твердую для нового творенья.*

К.П. Победоносцев

Исповедь хулигана

Частный сыщик и прошлое

В свое время, классе в шестом, когда писали сочинение на избитую тему вроде «Кто-ты-будешь-такой?», я несколько опрометчиво заверил милейших педагогов, что собираюсь стать историком и непременно раскрыть парочку исторических загадок (уж и не помню, каких именно).

Первую часть обещания, грешен, так и не выполнил. Зато теперь, спустя тридцать лет, настало время выполнить вторую – я имею в виду раскрытие исторических загадок. Путь к этой цели был сложен, прихотлив и, пожалуй что, зигзагообразен (я имею в виду не траекторию физического тела под наименованием хомо сапиенс, а прихотливые зигзаги писательского вдохновения). Хотя, если подвергнуть все тщательному анализу, возможно, и выяснится, что случайностей здесь гораздо меньше, чем может показаться мне самому.

Своим рождением эта книга обязана трем немаловажным факторам: любви к истории, любви к логике и любви к детективам. Три этих привязанности, как пресловутые три кита, во многом и определили саму жизнь автора этих строк.

В школе он был жутким двоечником (особенно преуспев на сем поприще в том, что казенно именуется «изучение литературы»), за одним немаловажным исключением: школьный учебник истории я обычно еще до начала нового учебного года прочитывал за день, а потом весь год, ничуть не напрягаясь, получал пятерки.

Развитием логического мышления обязан Станиславу Лему, чьи книги впервые открыл тридцать с лишним лет назад и по сей день с ними не расстаюсь, перечитывая и в переводах, и в оригинале. Лучшего учебника логики найти невозможно. Вообще Лем – наверное, единственный автор, которого я не только беззаветно люблю, но и временами побаиваюсь. Его холодная, убийственная, безукоризненная логика настолько совершенна, что временами кажется прямо-таки нечеловеческой. Под «нечеловеческим» я имею в виду не «стоящее вне человеческого опыта», а скорее «находящееся *над* неким пределом человеческих возможностей». И если уж пытаться в самопознании достичь предельно возможных глубин – пожалуй, могу сказать о себе, что вся моя творческая биография есть бесконечная попытка хотя бы приблизиться к Лему во владении логикой. Именно так – не подражать стилю, не разрабатывать схожие темы, а стараться овладеть логикой елико возможно мастерски.

Занятие в наш век, конечно, неблагодарное – если вспомнить, что отшумевшая «перестройка» была, собственно, жутчайшей вакханалией абсолютно нелогичного мышления. Впрочем, ситуация меняется, так что не все еще потеряно...

Наконец, любовь к детективам. Что до этого пункта, питаю наглую мысль: связь между мною и детективом вряд ли стоит сопровождать долгими комментариями, поскольку тот, кто читает эти строки, наверняка читал мои детективы, а кое-кто, хочется верить, даже дочитал до конца...

Словом, однажды все сплелось воедино – любовь к истории, кое-какие навыки логического мышления и страсть к детективным расследованиям. Именно эти три компонента и породили данную книгу. Рожденную, особо подчеркну, не из желания в очередной раз шокировать нашего утомленного сенсациями читателя, а вполне серьезно разобрать некоторые исторические загадки, исследовать события, которые (теперь я в этом свято убежден) происходили немного не так, точнее говоря, совсем не так, как нам об этом рассказывает официальная историография.

Как справедливо заметил сэр Исаак Ньютон, мы все стоим на плечах гигантов. В моем случае предшественниками, укрепившими в убеждении не сходить с избранного пути, послужили, пожалуй, два человека: блестящий историк Натан Эйдельман, не пугавшийся исследовать альтернативные варианты истории («Не было. Могло быть»), и английская писательница Джозефина Тей, в романе «Дочь времени» продемонстрировавшая великолепный пример логичного и вдумчивого расследования исторической загадки – и вдобавок показавшая, как рожденный сотни лет назад миф может заслонить *реальные* события, как переживает своих создателей клевета, как недостаток логики прочно укореняет чьи-то корыстные выдумки в качестве официально признанной, канонизированной версии истории.

Появившиеся в последнее время работы академика Фоменко, посвященные «Новой хронологии», лишь подхлестнули давнее желание испробовать свои силы на поприще частного сыщика, разгадывающего исторические загадки. В этой книге, то и дело переплетаясь, будут присутствовать обе линии: развенчание некоторых, крайне устойчивых мифов и попытка дать собственное истолкование давным-давно отгремевшим событиям. Ну, а попутно в меру сил и возможностей я попытаюсь справиться с иными загадками прошедших столетий.

Те, кто привык механически принимать на веру все, о чем гласят толстые, умные, написанные ученым языком книги, могут сразу же выбросить сей труд в мусорное ведро. «Россия, которой не было»

рассчитана на другую породу людей – тех, кто не чурается дерзкого полета фантазии, тех, кто старается доискаться до всего своим умом и рабскому следованию «авторитетам» предпочтет здравый смысл и логику. История не есть нечто застывшее, окостеневшее. Совсем недавно, на нашей памяти, с грохотом рушились авторитеты, не столь уж давние события получали совершенно иное толкование, а штампы и ярлыки опадали, как осенние листья в грозу. Процесс далеко не закончен – и потом, не стоит забывать: если событие или документ допускают двойное (а то и тройное) толкование, право на жизнь имеют *все* версии. По крайней мере, именно такова практика: хороший сыщик и в романе, и в жизни обязан отработать *все* версии, а не следовать политической конъюнктуре или каким-то своим шкурным соображениям.

Увы, в последние годы этот принцип нарушался самым вульгарным образом. Достаточно вспомнить сонм перестроечных публицистов, вбивавших в сознание читателя, как гвоздь, одну-единственную версию: виновник загадочной смерти М.В. Фрунзе на операционном столе – злодей Сталин. Потому что больше некому. Потому что Сталин, просыпаясь утром, чувствовал жгучее желание сотворить до заката уйму злодейств и, не успев натянуть штаны, начинал прикидывать: «А кого же мне сегодня зарезать?»

Между тем такой ход рассуждений противоречит самой природе детективного расследования. Обнаружив в гостиной труп миллионера Джона Смита и узнав, что наследниками скончавшегося от пули в затылок богача были господа Икс, Игрек и Зет, самый тупой полицейский не успокоится, пока не проверит алиби *всей* троицы. Применительно к нашему случаю это означает, что кроме Сталина под подозрением с равным успехом могут находиться и Троцкий, и Тухачевский. Именно Троцкого Фрунзе сменил на высших армейских постах (вспомните железный принцип римской юриспруденции «Кому выгодно?»), а склонность Тухачевского в самом прямом смысле *убирать* тех, в ком он видел соперников и конкурентов, давно уже не является секретом... Взять хотя бы недоброй памяти операцию «Весна», когда в конце двадцатых – начале тридцатых годов (Сталин был еще не всевластен) по инициативе Тухачевского было физически уничтожено около трех тысяч командиров армии и флота (в основном бывших царских офицеров, имевших несчастье превосходить в чем-то бывшего поручика, преуспевшего главным образом в уничтожении бунтующих крестьян).

Этот пример я привожу, чтобы проиллюстрировать свой главный принцип: подвергая сомнению, следуя строгой логике и незыблемым

законам детективного расследования. Именно поэтому лично я уверен, что Виктор Суворов [188, 189]^[1], ругаемый и оплевываемый иными ревнителями идеи коммунизма, был всецело прав: Сталин и в самом деле готовил операцию «Гроза» – сиречь неожиданный удар по Германии с выходом в Европу. Убеждает меня в этом не «любовь к Сталину» (к ушедшим в небытие до нашего рождения историческим деятелям, строго говоря, нельзя испытывать ни любви, ни неприязни), а холодная логика. Совершенно нелепая череда странностей, приведшая к форменному краху 22 июня 1941 года, может иметь только это единственное объяснение. В противном случае придется признать, что Сталин, гений упорства и недоверия, на несколько предвоенных месяцев словно бы сошел с ума – а потом, после удара немцев, столь же стремительно выздоровел, обретя прежнюю железную волю и недоверие решительно ко всем. Истории медицины подобные примеры неизвестны. Следовательно, Гитлер и в самом деле сорвал своим ударом операцию «Гроза» – мне, кстати, без особого труда удалось отыскать в открытых источниках немало примеров, работающих на версию Суворова, это не так уж трудно, если искать усидчиво...

Допускаю, кого-то эта книга форменным образом разозлит – особенно в той ее части, где отрицается само существование «татаро-монгольского ига» или делается попытка доказать, что первоначальное крещение Русь получила вовсе не от Византии. В свое оправдание могу сказать одно: изучая то, что именуется «достоверными свидетельствами», я не делал никаких натяжек. Ничего не притягивал за уши, не выдергивал фразы из контекста и не перевирал смысла. Просто-напросто пытался в меру сил и умения дать *другое* толкование кое-каким «общеизвестным истинам». Не моя вина, что эти истины допускают двойное толкование. Отнюдь не моя.

Что очень важно, я не хотел никого обидеть, прошу иметь это в виду. И очень надеюсь, что в некоторых главах никто не усмотрит глумления над православием, равно как не заподозрит автора в русофобии и тому подобных грехах. Мною двигали не «фобии» и не «филии», а скорее уж слова Сенеки: «Да, я преклоняюсь перед всем, что создала мудрость, и перед самими создателями; мне отрадно видеть в ней наследие многих, накопленное и добытое их трудами для меня. Но будем и мы поступать, как честные отцы семейства: умножим полученное, чтобы это наследие обогащенным перешло от нас к потомкам... Но пусть даже все открыто древними – всегда будет ново и применение открытого другими, и его познание и упорядоченье».

Одним словом, я не могу знать заранее, какие чувства будет

испытывать читатель этой книги, но могу, думается, гарантировать одно:
скучать ему не придется...

Среди мифов, как среди рифов

Примечательно, что к мифам чаще всего прилагают эпитет «устоявшиеся». Здесь-то и таится корень зла: мифы укореняются в сознании в результате нехитрого процесса – механического повторения. Никто не дает себе труда вернуться к первоисточнику, и ошибочное утверждение кочует из книги в книгу, из статьи в статью. А потом к нему привыкают настолько, что иная точка зрения представляется вовсе уж злодейским покушением на устои...

Рассмотрим несколько примеров.

Вы и в самом деле полагаете, что институт комиссаров в армии – изобретение большевиков? Зря. Комиссары впервые появились... в армии Соединенных Штатов Америки. В первой половине XIX века. «Комиссар – назначенный правительством в воинскую часть чиновник, в чьи обязанности входит следить за моральным и политическим духом военных». Знакомая формулировочка, не правда ли? Главное отличие в том, что американские комиссары не имели такой власти, как большевистские, но крови из военных, пусть и в переносном смысле, попили изрядно, можете не сомневаться... Нужно же было отрабатывать жалованье и доказывать свою полезность. При случае перечитайте роман Майн Рида «Оцеола, вождь семинолов» и уделите внимание изображенному там «господину правительственному агенту Уайли Томпсону». Сию фигуру Майн Рид, бывший офицер, списал с натуры. Без всякой симпатии, понятно...

Вы и в самом деле полагаете, что уничтожение памятников архитектуры – злодейская выдумка большевиков? Зря...

Давайте посмотрим хотя бы, как обстояли дела в святая святых России, московском Кремле при правлении отнюдь не проникнутых идеями Маркса самодержцев всероссийских.

«Век золотой Екатерины». Екатерина Великая, в начале своего царствования отдавшая приказ «охранять и содержать в исправности кремлевские покои», со временем увлеклась мыслью создать новый, грандиозный кремлевский дворец. Архитектор Баженов подготовил соответствующий проект, однако его воплощению в жизнь помешала Русско-турецкая война с ее огромными расходами. От всей затеи осталась лишь деревянная модель – но при очистке площади под будущий дворец успели-таки снести многие старинные постройки, в том числе каменные

здания приказов эпохи Федора Алексеевича...

Первые годы XIX столетия. А.П. Валуев, тогдашний начальник дворцового управления, поставил себе задачей «очистить Кремль». Был уничтожен ряд зданий, в том числе знаменитые Колымажные ворота, по определению изданной до революции книги о Кремле – «прелестный образец каменной кладки эпохи расцвета национального искусства XVII века» [157].

На Ивановской площади Кремля стояло когда-то несколько церквей, из которых особенно достопримечателен был по древности, по судьбе своей и по значению в истории русского просвещения собор Николы Гостунского. Именно в этом соборе был дьяконом первопечатник Иван Федоров. Построен собор в 1506 г. на месте старой деревянной церкви, именно в нем приносили присягу при восшествии на престол Петр III и Екатерина II. Почитаемый москвичами наряду с другими кремлевскими соборами, храм Николы Гостунского уцелел при нашествии французов... но был уничтожен в 1817 г. В Москву должен был приехать император Александр, сопровождая прибывшего с визитом прусского короля. Чья-то чиновная голова рассудила, что следует снести старинный храм, как «делающий безобразие Кремлю», – и собор, чтобы не возбудить народного ропота, снесли за одну ночь, а на его месте устроили плац-парад...

Царствование Николая I. При постройке Большого Кремлевского дворца снесены старинная церковь Николая Предтечи, царские хоромы XVII века, сооруженный Растрелли дворец Елизаветы. Этот печальный список, не имеющий никакого отношения к большевикам, можно продолжать и продолжать...

Пример из другой оперы. Мы привыкли считать, что теория «белокурой бестии» и «превосходства арийской расы над всеми прочими недочеловеками» создана некими безымянными «нацистскими идеологами». Вновь ошибка, кочующая из книги в книгу. Все это придумал чистокровный британец Х.С. Чемберлен (1855–1927), социолог и культуролог. Сей субъект в конце прошлого века переселился в Германию, принял германское подданство, возлюбил дух Нибелунгов настолько, что все свои труды отныне писал исключительно по-немецки. Именно из-под его блудливого пера и появились «белокурые бестии», «примат арийской расы» и «высшая германская нация». Нацисты лишь творчески развили поганое наследство Чемберлена...

Еще о блудливых перьях. В последние годы отчего-то вдруг объявил себя матерущим антикоммунистом писатель Виктор Астафьев. Да-да, тот самый – Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Ленина, лауреат

совдеповских премий и собутыльник парочки генсеков. Что поделать – года после 1991-го многие разуверились в коммунистической идее, в том числе члены Политбюро ЦК КПСС и генералы КГБ... Но суть не в том. Последнее время Астафьев (прозванный красноярскими ветеранами войны «злобственным старичком») усиленно внедряет в сознание читателя простую, как мычание, идею: во время Великой Отечественной комиссары отсиживались в землянках на безопасном удалении от передовой, а солдаты войск НКВД только тем и занимались, что палили из пулеметов в спину простой пехоте.

Я не питаю любви ни к комиссарам, ни к войскам НКВД. Однако вспомнил поговорку о истине и Платоне – благо Астафьев мне и не друг. И вспомнил еще о муже сестры моей бабушки, офицере КБВ (Корпус Беспеченьства Войскового – аналог СМЕРШа в Войске Польском). Насколько я знал, эти парни стреляли не в спины собственным солдатам, а в лоб всякой нечисти вроде «лесных братьев», бандеровцев и власовцев. Задумался. Полез в первоисточники.

Были, конечно, и заградительные отряды (к слову, впервые в русской истории изобретенные Петром I для Полтавской битвы). Однако основная масса дивизии НКВД не охраняла концлагеря, а шла на немецкие танки бок о бок с армейской пехотой. В сорок первом под Москвой немцев останавливали и войска НКВД – однако впоследствии они как-то выпали из военной истории, их подвиг забылся, а ветераны стыдились даже упоминать, где служили. Виной всему, конечно, порнографическое шоу под названием «XX съезд КПСС» (к подробному рассмотрению коего я обращаюсь в одной из последующих глав).

Вернемся к комиссарам. Свидетельствует писатель Иван Стаднюк, повоевавший даже малость поболее Астафьева – с первого дня войны. «Из училища нас выпустили в конце мая 1941 года полторы тысячи человек (три батальона политработников). А после войны по картотеке партучета Политуправления сухопутных войск я выяснил, что из них уцелело всего лишь около двух десятков...» [183].

А ведь училище, которое окончил Стаднюк, было отнюдь не единственным... Двадцать уцелевших из полутора тысяч – как вам процент потерь? Не похоже на «блиндажи в глубоком тылу»...

Можно быть антикоммунистом, коли это модно и безопасно. Когда это модно и безопасно. Вот только не надо гадить на солдатские могилы. Это святое. Даже душегуб Малюта Скуратов, заклеянный всеми мыслимыми эпитетами еще при жизни, заслуживает свечки, поставленной в церкви за его душу, потому что погиб честной солдатской смертью, командуя

русскими войсками при осаде литовской крепости Пайда в Ливонской войне.

Солдатские могилы... С чьей-то легкой руки внедрился и не собирается умирать один из самых живучих мифов, сопровождающих Вторую мировую войну, – миф о том, что в сентябре 1939 года Польша под натиском гитлеровцев хрупнула, как гнилой орех. Что никакой войны, там, собственно, и не было – если не считать дурацких атак на немецкие танки в конном строю.

Однако факты – вещь упрямая. Не было никаких «конных атак на танки». Давным-давно доказано, что это геббельсовская кинофальшивка, исполненная к тому же крайне примитивно, – на мнимых уланах собранные с бору по сосенке мундиры, вовсе не имевшие отношения к кавалерии...

1 сентября 1939 г. возле деревни Кроянты 18-й уланский полк польской кавалерии под командованием полковника Маштелажа пошел в атаку не на танки, а на 20-ю дивизию немецкой мотопехоты, чье продвижение остановил и какое-то время успешно сдерживал. Другие кавалерийские атаки проходили опять-таки не против танков, вдобавок по всем правилам войны – при поддержке бронетехники и артиллерии. Кроме того, следует помнить: слова «атака польской кавалерии» еще не обязательно означают несущуюся в чистом поле кавалерийскую лаву. В составе знаменитой Десятой кавалерийской бригады кроме 10-го конно-стрелкового и 24-го уланского полков были еще подразделения танков, бронеавтомобилей, противотанковая и зенитная артиллерии, саперные батальоны и даже эскадрилья штурмовиков огневой поддержки. Однако при описании боевых действий сплошь и рядом упоминалась просто «десятая кавалерийская бригада», что само по себе могло порождать недоразумения...

Вернемся к определению польских конных атак как «дурацких». Точнее, к описанию *другой* кавалерийской атаки на пушки и пулеметы. Речь идет об одной из операций Кубанской казачьей дивизии.

«Лето 1916 года. Бои на Стоходе. От командира пехотной бригады телефонный звонок к начальнику казачьей дивизии: «Не поможете ли своими казаками поднять наши цепи? Наша атака захлебнулась».

Кубанцы – две сотни, и с ними пулеметы на вьюках. Серые черкески, за спинами алые башлыки, черные бараньи шапки с красными тумакми, алые бешметы и погоны – ничего «защитного». Развернулись широкою лавою, целый полк прикрыли. Впереди на нарядном сером коне командир сотни, еще дальше впереди на гнедом коне командир дивизиона. Как на смотру – чисто равнение. Легко по луговой мокрой траве спорою рысью

идут горские кони, не колышутся в седлах казаки. Им навстречу немецкие батареи открыли ураганный огонь, застрочили кровавую строчку пулеметы, котлом кипит огонь винтовок – чистый ад с Любашевского берега. По брюхо в воде бредут кони через главное русло, стих огонь немцев, в их рядах замешательство, слишком непонятно-дерзновенна казачья атака.

Наша пехота встала и с громовым «ура» бросилась за казаками в воду. Стоходненский плацдарм был занят» [2].

Любопытно, отчего же конная атака на пушки и пулеметы в 1916 году по праву именуется отважной, а подобная ей (вполне возможно, и в самом деле имевшая где-то место в сентябре 1939-го) объявляется смешной, нелепой и дурацкой? С этой точки зрения глупцом предстает и солдат, бросающийся с гранатой на танк, поскольку силы представляются очень уж неравными...

Солдат, защищающий свою землю, не может быть ни смешным, ни нелепым.

Еще о «гнилом орехе». У нас как-то не принято было прежде упоминать маршала Юзефа Пилсудского без приставки «фашистский диктатор». Меж тем этот яркий и неординарный политик если и был диктатором, то в первую очередь – национальным. После переворота 1926 года (к тому времени в парламенте и вокруг увлеченно баловались политикой аж двести партий, а президент страны был убит правым экстремистом) Пилсудский среди прочего наладил и производство современного вооружения. Польские танки 7-ТР как минимум не уступали немецким, а военная авиация была представлена самолетами всех видов собственной разработки и постройки: двухмоторные бомбардировщики ЛВС-6 «Зубр» и ПЗЛ-37Б «Лось», штурмовики ПЗЛ-23А «Карась» и ПЗЛ-46 «Сом», истребитель ПЗЛ-Р-50 «Ястреб». Другое дело, что техники порой катастрофически не хватало...

И все же... Достаточно полистать любую популярную книжку о Второй мировой войне, сверить даты и сроки, чтобы убедиться: Польша продержалась *дольше* любой европейской страны, подвергшейся гитлеровскому вторжению, – и это при том, что на некоторых участках немцы имели пятнадцатикратное превосходство в бронетехнике. К Варшаве немцы вышли 15-го сентября, через две недели боев. Иными словами, чтобы преодолеть двести пятьдесят километров, отделявших польскую столицу от германской границы, вермахту потребовалось две недели (и еще примерно столько же длились последние бои). Вы, случайно, не помните, на каких рубежах находились германские войска числа восьмого июля 1941-го? При том, что Красная Армия была, скажем так,

немножко побольше польской?

Между прочим, сражение на реке Бзуре, где поляки нанесли мощный контрудар, было во всех деталях описана немецкой «Фелькишер беобахтер» – причем геббельсовские журналисты, отнюдь не склонные расточать похвалы славянским недочеловекам, все же сквозь зубы признали за поляками и воинское мастерство, и героизм.

Можно еще упомянуть и о героической обороне Вестерплатте – когда горсточка солдат и курсантов неделю держалась против немецких десантников, поддержанных с моря орудиями главного калибра крейсера «Шлезвиг-Гольштейн». О героическом рейде подводной лодки «Орел», прорвавшейся из Балтики в Великобританию. О дивизионе майора Генрика Добжаньского, который до весны 1940 года партизанил в лесах в качестве кавалерийской части – и лишь впоследствии расстался с лошадьми, уходя из облавы. Рассказать можно о многом, но это потребовало бы отдельной книги...

Чтобы понять, откуда взялась сказочка о «гнилом орехе» и дебилах-конниках, несущихся с шашками наголо на танки, следует вспомнить об одном немаловажном факторе: 17-го сентября 1939-го на территорию Польши вторглась и Красная Армия – по подсчетам историков, 30 пехотных, 20 кавалерийских дивизий и 12 моторизованных бригад. Против этой армады на восточных границах стояли лишь пограничные части и несколько маршевых батальонов с легким стрелковым вооружением. Через пару недель состоялся советско-германский военный парад, а весной 1940-го гестапо и НКВД начали совместные операции против польского подполья в Кракове...

Сказка о «гнилом орехе» была выгодна всем. Немцам – как лишнее доказательство неполноценности славян. Советские военные наконец-то рассчитались за позорно битого в двадцатом «великого полководца» Тухачевского. (Кстати, я не могу отделаться от впечатления, что разбитый Пилсудским Тухачевский тихонько повредился в уме на почве Польши. Сохранилась подробная стенограмма совещания высшего командования РККА 1935 года, где Тухачевский, словно шаманское заклинание, повторяет с пеной у рта: «Все зло от Польши, если кто-то на нас и нападет, то это, несомненно, будет Польша...»^[2])

И, наконец, каким бы диким это ни показалось иным нашим либералам, легенда о «гнилом орехе» оказалась полезна той самой «западной демократии», в которой деятели розлива Новодворской все еще видят некий рай...

Увы, все так и обстояло. Проинформировав своих союзников Англию и

Францию о вооруженном вторжении Советов, польский министр иностранных дел Бек заявил, что ожидает от них «занятия решительной позиции в отношении советского правительства» [226]. Вам интересно знать, как отреагировали страны, имевшие с Польшей договор о совместной обороне?

Франция промолчала *вообще*. Британское правительство в сообщении от 18 сентября заявило, что, вообще-то, нападение на Польшу «не может быть оправдано выдвигаемыми Москвой аргументами», однако поторопилось уточнить: «...полное значение этих событий нам еще не вполне ясно, но НИЧЕГО ИЗ ТОГО, ЧТО ПРОИЗОШЛО, не может повлиять на отношение Великобритании к России и войне».

Ларчик открывался просто. Черчилль, в то время первый лорд Адмиралтейства (военно-морской министр) и Галифакс^[3] были одержимы одной-единственной конкретной задачей: направить советские войска против Германии, дабы агонизирующая Британия выстояла. В свете такой задачи все призывы польского руководства и напоминания о гарантиях были для британских джентльменов чем-то сродни зудению назойливого комара...

Закончить рассказ о сентябре 1939 года хочется одной тайной, до сих пор остающейся неразгаданной. Согласно воспоминаниям польских старших офицеров, во время боев с советскими войсками захваченные в плен красноармейцы (командир и несколько десятков солдат) выразили желание... совместно с поляками воевать против немцев. На счету был каждый штык, и поляки решили рискнуть. Пленные получили свободу и оружие, влились в состав одной из частей, пытавшихся прорваться из окружения, и, согласно тем же воспоминаниям, «показали себя храбрыми солдатами и хорошими товарищами».

Дальнейшая судьба наших земляков, вступивших в войну с Гитлером за два года до его нападения на СССР, покрыта мраком неизвестности. Согласно тому же польскому источнику, в конце сентября красноармейцы вместе с поляками оказались в немецком плену. После чего их следы теряются. Быть может, имело бы смысл покопаться в архивах НКВД – но кто же нас туда пустит...

Еще о «демократическом Западе, рае земном». В сочетании с «еврейским вопросом». Особо нервных просят не беспокоиться – речь идет не о России. По моему глубочайшему убеждению, так называемый еврейский вопрос в России прекратил свое существование одновременно с уходом в небытие невежественного и горластого племени, именовавшегося «советской интеллигенцией». Равно как и с возникновением нормальных

(ну, почти что нормальных) рыночных отношений.

История вопроса проста, как мычание. Все баталии и сшибки, вся вялотекущая борьба «патриотов» с «сионистами» были вызваны примитивнейшим фактором: теснотой жизненного пространства (поскольку «борцы» из обоих лагерей практически все наперечет принадлежали к интеллигенции, жизненное пространство сужалось еще более). Лучший язык для общения – говяжий...

А его-то как раз и не было. Вернее, имелся, но в мизерных количествах. Меж тем любой, кто хоть однажды давился в очереди за дефицитом, знает: пробиваться к прилавку тесной сплоченной группой не в пример легче. Вот и формировались ударные отряды «борцов с жидомасонством» и «борцов с черносотенством». Слишком многих записных борцов с той и с другой стороны я знал лично, чтобы ошибаться в суждениях...

Потом объявили капитализм. Капитализм был хиленький, сюрреалистический и нелепый, но кое-какие возможности появились, они есть до сих пор. Те, кто мог заработать, ушли на заработки (я имею в виду активистов обоих, конечно же, лагерей). Те, кто заработать не мог ни при каких властях и укладах, либо эмигрировали (и на американском вэлфере, и в израильском кибуце прожить, в принципе, можно, даже не особенно напрягаясь) либо стали политиками. Окопы заросли бурьяном и осыпались. Правда, до сих пор ходят слухи, по обветшавшим ходам сообщения и полузатопленным блиндажам шатаются печальными призраками особо стойкие мушкетеры и гвардейцы кардинала... Болтают, что редакция журнала «Наш современник» отправила поисковую группу в Курск для отыскания жидомасонских корней Руцкого. Болтают, будто детский писатель Кир Булычев отправил послание в Кремль, где требовал, чтобы в целях борьбы с антисемитизмом французский беллетрист Андре Жид отныне писался повсюду «Андре Еврей». Но, как выражались братья Стругацкие, мало ли что болтают про страну варваров...

Речь пойдет не о нашем многострадальном отечестве, а об Америке – по мнению убогоньких, светоче демократии. О ее позиции во времена Холокоста – массового уничтожения нацистами евреев. К превеликому нашему удивлению, можно обнаружить нечто, категорически опровергающее детски наивные суждения наших либералов...

Слово израильскому журналисту Авигдору Эскину: «...в годы Катастрофы великая Америка отказывалась принять еврейских беженцев. Государственный департамент США оказался глух к просьбам принять в разгар войны восемь тысяч еврейских сирот из Европы. Помнится и

решение американского правительства в 1939 году отправить обратно в Германию корабль с еврейскими беженцами на борту. Президент Рузвельт сказал тогда, что квота на иммиграцию уже исчерпана»^[4].

Речь идет о корабле «Сент-Луис», на борту которого было девятьсот еврейских беженцев. После того как их отказались принять и США, и Куба, двести человек удалось пристроить в Англии, а остальных высадили во Франции, Бельгии и Голландии. С приходом немцев большинство из них погибло в газовых камерах.

К вопросу о «безоговорочной поддержке Соединенными Штатами Израиля». Продолжаю цитировать Эскина:

«Когда арабы грозили в 1948 году повторить эксперимент Гитлера, американцы наложили эмбарго на поставку оружия в тогдашнюю Палестину. Не стоит забывать и открыто враждебную позицию США по отношению к нам во время Синайской кампании 1956 года».

Добавлю от себя: оружие в 1948 году в Палестину поставила Чехословакия (разумеется, после разрешения из Москвы), а позиция США в отношении Израиля в 1956 г. была настолько жесткой, что в Средиземном море крейсировали американские военные корабли с атомным оружием на борту...

«...с конца шестидесятых годов в Вашингтоне поняли, что Израиль может служить незаменимым препятствием советской экспансии на Ближнем Востоке. Именно тогда началась массированная помощь США. Только тогда подняла Америка свой голос за право советских евреев на репатриацию. Это произошло не благодаря моральным принципам власти имущих в Вашингтоне. Наше сближение с Америкой нельзя также приписать доказавшему недавно свою немоту еврейскому лобби. Политические интересы склонили Никсона, Форда и их преемников протянуть Израилю руку помощи. А поскольку политическая фортуна изменчива, то настало время отторжения и расставания».

К вопросу об американской помощи Израилю:

«...утрата американской помощи ошибочно кажется катастрофической для Израиля. Не стоит только забывать, что она, эта помощь, никогда не превышала десяти процентов нашего государственного бюджета, и что уже сегодня американцы оказывают арабскому миру большую помощь, чем нам... Вместе с ежегодными тремя миллиардами долларов американцы принесли нам свою массовую культуру с ее безвкусицей и развратом. Американский образ жизни, проникший в дома многих израильтян, был проводником материализма и бездуховности. Экономическая помощь была всегда сладкой пилулей, но только помогала правительству Израиля

откладывать подлинное решение проблем, началом которого должно стать расформирование социалистических государственных и профсоюзных структур».

Не правда ли, все вышеприведенное полностью противоречит иным устоявшимся штампам? Причем мне почему-то кажется, что материалы, подобные статье Эскина, будут вызывать обиженный визг как раз тех, кто именует себя «демократами». Бывали, знаете ли, прецеденты...

Уверен, многие и представления не имеют, что в годы Второй мировой войны, вплоть до изгнания вермахта из Франции, в Пиренеях действовал устроенный по личному указанию Франко так называемый красный коридор – переход, по которому в Испанию уходили из оккупированной нацистами Европы евреи.

Мелькнувшее выше слово «социализм» позволяет ненавязчиво перекинуть мостик к очередному историческому примеру, связанному с Лениным. Многие, наверное, еще помнят, сколько шума в свое время было поднято вокруг «завещания Ленина», скрытого злодеем Сталиным от партии и народа. Был даже толстенный роман (забыл название, что-то насчет Арбата), где на этом построена вся нехитрая интрига.

Недавно мне удалось откопать любопытнейший материал, по моему глубокому убеждению способный раз и навсегда покончить с возней вокруг «завещания». Прошу прощения за обильное цитирование, но я обязан придать своей книге наукообразность. Да и читателю, смею думать, будет интересно. Итак...

«В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого завещания и т.д.), это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали

возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом и нарушенном «завещании» представляют собою злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

Нет, дорогой читатель, это не Сталин. Цитировался отрывок из статьи Л.Д. Троцкого «По поводу книги Истмена “После смерти Ленина”», напечатанной в № 16 журнала «Большевик» от 1 сентября 1925 года. Правда, через несколько лет, оказавшись в принудительной турпоездке за границей, Троцкий начал писать нечто совершенно противоположное, но это уже другая история...

Курьезы и анекдоты

Опасаясь, что читатель может немного заскучать после столь длинных и сухих цитат, спешу его немножечко развеселить.

Известно ли вам, как было раскрыто имя первого польского книгопечатника? В начале нашего века польские историки потратили массу времени и сил, копаясь в сохранившихся архивах и летописях XV столетия. Было достоверно известно, что польский первопечатник – не поляк, а немец, приехавший из какого-то германского государства (которых тогда насчитывалось, крохотулек, несметное количество). Было известно, что работал он в Кракове, тогдашней польской столице. Были известны годы, когда это происходило. Не хватало одного – имени. Сохранившиеся книги не были снабжены, как сказали бы мы теперь, «выходными данными».

Нашли неожиданно. И оказалось, что просто-напросто искали не там... В покрытых вековой пылью бумагах Краковского суда обнаружилось относящееся к 1476 году дело, довольно обычное как для того времени, так и для нашего века. Некая Марта из Черной Веси слезно била челом господам королевским судьям, жалуясь на некоего ветреного молодца, каковой ее обольстил, но после рождения дитяти категорически отказался не то что жениться, но дать хотя бы грошик на содержание крошки. И звался этот повеса – «печатник книг Каспар из Баварии»!

Все совпадало. Правда, дальнейшие изыскания так и не определили фамилию означенного Каспара – более-менее точно удалось установить: либо Гофедер, либо Штраубе. Но главное, имя удалось извлечь из небытия...

Мне до сих пор любопытно: как выпутался повеса Каспар из этой истории? Увы, подробностей отыскать пока не удалось...

О политике. Недавно российский журнал «Махаон» привел любопытные факты некоего полумистического совпадения фамилий нынешних «демократов» с фамилиями из списка лиц, «кои с 1910 года разыскивались Департаментом полиции как проводившие подрывную работу против Российской империи»: несколько Заславских, Иосиф Собчак, Лихачев, К.Ф. Старовойтов, несколько Станкевичей, Д.Р. Басилашвили, два Лаврова, А.Б. Гамсахурдия, А.Н. Калугин, И.Г. Ландсберг. А также – матрос с «Авроры» Курков...

Самостоятельно дополняя этот список однофамильцев, я наткнулся на Александра Политковского, крупного сановника, во времена Николая I

ведавшего инвалидными капиталами. (В те времена инвалидами именовались в первую очередь не увечные, а отставные военнослужащие). Капиталы, которые должны были идти на пенсии и иные выплаты инвалидам, означенный Политковский разворовывал годами в поразительных масштабах. А казначеем в этом же богоугодном заведении состоял... И.Ф. Рыбкин!

В конце концов хищения вскрылись, император разгневался и назначил строжайшее следствие. Политковский как нельзя более кстати принял яд и преставился (а может, помогли, в точности как в анекдоте про безвременно усопшую тещу и мухоморы). Зато на Рыбкине власть предержащие отыгрались сполна – его погнали на каторгу, в Сибирь, после чего из российской писаной истории он исчез навсегда.

Погрузившись в «век золотой Екатерины», неожиданно-негаданно удалось обнаружить еще одного Гавриила Попова, одержимого столь же непреодолимой тягой к изящной словесности...

В 1792 году Тайная экспедиция (думаю, нет нужды подробно объяснять, что это было за жутковатое учреждение) сграбастала под арест купца Гавриила Попова за его сочинение, в котором он под псевдонимом «Ливитов» писал о равенстве всех людей независимо от сословия, осуждал порабощение человека человеком, то есть крепостное право, выступал против торговли людьми, предупреждал «вельмож» о возможности восстания «ожесточившихся земледельцев». Купца, чтобы впредь не умничал и не писал лишнего, сослали в Спасо-Евфимьевский монастырь, что по меркам того жестокого времени было форменным актом гуманности.

Зато со студентом Невзоровым, примерно в то же самое время оказавшимся в лапах той же милой конторы, церемонились меньше: когда гонористый студент заявил было, что на вопросы отвечать не будет, ему пригрозили, что начнут охаживать поленом по хребту...

О «гнилой интеллигенции». Отчего-то этот термин принято считать выдумкой то ли Ленина, то ли Сталина, в общем, большевистским хамством. Однако все обстояло несколько иначе. В 1881 году, после убийства народовольцами Александра II, изрядное количество прекраснодушных русских либералов (издавна страдавших вывихами интеллекта) начало шумную кампанию, призывая нового императора простить и помиловать убийц его отца. Логика была проста, как мычание: узнав, что государь их помиловал, кровавые террористы умилятся, раскаются и в мгновение ока станут мирными ягнятами, занявшись каким-нибудь полезным делом. Свою лепту в эту шизофрению внес и Лев Толстой, всю жизнь критиковавший российских императоров из своего

комфортного поместья.

Сегодня, обогащенные историческим опытом, мы с полной уверенностью можем сказать, что рассчитывать на превращение террористов вроде Степняка-Кравчинского или Веры Засулич в полезных членов общества было по меньшей мере наивно. Впрочем, Александр III уже тогда понимал, что лучший метод убеждения народовольческой сволочи^[5] – петля или в крайнем случае солидный тюремный срок (что блестяще подтвердилось на примере Н.А. Морозова, после двадцатипятилетней отсидки и в самом деле ставшего полезным членом общества, крупным ученым). Именно он, однажды в сердцах отшвырнув стопу либеральных газет, воскликнул: «Гнилая интеллигенция!» Источник надежный – одна из фрейлин императорского двора, дочь поэта Федора Тютчева.

О гримасах юстиции. Бессилие юстиции с ее «сто сорок четвертым последним предупреждением» – изобретение не нашего времени. В Польше, в буйном XVII веке, суд двадцать восемь раз приговаривал к «баниции», то есть изгнанию за пределы королевства, легендарного пана Ляша, ставшего чуть ли не синонимом шляхетского буйства. Хотите знать, как реагировал этот обормот? Подшил означенными двадцатью восемью приговорами свою бекешу и нагло разгуливал по столице, вслух сетуя, что на подкладке есть еще свободное место, да вот беда, приговоров не хватает... Полиции тогда в стране практически не существовало, и заставить шляхтича подчиниться приговору суда было делом безнадежным. Это и называлось «вольностями дворянскими». Справедливости ради следует отметить, что Ляш выглядел ангелом кротости по сравнению с паном Потоцким, жившим столетие спустя, – сей магнат, когда суд вынес ему приговор «за бесчинства», ворвался в зал, где творилось правосудие, во главе своей вольницы, велел гайдукам положить судей на пергамент с только что записанным приговором, спустить штаны и высечь. И положили. И высекли. Прямо на приговоре.

Тот же пан Потоцкий обожал игру в «ку-ку», заключающуюся в том, что деревенских баб загоняли на деревья и велели со всем прилежанием кричать «ку-ку!», а Потоцкий и его гости палили по бедолажным «кукушкам» мелкой дробью, норовя попасть пониже спины.

Впрочем, как выражались те же Стругацкие, – не воротите нос, ваши собственные предки были не лучше... по крайней мере, у Потоцкого стреляли мелкой дробью. Зато в домашнем тире российского помещика Струйского господина развлекались тем, что заставляли крепостных мужиков бегать на ограниченном пространстве и стреляли по ним из ружей и

пистолетов пулями. Убивая насмерть.

Струйский считается яркой достопримечательностью екатерининского времени. У себя в имении он оборудовал типографию, где издавал в роскошнейшем оформлении собственные бездарные стихи, – Екатерина любила демонстрировать эти книги европейским гостям, словно бы мимоходом упоминая, что эти роскошные фолианты изданы в глухой провинции, что, легко догадаться, символизирует просвещенность ее царствования.

О домашнем тире Струйского, понятно, в обществе вслух не говорилось. Как и о его жуткой коллекции орудий пыток, старательно скопированных со средневековых образцов. Была у поэта-типографщика еще одна страстишка... Иногда он устраивал над кем-нибудь из своих крестьян суд по всей форме, а приговор был всегда одинаков: «запытать до смерти». За беднягу тут же принимались палачи, обученные обращению с «коллекцией», и останавливались, лишь когда жертва испускала дух.

Доклад императору Александру I о положении дел с крепостными крестьянами, откуда взяты вышеприведенные факты, до сих пор не издан полностью – даже в наши беспредельные времена следует беречь нервы читателя...

Насколько же невинно по сравнению с этим выглядит одна из статей договора меж Русью и Византией, заключенного в X веке после очередной войны! Византийцы, с одной стороны, соглашались беспрепятственно допускать в Константинополь русских, с другой же потребовали занести на пергамент торжественное обещание русских «впредь не разбойничать на улицах Константинополя и в его окрестностях». Для такого уточнения должны были быть веские причины, основанные, надо полагать, на многочисленных печальных прецедентах...

Кстати, о грабежах...

Сейчас, когда вновь поднялся страшный шум вокруг «проблемы реституции перемещенных культурных ценностей» (означающей, что Россия должна передать Германии свои законные трофеи в обмен на ядерный шиш с германской стороны), поневоле вспоминается анекдотическая, но невымышленная история, связанная с «церковными воротами». В Новгороде, в соборе Святой Софии, до сих пор радуют глаз старинные литые двери, изготовленные в Западной Европе, в веке, кажется, десятом. История их весьма примечательна – на фоне воплей о реституции...

Однажды древние новгородцы собрались в Швецию по совершенно житейским делам – нужно было немного пограбить шведскую столицу

Сигтуну. Такие уж тогда были обычаи: когда обитатели какой-нибудь страны замечали, что немного поиздержались, они со спокойной совестью отправлялись грабить ближних или дальних соседей. Сами ограбленные, подсчитав синяки и убытки, долго не горевали, в свою очередь начиная поглядывать по сторонам в поисках слабого соседа, к которому стоило бы навеститься в гости. Словом, такое поведение считалось вполне светским, я бы сказал, комифотным. Стало уже хрестоматийным упоминание о некоем французском бароне, который построил замок близ Парижа и нахально грабил королевские обозы. Бывали случаи и похлеще: скажем, в августе 1248 г. два немецких рыцаря, Пильгерин и Вейнольт, заявили в гости к своему знакомому рыцарю и поэту Ульриху фон Лихтенштейну, однако вместо дружеского застолья разграбили драгоценности хозяйки дома, а самого Ульриха уволокли с собой и больше года держали в подвале, пока не получили выкуп...

Вернемся к новгородцам. Итак, они прихватили побольше пустых мешков, сели на крутобокие ладьи и поплыли в Швецию. Но где-то на полпути встретились с ладьями эстов (предков древних эстонцев), каковые не без самодовольства сообщили, что новгородцы старались зря и могут поворачивать оглобли – ибо они, эсты, как раз и плывут из Сигтуны, где грабить уже совершенно нечего, и вообще Сигтуна, откровенно говоря, давно уже догорает...

Новгородцы, как любой на их месте, презрительно оскорбились – готовились, предвкушали, ладьи конопатили, топоры точили, мешки запасали! – и, недолго думая, предложили эстам поделить награбленным.

Теперь уже оскорбились эсты, усмотрев в столь наглom требовании извечную тягу русских к халяве. И заявили нечто вроде: в конце-то концов, все добро они честно награбили, трудясь в поте лица. Разграбить и сжечь шведскую столицу – это вам не на гуслях тренькать у себя в Новгороде, былины про Садко распевая! Если хотите разбогатеть – плывите дальше и сами кого-нибудь ограбьте, как приличным людям и полагается! Мигранты, мать вашу...

«Ах так, чужь белоглазая?! – взревели новгородцы некормленными ведмедями. – Ну, тогда все отымем!»

Неизвестно, насколько этот диалог соответствовал истине, зато достоверно известно другое: последовало морское сражение, в результате которого эстов чувствительно потрепали и отобрали у них кучу добра, в том числе и вышеупомянутые врата, которые торжественно установили в Новгороде (в конце-то концов, утешали свою совесть, должно быть, новгородцы, эсты все равно язычники, и церковные двери им ни к чему).

По логике отечественных либералов данные двери, надо полагать, следует вернуть Швеции. Реституировать, извините за выражение. Однако есть небольшая загвоздка. Врата эти шведы самым беззастенчивым образом сперли в германских землях, когда подожгли и ограбили то ли Аахен, то ли Бремен. Так кому же прикажете возвращать произведение искусства – Германии, Швеции или Эстонии? Пожалуй, гораздо проще будет оставить все как есть. Занеся «реституцию» в разряд неприличных слов. А нынешние немцы, требующие вернуть им «награбленное», право же, чрезвычайно напоминают итальянцев, которые в свое время зело сокрушались и ругали наполеоновских грабителей, безжалостно уволокших во Францию четверку бронзовых коней, столетиями украшавших венецианскую площадь святого Марка. При этом итальянцы как-то упускали немаловажную деталь: кони эти некогда украшали Константинополь, откуда их и сперли итальянские рыцари, принимавшие участие в разграблении города в 1206 г....

Нечто подобное произошло четыре столетия спустя опять-таки на Балтике, когда шла затяжная морская война меж Ганзейским союзом и его противниками. Известный капер Пауль Бенеке, перехватывавший все корабли, идущие в стороны Англии, захватил два парусника нейтральной Бургундии, не принимавшей участия в сваре. На борту одного из них обнаружился расписной алтарь работы известнейшего мастера того времени Ханса Мемлинга.

Городской совет Гданьска, принадлежавшего тогда ганзейским немцам, принял решение установить алтарь в одной из церквей. Протестовал герцог Бургундский, протестовали флорентийцы, которым и предназначался алтарь. Римский папа Сикст XVI отправил в Гданьск личного посланца, но и он ничего не добился.

Давно исчезла Ганза, Гданьск перешел к полякам. Алтарь работы Ханса Мемлинга до сих пор находится в Марицком костеле, никто за давностью лет и не думает его возвращать.

Так что скользкая это тема – реституция...

Случай и случайности

В некоторых последующих главах этой книги будет уделено немало внимания роли случая в истории. Случая, способного направить историю по иному, новому пути, ничуть не похожему на тот, что мы привыкли считать единственно возможным.

С одной стороны, занятие это сугубо неблагоприятное – поскольку ничего нельзя проверить точно, любые умозаключения останутся красивой игрой ума. С другой же – стоит попытаться создать конструкцию, которая все же окажется *близка* к правде. Тем более, что роль случая в истории – тема крайне увлекательная.

А потому, как водится, умы привлекает давно. Еще и оттого, что настрадались вдоволь под гнетом дубоватой «марксистско-ленинской» историографии, сводящей все, когда-либо на этом свете происходившее, к борьбе «классов и производительных сил». Хватит, накушались досыта...

Правда, не стоит выплескивать с водой и ребенка. Классы и производительные силы, их борьба и столкновение интересов выдуманы отнюдь не большевиками. Крайности тут возможны с любой стороны: скажем, Станислав Лем с присущей ему гениальностью довел отрицание марксистских догм до абсурда – в своем двухтомном труде «Философия случая» он провозгласил, что Его Величество Случай лежит в основе всего и вся. По Лему, и искусства, и человеческое общество, и сама эволюция – продукт слепого случая. «Случай – поворотный фактор всякого эволюционного процесса, уклад, возникший в результате данного процесса, создает собственные системные законы, не имеющие ничего общего с первоначальным поворотным фактором»^[6].

Правда, спустя несколько лет Лем самокритично признал, что был не вполне прав. Что ж, истина, как ей и полагается, лежит всегда посередине. Есть у нее этакая милая привычка – всегда лежать посередине...

Скажем, распространение протестантского учения в Германии было следствием не «чаяний народных масс», а вполне меркантильных желаний тамошних баронов и герцогов, сделавших из проповедей Лютера простой и недвусмысленный вывод: появилась теоретическая база, которая позволяет как бы и на законном основании отобрать у католической церкви все движимое и недвижимое имущество. И отбирать бросились со всем усердием.

Правда, тут же обозначает свое присутствие насмешник-случай. Во

многих странах господа дворяне облизывались на церковное имущество. Но не во всех хватило духу претворить мечты в жизнь. И остается открытым вопрос: случайностью или закономерностью было поражение католицизма в Англии? Будь король английский Генрих VIII не столь любвеобилен, не разобидься он на папу римского за отказ освятить очередной королевский брак... Простор для версий открывается необозримый.

И поневоле заставляющий вернуться к старому спору о роли личности в истории. Александр Дюма трактовал этот вопрос с исконно галльской легкостью: «Европа едва не погрузилась в огонь и кровь оттого, что герцог Икс принял маршала Игрека, сидя на сломанном стуле...»

Насчет стула – явный перебор. Стул здесь выполняет роль той самой коробки из романа Азимова «Конец вечности». Помните? Достаточно путешественнику во времени переставить коробку не на ту полку, чтобы никогда не появились в данной реальности сверхбыстрые космические корабли...

И, конечно, классическая бабочка Рэя Брэдбери, о которой помнит всякий любитель фантастики...

Пожалуй, это тоже – доведение до абсурда. Можно было убить Гитлера, можно было убить десяток Гитлеров, но вряд ли это остановило бы грохот подкованных сапог по германской брусчатке. Чересчур сильно была унижена Германия после Первой мировой войны, чересчур ограблена, слишком много горючего материала накопилось, чтобы надеяться на мирный исход. Хаос рождает чудовищ – и чудовище пришло...

И наоборот. Порой одна-единственная сильная личность способна справиться с хаосом (конечно, если дело не зашло слишком далеко). Классическим экспериментом на тему «роли личности в истории» можно считать шведские события второй половины XVIII века, точнее – переворот, совершенный молодым королем Густавом III Адольфом.

Сейчас об этом помнят плохо, но в те времена Швеция представляла собой практически полный аналог Польши. Точно так же, как в Польше, разгул «вольностей дворянских» достиг немыслимых пределов. Страна стояла на пороге беззастенчивого раздела – в риксдаге, шведском парламенте, совершенно открыто действовали «прусская», «датская» и «русская» партии, за солидное денежное вознаграждение от соответствующих держав интриговавшие в их пользу. У короля была одна-единственная привилегия: второй, дополнительный голос в парламенте. И только. И все. Крах стоял на пороге.

В это время вспыхнули крестьянские восстания, и риксдаг (полностью

выражавший интересы дворянства, и только дворянства) перед лицом несомненной угрозы сделал опрометчивый шаг: доверил молодому королю командование армией (каковой привилегии после смерти Карла XII^[7] шведские монархи были лишены)...

Господа дворяне и подозревать не могли, что данные крестьянские восстания подготовлены агентами короля на его же деньги. Ради незатейливой цели: получить в свое распоряжение вооруженную силу. Когда спохватились, было уже поздно: молодой Густав сумел завоевать расположение армии, и в одно прекрасное утро здание парламента окружила гвардия с пушками, нехорошо посверкивали граненые багинеты, дымились фитили, а третье сословие, моментально смекнувшее, что к чему, шумно выражало одобрение столь радикальным реформам.

Реформы, в самом деле, последовали радикальные. Дворянству основательно прищемили хвост и навели в стране порядок. Планы по разделу Швеции так и остались нереализованными и потраченные на это денежки – рубли, кроны и талеры – пропали зря. Королю Густаву так и не простили столь крутых реформ – в 1792 г. граф Анкерстром выстрелил в него на дворцовом балу, нанеся смертельную рану, но возврата к прежним вольностям шведское дворянство так и не дождалось, процесс оказался необратимым. Ну, а окажись на месте Густава более вялая и нерешительная личность? Швеция могла исчезнуть с географической карты, как в том же XVIII в. исчезла Польша, где сильного человека не нашлось...

Разумеется, в умозрительных гипотезах на тему «параллельной истории» следует придерживаться строгой логики, а не произвольных фантазий. Любители творчества английского юмориста Джером Джерома должны помнить те строчки из «Троих в одной лодке», где Джером (гораздо раньше многих фантастов) пытается создать «альтернативную историю».

Герои попадают в городок, где некогда под нажимом баронов король Иоанн (тот самый незадачливый «принц Джон» из романа «Айвенго») подписал Великую хартию вольностей. И один из них, фантазер и мечтатель, невольно начинает размышлять: а возможен ли был *другой* исход?

«...он бросает быстрый взгляд на своих французских наемников, выстроенных сзади, и на угрюмое войско баронов, окружившее его.

Может быть, еще не поздно? Один сильный, неожиданный удар по рядом стоящему всаднику, один призыв к его французским войскам, отчаянный натиск на готовые к отпору ряды впереди – и эти мятежные бароны еще пожалеют о том дне, когда они посмели расстроить его планы! Более смелая рука могла бы изменить ход игры даже в таком положении.

Будь на его месте Ричард, чаша свободы, чего доброго, была бы выбита из рук Англии, и она еще сотню лет не узнала бы, какова эта свобода на вкус!»

Ситуация смоделирована великолепно – и наверняка послужила образцом для многих писателей, интересовавшихся альтернативной историей. Здесь допущен, увы, один-единственный логический изъян...

Король Ричард Львиное Сердце просто-напросто *не смог* бы оказаться на месте жалкого и ничтожного Иоанна, навсегда припечатанного в английской истории кличкой Безземельный. Слабый, нерешительный, чуть ли не самый ничтожный среди британских королей, Иоанн как раз и позволил загнать себя в столь унижительную ловушку. Но не Ричард. Человек, который однажды после взятия одной из сарацинских крепостей приказал распороть животы нескольким сотням пленников^[8], чтобы проверить, не проглотили ли они драгоценности, развесил бы баронов по деревьям и воротам при первом же намеке на непокорность... Какие, к черту, вольности?!

Иногда случайности проявляют себя в истории столь замысловато и неожиданно, что требуют какого-то иного имени – быть может, следует дополнить Историю неким подразделом, которому лично я не в силах подобрать названия...

Открытие Америки и завоевание Америки – разные вещи. Вполне возможно, завоевание и не последовало бы столь быстро вслед за открытием, не будь в Испании столь многочисленных деклассированных элементов, оставшихся не у дел после окончания многовековой войны с маврами. Вся эта разномастная орда умела лишь воевать, ничего другого не знала и не хотела, а потому как нельзя более кстати оказалась под рукой. Вместо того чтобы тратить массу денег и времени, ликвидируя и рассаживая по королевским тюрьмам буйную вольницу, ее отправили за океан, где она вдребезги разнесла индейские государства и обеспечила поток золота в метрополию. Увязни Кастилия и Леон в Реконкисте еще лет на полсотни – история обеих Америк могла бы стать совершенно другой. Примером тому – Франция, у которой так и не нашлось избыточных людских ресурсов, которые можно было бы перебросить в Америку. А потому своих заокеанских владений французская корона лишилась так жалко и бездарно, как пьяница теряет на улице кошелек...

Наверное, навсегда останется нерешенным вопрос: какую роль в крахе Бориса Годунова, далеко не самого худшего русского царя, сыграли обрушившиеся на Россию природные катаклизмы 1601–1602 года? Вполне возможно, не случись этих стихийных бедствий (к которым мы вернемся в одной из последующих глав), династия Годуновых могла и не прерваться –

а это, в свою очередь, влекло несомненное изменение истории...

Кстати, о климате и природе. Много язвительных слов было написано о «нечистоплотности» западных европейцев, отроду не ведавших такого удовольствия, как русская банька, вообще мывшихся едва ли не раз в жизни. В общем, насмешки эти вполне справедливы – Западная Европа и в самом деле не грешила регулярным мытьем лица и тела. Однако причины тому лежат не в области морали и нравов, а связаны с вполне конкретными природными условиями...

Своим многовековым банным традициям Русь обязана, как легко догадаться, превеликому обилию лесов, сиречь – неограниченному потоку дров. Самое естественное дело на Руси – пойти в лес и невозбранно нарубить дровишек, сколько сможешь унести (были, правда, ограничения на порубку, но уж на баньку-то дрова всегда находились).

В Западной Европе обстояло иначе. Письменные источники Средневековья свидетельствуют, что мылись там столь же часто и охотно, как на Руси – до определенного времени. Примерно к концу XV века, однако, густые некогда европейские леса были чуть ли не сведены под корень, и наступила первая, пожалуй, в писаной европейской истории экологическая катастрофа. Уже тогда пришлось поневоле понять: если уничтожение лесов будет продолжаться теми же темпами, Европа будет напоминать сарацинские пустыни.

Тут-то и берет начало драконовское законодательство, направленное на охрану лесов, – вплоть до того, что у виновного в самовольной порубке вытягивали кишки и прибивали их гвоздем к дереву... Дрова стали нешуточной роскошью. Простой дворянин (не говоря уж о третьем сословии) уже не мог позволить себе такой роскоши, как теплая ванна, ставшей привилегией особо зажиточных аристократов. Угля тогда еще не добывали в значительных количествах.

С тех времен и начинается «грязный» период истории Западной Европы. О регулярном мытье приходится забыть, дрова для кухонь стоят приличных денег, кропотливо подбирается каждая щепочка, как раз в те годы низшие классы вынуждены перейти на еду, не требующую приготовления на огне: солонина, хлеб с луком, всевозможные похлебки-затирухи». Жареное, вареное и печеное превращается в деликатес для благородных. Будь тамошние зимы похолоднее, Западная Европа, без преувеличений, могла вымерзнуть. Конечно, это не «случай», это должно называться как-то иначе, но ситуация не связана ни с политикой, ни с религией, ни с классовой борьбой...

К слову, эта «классовая борьба» иногда претерпевала под пером

правоверных советских историков удивительные метаморфозы. Еще с двадцатых годов нашего грешного века было принято, описывая восстание Уота Тайлера 1380 г., отмечать «участие в крестьянском восстании пролетариата Лондона». К сожалению, в действительности мифический «лондонский пролетариат» (проще говоря, городские ремесленники) был движим не в пример более шкурными интересами. Дело в том, что в Лондоне тогда осело изрядное количество фламандских ремесленников, составивших нешуточную конкуренцию коренным мастерам. И вот, едва только в Лондон заявила мужицкая вольница, городские ремесленники использовали короткий период полного безвластия для решения сугубо внутренних проблем – они быстренько, в хорошем темпе, перебили и перетопили в Темзе ненавистных фламандских конкурентов, после чего весь их бунтарский дух волшебным образом испарился, и они вновь стали лояльнейшими подданными британской короны, в доказательство чего стали отлавливать на улицах оставших от своих отрядов тайлеровских крестьян и с той же сноровкой бить по голове...

Еще о случайностях. Некоторые английские историки вполне серьезно считают, что в занятии английского престола династией Йорков в 1485 году огромную роль сыграла примитивнейшая случайность, связанная с незнанием геральдики...

Как многие, возможно, помнят хотя бы из приключенческих романов, в конце XV столетия в Англии боролись за престол Йорки и Ланкастеры, именуемые еще Алой и Белой розами. И у тех, и у других имелись определенные права на королевскую корону, а потому решить дело можно было одним-единственным способом – войной, поскольку уступить никто не хотел. Сорок лет две ветви королевского дома Плантагенетов заядло истребляли друг друга, а заодно и тех, кто подворачивался под горячую руку...

В пасхальное воскресенье 14 апреля 1471 года войска йоркского короля Эдварда IV неподалеку от Лондона, под Барнетом, стали сближаться с армией графа Варвика, одного из наиболее ярких и талантливых полководцев ланкастерцев. На равнине стоял туман, осторожный Варвик выслал разведку – последующие события недвусмысленно доказывают, что разведчики графа разбирались в геральдике примерно так, как нынешний интеллигент советского разлива – в логике и иностранных языках.

Дело в том, что среди множества геральдических эмблем того времени имелось две, во многом схожих. Так называемое Солнце величия (солнце с изогнутыми лучиками, чье количество колебалось от двенадцати до шестнадцати) и «эстуаль» (звезда с шестью лучами). Человек темный мог и

перепутать...

Они и перепутали. Под знаменем с «солнцем величия» наступал король Эдвард. Под знаменем с «эстуалью» приближался верный союзник Варвика, Де Вер, граф Оксфордский. Именно знамя последнего и приняли за *вражеский* стяг незадачливые разведчики графа Варвика. И доложили соответственно.

Раздумывать было некогда, Варвик скомандовал атаку – и его солдаты со всем усердием врубались в ряды своих же союзников. Какой-то однотипной военной формы тогда не существовало, а в лицо знали друг друга только высшие командиры. Граф Оксфордский, в свою очередь, решил, что подвергся нападению йоркистов, и велел стоять насмерть. Пока союзники истребляли друг друга, их настоящий противник, король Эдвард, быстро разобрался в ситуации и, справедливо сочтя ее подарком судьбы, ударил на обоих. Ланкастерцы понесли страшное поражение, сам Варвик был убит. С той битвы фортуна бесповоротно склонилась на сторону Йорков, противники которых после этого удара оправиться уже не смогли... История не сохранила имен болванов, несведущих в геральдике.

И напоследок стоит рассказать об одной интереснейшей случайности, связанной на сей раз с техникой. В одной из советских лабораторий тщетно пытались получить новую разновидность электролита для гальванического покрытия корпусов наручных часов. Было известно, что для успеха необходимо добавить в исходную массу небольшое количество органической субстанции. Одна беда: к тому времени насчитывалось около миллиона подобных субстанций, и, чтобы испробовать их все, не хватило бы жизни человека.

Случай не замедлил о себе напомнить. Придя утром на работу, лаборант вынул из электролитической ванны сверкающую, как зеркало, металлическую пластинку – это было именно то, чего и добивались!

Срочно повторили эксперимент в той же ванне. Вторая плитка так же сверкала. Тогда в другой, гораздо большей ванне решили нанести покрытие на большую партию плиток, налив туда электролит того же состава...

Полный провал. Плитки оставались неприглядно матовыми. Один и тот же электролит в небольшой лабораторной ванне и в огромной заводской вел себя по-разному. Объяснение подворачивалось одно: в малой ванне, и только в ней, вдруг появился какой-то непонятный компонент...

Вскоре выяснилось, что компонентом этим была... слюна. Один из сотрудников, разозленный провалом очередного эксперимента, смачно плюнул в ту самую лабораторную ванну, уходя домой. В его слюне оказались некие микроскопические добавки, сработавшие на успех.

«Виновника» заставили от души поплевать в заводскую ванну – и погруженные туда плитки вскоре покрылись столь же идеальной сверкающей полировкой.

Увы, продолжения эта история не получила, и состав слюны остался загадкой. Началась Великая Отечественная, лаборант ушел в ополчение и погиб под Москвой...

Незадачливый король Ежи

В этой книге читатель не раз встретится со случаями, когда чистейшей воды сказки попадали в историю и оставались в ней на правах реальных событий, а происшедшее на самом деле впоследствии бывало объявлено даже не сказкой – гнусным вымыслом. Чтобы лучше понять, отчего так происходит, рассмотрим два случая: правду, объявленную вымыслом, и вымысел, неумышленно объявленный правдой...

В двадцатых годах прошлого столетия во Франции вышла весьма любопытная книжечка. Ее автор пытался доказать, что Наполеона Бонапарта... никогда не существовало! Что «так называемый Бонапарт» – на самом деле нечто вроде массовой галлюцинации, отражение старинных народных поверий. Двенадцать маршалов Наполеона (которых на самом деле было вовсе не двенадцать – А.Б.) объявлялись «преломлением в народном сознании двенадцати знаков зодиака». И так далее, и тому подобное. Читатель, решивший, что речь идет о шутке, о розыгрыше, ошибется. Розыгрышем здесь и не пахло. Книга была написана по заказу восстановленных на французском престоле Бурбонов и издана на их денежки из секретных полицейских фондов. Бурбоны абсолютно серьезно пытались вычеркнуть из истории корсиканского узурпатора, вбить в умы версию о «массовой галлюцинации» – при том, что еще были живы тысячи людей, видевших Наполеона, говоривших с ним, от простых солдат до коронованных особ. Заодно Бурбоны приказали датировать их указы годами, приходившимися на правление Наполеона, – опять-таки со всей серьезностью.

Все-таки на дворе стоял девятнадцатый век – и потому столь лихо вымарать из истории Наполеона не удалось. Однако в более ранние времена такие штучки, бывало, и удавались – с таким успехом, что мы лишь сегодня начинаем продираться к истине...

Рассмотрим второй случай – превращение мифа в «реальную историю», даже не по злему умыслу, а по недоразумению.

Дело происходит в Польше (заранее предупреждаю, что история эта вымышлена мною от начала и до конца). Год на дворе... Ну, пусть будет 1889 – время относительно спокойное, восстания уже отшумели, террористы постреливают, но еще не набрали размаха, в общем, жизнь не так уж плоха, в особенности если один из наших героев, блестящий шляхтич Пшекшицюльский, политикой не интересуется совершенно –

вертопрах, светский фат, завсегдатай салонов, раутов и гостиных, излишней образованностью, как и подобает ясновельможному пану, «шляхтичу с кости и крови», не обременен. Зато богат и гостеприимен – опять-таки в полном соответствии с исконной великопольской традицией.

Именно в имение пана Пшекшицюльского попадает его новый знакомый, встреченный у графини Н., – серьезный молодой человек в очках, гость из далекого экзотического Сиам, еще не переименованного в Таиланд. Гость завершает в Европе свое образование, а заодно и пишет книгу – в его родном Сиаме очень мало знают о столь экзотическом континенте, как Европа... А поскольку молодой ученый (пусть будет Чандранипат, что ли, имя не вполне таиландское, но сойдет...) честолюбив и прилежен, он предпочитает балам и попойкам многочасовые бдения над старыми бумагами. Он честолюбив, он хочет войти в историю как автор первого труда о загадочной Польше, написанного рукой сиамца...

– Все это к вашим услугам, пане Чандранипат! – широким жестом указывает пан Пшекшицюльский на покрытые паутиной и пылью шкафы с книгами и бумагами, которые не открывал отроду. – Батюшка мой, знаете ли, интересовался изящной словесностью, а мне все как-то недосуг... Копайтесь, коли охота, пока не надоест!

И, повязав модный галстук, со спокойной совестью бросает скучного гостя – у соседа званый вечер, у второго очаровательная дочка, у третьего великолепные наливки...

Гость, о котором, признаться, наш шляхтич скоро и забыл, дни напролет просиживает в библиотеке, с трепетом разворачивая пыльные свитки. Как истый ученый, он упрям в хорошем смысле слова – а потому польским уже более-менее овладел.

И вскоре натывается на сущее сокровище. Из старой папки с потускневшим ярлыком «Бумаги пятнадцатого века» наш сиамец вытаскивает прелюбопытнейшее письмо. Начертано оно не на пергаменте, а на бумаге – что ж, это, надо полагать, копия, которую посчитали нужным сделать ввиду несомненной важности документа.

И вот наш усидчивый ученый, старательно шевеля губами, вчитывается...

«Приветствую, дружище Збышек, желаю всех благ!

Письмо твое получил. Сообщаю последние новости, тебе наверняка будет интересно.

Король Ежи Третий, и без того слабый умишком, растерял последние мозги, когда до него дошли вести об успехах

мятежников. Королева Катажина помогать ему отказалась напрочь, бедняга просто извертелся, пытаясь хоть что-то придумать. Только в его дурную башку ничего умного и не приходит – а мятеж тем временем разрастается, и наш Тадеуш, будь уверен, показал себя с самой лучшей стороны, рад за него.

Встретил здесь князя Михала – он без особой охоты едет в Колонию нанимать солдат. Даже если у него что-то и получится, королю это поможет, как мертвому припарки... Я ему на это намекнул, после чего мы с князем поссорились напрочь.

Вот и все, пожалуй, устал я что-то скрести перышком. До встречи!»

Наш прилежный сиамец Чандранипат возвращается в Варшаву с копией сего интереснейшего документа. И, засев за книгу о Польше, старательно повествует о том, как в пятнадцатом столетии от Рождества Христова здесь вспыхнул мятеж, и недалекий умом король Ежи, которому отчего-то отказалась помогать даже королева, попал в жуткое положение, явно не в силах справиться с восставшими.

Немного смущает неувязка: в списках правивших в пятнадцатом столетии королей никакого Ежи Третьего нет. Должно же быть этому какое-то объяснение? Ага, кажется, дело и прояснилось...

Ежи Третьего нет, зато имеется Владислав Третий. Правивший подозрительно короткий срок – 1434–1444. Всего десять лет. Меж тем его предшественник Владислав Ягелло и правивший после Владислава Третьего Казимир просидели на престоле больше сорока лет каждый. К тому же имеется какой-то странный разрыв: правление Владислава окончилось в 1444-м, а Казимир вступил на трон лишь три года спустя, в 1447-м...

Сиамец явственно ощущает холодок какой-то мрачной загадки. Правил короче всех в этом веке... И этот странный трехлетний перерыв... Подлинного ученого такие странности должны насторожить...

Вскоре готова парочка великолепных гипотез. Либо Ежи Третий и есть Владислав Третий, либо правление Ежи приходится на эти три «выпавших» из истории года, и потомки предпочитают умалчивать о безумном короле, потерпевшем поражение в борьбе с мятежниками, преданном собственной супругой Катажиной...

Впоследствии, уже в родном Сиаме, Чандранипат изложит в своем труде обе эти версии, с добросовестностью истинного ученого отметив, что доказать правдивость какой-либо из них пока не в состоянии. Однако его

книга и без того производит впечатление на сиамский ученый мир: признание, лавры, перстень от короля...

Всё. Легенда зажила самостоятельной жизнью, утвердившись на страницах *писаной истории* в качестве реальности. Впоследствии, конечно, докопаются до истины, но с тех пор много воды утечет, наш Чандранипат так и умрет в преклонных годах, в блаженном неведении, и на его книгах долго будут учиться сиамские студенты...

А все оттого, что заезжий сиамец поверхностно выучил польский язык. Достаточно, чтобы читать и понимать написанное, но кое-какие тонкости так и не успел узнать...

Письмо написано не в пятнадцатом веке, а в конце восемнадцатого, и представляет собой не копию, а оригинал. В польском языке, как и в некоторых других славянских, иные иностранные имена пишутся так, как и на родине носителей этих имен, а иные, наоборот, переводятся согласно правилам польской грамматики...^[9]

«Ежи Третий» – это Георг Третий, английский король, и в самом деле слабый на голову. «Мятежники», соответственно, – американские повстанцы. «Королева Катажина» – не супруга бедняги «Ежи», а русская императрица Екатерина Вторая, и в самом деле отказавшаяся помогать Англии в войне против восставших колонистов. «Князь Михал» – это какой-то английский герцог по имени Майкл – в польском языке слово «ксенже» с равным успехом может обозначать и «князя», и «герцога», что до сих пор создает помехи даже опытным переводчикам. Загадочная Колония, где набирает солдат герцог Майкл, – на самом деле немецкий город Кёльн, по-польски «Kolonia». «Тадеуш» – это, конечно же, польский генерал Тадеуш Косцюшко, участвовавший в войне американцев за независимость.

Как же письмо попало в папку, помеченную пятнадцатым веком? Аллах его ведает, это уже дело десятое. Кто-нибудь перепутал – не шибко прилежный слуга или папаша пана Пшекшицюльского. Такие мелочи нас уже не должны интересовать. Важнее другое: стало понятнее, как рождаются исторические ошибки, продиктованные не сознательным стремлением к обману, а добросовестным заблуждением, недостатком знаний. А ведь к этому может добавиться и вполне осознанная фальсификация, и заказное стремление переписать историю, густо разбавив ее мифами, а реальных людей превратив в сказочных персонажей...

В этой книге мы столкнемся и с первым, и со вторым...

Корабли-призраки 1492 года?

На примере с «невезучим королем Ежи» я добросовестно пытался показать, как могут рождаться увлекательные, но совершенно ложные гипотезы. Имеет смысл коснуться и другой проблемы – рассмотреть, как недостаток информации о прошлых временах и явные противоречия в сочетании с нелогичностями позволяют выдвигать гораздо более убедительные версии. Необязательно соответствующие истине, стоит сразу оговориться – но, как знать, быть может, и имеющие нечто общее с истиной...

Речь пойдет о Христофоре Колумбе и каноническом открытии им Америки в 1492 г. – быть может, представлявшем собой не более чем умышленную, грандиозную дезинформацию мирового «общественного мнения»...

Начнем с того, что к Колумбу всецело можно отнести слова, которыми Стругацкие характеризуют одного из своих героев. «Он никто. Он ниоткуда».

В самом деле, Колумб окутан полнейшим мраком неизвестности. Неизвестно его подлинное имя (испанизированный вариант его фамилии «Колон»=«Голубь» может оказаться либо прозвищем, либо, как считают некоторые историки, сокращением от слова «полковник», «колонель». По иным версиям, именно так уважительно обращались моряки к командирам кораблей, нечто вроде «шеф» или «босс». А «Колумб» – не особенно-то и итальянская фамилия^[10]...).

Неизвестны его родители. Хоть и считается, что Колумб «был сыном генуэзского ткача Доминико Коломбо», но в сохранившихся списках мастеров цеха ткачей человека с таким именем нет, а дом в Генуе на площади Данте, где Колумб якобы родился, – не более чем бутафория для туристов, подобная «квартире Шерлока Холмса на Бейкер-стрит».

Неизвестно, в каком городе он все-таки родился. Только в итальянской провинции Лигурия за честь считаться родиной Колумба до сих пор спорят четыре прибрежных города – Генуя, Савона, Коголетто и Нерви. Плюс – еще десяток итальянских городов в других провинциях. Да что там города... Поскольку точно так же неизвестна национальность Колумба, на роль его отчизны претендуют восемь (!) стран, включая, естественно, Италию. Польский исследователь в свое время выдвинул версию, что Колумб – это гданьский мореплаватель Ян из Кольно (по-польски – Jan z

Kolno). Согласно этой версии, Кольно – то ли забытая ныне и переименованная деревушка, то ли немецкий Кёльн (который, как мы помним, на польском языке до сих пор пишется Kolonia, а потому, по мысли пытливого исследователя, в старые времена вполне мог город Кёльн писаться Kolno. Польское слово голубь – «голомб» как-то очень уж подозрительно созвучно «Колумбу», а в Гданьске очень любили называть корабли именами птиц: «Голомб», «Ожел» («Орел»), «Ясколка» («Ласточка»). (О Яне из Кольно, реальной личности, подробнее поговорим чуть погодя.)

Восемь стран и полтора десятка городов... Само по себе такое обилие кандидатов заставляет думать, что истина так навсегда и останется неизвестной. Есть даже версия, что Колумб – еврей. Увы, аргументов маловато. А посему просто удивительно, что отечественные любители сенсации еще не записали Колумба в русичи – скажем, умного и любознательного паренька, Христина Голубка, сцапали татары и продали венецианцам, а потом он сбежал с галеры и выбился в люди...

А если серьезно, первые более-менее достоверные следы Колумба появляются лишь в 1473 г., когда ему было двадцать два года. Примерно к этому времени относится обнаруженный в прошлом веке документ, где «морской суд Венеции предостерегает относительно пирата Коломбо», состоящего на службе у анжуйского герцога Рене.

Речь, без сомнения, идет о «нашем» Колумбе – сам он в зрелые годы не раз вспоминал о службе у герцога Рене, к которому относился с симпатией. Правда, «пират» – понятие относительное и растяжимое. Во-первых, в те времена, как и много лет спустя, пиратство считалось «достойным джентльмена занятием». Во-вторых, речь тут идет скорее о капере – частном лице, с патентом того или иного властелина топящим суда страны, с которой этот властелин ведет войну или просто находится в скверных отношениях. Вообще, судьба Колумба богата перипетиями – после каперской службы у Рене вдруг отчего-то оказался простым матросом на фламандском «купце», торговал морскими картами, даже на короткое время уходил в монастырь (в те бурные времена так порой поступали многие, кому требовалось отсидеться в тиши и глуши, пока в большом мире позабудут об иных их художествах...).

История о том, как Колумб долгие годы обивал пороги королевских дворов Португалии и Испании, известна хорошо, и пересказывать ее нет смысла, поэтому перейду сразу к странностям, сопровождавшим эту одиссею. Не вполне понятно поначалу, почему португальский король отнесся к Колумбу столь равнодушно. И уж вовсе странными выглядят

условия договора, который подписала с Колумбом испанская королевская чета, прежде чем он отплыл на поиски Америки.

Щедрость в Испании прежде неслыханная. Сказочная. Невероятная. Испанские короли всегда щедро рассчитывались с моряками, открывавшими для державы новые земли, – но *такого* прежде не бывало... Дворянство и наследственное звание адмирала моря-океана и всех островов и материков, которые он откроет, титул вице-короля и главного правителя этих земель с правом самому назначать губернаторов, десятая часть со всей добычи, взятой в новооткрытых колониях, причем сам Колумб оплачивает только одну восьмую расходов на снаряжение кораблей, а все остальное вносит королевская чета...

Достаточно известно также, что большая часть этих обещаний осталась невыполненной. Поневоле обе странности следует рассматривать в связке: Колумб оказался ЕДИНСТВЕННЫМ, кому посулили столь щедрое вознаграждение – и ЕДИНСТВЕННЫМ из всех капитанов на испанской службе, в расчетах с которым не выполнили условий. У испанских монархов была масса недостатков, но вот в подобных случаях расплачивались они всегда честно... Почему же они так поступили с Колумбом?

Быть может, оттого, что «свершения Колумба» вовсе не были столь впечатляющими, какими мы их сегодня считаем? А то и оттого, что Америка была открыта несколько *позже* официальной даты (хотя все-таки при участии Колумба)?

Перейдем к вопросу о *предшественниках*. Стало общим местом повторять, что Колумб «был не первым». Но нас сейчас должны интересовать не викинги Лейва Счастливого, а более близкие по времени к Колумбу путешественники, о которых он мог знать, и немало...

Есть сведения, что в 1390 г. в Америку по поручению шотландского принца Синклера плавал венецианец Никколо Дзено в сопровождении своего брата Антонио и самого принца. Некоторые исследователи горячо отстаивают подлинность так называемой «Книги Дзено» – путевых дневников, карт, писем. Эти материалы хранились в венецианских архивах, а Венеция и Генуя – близкие соседи...

Совершенно не подвергается сомнению подлинность письма флорентийского медика и космографа-любителя Паоло Тосканелли королю Португалии Афонсу V Африканскому от 15 июня 1474 г. Король (племянник знаменитого Энрике Мореплавателя, получившего это прозвище не за собственные плавания, а за огромную работу по организации плаваний португальских капитанов) через своих придворных

попросил у Тосканелли консультацию: можно ли достичь Индии, если плыть на Запад? Тосканелли ответил: «существование такого пути может быть доказано на основании шарообразности формы Земли». И приложил собственноручно вычерченную карту.

Примерно в это же время (совпадение примечательное) король Афонсу посылает экспедицию на поиски «северного морского пути» в Азию и Индию. Сначала берегов Северной Америки достигли два норвежских капитана, Дидрик Пайнинг и Ганс Пофорст, к которым в качестве наблюдателя был прикреплен португалец Жуан Ваш Кортириал. Есть письма и сообщения, не подвергающиеся сомнению, – экспедиция побывала у Ньюфаундленда и Лабрадора.

Чуть позже, в 1476 г., по тому же маршруту уходит вторая экспедиция, опять-таки скандинавско-португальская. Командует ею то ли Йенс Скульно, то ли Йенс *Скольно*, а на одном из кораблей плывет... Христофор Колумб! Историки давно отметили, что идеи «западного пути в Индию» стали волновать Колумба около 1479 г. – после окончания экспедиции. Разве что он решил плыть несколько южнее. Кстати, из скудных свидетельств об этих двух плаваниях вовсе не следует со всей неопровержимостью, что Йенс-Ян Скульно-Скольно и Христофор Колумб – два *разных* человека... Быть может, и один, и вышеупоминавшийся поляк не был таким уж сказочником... Становится понятно, почему в Португалии так прохладно отнеслись к планам Колумба, – были свои планы, не хуже, и свои капитаны...

Англия. Около двадцати лет назад профессор Фобе Тейлор проанализировал отчеты и списки грузов, которые корабли ввозили и вывозили в Бристоль. И заметил любопытные несуразности. Согласно заявленным декларациям, большинство капитанов вели торговлю с Ирландией, но этому не соответствовало проведенное в пути время. Некий капитан Морис Таргат сплавал в Ирландию и обратно за 115 дней. Этого хватило бы, чтобы совершить рейс туда и назад... *трижды!* Профессор сделал вывод, что на самом деле brave морячки плавали вовсе не в Ирландию... Куда? Не исключено, что и в Америку. Именно из Бристоля весной 1498 г. отплыл в Америку Джон Кабот (он же – генуэзец Джованни Габото, обосновавшийся в Англии за восемь лет до того). А профессор географии Эксетецкого университета Дэвис считает, что еще в 1477 г. в Гренландию регулярно наведывался известный валлийский контрабандист Джон Ллойд (то есть в те годы, когда в Англии бывал Колумб).

Сообщения о том, что Колумб довольно хорошо знал, куда плыть, многочисленны.

Марокканский профессор Мохаммед эль-Фаси утверждает, что Колумб побывал в Марокко, где и узнал о древнейшей трансатлантической трассе берберов, плававших некогда в Америку. Так это или нет, в точности неизвестно, но в соседствующей с Марокко Гвинее Колумб в 1419 г. бывал, возможно, даже дважды...

Известный моряк и географ, автор знаменитых карт, турецкий адмирал Пири Реис прямо писал, что распространилась весть, будто «неверный по имени Колон-бо» узнал из каких-то старых книг о существовании за морем обширной земли. Мало того, из тех же книг «Колон-бо» узнал, что обитатели этих земель обожают стеклянные украшения и готовы менять их на золото, – потому и прихватил означенных украшений побольше...

С этим свидетельством перекликается книга Гарсиласо де ла Веги «О государстве инков», вышедшая в 1609 г. в Лиссабоне. Гарсиласо утверждает, что примерно в 1484 г. лоцман из Уэльвы Алонсо Санчес по пути на Мадейру угодил в жесточайший шторм, около месяца буря носила его суденышко, пока не прибила к неизвестному острову, предположительно Гаити. Санчес ухитрился вернуться в Европу, потеряв из семнадцати человек экипажа двенадцать. А далее...

«Они остановились в доме знаменитого Христофора Колумба, генуэзца, потому что знали его как великого лоцмана и картографа, который составлял карты для мореплавания... И так как прибыли они измученными перенесенным в прошлом трудом, сколько ни одаривал их Христофор Колумб, они не пришли в себя и умерли все у него дома, оставив ему в наследство труды, которые принесли им смерть и которые взялся завершить великий Колумб с таким энтузиазмом и силой, что, если бы ему пришлось перенести такие же страдания или даже бо2льшие, он все равно предпринял бы это дело, чтобы передать Испании Новый Свет и его богатства...»

Проще всего сослаться на извечную нелюбовь португальцев к давним военным противникам и конкурентам в захвате дальних земель – испанцам. Но, во-первых, Гарсиласо явно настроен к Колумбу доброжелательно (что плохого в том, что Колумб воспользовался картами и записями умерших?), во-вторых, это сообщение очень уж перекликается с теми, о которых я уже рассказывал...

Можно упомянуть и о гораздо менее значительных, но все же интересных фактах. Кормчий Мартин Висенте и губернатор Порту-Санту

Корреа находили в море и на берегу обработанные рукой человека непонятные деревянные предметы, странные деревья, растения и плоды, есть даже упоминания о двух необычного, неевропейского вида утопленниках, выловленных у острова Флориш в Азорском архипелаге. Висенте был другом Колумба, Корреа – тестем Колумба...

Многие исследователи давно уже обращают внимание на странности путешествия Колумба – он и туда, и обратно плыл так, словно *заранее* знал приблизительное расстояние до «Индии», знал о существовании сильного океанского течения, помогавшего плывшим в западном направлении, о ветрах. Его маршрут, на соблюдении которого Колумб яростно настаивал, совпадает с этим течением и направлением постоянных ветров настолько, что об «удаче» говорить даже и стыдно...

Кстати, не осталось достоверных свидетельств о том, что кто-то вообще видел привезенные Колумбом из *первого* своего путешествия диловины. Подлинность значительной части его писем, отчетов и дневников оспаривается давно, не без оснований. Почему-то могила Колумба оказалась в полной неизвестности, и очень быстро забыли, где она находится, так что место погребения Колумба навсегда останется тайной.

И наконец...

В конце семидесятых годов прошлого столетия итальянский историк Маринелла Бонвина-Мадзанти обнаружила в архивах города Модены письмо неаполитанского посланника в Барселоне Аннибале ди Дженнаро, отправленное 9 марта 1493 г. брату, занимавшему такой же пост в Милане. Среди других испанских новостей Дженнаро сообщает (именно *среди*): «Несколько дней назад возвратился Колумб, который отправился в августе прошлого года с четырьмя кораблями в плавание по великому океану».

Начинаются странности! Во-первых, *четыре* корабля – в то время как традиция упорно приписывает Колумбу *три*. К тому же флагманский корабль Колумба «Санта-Мария» погиб у американских берегов, так что осталось только два...

Во-вторых, официальной, утвержденной, канонической датой возвращения Колумба из трансатлантического рейса всегда считалось *пятнадцатое* марта 1493 г.! Мало того, 9 марта – это день, когда Аннибале узнал о прибытии кораблей Колумба в Палос. А от Палоса до Барселоны – целых *девятьсот* километров (если считать по прямой). Реки, горы, разбойники в лесах, ужасные тогдашние дороги... Один итальянский путешественник в 1419 году *хвастался*, что проехал *семьсот* миль «всего» за шестнадцать дней. Хотя ехал по гораздо более удобным дорогам равнинной Германии и Италии, а не горной Испании.

Вывод? Если учитывать письмо Дженнаро, выходит, что Колумб возвратился в Палос гораздо *раньше* официальной даты, где-то в двадцатых числах февраля. Недели через две весть об этом и достигла Барселоны...

Отчего же возникла такая путаница с датами? Умышленно или случайно? Обратите внимание: Дженнаро отчего-то вовсе не упоминает о грандиознейшем событии – открытии новых земель за океаном. Можно представить, чтобы информация об этом до него не дошла? Маловероятно. Неужели те, кто принес известия о возвращении Колумба, не уточнили, что же именно он свершил?

А может, все известия как раз в том только и заключались, что Колумб *вернулся*? А об «открытии Америки» заговорили через пару недель? И Колумб попросту *плавал* в океане, но из-за бунта экипажа или нехватки воды вынужден был вернуться, не достигнув «Индии»?

Мотивы испанской короны, решившейся на фальсификацию, лежат на поверхности. Меж Испанией и Португалией шло прямо-таки бешеное соперничество за новые земли – при том, что на Запад, как мы видим, плавали и англичане, и скандинавы...

Формируем версию. Хотя плавание Колумба окончилось неудачей, в чью-то умную голову при испанском дворе пришло гениальное решение: считать победу поражением, а открытие – состоявшимся. О существовании за океаном новых земель знают слишком многие, известие о том, что Колумбу, наконец-то, удалось их достичь, особенного удивления не вызовет, зато *проверить* это утверждение крайне трудно. Испания получает возможность кричать на весь тогдашний «цивилизованный мир»: земли открыл *наш* капитан, отныне они – наши, наши, наши! Всякий, кто покусится, вызовет войну! За свои новые территории мы будем стоять до последнего, они наши, они открыты нами, руки прочь!

Примерно так и действовало испанское правительство после *пятнадцатого* марта 1493 г. В следующем году оно добивается от Римского Папы подтверждения исключительных прав испанской короны на все, что испанские капитаны уже открыли и еще откроют в западном полушарии, другими словами, испанцы берут «эксклюзив» на Америку. Папа проводит по глобусу (уже существовавшему в то время) разграничительную линию. Недобрые соседи-португальцы вынуждены довольствоваться Индией.

(Кстати, тем, кто любит упоминать об «отсталости» и «невежестве» церковников, следует напомнить, что Тордесильяский договор 1494 г. фактически узаконивает представления о *шарообразности* Земли).

И только год-другой спустя начинаются *настоящие* плаванья в

Америку Колумба и молодого идадьо Алонсо де Охеды – прекрасно документированные, закончившиеся доставкой в Испанию вполне реального золота и вполне реальных индейцев, о чем остались «акты приемки»... Никто так и не заподозрил, что *первое* путешествие Колумба было фикцией. В самом деле, проверить в сжатые сроки было попросту невозможно. Тогда же как-то очень уж кстати пропадает без вести португальский капитан Гашпар Кортириал со своим кораблем, столь же загадочно исчезает его брат – реальные соперники испанцев...

Быть может, этим и объясняется столь странная, не имеющая аналогий «неблагодарность» испанской королевской четы – Колумбу, собственно говоря, платить было не за что. А впоследствии, когда он, вульгарно выражаясь, пытается что-то «поиметь», его сажают в тюрьму – и выпускают, когда убеждаются, что урок пошел впрок и капитан не будет ни болтать, ни требовать незаработанного...

Я вовсе не утверждаю, что именно так и было. Но так могло быть. Слишком много загадок, противоречий и прямых странностей.

Кстати, об Америке. Точнее, о ее названии, якобы данном в честь Америго Веспуччи. Веспуччи, конечно, был выдающимся ученым своего времени. В честь иных капитанов, конечно, и называли иногда *часть* новооткрытых земель – существовала одно время на картах Земля Жуана Ваша (Кортириала), а некий залив до сих пор именуется Гудзоновым. Но – целый необозримый *континент*? В честь человека, который совершил только одно плавание (в составе экспедиции Охеды 1499 г.) в уже открытые земли?

Существует более изящная гипотеза. Вторую экспедицию Джона Кабота к заокеанским землям финансировали бристольтские негоцианты, и самый крупный вклад внес купец и таможенный старшина по имени Ричард и по фамилии... Америк! Мог Кабот назвать открытые им земли в честь спонсора)? Почему бы и нет? Тем более, что автор «Хроники всего света», краковский историк Мартин Бельский, в 1554 г. писал: «Амъерикус (Веспуччи) прозван именем от великого острова Америка». Не континент называли в честь Веспуччи, а Веспуччи в честь описанных им земель.

Неизвестно, как все происходило в те далекие столетия. Но фактом остается одно: Христофор Колумб – одна из загадочнейших фигур мировой истории...

Крещение Руси: сплетение загадок

Змея и летопись

В детстве, с почтением раскрывая исторические книги, я искренне полагал, что работа ученого-историка выглядит примерно следующим образом. В тихом архиве, где говорят шепотом из уважения к следам минувших веков и ходят в мягких тапочках, стоят полки, помеченные ярлычками: «XI век», «XII»... и так далее. На каждой полке лежат документы, написанные именно в том самом времени, которым датированы. Задача же ученого – трудолюбиво овладев древнеславянским, прочитав сии раритеты, переложить их на современное наречие и явить миру.

Впрочем, кое-кто, пребывая в зрелых годах, и сейчас именно так полагает. Проверено на опыте. Люди склонны полагать, не вдаваясь в тонкости, что основой для крайне безапелляционных суждений историков, для указания точных дат и навешивания тех или иных эпитетов послужило нечто *достовернейшее*.

Меж тем в жизни – и в науке истории – обстоит как раз наоборот. Летописи, привычно относимые, скажем, к XII веку, на самом деле оказываются либо позднейшими копиями, либо, что еще печальнее, плодами компиляции, а то и самостоятельного творчества какого-нибудь книжника, полагающего, что ему, высокоумному, известно о тех или иных событиях прошлого гораздо больше, чем непосредственным участникам этих событий, оставившим воспоминания. И не подумайте, что я преувеличиваю. В следующих главах мы еще столкнемся с многочисленными случаями, когда историк двадцатого столетия не допускаям возражений тоном заявляет: «Летописец ошибается...» Вот так – ни больше, ни меньше. Из двадцатого века виднее.

Летописцы, конечно, были живыми людьми, а потому могли ошибаться, что частенько и делали. Однако это еще не дает ни малейшего повода современным историкам впадать в другую крайность – объявлять святой истиной лишь одну версию из множества, лишь одну старинную хронику, отвергая остальные, которые иногда крайне многочисленны, но, вот незадача, напрочь опровергают чью-нибудь концепцию. С концепцией, конечно, расставаться трудно – ее пестуешь, холишь и лелеешь, к ней привыкаешь. И все же...

Простой пример. Князь Олег, тот самый, которому посвящена «Песнь о Вещем Олеге», умер, как принято считать, при весьма загадочных

обстоятельствах: «...гробовая змея, шипя, между тем, выползала...»

Упоминания о том, что князь умер от укуса змеи, в летописях имеются. Однако мне, как детективу-любителю (сталкивавшемуся к тому же со змеями при работе в тайге), представляется крайне сомнительным, что вышеозначенная змея смогла прокусить сапог из грубой кожи. Не по плечу такой подвиг стандартной русской гадюке, в буквальном смысле – не по зубам. Быть может, наиболее близка к истине, как ни возмутит это эстетов от академической истории, версия, выдвинутая авторами журнала «Сатирикон», написавшими до революции пародийную «Русскую историю»: когда князь Олег потребовал у волхвов финансового отчета о суммах, выделенных им на содержание любимого коня, волхвы вместе с князем отправились на холм, а оттуда возвратились уже без него, туманно поясняя что-то насчет «гробовой змеи»...

Это, конечно, шутка. Вернемся к вещам серьезным – русским летописям, повествующим о дате смерти князя Олега и месте его последнего упокоения. Так вот, Лаврентьевская летопись сообщает, что произошло это в 912 г., а похоронен князь во граде Киеве на горе Щековице. Чему противоречит Новгородская летопись, уверяющая, что преставился князь Олег... в 922 г. в городе Ладоге, где и похоронен.

Вот так. Обе летописи, несомненно, подлинны, что окончательно запутывает дело: практически невозможно установить, какой из документов отражает реальную дату и место княжеского погребения. Отсюда следует многозначительный вывод: нет никаких оснований в подобной ситуации безоговорочно отвергать один документ и столь же безоговорочно верить второму. Очень прошу читателя хорошенько запомнить этот тезис: в дальнейшем им не раз придется руководствоваться...

Как была крещена Русь?

Вопросительный знак здесь появился отнюдь не случайно. Классическая версия этого эпохальнейшего события известна давно: княгиня Ольга приняла крещение по обряду византийской церкви в Константинополе, где византийский император, плененный ее красой, поначалу предложил киевской княгине стать его супругой, но хитрая Ольга заявила: поскольку-де император стал ее крестным отцом, жениться на крестной дочери ему, императору, неместно. Император устыдился и отступился. Ольга вернулась в Киев. Сын ее Святослав не проявил никакого желания последовать примеру матери и остался язычником, как и его сын, знаменитый Владимир. Лишь впоследствии, когда уже не было в живых ни Ольги, ни Святослава, ни Владимиров брата христианина Ярополка (которого убили как раз люди Владимира), Владимир вызвал в Киев мусульман, иудеев, римских христиан, византийских христиан и, выслушав аргументы каждого в защиту своей веры, остановился на византийском православии...

Эта каноническая версия основывается на одном-единственном источнике: так называемой «Повести временных лет», и самой жуткой ересью в ученых кругах считается, ежели кто дерзнет в подлинности данной «Повести» усомниться – либо усомниться в ее датировке (принято считать, что «Повесть» закончена мудрым летописцем Нестором в 1106 г.).

Лепо же нам будет, братие, начать подробный разбор сего...

Начнем с Несторова труда. Первым в России изучением «Повести временных лет» занялся ученый немец Август Людвиг Шлецер (1735–1800), историк и филолог, пребывавший на русской службе в 1761–1767 гг. и выбранный почетным иностранным членом Петербургской Академии наук. Но интерес для нас должны представлять не собственно Шлецеровы изыскания, а то, что он пишет о деятельности русского историка и государственного деятеля В.Н. Татищева (1686–1750):

«В 1720 г. Татищев был командирован в Сибирь... Тут он нашел у одного раскольника очень древний список Нестора. Как же он удивился, когда увидел, что он совершенно отличен от прежнего! Он думал, как и я сначала, что существует только один Нестор и одна летопись. Татищев мало-помалу собрал *десяток* списков, по ним и сообщенным ему другим вариантам составил

одиннадцатый...»

Любопытно, не правда ли? Оказывается, двести лет назад еще существовал десяток разнившихся меж собой «летописей Нестора» – да вдобавок некие «другие варианты»... Сегодня от всего этого многообразия остался один-единственный канонический текст – тот самый, о котором нам велено думать, что он написан в 1106 г. и является единственно правильным...

Что еще любопытнее, Татищеву так и не удалось опубликовать результаты своих трудов. В Петербурге по поводу напечатания возникли «странные возражения» (определение Шлецера). Татищеву прямо заявили, что его могут заподозрить в политическом вольнодумстве и ереси. Он попытался издать свой труд в Англии, но и эта попытка успехом не увенчалась. Более того – рукописи Татищева впоследствии исчезли. А приписываемая Татищеву «История», как указывалось еще в начале XIX века академиком Бутковым, представляла собой не татищевский подлинник, а весьма вольное переложение, практически переписанное неизвестным Герардом Миллером, немцем на русской службе: «История» Татищева издана не с подлинника, который потерян, а с весьма неисправного, худого списка... При печатании сего списка исключены в нем суждения автора, признанные вольными, и сделаны многие выпуски».

Можно еще добавить, что сам Татищев совершенно не доверял «Повести временных лет», о чем написал прямо: «О кнезех русских старобытных Нестор монах не добре сведем бе».

Что позволило Татищеву сделать столь безапелляционное заявление? В точности неизвестно. «Другие варианты» Нестора исчезли, как бумаги Казанского и Астраханского архивов, в которых работал Татищев...

Однако не стоит опускать рук – не все, но многое удастся восстановить косвенным образом.

Поездка Ольги в Константинополь действительно имела место. Сомневаться в этом не приходится по одной-единственной, но чрезвычайно веской причине: существует официальное описание приема Ольги при дворе, «De Geremoniis Aulae Bizantinae», – и труд этот принадлежит авторитетнейшему свидетелю, самому византийскому императору Константину VII Багрянородному. В самом деле, в 957 г. император со всем почетом принимал киевскую княгиню. Вот только стать ее крестным отцом никак не мог – поскольку пишет черным по белому, что Ольга уже была христианкой! И в свите княгини находился ее духовник!

Кстати, была весьма прозаичная причина, по которой Константин

никак не мог предлагать Ольге руку и сердце – к ее приезду он уже пребывал в законном браке...

Поистине, начинаешь верить Татищеву, что старец Нестор был «не добре сведом»!

Не верить императору Константину нет никаких оснований. В те времена языческая Русь доставляла Византии немало хлопот и беспокойства своими частыми набегами, после которых гордые ромеи выплачивали славянам немалую дань. Можно не сомневаться: принятие Ольгой крещения в Константинополе от византийцев было бы по любым критериям столь ошеломительным дипломатическо-политическим успехом Византии, что о нем следовало не просто упоминать – громогласно сообщить всему остальному миру.

Однако ж не сообщили. Честно написали, что Ольга приехала уже крещеной...

Кто же ее крестил? И когда? Наконец, почему мы решили, что Ольга была крещена по *византийскому* обряду? Быть может, наоборот, по «латинскому», то есть римскому?

Я уже вижу, как сжимаются кулаки и слышу, как скрежещут зубы ревнителей православного варианта. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, не склонен полагаться на него только потому, что оно устоявшееся. В конце концов, столетиями верили устоявшемуся мнению, что Земля вращается вокруг Солнца...

Оказывается, давно уже существует предположение, что Ольга и в самом деле приняла крещение в Киеве в 955 г. Оказывается, в Киеве к тому времени уже стояла церковь святого Ильи (чья принадлежность константинопольской патриархии до сих пор не доказана). Оказывается, согласно западноевропейским хроникам, в 959 г. послы Ольги прибыли к германскому императору Оттону, ПРОСЯ О НАПРАВЛЕНИИ НА РУСЬ ЕПИСКОПА И СВЯЩЕННИКОВ! Просьбу приняли, и в следующем 960 г. некий монах Сент-Альбанского монастыря был рукоположен в епископы Руси, но в Киев не смог прибыть, поскольку заболел и умер.

В том же году в епископы Руси был рукоположен монах монастыря Св. Максимиана в Трире Адальберт – и добрался до Киева. Правда, уже через год ему пришлось покинуть русские пределы.

Почему? Сторонники «несторовщины» не в силах опровергнуть сам приход Адальберта на Русь (ибо об этом пишут не только западноевропейские, но и русские хроники), однако объявили его отъезд «неприятием русскими папежского гостя». То есть – еще одним аргументом в пользу «византийской» версии Ольгиного крещения.

Меж тем отъезд Адальберта из Киева можно истолковать и по-другому. Возможно, дело было не в том, что Адальберт пришел от папы, совсем не в том... В конце концов, в те времена единая христианская церковь еще не раскололась на православную и католическую, а потому мы с полным правом можем заключить, что яростные выпады несторовской «Повести» в адрес папистов как раз и объясняются тем, что «Повесть временных лет» написана веке в шестнадцатом, когда противостояние и впрямь стало непримиримым. А в храме Святой Софии, построенном в Киеве в XII в., мозаичное изображение Римского Папы Климента преспокойно соседствовало с образами Григория Богослова и Иоанна Златоуста...

Адальберт мог покинуть Киев по причинам, как выразились бы мы сейчас, организационного характера. Историк М.Д. Приселков полагал, что Адальберт был направлен в Киев с ограниченными полномочиями – русская церковь должна была быть организована как простая епархия, то есть подчинявшаяся непосредственно германскому духовенству. Ольга же вполне могла потребовать, чтобы киевская церковь стала *диоцезом* – автономной единицей под руководством автономного епископа или митрополита. Во всяком случае, именно эти требования в свое время выдвигали принявшие христианство от Рима владетели Польши и Чехии – и после долгой, сложной борьбы добились своего. Ольга просто-напросто могла последовать их примеру. Но – не договорились. Адальберту пришлось уехать в спешке. Впоследствии его отъезд истолковали как «неприятие» Киевом «римского варианта».

А было ли таковое неприятие? Позвольте усомниться...

О Константине и Мефодии

Распространение христианства на Руси неразрывно связано с именами двух братьев-просветителей – Кирилла и Мефодия. Именно они составили кириллицу – новую азбуку, пришедшую на смену старым славянским письменам, и эта азбука из Моравии и Чехии попала на Русь. Разумеется, давно принято именовать братьев «православными византийского обряда»...

Однако все было несколько иначе. Во-первых, по логике азбуку следовало бы именовать не кириллицей, а константиницей – потому что брат Мефодия именовался как раз Константином, а имя Кирилл принял незадолго до смерти, уйдя в монастырь. К тому времени новая славянская азбука давно была им совокупно с братом составлена...

Во-вторых, вся жизнь и деятельность братьев свидетельствуют о том, что они в первую очередь были посланцами *Рима*. Судите сами.

Сначала Константин и Мефодий и в самом деле жили в Константинополе и были пока что не священниками, а учеными книжниками-мирянами. В 862 г. князь Ростислав, правивший Великой Моравией, прибыл к византийскому императору Михаилу и поведал ему, что Моравия отреклась от язычества, стала соблюдать христианский закон, но не имеет учителей, которые проповедовали бы христианскую веру на *славянском языке*.

Тогда-то император и поручил ученым братьям ответственную миссию. Составив новую азбуку, Константин с Мефодием прибыли в Моравию и более трех с половиной лет проповедовали там христианство, распространяя Священное Писание, начертанное той самой кириллицей (константиницей).

После чего намеревались вернуться в Константинополь... но, встретив в Венеции папского гонца, приглашавшего их в Рим, последовали за ним. Именно в Риме папа Адриан II рукоположил братьев в сан священников! Сохранилось письмо папы моравским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, где, в частности, говорится: «Мы же, тройне испытав радость, положили послать сына нашего Мефодия, рукоположив его и с учениками, в Ваши земли, дабы учили они Вас, как Вы просили, переложив Писание на Ваш язык, и совершали бы полные обряды церковные, и святую литургию, сиречь службу Божью, и крещение, начатое Божьей милостью философом Константином».

О вражде меж западной и восточной церковью пока что нет и речи – в том же послании Адриан именует византийского императора «благочестивым». Есть еще одно многозначительное упоминание: Константин и Мефодий, отправляясь в Моравию, заранее знали, что эти земли относятся к «апостольскому», то есть *римскому* канону. А потому ни в малейшей степени не отклонялись от римских канонов. И найденные ими мощи святого Климента отвезли не в Константинополь, а в Рим.

Остается лишь добавить, что впоследствии папа сделал Константина епископом, а также специально восстановил для Мефодия Сремскую митрополию.

Итак, в конце IX века в славянских землях с благословения римского папы трудами Константина и Мефодия распространялось христианство апостольского, т.е. римского, канона. Распространялось среди ближайших соседей Руси – родственников ей славян. Может быть, именно отсюда и берет начало и появление в Киеве христианских церквей, и крещение Ольги? А Константинополь здесь и вовсе ни при чем? Лишь впоследствии, когда между Римом и Константинополем отношения испортились напрочь и дело дошло до взаимного анафемствования, летописцы вроде Нестора (жившего, скорее всего, в XV или XVI веках) постарались на совесть, чтобы вымарать все «крамольные» упоминания о крещении, первоначально принятом от посланников Рима...

Есть еще одно косвенное доказательство. Наличие в нашем Священном Писании Третьей Книги Ездры, которая присутствует лишь в Вульгате (Библии на латыни) – но не в греческом и еврейском вариантах Писания. Это доказывает: первые переводы Библии на старославянский язык были сделаны именно с Вульгаты, то есть с Библии *римского* канона. Да и календарь – основа богослужения – на Руси был принят не византийский, а как раз латинский. Названия месяцев латинские, а не ромейские, и началом года считался не сентябрь, как у греков, а март – как на Западе...

Интересно, есть ли западноевропейские источники, подтверждающие сию еретическую гипотезу?

Представьте себе, есть. Вот что сообщает хроника францисканского монаха Адемара (XII век):

«У императора Оттона III были два достопочтеннейших епископа: святой Адалберт и святой Брун. Брун смиренно отходит в провинцию Венгрию. Он обратил к вере провинцию Венгрию и другую, которая называется Russia. Когда он

простерся до печенегов и начал проповедовать им Христа, то пострадал от них, как пострадал и святой Адальберт. Тело его русский народ выкупил за дорогую цену. И построили в Руси монастырь его имени. Спустя же немного времени пришел в Руссию какой-то епископ греческий и заставил их принять обычай греческий».

Поездку Бруна к печенегам российская историография, скрепя сердце, признает. Однако все остальное, написанное Адемаром, современные ученые мужи опровергают по избитой методике: «летописец заблуждался». Из двадцатого века виднее. Нестора *положено* считать правдивейшей личностью под солнцем. Адемара *положено* считать невеждой, переложившим на бумагу недостоверные сплетни и непроверенные слухи. Нестор ложится в концепцию, Адемар же категорически неудобен...

Так и живут. Присочинив попутно, что княгиня Ольга сожгла град Коростень... реактивными снарядами, полученными от византийцев. Доказательством служит как раз то, что ни единого упоминания об этом в византийских документах нет – значит, конспирация была строго соблюдена...

Смерть на Днепре

Многие историки давно уже соглашаются, что убийство князя Святослава печенегами у днепровских порогов – история гораздо более сложная и загадочная, чем официальная версия, согласно которой Святослав, возвращаясь после войны с ромеями, чисто случайно напоролся на превосходящие силы степняков. Так что здесь я не открываю никаких Америк. Пока...

История, в самом деле, загадочная и грязненькая. Судите сами. После продолжавшихся два месяца схваток у болгарской крепости Доростол Святослав заключил с византийским императором Иоанном Цимисхием, в общем, довольно почетный мир. И поплыл с дружиной в Киев поздней осенью. Согласно летописям, русским стало известно, что у порогов печенеги устроили засаду...

И вот здесь что-то происходит! Что-то, навсегда оставшееся загадкой. *Большая* часть дружины с воеводой Свенельдом во главе уходит в Киев по суше, степью – и благополучно добирается до города!

Что касается князя Святослава, он вдруг начинает вести себя более чем странно. С меньшей частью дружины остается... зимовать то ли на берегу, то ли на одном из днепровских островов. Зима выдалась лютая, еды почти нет, летописцы подчеркивают, что русские бедствовали несказанно: «...по полгривны платили за конскую голову, врагом были болезни». Весной Святослав, даже не пытаясь пройти степью, по которой благополучно ушел Свенельд, вновь плывет по Днепру. Печенеги, что странно, отчего-то зимовали здесь же – они по-прежнему подстерегают князя. И убивают...

Странностей выше допустимого. Почему Святослав не ушел в Киев степью? Означает ли уход Свенельда, что в русском стане произошел *раскол*? Почему печенеги столь упорно ждали несколько месяцев? В истории вроде бы не отмечены какие-то действия Святослава, внушившие печенегам непреодолимое желание за что-то отомстить князю...

Темная история. И потому ее не единожды называли «заказным убийством». Полное впечатление, что Святослав прекрасно понимал: в Киев ему идти *нельзя*. Почему? Что там могло случиться?

Поначалу во всем винили византийцев, якобы подкупивших печенежского кагана Курю. Однако впоследствии было блестяще доказано: ромеям просто не хватило бы времени организовать довольно сложную операцию. Не успели бы они снестись с печенегами...

Тогда? Покойный Л.Н. Гумилев предложил довольно изящно построенную версию. Согласно ей, заговор против Святослава был затеян старшим сыном Святослава Ярополком, стоявшим во главе киевских христиан. Другими словами, набиравшая силу христианская партия таким образом отделалась от одного из самых влиятельных своих противников. Благо под рукой имелся киевский воевода Претич, несколькими годами ранее ставший побратимом печенежского кагана Кури – он, скорее всего, и стал «связником» [48].

Косвенным подтверждением этой версии служит Иоакимовская летопись, где смерть Святослава объявлена Божьей карой за то, что князь в 971 г. расправился с киевскими христианами и велел разрушить некую церковь.

Вообще-то, Иоакимовская летопись давно признана компилятивным источником, составленным в XVII веке, которому «доверять без проверки нельзя» (академик Б. Рыбаков). Сам академик считал, что доказательством является постамент языческого бога в центре Киева, который «был вымощен плинфой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.» [168].

Правда, приведенное академиком Рыбаковым «доказательство» свидетельствует лишь о том, что христианский храм был некогда разрушен, но никак не о том, что в разрушении повинен князь Святослав...

Читатель вправе недоуменно воскликнуть: «Позвольте! Ведь достоверно известно, что Святослав, не в пример матери Ольге и старшему сыну Ярополку, был приверженцем язычества!»

Верно, известно. Из рукописи Нестора. Но в последние годы появились свидетельства, заставляющие снова вспоминать о характеристике, данной Нестору Татищевым...

В вышедшей недавно книге «Империя» московские математики Носовский и Фоменко, известные интереснейшими работами на тему «новой хронологии», привели большие отрывки из книги Мауро Орбини, посвященной славянской истории. Книга эта впервые издана в 1601, и ее автор, «архимандрит Рагужский», основывался на огромном количестве средневековых источников, просто-напросто не дошедших до нашего времени [139].

Кстати, лично я не согласен с Носовским и Фоменко в том, что определение «архимандрит Рагужский» связывает личность Орбини с балканским либо итальянским городом Рагуза. Право на существование имеет и другая версия: Орбини был *австрийцем*. Слово «рагужский» вполне могло означать искаженное «ракусский» – то есть «австрийский». В

старых русских книгах титулом «арцкнязь ракусский» именуется германский император Максимилиан, и в самом деле имевший среди подвластных ему земель и Австрийское герцогство. А в современном чешском и словацком Австрия так и называется – «RAKOUSKO»...

Но вернемся к Святославу. В книге Орбини мне попалась прелюбопытнейшая строка: «После смерти Ольги правил ее сын Святослав, ШЕДШИЙ ПО СТОПАМ МАТЕРИ В БЛАГОЧЕСТИИ И ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЕ».

Каково? Это означает, что в прошлом, кроме навязшего в зубах «Нестора» существовали и другие источники, рассматривавшие князя Святослава несколько иначе, нежели «несторовцы». Какой еще вывод можно сделать из выше приведенной цитаты?

В самом деле, получалось несколько странно: мать Святослава – ревностная христианка, старший сын – ревностный христианин, зато сам он – язычник... Режьте мне голову, но здесь присутствовала некая психологическая нестыковочка.

Если сообщение Орбини правдиво (а какие у нас основания априорно считать его ложным, отдавая предпочтение Нестору?) и князь Святослав был христианином, события на Днепре можно истолковать несколько иначе...

Святослав остается зимовать на Днепре, потому что прекрасно сознает грозящую ему из Киева угрозу, но исходит эта угроза не от христианской партии Ярополка, а от языческой Владимира. К каковой принадлежит и бросивший Святослава Свенельд, и, возможно, Претич. В Киеве готовится антихристианский переворот, а потому Святослава, как ревностного и влиятельного сторонника христиан, необходимо убрать...

И убирают – руками печенегов. Имя их кагана присутствует в разных толкованиях – Куря, Курей, Кур... Интересно заметить, что в тюркском языке есть слово «Кур», которым принято называть одноглазого, потерявшего один глаз в результате травмы либо бельмастого. Быть может, «люди кагана Кури» на самом деле «банда Кривого»?

Кстати, некоторые источники уверяют, что Святослав был убит не на берегу Днепра, а на острове Хортица. Согласно свидетельству уже упоминавшегося Константина Багрянородного, на этом острове, у огромного дуба, русы-язычники совершали свои жертвоприношения, убивая живых петухов. Работы современных археологов это сообщение вполне подтверждают.

Интересно, есть какая-то связь между насильственной смертью христианина Святослава и языческим святилищем, расположенным

поблизости от места убийства князя? Быть может, неслучайно его кровь пролилась именно на Хортице? Жертвоприношение?

И, наконец, есть летопись, где прямо сказано, что Святослав не запрещал своим людям креститься – «не бороняше»...

Все последующие события без малейшей натяжки укладываются в гипотезу о *христианине* Святославе. Владимир убивает брата, христианина Ярополка. И устраивает в Киеве знаменитое языческое святилище, о котором написано слишком много (а посему не стоит цитировать здесь бесспорные источники). Возможно, именно по приказу Владимира (даже наверняка – в рамках *нашей* версии) была разрушена та христианская церковь, чьи камни и фрески легли в постамент грандиозного языческого капища.

Кому понадобилось превращать Святослава в закоренелого язычника, догадаться легко. Впоследствии, когда во множестве стали сочиняться апологетические описания «жития святого Владимира», *христианин* Святослав стал словно бы и неудобен. Главная заслуга в крещении Руси должна была достаться именно Владимиру. Тогда-то, надо полагать, цензорские ножницы и прошлись по летописям, не укладывавшимся в официальный канон. Всякие упоминания о первоначальном принятии Русью крещения от посланцев Рима были изничтожены (правда, руки коротки оказались, чтобы дотянуться до западноевропейских документов, вроде хроники Адемара). Фигура упорствующего в своих языческих заблуждениях Святослава как нельзя лучше оттеняла светлый образ Владимира Крестителя. Подозреваю, правщики истории с величайшей охотой проделали бы ту же метаморфозу с княгиней Ольгой. Однако тут уж приходилось соблюдать минимум приличий – слишком много было свидетельств о ее принадлежности к христианству, а прах княгини покоился в Десятинной церкви, откуда удалить его было бы трудновато. Зато Святослав, погибший где-то далеко, как нельзя лучше подходил на роль «защитника язычества», благо протестовать было некому. А вероломное убийство Ярополка... Некий историк объявил князя «злопамятным и завистливым». Не объясняя, понятно, на основании чего пришел к такому выводу. Главное, злопамятного и завистливого словно бы и не жалко.

Интересно, настанет когда-нибудь момент, когда не келейно, а с широким оглашением воздадут должное памяти *христианского мученика* Святослава, павшего от руки язычников за веру? Или по-прежнему будет торжествовать «несторовщина»?

И пришли миссионеры...

Чтобы должным образом оценить «правдивость» летописи Нестора «Повести временных лет», а также доказать, что она никоим образом не могла быть составлена в 1106 г. (году в 1606, а то и позже – так будет гораздо вернее), подробно рассмотрим один из ключевых эпизодов сего творения: рассказ о событиях, якобы происшедших перед принятием Владимиром христианства.

По Нестору, сначала к Владимиру один за другим, словно по некоему предварительному сговору (совершенно невозможная вещь!), являются некие посланцы, исповедующие ту или иную веру: мусульмане, «немцы из Рима», евреи и греки. Начинает мусульманин:

«И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами». И далее сообщают князю: оказывается, и в этой, земной, жизни можно «невозбранно предаваться всякому блуду» [173].

Каково? Вы можете себе представить ревностного миссионера, который в проповеди перед язычниками упирает главным образом на то, что его вера позволяет «невозбранно предаваться всякому блуду»? Лично я как-то не в состоянии. Либо миссионер этот – законченный дурак и развратник (а отправят ли такого в столь ответственную миссию?), либо вся эта история выдумана от начала и до конца гораздо *позже* описываемых событий, когда неприязнь меж православием и мусульманством достигла высокого накала (чего просто не могло быть в X веке нашей эры).

С «немцами из Рима» дело обстоит еще анекдотичнее. В защиту своей веры они, согласно Нестору, оказались способны промямлить одну-единственную косноязычную фразу: «Пост по силе; если кто пьет или ест, то все это во славу божию, как сказал учитель наш Павел».

Брешет, конечно, наш «очевидец» – как сивый Нестор... Но интерес для нас должны представлять не те глупости, что Нестор вложил в уста «немцам», а само употребление этого слова – «немцы», неопровержимо доказывающего, что «Повесть» сочинена не ранее *шестнадцатого* столетия. Именно в то время вошло в употребление в России слово «немец», служившее для обозначения любого западноевропейца. В Средневековье на Руси западноевропейцев называли совершенно иначе: «фрязы» либо «латины». Для примера: в 1206 году, узнав о взятии

крестоносцами Константинополя, русский летописец заносит эту новость на скрижали в следующем виде: «...Царьград завоеван и частью сожжен *Фрягами*, или *Латинами*». И подобных примеров – множество...

Вслед за магометанами и «немцами» испытать на себе убийственное остроумие князя Владимира настал черед иудеев. «Владимир спросил их: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам, А ЗЕМЛЮ НАШУ ОТДАЛ ХРИСТИАНАМ»».

Я не зря выделил последние слова. Именно в них и кроется ахиллесова пята «Повести». Согласно датировке, которая, в общем, сомнению не подвергается, этот интересный разговор происходил в 986 году от Рождества Христова.

То есть в те времена, когда в Иерусалиме, на землях бывшего еврейского государства, не было никаких христиан! Первые крестоносцы появились в Палестине лишь сто с лишним лет спустя после описываемых событий – в 1096! Вывод: «Повесть» написана не ранее конца одиннадцатого – начала двенадцатого столетия (а согласно тому, что выше говорилось о слове «немцы», – и того позже).

Потом, разумеется, приходят греки и закатывают речь на дюжину страниц, после которой Владимир, естественно, именно им и отдает предпочтение. Но приключения на этом не кончаются: Владимир отправляет «мужей славных и умных, числом десять», чтобы побывали в мусульманских землях, у «немцев» (!), а также посмотрели, как молятся богу греки в Царьграде. Славные и умные мужи добросовестно съездили к болгарам-мусульманам (не понравилось, понятно), потом побывали «у немцев» (с тем же результатом), и, наконец, оказались в «Греческой земле». Откуда вернулись очарованными, о чем и доложили князю в крайней степени восхищения: «И ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом».

Делайте со мной что хотите, но я твердо уверен, что Нестор – поганый русофоб. Иного определения для него и не подберешь. Надо очень не любить своих земляков, чтобы представить их полными и законченными дикарями, только вчера слезшими с деревьев и не без труда оторвавшими у себя хвосты... По Нестору, киевляне в 986 году от Рождества Христова были некими тупыми существами с девственно чистыми мозгами. Они впервые слышали о существовании мусульманства, иудаизма, «немецкой веры», они понятия не имели о церковных службах по православному

канону – и, угодив в совершенно незнакомую им «землю Греческую», предстали папуасами, разинувшими рты перед сверкающими бусами...

К счастью, *реальная* история выглядела совершенно иначе. К концу X века русские уже достаточно долго общались с волжскими мусульманами-болгарами, а следовательно, должны были составить некоторое представление об исламе. А христианство, как мы помним, давно пустило в Киеве глубокие корни, и церкви там существовали еще до Владимира, так что для ознакомления с «греческой верой» не было нужды отправлять «славных мужей» в далекий Царьград, расходуя казенные денежки...

Один мой знакомый, ознакомившись с этой историей, высказал циничное предположение: по его мнению, «девятеро славных мужей» преспокойно промотали командировочные денежки, отсиживаясь где-то в Киеве, а нужные сведения почерпнули, вовсе не выезжая из стольного града. Как же иначе, если церковь византийского обряда в те времена преспокойно существовала в Киеве?

Это, конечно, шутка – *наши* представления о десятом веке. Вряд ли в те времена удалось бы отколоть такой номер. Вся история с прибытием миссионеров разных религий и «путешествии девяти славных мужей» вымышлена Нестором от начала до конца. Плохо только, что на творение сего блудливого пера до сих пор принято ссылаться как на бесспорную истину. Вот вам мнение академика Б.А. Рыбакова: «Историко-географическое введение Нестора в историю Киевской Руси, написанное с небывалой широтой и достоверностью, заслуживает полного доверия с нашей стороны».

Насчет широты, мне представляется, почтенный академик совершенно прав. Но вот каким волшебным образом он проверил «небывалую достоверность» Несторовых творений, остается тайной за семью печатями. Лично для меня, по крайней мере. Как ни ломал голову, не смог определить: на основании каких источников Нестор утверждает, что «от Адама до потопа прошло 2242 года»...

Гораздо больше мне нравится высказывание нашего знаменитого историка Д. Иловайского, написавшего однажды по поводу одного особо выдающегося Несторовского пассажа: «Тут видим совершеннейшую бессмыслицу». В яблочко...

О бедных хазарах замолвите слово...

Пожалуй, больше всего оскорблений российская историография высказала в адрес хазар. Остальных южных соседей древних славян тоже не особенно жаловали летописцы и позднейшие историки – но половцев и печенегов поливали грязью все же не в пример меньше. Традиция оказалась устойчивой – великий поэт А.С. Пушкин припечатал хазар несмываемым эпитетом «неразумные», а крупный (но порой чрезмерно увлекавшийся собственными идеями) историк Л. Гумилев нарисовал предельно отталкивающую картину государства-паразита – Хазарского каганата, обложившего тяжелой данью всех ближних и дальних соседей. Мало того, по Гумилеву, власть в Хазарии, оказывается, захватили злокозненные пришельцы иудейской национальности, усиленно обращавшие в свою веру простодушных сынов степей. Разумеется, последняя версия была с радостным визгом подхвачена нацистами отечественного разлива, поднявшими шум вселенский об извечных кознях жидомасонов, еще тысячу лет назад обкатывавших на русских землях свой сатанинский план порабощения народа-богоносца...

Откровенной клиники мы постараемся избегать – всего лишь попытаемся разобраться в «хазарской загадке». Загадка эта существует до сих пор, и интерес к ней, судя по последним работам историков самых разных направлений, не падает.

Действительно, какое-то время иные славянские племена – поляне, северяне, вятичи и радимичи – платили дань Хазарскому каганату. Вот только понятие «дань» в те далекие времена было крайне растяжимым. Одним и тем же словом могли называть и постоянные выплаты, и деньги, полученные прямо-таки рэкетирами методами...

Вот именно. Рэкет был прекрасно известен уже в ту эпоху. Скажем, киевское войско подступало к стенам Константинополя и объявляло, что уйдет не раньше, чем ему заплатят определенную сумму. Подобную «дань» Византия (самое мощное государство региона!) платила и русским князьям, и дунайским болгарам, да едва ли не всем своим соседям. Кроме того, у всех народов было в большой моде останавливать идущие из дальних мест купеческие обозы и даже воинские дружины, требуя с них опять же «дань» (шутки-шутками, но, похоже, именно отсюда пошел русский деревенский обычай, когда парень, «ходивший» с девкой с чужой улицы, вынужден был угостить парой бутылок своих ровесников с означенной улицы –

иначе «амор» осложнялся до предела). Проезжающие, скрепя сердце, платили – куда денешься?

Словом, точных деталей нет. Доктор исторических наук А. Кузьмин сделал любопытный обобщающий вывод: «Летопись дает глухие и противоречивые сведения о дани, взимавшейся хазарами, но из этих преданий и воспоминаний никак не следует, чтобы эта дань была тяжелой».

Есть еще одна интереснейшая версия «хазарской дани», но об этом чуть позже. Поговорим об иудаизме хазар и некоторых загадках, отсюда проистекающих.

То, что *часть* хазар иудаизм все же исповедовала, наука подтверждает. Известный историк-эмигрант, профессор Йельского университета Г.В. Вернадский был крайне категоричен в суждениях: «В восьмом и девятом веках еврейские миссионеры были активны в Хазарии, и около 865 г. хазарский каган и многие из его знати были обращены в иудаизм... главным центром иудаизма Древней Руси был Киев. Еврейская колония существовала там с хазарского периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве. Евреи играли значительную роль как в коммерческой, так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси. По крайней мере, один из русских епископов этого периода Лука Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать, еврейского происхождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, подобно Илариону Киевскому и Кириллу Туровскому, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством» [35].

Вряд ли стоит подвергать сомнению вышесказанное (поскольку оно подтверждается многими источниками) – за одним-единственным исключением. В той части, где речь идет о еврейских заходящих *миссионерах*.

Потому что здесь – нестыковочка. Дело в том, что классический, ортодоксальный иудаизм (а иного в X веке просто не существовало) как раз категорически *запрещает* своим приверженцам вести миссионерскую деятельность среди иноверцев. Это, понятно, не значит, что того, кто решил обратиться к иудаизму, отвергают автоматически – но миссионерство прямо и недвусмысленно запрещено. (Кстати, в обряд принятия иудаизма и сегодня входит ритуал, когда неопита *трижды* уговаривают отказаться от своего решения.)

Кроме того, версия, согласно которой «заходящие иудеи» *захватили* власть в Хазарии и стали правящей кастой, опровергается самой историей:

за последние две тысячи лет иудеи *нигде*, ни в одной стране, не «захватывали» власть и не становились «правлящей верхушкой». Кроме Хазарии, как ни странно. Поневоле напрашивается вывод, что Л.Н. Гумилев по милому своему обыкновению чересчур поэтически подошел к трактовке истории Средневековья, создав легенду о коварных захватчиках.

Более правдоподобным (хотя, безусловно, способным многих шокировать) представляется другой вариант: никакого еврейского нашествия не было. Никакой власти в Хазарии коварные иудеи не захватывали. Хазарию населяли родственные славянам народы, *часть* которых *приняла* иудаизм. Самое обычное дело для тех времен, когда «ареалы» распространения тех или иных религий еще не устоялись окончательно в том виде, как они нам знакомы. Русь приняла христианство, но это вовсе не означало переселения византийцев на ее земли. Западные славяне приняли христианство от Рима, что опять-таки не есть результат «переселения» римлян на польские или чешские земли и захвата ими там власти. Ну а часть славян-хазар приняла иудаизм, не будучи по крови евреями (в конце концов, даже *сейчас* в России есть несколько деревень, где жители, русские по крови, исповедуют классический иудаизм).

Сохранившиеся свидетельства тех времен как раз и работают на эту версию. Следов «пришлой еврейской верхушки», как ни старались, не обнаружили. Зато хватает иных многозначительных упоминаний. В хазарском городе Саркеле (как и в других городах каганата) так и не обнаружены следы *еврейской* письменности. Зато тюркских надписей – сколько угодно^[11]. Та же картина и в Шарукани. И в Саркеле, и в Шарукани жили, кроме хазар, славяне, в том числе и христиане. Есть упоминание, что в 1111 году, во время похода русских князей на половцев, население Шарукани открыло ворота не перед угрозой применения военной силы, а перед попами, певшими молитвы...

Вот что писал персидский историк XIII века Фахр аддин Мубаракшах: «У хазар есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются меж собой... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудаизм».

Вот так. Общеизвестно, что евреи пишут справа налево... Хазары заимствовали *веру*, но не письменность.

Уже упоминавшийся Татищев на основании каких-то утраченных материалов считал, что хазары – славяне. И оставил крайне примечательную запись: согласно его изысканиям, киевские иудеи

говорили на... славянском языке.

Следовательно, и «киевские евреи» – не более чем славяне, принявшие иудейскую веру. Отсюда и Лука Жидята, обязанный своему прозвищу скорее всего происхождением из рода славян-иудеев. Кстати, в XII веке встречается отчество «Жидиславич», которое могло образоваться только от имени Жидислав.

Схожие аргументы можно подыскать и в русском эпосе – в древних былинах. Там, оказывается, действует богатырь с определенно еврейским именем Саул. Там Илья Муромец сражается с «богатырем Жидовином из земли Жидовинской»^[12]. Там часто мелькают витязи, которых называют «жидове козарские» – вроде богатыря Михайлы Козарина. Обратите внимание – витязи. Не ростовщики с пачкой векселей в сумке, а настоящие богатыри, восседающие в доспехах на борзых конях.

Итак, мнение о том, что хазары – это славяне, родилось не сегодня. После Татищева, в начале XIX века, о том же писал в своей «Истории русов или Малой России» архиепископ Белорусский Георгий Кониский: «Козарами (именовали – А.Б.) всех таковых, которые езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги, а сие же название получили наконец и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооружении, комплектуясь и переменяясь также своими семействами. Но когда во время военное выходили они вонне своих пределов, то другие гражданского состояния жители делали им подмогу, и для сего положена была у них складка общественная, или подать, прозванная наконец с негодованием дань козарам. Воины сии переименованы от царя греческого Константина Мономаха из козар – казаками, и такое название навсегда уже у них осталось».

Хазары-козары – предки казаков? Что ж, эта гипотеза вовсе не выглядит надуманной. Любопытно, что средневековые авторы, описывая внешность хазар, упоминают высокие шапки с матерчатым верхом, свешивающимся на сторону – шапки такие *казаки* носили еще в XIX столетии. Любопытно, что версия о «дани козарам» как налоге на содержание своего же войска находит подтверждение и в русских летописях: незадачливый князь Игорь, убитый древлянами, как раз и шел собирать «дань козарску»! Вассалом хазар он не был. Значит...

Тот, кто посчитает вышеприведенные гипотезы творением русских шовинистов, просчитается. Почти то же самое писали и католические авторы. Есть два знаменитых польских историка – Мартин Бельский (1495–1575), автор «Хроники Польши» и 10-томной «Хроники всего света» и

Матвей Стрыйковский (1547–1593), автор «Хроники польской, литовской, жмудской и русской». Оба в своей работе использовали огромное количество античных сочинений, работ польских, литовских и белорусских хронистов, не дошедших до нашего времени. И оба отчего-то писали о родстве хазар, половцев и печенегов со славянскими племенами литовцев и ятвягов...

Современные историки, хотя и не располагали теми документами, что имелись в распоряжении польских хронистов, тем не менее старательно заклеили обоих за «ошибки». Вновь с презрительной миной было произнесено: «Летописец ошибается». Потому что в *дошедших* до нас летописях написано нечто иное.

Меж тем и Бельский, и Стрыйковский, хотя и были «латинянами», пользовались огромным авторитетом у русских историков допетровской эпохи – надо полагать, оттого, что эти историки имели в своем распоряжении схожие древние документы. В главе «Призрак Золотой Орды» читатель столкнется с подлинными сенсациями, многое переворачивающими в нашем устоявшемся мировоззрении...

О печенегах и половцах. Нынешние ученые создали крайне своеобразную теорию, согласно которой все три народа «сменяли» друг друга. Хазар «сменили» печенеги. Печенегов «сменили» половцы. Половцев «сменили» татары. Цепочка получается довольно стройная, но страдает существеннейшим недостатком: никто из историков так и не смог внятно объяснить: куда же девались те, кого «сменили» и «вытеснили»? Неужели печенеги, придя в южнорусские степи, вырезали хазар до последнего человека, впоследствии их самих под корень уничтожили половцы, а тех уж вырезали татары...

Вздор, конечно. Никто никого не «сменял» и не «вытеснял». Просто названия народов подвержены таким же изменениям, как и имена городов. Те, кого в разные времена называли то хазарами, то половцами, то печенегами, продолжали мирно (или не вполне мирно) обитать на отчих землях. И были, судя по описаниям, людьми вполне славянского облика: само слово «половый» означает светло-соломенный цвет, так что половцы были русыми... А еще они были не кочевниками, а вполне оседлым народом – у одного несправедливо забытого историка допетровской эпохи (с чьими трудами мы подробнее познакомимся чуть погодя) написано четко и недвусмысленно: «...были разрушены ГОРОДА и КРЕПОСТИ и ДЕРЕВНИ половецкие...»

Косвенным подтверждением родства славян и хазар служит титул, которым величались предводители и тех, и других...

Любой, безусловно, согласится, что строчка из хроники: «...и встретились для совета три короля, два герцога и три барона» может относиться исключительно к Европе. А упоминание о встрече на высшем уровне меж несколькими «султанами» касается только исламского мира. И общность «короли», и общность «султаны» подразумевает для своих членов общую религию, схожие культуры, близость по уровню развития...

Так вот, титул, который носил глава Хазарского каганата, имел распространение не в одной Хазарии. «Каганами» были правители авар, болгар, венгров... и славян! Академик Рыбаков пишет: «Византийский титул (царь – А.Б.) пришел на смену восточному наименованию великих князей киевских «каганами». В том же Софийском соборе на одном из столбов северной галереи была надпись: «Кагана нашего С...» Заглавная буква С, стоявшая в конце сохранившейся части надписи, может указывать на Святослава Ярославича или Святополка Изяславича».

Митрополит Иларион (1051–1054), первый русский по происхождению, занявший этот высокий пост, написал сочинение «Учение о Ветхом и Новом законе»^[13], куда вошла и «Похвала кагану нашему Владимиру». Так и в тексте: «...великие и дивные дела нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли, Владимира...»

Сюда примыкает и западноевропейская Бертинская летопись, сообщающая о приезде в 839 г. к императору Людовику Благочестивому послов от русского кагана...

Хазары, отчего-то считавшиеся исчезнувшими, частенько появлялись в летописях уже гораздо позже той даты, согласно которой их города были *начисто* уничтожены русскими князьями. В 1203 г. «Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами». Примерно к тому же времени относятся упоминания о хазаро-черкесском князе Георгии Чуло, который, судя по имени, мог быть исключительно христианином. Кстати, «черкесы» эти, как и хазары, были не теми черкесами, которых мы знаем сегодня, а *черкасами*, предками нынешних казаков. Об этом следует помнить и в дальнейшем – «черкесы» в русских древних документах всегда означает не воинственный кавказский народ, а предков нынешних казаков. Полезно помнить, что один из самых больших казачьих городов так и назывался: Новочеркасск.

Одним словом, никогда не было противостояния славян и «неразумных хазар». Вплоть до Кавказского хребта обитали родственные племена славян – древляне, поляне, киевляне, хазары. Иные из этих славян, как ни прискорбно покажется это иному «патриоту», исповедовали иудаизм, а иные, как мы увидим впоследствии, – мусульманство, подобно волжским болгарам: «...названные от реки Волги волгары или болгары, которые

имели начало свое от преславного и многонародного народа словенского».

Кстати, версия о том, что в Хазарию якобы пришло одно из еврейских колен, была выдвинута итальянцем Джованни Ботеро в конце XVI века, но уже тогда к нему относились с нескрываемым скептицизмом, поскольку загадочная «страна Арсатер», о которой писал итальянец, никоим образом не ассоциировалась в глазах наших земляков с Хазарией – скорее уж с Индией...

Виртуальность-1: тиара над Россией

В этом разделе мы рассмотрим один из интереснейших вариантов несбывшейся, альтернативной истории: что произошло бы с Россией и с миром, останься наши предки в «зоне влияния» католической церкви. Конечно, для создания *детальнейшего* виртуального варианта потребовался бы долгий труд многих специалистов, применение ЭВМ, а посему ограничимся общими зарисовками, касающимися наиболее ключевых моментов. Нет смысла очень уж виртуозно извращаться, выдумывая совершенно новых исторических лиц и исторические коллизии. Проще считать, что основные «фигуранты» Большой Истории остались теми, кто нам известен сейчас. И для того есть веские причины. Не все зависит от религии. Характер и поведение многих выдающихся персонажей европейской истории далеко не во всем обуславливались верой, которую они исповедовали. Иван Грозный, окажись он не православным, а католиком, с той же неутомимой яростью боролся бы с магнатами-боярами и отстаивающими свои старинные вольности городами, и голов слетело бы ничуть не меньше. В чем убеждает опыт английского Генриха Восьмого, чье правление ознаменовано более чем 72 000 казненных, равно как и герцога Ришелье, крушившего пушками замки дворянской вольницы и кроваво подавлявшего любые попытки сепаратизма. И так далее, примеры слишком многочисленны...

Меньше всего я хотел бы задевать чьи-то религиозные чувства, но никак не в силах отделаться от убеждения, что в «византийском» каноне (который вовсе не следует механически отождествлять с православным!) таится некая полумистическая отравка, причинявшая массу бедствий и потрясений странам, имевшим несчастье с ним соприкоснуться. Даже русские авторы, не видящие себя вне православия, не раз грустно отмечали, что «византийское наследство», по сути, привело к тому, что русское православие столетиями оставалось пронизанным метастазами язычества, сплошь и рядом заводившего в тупики, весьма далекие от христианских канонов. Вопрос этот слишком обширный и сложный, чтобы излагать его хотя бы вкратце, замечу лишь вскользь, что судьба стран, принявших византийский канон – Россия, Болгария, Греция, Сербия, – форменным образом *выламывается* из европейской истории, отличаясь ненормально большим количеством невзгод. Здесь и роковые смуты, ставившие порой под сомнение само существование нации, и многовековое прозябание под

иноземным игом, и едва ли не полная потеря духовно-национальных корней – не говоря уже о периодах глупейшей самоизоляции.

Для сравнения можно отметить, что грузинская и армянская православные церкви (православные, но не «провизантийские»!), несмотря на то, что долгими столетиями находились под страшным иноверческим давлением, все же сумели сберечь те самые духовные, национальные и культурные корни народа. Как ни больно и тяжело говорить, но в сопоставлении, например, с грузинским *народом* русские, увы, выглядят скорее *населением*. Конечно, в этом чертовски модно упрекать злодеев-большевиков, но большевики, будем честными перед самими собой, стали лишь логическим завершением длившегося несколько сот лет гнилостного процесса...

Все проклятия в адрес католической церкви (сплошь и рядом вызванные откровенным незнанием предмета) не в силах заслонить очевидного факта: ни одна католическая страна не лишилась своей национальной либо духовной самобытности. Скорее уж наоборот. А пресловутая «тяга католических иерархов к светской власти» несла полезнейшую функцию: *сильная* церковь была независима от самодурских прихотей той или иной коронованной особы. Испокон веков повелось, что самодур на троне глух к благостным пастырским увещаниям, а вот перед лицом реальной силы вынужден сбавить обороты...

Все вышесказанное, разумеется, не значит, что католическая церковь за свою долгую историю была свободна от пороков и промахов. Люди – создания несовершенные, а посему склонны к порокам и преступлениям независимо от сана. Пили, блудили, воровали. Доходило до полуанекдотических случаев вроде того, о каком рассказывает в своей хронике немецкий монах Ламберт. На некоем празднестве аббат Фульдский вознамерился сесть рядом с архиепископом, но епископ Гильдесгеймский стал доказывать, что сие почетное место вправе занять только он. Духовные особы расстались врагами. А вскоре, в праздник Троицы, сторонники епископа и сторонники аббата схватились меж собой прямо в церкви, в ход пошли не только кулаки, но и мечи...

Можно вспомнить и о случаях, когда в католических святцах были обнаружены не то что «недостойные» – личности, о которых вообще ничего не было известно, и расследовавшей это дело высокой духовной комиссии пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось навести порядок и вычеркнуть «мертвых душ»...

Но все это – частности. Главное же в том, что католицизм, как уже говорилось, лишь способствовал национально-духовному процветанию

принявших его народов, в том числе и славянских. И потому чуточку смешно выглядят «обличения» одного весьма крупного историка прошлого столетия в адрес злокозненных «езуитов». Судите сами. Историк негодует главным образом по поводу того, что коварные иезуиты «портили» украинскую молодежь XVII столетия – вместо того, чтобы и далее продолжать свое образование в культурных центрах вроде Яблонца (знает кто-нибудь, где это?!), по наущению иезуитов и за их счет юноши отправлялись учиться в Австрию, Францию, Испанию и Италию. В самом деле, коварство иезуитов тут превосходит всякие границы – вместо загадочного Яблонца юные славяне были обречены прозябать под небом Флоренции, Вены или Мадрида... [93]

Интересно, многие ли знают, что само понятие «права человека» оказывается неразрывно связанным с деятельностью в Южной Америке монахов-иезуитов?

Источник авторитетный: доктор философских наук, профессор Мераб Мамардашвили. Вот что он говорил в одном из интервью, вспоминая о знаменитом «государстве иезуитов» в Парагвае:

«Есть одна интересная закавыка! Эта страна нам представляется одним из образцов социальной несправедливости и тем самым революционности ситуации. Причем несправедливости исторической, заложенной испанцами как завоевателями и закрепленной идеологически, духовно католической религией в лице прежде всего ордена иезуитов... Вы знаете источник, исторический источник самой концепции прав человека? Тех самых прав человека, которые являются достоянием европейской культуры и прежде всего, конечно, лицом, *familier mot* которых является Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная Французской революцией? Фактом является... то странное обстоятельство, что концепция прав человека изобретена испанскими иезуитами. Это странно ведь. Было бы естественным, если бы концепцию и саму идею прав человека изобрел, скажем, кто-то из французских энциклопедистов или сторонник и последователь английского Номе book – Великой хартии. Но вот частью и итогом довольно интенсивной интеллектуальной работы, которую иезуиты вели, и, как предполагается, в своекорыстных целях, явилась разработка самого понятия и концепции прав человека в современном значении этого термина – концепции, заложенной как в Декларации Французской революции, так и в Декларации ООН, и так далее и так далее... иезуиты ведь христиане, это христианский орден, а понятие личности фундаментально для христианства. Почему вот эти страшные завоеватели, эксплуататоры и грабители вдруг оказались участниками чего-

то совсем другого и прямо противоположного – участниками движения за права человека?» [194].

От себя добавлю, что покойный философ никоим образом не был связан с католичеством – тем ценнее его свидетельство...

Вернемся к нашей «виртуальной реальности». Конечно, Русь, останься она католической, ничуть не была бы избавлена от княжеских распрей и междоусобных войн – этот печальный период пережила и католическая Европа. Однако при католическом пути у России был бы нешуточный шанс на создание огромной славянской сверхдержавы...

Шанс этот касается Великого Княжества Литовского. Хочу сразу предупредить читателя: это могучее некогда государство не имело никакого отношения к *нынешней* Литовской республике и *нынешним* литовцам, которых правильнее именовать так, как они сами себя называют: «летувяй».

Предками нынешних «летувяй» были языческие народы балтийской группы – жемайты и аукштайты. Именно они населяли Жемайтию (Жемойтию, Жмудь, княжество Самогитское), занимавшее небольшую часть нынешней Литвы. Свою независимость это княжество со столицей в г. Расейняй сохраняло лишь двадцать пять – тридцать лет, после чего вошло составной (и не самой важной) частью в государство, именовавшееся полностью «Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское». Можно добавить еще, что балто-литовский язык жемайтов не имел своей письменности до середины XVI века.

А вот «литовцами» в те времена именовались предки нынешних белорусов, звавшихся сначала гудами (гудзинами), потом – кривичами и литвинами-литовцами (того, кто интересуется более подробным изложением этих тезисов, можно отослать, к трудам лингвиста И. Ласкова, кандидата философских наук Я. Тихоновича, филолога и историка, профессора М. Ермаловича). Племя под названием «литва» обитало на юге нынешней Литвы, в верховьях Немана, в окружении родственных славянских племен – ятвягов, кривичей и лехетских радимичей, переселившихся туда из Мазовии (некогда самостоятельного княжества, населенного родственными полякам мазурами, потом – одной из областей Польши). В первой половине XIV века, во времена великого князя Витовта, Великое Княжество занимало Литву, или Троцкое и Виленское воеводства, а также Белоруссию примерно в нынешних границах, Украину (без Галиции), часть Смоленщины, бывшие Калужскую, Орловскую и Курскую губернии.

В 1382 г. князь Ягайла (впоследствии король польский Ягелло) убил

Кейстута, отца Витовта. Чтобы отомстить, Витовт и его брат Скиргайла призвали на помощь крестоносцев, а в качестве платы отдали им Жемайтию. Стоит упомянуть, что Витовт и до того, и после, в компании крестоносцев и один, в буквальном смысле слова заливал языческую Жемайтию кровью, дарил ее, уступал, переуступал, разве что не проигрывал в карты. Отсюда ясно, что соплеменниками ему жемайты не были – с отчей землей так не обращаются. А потому по меньшей мере странны нововведения нынешних литовцев: Витовта они отчего-то переименовали в «Витаутаса» и называли «отцом жемайтской независимости»...

Под властью крестоносцев Жемайтия пребывала вплоть до битвы под Грюнвальдом-Танненбергом в 1410 г., но и после включения в состав Великого Княжества, как явствует из самого его названия, осталась третьестепенной провинцией славянской державы, не игравшей мало-мальски заметной роли. Слово «жмудный», кстати, в современном польском языке носит явственно пренебрежительный оттенок и означает нечто вроде «бесполезный» или «обременительный»...

Государственным языком Великого Княжества был древнебелорусский, и делопроизводство велось исключительно на нем. Известно, что на Солинской встрече князя Витовта с посольством крестоносцев Витовта сопровождали князья Юрий Пинский, Михаил Заславский, Александр Стародубский, Иван Гальшанский, Иван Друцкий. По свидетельству посла крестоносцев Кибурта, Витовт и весь его двор говорили исключительно по-белорусски. Даже в Жемайтии правили белорусские бояре: княжеским посадником в Ковно (новое название – Каунас) сидел некий Иван Федорович, а жемайтским войском командовал уже упоминавшийся князь Юрий Пинский.

Иными словами, Великое Княжество Литовское было славянской державой, где православие до определенного времени пользовалось равными правами с католичеством. Именно тем и объясняется легкость, с какой подданные московского и иных русских князей во множестве «уходили в Литву», а «литвины», тоже в немалом количестве, переходили «под руку Москвы». Именно так в свое время «отъехал к Москве» князь Михайло Глинский, один из предков Ивана Грозного. Рискую утомить читателя, все же приведу генеалогию семейства великого князя литовского Ольгерда (кстати, наполовину русского, сына князя Гедимина и княжны Марии Тверской):

Дети от первого брака Ольгерда с княжной Марией Ярославной Витебской:

1. Андрей, впоследствии князь полоцкий.
2. Дмитрий, князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский (предок князей Трубецких).
3. Константин, князь черниговский, затем чарторыйский (предок князей Чарторыйских).
4. Владимир, князь киевский, затем копыльский (предок князей Бельских и Слуцких).
5. Федор, князь ратненский (предок князей Сангушко).
6. Федора – замужем за Святославом Титовичем, князем карачевским.
7. Неизвестная по имени дочь – за Иваном, князем новосильским и одоевским.

8. Агриппина-Мария – за Борисом, князем городецким.
Дети от второго брака Ольгерда с княжной Ульяной Александровской Тверской:

1. Ягайло-Владислав, великий князь литовский, король польский, родоначальник династии Ягеллонов (правившей с 1386 г. по 1572 г.).
2. Скиргайло-Иван, князь трокский и полоцкий.
3. Корибут-Дмитрий, князь новгород-северский, збаражский, брацлавский, винницкий (был женат на княжне Анастасии Рязанской).
4. Лигвень-Семен, князь новгородский, мстиславский (был женат на княжне Марии Московской).
5. Коригайло-Казимир, наместник Мстиславский.
6. Вигунт-Александр, князь керновский.
7. Свидригайло-Болеслав, князь подольский, черниговский, новгород-северский, брянский, великий князь литовский, затем князь волынский.
8. Кенна-Иоанна – за князем Поморским, вассалом Польши.
9. Елена – за князем Владимиром Боровским и Серпуховским.
10. Мария – за литовским боярином Войдылой, потом за князем Давыдом Городецким.
11. Вильгейда-Екатерина – за герцогом Мекленбургским.
12. Александра – за князем Мазовецким.
13. Ядвига – за князем Освенцимским.

(Здесь, как и на Руси в свое время, мы имеем дело с двойным именованием: «мирское», обиходное имя и данное при крещении.)

Как видим, тогдашняя Литва – сложное переплетение семейных связей польских, русских и белорусских князей. Славянское государство. И когда Ольгерд или его потомки «ходили на Москву», это, увы, вовсе не было нашествием чужеземного супостата – это всего лишь жгли друг у друга города славянские князья ^[14].

Витовт, неофит-католик с 1382 г., вскоре перешел в православие (когда получил от Ягайлы во владение православные уделы Берестье и Городню), но уже в 1385-м вернулся в католицизм. После избрания Ягайлы королем польским, после Кревской (1385) и Городельской (1413) уний, тесно связавших Литву и Польшу в некую федерацию, наступило размежевание. Пренебрежение Витовта к православным, прямое их притеснение Ягайлой (только феодалы-католики могли получать гербы, занимать должности, заседать в сейме, а впоследствии и выбирать короля) привело к тому, что часть православных князей и бояр Литвы отдалась со своими уделами в подданство Москвы. Другие приняли католичество, составив впоследствии значительную часть польской шляхты (Чарторыйские, Сапегы, Радзивиллы). После Люблинской унии 1569 г., объединившей Польшу и Литву в одно государство, Жечь Посполиту (именно так согласно грамматике и должно звучать правильное название), «Литва» стала чисто географическим понятием. «Литвинами» себя называли те, кто родился на сей земле – и великий польский поэт Адам Мицкевич, и украинец Тарас Шевченко, и белорусы Янка Купала и Якуб Колас.

Необходимо заметить, что впоследствии, когда короля стали выбирать и прав у него практически не было никаких, а развращенная вольностями польская шляхта превратилась в толпу ни на что не способных гуляк, именно «литвины» несли на своих плечах главную тяжесть войн за государство. Во второй половине XVII столетия, в эпоху польско-казацких войн, армия Жечи Посполитой упустила великолепный шанс полностью разгромить и взять в плен Хмельницкого исключительно из-за дурости собственно польской шляхты, после пары удачных сражений заскучавшей и отправившейся по домам прямо с поля боя. При польском короле осталось лишь одиннадцать тысяч литовцев – именно они лихим ударом взяли Киев, но Хмельницкого догнать не успели.

Отголоски этой ситуации великолепно просматриваются в знаменитых книгах Генрика Сенкевича. Нужно заметить, что его трилогия «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» до сих пор пользуется в Польше неимоверным почитанием, именуясь в обиходе просто «Трилогия». Так вот, среди героев этих произведений, среди витязей, рубившихся во славу Польши, чьи имена заучивают дети еще в младших классах... почти нет собственно поляков, «великополяков». Все эти витязи – либо литвины, либо «русская шляхта» (как именовали себя украинские дворяне-католики)! Самое пикантное, что это мало кто замечает даже теперь, и в свое время это мое литературоведческое открытие вызвало суций шок у моих знакомых поляков...

Но вернемся к Жечи Посполитой. В 1572 г., когда умер последний король из династии Ягеллонов Зыгмунт II Август и впервые прозвучала идея об «элекции», т.е. выборах короля, одним из кандидатов стал русский царь Иван Грозный. Легко понять, почему он был и Рюриковичем, и потомком князей Глинских, то есть близкий родственник Ягеллонов (родоначальником которых, как мы помним, был Рюрикович на три четверти Ягелло), а в те времена такие вещи имели огромное значение – настолько огромное, что поляков и литвинов не остановило даже различие в вероисповеданиях.

Увы, Иоанн Васильевич сам испортил все дело – по присущей ему несдержанности и живости характера заявил прилюдно, что, став властелином Жечи Посполитой, быстренько изведет под корень «латынские» храмы и заменит их православными церквями. Шляхта ужаснулась и, решив не рисковать, проголосовала за французского принца Генриха Валуа...

Впоследствии именно эта выборность королей, становившихся бесправными марионетками, привела Жечь Посполитую к катастрофе – но разговор не об этом...

Будь к тому времени Русь католической, избрание Ивана Грозного на краковский престол^[15] можно с уверенностью назвать делом практически решенным. Что в итоге? Над Европой нависла бы огромная славянская держава, включавшая Московию, Великое Княжество Литовское и Польшу, объединенных общей верой (тому, кто заинтересуется этой возможностью, не помешает самому определить по карте пределы такого государства). Нет сомнений, что Иван Грозный сумел бы и на новом престоле бороться со своевольными магнатами так, как привык это делать на Руси – а нужно отметить, что в Жечи Посполитой была сила, способная стать ему в этом опорой: сильные и многочисленные города, по так называемому магдебургскому праву обладавшие определенной независимостью от феодалов.

Честно говоря, при мысли об упущенных возможностях меня охватывает нешуточная грусть – чересчур заманчив этот вариант католической славянской сверхдержавы...

Ничуть не притягивая за уши высосанные из пальца аргументы, можно с большой уверенностью говорить: в случае создания нашей виртуальной «Московии Посполитой» (надо же ее как-то называть?) Германия надолго, быть может навсегда, осталась бы скопищем карликовых государств, поскольку Пруссию (сыгравшую в 1871 г. ту же роль, что некогда для русских земель сыграла Москва) Краков несомненно подчинил бы своему

влиянию...

Рассмотрим историю Пруссии подробно.

Мало кто помнит, как появились на славянских землях те, кого потом стали называть «псами-рыцарями». В начале XII века означенных рыцарей выгнали из Палестины – и германский император Фридрих I Барбаросса попросил, чтобы изгнанников приютили его старые добрые друзья: князь Конрад Мазовецкий и Всеволод Большое Гнездо (дед Александра Невского).

Оба князя, будучи в прекрасных отношениях с Фридрихом, выполнили его просьбу. Так и появился на балтийском побережье Тевтонский орден, выпустивший затем метастазы в виде ордена Ливонского.

Первое время немецкие рыцари старательно выполняли однажды взятые обязательства, признавая себя вассалами мазовецкого и владимирского князей. Потом, набравшись сил, обнаглели – и события развивались в полном соответствии с известной сказкой о лисе, зайце и лубяной избушке...

Хребет Тевтонскому ордену долго ломала главным образом Польша. После Грюнвальда, где крестоносцев размолотили совместными усилиями поляки, литовцы, русские, татары и чехи, Орден еще долго сопротивлялся, но в 1457 г. был вынужден сдать полякам свою столицу Мариенбург, в 1466-м торжественно подтвердил, что остается вассалом Польши.

Войны, впрочем, продолжались – в одной из них, несмотря на духовный сан, принимал участие и Николай Коперник, руководивший обороной замка Фромборк. Однако в 1525 г. Орденское государство прекратило свое существование, став светским владением – Прусским герцогством. До 1657 г. (по крайней мере, формально), Пруссия оставалась вассалом польской короны, и освободилась от этой зависимости исключительно благодаря слабости Жечи Посполитой.

Ливонский орден был уничтожен Иваном Грозным в результате одноименной войны 1553–1558 г. Магистр ордена Кетлер часть своих земель отдал под власть Великого Княжества Литовского, а Ревель с Эстляндией признали над собой власть Швеции.

Так обстояло дело в реальности. Ну а как шли бы дела в *нашем* мире, где возникла Московия Посполитая?

Несомненно, более жестче по отношению к немцам. Вряд ли Грозный и его потомки церемонились бы с Пруссией, а у последней не достало бы сил сопротивляться славянскому соседу. Вероятнее всего, Пруссия стала бы очередной провинцией нового государства – и, быть может, не она одна.

Что автоматически влекло бы за собой долгую войну со Швецией. В

реальности Швеция долго воевала за балтийское побережье с Жечью Посполитой – и последняя на протяжении XVII столетия (о чем у нас мало известно) сумела нанести шведам несколько крупных поражений на суше и на море. В виртуальности против Швеции всей мощью выступала бы объединенная славянская держава – и исход войны наверняка был бы для северного соседа еще более тяжелым. Балтийское побережье наверняка было бы очищено от шведов еще в начале XVII в.

Это столь автоматически влекло бы за собой господство военного флота Московии на Балтике (у поляков к тому времени были солидные военно-морские силы, перешедшие бы «по наследству» к новому государству). И, как следствие – упадок влияния немецких торговых союзов вроде Ганзы. Сама логика событий ведет к тому, что Московия стала бы потихоньку прибирать к рукам крохотные германские княжества.

И, без сомнения, играла бы огромную роль в европейских делах – наравне с Францией и Священной Римской империей. Не исключено, что в нашей виртуальности Англия вообще оказалась бы лишена того влияния на европейские дела, какое имела в реальности.

Я не берусь наспех спрогнозировать позицию католической Московии Посполитой в конфликте меж папством и германскими императорами – вопрос слишком сложный, требует долгих расчетов и потому останется за пределами нашей книги. Однако с уверенностью можно сказать: став неотъемлемой частью католической Европы, Русь очень рано оказалась бы активной участницей войн с мусульманским миром. Что не могло не повлиять на ситуацию в Испании (где победа над маврами могла состояться гораздо раньше) и в Восточном Средиземноморье – веке в XV турки-османы могли быть отброшены от Константинополя (который, вполне вероятно, оказался бы в сфере влияния Руси). Поражение Турции в войне с Европой почти автоматически привело бы к тому, что открытие Америки оказалось отложенным лет на сто – полтораста. В нашей реальности европейцы отправили экспедицию к берегам Индии как раз оттого, что турки перерезали торговые пути с Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем. Но в варианте с оставшимся в руках христиан Константинополем и не возникшей Османской империей просто не было никакой нужды заниматься поисками «обходных» путей в Индию, и Колумб остался бы невостребованным историей.

Необходимо подчеркнуть, что еще задолго до вступления Ивана Грозного на престол объединенной державы Русь несколько веков развивалась бы, как *неотъемлемая* часть Европы. Русские молодые люди обучались бы в испанских, французских и итальянских университетах.

Кроме того, на Руси искусство могло бы развиваться столь же свободно и многогранно, как в Западной Европе. Омертвевший византийский канон загнал русское искусство в узкие, сугубо церковные рамки (факт, против которого просто нет аргументов), а потому отечественная светская живопись смогла достигнуть первых успехов лишь во второй половине XVIII столетия, а русская скульптура, несмотря на единичные достижения, начала нормально развиваться лишь во второй половине прошлого века. В Западной Европе, где католицизм не препятствовал развитию скульптуры, живописи, светской поэзии, обстояло как раз наоборот – и потому начался Ренессанс. Вполне возможно, что и на Руси в XVI–XVII веках жили люди, способные стать нашими Микеланджело, Рембрандтами, Боттичелли и Леонардо, но им просто-напросто не предоставилось случая проявить свои таланты, и они сошли в могилу, всю жизнь прозанимавшись *не своим* делом... Сколько шедевров мы потеряли, установить не представляется возможным.

Нет сомнений, что в «католическом варианте» Русь оказалась бы силой, способной помочь папскому престолу раз и навсегда разделаться в зародыше со всевозможными ересями, теми, которые в нашей реальности привели к рождению лютеранства.

Радикализм – порождение ума не одной только убогонькой российской интеллигенции, способной лишь разрушать либо рукоплескать разрушителям. Увы, и на Западе хватало недоумков, искренне восхищавшихся, к примеру, гуситами – исключительно на том основании, что гуситы «выступали против существующего порядка вещей»...

Да и мы учились по учебникам истории, где безоговорочно клеймилось «реакционное и кровожадное папство», выступавшее против «прогрессивных» гуситов. Меж тем гуситы, захватившие власть в Чехии, были компанией довольно жутковатой. Прежде всего оттого, что задолго до Ленина приняли один из основных принципов большевизма: истинный большевик может сам определять, что хорошо, а что плохо, кто хорош, а кто плох. Это вовсе не преувеличение – один из английских историков в сердцах назвал первых протестантов как раз «тогдашними большевиками». Вот что написано в «Хронике Лаврентия из Бржезовой» о некоторых идеях гуситов по переустройству жизни:

«...чтобы не допускалось под страхом установленных наказаний распитие в корчмах каких бы то ни было напитков...

...чтобы не носили роскошных одежд и не допускали бы ношение другими слишком против Господа Бога драгоценные,

как то: серебряных поясов, застёжек и всяких украшений и драгоценностей, располагающих к гордости...

...чтобы не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника...

...чтобы ни в ремеслах, ни на рынке не было... изготовления всяких бесполезных и суетных вещей...»

Обратите особенное внимание на два последних пункта. Вы спросите, кто должен был определять, какая вещь является «суетной и бесполезной», а кто считается «явным грешником»?

Кто угодно – при условии, что он принадлежит к «истинным праведникам». Я нисколько не преувеличиваю. Наиболее радикальное крыло гуситов – табориты и чашники – как раз и требовали установления такого порядка вещей, при котором любой горожанин (если он, разумеется, числится среди праведных обывателей) был бы вправе без всяких церемоний убить любого своего соседа, по мнению «добропорядочного», не вписывавшегося в общую гармонию. Нелишне упомянуть, что были еще и адамиты, жаждавшие общности женщин и права ходить голыми. Тот, кто решил, что я сгущаю краски, может сам покопаться в серьезных исторических трудах. В конце концов радикалы зарапортовались настолько, что самим гуситам пришлось их немножко перерезать...

Правда, вслед за тем гуситы начали совершать вооруженные вылазки за пределы Чехии – чтобы облагодетельствовать своим учением соседей. Но те, вовсе не желавшие подобных нововведений, стали сопротивляться, – и отражение гуситской агрессии как раз и стало именоваться впоследствии «карательными экспедициями католиков».

Потом появился Лютер. Право же, совершенно неважно, что он искренне желал бескровно усовершенствовать жизнь и сделать ее лучше и благоднее. Важны не намерения, а результат. Увы, изыскания Лютера вызвали лишь череду гражданских войн, смут, междоусобиц, насилий и зверств. Германские рыцари увидели в новом учении великолепную возможность как бы на законном основании ограбить церкви и монастыри, но добычу пустить не на облегчение жизни ближнему, а исключительно на собственные выгоды. Швейцарец Кальвин творчески усовершенствовал учение Лютера и довел реформы до логического конца – в кальвинистской Женеве людей бросали в тюрьмы за появление в яркой одежде, игру на музыкальных инструментах, чтение «неправильных» книг... В Тридцатилетней войне меж католиками и протестантами Германия потеряла *треть* населения. Франция стараниями протестантов более чем

на полсотни лет погрузилась в огонь и кровь гражданских войн. Слово свидетелю: «...гугеноты врывались в церкви. Они были многочисленны и вооружены ружьями и палками. Они срывали изображения святых, рушили распятия, разбивали трибуны, органы, алтари, скамьи и перегородки...» Это – о событиях 1566 г. в Валансьене. В 1531 г. в Ульме лошадей запрягли в орган, выволокли его из церкви и разбили на куски. В Бале в 1559 г., когда было установлено, что умерший три года назад житель по фамилии де Брюж оставался втайне католиком, тело вырыли из могилы и вздернули на виселицу.

Нам с детства вдалбливали, что Варфоломеевская ночь, случившаяся в Париже в 1572 г., была кровавейшим и злодейским преступлением католиков, достойным самого сурового осуждения. Вот только при этом забывали уточнить: это был *первый* случай, когда католики стали инициаторами резни. А вот протестанты-гугеноты к тому времени *множество* раз устраивали католические погромы, когда убивали всех подряд без различия пола и возраста. Последнее избиение католиков гугенотами случилось в городе Ниме за три года до Варфоломеевской ночи. Более того, существовали донесения агентов французских секретных служб, работавших среди протестантов. И из них следует, что глава протестантской партии, тот самый облагороженный пером Дюма адмирал Колиньи, как раз и планировал захват Парижа, взятие Лувра, арест короля. (Так называемый доклад съера де Бушавана.) Католики просто-напросто упредили удар, только и всего...

Можно вспомнить и о массовой резне священников солдатами Кромвеля, и о многом другом...

Короче говоря, вполне вероятно, что Россия, будь она католической, могла бы еще в середине XVI века склонить чашу весов в пользу полной и безоговорочной победы над первыми глашатаями лютеранской ереси. Пожар был бы погашен в самом зародыше – следовательно, не было бы ни Тридцатилетней войны, ни полувековой французской смуты, ни господства протестантизма в Англии. (Я уже не говорю о сатанистах-альбигойцах, с которыми покончили бы гораздо быстрее.) Не исключено, что Джордано Бруно остался бы жив и нашел своим талантам лучшее применение. Дело в том, что его в свое время сожгли не за идеи о множественности обитаемых миров, идеи эти тогда не были ни новыми, ни смелыми, ни даже еретическими. Бруно угодил на костер за то, что активно участвовал в деятельности чуть ли не всех европейских сатанистских обществ, – а это, согласитесь, меняет многое...

Можно уточнить, что известна так называемая Наваррская библия XIII

века, где планеты изображены в виде шаров, – но никто и не подумал тащить на костер художника. А истово верующий христианин Николай Коперник затягивал печатание своего труда не из «страха перед инквизицией», а исключительно потому, что, будучи священником, всерьез опасался смутить незрелые умы, считая, что к кардинально новым идеям людей следует приучать постепенно, а не обрушивать им на головы ошеломляющие сенсации.

Безусловно, Коперник руководствовался точкой зрения, близкой к той, которую впоследствии сформулировал известный английский философ – и верующий человек, не чуждавшийся теологии, – Фрэнсис Бэкон (1561–1626): «Знание в руках невежественного и неумелого человека, без преувеличения, становится чудовищем. Знание многогранно и может быть применено по-разному. У него лицо и голос женщины – олицетворение его красоты. У знания есть крылья, потому что научные открытия распространяются очень быстро, невзирая на границы. Острые и цепкие когти нужны ему для того, чтобы аксиомы и аргументы проникли в человеческое сознание и накрепко удерживались в нем так, чтобы от них нельзя было избавиться. И если они неправильно поняты или использованы, они приносят беспокойство и мучения тем или иным путем и в конце концов просто разрывают сознание на куски».

Нет сомнений: в случае единой католической Европы с самым активным участием в ее жизни католической России никогда не появилась бы на свет пресловутая «протестантская этика», в реальности как раз и определившая развитие западного мира.

В спорах об этом понятии сломано много копий, но я не раз сталкивался с казусами, когда спорившие имели самое общее представление о предмете дискуссии. А потому постараюсь в меру способностей внести ясность.

И католической, и православной церкви присуще понятие, именуемое «соборность» – уклад жизни, комплекс морально-этических норм, которые безоговорочно осуждают крайний индивидуализм, стремление отдельного человека противопоставить себя окружающей общности единоверцев. Строго говоря, само слово «католический» произошло от древнегреческого «кафоликос»=«соборный» (не случайно и сегодня главы *православных* армянской и грузинской церквей так и именуются – *католикос*).

Второй важный момент: и католицизм, и православие начисто отрицают железную *предопределенность* в судьбе христианина. Проще говоря, Бог дает человеку свободу выбора, а остальное уже зависит от самого человека – погубить свою бессмертную душу греховными

поступками или обрести вечное блаженство.

«Протестантская этика», выработанная наследниками Лютера, Кальвина и подобных им фанатиков «реформ», провозглашает как раз обратное: еще до рождения человека вся его жизнь, равно как и судьба, железно предопределены Творцом. Жизнь, по этой теории, видится не ежедневно предоставляющимся шансом выбора меж греховным и добродетельным, а некоей узкой и глубокой траншеей, по которой человек обречен двигаться.

Легко понять, какие выводы были сделаны из этого для повседневной жизни: если человек богат, богатство само по себе, автоматически делает его праведником. Если человек беден, он не заслуживает ни капли жалости, сочувствия, помощи – так ему «на роду написано». Более того: делая добро такому, предстаешь нарушителем воли Божьей...

Ну а всевозможные «дикие туземцы» обречены на то, чтобы быть покорными слугами «белого праведника», одушевленными вещами – в силу того, что у белого есть божьей волею мушкет и кираса, а у голого негра ничего подобного нет...

Именно протестантские Англия и Голландия начали то, что в учебниках именуется «промышленной революцией». Заметим в скобках, что революция эта проводилась типично большевистскими методами. Для набирающих силу мануфактур был необходим не свободный человек с чувством собственного достоинства и некоторой материальной независимостью (этот заломит цену за свою работу, и обходиться с ним придется уважительно), а люмпен в лохмотьях, с которым можно не церемониться. А потому в Англии махровым цветом расцвело так называемое огораживание – когда власти (за четыреста лет до русских большевиков!) разрушали крестьянскую общину, отнимая у крестьян их *собственность*, т.е. землю. Хваленые «рыночные» методы здесь как раз не действовали – нужно было создать резерв голозадой «рабочей силы». Трудовые резервы, как это потом именовалось в СССР... По данным английских историков, около *десяти* процентов взрослого трудоспособного населения страны скиталось по дорогам, не в силах найти средства к существованию. Им отрубали руки и уши по «закону против бродяг», клеймили, вешали. В стране вспыхивали восстания – и вновь горели деревни, возглавивших бунты монахов вешали на колокольнях, народу попроще отрубали голову прямо на придорожном бревне.

Впоследствии, когда протестанты отправились искать счастья за океаном, именно их потребности в бесправной рабочей силе привели к гнуснопрославленному расцвету африканской работорговли, когда на

Черном континенте погибла древняя самобытная культура тамошних государств и миллионы людей превратились в рабочий скот. Протестанты захватили Индию, а впоследствии под дулами пушек заставили китайцев потреблять опиум...

(Кстати, о колонизации Америки. Известный писатель Алекс де Токвиль сто пятьдесят лет назад написал примечательные строки: «Несмотря на беспрецедентные злодеяния, испанцы, покрывшие себя несмываемым позором, не смогли не только истребить индейцев, но даже запретить им пользоваться равными правами. Американцы в Соединенных Штатах с легкостью добились и того, и другого – спокойно, в рамках законности, прикрываясь филантропией, не проливая крови, не нарушая в глазах мировой общественности ни одного из своих «высоких принципов морали». Это – к вопросу о католиках и протестантах...)

В нашей виртуальности ничего этого, можно предполагать с большой долей вероятности, не произошло бы. Конечно, были бы свои кровопролития, войны и беды, но, подозреваю, не в пример менее несчастий обрушилось бы на Европу. Наверняка меньше сил и рвения уделялось бы так называемому техническому прогрессу, то есть бездумному нагромождению технических новинок, которые, по большому счету, уничтожают природные ресурсы и среду обитания, способствуют росту жертв войны, но никого еще не сделали счастливым. Равным образом, не исключено, удалось бы ввести в какие-то разумные рамки «научную любознательность» – тупое удовлетворение своего любопытства за счет всех остальных членов общества, которое давно уже лежит вне морали и этики. Любая попытка робко спросить: «Зачем?» вызывает презрительные усмешки и попреки в «отсталости» – зато не подвергаются осуждению высоколобые мыслители, у коих при виде атомного взрыва не находится иных слов, кроме восхищенной реплики: «Какая великолепная физика!»

Конечно, бессмысленно было бы призывать жить при лучине и бить рыбу костяной острогой. Однако и порожденные «протестантской этикой» крайности – бездумный «технический прогресс», бесполезное в итоге «развитие науки» восторга не вызывают.

Каким был бы наш двадцатый век в результате развития Европы по католическим канонам? Гораздо менее техногенным, конечно. Возможно, мы сейчас с удивлением взирали бы на первые паровозы и изрыгающие черный дым «пироскафы», а славу исследователей Америки и Африки несли бы не далекие предки европейцев, а наши деды, в большинстве своем еще живые. Возможно, самобытные культуры Америки, Африки,

Индии, Дальнего Востока, избежав европейского завоевания, создали бы в сочетании с католической Европой совершенно *другую* цивилизацию, не столь занятую гонкой за золотом и успехом, не грозящую в кратчайшие сроки уничтожить все живое на планете. Несомненно одно: *духовности* было бы не в пример больше, а следовательно – больше душевного спокойствия, доброты и любви.

Увы, на пути к *этому* варианту зловещей тенью высится фигура князя Владимира – тирана, развратника, братоубийцы (возможно, и отцеубийцы), впрыснувшего в вены Руси отдающий тленом византийский яд, чье действие сказывается даже сегодня, когда от Византии остались одни воспоминания...

Виртуальность-2: полумесяц над Россией

Была ли вероятность для России IX столетия принять вместо христианства ислам?

Вполне, и не столь уж малая. Начнем с того, что ислам, в общем, менталитету русского человека нисколько не противоречит (что в разное время доказали многочисленные беглецы из нашего отечества в мусульманские страны, принимавшие тамошнюю веру без особых треволнений – начиная с казаков и кончая солдатами кавказских полков. Иные из этих беглецов достигали крайне высокого положения). Разве что запрет на спиртное несколько удручает, но, откровенно говоря, его в мусульманском мире частенько находили способ обойти.

Что гораздо более важно, ислам в своей фундаментальной основе вовсе не несет какого-то отрицательного заряда. По сути, та же «соборность», что и в христианской церкви, то же отсутствие разделения по национальному признаку, аналогичное словам Христа «под солнцем моим (т.е. в церкви моей – А.Б.) несть ни эллина, ни иудея». И, наконец, почитание многих святых и праведников, которых почитают и христиане. Не зря в Коране написано: «Ближе всех к нам христиане», точнее: «Самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы – христиане!» (Сура 5, «Трапеза»). И далее: «Прокляты те из сынов Ибраила, которые не веровали языком Дауда и Исы, сына Марьям!» Дауд – библейский царь Давид, Иса – Иисус, Марьям – Дева Мария [92].

К сожалению, в формировании некоего подсознательного страха перед мусульманством повинны европейские пропагандисты, по сути, поставившие знак равенства меж исламом как учением и бородатым экстремистом с автоматом наперевес. Как будто в иных религиях не бывало экстремистов... Никто не станет называть террористов из каких-нибудь «красных бригад» «христианскими фанатиками» – однако боевик-мусульманин сплошь и рядом будет назван «исламским фанатиком», с упором, как правило, даже не на второе, а на первое слово.

Дело в том, что ислам, по большому счету, откровенно злит самым своим существованием кое-кого из тех самых сторонников «протестантской этики». Тех, кто склонен именовать «свободой и демократией» механическое перенесение своих установлений и порядков на другие страны, без всякого учета их национальной самобытности. Меж тем нынешние исламские страны вовсе не «отсталы» и не «фанатичны» – там

просто-напросто отстаивают свое законное право жить так, как жили их деды и прадеды, справедливо полагая, что тринадцативековая история развития под знаменем ислама представляет собой слишком большую ценность, чтобы от нее можно было легко отказаться ради сомнительного «прогресса».

Самый яркий пример полнейшего непонимания «образованным Западом» (и нашей образованщиной, уточню) особенностей и специфики исламского мира – дело Салмана Рушди. Последнего нам усиленно навязывают в качестве «борца за свободу творчества», которого узколобые фанатики отчего-то приговорили к смерти.

Отчего-то? Есть такие понятия «святотатство» и «богохульство». А также знаменитое высказывание о том, что свобода есть осознанная необходимость. Проще говоря, есть святые вещи, которые должны быть избавлены от экспериментов под названием «свобода творчества». Меж тем Рушди в своих «Сатанинских стихах» «изблевал», пользуясь старым русским выражением, «версию», которая стала оскорблением для любого верующего мусульманина – версию о том, что якобы вдохновителем при написании части Корана для Мухаммеда послужил не Аллах, а Сатана...

Нам просто-напросто трудно понять, какой гнусностью это выглядит в глазах *ревностно* верующего приверженца ислама. Мы сами, увы, далеко не так ревностны в своей вере, а потому преспокойно сглотнули роман Стругацких «Отягощенные злом», где в грязно-пародийной манере журнала «Безбожник» излагается жизнеописание евангелистов. Но это так, к слову...

Возвращаясь к исламу, стоит упомянуть, что в свое время он распространился по всей Северной Африке практически *мирным* путем. Города сами открывали ворота перед мусульманскими войсками – поскольку новая жизнь и новое учение казались – и были – не в пример предпочтительнее. Вот, кстати, подлинный приказ калифа Омара, обращенный к его воинам: «Вы не должны быть вероломными, нечестными или невоздержанными, не должны увечить пленных, убивать детей и стариков, рубить или сжигать пальмы или фруктовые деревья, убивать коров, овец или верблюдов. Не трогайте тех, кто посвящает себя молитве в своей келье» (637 г. от Р.Х.).

Обратите особенное внимание на последнюю строчку – речь там идет о прямом запрете причинять вред исповедующим *иную* веру. В самом деле, ислам всегда отличался веротерпимостью. К язычникам мусульмане относились враждебно – но не к христианам. Все вбитые в наше сознание стереотипы о «мусульманских зверствах» сплошь и рядом не

соответствуют истине – или относятся к *позднейшему* периоду (конец прошлого – начало нынешнего столетия), когда и в самом деле агонизирующая Османская империя мало напоминала прежние времена широкой веротерпимости...

При вдумчивом изучении истории убеждаешься, что, в общем, любые «турецкие зверства» как минимум *не превосходят* того, что творило в разное время христианское воинство. А то и уступают последним. Во все времена люди были склонны преуменьшать зверства своих и преувеличивать *чужие* зверства – а потому мы до сих пор проливаем слезу над участью бедного А.С. Грибоедова (кстати, по достоверным свидетельствам, своим предельно наглым поведением в Тегеране прямо-таки провоцировавшим конфликт), однако совершенно забываем о том, как Бонапарт в Египте своим честным словом пообещал сохранить жизнь мусульманским защитникам крепости Яффа, если они сдадутся, но тут же расстрелял четыре тысячи человек, имевших неосторожность ему поверить. (Отечественный историк А. Манфред уклончиво описал эту историю одной фразой: «При взятии Яффы французы проявили крайнюю жестокость к побежденным» [116]. Поневоле вспоминается старая русская поговорка: «Свое г... не пахнет»...)

В современной исторической литературе принято описывать самыми черными красками взятие турками Константинополя в 1453 г. Однако более углубленное знакомство с первоисточниками, мягко говоря, заставляет на многое смотреть по-иному.

Конечно, после взятия города случилась резня – как бывало во все века, религиозная принадлежность победителей и побежденных тут ни при чем. В конце концов, при взятии Варшавы войсками Суворова в 1793 г. казаки-христиане насиловали, а затем убивали христианских монахинь, а надетых на пики детей таскали по улицам (о чем пишет известный *русский* историк Костомаров)... [96]

Но вот дальше начинаются события, вовсе не укладывающиеся в традиционную картину «басурманских зверств». Храм Святой Софии турки превращают в мечеть – но множество других христианских церквей остается в неприкосновенности, и в них продолжают службы. Греческие библиотеки оставлены в целости – еще столетие спустя Ожье Бусбек, посол короля Фердинанда в Стамбуле, покупал древние греческие книги *возами*. Брат погибшего императора константинопольского Деметрий... возвращается в новую столицу Оттоманской империи, ко двору султана! От которого получает пенсию, слуг, телохранителей – и умирает в довольстве глубоким стариком. Следом возвращается его племянник Мануэль – и тоже

обретает всевозможные блага, а его сын впоследствии дослужился до высоких постов при султанах.

Стоит ли теперь удивляться, что в XVI веке, когда турки вышли к границам Австрии, на занятую ими территорию массами бежали немецкие и австрийские крестьяне? Причина проста: налоги на турецкой стороне были не в пример меньше тех, что драли христианские феодалы...

Можно еще добавить, что в реальности зачисление христианских детей в корпус янычар далеко не всегда вызывало потоки слез у их родителей. Янычары в тогдашней Турции играли ту же роль, что впоследствии в петровской России гвардейские полки – роль резерва кадров. Именно выходцы из янычар, подобно русским гвардейским сержантам, делали сплошь и рядом карьеру на военной, «статской» и придворной службе – сохранились свидетельства о том, что явление это, будучи массовым, вызывало неприкрытую зависть «чистокровных» турок. Особенно если учесть, что, кроме янычар, существовали еще «цивильные» учебные заведения, где из христианских детей готовили гражданских администраторов для Османской империи.

Ах да, погромы... Действительно, в Стамбуле имели место так называемые еврейские и христианские погромы. Вот только вызваны они были отнюдь не религиозными распрями.

Секрет в том, что ислам категорически запрещает давать деньги в долг под проценты, и ремесло ростовщика – одно из самых презираемых в мусульманском мире. Ростовщичеством в Стамбуле занимались главным образом евреи и православные греки. Отсюда и погромы – религиозной подоплеки в них не больше, чем в европейских репрессиях против фламандских и ломбардских банкиров-ростовщиков, таких же католиков, как и их гонители...

Нелишним будет упомянуть, что многие из знаменитых турецких адмиралов были христианами-отступниками.

Другими словами, мусульманский мир никогда не был отделен от христианского непроницаемой стеной и уж никак не являлся этакой «чужой планетой». От взаимопроникновения и взаимного обогащения культур до мощного притока христиан-ренегатов в Турцию (при полном отсутствии обратного движения) – примерно таков диапазон. Вообще, что характерно, Русь до начала XVI столетия практически не ощущала себя «противопоставленной» исламскому миру – впрочем, последующие войны с Турцией были вызваны не столько внутренними потребностями России, сколько нажимом европейских держав, по сути, втравивших наших предков в совершенно ненужную им бойню, как впоследствии втравили нас в

Семилетнюю войну...

Какие глобальные, стратегические последствия имело бы принятие Русью ислама?

Прежде всего, возникает интереснейшая проблема: какую ветвь ислама из двух предпочли бы наши предки, суннизм или шиизм?

Излагая слегка облегченно, суть в следующем. Шииты (слово это возникло от «шиат Али» – «партия Али») считают, что святыми «халифами» ислама являются только *прямые*, кровные потомки Али, зятя пророка Мухаммеда, мужа его дочери Фатимы. Только потомки Али, согласно шиизму, способны считаться имамами, законными духовными руководителями мусульман. Кроме того, шииты признают в качестве обязательного источника веры только Коран.

Сунниты, во-первых, священными книгами признают еще и «сунны» – сборники так называемых хадисов, рассказывающих о жизни, суждениях и поучениях Мухаммеда. Во-вторых, сунниты считают, что святость человеку дает не происхождение его от пророка, а добродетельная жизнь во славу ислама. *Часть* почитаемых шиитами халифов признают и сунниты – но только часть, в суннизме есть и другие халифы, именуемые «халифы праведной жизни».

Лично я убежден, что к русскому менталитету гораздо ближе суннизм. А еще более русскому мировоззрению соответствует исламское понятие «калиф» – так назывались правители, соединявшие обязанности и светского, и духовного владыки. Во всяком случае, именно к этому стремились многие русские великие князья, цари, а впоследствии и император Петр.

И не одни православные... Неоднократно поминавшийся в этой книге Генрих VIII, однажды без затей провозгласивший себя главой новой, «англиканской» церкви, вполне укладывается в понятие «христианского калифа» – хотя, наверное, удивился бы такому определению...

Итак, на историческую арену вступила мусульманская (а вдобавок суннитская) Русь. Попробуем просчитать последствия.

Разумеется, те же междоусобные войны крупных феодалов – от них никогда не был избавлен и мусульманский мир.

И – столь же глобальное изменение политической ситуации в Европе. Тот самый вес, что в «Виртуальности-1» лег бы всей своей немалой тяжестью на чашу Ватикана, теперь, наоборот, заставил бы последнюю взлететь вверх, как воздушный шарик.

Не исключено, что в «Виртуальности-2» Русь с самого начала повела бы целенаправленную экспансию в сторону Константинополя. И могла бы

захватить его раньше, чем в Малой Азии появились турки-османы. На Босфоре и в степях Средней Азии слились бы две исламских волны – с юга и севера.

В реальности победа христианства над мусульманством вовсе не выглядит чем-то непреложным. Еще в XVII веке мусульманские пираты добирались до берегов Англии (а южную Италию тревожили и во второй половине века XVIII), а Турция не прекращала попыток проникнуть в глубь Европы вплоть до 1683 г. Именно в этом году под Веной состоялось решающее сражение, после которого Османская империя навсегда отказалась от экспансии в Европу. Объединенное войско Священной Лиги под предводительством польского короля Яна III Собесского (27 000 украинских казаков и польских шляхтичей, около 43 000 немецких, саксонских и франконских солдат) встретилось с 70 000 турок, которыми командовал великий визирь Кара-Мустафа. Двадцатитысячный конный отряд под личным командованием короля Яна опрокинул правое крыло турок, а на левом фланге успех закрепила пехота герцога Лотарингского. Турки потеряли пятнадцать тысяч человек, союзники – три с половиной.

В нашей виртуальности до этого могло и не дойти. Совсем наоборот – христианская Европа вполне могла потерпеть полное и окончательное поражение под совместным натиском испанских мавров, Турции и Московского халифата, поддержанных на море берберийскими корсарами (среди которых, как мы помним, хватало христиан-отступников вроде Хайр-эд-Дина Рыжебородого). Над Парижем, Римом, Веной и Краковом поднялись бы знамена с полумесяцем, и лихая конница московского халифа Ивана Грозного поила бы лошадей в Дунае. Дольше всех на своем острове продержались бы, конечно, англичане – но вряд ли намного.

Сомнительно, чтобы завоевание мусульманской коалицией Европы привело бы к *полному* исчезновению христианства – но оно превратилось бы в религию *ничтожной* части европейского населения.

Я не берусь проследить конкретные судьбы каждой европейской страны при таком повороте событий, но кое-какие общие тенденции развития спрогнозировать можно.

Во-первых, как и в «Виртуальности-1», открытие Америки отодвинулось бы на гораздо более поздние времена – поскольку мусульманский мир, располагавший налаженными торговыми связями с Индостанским полуостровом, не нуждался бы в поисках «обходных» путей. Зато с уверенностью можно сказать: попав в конце концов в Америку, завоеватели вели бы себя там по отношению к местным религиям ничуть не мягче, чем испанцы-католики из нашей реальности. Язычников, как

упоминалось, ислам весьма недолголюбивает – а в глазах благочестивого мусульманина индейские жрецы с их человеческими жертвоприношениями выглядели бы точно так, как в глазах христианских священников...

Во-вторых, как и в первом варианте виртуальности, страны и племена Черной Африки имели бы достаточно времени для самобытного развития – исламский мир не нуждался бы в потоках черных рабов (по крайней мере, в столь *масштабных* потоках, какие текли в США).

В-третьих, что особенно важно, европейское общество точно так же избежало бы «прелестей» бездумного технического прогресса и промышленной революции на пуританский манер. Исламский мир никогда не отвергал технических новинок, но, по сути, руководствовался теми же принципами «соборности», разве что именовались они иначе. Можно по-разному относиться к эпитету «Большой сатана», которым аятолла Хомейни припечатал Соединенные Штаты, – но есть все основания видеть родство этого выражения и высказывания известного французского ученого Пуанкаре: «Америка пришла к цивилизации, минуя культуру». Потому что оба, и мусульманин, и европеец, имели в виду нечто схожее – ярко выраженный дефицит духовности, подмененной гонкой за «прогрессом». Между прочим, атомное оружие, концентрационные лагеря и нацизм – по совести, порождение как раз *протестантской* цивилизации.

Словом, и в этом варианте будущего мы жили бы, возможно, не в столь техницизированном мире – но жизнь наша, ручаться можно, была бы гораздо спокойнее, а прошлое нашей виртуальности не было бы омрачено атомными взрывами и уничтожением миллионов людей по национальному признаку...

А без винца не остались бы, право, если кого-то беспокоит именно этот аспект. Пошли бы к знакомому мулле, поговорили бы по душам и получили так называемую фетву – официальное разрешение от духовного лица употреблять спиртное в лечебных целях. Во всяком случае, уже сотни лет назад иные хитрецы именно так и устраивались...

Но если серьезно, лично для меня остаются привлекательными обе рассмотренные выше виртуальности. Хотя бы потому, что жизнь с верховыми лошадьми и керосиновыми лампами при всем ее кажущемся неудобстве компенсируется тем, что сверху не падают кислотные дожди и ниоткуда не хлыщет невидимым, неосязаемым потоком радиация...

Внимательный и дотошный читатель (а я верю в то, что добравшийся до этой страницы уже не намерен бросать книгу) наверняка может задать вопрос: отчего автор в своих расчетах обеих виртуальностей совершенно не учитывал столь важный и весомый фактор, как татаро-монгольское

нашествие, сыгравшее огромную роль в жизни не только Азии, но и Европы?

Вопрос, в общем, резонный. Но лично я намерен ответить на него встречным вопросом: а вы уверены, что существовало татаро-монгольское иго, Чингисхан и Батый?

Сам я в существовании всего этого совершенно не уверен. О чем и поговорим вдумчиво в следующей главе...

Славянская книга проклятий

Проклятие епископа

История конфликтов коронованных владык с владыками церкви «велика и обширна есть», и даже в кратком изложении заняла бы немало толстых томов. Темой нашего очередного исторического расследования будет лишь один-единственный, практически забытый, но крайне загадочный пример: конфликт польского короля Болеслава Смелого и краковского епископа Станислава в конце одиннадцатого века, завершившийся смертью обоих и положивший начало череде загадок, прямо-таки мистических совпадений, получивших название «проклятие епископа Станислава».

О причинах и глубинной сути вражды меж двумя высокими особами известно крайне мало. По сообщениям иных историков XV–XVI веков, епископ Станислав неустанно критиковал короля за его произвол и жестокость по отношению к подданным и, убедившись, что увещания не действуют, пригрозил наложить на венценосца проклятие. Пожалуй, эта версия наиболее правдоподобна: есть летописи XI столетия, подробно рассказывающие о прямо-таки необъяснимых, с точки зрения нормального человека, выходках короля Болеслава. По материнской линии происходившего, как давно установлено, из рода, «славного» откровенно безумными субъектами. К примеру, один из них, герцог Генрих, прилюдно избил архиепископа, добровольно ушел в монастырь, откуда вскоре сбежал, а вернувшись домой к жене, отрубил ей голову и демонстрировал ее прохожим на улице. Уже в нашем веке исследовавшие старые летописи судебные медики и психиатры без колебаний пришли к выводу, что Болеслав был ярко выраженным психопатом с признаками шизоидного распада личности.

Развязка долгого спора наступила в 1079 г., когда епископ Станислав был убит прямо у алтаря в краковском соборе – по одним версиям, приближенными Болеслава, по другим – самим королем. Достоверно известно лишь (после проведенной в XX веке экспертизы черепа), что епископ получил смертельный удар мечом в затылок.

После вспыхнувшего в стране всеобщего возмущения король Болеслав вынужден был бежать из Польши и закончил свои дни в полной безвестности. Версий насчитывается три: убит венграми; в приступе окончательного безумия покончил с собой; умер в отдаленном монастыре. Место его погребения неизвестно. Уже в 1839 г. было доказано, что так

называемая могила короля Болеслава в краковском замке Вавель содержит останки одной знатной дамы XVI столетия, чью могилу неизвестно кто и неизвестно когда «украсил» надгробной плитой с именем короля...

Епископ Станислав, причисленный в 1254 г. к лику святых, с тех пор считается небесным покровителем Польши. Уже в раннем Средневековье возникла традиция: каждый новый король, восходящий на престол, обязательно проходил пешком путь от замка Вавель к собору, где был убит Станислав, и там, преклонив колени у алтаря, просил прощения за «грех предка своего Болеслава». Обычай этот свято соблюдался в Польше долгие столетия, все время существования королевской власти – в том числе и теми монархами, что уже не были даже отдаленными родственниками Болеслава. Прервалась династия Пястов, к которой принадлежал Болеслав, на троне побывали и мазовецкие князья, и чешские короли, оборвались роды Андегавенов, через двести лет – Ягеллонов, наступило время выборных королей – но древний обычай неукоснительно соблюдался. Лишь два монарха его не исполнили, короновавшись не в Кракове, а в Варшаве, не попросив прощения. Но подробнее о них – чуть ниже...

Почти сразу же возник еще один, неписанный, но тщательно соблюдавшийся обычай: не назначать на краковское епископство священников по имени Станислав. Более того: в течение более чем шестисот лет после смерти епископа Станислава это имя избегали давать новорожденным мальчикам в сменявших друг друга королевских династиях (при том, что до конца XIX века имя «Станислав» входило в тройку самых распространенных в Польше), а когда наступила пора выборных королей, кандидаты с этим именем постоянно отвергались.

Традиция эта оказалась сломанной лишь с наступлением XVIII столетия, печально известного своими «свободомыслием» и «просвещенностью», равно как и открытым пренебрежением к «старым суевериям».

Так вот, как говорилось выше, лишь два короля не исполнили старинный обряд, отказавшись поклониться праху святого Станислава, короновались не в Кракове, а в Варшаве. Лишь они двое в нарушение древней традиции носили имя «Станислав» – речь идет о Станиславе Лещинском (1677–1766) и Станиславе Понятовском (1732–1798). И лишь они двое после Болеслава Смелого стали изгнанниками, свергнутыми с престола и погребенными на чужбине! Лещинский, проживший без малого девяносто лет, на троне просидел лишь пять, с 1704-го по 1709-й. Вторично став королем исключительно благодаря поддержке французских штыков в 1735-м, не удержался на престоле и года и скончался во Франции после

тридцатилетнего прозябания в роли приживальщика версальского двора. Понятовский остался в истории с клеймом еще большего несчастливца: именно при нем Польша перестала существовать как самостоятельное государство.

Те, кто материалистически твердит о совпадениях, продиктованных теорией вероятности, разумеется, имеют право считать именно так. Однако ни одна материалистическая версия не в силах объяснить, почему все происшедшее с превеликой легкостью вписалось в рамки древнего «проклятья епископа Станислава»...

Проклятие княгини Раины

Долгие и частые войны, бушевавшие во второй половине XVII века на Украине, втянувшие в свой кипящий водоворот поляков, татар, казаков, русских, турок и литвинов, выдвинули много ярких исторических фигур во всех противоборствующих лагерях. Речь пойдет лишь об одном из наиболее заметных деятелей той эпохи: князе Иеремии (Яреме) Вишневецком. Происходивший из семьи богатейших православных магнатов «русской земли» (именно так, как мы помним, звалась находившаяся в сфере влияния Польши территория нынешней Украины), князь в девятнадцать лет перешел из православия в католичество и стал одним из виднейших деятелей Жечи Посполитой той эпохи, окруженный прямо-таки мистическими любовью и поклонением (о чем свидетельствуют как польские летописцы, так и русские историки). Как уже вскользь упоминалось, в собственно польских землях шляхетство, долгие годы упиваясь своими вольностями и привилегиями, оказалось не в состоянии выполнять главную дворянскую обязанность: воевать за родину. Войны с казаками, татарами и турками легли на плечи главным образом «новых» католиков, потомков знатных православных родов Литвы и «русской земли». В один ряд с Радзивиллами, Потоцкими и Сангушко встал и «князь Ярема», подобно многим в ту бурную эпоху причудливо сочетавший талант полководца и европейскую образованность с дикой жестокостью к противнику. Совсем молодым он заслужил жутковатое прозвище «Ужас козачий», и рассказы о том, как при одном слухе «Ярема идет!» паника охватывала целые города, отнюдь не беспочвенно. Богдан Хмельницкий, которого при всей его человеческой подлости никак нельзя назвать плохим полководцем, публично признавал Вишневецкого своим самым опасным противником. Популярность Иеремии в Польше была столь велика, что его сына Михая Корибута, не блиставшего никакими талантами, избрали королем исключительно из преклонения перед памятью знаменитого отца.

В июне 1651 г. у Берестечко сошлись польская армия и отряды Хмельницкого, к которому прибыл на помощь крымский хан (дело в том, что Богдан, как не без смущения вынуждены признать даже симпатизирующие ему историки, одерживал победы над поляками только в тех случаях, когда действовал совместно с крымскими татарами. Выступив в поход один, он каждый раз бывал бит...). Несмотря на присутствие в

польском лагере короля Яна Казимира, войском фактически командовал Вишневецкий, по своему обыкновению лично возглавивший конную атаку. Головорезы «князя Яремы» после ожесточенной рубки опрокинули казацко-татарскую конницу, открыв главным силам дорогу на Киев, который был вскоре взят (тем самым литовским войском, о котором уже упоминалось). Вишневецкий намеревался продолжать преследование противника, пока не захватит Хмельницкого живым – вражда меж ними давно стала личной.

Мы не будем здесь обсуждать, как повернулась бы история, если Вишневецкому удалось бы захватить Хмельницкого, замечу лишь, что в этом случае ни о какой Переяславской раде не было бы и речи. Несколькими днями спустя тридцатидевятилетний «князь Ярема» неожиданно скончался в своем лагере. Смерть молодого удачливого полководца выглядела столь неожиданной и неестественной, что, как частенько случалось в ту эпоху, пошли толки об «измене и отраве». Полковые священники с великими трудами утомили бунт в лагере – солдаты сгоряча рвались изрубить все ближайшее окружение князя. Чтобы пресечь толки, было проведено скрупулезнейшее вскрытие, отравления не подтвердившее. Уже в наши дни на основании сохранившихся подробных описаний был подтвержден первоначальный диагноз – пищевое отравление, вызвавшее скоротечную дизентерию в тяжелой форме.

Странности начались три столетия спустя, когда исследованию при помощи современных методов судебно-медицинской экспертизы подверглись не документы, а сами останки Вишневецкого, хранившиеся в застекленном гробу в соборе Святого Креста^[16].

Прежде всего выяснилось, что это – не Вишневецкий. Покойнику из стеклянного гроба было не менее шестидесяти лет. Кто он такой, уже вряд ли когда-нибудь удастся выяснить.

Естественно, встал вопрос: где настоящие останки и настоящая могила Вишневецкого? Оказалось, что «один из славнейших витязей Жечи Посполитой»... так *никогда* и не был похоронен по христианскому обряду! После долгих поисков остановились на двух наиболее правдоподобных версиях, ждавший погребения гроб с набальзамированным телом князя либо был в 1655 г. уничтожен походом вторгшимися в Польшу шведами, разгромившими в поисках кладов Сокальский монастырь, либо оказался забыт в подвалах и погиб при пожаре 1777 года...

Потом выяснилось, что не существует ни одного портрета князя Яремы, написанного при его жизни, а те, что имелись и считались изображениями Вишневецкого, запечатлели совсем других людей... От

воевод и гетманов, не обладавших и сотой долей популярности Вишневецкого, остались в музеях сабли и булавы, золототканые кафтаны и украшения, табакерки и прочие «памятки». Другое дело с Вишневецким: на сегодняшний день не осталось ни одного материального следа, даже паршивенькой пуговицы. Не сохранилось ни единого дома, где ступала нога князя. Словно некий невидимый, неосязаемый вихрь пронесся над Польшей, уничтожив все связанное с памятью полководца. Все, к чему прикасались его руки, сгнуло с поверхности земли...

Наиболее смелые историки – конечно, конфузливо обставляя свои высказывания массой материалистических оговорок – стали упоминать о «проклятии Вишневецкого». Разумеется, употребляя робкие, уютные термины вроде: «Как бы...», «Такое впечатление...»

Совсем недавно взорвалась бомба. В архивах был обнаружен документ, чья подлинность сомнений не вызывает: так называемый акт заложения, продиктованный матерью Вишневецкого княгиней Раиной при основании ею православного монастыря в Мхарске. В самом конце по приказу княгини вписаны грозные слова: «...если же кто в грядущем дерзнет посягнуть на сию обитель или отнимать дарованное нами, или найдется кто, посмеявшийся нашей благочестивой и старозаветною верою православною пренебрегать либо отвергнуть таковую – быть тому прокляту, и да рассудит меня с ним правосудие Господне».

Вряд ли, диктуя эти строки, княгиня могла предугадать, что это проклятие в будущем настигнет ее собственного, единственного сына, в то время еще не расставшегося с православием и постигавшего науки в Европе...

Призрак «Золотой Орды»

Каждое настоящее располагает собственным прошлым.

Р.Дж. Коллингвуд. «Идея истории»

О том, что известно всем

Классическая, то есть признанная современной наукой версия «монголо-татарского нашествия на Русь», «монголо-татарского ига» и «освобождения от ордынской тирании» достаточно известна, однако нелишне будет еще раз освежить ее в памяти.

Итак... В начале XIII столетия в монгольских степях смелый и чертовски энергичный племенной вождь по имени Чингисхан сколотил из кочевников огромное войско, спаянное железной дисциплиной, и вознамерился покорить весь мир, «до последнего моря». Завоевав ближайших соседей, а потом захватив Китай, могучая татаро-монгольская орда покатила на Запад. Пройдя около пяти тысяч километров, монголы разгромили государство Хорезм, затем Грузию, в 1223 г. вышли к южным окраинам Руси, где и разбили войско русских князей в сражении на реке Калке. Зимой 1237 г. монголо-татары вторглись на Русь уже со всем своим неисчислимым войском, сожгли и разорили множество русских городов, а в 1241 г. во исполнение заветов Чингисхана попытались покорить Западную Европу – вторглись в Польшу, в Чехию, на юго-западе достигли берегов Адриатического моря, однако повернули назад, потому что боялись оставлять у себя в тылу разоренную, но все еще опасную для них Русь.

И началось татаро-монгольское иго. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, зловещей тенью нависала над Русью. Монгольские ханы выдавали русским князьям ярлыки на княжение, множество раз нападали на Русь, чтобы грабить и разбойничать, неоднократно убивали у себя в Золотой Орде русских князей. Нужно уточнить, что среди монголов было много христиан, а потому отдельные русские князья завязывали с ордынскими властелинами довольно близкие, дружеские отношения, становясь даже их побратимами. С помощью татаро-монгольских отрядов иные князья удерживались на «столе» (т.е. на престоле), решали свои сугубо внутренние проблемы и даже дань для Золотой Орды собирали своими силами.

Окрепнув со временем, Русь стала показывать зубы. В 1380 г. великий князь московский Дмитрий Донской разбил ордынского хана Мамая с его татарами, а столетием спустя, в так называемом стоянии на Угре сошлись войска великого князя Ивана III и ордынского хана Ахмата. Противники долго стояли лагерем по разные стороны реки Угры, после чего хан Ахмат, поняв наконец, что русские стали сильны и у него есть все шансы

проиграть сражение, отдал приказ отступать и увел свою орду на Волгу. Эти события и считаются «концом татаро-монгольского ига».

Версия

Все вышеизложенное – краткая выжимка или, говоря на иностранный манер, дайджест. Минимум того, что должен знать «всякий интеллигентный человек».

Честно говоря, автор этих строк никоим образом не считает себя интеллигентным человеком – вслед за А.П. Чеховым, К.П. Победоносцевым, Ф.М. Достоевским, авторами известного сборника «Вехи», а также Л.Н. Гумилевым, в ответ на вопрос, причисляет ли он себя к интеллигентам, восклицавшего: «Да Боже упаси!» Вопрос о том, что представляет собой так называемая интеллигенция, чересчур обширен и не укладывается в данную книгу. Это уточнение автор делает исключительно для того, чтобы подчеркнуть: именно непричисление собственной персоны к интеллигенции («образованщине», по Солженицыну) как раз и выработало привычку не следовать рабски «общепринятым теориям», а искать свою собственную дорогу. Я, понятно, имею в виду не стремление «из чистого принципа» писать поперек линованной бумаги, а свое право высказывать сомнения в «общепринятых теориях» – в тех случаях, когда эти теории, на мой взгляд, страдают полнейшей нелогичностью, натяжками и закоснелостью.

Можно было пойти по избитой дорожке авторов иных детективов: долго интриговать читателя, чтобы потом огорошить сенсацией. Лично мне гораздо более близок метод, который Конан Дойл отдал на вооружение безупречному логичу Шерлоку Холмсу: сначала излагается *подлинная* версия случившегося, а потом – цепочка рассуждений, которые и привели Холмса к открытию истины.

Именно так я и намерен поступить. Сперва изложить собственную версию «ордынского» периода русской истории, а потом на протяжении пары сотен страниц методично обосновывать свою гипотезу, ссылаясь не столько на собственные ощущения и «озарения», сколько на летописи, работы историков прошлого, оказавшиеся незаслуженно забытыми.

Итак. Я намерен доказать читателю, что вкратце изложенная выше классическая гипотеза напроць неверна, что происходившее на самом деле укладывается в следующие тезисы:

1. Никакие «монголы» не приходили на Русь из своих степей.
2. Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими *долго* до пресловутого «нашествия».

3. То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батыя как раз и выступают Ярослав с Александром Невским.

4. Мамай и Ахмат были не налетчиками-пришельцами, а знатными вельможами, согласно династическим связям русско-татарских родов имевшими права на великое княжение. Соответственно, «Мамаево побоище» и «стояние на Угре» – эпизоды не борьбы с иноземными агрессорами, а очередной *гражданской* войны на Руси.

5. Чтобы доказать истинность всего вышеперечисленного, нет нужды ставить с ног на голову имеющиеся у нас на сегодняшний день исторические источники. Достаточно перечитать многие русские летописи и труды ранних историков *вдумчиво*. Отсеять откровенно сказочные моменты и сделать *логические* выводы вместо того, чтобы бездумно принимать на веру официальную теорию, чья весомость заключается главным образом не в доказательности, а в том, что «классическая теория» просто-напросто *устоялась* за долгие века. Достигнув стадии, на которой любые возражения перебиваются железным вроде бы аргументом: «Помилуйте, но ведь это ВСЕМ ИЗВЕСТНО!»

Увы, аргумент только выглядит железным... Всего пятьсот лет назад «всем известно» было, что Солнце вертится вокруг Земли. Двести лет назад Французская Академия наук в официальной бумаге высмеяла тех, кто верил в падающие с неба камни. Академиков, в общем, не стоит судить слишком строго: и в самом деле «всем известно» было, что небо представляет собою не твердь, а воздух, где камням неоткуда взяться. Одно немаловажное уточнение: никому не было известно, что за пределами атмосферы как раз и летают камни, способные частенько падать на землю...

Об истории, историках и фактах

Известный английский историк и философ Р.Дж. Коллингвуд, строчка из книги которого справедливо взята эпиграфом к данной главе, оставил интереснейшую работу как раз по интересующему нас вопросу: как оценить степень достоверности тех или иных исторических фактов? [89]

Коллингвуд писал: «Критерием истины, оправдывающим его (историка – А.Б.) утверждения, никогда не служит тот факт, что их содержание было дано ему источником». Считая, что, кроме механического восприятия запечатленных древним хронистом фактов, историк должен еще учитывать «достоверность» в качестве пробного камня, с помощью которого мы решаем, являются ли эти факты истинными, Коллингвуд приводит пример: «Светоний говорит мне, что Нерон одно время намеревался убрать римские легионы из Британии. Я отвергаю это свидетельство Светония не потому, что какой-нибудь более совершенный источник противоречит ему, ибо, конечно, у меня нет таких источников. Я отвергаю его, ибо, реконструируя политику Нерона по сочинениям Тацита, Я НЕ МОГУ СЧИТАТЬ, что Светоний прав... я могу включить то, о чем поведал Тацит, в собственную связную и цельную картину событий и не могу этого сделать с рассказами Светония».

Проще говоря, любой вдумчивый исследователь имеет право на построение собственной версии – при условии, что она не противоречит логике, здравому смыслу, тому, что нам в общих чертах известно о данной эпохе. Скажем, можно с большой степенью вероятности утверждать: человек, исповедующий христианство, никогда не прикажет казнить другого человека за *отказ* поклониться языческим богам. Однако в повествованиях о «злых татаровьях» мы еще столкнемся с этим парадоксом: христианин-хан из Золотой Орды вдруг велит казнить русского князя-христианина за отказ поклониться языческому кумиру...

Выводов здесь может быть только два: либо летописец напутал и хан – вовсе не христианин, либо эта история – выдумка...

Но не будем забежать вперед, вернемся к Коллингвуду.

«...любой источник может быть испорчен: этот автор предубежден, тот получил ложную информацию, эта надпись неверно прочтена плохим специалистом по эпиграфике, этот черепок смещен из своего временного слоя неопытным археологом, а тот – невинным кроликом. Критически мыслящий историк должен выявить и исправить все подобные искажения.

И делает он это, только решая для себя, является ли картина прошлого, создаваемая на основе данного свидетельства, связной и непрерывной картиной, имеющей исторический смысл».

В самом деле, мы порой с излишним почтением относимся к полуистлевшим летописям, забывая, что писали их *люди*. Обуреваемые всеми человеческими страстями – от желания написать лишнюю, высосанную из пальца гадость про нелюбимого боярина до умышленного искажения истины по приказу своего князя, с которым не больно-то и поспоришь. Предубеждения и ложная информация... Любопытно, что на родине Коллингвуда, в Англии, во время Первой мировой войны родился любопытный миф о полках регулярной русской армии, которые, высадившись где-то на севере Британии, походным маршем прошли к Ла-Маншу, спеша помочь союзникам, после чего переправились во Францию и ринулись в бои с «проклятыми бошами».

Никогда ничего подобного не было. Русские части попадали во Францию морем, без захода в Англию. И тем не менее британские писатели и журналисты не единожды сталкивались с «очевидцами», своими глазами зрившими, как шагали с бодрой незнакомой песней русские усачи-союзники...

А погибни в каком-нибудь катаклизме *правдивые* документы? И попади запись о «проследовавших через Англию русских» к историку следующей цивилизации, веке в XXIII разбирающем жалкие остатки письмен предшественников? Ведь внесет в свой ученый труд – и академика, глядишь, получит...

И наоборот. В Ипатьевской летописи, которой историки склонны доверять больше, чем некоторым другим, стоит краткая запись: «В лето 6750 не бысть ничтоже» – то есть, «не было ничего». Меж тем лето 6750 – это 1242 год! Тот самый год, когда Александр Невский разбил на Чудском озере псов-рыцарей! Представьте, что из всех русских хроник до нас дошла бы *одна*, Ипатьевская... То-то.

Вновь слово Коллингвуду «Мы уже знаем, чем не является свидетельство. Оно – не готовое историческое знание, которое должен поглотить и низвергнуть обратно ум историка. Свидетельством является все, что историк может использовать в качестве такового... Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способов того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени СЧИТАЛИ БЕСПОЛЕЗНЫМ... В истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является

окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков. ...Каждый новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и самые вопросы».

Справедливость последнего утверждения блестяще подтвердилась за последние десять лет нашей с вами истории. Сначала дошло до того, что молодые люди году в 1986-м даже не знали, кто такие Бухарин и Берия (факт, зафиксированный в печати). Потом, с возвращением многих вычеркнутых из не такой уж давней истории имен какое-то время «диссиденты», «демократы» и «либералы» внушали обществу, что все беды происходят от злодея Сталина, искажившего благостные и гуманнейшие «ленинские заветы», к которым следует непременно вернуться^[17]. И лишь впоследствии, не так уж давно, отважились признать, что эти «ленинские принципы» на деле – свод палаческих установлений, и самый кровавый террор творился как раз при «дедушке Ильиче». Причины таких зигзагов лежат на поверхности: чересчур уж многие «демократы» и «диссиденты» были детьми и внуками *ленинских* палачей, а на Сталина злобились главным образом из-за того, что он, наводя глянec на *красную* историю России, без малейшей жалости перестрелял «комиссаров в пыльных шлемах», ибо их дальнейшее существование никак не сочеталось с «приличным» вариантом советских мифов...

Вернемся к летописям и хроникам. Как уже говорилось, их авторы могли о чем-то не знать, что-то пропускать умышленно, что-то исказить (не обязательно умышленно). Далеко не все летописи и хроники дошли до нашего времени – вспомним Татищева и *десяток* разных вариантов одной и той же древней хроники. Мало того, мы подчас не можем быть уверены, что под теми датами, что указаны в летописях, подразумеваются именно те, которые приняты *нами*...

Простой пример. Древнерусские летописи датируются нынешними историками исключительно на основании «византийского» варианта летосчисления, где дата сотворения мира – 5508 г. до нашей эры.

Меж тем, кроме этой даты, именуемой либо «византийской», либо «константинопольской», имелись и другие. Приведем лишь некоторые:

5969 («антиохийская», или «дата сотворения мира по Феофилу»)

5493, 5472, 5624 (разные точки отсчета так называемой александрийской датировки, или «эры Анниана»)

4004 (еврейская, Ашер)

5872 (датировка «70 толковников»)
4700 (самаринская)
3761 (иудейская)
3941 (Иероним)
5500 (Ипполит и Секст Юлий Африканский)
5515 (Феофил)
5507 (Феофил)
5199 (Евсевий Кесарийский)
5551 (Августин).

Список далеко не полон – историкам известно около двухсот различных версий «даты сотворения мира». Так что, вполне возможно, автор Ипатьевской летописи ничуть не ошибся. Просто-напросто его 6750 год от сотворения мира – вовсе не *наш* 1242 год... Просто-напросто он отсчитывал не от той точки, что принята нами. И в том году (неизвестно теперь, в котором) и впрямь не произошло ровным счетом ничего интересного, достойного упоминания...

И не стоит воображать, будто только *наша* история требует дополнительных исследований. Один из самых ярких примеров – нынешняя Англия. Вот уже триста лет меж историками, писателями и просто теми, кто знает и любит свою историю, идет самый ожесточенный спор: кто виноват в убийстве двух малолетних детей Эдуарда IV – Ричард III или победивший его в междоусобной войне Генрих VII?^[18] И спор этот отнюдь не келейный – в 1980 г. британский парламент был вынужден принять специальную поправку к так называемому закону о защите доброго имени исключительно потому, что сторонники реабилитации Ричарда принялись таскать по судам своих оппонентов...

Итак, до наших времен не дошли иные летописи, которые, вполне возможно, выражали совершенно другую точку зрения на некоторые исторические события. Ни один ученый новейшего времени не держал в руках (и никогда уже не сможет этого сделать) так называемый Летописец Затопа Засекина). Выше говорилось, что бесследно пропали летописи, послужившие основой для трудов Мавро Орбини, Бельского и Стрыйковского – исчисляются они многими *десятками*...

Кроме того, при исторических исследованиях необходимо учесть и другие немаловажные факторы.

Во-первых, иные «знакомые» географические названия частенько носили в Средневековье совсем не те города и местности, которые мы знаем сегодня. Какой маршрут возникнет у вас перед глазами, когда вам доведется прочесть строчку из летописи X века: «Сим летом витязь

Гремислав поехал из Москвы в Краков обвенчаться с невестою»? Ручаться можно, решите, что Гремислав ехал из *нынешней* Москвы в *нынешний* Краков...

И ошибетесь! Когда-то в Германии существовала *вторая* Москва (сообщение об этом было сделано еще в 1958 г. на международном конгрессе славистов). А кроме оваянного дыханием веков польского Кракова существовал еще один – замок в Чехии, именовавшийся до XII века, когда был разрушен, то «Краковец», то «Краков». Вот и получается: без дополнительных данных ни за что не определить, из *какой* Москвы в *какой* Краков скакал наш витязь...

Во-вторых, не следует забывать, что у многих наших предков (точнее, у всех) было по *несколько* имен. Даже простые крестьяне носили как минимум *два* имени: одно – мирское, под которым человека все и знали, второе – крестильное.

Один из самых известных государственных деятелей Древней Руси, киевский князь Владимир Всеволодич Мономах, оказывается, знаком нам под *мирским*, языческим именам. В крещении он был Василием, а его отец – Андреем, так что звался Василий Андреевич Мономах. А его внук Изяслав Мстиславич согласно своему и отца своего крестильным именам должен зваться – Пантелеймон Федорович!) Крестильное имя порой оставалось тайной даже для близких – зафиксированы случаи, когда в первой половине XIX (!) столетия безутешные родные и близкие лишь после смерти главы семьи узнавали, что на надгробном памятнике следует написать совсем другое имя, которым покойный, оказывается, был крещен... В церковных книгах он, скажем, значился Ильей – меж тем всю жизнь его знали как Никиту... [\[19\]](#)

То же касается и людей известных – князей, бояр, воевод. В Разрядной книге (официальном государственном документе Московского царства, куда на протяжении полутора столетий вносились имена всех, командовавших полками), воевода И.М. Пронский значится еще и как «Турунтай». «Турунтай» – его *прозвище*. Разрядную книгу вполне можно сравнить с сегодняшней картотекой Министерства обороны – а теперь представьте, что в картотеке значится запись: «Грачев П.С. – генерал армии, он же Паша-Мерседес».

Впрочем, мы уклонились от темы. Представим, что ни один экземпляр Разрядной книги не дошел до наших дней. Зато есть два сообщения в хрониках: «В лето сие Пронский со своим полком воевал с крымцами» и «Нынче Турунтай зело добро бил свеев». Вполне может оказаться, что наш воевода попадет в учебники, как *два разных* человека...

Еще пример. Перед нами несколько русских военачальников допетровской поры: И.В. Ногавица-Пестрый, Засекин-Сосун, Солнцев и Черный-Совка. Как по-вашему, что их объединяет?

Да принадлежность к древнему княжескому роду. Фамилия у каждого одна и та же: Засекин. Но в документах своей эпохи они сплошь и рядом обозначаются *прозвищами*.

Князь и воевода, славный победой над ханом Сет-Гиреем на реке Проне в 1534 г., значится в одном русском историческом труде под именем... «Тать Иван». Достаточно небольшого недоразумения, чтобы сей воевода угодил в современную книгу по истории как предводитель разбойничьей шайки. Ну как же – «тать Иван», общеизвестно, что «тать» означало разбойника...

Тура, Темер, Туратемир... Это – один и тот же человек, золотоордынский мурза *Тукатемир*, известный тем, что был союзником Городецкого князя в войне против переяславского.

Тамерлан, Тимурленг, Темир-Аксак – опять-таки один и тот же человек. Он же – Темир-Кутлу...

Как видим, особенно полагаться на географические названия и имена опасно. Первые сплошь и рядом «странствуют» по карте, а вторых у одного-единственного человека порой оказывается так много, что он вполне способен раздвоиться, а то и разстроиться в последующих трудах ученых... Кстати, эта тенденция удерживалась и в последующие века: тот, кто не силен в истории, вряд ли поймет, что за воителя описывают турки под именем Топал-паши. Меж тем речь идет о фельдмаршале Суворове...

Как мы увидим в дальнейшем, ничего невероятного нет в том, что один из персонажей древнерусской истории мог быть известен современникам как «Александр Ярославич Невский по прозвищу Батый». Особенно если учесть, что у половцев было когда-то распространено имя *Бастый*...

Географические названия (не только городов, но и стран!) перемещаются по карте, один и тот же человек может быть известен под несколькими разными именами (что иногда вносит путаницу), точные датировки тех или иных событий нам сплошь и рядом неизвестны (поскольку наши предки и мы пользуемся *разными* системами отсчета исходных дат). Летописец был пристрастен, а то и выполнял прямой заказ...

Есть и обратная сторона медали. Для тех случаев, когда летописец был стопроцентно честен. У современных историков порой проявляется крайне непонятное стремление «поправить» *очевидца* события, которое

сами они наблюдать никак не могли. Однако отчего-то считают, будто «знают лучше».

Несколько простых примеров. Доктор исторических наук Ю.А. Мыцык поправляет историка XVII века: «Первый крупный поход за пределы Монголии был совершен Чингисханом не в 1209 г., а в 1162». Читатель может подумать, будто за последние триста лет в руки ученых попали некие документы с точными датами...

Нет никаких документов. Просто-напросто в последнее время ученые договорились считать, будто дата «первого крупного похода Чингисхана» была другой. Следовательно, историк, живший гораздо ближе ко времени описываемых им событий... ошибается.

«Автор ошибочно считает, будто не новгородский народ, а князья решили истребить ордынских баскаков».

Почему же ошибочно? Быть может, прав как раз «автор», у которого были перед глазами кипы неизвестных нашим историкам рукописей? А не историки – это ведь *они* постановили считать, что против баскаков попер черный народ с выдернутыми из плетня кольями...

Одним словом, сплошь и рядом с исторического Олимпа пудовым камнем падают презрительные приговоры: «Летописец ошибался», «автор хроники был не прав». *Очевидец* события, извольте ли видеть, был не прав. Не понимал, что он видел – пока в XX столетии не разъяснили...

Я не преувеличиваю. До сих пор можно наткнуться на утверждение, будто западноевропейские путешественники, *своими глазами* видевшие татар-христиан... ошибались. По невежеству своему. Видели какой-то шаманский обряд, но из глупости, а может, спьяну описали его как христианское богослужение. Историки двадцатого века знают лучше, им с горы виднее... У них – *метод*.

Хотите ближе познакомиться с иными «методами»? Извольте.

Перед вами – древние изображения лабиринтов. Несведущему глазу ясно, что фигуры (рис. 1.1 и 1.2) похожи как близнецы-братья. Однако первый лабиринт ученые почему-то относят к «этрusco-ским изображениям VII века до н.э.», а второй – к «мегалитической плите середины VI тысячелетия до н.э.». То же – и со второй парой. Снова сходство, которое никак нельзя объяснить случайностью (или все же признать, что древние мастера *пять тысяч* лет держали в памяти классические образцы?). Однако рис. 1.3 – по мнению ученых, вновь мегалитическое изображение VI тысячелетия до н.э., а рис. 1.4 – аверс древнегреческой монеты 450 г. до н.э.

Рис. 1. 1

Рис. 1. 2

Рис. 1. 3

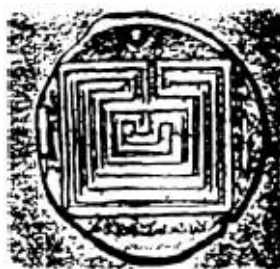

Рис. 1. 4

Ученые историки откалывают номера и похлеще... Вот что пишет черным по белому некий В. Янин: «Если в слое, обнаруженном при раскопках, встречаются изделия из стекла и шифера, сердоликовые бусы, ювелирные вещи, украшенные эмалью, сканью и зернью, – значит, перед археологами остатки домонгольского периода. Если всего этого нет – мы вошли в следующий исторический период».

Каково? В переводе на нормальный человеческий язык сие означает следующее: наш историк и подобные ему умники однажды *договорились* считать, что монголо-татарское нашествие привело к полному истреблению всех древнерусских ювелиров и исчезновению изящных ремесел. А посему никто не проводит экспертиз, радиоуглеродных анализов – возраст находок

определяется гораздо проще: есть ювелирные изделия – дело было до татар, нет ни единой сережки или браслетика – значит, раскопки вскрыли слой XIV века... Поразительная точность датировки!

По-моему, это больше напоминает школьные ухищрения, когда нерадивый Вовочка украдкой заглядывает в конец учебника, а потом подгоняет задачу под известный ему результат.

В этом и состоит ахиллесова пята истории как науки – в отличие от других дисциплин, здесь совершенная однажды ошибка может продержаться столетиями. Кто-то однажды сделал ошибочный вывод (а мешающие его концепции древние памятники попросту отбросил) – и ошибка за долгие века обрастает сотнями толстых томов, чьи авторы лишь добросовестно ПЕРЕСКАЗЫВАЮТ некогда изреченную «мудрость», не внося ничего своего. Потом подключаются писатели, поэты, художники. Концепция обрастает сотнями романов, картин, а в нашем веке – еще и фильмов... В результате она становится чем-то столь священным, что одна мысль о пересмотре устоявшихся канонов выглядит жутчайшей ересью.

Между прочим, автор выше процитированных строк о «бусах и ювелирных вещах» тут же попал в собственную ловушку – обычно так оно и случается... Я прошу читателя набраться терпения и внимательно прочитать следующий текст, который ради чистоты эксперимента привожу полностью, без малейших изъятий [173].

«О, светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местнотимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными и вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордцы – все с помощью божьею покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не появлялись, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за

синим морем. Буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни – от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского, обрушилась беда на христиан...»

Я привел *весь* древний документ, дошедший до нашего времени. Теперь попытайтесь отгадать, как он именуется в нашей официальной историографии. Точнее, *о чем* повествует. Повторяю, перед вами – *весь* документ, целиком.

Так вот, именуется этот текст «Слово о погибели русской земли» и в каждой публикации объявляется «отрывком из не дошедшего до нас в целостности поэтического произведения... О ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОМ НАШЕСТВИИ!

Перечитайте документ еще раз, не поленитесь. Сами сделайте выводы: есть ли в нем хоть слово, которое можно истолковать как сообщение о татаро-монгольском, вообще *иноземном* нашествии?

Нет там ничего подобного. Кроме горестной констатации: «... обрушилась беда на христиан». Но ни словечком не упоминается о том, какая это беда...

Именно этот памятник древнерусской литературы и стал для меня одной из отправных точек. Именно с него и следует начать наше историческое расследование, набраться смелости и признать: что-то нечисто с «татаро-монгольским» нашествием.

Тот самый В. Янин, чертовски насмешивший рассказом о столь потрясающем воображение методе датировки древних раскопов, чуть ниже написал следующее: «Историк не может взять в руки половину обгоревшей страницы и сказать: другая половина сожжена в годину монголо-татарского разорения. Потому что книги и документы сгорают целиком и ветер развеивает их пепел».

Вот тут он, по-моему, прав на все сто. Либо сгорают целиком, либо... «Слово о погибели русской земли» (по некоторым предположениям, служившее введением к «Житию Александра Невского»), известно только в двух списках – в том виде, в каком вы его только что прочитали. Больше всего это похоже не на «половину сгоревшей страницы», а на документ, который аккуратно и умышленно *разорвали* пополам, оставив то, что работало на определенную версию, и уничтожив (боюсь, навсегда) остальное... Вряд ли в уничтоженной части речь шла о «нашествии

монголов». Скорее уж о неких сведениях, напрочь противоречивших официальной версии, – а потому ветер и развеял пепел...

Логика сторонников «классической версии» проста. Князя, упомянутого в «Слове», Ярослав Всеволодович и его брат Юрий, как раз и жили во времена монголо-татарского нашествия. Следовательно, «беда», о которой идет речь, может быть истолкована исключительно как татаро-монгольское нашествие. Что ж, в известной логике отказать нельзя.

Однако такая логика действует до строго определенных пределов. До тех пор, пока не начались поиски *других* кандидатов на роль мифических «монголо-татар»...

Где монголы?

В самом деле, где «лучшая половинка» навязшего в зубах выражения «монголо-татарская» орда? Где собственно монголы, согласно иным ретивым авторам, составлявшие некую аристократию, цементирующее ядро накатившегося на Русь воинства?

Так вот, самое интересное и загадочное в том, что ни один *современник* тех событий (или живший во времена довольно близкие) не в силах отыскать монголов! Их попросту нет – черноволосых, раскосоглазых людей, тех, кого, не мудрствуя, антропологи так и именуют «монголоидами». Нет, хоть ты тресни!

Удалось проследить лишь следы двух безусловно пришедших из Центральной Азии монголоидных племен – джалаириков и барласов. Вот только пришли они не на Русь в составе армии Чингиза, а в... Семиречье (район нынешнего Казахстана). Оттуда во второй половине XIII века джалаиры откочевали в район нынешнего Ходжента, а барласы – в долину реки Кашкадарья. Из Семиречья они «...пришли в какой-то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV в., во всяком случае, во второй его половине, считали своим родным языком тюркский язык» (из фундаментального труда Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Русь и Золотая Орда» (1950).

Всё. Каких бы то ни было *других* монголов историки, как ни бьются, обнаружить не в состоянии. Русский летописец среди народов, пришедших на Русь в Батыевой орде, ставит на первое место «куманов» – то есть кипчаков-половцев! Которые жили не в нынешней Монголии, а практически под боком у русских, которые (что я докажу позднее) имели свои крепости, города и деревни!

Арабский историк Эломари: «В древности это государство (Золотая Орда XIV в. – А.Б.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они, то есть татары, смешались и породнились с ними, и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними».

О том, что и татары ниоткуда не приходили, а испокон веков жили поблизости от русских, я расскажу немного погодя, когда взорву, честное слово, нешуточную бомбу. А пока что обратим внимание на крайне важное обстоятельство: *никаких монголов нет*. Золотая Орда представлена татарами и кипчаками-половцами, которые относятся не к монголоидам, а к

нормальному европеоидному типу, светловолосые, светлоглазые, ничуть не раскосые... (И язык у них схож со славянским.)

Как Чингисхан с Батыем. Древние источники рисуют Чингиза высоким, длиннородым, с «рысьими», зелено-желтыми глазами. Персидский историк Рашид ад-Дин (современник «монгольских» войн) пишет, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые». Г.Е. Грумм-Гржимайло упоминает «монгольскую» (монгольскую ли?!) легенду, согласно которой предок Чингиза в девятом колене Бодуаньчар – белокурый и голубоглазый! А тот же Рашид ад-Дин пишет еще, что само это родовое имя Борджигин, присвоенное потомкам Бодуаньчара, как раз и означает... Сероглазый!

Кстати, точно так же рисуется и облик Батыя – светловолос, светлород, светлоглаз... Автор этих строк всю свою сознательную жизнь прожил не так уж и далеко от тех мест, где якобы «создавал свое неисчислимо войско Чингисхан». Уж кого-кого, а исконно монголоидного народа насмотрелся достаточно – хакасов, тувинцев, алтайцев, да и самих монголов. Нет среди них светловолосых и светлоглазых, совсем другой антропологический тип...

Между прочим, ни в одном языке *монгольской* группы нет имен «Бату» или «Батый». Зато «Бату» имеется в башкирском, а «Бастый», как уже говорилось, – в половецком. Так что само имя Чингизова сына произошло определенно не из Монголии.

Интересно, что писали о своем славном предке Чингисхане его соплеменники в «настоящей», *нынешней* Монголии?

Ответ неутешителен: в XIII веке монгольского алфавита еще не существовало. Абсолютно все хроники монголов написаны не ранее XVII столетия. А следовательно, любое упоминание о том, что Чингисхан и в самом деле вышел из Монголии, будет не более чем записанным лет триста спустя пересказом старинных легенд... Которые, надо полагать, очень понравились «настоящим» монголам – несомненно, очень приятно было вдруг узнать, что твои предки, оказывается, когда-то прошли огнем и мечом до самой Адриатики...

Итак, мы уже выяснили довольно важное обстоятельство: в «монголо-татарской» орде не было никаких монголов, т.е. черноволосых и узкоглазых обитателей Центральной Азии, которые в XIII веке, надо полагать, мирно кочевали по своим степям. На Русь «приходил» кто-то другой – светловолосые, сероглазые, синеглазые люди европейского облика. А собственно, пришли они и не из такого уж далека – из половецких степей, не далее.

Сколько было «монголо-татар»?

В самом деле, сколько их пришло на Русь? Начнем выяснять.

Российские дореволюционные источники упоминают о «полумиллионной монгольской армии».

Отнюдь небесталанный писатель В. Ян, автор знаменитой трилогии «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю», называет чуточку меньшее число – четыреста тысяч.

Простите за резкость, но и первая, и вторая цифра – бред собачий. Поскольку измышлены *горожанами*, кабинетными деятелями, видевшими лошадь только издали и совершенно не представлявшими себе, каких забот требует содержание в рабочем состоянии боевого, а также выючного и походного коня.

Любой воин кочевого племени отправляется в поход, имея три лошади (как необходимейший минимум – две). Одна везет поклажу (небольшой «сухой паек», подковы, запасные ремни для уздечки, всякую мелочь вроде запасных стрел, доспеха, который нет нужды надевать на марше, и т.д.). Со второй на третью время от времени нужно пересаживаться, чтобы один конь все время был чуточку отдохнувшим – мало ли что стрясется, порой приходится вступать в бой «с колес», т.е. с копыт.

Примитивный подсчет показывает: для армии в полмиллиона либо четыреста тысяч бойцов необходимо около полутора миллионов лошадей, в крайнем случае – миллион. Такой табун сможет продвинуться самое большее километров на полсотни, а вот дальше идти окажется не в состоянии – передовые моментально истребят траву на огромном пространстве, так что задние сдохнут от бескормицы очень быстро. Сколько овса для них ни запасай в тороках (да и много ли запасешь?).

Напомню, вторжение «монголо-татар» в пределы Руси, все главные вторжения развернулись *зимой*. Когда оставшаяся трава скрыта под снегом, а зерно у населения предстоит еще отобрать – к тому же масса фуража гибнет в горящих городах и селах...

Могут возразить: монгольская лошадка прекрасно умеет добывать себе пропитание из-под снега. Все правильно. «Монголки» – выносливые создания, способные прожить всю зиму на «самообеспечении». Я сам их видел, чуть-чуть проехался однажды на одной, хотя наездник никакой. Великолепные создания, я навсегда очарован лошадьми монгольской породы и с превеликим удовольствием обменял бы свою машину на такую

лошадку, будь возможность держать ее в городе (а возможности, увы, нет).

Однако в *нашем* случае вышеприведенный аргумент не работает. Во-первых, древние источники не упоминают о лошадях *монгольской* породы, имевшихся «на вооружении» орды. Наоборот, специалисты по коневодству в один голос доказывают, что «татаро-монгольская» орда ездила на *туркменах* – а это совсем другая порода, и выглядит иначе, и пропитаться зимой без помощи человека не всегда способна...

Во-вторых, не учитывается разница между лошастью, отпущенной *бродить* зимой без всякой работы, и лошастью, вынужденной совершать под седоком длительные переходы, а также участвовать в сражениях. Даже монголки, будь их миллион, при всей своей фантастической способности пропитаться посреди заснеженной равнины, перемерли бы с голоду, мешая друг другу, отбивая друг у друга редкие былинки...

А ведь они, кроме всадников, вынуждены были нести еще и тяжелую добычу!

А ведь у «монголов» были с собой еще и немаленькие обозы. Скотину, которая тащит повозки, тоже надо кормить, иначе не потянет повозку...

Одним словом, на протяжении всего двадцатого века число напавших на Русь «монголо-татар» усыхало, как знаменитая шагреневая кожа. В конце концов историки со скрежетом зубовным остановились на тридцати тысячах – опускаться ниже им просто не позволяют остатки профессионального самолюбия.

И еще кое-что... Боязнь допустить в Большую Историографию еретические теории вроде моей. Потому что, даже если принять число «вторгшихся монголов» равным тридцати тысячам, возникает череда ехидных вопросов...

И первым среди них будет такой: а не маловато ли? Как ни ссылайся на «разобщенность» русских княжеств, тридцать тысяч конников – чересчур мизерная цифра для того, чтобы устроить по всей Руси «огнь и разорение»! Они ведь (даже сторонники «классической» версии это признают) не двигались компактной массой, всем скопом наваливаясь поочередно на русские города. Несколько отрядов рассыпались в разные стороны – а это снижает численность «неисчислимых татарских орд» до предела, за которым начинается элементарное недоверие: ну не могло *такое* количество агрессоров, какой бы дисциплиной ни были спаяны их полки (оторванные к тому же от баз снабжения, словно группочка диверсантов в тылу врага), «захватить» Русь!

Получается заколдованный круг: *огромное* войско «монголо-татар» по чисто физическим причинам не смогло бы сохранить боеспособность,

быстро передвигаться, наносить те самые пресловутые «несокрушимые удары». *Небольшое* войско ни за что не смогло бы установить контроль над большей частью территории Руси.

От этого заколдованного круга может избавить лишь наша гипотеза – о том, что никаких *пришельцев* не было. Шла гражданская война, силы противников были относительно небольшими – и опирались они на *собственные*, накопленные в городах запасы фуража.

Между прочим, кочевникам совершенно несвойственно воевать зимой. Зато зима – излюбленное время для военных походов *русских*. Испокон веков они отправлялись в поход, используя в качестве «торных дорог» замерзшие реки – самый оптимальный способ ведения войны на территории, почти сплошь заросшей дремучими лесами, где мало-мальски большому военному отряду, особенно конному, передвигаться чертовски трудно.

Все дошедшие до нас летописные сведения о военных кампаниях 1237–1238 гг. рисуют классический русский стиль этих битв – сражения происходят зимой, причем «монголы», которым вроде бы положено быть классическими степняками, с поразительным мастерством действуют в *лесах*. В первую очередь я имею в виду окружение и последующее полное уничтожение на реке Сити русского отряда под командованием великого князя владимирского Юрия Всеволодовича... Столь блестящая операция никак не могла быть проведена обитателями степей, которым просто некогда, да и негде было научиться сражениям в чащобе.

Итак, наша копилка понемногу пополняется весомыми доказательствами. Мы выяснили, что никаких «монголов», т.е. монголоидов среди «орды» отчего-то не было. Выяснили, что «пришельцев» никак не могло быть много, что даже то мизерное число в тридцать тысяч, на котором историки закрепились, словно шведы под Полтавой, никак не могло обеспечить «монголам» установление контроля над всей Русью. Выяснили, что лошади под «монголами» были отнюдь не монгольскими, а воевали эти «монголы» отчего-то по *русским* правилам. Да и были они, что любопытно, светловолосыми и голубоглазыми.

Не так уж мало для начала. А мы, предупреждаю, только входим во вкус...

Куда пришли «монголы», придя на Русь?

Именно так, я ничего не напутал. И очень быстро читатель узнает, что вынесенный в заголовок вопрос только на первый взгляд представляется бессмыслицей...

Мы уже говорили о второй Москве и втором Кракове. Есть еще и вторая Самара – «Самара град», крепость на месте нынешнего города Новомосковска, в 29 километрах к северу от Днепропетровска...

Словом, географические названия средневековья отнюдь не всегда совпадали с тем, что мы *сегодня* понимаем под каким-то названием. Сегодня для нас Русь обозначает *всю* тогдашнюю землю, населенную русскими.

А вот тогдашние люди считали несколько иначе... Всякий раз, едва доведется читать о событиях XII–XIII столетий, необходимо помнить: *тогда* «Русью» называли *часть* населенных русскими областей – киевское, переяславское и черниговское княжества. Точнее: Киев, Чернигов, река Рось, Поросье, Переяславль-Русский, Северская земля, Курск. Сплошь и рядом в древних летописях пишется, что из Новгорода или Владимира... «ехали в Русь»! То есть – в Киев. Черниговские города – «русские», а вот смоленские – уже «нерусские».

Историк XVII века: «...славяне, прародители наши – москва, россиане и прочие...»

Именно так. Не зря на западноевропейских картах очень долго русские земли разделялись на «Московию» (север) и «Россию» (юг). Последнее название продержалось крайне долго – как мы помним, обитатели тех земель, где ныне располагается «Украина», будучи русскими по крови, католиками по религии и подданными Жечи Посполитой, именовали себя «русской шляхтой».

Таким образом, к летописным сообщениям вроде «такого-то года орда напала на Русь» нужно относиться с учетом того, что сказано выше. Помнить: это упоминание означает не агрессию против *всей* Руси, а нападение на *конкретный* район, строго локализованный.

Калка – клубок загадок

Первое столкновение русских с «монголо-татарами» на реке Калке в 1223 г. довольно подробно и детально описано в древних отечественных летописях – впрочем, не только в них, есть еще так называемая «Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях» [173].

Однако изобилие сведений не всегда вносит ясность...

В общем-то, историческая наука давно уже не отрицает того очевидного факта, что события на реке Калке – не нападение злых пришельцев на Русь, а агрессия русских против соседей. Судите сами. Татары (в описаниях битвы на Калке монголы никогда, ни разу не упоминаются) воевали с половцами. И прислали на Русь послов, которые довольно дружелюбно попросили русских в эту войну не вмешиваться. Русские князья этих послов... убили, а по некоторым старым текстам, не просто убили – «умучили». Поступок, мягко говоря, не самый пристойный – во все времена убийство посла считалось одним из самых тяжких преступлений. Вслед за тем русское войско выступает в дальний поход. Покинув пределы Руси, оно *первым* нападает на татарский стан, берет добычу, угоняет скот, после чего еще *восемь* дней движется в глубь чужой территории. Там, на Калке, и происходит решающее сражение, союзники-половцы в панике бегут, князья остаются одни, три дня отбиваются, после чего, поверив заверениям татар, сдаются в плен. Однако татары, разозленные на русских (вот странно, с чего бы это?! Никакого особого зла те татарам не сделали, разве что убили их послов, напали на них первыми...) убивают пленных князей. По одним данным, убивают просто, без затей, по другим – наваливают на связанных доски и садятся сверху пировать, негодяи.

Показательно, что один из самых ярых «татарофобов», писатель В. Чивилихин, в своей почти восьмисотстраничной книге «Память», перенасыщенной руганью в адрес «ордынцев», события на Калке несколько смущенно обходит. Упоминает мельком – да, было что-то такое... Вроде бы там и повоевали малость... [212]

Понять его можно: русские князья в этой истории выглядят не самым лучшим образом. Добавлю от себя: галицкий князь Мстислав Удалой не просто агрессор, но и форменный подонок – впрочем, об этом погода...

Вернемся к загадкам. Та самая «Повесть о битве на Калке» отчего-то не в состоянии... назвать противника русских! Судите сами: «...из-за

грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги».

В высшей степени странные строки! Напоминаю, написанные *гораздо позже* описываемых событий, когда вроде бы уже полагалось точно знать, с кем же сражались на Калке русские князья. Ведь часть войска (хотя и малая, по некоторым данным – одна десятая) все же вернулась с Калки. Мало того, победители, в свою очередь преследуя разбитые русские полки, гнались за ними до Новгорода-Святополча (не путать с Великим Новгородом! – А.Б.), где напали на мирное население – так что и среди горожан должны быть свидетели, своими глазами лицезревшие противника^[20].

Однако этот противник остается «неведомым». Пришедшим неизвестно из каких мест, говорящем на бог весть каком языке. Воля ваша, получается некая несообразность...

То ли половцы, то ли таурмены, то ли татары... Это заявление еще больше запутывает дело. Уж половцев-то к описываемому времени на Руси знали прекрасно – столько лет жили бок о бок, то воевали с ними, то вместе ходили в походы, роднились... Мыслимое ли дело – не опознать половцев?

Таурмены – кочевое тюркское племя, в те годы обитавшее в Причерноморье. Опять-таки были прекрасно известны русским к тому времени.

Татары (как я скоро докажу) к 1223 г. уже как минимум несколько десятков лет жили в том же Причерноморье.

Короче говоря, летописец определенно лукавит. Полное впечатление, что ему по каким-то чрезвычайно веским причинам *не хочется* прямо называть противника русских в том сражении. И это предположение ничуть не надуманное. Во-первых, выражение «то ли половцы, то ли татары, то ли таурмены» никоим образом не согласуется с жизненным опытом русских того времени. И тех, и других, и третьих на Руси прекрасно знали – все, кроме автора «Повести»...

Во-вторых, сразись русские на Калке с «неизвестным», впервые увиденным народом, последующая картина событий выглядела бы совершенно иначе – я имею в виду сдачу князей в плен и преследование разбитых русских полков.

Оказывается, князья, засевшие в укреплении из «тына и телег», где три дня отбивали атаки противника, сдались после того... как некий *русский* по имени Плоския, находившийся в боевых порядках противника,

торжественно целовал свой нательный крест на том, что пленным не причинят вреда.

Обманул, паскуда. Но дело не в его коварстве (в конце-то концов, история дает массу свидетельств того, как сами русские князья с тем же коварством нарушали «крестное целование»), а в личности самого Плоскини, русского, христианина, каким-то загадочным образом оказавшегося среди воинов «неведомого народа». Интересно, какими судьбами его туда занесло?

В. Ян, сторонник «классической» версии, изобразил Плоскиню таким степным бродягой, которого *изловили* по дороге «монголо-татары» и с цепью на шее подвели к укреплению русских, чтобы уговорил их сдаться на милость победителя.

Это даже не версия – это, простите, шизофрения. Поставьте себя на место русского князя – профессионального солдата, за свою жизнь вдоволь повоевавшего и со славянскими соседями, и со степняками-кочевниками, прошедшего огни и воды...

Вас окружили в далекой земле воины совершенно неизвестного доселе племени. Три дня вы отбиваете атаки этого супостата, чей язык не понимаете, чей облик вам странен и противен. Вдруг этот загадочный супостат подгоняет к вашему укреплению какого-то оборванца с цепью на шее, и тот, целуя крест, клянется, что осаждающие (снова и снова подчеркиваю: неизвестные вам доселе, чужие по языку и вере!) вас пощадят, если сдадитесь...

Что же, вы сдадитесь в этих условиях?

Да полноте! Ни один нормальный человек с мало-мальским военным опытом не сдастся (к тому же вы, уточню, совсем недавно убили послов этого самого народа и пограбили вдоволь стан его соплеменников).

А вот русские князья отчего-то сдались...

Впрочем, почему «отчего-то»? Та же «Повесть» пишет совершенно недвусмысленно: «Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них был Плоскиня».

Бродники – это русские вольные дружинники, обитавшие в тех местах. Предшественники казаков. Что ж, это несколько меняет дело: сдаться уговаривал не связанный пленник, а воевода, почти что равный, такой же славянин и христианин... Такому можно и поверить – что князья и сделали.

Однако установление подлинного социального положения Плоскини лишь запутывает дело. Получается, что бродники в сжатые сроки сумели договориться с «народами неизвестными» и сблизилась с ними настолько, что ударили совместно на русских? Своих братьев по крови и вере?

Снова что-то не складывается. Понятно, бродники были изгоями, сражавшимися только за себя, но все равно, как-то очень уж быстро нашли общий язык с «безбожными моавитянами», о которых никто не знает, откуда они пришли, и какого они языка, и какой веры...

Собственно говоря, одно можно утверждать со всей определенностью: *часть* войска, с которым рубились русские князья на Калке, была славянской, христианской.

А может, не часть? Может, и не было никаких «моавитян»? Может, битва на Калке и есть «разборка» меж православными? С одной стороны – несколько союзных русских князей^[21], с другой – бродники и *православные* татары, соседи русских?

Стоит принять эту версию, все встает на свои места. И загадочная дотоле сдача князей в плен – сдавались не каким-то неведомым чужакам, а хорошо знакомым соседям (соседи, правда, нарушили слово, но тут уж как повезет...)^[22] И поведение тех жителей Новгорода-Святополча, что непонятно почему вышли навстречу татарам, преследующим бегущих с Калки русских... с крестным ходом!»

Такое поведение опять-таки не укладывается в версию с неведомыми «безбожными моавитянами». наших предков можно упрекнуть во многих грехах, но вот излишней доверчивости среди таковых не числилось. В самом деле, какой нормальный человек выйдет убаготворять крестным ходом некоего неизвестного пришельца, чей язык, вера и национальная принадлежность остаются загадкой?!

Однако, стоит нам предположить, что за бегущими остатками княжеских ратей гнались некие *свои*, давно знакомые, и что, особенно важно, такие же христиане – поведение жителей города мгновенно теряет всякие признаки сумасшествия или нелепости. От *своих*, давно знакомых, от таких же христиан и в самом деле был шанс оборониться крестным ходом.

Шанс, правда, на сей раз не сработал – видимо, разгоряченные погоней всадники были чересчур уж обозлены (что вполне понятно – их послов убили, на них самих напали первыми, рубили и грабили) и с ходу посекали тех, кто вышел навстречу с крестом. Замечу особо, подобное случалось и во время чисто *русских* междоусобных войн, когда разъяренные победители рубили направо и налево, и поднятый крест их не останавливал...

Таким образом, битва на Калке – вовсе не столкновение с неведомыми народами, а один из эпизодов междоусобной войны, которую вели меж

собой христиане-русские, христиане-половцы^[23] и христиане-татары. Русский историк XVII века суммирует итоги этой войны так: «Татары после этой победы до основания разорили *крепости и города и села* половецкие. И все земли около Дона, и моря Меотского^[24], и Таврики Херсонской (что после перекопання перешейка меж морями до сего дня именуется Перекопом), и вокруг Понта Евксинского, то есть Черного моря, татары под свою руку взяли, и тамо поселились».

Как видим, война шла за конкретные территории, меж конкретными народами. Кстати, крайне любопытно упоминание о «городах, и крепостях, и селах половецких». Нам долго втолковывали, что половцы – степняки-кочевники, но кочевые народы не имеют ни крепостей, ни городов...

И напоследок – о галицком князе Мстиславе Удалом, вернее, о том, за что он как раз и заслуживает определения «подонок». Слово тому же историку: «...Храбрый же князь Мстислав Мстиславич галицкий... когда прибежал к реке к лодьям своим (сразу после поражения от «татар» – А.Б.), переправившись через реку, повелел все лодьи потопить, и порубить, и пожечь, убоявшись погони татарской, и, страха исполнен, пеш в Галич добрался. *Большая же часть полков российских, бегучи, достигла лодий своих и, узревши их до единой потопленными и пожженными, от печали и нужды и голода не смогла через реку переплыть, там же умерли и погибли, кроме некоторых князей и воинов, на плетеных таволжанных снопах через реку переплывших*».

Вот так. Между прочим, эта мразь – я о Мстиславе – до сих пор в истории и литературе именуется Удалым. Правда, далеко не все историки и литераторы восхищены сей фигурой – еще сто лет назад Д. Иловайский подробно перечислил все промахи и нелепости, совершенные Мстиславом в качестве князя галицкого, употребив примечательную фразу: «Очевидно, под старость Мстислав окончательно лишился здравого смысла». Наоборот, Н. Костомаров ничтоже сумняшеся считал поступок Мстислава с лодьями прямо-таки само собой разумеющимся – Мстислав, дескать, этим «не дал переправиться татарам». Однако, простите, они ведь все равно как-то переправились, ежели «на плечах» отступающих русских домчались до Новгорода-Святополча?!

Благодушие Костомарова по отношению к Мстиславу, по сути, и погубившему своим поступком большую часть русского войска, впрочем, объяснимо: в распоряжении Костомарова была лишь «Повесть о битве на Калке», где о гибели воинов, которым не на чем было переправиться, не упоминается вовсе. Историк, которого я только что цитировал,

Костомарову определенно неизвестен. Ничего странного – эту тайну я раскрою чуть погодя.

Супермены из монгольских степей

Приняв классическую версию «монголо-татарского» нашествия, мы и сами не замечаем, с каким скопищем нелогичностей, а то и откровенной глупости имеем дело.

Для начала я процитирую обширный кусок из труда известного ученого Н.А. Морозова (1854–1946):

«Кочующие народы по самому характеру своей жизни должны быть широко раскинуты по большой некультивированной местности отдельными патриархальными группами, неспособными к общему дисциплинированному действию, требующему экономической централизации, т.е. налога, на который можно было бы содержать войско взрослых холостых людей. У всяких кочевых народов, как у скоплений молекул, каждая их патриархальная группа отталкивается от другой, благодаря поискам все новой и новой травы для питания их стад.

Соединившись вместе в количестве хотя бы нескольких тысяч человек, они должны также соединить друг с другом и несколько тысяч коров и лошадей и еще более овец и баранов, принадлежащих разным патриархам. В результате этого вся ближайшая трава была бы быстро съедена и всей компании пришлось бы вновь рассеяться прежними патриархальными мелкими группами в разные стороны, чтобы иметь возможность подолее прожить, не переноса каждый день своих палаток на другое место.

Вот почему априорно должна быть отброшена, как чистейшая фантазия, и сама идея о возможности организованного коллективного действия и победного нашествия на оседлые народы какого-нибудь широко раскинутого кочующего народа, питающегося от стад, вроде монголов, самоедов, бедуинов и т.д., за исключением случая, когда какая-нибудь гигантская, стихийная катастрофа, грозящая общей гибели, погонит такой народ из гибнущей степи целиком на оседлую страну, как ураган гонит пыль из пустыни на прилегающий к ней оазис.

Но ведь даже и в самой Сахаре ни один большой оазис не

был навсегда засыпан окружающим песком, и по окончании урагана снова возрождался к прежней жизни. Аналогично этому и на всем протяжении нашего достоверного исторического горизонта мы не видим ни одного победоносного нашествия диких кочующих народов на оседлые культурные страны, а лишь как раз наоборот. Значит, не могло этого быть и в доисторическом прошлом. Все эти переселения народов взад и вперед накануне их выступления в поле зрения истории должны быть сведены лишь на переселение их имен или в лучшем случае – правителей, да и то из более культурных стран в менее культурные, а не наоборот».

Золотые слова. Истории и впрямь неизвестны случаи, когда рассеянные на огромных пространствах кочевники вдруг создали бы если не могучее государство, то могучую армию, способную завоевывать целые страны.

За одним-единственным исключением – когда речь заходит о «монголо-татарах». Нам предлагают верить, что Чингисхан, якобы обитавший в *нынешней* Монголии, каким-то чудом, за *считанные* годы создал из разбросанных улусов армию, превосходившую по дисциплине и организованности любую европейскую...

Любопытно бы знать, как он этого добился? При том, что у кочевника есть одно несомненное преимущество, хранящее его от любых причуд *оседлой* власти, вообще не понравившейся ему власти: мобильность. На то он и кочевник. Пришелся не по нраву самозванный хан – собрал юрту, навьючил коней, усадил жену, детей и старую бабушку, взмахнул плеткой – и подался за тридевять земель, откуда добыть его чрезвычайно затруднительно. Особенно, когда речь идет о бескрайних сибирских просторах.

Вот подходящий пример: когда в 1916 г. царские чиновники чем-то особенно допекли кочевников-казахов, те преспокойно снялись и откочевали из Российской империи в соседний Китай. Власти (а речь идет о начале двадцатого века!) просто-напросто не смогли им помешать и воспрепятствовать!

Между тем нас приглашают поверить в следующую картину: степные кочевники, вольные, как ветер, отчего-то покорно соглашаются следовать за Чингизом «до последнего моря». При полном, подчеркнем и повторим, отсутствии у Чингисхана средств воздействия на «отказников» – немислимым делом было бы гоняться за ними по протянувшимся на

тысячи километров степям и чащобам^[25].

Пять тысяч километров – примерно такое расстояние преодолели до Руси отряды Чингиза по «классической» версии. Писавшие подобное кабинетные теоретики просто-напросто никогда не задумывались, чего стоило бы в *реальности* преодоление подобных маршрутов (а если вспомнить, что «монголы» достигли берегов Адриатики, маршрут увеличивается еще на полторы тысячи километров). Какая сила, какое чудо могло бы принудить степняков пуститься в такую даль?

Вы поверите, что кочевники-бедуины из аравийских степей однажды отправились бы завоевывать Южную Африку, дойдя до мыса Доброй Надежды? А индейцы Аляски в один прекрасный день объявились в Мексике, куда по неведомым причинам решили откочевать?

Разумеется, все это – чистейшей воды вздор. Однако, если сопоставить расстояния, выйдет, что от Монголии до Адриатики «монголам» пришлось бы пройти примерно столько же, сколько аравийским бедуинам – до Кейптауна или индейцам Аляски – до Мексиканского залива. Не просто пройти, уточним – по дороге еще и *захватить* несколько крупнейших государств того времени: Китай, Хорезм, опустошить Грузию, Русь, вторгнуться в Польшу, Чехию, Венгрию...

Историки предлагают нам в *это* поверить? Что ж, тем хуже для историков... Если вы не хотите, чтобы вас называли идиотом, не совершайте идиотских поступков – старая житейская истина. Так что сторонники «классической» версии сами нарываются на оскорбления...

Мало того, что кочевые племена, находившиеся на стадии даже не феодализма – родового строя – отчего-то вдруг осознали необходимость железной дисциплины и покорно потащились вслед за Чингисханом за шесть с половиной тысяч километров. Кочевники еще в сжатые (чертовски сжатые!) сроки вдруг обучились владеть лучшей военной техникой того времени – стенобитными машинами, камнеметами...

Судите сами. По достоверным данным, *первый* крупный поход за пределы «исторической родины» Чингисхан совершает в 1209 г. Уже в 1215 г. он якобы захватывает Пекин, в 1219 г. с применением осадных орудий берет города Средней Азии – Мерв, Самарканд, Гурганж, Хиву, Ходжент, Бухару – а еще через двадцать лет теми же стенобитными машинами и камнеметами уничтожает стены русских городов.

Прав был Марк Твен: ну не мечут гусаки икру! Ну не растет брюква не дереве!

Ну не способен степняк-кочевник за пару лет освоить искусство взятия городов с применением стенобитных машин! Создать армию,

превосходящую армии любых государств того времени!

Прежде всего потому, что *ему этого не надо*. Как справедливо замечал Морозов, нет в мировой истории примеров создания кочевниками государств или разгрома государств чужих. Тем более в столь утопические сроки, как нам подсовывает официальная история, изрекающая перлы вроде: «После вторжения в Китай армия Чингисхана взяла на свое вооружение китайскую военную технику – стенобитные машины, камнемётные и огнеметные орудия».

Это еще ничего, бывают перлы и почище. Мне доводилось читать статью в крайне серьезном, академическом журнале: там описывалось, как монгольский (!) военный флот в XIII в. обстреливал суда древних японцев... боевыми ракетами! (Японцы, надо полагать, отвечали торпедами с лазерным наведением.) Словом, к числу искусств, освоенных монголами за год-другой, нужно отнести еще и мореплавание. Хорошо хоть, не полеты на аппаратах тяжелее воздуха...

Бывают ситуации, когда здравый смысл сильнее всех ученых построений. Особенно если ученых заводит в такие лабиринты фантазии, что любой фантаст восхищенно разинет рот.

Кстати, немаловажный вопрос: как жены монголов отпустили своих мужей на край света? Подавляющее большинство средневековых источников описывает «татаро-монгольскую орду» как *войско*, а не переселяющийся *народ*. Никаких жен и малых детушек. Выходит, монголы до самой смерти странствовали в чужих землях, а их жены, так никогда и не увидев мужей, управлялись со стадами?

Не *книжные*, а настоящие кочевники всегда ведут себя совершенно иначе: преспокойно кочуют долгие сотни лет (нападая изредка на соседей, не без этого), им и в голову не приходит *покорить* какую-нибудь близлежащую страну или отправиться за полмира искать «последнее море». Пуштунскому или бедуинскому племенному вождю просто *не придет в голову* строить город или создавать государство. Как не придет ему в голову блажь насчет «последнего моря». Хватает чисто земных, практических дел: нужно выжить, не допустить падежа скота, искать новые пастбища, выменивать на сыр и молоко ткани и ножи... Где уж тут грезить об «империи на полмира»?

А нас меж тем всерьез уверяют, что степняк-кочевник отчего-то вдруг проникся идеей *государства* или по крайней мере грандиозного завоевательного похода до «пределов мира». И в ударные сроки каким-то чудом объединил соплеменников в могучую организованную армию. И за несколько лет обучился обращаться с довольно сложными по тогдашним

меркам машинами. И создал военный флот, который палил ракетами по японцам. И составил свод законов для своей громадной империи. И переписывался с Римским Папой, королями и герцогами, уча их жить.

Покойный Л.Н. Гумилев (историк не из последних, но порой чрезмерно увлекавшийся *поэтическими* идеями) всерьез полагал, что создал гипотезу, способную объяснить подобные чудеса. Речь идет о «теории пассионарности». Согласно Гумилеву, тот или иной народ в определенный миг получает некий загадочный и полумистический энергетический удар из Космоса, после чего преспокойно сворачивает горы и добивается невиданных свершений.

В этой красивой теории есть существенный изъян, идущий на пользу самому Гумилеву, а вот его оппонентам, наоборот, до предела осложняющий дискуссию. Дело в том, что «проявлением пассионарности» легко объяснить *любой* военный или иной успех *любого* народа. А вот доказать *отсутствие* «пассионарного удара» практически невозможно, что автоматически ставит сторонников Гумилева в лучшие, нежели их оппонентов, условия – поскольку не существует *надежных* научных методов, равно как и аппаратуры, способной зафиксировать на бумаге или пленке «поток пассионарности».

Одним словом – резвись, душа... Скажем, рязанский воевода Балдоха во главе доблестной рати налетел на суздальцев, вмиг и презрительно разбил их войско, после чего рязанцы охально избивали суздальских баб и девок, ограбили все запасы соленых рыжиков, беличьих шкурок и медов ставленных, на костылях напоследок по шее некстати подвернувшемуся иноку и победителями вернулись домой. Всё. Можете, многозначительно прищурив глаза, произнести: «Рязанцы получили пассионарный толчок, а вот суздальцы пассионарность растеряли к тому времени».

Прошло с полгода – и вот уже суздальский князь Тимоня Гунявый, горя жаждой мести, напал на рязанцев. Фортуна оказалась переменчива – и на сей раз «рязани косопущой» вломили по первое число и отобрали всё добро, а бабам с девками оборвали подошвы; что до воеводы Балдохи, над ним поглумились вволюшку, пихнув голым задом на некстати подвернувшемуся ежа. Картина для историка гумилевской школы насквозь понятная: «Рязанцы потеряли прежнюю пассионарность».

Возможно, ничего они не теряли – просто-напросто похмельный кузнец не подковал вовремя Балдохиного борзого коня, тот потерял подкову, и дальше все шло в соответствии с английской песенкой в переводе Маршака: не было гвоздя, подкова пропала, не было подковы, лошадь захромала... А основная часть Балдохиной рати вообще не принимала

участия в битве, поскольку гонялась за половцами верстах в ста от Рязани.

Но попробуйте вы доказать правоверному гумилевцу, что дело в гвозде, а не в «утрате пассионарности»! Нет, право, рискните ради любопытства, только я вам тут не товарищ...

Словом, и «пассионарная» теория для объяснения «феномена Чингисхана» не годится по причине полнейшей невозможности как доказать ее, так и опровергнуть. Мистицизм оставим за кадром.

Тут есть еще один пикантный момент: составлять суздальскую летопись будет тот самый инок, которому рязанцы столь неосмотрительно надавали по шее. Если он особо злопамятен, представит рязанцев... и не рязанцами вовсе. А некими «погаными», злокозненной антихристовой ордой. Неведомо откуда вынырнувшими моавитянами, жрущими лисиц и сусликов. Впоследствии я приведу кое-какие цитаты, показывающие, что в Средневековье порой примерно так и обстояло...

Вернемся к оборотной стороне медали «татаро-монгольского ига». Уникальным отношениям меж «ордынцами» и русскими. Вот здесь уже стоит отдать должное Гумилеву, в *этой* области он достоин не зубоскальства, а уважения: он собрал огромный материал, наглядно свидетельствующий о том, что отношения меж «Русью» и «Ордой» нельзя обозначить иным словом, кроме симбиоза.

Честно говоря, мне не хочется эти доказательства перечислять. Слишком много и часто писали о том, как русские князья и «монгольские ханы» становились побратимами, родичами, зятьями и тестями, как ходили в совместные военные походы, как (назовем вещи своими именами) *дружили*. При желании читатель и сам может без всякого труда ознакомиться с подробностями русско-татарской дружбы. Я остановлюсь на одном аспекте: на том, что отношения такого рода *уникальны*. Отчего-то ни в одной разбитой или захваченной ими стране татары так себя не вели. Однако на Руси доходило до непонятного абсурда: скажем, подданные Александра Невского в один прекрасный день побивают до смерти ордынских сборщиков дани, но «ордынский хан» реагирует на это как-то странно: при известии об этом печальном событии не только не принимает карательных мер, но дает Невскому *дополнительные* привилегии, разрешает ему самому собирать дань, а кроме того, освобождает от необходимости поставлять рекрутов для ордынского войска...

Я не фантазирую, а всего лишь пересказываю русские летописи. Отражающие (наверняка вопреки «творческому замыслу» их авторов) весьма странные отношения, существовавшие меж Русью и Ордой: форменный симбиоз, братство по оружию, приводящее к такому

переплетению имен и событий, что просто-напросто перестаешь понимать, где кончаются русские и начинаются татары...

А нигде. Русь и есть Золотая Орда, вы не забыли? Или, если точнее, Золотая Орда – это *часть* Руси, та, что находится под властью владимиросуздалских князей, потомков Всеволода Большое Гнездо. И пресловутый симбиоз – всего лишь не до конца искаженное отражение событий.

Гумилев так и не отважился сделать следующий шаг. А я, простите, рискну. Если мы установили, что, во-первых, никаких «монголоидов» ниоткуда не приходило, что, во-вторых, русские и татары находились в *уникально* дружеских отношениях, логика диктует пойти дальше и сказать: Русь и Орда – попросту одно и то же. А сказки о «злых татаровьях» сочинены значительно позднее.

Вы никогда не задумывались, что означает само слово «орда»? В поисках ответа я для начала закопался в глубины польского языка. По очень простой причине: именно в польском сохранилось довольно много слов, исчезнувших из русского в XVII–XVIII столетиях (когда-то оба языка были не в пример более близки).

В польском «Horda» – «полчище». Не «толпа кочевников», а скорее «большое войско». Многочисленное войско.

Двигаемся далее. Сигизмунд Герберштейн, «цесарский» посол, побывавший в *Московии* в XVI веке и оставивший интереснейшие «Записки», свидетельствует, что на «татарском» языке «орда» означало «множество» либо «собрание». В русских летописях при рассказе о военных кампаниях преспокойно вставляют обороты «шведская орда» или «немецкая орда» в том же значении – «войско» [43].

Академик Фоменко указывает при этом на латинское слово «ordo», означающее «порядок», на немецкое «ordnung» – «порядок».

К этому можно добавить англосаксонское «order», означающее опять-таки «порядок» в смысле «закон», а кроме того – воинский строй. В военном флоте до сих пор существует выражение «походный ордер», то есть, построение кораблей в походе.

В современном турецком языке слово «ordu» имеет значения, опять-таки соответствующие словам «порядок», «образец», а не так уж давно (с исторической точки зрения) в Турции существовал военный термин «орта», означающий янычарское подразделение, нечто среднее меж батальоном и полком...

В конце XVII в. на основании письменных донесений землепроходцев тобольский служивый человек С.У. Ремезов вместе с тремя сыновьями составил «Чертежную книгу» – грандиозный географический атлас,

охватывавший территорию всего Московского царства. Казачьи земли, примыкающие к Северному Кавказу, именуются... «Земля Казачьей Орды»! (Как и на многих других старорусских картах.)

Одним словом, все значения слова «орда» вертятся вокруг терминов «войско», «порядок», «законоустройство»^[26]. А это, я уверен, неспроста. Картина «орды» как государства, на каком-то этапе объединявшего русских и татар (или просто *армии* этого государства), гораздо удачнее вписывается в реальность, нежели монгольские кочевники, удивительным образом восплававшие страстью к стенобитным машинам, военному флоту и походам на пять-шесть тысяч километров.

Просто-напросто когда-то Ярослав Всеволодович и его сын Александр начали жесточайшую борьбу за господство над всеми русскими землями. Именно их армия-орда (в которой и в самом деле хватало татар) и послужила позднейшим фальсификаторам для создания жуткой картины «иноземного нашествия».

Еще несколько схожих примеров, когда при поверхностном знании истории человек вполне способен сделать ложные выводы – в том случае, если знаком только с названием и не подозревает, что за ним стоит.

В XVII в. в польской армии существовали кавалерийские части, именовавшиеся «казацкими хоругвями» («хоругвь» – воинская единица). Настоящих казаков там не было ни одного – в данном случае название означало лишь то, что эти полки вооружены по казацкому образцу [246].

Во время Крымской войны в составе высадившихся на полуострове турецких войск была часть, именовавшаяся «оттоманские казаки». Вновь ни единого казака – только польские эмигранты и турки под командованием Мехмеда Садык-паши, он же бывший кавалерийский поручик Михал Чайковский [246].

И, наконец, можно вспомнить о французских зуавах. Название эти части получили от алжирского племени зуауа. Постепенно в них не осталось ни единого алжирца, одни чистокровные французы, однако название сохранилось на последующие времена, пока эти подразделения, своеобразный спецназ, не прекратили свое существование.

Свидетель без маски

Настало время рассекретить источник, который я довольно долго уклончиво именовал «одним историком XVII века».

Речь идет об авторе труда под названием «Скифийская история», несправедливо забытом русском историке Андрее Ивановиче Лызлове [114]. Родился он предположительно около 1655 г., в семье служилых дворян. Его отец, думный дворянин и патриарший боярин, позаботился, чтобы сын получил хорошее образование – Лызлов знал польский и латинский языки, был начитан в русской истории, сведущ в архитектуре, общался со знаменитым фаворитом царевны Софьи В.В. Голицыным, одним из образованнейших людей России того периода. Участвовал в войнах с турками и крымцами, был в Пензенском крае товарищем (заместителем) воеводы. В 1692 г. закончил главный труд своей жизни, «Скифийскую историю». После марта 1697 г. его имя больше не упоминается в документах, так что на этот год, вероятно, и приходится его кончина.

«Скифийская история» в печатном виде появлялась всего трижды – в 1776 г. в Санкт-Петербурге вышло первое издание, в 1787 г. в Москве – второе. Третье появилось лишь в 1990 г. убогим тиражом в пять тысяч экземпляров. Современным историкам эта работа практически неизвестна, в чем я имел случай убедиться.

А жаль. Труд Лызлова написан на основе как не дошедших до нас русских летописей (вроде поминавшегося «Летописца Затопа Засекина»), так и работах польских и итальянских историков XVI–XVII веков: Стрыйковского, Бельского, Гваньини, Барония, опять-таки использовавших огромное количество утраченных ныне материалов из русских, польских, литовских архивов. Известно, что Лызлов пользовался монастырскими библиотеками, хранилищем московской Патриаршей ризницы – не исключено, еще и документами из Казанского и Астраханского архивов, которые, как мы помним, столетием спустя натолкнули Татищева на «еретические» выводы, кое в чем противоречившие «официальной» истории.

Впрочем, сплошь и рядом то, что пишет Лызлов, рисует перед нами опять-таки нечто еретическое – совершенно *другую* историю, коренным образом расходящуюся с той, что мы привыкли считать единственно верной...

Все фрагменты из труда Лызлова переведены мною на современный литературный язык. Желающие могут сами ознакомиться с оригиналом по указанному в библиографии изданию.

Итак, устраивайтесь поудобнее и приготовьтесь встретиться с сенсацией...

Начнем с того, что у Лызлова татары предстают... народом, безусловно родственным славянам, кроме того – европейским!

«Скифия состоит из двух частей: одна европейская, в которой живем мы, то есть Москва, россияне, литва, волохи и татары европейские».

Требуются ли комментарии?

«Вторая – азиатская, в ней обитают все скифские народы, расселившиеся от севера до востока. Эти азиатские скифы весьма многочисленны и прозываются различными именами».

Не стану приводить эти имена полностью. Меня в данный момент интересует лишь одно имя, к которому мы будем не раз возвращаться – *тауросы*.

«Пятьсот лет назад, а то и более, некий скифский народ вышел из страны, именовавшейся на их языке Монгаль (а потому и жители оной назывались монгаилы, или монгаили), и, завоевав некоторые страны, как о том будет сказано ниже, изменил и самое имя свое, назвавшись тартарами... к каковому имени сами они относятся не в пример расположеннее и любят, когда другие их именуют именно так».

Вот и отыскался след монголов! Однако сторонникам «классической» версии радоваться не стоит. «Монгаили» или «монгаилы», описанные Лызловым, явно не имеют отношения к *нынешним* монголам. Чуть дальше говорится: «От тех *татар – монгаилов* и произошли те татарове, что к нам, савроматам, пришли, а именно: крымские, монконские, перекопские, белгородские, очаковские и все те народы, что обитают возле озера Палюсмеотис, то есть Азовского моря».

Другими словами – *тюрки*. Крымские и перекопские татары – определенно тюрки, этого никто и никогда не покушался опровергнуть.

Кроме того, оказывается, существовали еще и «белгородские татары» (но Белгород, как известно, считается исконно славянским городом?!). А ведь, не забывая, есть еще «европейские татары», которых Лызлов помещает *среди* славянских племен: москвы, россиян, литвы... Что, кстати, не сам придумал, а шел вслед европейским историкам, которые, как я упоминал выше, отчего-то считали и «татарский», и «половецкий» языки родственными... славянским! Так и пишет Стрыйковский: «И печенеги, и половцы, и ятвяги есть та же литва, разве что имеют в наречии своем некоторые отличия, подобно полякам и россиянам».

Книга Лызлова написана в 1692 г. Простой арифметический расчет показывает: $1692 - 500 = 1192$! Именно в этом году и появились в «азиатской Скифии», т.е. неподалеку от русских рубежей, татары! А может, и раньше – Лызлов сам пишет: «Пятьсот лет назад, а то и более». Так что никаких «неведомых народов», якобы внезапно нахлынувших в 1223 г. из глубин Азии, попросту не было!

Лызлов упоминает и Чингисхана, однако в его изложении перед нами предстают два варианта возникновения Чингизова государства. По первому, в 1162 г. от Рождества Христова «Хингис Великий» с частью воинов ушел из царства некоего Ункама и создал свое собственное государство. По второму, «Цынгис» основал Заволжскую орду и покинул отчие земли не вследствие «перенаселения», как в первом варианте, а оттого, что его, рожденного вне брака, кто-то хотел убить.

Это доказывает, что и триста лет назад не было *точных* сведений о личности Чингисхана – только противоречащие друг другу легенды. Что, как мне представляется, работает на мою версию.

Однако вернемся к «татарам». Вернее, к основанной якобы «Чингизом» Заволжской орде, чтобы показать на ее примере, со сколь беззастенчивым нахальством наши профессиональные историки «поправляют» своих коллег из далекого прошлого.

Уже поминавшийся кандидат исторических наук Ю. Мыцк делает к книге Лызлова следующее глубокомысленное примечание: «В Заволжскую орду вошли земли в бассейне Сырдарьи, степи и города на *восток* от Аральского моря».

Чтобы оценить должным образом наивный цинизм этой «правки», нужно процитировать самого Лызлова: «Татары, именующие себя Заволжской ордой, живут по реке Волге пониже болгарских границ вплоть до Каспийского моря». И далее, в другом месте: «Орда татар Заволжских названа так от реки Волги, за которой татары и обитали; а с востока ограничена та орда Хвалынским морем».

Хвалынское море – Каспийское. Как видим, Лызлов *дважды* привел точные границы Заволжской орды. Однако современный комментатор по неведомым причинам «перенес» Заволжскую орду на сотни километров восточнее. Почему? Да, видимо, оттого, что ясные и недвусмысленные указания Лызлова противоречат той самой классической версии.

Уж если современные комментаторы поступают подобным образом с *печатным* текстом, не допускающим двойного толкования, легко представить, сколько натяжек, умолчаний и передергиваний наворочено вокруг *рукописных* документов...

Та самая Азиатская Скифия, повествует далее Лызлов, как раз и называется Великая Татария. С одной стороны – Азовское море, с другой – Каспийское, а с юга – «Гора великая, именуемая Быкова, по-латыни – Монс Таурус, куда приставал Ноев ковчег после потопа».

То есть – Арарат, по библейской традиции. Обратите внимание на странное, многозначительное созвучие: Таурус – Таврия – Тартария – Татария. Очень похоже, что слово «татары» – это искаженное «татауросы», что татары каким-то самым тесным образом связаны с Таврией и Таурусом-Араратом^[27].

Если кому-то не понравится эта моя версия, горячо рекомендую другую – официальную, по которой «татары произошли от некоего племени «та-та» или «да-да». Правда, в этой версии есть небольшая неувязочка: никаких таких «та-та» или «да-да» историки, как ни бились, не обнаружили. И тогда – от бессилия, должно быть – измыслили очередную эпохальную гипотезу: «татарами» монголы называли тех, кого побеждали. Победят какое-то племя – и назовут его татарами. Еще одно победят – и его так же окрестят...

Не подумайте, что я шучу. Своими глазами читал это в одной ученой книге...

Кстати, это Лызлов пишет о том, что у половцев были «города, и крепости, и села». А поскольку он на триста лет *ближе* к описываемым им событиям, нежели виртуозы-эквилибристи вроде фокусника Мыцыка, верю лично я как раз Лызлову, а не современным «комментаторам»...

Между прочим, Лызлов прямо пишет о том, что половцы и есть *готы*. Те самые готы, которых «официальная» историография относил к III в. нашей эры и причисляла к германским племенам.

Утверждение это родилось не на пустом месте – о том же самом пишет и Мавро Орбини, приводя в подтверждение своей точки зрения длинейший список *западноевропейских* историков, подробно обосновавших этот тезис. Большинство их трудов до нас, увы, не дошло:

кто слышал об Иоанне Великом Готском, Иеремии Русине?

И еще. Весьма любопытный факт. Ученые той самой реалистической школы (Орбини, Лызлов и др.) отчего-то ни словечком не упоминают о «великом» Несторе, который, по нынешним представлениям, творил не позднее XII века, когда и создал якобы «Повесть временных лет».

Почему? Да потому, что в XVI–XVII веках о Несторе и не слыхивали. Не существовало еще его трудов, только и всего. Даже имени такого историка не знали...

Далее Лызлов недвусмысленно упоминает о том, что не только половцы были, оказывается, не кочевым народом, а вполне оседлым: «И поселились татары в тех двух странах, что звались Болгария^[28] и Золотая Орда: по обе стороны реки Волги, от места, где впоследствии встала Казань, до реки Яика и моря Хвалисского. И возвели они там *многие города*: Болгары, Былымат, Кумань, Корсунь, Тура, Казань, Ареск, Гормир, Арнач, Сарай Великий, Чалдай, Астарахань».

Обратите внимание: Лызлов ни единым словом не упоминает о каких-то завоеваниях татар в Китае, Хорезме или Грузии – и уж тем более в Центральной Азии... Говорится, что татары «ходили в Индию и царя Индийского убили» – но под «Индией» здесь понимается Персия: среди разоренных татарами «земель царя индийского» называются области «при реке Ефрат и у моря Перского».

Дело в том, что первоначально слово «Индия» означало в русском языке не знакомую нам Индию, а попросту «далекую страну». Термин этот произошел от старославянского «инде», т.е. «далече»^[29]. Именно в таком значении употребляется это слово в русской летописи 1352 г., повествующей об эпидемии некоей заразной болезни, лютовавшей в тот год на Руси: «Говорят иные, что тот мор пришел из-Ындейской страны». То есть попросту – издалека. Потому что меж реальной Индией и Русью располагалось много стран, а по воздуху этот «мор» никак не смог бы перенестись... «Ындейской» страной в данном случае может оказаться и Персия, и Крым, и Хива...

Примечательно, что Лызлов (как многие современные ему или жившие незадолго перед тем историки) ни единым словом не упоминает о «великой монгольской державе» с центром в городе Каракоруме, находившемся якобы на территории нынешней Монголии. Ни словечком. Понять это легко: «великая держава монгольских ханов», раскинувшаяся вольготно от китайских морей до русских пределов, существовала только на бумаге и в воображении позднейших историков. Реалистическая школа XVI–XVII

веков, к которой принадлежал и Лызлов, смотрела на вещи более трезво: уж тогда-то прекрасно знали, что Золотая Орда граничила на востоке с Каспийским морем, а *далее* на восток никакой империи не было...

Кстати, «исчезнувшие» якобы печенеги, по Лызлову, самым спокойным образом... живут рядом с половцами, болгарами и Крымской ордой.

Кстати, по Лызлову, «татары» и обитатели Казанского ханства – отнюдь не одно и то же, поскольку не только память о многих «казанских царях», но и сами их имена ушли в небытие как раз благодаря непрерывным набегам татар...

И, что любопытно, в книге Лызлова есть места, позволяющие с большой долей уверенности говорить, что Великая Татария, она же Заволжская Орда, именовалась давным-давно... Китаем!

Это прекрасно сочетается с разысканиями академика Фоменко, обратившего внимание на то, что Афанасий Никитин четко разделял Чину (China)^[30] и Китай: «А от Чины до Китая идти сушей шесть месяцев, и морем четыре дня».

Если Чина – это современный Китай, а Китай – Заволжская Орда, все сходится. Сначала полугодовой путь по суше, потом – четыре дня по Каспийскому морю! К тому же Никитин, написав приведенную выше фразу, добавляет: «А иду я на Русь...» То есть – из *нынешнего* Китая на Русь, через Великую Татарию, или Заволжскую Орду. Все сходится.

Справедливости ради нужно уточнить, что Лызлов в вопросе о нашествии Батыя точно так же придерживается версии, которую я назвал «официальной» и методично пытаюсь опровергнуть. Впрочем, нет гарантии, что Лызлова не правили сторонники «классической» версии. Тот и оно, что правили – еще в конце XVIII века, когда его книга готовилась к печати. Есть точные сведения, что рукопись Лызлова побывала в руках того самого Миллера, который искромсал «неправильный» труд Татищева...

Гораздо важнее другое: после знакомства с книгой Лызлова можно уверенно заявлять: в старые времена, до Петра Первого, существовал не какой-то единственный вольнодумец, а целая историческая школа (причем представленная и русскими, и поляками, и итальянцами), которая придерживалась качественно *иной* точки зрения на татар. Согласно ее воззрениям, татары (или, по крайней мере, значительная часть татар) были народом, близко родственным славянам, как русским, так полякам и литвинам. Говорили на языке, родственном славянскому. И появились на южных рубежах Руси значительно раньше мнимого «нашествия монголов

из Центральной Азии». Там же обитали – практически в то же время! – и родственные славянам половцы (жившие в городах, имевшие крепости!), и якобы «исчезнувшие» печенеги.

Напрашивается вывод: а может быть, татары – никакие не тюрки? И представляют собою тот же этнос, что и русские?

Л.Н. Гумилев считал, что именно так и обстояло. Академик Фоменко указал на *двуязычие* Афанасия Никитина: временами Никитин в середине фразы легко и непринужденно переходит с русского на тюркский. А известный писатель Олжас Сулейменов в книге «Аз и я» обнаружил много тюркизмов и в «Слове о полку Игореве».

Неизвестно точно, представляют русские и «татары» два разных этноса или один. Однако можно с уверенностью говорить, что русские прекрасно владели тюркским, а тюрки – русским. То есть до известного времени, до некоторого времени это двуязычие было просто необходимо – потому что жизнь русских и татар была чересчур тесно связана. Переплетена, если можно так выразиться. А это возможно в единственном случае: если история Руси и история Орды – одно и то же.

Итак, каковы же краткие выводы? Книга Лызлова, несправедливо забытая^[31], лишь доказывает, что на Калке русские князья дрались не с «неведомыми народами», сию минуту вынырнувшими из мглы неизвестности, а с кем-то достаточно близким по речи, по вере, по целям и задачам...

Если история Руси и история Орды – одно и то же, скажет читатель, то *цели и задачи* у русских и ордынцев просто обязаны быть одинаковы?

Совершенно верно. Они и *были* одинаковы. Что в следующих главах я и постараюсь доказать.

Хаос и порядок

Начнем с того, что «вторжение Батыя» удивительнейшим образом совпадает с пиком острейшего управленческо-политического кризиса, прямо-таки бушевавшего на Руси...

Согласно формулировке профессора Владимирского-Буданова (чья работа о древнерусском праве сто десять лет назад считалась лучшим университетским курсом по этому предмету), «в начале XIII века дробление княжеств достигло крайней степени» [40].

Вызвано это было тем, что на Руси, говоря современным языком, произошло форменное *перепроизводство* князей. Предложение превышало спрос, то есть, князей стало слишком много, а столов никак не хватало на такую ораву. Кроме того, старинный принцип наследования стола по старшинству перестал работать...

Попытаюсь объяснить подробнее. Наследование стола, княжения шло по старшинству, то есть старший сын правящего князя становился наследником еще при жизни отца, каковое право получал с момента рождения. И после смерти родителя занимал стол.

Эта простая и эффективная система сохраняла простоту и эффективность лишь в первое столетие. Пока Рюриковичей было мало. Пока мало было городов, уделов, земель. К XIII веку Рюриковичи, цинично выражаясь, расплодились неимоверно. «Старшинство» столкнулось с казусами, которых предки просто не смогли предусмотреть...

Представьте, что у некоего правящего князя, ну, скажем, Всеслава, есть сын Изяслав – лет так двенадцати (по меркам того времени, почти взрослый). Естественно, именно он считается наследником.

Внезапно, на ту беду, у Всеслава рождается *брат* Ярослав. В этом нет ничего удивительного – в средневековье женили и выдавали замуж довольно рано, так что самому Всеславу всего-то лет двадцать шесть, а его матери – около сорока^[32].

Мгновенно возникает сложнейшая проблема: кому наследовать Всеславу? По годам Изяслав, конечно, старше своего юного дяди. Зато по правилам *старшинства* дядя, конечно, «старше» племянника. Представьте теперь, что Всеслав неожиданно погиб, ну, хотя бы в схватке с половцами. У Изяслава есть свои сторонники, в том числе среди дружины, у крошки-Ярослава – опекуны, которые желают посадить на стол именно своего подопечного: пока он придет в совершеннолетие, можно управлять от

своего имени, как душа пожелает...

Вот так и начинались «княжеские убоицы». Не подумайте, что я измыслил чисто умозрительную ситуацию – согласно летописям, именно такие коллизии возникали в XIII столетии...

Возникло наследование «по завещанию», то есть правящий князь сам выбирал себе наследника, уже не оглядываясь на старые обычаи. Легко понять, что находилось много обойденных – и, если под рукой у них оказывалась военная сила, начиналась война...

Возникло наследование «по избранию» – жители той или иной земли сами приглашали того князя, который им больше нравился. Естественно, вновь появлялись обойденные, обиженные, просто завистники.

Возникло «возложение старшинства» – собравшиеся на совет князя договаривались возложить на одного из них права «старшего брата», т.е. наследника. И снова, как вы легко догадаетесь, – обиженные, обойденные, зависть, набег, война...

Непременно нужно упомянуть об одной каверзной детали: в случае, если какой-либо князь, имевший «права старшего брата», то есть дожидавшийся смерти правящего князя, чтобы самому занять стол, умирал *первым*, так и не покняжив, все его потомки по мужской линии автоматически, по тогдашнему закону, *навсегда* лишались права занять какой-либо стол. Грубо говоря, им предлагалось убираться ко всем чертям и жить, как знают. Что отнюдь не прибавляло им голубиной кротости и христианского смирения...

Одним словом, к XIII веку «все смешалось в доме Рюриковичей». Все описанные системы наследования действовали одновременно. И каждый, стремившийся к власти, сплошь и рядом выбирал ту, которая ему больше нравилась. Русь погрузилась в огонь и кровь. Исключительно по недостатку места я не могу привести длинейший список сражений и убийств. Стольные города прогоняли правящих князей и приглашали новых – изгнанные, собрав подмогу (у соседей, а то и у половцев), пытались под звон мечей и посвист стрел «восстановиться» на понравившемся престоле. Князья свергали друг друга, ослепляли и убивали друг друга (причем никакие родственные узы сердца не смягчали – брат шел на брата, дядя на племянников, а те – на него), годами и десятилетиями держали конкурентов в «порубах», подземных темницах. В Киеве горожане, взбунтовавшись против князя Игоря Ольговича, так увлеклись, что нечаянно убили его до смерти. В Галиче в 1208 г. бояре, устроив заговор против князей Игоревичей, призвали мажарских наемников, каковые князей и убили... Когда Юрий Долгорукий провозгласил, что Киев

принадлежит ему по праву наследования, захвативший там власть Изяслав Давыдович, не моргнув глазом, заявил: поскольку лично его киевляне провозгласили князем «по избранию», стол он освобождать не намерен. Конечно, кончилось кровью.

Новгород и Псков заявили, что отныне намерены признавать только избранных ими князей, а все прочие правила на их территории больше не действуют^[33]. Дошло до того, что в Галиче княжеский стол захватил под шумок некий «боярин Владислав». По меркам того времени, это было вопиющим нарушением всех и всяческих обычаев: впервые на столе сидел правитель не княжеского рода... Свергали с превеликим шумом, призвав на помощь венгров и поляков. Свергли. Надо полагать, не зажился...

Как легко догадаться, все эти усобицы и войны сопровождались погромами, разорением, убийствами и насилиями. И дело, отметим, не ограничивалось борьбой князей друг с другом. Роман Галицкий, предвосхищая практику Иоанна Грозного, зарывал живьем в землю и жег на кострах своих бояр, рубил «по суставам», сдирал с живых кожу. По Червонной Руси разгуливали банда князя Владимира, выгнанного с галицкого стола за пьянство и разврат. Как свидетельствуют летописи, эта удалая вольница «тащила на блуд» девиц и замужних женщин, убивала священников во время богослужения, а в церквях ставила коней...

Вот вам веселые будни князей, охватывающие каких-то два-три года: Ярослав, брат суздальского князя, в начале 30-х годов XIII в. захватывает Киев. Ярослава изгоняет Владимир Рюрикович. Владимира изгоняет Михаил Черниговский. Даниил Галицкий изгоняет Михаила...

А потом появляются «татары» и наводят *порядок!*

В самом деле, если охарактеризовать результат «татарского» нашествия двумя-тремя фразами, мы получим следующую нехитрую формулу.

В годы, непосредственно предшествовавшие «татарскому» вторжению, Русь погрязла в бесконечных войнах, смутах, кровавой неразберихе. С появлением татар все меняется самым кардинальным образом: воцаряется определенный порядок, среди множества русских князей один становится *старшим*, получив так называемый ярлык на «великое княжение». На тех, кто пробует выступать против такого порядка вещей и по старинке развязывать междоусобные войнишки, с завидной и загадочной регулярностью обрушивается «ордынская» конница...

Здесь не нужно ничего измышлять и притягивать за уши. Подробное знакомство с деятельностью «ордынцев» на Руси поневоле приводит к крамольным выводам: создается впечатление, что у «ордынцев» словно бы

и нет других забот, кроме одной – поддерживать порядок на Руси. Вновь, в который раз, мы сталкиваемся с чем-то *уникальным*: татары ведут себя так только на Руси. В других странах они отчего-то нисколько не заботятся о поддержании порядка и создании стройной системы великого княжения...

Конечно, при наведении порядка гибнут люди. Конечно, при усмирении провинциальных сепаратистов трещат пожары и кони несутся по засеянным полям. Но это – издержки. Неизбежные. Сын и внук Всеволода Большое Гнездо попросту наводят порядок. А впоследствии именно стоны и печалования *провинциальных* летописцев будут приняты за рассказ о разорении *всей* Руси. Хотя на деле слова «...и нагрянула Орда на Русь» означают нечто совсем другое – в котором-то году отряды великого князя утихомирили очередного окраинного князька, вспомнившего времена вольницы...

Честное слово, доказывать тут нечего. Достаточно кропотливо перелистать сборники русских летописей и подсчитать, сколько раз упоминаются «ордынские полки», обязательным образом *сопутствующие* владими́ро-суздальским князьям и их потомкам в наведении порядка.

Вот вам биографии нескольких «ордынских» военачальников – для примера. Нужно уточнить: в русской истории они остались как участники *исключительно* тех событий, о коих рассказано ниже.

Алын – «ордынский мурза». Упоминается в летописях как участник похода князя Андрея городецкого на князя Дмитрия Переяславского.

Ектяк – «царевич казанский». В 1396 г. командует частью войск суздальского князя Симеона при нападении последнего на муромских сепаратистов.

Кавгадый – «ордынский чиновник». Участвует в походе городецкого князя на переяславского (1281). Уговаривает князя Михаила Тверского уступить великое княжение князю московскому Юрию Даниловичу (1317), командует частью московской рати при нападении на Тверь. Присутствует при суде *русских* князей над Михаилом Тверским.

Менгат – «воевода Батыев». В 1239 г. пытается уговорить киевского князя Михаила сдать город без боя – и после убийства киевлянами его послов *уходит* от города.

Неврюй – «царевич татарский». Командует войсками Александра Невского, посланными против княжеского брата Андрея, пытавшегося развязать очередную усобицу. В 1296/1297 гг., по сообщениям Никоновской, Симеоновской и Лаврентьевской летописей, проводит княжеский съезд.

Интересно, что же все эти люди делали для *Орды*? Неизвестно. Все

упоминания о них касаются лишь их участия в *русских* делах. Участия, замечу, всякий раз направленного на усиление великокняжеской власти. Так кто же они такие, эти «ордынские» воеводы? Коли уж ничегошеньки не делают для родной Орды?

Далее я приведу длинный список «ордынских» царевичей и воевод, живших в XVI столетии – снова то же самое, «татары» верой и правдой служат московским государям (уже не великим князьям, а царям), и количество их столь велико, что вновь перестаешь понимать, где кончаются русские и начинаются татары.

И вновь приходишь к выводу: стоит лишь признать, что Русь и Орда – одно и то же, как волшебным образом исчезают все до единой странности, нелогичности, непонятности. Все укладывается в стройную систему: «орда» – всего-навсего войско Владимиро-суздальских князей, силой вводивших на Руси единоначалие. И не более того.

Кстати, есть интересные сведения о том, что в результате «монголо-татарского» нашествия русские княжества не «приходили в упадок», а, наоборот... усиливались! Рязанское княжество (о чем пишут сторонники *официальной* версии) даже... расширило свои территории за счет половецких земель и Чернигово-Северского княжества. Любопытные последствия имело порой «татарское нашествие»...

Александр Батыевич и другие

Отчего-то принято считать, что все поголовно русские князья испытывали к «ордынским татарам» лишь враждебность, злость, обиду, ненависть. Правда, при этом не уточняется, откуда это стало известно. Мемуаров князья не оставили, а уж «ордынцы» – тем более. Источником, как легко догадаться, служило воображение историков «классического» направления и перенос ими на древних князей своего собственного образа мышления.

Мы же постараемся повернуть вопрос несколько иначе, с долей некоторого цинизма поинтересуемся: были ли в русской истории личности, с приходом «татар» резко усилившие свое влияние, приобретшие конкретные блага? И еще: *похожа* ли деятельность «татар», как ее описывают в летописях, на политику кого-то из русских князей?

Да как две капли воды!

Судите сами. Как учит нас официальная история, Всеволод Большое Гнездо *первым* попытался объединить русские земли вокруг своего княжества, т.е. Владимиро-Суздальского. Он овладел Владимиром и взошел на великокняжеский стол, ходил походами на волжских болгар и мордву, на Рязань, подчинил Киев, Чернигов и Галич.

Что делает «хан Батый» через четверть века после смерти Всеволода? Представьте себе, идет походами на волжских болгар и мордву, подчиняет Рязань, Киев, Чернигов и Галич, овладевает Владимиром, а потом... передает ярлык на великое княжение *внуку* Всеволода Александру Невскому.

Как вам совпадения? Если трудолюбиво перелопатить самую что ни на есть официальную, классическую историю, без всяких натяжек приходишь к ошеломляющему выводу: если отбросить все ритуальные стенания о «татарских зверствах» и оценить происшедшее согласно железному римскому правилу «Кому выгодно?», *всё*, что совершил Батый, было, во-первых, повторением политики Всеволода по укреплению своей власти, во-вторых, открыло дорогу Ярославу Всеволодовичу и Александру Ярославичу к великому княжению. Впоследствии именно потомки Александра стали великими князьями московскими, царями Руси.

Несмотря на все ужимки, оговорки, искусственные усложнения и откровенный вздор, современные историки не в силах отринуть столь очевидный факт:

1. Батый продолжал политику Всеволода.
2. Чуть ли не вся деятельность Батыя как «ордынского хана» свелась к усилению Александра.

Нам, конечно, внушают, что причиной всему – поразительные дипломатические таланты Александра. Что ему удавалось «крестом и пестом» пробивать в Золотой Орде именно те решения, которые шли на пользу ему лично. «Хитроват наш дон Тамэо, да и политик изрядный».

Вот только классическая историография до сих пор не в силах ответить на коварные вопросы: почему Невскому *всегда* удавалось пробивать те решения, что были ему выгодны, а его соперникам это *никогда* не удавалось? Почему то же странное, необъяснимое везение *всегда* сопутствовало потомкам Невского, медленно, но верно идущим к единоличной власти над Русью, а вот соперники их *всегда* оказывались в немилости у «татар»?

Да потому, что не было никакого «нашествия». И «Батый» – своего рода псевдоним, под которым действовали Ярослав Всеволодович и его сын Александр.

Вернемся к событиям 1238 г. До «вторжения татар» Ярослав Всеволодович пребывает, полное впечатление, в унижении и безвестности. Княжит в городке Переяславле-Залесском, который тогда был глухой дырой и входил в состав Владимиро-Суздальского княжества, которым правил брат Ярослава Юрий. Как я ни копался в трудах историков и сборниках летописей, не мог найти сведений о каких бы то ни было *свершениях* Ярослава до 1238 г., кроме участия в нескольких междоусобицах. Совершенно бесцветная жизнь третьестепенного князька, осатаневшего от скуки в богом забытой провинции...

И вдруг все меняется – рывком!

По Владимиро-Суздальскому княжеству молниеносно проносится «ордынская» конница, один за другим падают города. С тем самым удивительным проворством, о котором мы уже говорили, степняки в считанные дни обучаются войне в лесных чащобах, где, на реке Сити, и уничтожают князя Юрия с его дружиной. В разоренный Владимир прибывает Ярослав...

И собирает рать, чтобы возглавить отпор безбожным татарам?

Да ничего подобного! Приказывает оставшимся в живых жителям хоронить убитых и прибирать город, а сам начинает распоряжаться оставшимися без хозяина уделами: брату Ивану дает Стародуб, Святославу – Суздаль, внучатому племяннику Василию – Ярославль. Сам, понятно, садится на княжеском столе...

Как хотите, но это поведение человека, который *делит добычу!*

Мало того – отсюда и начинается возвышение Ярослава, прозябавшего дотоле в безвестности. Сам Батый, как пишут русские летописи, приглашает его в «Орду» и встречает с почестями, поставив «первым над князьями». Как сообщает итальянец Плано Карпини, именно Ярослав... становится представителем Батыея в столице «монгольской империи» Каракоруме, где происходят выборы верховного хана.

Насчет последнего – явная ошибка итальянца. Мы наглядно убедились, что никакой «великой империи» нет, а город Каракорум, как я намерен доказать впоследствии, располагался не в Монголии и не в Китае, а где-то на Волге. Однако как в таком случае истолковать сообщение Карпини?

Да очень просто. Никаких пришельцев нет. В результате хорошо спланированной военной операции князь Ярослав захватывает власть над значительной частью Руси, выполняя «программу» своего отца Всеволода. Громит рязанцев, галичан, киевлян, черниговцев. Наверняка в его войске есть татары – но это не пришельцы из дальних степей, а старые добрые знакомые, жители Заволжской орды. Впоследствии Ярослав, его сыновья и внуки безжалостно, в стиле того времени расправляются с любым соперником в борьбе за великое княжение...

Эта версия вас не устраивает?

Что ж, пользуйтесь классической: дикий степняк Батый, встретившись с князьком из глухого захолустья, о котором прежде и не слыхивал, вдруг очаровался им, как юная школьница – душкой-офицером. Настолько возлюбил, что ни с того ни с сего вручил ему главенство над всей Русью, а потом отправил представлять собственную персону в столицу империи, где высшие вельможи выбирали великого хана...

Принятая в современной историографии карта «татарских вторжений»

Воля ваша, но я в эту чепуху поверить не в состоянии. Поскольку возвращаются все те же проклятые вопросы: почему «ордынцы» *нигде*, ни в одной стране, завоевание которых им приписывает классическая версия, не относились с таким доверием и радушием к местным князькам? Почему «Батый» прощает Ярославу и Александру поступки, за которые любой нормальный владыка снес бы голову своему подданному? Почему «Батый» в точности повторяет свершения Всеволода и делает потомков Всеволода владетелями всей Руси, т.е. осуществляет давние стремления Всеволода?

Да потому, что Батый — вымышленная фигура, которой частью приписаны деяния Ярослава, частью — Александра. Кстати, Батый в нашей историографии выглядит удивительно бесцветно. Если разобраться вдумчиво, сам он ничем и никак себя не проявляет, завоевание Руси и все последующие меры по наведению порядка происходят как бы сами собой, без его участия...

Стоит лишь допустить, что Батый — чистейшей воды вымысел, как все становится на свои места. Прослеживается и умелое, жесткое руководство

«татарскими ордами», и продуманная система борьбы с соперниками, претендентами на великое княжение. Снова возникает стройная система, основанная на строгой логике. Уже нет ничего удивительного в том, что потомки Невского методично прибирают к рукам власть над Русью.

Так и было задумано с самого начала Ярославом и Александром, из которых летописцы позднейшего времени сотворили «Батыя». Между прочим, Александр отчего-то именуется не единожды «приемным сыном» Батыя. Снова перед нами навязшая в зубах *уникальность* – ни в одной из покоренных им от Китая до Руси стран Батый отчего-то не спешил обзаводиться приемными сыновьями, а вот ради Невского отчего-то изменил привычкам.

Повторяю, история не знает примеров, когда вторжение жестокого иноземного супостата вдруг помогло бы одному из вельмож подвергшейся нападению страны стать полновластным хозяином этой самой страны. Однако в нашем случае «безбожный моавитянин» Батый отчего-то заложил основы для возвышения Ярослава Всеволодовича и его потомков... Как будто *своих* задач у него не было.

Конечно, не было. Откуда им взяться, если за прозвищем «Батый» как раз и скрываются Ярослав с Александром?

Еще раз подведем итоги.

Ярослав. До «татарского нашествия» княжит в крохотном городке на окраине богатого княжества, где хозяином – его брат. После: великий князь, «старший над прочими».

Александр. До «татарского нашествия» княжит в Новгороде, откуда его в любой момент могут выставить, если это взбредет в голову жителям. После: получает в полное распоряжение Киев, после смерти отца становится великим князем владимирским, *ставит* своего сына князем в Новгороде, приобретает огромное влияние на дела Руси.

Комментарии излишни.

Могут спросить: что же, вы пытаетесь доказать, что князь Ярослав сверг и убил *родного* брата?

Что ж, именно так и получается. Однако в этом поступке нет ничего, противоречащего средневековым нравам, когда самые близкие по крови люди становились в борьбе за власть злейшими врагами и убивали родственников столь же легко, как чужих...

И бысть умучен от злых татаровей...

В этом разделе мы рассмотрим столь печальные события, как «убийства русских князей в Орде злыми татаровьями». И сразу столкнемся с массой интересного и загадочного...

Смерть «убиенных от татар за православную веру» князей Дмитрия Черниговского, Иоанна Путивльского, Александра Новосильского, Сергея Александровича, Димитрия Курского, княгини его Феодоры и сына их Василия, а также братьев Давида и Глеба Игоревичей предметом расследования не станет по одной простой причине: все они известны исключительно по церковным поминаниям и былинам. Ни в одном древнерусском летописном источнике отчего-то нет ни единого упоминания о ком-либо из перечисленных.

Перейдем к «документированным» фактам.

1270 г. В «Орде» убит рязанский князь Роман Ольгович. Летописным свидетельствам об обстоятельствах его гибели доверять нельзя, поскольку летописцы пытаются уверить нас, что Роман замучен «за отказ принять бесерменскую веру».

Это не просто странно – предельно странно. Потому что все без исключения историки «классического» направления сходятся на том, что «татары» предоставили Русской православной церкви прямо-таки *уникальные* (снова это словечко всплыло!) привилегии и льготы. Вплоть до того, что существовал особый указ Батые, согласно которому смертной казнью карался всякий, посягнувший бы на церковное имущество, на неприкосновенность церковных земель, на право церкви в иных случаях судить виновных своим судом^[34].

Более того – как мы помним, «татары» в значительной части своей были христианами. В Сарае Великом существовали христианские храмы, а при «ханской ставке» был православный епископ.

В *этих* обстоятельствах убийство князя Романа Рязанского за отказ принять «бесерменскую веру» выглядит предельно странным. Гораздо больше это похоже на состряпанную позже, довольно неуклюжую дезинформацию. Особо подчеркну: этот Роман был *единственным*, которого «татары» казнили по столь неправдоподобному поводу...

Не в пример ближе к реальности другой вариант: рязанский князь был убит владимиристо-суздальцами, поскольку был их серьезным соперником и конкурентом в борьбе за главенство.

1318 г. В «Орде» казнен князь Михаил Тверской. Вот здесь информации гораздо больше...

Одно время бытовала убогая версия, будто Михаила «татары» казнили за отказ выполнить языческий очистительный обряд, пройти меж двух костров. Ее нелепость поняли довольно быстро: татары, с нескрываемым уважением относившиеся к христианству, вряд ли стали бы казнить человека за оскорбление языческого обряда – при том, что язычниками была ничтожно малая часть «ордынцев»... Можно ли представить, что инквизиция арестовывает кого-то по обвинению в «непочтении к мусульманству»? Нереально. То же и с шитой белыми нитками сказкой об «оскорблении священного огня».

К счастью, есть подробные описания смерти Михаила...

Оказывается, он смертельно враждовал со своим родственником Юрием Даниловичем (Михаил был племянником Александра Невского, а Юрий – внуком), княжившим в Москве. После одного из сражений в плен к Михаилу попала жена Юрия, крещеная половецкая княжна Агафья Кончаковна. Будучи в заточении в Твери, она странным образом умерла. Естественно, возникли слухи об отравлении, в которых и в самом деле может оказаться зерно истины – отчего, право, вдруг скончалась внезапно молодая, здоровая женщина?!

Как бы там ни было, происшедшее лишь усугубило ненависть Юрия к родственнику-сопернику. Вскоре Михаил оказался перед судом. Согласно классической версии, его «призвали на расправу в Орду». Согласно моей (которая прекрасно согласуется с обстоятельствами смерти князя) – его попросту удалось принудить предстать перед своеобразным «третейским судом».

Как же выглядел этот суд?

Семь русских князей обвинили Михаила в попытках взимания дани с их городов и отравлении Агафьи Кончаковны. После чего князя выставили на *правеж* – исполняя исконно русский обычай^[35]. На шею ему надели тяжелую колоду, и семь стражников – по одному от каждого князя – караулили его.

Потом увели в кибитку, куда вскоре подъехал со своими людьми Юрий Данилович. Один из сопровождавших московского князя, *русский* по имени Романец^[36] убил Михаила ударом ножа в сердце. Мертвого князя раздели догола и швырнули труп за кибитку...

Как видите, судили Михаила русские за причиненные русским обиды. И казнил его русский. Вы спросите, где же «ордынцы»? В самом деле,

получается какая-то нелепость: русские князья посреди Золотой Орды судят и рядят по своим обычаям, а после приводят в исполнение приговор...

Представьте себе, «ордынцев» и близко нет! Нет, и все тут! Присутствует лишь тот самый «ордынский чиновник» Кавгадый, о котором я писал выше. Кавгадый, чья зафиксированная летописцами деятельность странным образом связана исключительно с русскими внутренними делами.

Его поведение крайне странно. Летописец пытается внушить нам, что Кавгадый, дескать, тоже был членом суда, но дальнейшее поведение «ордынца» этому противоречит. Кавгадый... посылает своих слуг поддерживать колодку на шее Михаила, чтобы тот не так мучился. (Обратите внимание: он не может *снять* эту колодку вовсе. Видимо, не располагает такой властью. Это ордынец-то, находящийся у себя дома?!)

После убийства Михаила Кавгадый довольно робко говорит Юрию, что покойник как-никак был тому родственником, старшим по годам, так что негоже мертвому валяться позорно голым...

И вновь это не приказ – просьба-пожелание. Юрий, однако непреклонен: он лишь разрешает накинуть на тело плащ. Не более того. Бояре Юрия увозят тело в Москву... и бросают там в хлеву. Там же говорится, что ордынцы «колебались», но Юрий *настоял* на приведении приговора Михаилу в исполнение.

Спрашивается: кто хозяин в Орде, Юрий Московский или Кавгадый? Хозяином держится скорее Юрий – обвиняет, возглавляет суд над тверским князем, люди Юрия и убивают приговоренного. Кавгадый же в состоянии лишь *чуть* облегчить страдания выставленного на позор Михаила, а потом *попросить*, чтобы с его телом обращались пристойнее (однако никто не спешит эту просьбу выполнить).

Вскоре сын покойного Михаила, Дмитрий, убил Юрия. Как нас уверяет летописец – «убил в Орде». Однако отчего-то не приводит ни малейших подробностей – в противоположность убийству Михаила, описанному как раз крайне подробно. Потом и Дмитрия «убивают в Орде» – но подробностей вновь нет.

1339 г. Князя Александра Михайловича Тверского и его сына Федора убивают «в Орде». На сей раз судят и выносят приговор вроде бы «ордынцы» – однако по странному стечению обстоятельств летописцы не приводят никаких мотивов, заставивших «ордынского хана» так поступить. Хан казнил Александра и Федора «ни с того, ни с сего». Заступничество ярославского и белозерского князей отчего-то не возымело действия.

Многое проясняется, когда обнаруживаем, что в момент казни тверских князей в Орде находился... брат покойного Юрия Иван Калита. Тот самый, знаменитый «собиратель земли Русской». По версии летописцев, Калита и «оговорил» тверичей.

А может, не «оговаривал», а попросту *сам* приговорил к смерти? Казни тверичей предшествовали довольно многозначительные события: тверские бояре, оказалось, к тому времени «отъехали» от своего князя в Москву. А после казни Калита, нагрянув в Тверь с войском, торжественно сбросил колокол с церкви Спаса и увез его в Москву.

Кстати, имена палачей, казнивших Александра и Федора, звучат странно: Беркан и Черкас. Больше похоже на прозвища. Как мы помним, «черкасами» именовали предков нынешних казаков, то есть опять-таки славян...

Как видим, все три случая подчиняются строго определенным закономерностям. Всякий раз гибнут соперники и конкуренты владимиро-суздальской династии и ее потомков. Всякий раз их смерть приписывается «коварству ордынцев». Всякий раз не приводится хотя бы *подобия* мотивов, которыми могли бы руководствоваться татары. Зато в случае с Михаилом «ордынцев» и близко нет, а единственный из них, Кавгадый, ведет себя так, словно он не хозяин, а лицо *подчиненное*...

Выводы? Не было никакого «ордынского суда». Всякий раз устранялись соперники владимирско-суздальской московской династии, продолжателей «линии Всеволода Большое Гнездо». О временах Ивана Калиты сохранилась любопытнейшая запись: «Сел на великое княжение Иван Данилович, и настал покой христианам на многие лета, И ПЕРЕСТАЛИ ТАТАРЫ ВОЕВАТЬ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ».

Все совпадает. Все логично. Зачем «татарам» воевать, если единоличной власти Ивана Калиты никто не угрожает? Если нет ни вдали, ни вблизи соперников-конкурентов?

С 1328 года – года, когда утвердился Калита – и до времен войн с Мамаем ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ НА РУСЬ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ЗАФИКСИРОВАНО. Что полностью противоречит классической версии о «диких степняках, привыкших жить набегами». Отчего-то в данном случае «дикие степняки» напрочь отказываются от своих привычек.

Есть, правда, исключение – вторжение в русские пределы военачальника, который именуется то «Арапша», то «Араб-шах». Однако это была не агрессия, а *ответ* на рейд русских войск, которые в 1376 г. вступили в пределы Волжской Болгарии, обложили один из городов болгар и заставили его жителей принести присягу на подданство.

Интересно, что при этом русские назначили в захваченный город своих чиновников, которые звались «даруга» и «таможник» – первый собирал налоги, а второй был чем-то вроде таможенного инспектора.

Термины «даруга» и «таможник» обычно считаются «монгольскими»! Спрашивается, почему русские ими воспользовались? Неужели за столетия не придумали своих слов для обозначения чиновников со схожими функциями?

Вывод прост: поскольку никаких «монголов» не существовало, «ордынские» термины и есть *русские*.

Между прочим, история прелюбопытнейшая. С одной стороны, Русь вроде бы является «вассалом» Золотой Орды. С другой – русские вдруг нападают на Волжскую Болгарию, т.е. *часть* Золотой Орды, и вынуждают тамошний город принести вассальную клятву!

В *нашей* версии, где Русь и Золотая Орда представляют собой одно и то же, это как раз выглядит вполне логичным и не содержит никаких загадок. Очевидно, русские на окраине своих владений попросту боролись с какими-то сепаратистами, которых и представлял Араб-шах.

Самое время вернуться к одному из загадочнейших событий времен «монгольского вторжения». Глава Русской церкви Киевский митрополит Иосиф после взятия Киева «Батыевой ратью» пропал без вести. Исчез столь загадочно и надежно, что по сию пору ученые разводят руками, не в силах пролить свет на это темное дело. Летописцы и историки более семисот лет отделяются невнятной скороговоркой – либо погиб в развалинах Киева, либо «удалился в другое место и сгинул там безвестно».

А соль здесь в том, что владыка Иосиф... был греком из Царьграда, поставленным царьградским патриархом и прибывшим в Киев буквально перед самым «Батыевым нашествием»!

Много и подробно писалось о том, что к XIII веку Русь уже недвусмысленно тяготилась зависимостью от константинопольского патриарха, предпочитая церковных иерархов русского происхождения... Впоследствии, в 1243 г., «бесхозная» киевская митрополия как раз и досталась *русскому* игумену Кириллу, родом с Южной Руси. Управление митрополией он принял «по выбору князей».

Вновь, в который уж раз, «злые татаровья» совершают поступок, полностью совпадающий с *русскими* интересами. Бесследно пропадает неудобный грек, митрополитом становится *свой*. А на все вопросы посланцев Царьграда русские с самым что ни на есть невинным видом разводят руками и сетуют на злых татаровей, коварно изничтоживших греческого иерарха по врожденной своей кровожадности...

Не исключая, что царьградцы верили.

Загадки «Батыева похода»

Возвращаясь к событиям зимы 1237–1238 года, пресловутому «Батыеву нашествию» (а на самом деле борьбе Ярослава и Александра с соперниками), мы опять-таки сталкиваемся с изрядным количеством загадок.

Прежде всего, пресловутая «дикая орда» действовала с непонятной (но не для нас) избирательностью. Волховские князья (обитавшие в Южной Волыни) отчего-то не подверглись разгрому *вовсе*. Преспокойно присягнули Батыю на верность, и их владения остались в полной неприкосновенности.

По *нашей* версии истории, ничего удивительного или непонятного тут нет. Сообразили вовремя, что с Ярославом и Александром шутки плохи, не лезли поперек батьки в пекло, сиречь не пытались стать конкурентами – вот и остались целехоньки...

Не в пример более загадочной выглядит история с Козельском. Летописцы в один голос твердят, что «Батыева орда» на *семь* недель задержалась возле крохотного городка Козельска и все это время штурмовала его с необъяснимым упрямством, пока не добилась своего.

Это и в самом деле странно. Никакого стратегического значения городишко не имел – и тем не менее «ордынское войско» полтора месяца топталось у его стен...

Здесь возникает сразу несколько вопросов:

1. Почему «степняки», вроде бы к тому времени обучившиеся мастерски владеть китайскими камнеметами и стенобитными машинами, в случае с Козельском это свое умение как-то сразу растеряли? (Напоминаю: практически все крупнейшие города Руси держались не более шести-семи дней.)

Чтобы объяснить этот феномен, покойный В. Чивилихин измыслил какие-то невероятные, суперблагоприятные географические условия – если верить ему, Козельск был расположен так удобно для осажденных, стоял на таких непреодолимых кручах, был окружен столь глубокими рвами, что все китайские машины оказались бесполезными.

Возможно. Но, даже если так и обстояло ^[37], это не снимает проблемы, наоборот, усложняет ее дополнительными загадками.

2. Почему, столкнувшись со столь неприступной крепостью (напоминаю, крохотной, не имевшей военного значения в рамках большой

стратегии), завоеватели не махнули рукой и не умчались поискать добычи полегче? Почему проторчали возле нее семь недель, пока не взяли-таки?

Гипотез, объясняющих «загадку Козельска», пока имеется на белом свете три:

1. Классическая версия.
2. Теория Гумилева.
3. Моя гипотеза.

Классическая версия, собственно, представляет собой... полное отсутствие версии. Монголо-татары просто взяли и задержались у Козельска. Захотели и задержались. Искать в их поступках логику бессмысленно – Азия-с...

Гипотеза Гумилева, надо признать, более логична и убедительна. Гумилев считал, что татары *мстили* Козельску. Князь черниговский и козельский Мстислав пятнадцать лет назад, будучи на Калке, принял участие в убийстве татарских послов. И, хотя к тому времени он уже умер, татары считали, что его подданные несут «коллективную ответственность» за убийство князем их послов...

Вообще-то, это гораздо больше похоже на версию, нежели ничего не объясняющие апелляции к «азиатской логике», какими грешат историки «классического» направления.

Увы, есть обстоятельство, которое не оставляет от версии Гумилева камня на камне...

В числе других на Калке воевал, принимал участие в убийстве татарских послов (да и погиб там же) *смоленский* князь Мстислав-Борис Романович Старый. Следовало бы предположить, что, руководствуясь тем самым принципом «коллективной ответственности», татары не с меньшей яростью обрушатся на Смоленск, мстя его обитателям за преступление князя...

Так вот, Смоленск *вообще* не подвергся татарскому удару. Ни в 1237–1238, ни после! Он *никогда* не сталкивался с «ужасами ордынских приступов». В *пределах* Смоленского княжества татары иногда показывались, но на сам стольный град Смоленск не нападали *никогда*.

«Коллективная ответственность» выглядит какой-то странной. За одно и то же преступление козельцы заслуживают самой суровой кары, зато жителей Смоленска можно и оставить в покое...

В жизни ничего подобного случиться не могло. Либо есть обычай, либо его нет. Либо «коллективную ответственность» несет *всякий*, кто посягнет на послов, либо...

Либо гипотеза Гумилева неверна.

Тогда в чем же загадка?

Да в том, что в Козельске сидел князь из ЧЕРНИГОВСКОЙ династии. Той самой, с которой Ярослав и Александр боролись упорно и яростно, как с одними из конкурентов. Изгнанный «татарами» из Чернигова Мстислав Глебович закончил дни на чужбине, в Венгрии. Князья-соперники истреблялись безжалостно, благо повод был самый удобный – многое можно списать на кровавую неразбериху штурма. В Рязани погибли не только князь, но и его жена с малолетним ребенком («Повесть о разорении Рязани Батыем», как мы убедимся позже, представляет собой чисто литературный вымысел, а следовательно, утверждения, будто рязанского князя «убили в Орде», а его супруга в отчаянии покончила с собой, никак не могут выглядеть достоверными).

Таким образом, сгранно затянувшаяся осада Козельска и упорство, с которым «татары» семь недель добывали город, получает вполне разумное объяснение: Невский стремился уменьшить число возможных соперников, насколько удастся...

Если Батый – «дикий татарин», предводитель жаждавшей добычи орды, совершенно непонятно, почему его войска внезапно повернули от Новгорода. Одно время господствовала теория, будто все произошло из-за ранней распутицы, охватившей огромные пространства и превратившей их в сплошное болото. Однако эту гипотезу безоговорочно опроверг В. Чивилихин, раскопавший весьма интересные подробности. Во-первых, в XIII веке в северном полушарии как раз наблюдалось повсеместное похолодание, которое климатологи даже именуют «малым ледниковым периодом». Во-вторых, несколькими годами спустя, в том же месяце марте, младший брат Александра Невского Андрей в кратчайшие сроки прошел *тысячу* километров, спеша с ратью на помощь брату. Такое возможно в одном-единственном случае: если конница шла по *замерзшим* рекам и озерам...

Так что погода здесь ни при чем – она как раз благоприятствовала конным походам. Тогда?

Если «Батый» – это Александр Невский, нет ничего странного в том, что он не пошел на Новгород. Не было никакой необходимости. К чему брать приступом свой же собственный город? При всем своенравии новгородцев (не раз Александра допрежь выгонявших), в то время отношения князя и горожан были как раз нормальными. Как сообщает одна из летописей, еще Всеволод Большое Гнездо добился от Новгорода обещания избирать впредь князей только из числа его потомков.

То же самое – и со Смоленском. Если Батый – степной пришелец,

озабоченный лишь грабежом, совершенно непонятно, почему татары так никогда и не сделали ни единой попытки овладеть Смоленском – одним из самых больших, благополучных и богатых городов Руси.

Если Батый – это Александр Невский, его желание оставить в покое Смоленск может иметь достаточно веские причины.

Смоленск, по торговле и богатству уступавший лишь Великому Новгороду, в год «татарского нашествия» представлял собой не такую уж легкую добычу не только потому, что был нетронут многочисленными междоусобицами, а значит, укрепления его оставались в целости. Смоленск был центром *международной* торговли. Там было множество торговых дворов и складов, принадлежавших иностранным купцам. А купцов из «фряжских и варяжских» стран обитало в Смоленске столько, что для них были выстроены храмы «латинского обряда». Как написано в «Договоре» 1229 г., русские купцы держали образцы употреблявшихся в торговле весовых мер (т.е. гирь, аршинов, других эталонов) в православном Успенском соборе, а иноземные купцы – в храме «Немецкой богородицы».

Отсюда вытекает: нападение на столь значимый центр международной торговли имело бы для виновника нехорошие последствия. Против него немедленно ополчились бы не только купцы Русской земли, но и иностранные государства, чьи подданные и их добро неминуемо пострадали бы при штурме (обязательно сопровождавшемся бы пожарами и грабежом). Могли последовать ответные меры против русских купцов за границей – примеров предостаточно.

Могли бы *такие* соображения остановить степняка-Батыя?

Ни в коей степени – что ему «мировое общественное мнение»?

Могли бы *такие* соображения остановить Батыя-Александра?

Обязательно. В конце концов, его целью была не добыча, а усиление своей власти над Русью. А это требовало и умения вести сложные политические игры, учитывать многие факторы. Александр ни за что не стал бы ставить под удар внешнюю торговлю Руси.

А потому «злые татаровья» так никогда и не появились под Смоленском...

Между прочим, есть любопытное предание о «подвижнике Меркурии». Уверенно утверждается, что он пришел откуда-то с Запада, первоначально принадлежал к «латинской» церкви, потом перешел в православие и поступил на службу к смоленскому князю. «По словам предания, Меркурий отразил от столицы татарское полчище; но при этом пал и был погребен в Успенском соборном храме» (Д. Иловайский). После этого Меркурия долго почитали в качестве своего, местного святого

(которые так и назывались – «местночтимые»).

Позвольте, но в истории вообще неизвестны подобные события – приход к Смоленску татарской рати и ее отступление!

Чертовски трудно сказать, какие события *реальной* жизни Смоленска нашли отражение в легенде о Меркурии. Однако кое-что все же прослеживается:

1. От татарского нашествия Смоленск избавился каким-то *мирным* путем.

2. В этом участвовали люди, связанные с «латинской» церковью, вообще с Западом.

3. Среди тех, кто дипломатическим путем избавился от татарской угрозы, были *единичные* жертвы.

Как все это можно интерпретировать? Возможно, Невскому был сделан некий ультиматум и наглядно обрисованы возможные последствия. Возможно, кто-то из участников переговоров, вряд ли протекавших в «теплой, дружественной» обстановке, стал на голову короче... Однако ультиматум, надо полагать, возымел действие. В летописях встречаются туманнейшие упоминания о некоей стычке татар со смолянами, происшедшей километрах в 30 от Смоленска, после которой татары ушли. Но деталей отыскать невозможно...

Перейдем к еще одной интереснейшей проблеме: почему самые крупные, стольные города держались против «татар» считанные *дни*? Рязань пала уже через шесть дней. Примерно так же обстояло и с другими городами. Между тем не только маленький Козельск держался семь недель, но и столь же небольшой Торжок пал только на третью неделю...

Ответ прост: Торжок и Козельск не пострадали в результате *внутренних* междоусобиц, сохранили и укрепления, и большое количество людей, годных для ратной службы. А вот стольные города ко времени «татарского вторжения» были как раз в самом плачевном состоянии...

Особенно ярко это проявляется на примере Киева, который «татары» взяли все за те же несколько дней. А это очень странно – Киев был одним из крупнейших городов не только Руси, но и всей Европы, его сравнивали с Царьградом, в нем, по свидетельству Титмара Марзбургского, гостя из Германии, было «восемь рынков и более четырехсот церквей»...

Столь быстрое падение Киева было настолько загадочным для иных историков, что они сочинили байку про то, что осада Киева длилась... девяносто три дня.

На самом деле историки чуточку лукавят. Девяносто три дня – это срок не меж началом и концом штурма, а *первым* появлением «татарской» рати и

взятием Киева. Сначала у киевских стен появился, как вы уже знаете, «Батыев воевода» Менгат и пытался уговорить киевского князя сдать город без боя, но его послов киевляне убили, и он отступил.

А через *три месяца* пришел «Батый». И за несколько дней взял город. Именно *промежуток* меж этими событиями и называют иные исследователи «долгой осадой»...

Почему Киев пал так быстро, вы сейчас поймете...

Титмар был в Киеве в XI в., когда город, «мать городов русских», еще не вступил в черную полосу княжеских усобиц...

Посмотрим, как они протекали.

1169 г. Андрей Боголюбский, суздальский князь, послал на Киев войска под командованием одиннадцати князей. 8 мая город был взят, и два дня победители его грабили. Вот что об этом пишет Ипатьевская летопись: «...грабили же два дня весь град, и гору Подол, и монастыри, и Софию, и Десятинную богородицу, и не было милости никому: ни церквам горящим, ни крестьянам убиваемым, ни всем, кого вязали; жен гнали в полон, разлучая с мужьями своими, и младенцы рыдали, видя уводимых матерей своих. Смоляне, и суздальцы, и черниговцы, и Олегова дружина забрали множество добра, и церкви опустошили от икон и книг, и ризы с колоколами все вынесли; и Печерский монастырь Пресвятой Богородицы зажгли, но Господь его уберег. И были в Киеве стенания великие жителей его, и печаль, и скорбь неутешная...»

Напоминаю, это не «злые татаровья» так себя ведут, это русские христиане бесчинствуют...

1174 г. Киев захватывает Ярослав Луцкий.

1174 г. Ярослава выгоняет Роман Ростиславич.

1174 г. Возвращается Ярослав. На него нападет Святослав Ольгович, прогоняет, грабит приверженцев Ярослава.

Все эти перипетии, конечно, не влекли за собой столь страшных разрушений и повального грабежа, как в 1169 г., но без пожаров, погромов и убийств, ясно, не обходилось (летописец констатирует: «Стоит Киев пограблен Ольговичем»).

1204 г. В Киев нагрянул Рюрик Ростиславич с половецким войском и, говоря современным языком, предложил свою кандидатуру на безальтернативной основе. Когда киевляне не проявили особого энтузиазма, начался штурм...

Лаврентьевская летопись: «Сотворилось великое зло в русской земле, какого не было со времен крещения Киева; случались и прежде напасти, но такого зла доселе не свершалось: не только Подол взяли, а после сожгли, но

и Гору взяли, и митрополию Святой Софии разграбили, и Десятинную святую церковь Богородицы разграбили, и монастыри все; и иконы захватили, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и платье блаженных первых князей, что висело в церквах святых памяти ради... Монахов и монашенок почтенных годами изрубили, а попов старых, и слепых, и хромых, и иссохших в трудах – всех тож изрубили, а иных монахов и монахинь, и попов с попадьями, и киевлян с сынами их и дочерями похватили и в полон увели...»

Представляете, что творилось в городе, как он пылал от края и до края? Как легко вспыхивали целые улицы?

На этом киевские невзгоды отнюдь не заканчиваются. Рюрик сел-таки на киевский стол и занимал его какое-то время, но потом в одном из военных походов его изловил князь Роман и насильно постриг в монахи. Однако через год, когда Роман погиб в битве с поляками, неугомонный Рюрик «чернические одежды скинувши», собрал дружину, вновь после боев и грабежей воссел в Киеве...

Дальнейшее больше напоминает ожесточенную и многолюдную кабацкую драку. Рюрика несколько раз вышибают из Киева князя Северской земли, он зализывает раны, собирает силы и вновь является под киевские стены, берет город, его выгоняют, он возвращается... Обе стороны старательно опустошают земли своих противников и мстят горожанам, наверняка вконец уже осатаневшим от такой неопределенности бытия...

В конце концов Киевом (не без насилия, понятно) овладевает Всеволод Большое Гнездо, но в 1212-м его военной силой изгоняют смоленские князья и сажают на стол Мстислава Романовича (замечу, нарушая все и всяческие правила, о которых выше говорилось так подробно).

Думаю, теперь читателю понятно, что «татарские» полки подошли к разоренному, полуразрушенному городу, где в стенах зияли проломы, а защищать эти стены оказалось крайне затруднительно из-за нехватки людей. К тому же Киев, нужно уточнить, был брошен князем Михаилом – едва узнав о приближении «татар», он поспешил скрыться. Прослышав о «бесхозном» столе, в Киев прискакал Даниил Галицкий, поставил там своего тысяцкого Дмитрия и уехал... Воинов, кстати, не оставил.

Именно Дмитрий, человек в Киеве совершенно новый, и был вынужден возглавить оборону полуразрушенного, обезлюдевшего города, где на стенах стояли не профессиональные воины, а неумелые жители.

Любопытно, что Дмитрий, взятый в плен раненым, не был ни казнен, ни пытан. Наоборот, как в полном согласии пишут несколько летописцев,

«Батый» приблизил тысяцкого к своей особе, и Дмитрий участвовал в походе «татар» на Венгрию. Как ни в чем не бывало. Ему предложили новую службу – и Дмитрий ее принял.

Не есть ли это дополнительный аргумент в пользу версии, согласно которой Киев просто-напросто в очередной раз взяли *русские*?

Меч над Европой

Вторжение «татар» в Европу в 1241 г. таит в себе множество загадок, несообразностей, темных мест и, наконец, откровенных нелепостей – но это опять-таки только в том случае, если придерживаться классической версии об «орде диких кочевников». Ниже мы убедимся, что существует и другая версия, и она-то (как сплошь и рядом случается, стоит только отступить от «канонической гипотезы») выглядит не в пример более логичной и лишенной противоречий...

В исторической литературе «монгольское вторжение», конечно же, именуется «завоевательным» походом. Рассмотрим, как он проходил.

В марте 1241 г. «татары», вторгшись на территорию Польши двумя большими группами, захватили Сандомир, Вроцлав и Краков, где учинили грабежи, убийства и разрушения. После того как под Ополем были разбиты силезские отряды, оба крыла татар соединились и двинулись к городку Легница, где девятого апреля им преградил дорогу с десяти тысячной армией Генрих II Набожный, герцог силезский, малопольский и великопольский. Завязалась битва, в которой поляки понесли сокрушительное поражение.

Как раз Легницкая битва и сопровождается загадками.

Прежде всего, именно там татары применили какие-то загадочные «дымопускательные орудия». Именно дымопускательные. Летописцы твердят об этом с редким единодушием. Современный польский историк Зыгмунт Рыневич, недавно выпустивший интереснейшую книгу с описанием около 800 битв и сражений всех времен, назвал это «боевыми дымами», которые и вызвали замешательство в рядах поляков, переросшее в паническое бегство... [250]

Мне встречались мнения, согласно которым под Легницей как раз и был применен «греческий огонь». Однако верить этому не следует – все без исключения хроники упоминают именно о *дыме*.

Что это был за дым, подробно описывает А.И. Лызлов, пользовавшийся материалами польских историков XVI в.:

«И когда узрели татарина, выбежавшего со знаменем – а знамя это имело вид «Х», и на верху его была голова с длинной бородою трясущейся, поганый и смрадный дым из уст пускавшей на поляков – все изумились^[38] и ужаснулись, и кинулись бежать кто куда мог, и так побеждены были».

Вот это и есть «боевые дымы». Воля ваша, что-то тут не

вытанцовывается, как говаривали герои Гоголя. Выбежал один-разъединственный татарин с небольшим знаменем (оно было небольшим, раз его без усилий нес один человек), на котором пускала дым бородастая голова... Согласен, такое зрелище может и удивить, но потрясти настолько, чтобы опытные воины напрочь ополоумели и кинулись врассыпную?!

Есть более правдоподобная версия возникновения паники. По ней, затесавшиеся в боевые порядки поляков коварные татары вдруг начали вопить во всю глотку что-то вроде: «Все пропало, мы разбиты, бежим!» И польские ряды рассыпались...

Вот это как раз – чертовски правдоподобно. История Средневековья (и Западной Европы, и Восточной) прямо-таки пестрит подобными примерами, когда из-за панических воплей какого-нибудь малодушного труса целые рати кидались врассыпную, хотя обстановка складывалась вроде бы в их пользу...

Однако автоматически возникает неувязочка... Вы не забыли, что с поляками воевали «дикие монголы»? «Безбожные моавитяне», обликом и языком ничуть не схожие с поляками?

Представьте себе осень 1941 г. Красноармейцы держат оборону, внезапно среди них появляется личность в вермахтовском мундире со всеми регалиями и, метаясь меж стреляющими, вопит истошным голосом на ломаном русском: «Тофарищи! Ми, большевики, есть распит! Бьежим!»

Как по-вашему, найдется идиот, который ему поверит и примет за своего и пустится наутек? Да нет, конечно. Хрястнут прикладом по башке, и вся недолга...

Однако под Легницей, если верить официальной истории, имело место что-то чертовски схожее...

Так не бывает. Чтобы поляки приняли татар за своих, поверили им и разбежались, татары непременно должны отвечать трем условиям:

1. Не отличаться от поляков обликом.
2. Не отличаться от поляков одеждой, доспехами и оружием.
3. Владеть польским достаточно хорошо, чтобы быть принятыми за своих.

«Дикие монголы» из Центральной Азии, равно как и среднеазиатские турки подчеркнуто восточного облика не отвечают ни одному из этих требований. Зато все три условия соблюдены, если поляки сражаются с... *русскими!*

В этом случае нет никаких несообразностей. Русские не отличаются от поляков ни лицом, ни одеждой, ни доспехами (обратите внимание на портрет польского короля Болеслава Кривоустого, жившего незадолго до

описываемых событий, и сами определите, легко ли спутать его, не зная заранее, кто здесь нарисован, с русским витязем?). А русский и польский языки в те времена – очень близки... (рис. 1.5).

Рис. 1. 5

Выводы делайте сами, разжевывать не собираюсь.

Интересно, что на западноевропейской миниатюре «Смерть Чингисхана» падающий из седла Чингисхан изображен в шлеме, крайне напоминающем шлем Болеслава, – именно тогда носили такие и в Польше, и на Руси, и по всей Европе. Кстати, практически все русские старые миниатюры изображают «татар», которых по внешнему виду и вооружению прямо-таки нельзя отличить от русских дружинников... (рис. 1.6).

Рис. 1. 6

Далее. Как свидетельствует писатель В. Чивилихин, он своими глазами в кафедральном соборе польского города Сандомира видел тридцать три огромные картины, изображающие исторические подробности нашествия орды. На каждом из полотен – новые изощренные способы умерщвления, которым подверглись здешние священники и монахи.

Есть такие картины. И есть недвусмысленные сообщения польских хроник о страшной резне, которую учинили «татары» католическим

священнослужителям. Речь идет не об убийствах, совершенных в горячке штурма (таким грешили практически все христианские народы, расвирепевшие солдаты не делали различия меж мирянином и монахом), а об умышленной, методической резне, последовавшей *после* взятия города, *после* того, как отгремел бой...

Вам не кажется это странным? А ведь должно. Мы вдоволь наслушались о веротерпимости монголов, а также о распространившемся среди них христианстве. И вдруг они, при завоеваниях подчеркнуто уважительно относящиеся к местным религиям, учиняют среди священнослужителей жуткую резню...

Монголы так поступить не могли. А кто же мог? Об этом чуть погодя.

Итак, поляки понесли поражение, в чем не сомневаются ни тогдашние летописцы, ни современные историки. Перед «ордой» открыта дорога на Запад, в Германию. Перед ними – равнинные местности, самой природой предназначенные для успешных действий конных полчищ. Логично предположить, что татары во исполнение завета Чингиза двинутся *дальше*.

Но дальше они не идут!

Наш великий поэт А.С. Пушкин оставил проникновенные строки: «России определено было высокое предназначение... ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Россию и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»

Бог ты мой, как нелегко опровергать высказывания самого Пушкина... Но придется. Поскольку в *данном* случае Александр Сергеевич кругом не прав.

Во-первых, в сравнении с теми землями, что «татары» якобы завоевали согласно «классической» версии, просторы тогдашней Руси вовсе не выглядят «необозримыми».

Во-вторых, как рассматривалось выше, русские при отражении «Батыева нашествия», уж простите, не показали каких-то из ряда вон выходящих военных талантов, заставивших бы *особенно* опасаться именно их. К тому же великий князь Ярослав, как мы помним, в наилучших отношениях с Батыем.

В-третьих, «монголы» ведут себя как-то странно. *Вторгаться* в Польшу они отчего-то не боялись. *Но, победив* поляков, разбив их наголову, отчего-то испугались за свои тылы...

В-четвертых – «татары» после битвы с поляками... вовсе и не

возвращались в свои степи.

Наоборот. «Татарская» конница поворачивает на юг, идет в Чехию, Венгрию, Хорватию и Далмацию. Вплоть до конца 1242 г., не считаясь с потерями, «татары» прорываются к Адриатическому морю, и в конце концов выходят на его берега. Они проходят по Чехии почти без боев, не особенно долго задерживаются в Венгрии. «Татарская» конница *рвется* к Адриатике.

А что она там забыла? Почему, вместо того, чтобы вольготно рассыпаться лавой на германских равнинах, татары с упорством недоумков стремятся в *горные* районы, где конница сразу оказывается в проигрышном положении. Вместо того, чтобы вволю грабить большие и богатые германские города, татары идут в гораздо более скудные земли... Зачем-то проходят сотни километров вдоль морского берега – от Рагузы-Дубровника до Каттаро.

И вновь в который раз перед нами – совершенно не свойственное орде грабителей-степняков поведение.

Мало того, поход в европейские страны не носит никаких признаков завоевательного. Трофеи, конечно, берут, но нигде – ни в Польше, ни в Чехии, ни в Венгрии, ни в Хорватии, ни в Далмации – «татары» не делают попыток как-то *подчинить* себе страну. Они никого не облагают данью, не заботятся о том, чтобы посадить свою администрацию, никого не приводят к вассальной присяге. Завоеванием тут и не пахнет – перед нами чисто военный поход, имеющий перед собой какую-то конкретную цель. Какую?

Об этом – чуть погодя. Вернемся к Польше и Венгрии.

В своей книге «Империя» Носовский и Фоменко приводят рисунок гробницы Генриха II Набожного, убитого на Легницком поле. Надпись такова: «Фигура татарина под ногами Генриха II, герцога Силезии, Кракова и Польши, помещенная на могиле в Бреслау этого князя, убитого в битве с татарами при Лигнице 9 апреля 1241 г.» (*рис 1.7*).

Рис. 1.7

Оставим в стороне вопрос композиции – поскольку не герцог убил татарина, а татары герцога, изображению следовало бы быть несколько иным... Но в данный момент это несущественно.

Присмотритесь к попираемому благородной герцогской стопой «татарину». Совершенно *русское* лицо, русский кафтан, русская окладистая борода, русская шапка, какую впоследствии носили стрельцы. В руках у «татарина» – не кривая и узкая среднеазиатская сабля, а оружие под названием «елмань», в свое время перенятое *русскими* у турок.

Сабли этого типа, видоизменяясь, долго состояли на вооружении русской кавалерии, даже во времена Павла I. Кроме того, схожее оружие использовалось немцами и итальянцами (тесак типа «фальчионе», изготовлявшийся в Брешии в XVI в.).

Так с кем же сражались поляки на Легницком поле?

Венгрия. По свидетельствам историков, во время своего пребывания там «дикие татары» распространяли... поддельные грамоты, написанные от имени венгерского короля Белы IV. Чем вносили смуту и неразбериху в ряды венгров, сбитых с толку противоречащими друг другу распоряжениями – теми, что исходили от короля, и теми, что были делом рук татарских фальсификаторов.

Поистине, «дикари из Центральной Азии» проявляют какую-то фантастическую способность в мгновение ока овладевать самыми разными искусствами. Пришли в Пекин – «переняли» у китайцев стенобитные машины и понаделали себе военных кораблей. Пришли в Польшу – смогли в два счета «прикинуться» поляками и без акцента изъясняться на польском языке. Пришли в Венгрию – с ходу научились фабриковать поддельные королевские грамоты, которые тамошние жители не могли отличить от настоящих... Не многовато ли для «степных дикарей»?

Все встанет на свои места, если мы предположим, что в Европу

вторглись не «дикие татаровья», а *русское* войско. Русские как раз могли заслат в польские ряды своих паникеров, по внешнему облику совершенно неотличимых от поляков. Русским гораздо проще было осуществить операцию с подложными грамотами, нежели неграмотным кочевникам.

И вновь встает вопрос: почему русские избрали столь странный маршрут – на германских рубежах повернули к югу и около года прорывались к Адриатическому морю?

Чтобы на этот вопрос ответить, нужно сначала задаться другим: а не отыщется ли в Европе того времени какого-нибудь военного конфликта, в рамках которого движение русской армии, дальний военный поход к Адриатике выглядит вполне объяснимым и не вызывает ни малейшего удивления?

Представьте, найдется!

И не какой-то локальный конфликт, а события, без всяких преувеличений, общеевропейского масштаба, в которые были втянуты едва ли не все тогдашние державы и монархи...

Речь идет о вражде меж римским папой Григорием X (а после его кончины – папой Иннокентием IV) и Фридрихом II Гогенштауфеном, императором Священной Римской империи германской нации и королем Сицилии (в Сицилийское королевство тогда входила и Южная Италия).

Само по себе противостояние папства и германских императоров, их многолетняя борьба – тема отдельной книги, которая наверняка получилась бы толстенной и увлекательной. В нашу задачу не входит подробно рассматривать эту тему.

Сосредоточимся на другом: если признать, что в Европу в 1241 г. вторглись не «дикие монголы», а русское войско (как мы помним, в его рядах находился киевский тысяцкий Димитрий, на что прямо указывают русские летописи), стремившееся на стороне Фридриха II выступить против папы, то объяснение находится буквально всему.

И рисунку на гробнице Генриха II (изображающему самого что ни на есть типичного русского воина). И «странному» поведению поляков, поверивших «засланным казачкам» (потому и поверили, что обмануться было чертовски легко). И сандомирской резне (для православных «папешские» священники к тому времени были лютыми врагами). И мастерству «татар» в подделке венгерских королевских грамот (хватало среди русских образованного народа). И тому, что в Германию русские не пошли (к чему им разорять земли союзника, с которым объединяет общая цель?).

И, наконец, выходу к Адриатике. Именно оттуда проще всего было

перебросить войска в Италию – морем.

Напомню, что в те времена противостояние меж папой и Фридрихом достигло наивысшего накала. Папа отлучил от церкви как императора, так и города, владетельных князей и епископов, оставшихся верными Фридриху. Фридрих в ответ укрепился в Италии и стал методично захватывать земли вокруг Папской области. Конфликт достиг стадии, когда какое бы то ни было мирное решение уже невозможно...

Стоит заметить, что Русь давно уже поддерживала самые тесные связи с Германией. Внучка Ярослава Мудрого Евпраксия в свое время стала женой германского императора Генриха IV – того самого, что известен многолетней враждой с папой Григорием VII. Выше уже говорилось о тесной дружбе, связывавшей Всеволода Большое Гнездо, деда Александра Невского, и императора Фридриха I Барбароссу, деда Фридриха II. Одним словом, нет ничего удивительного в том, что Русь вступила в конфликт на стороне Фридриха – папство было и ее противником, а вот Фридрих Гогенштауфен, наоборот, был потомком старых друзей и союзников русских князей.

Между прочим, Польша, Чехия и Венгрия – все три страны, разгромленные и опустошенные «татарами», – в конфликте меж папой и Фридрихом были... твердыми сторонниками папы! Дополнительный штрих, завершающий картину. Версия «диких татар» полна вопиющих противоречий и нелогичностей – зато гипотеза о русском войске, вторгшемся в Европу, чтобы поддержать Фридриха, гораздо более логична и обоснованна.

Сегодня нам, наверное, никогда уже не удастся определить, что помешало русским войскам переправиться в Италию. Что-то, должно быть, не сложилось. Видимо, тщетно ожидая корабли, которые должны были перевезти их в Италию, «татары» и дефилировали пару сот километров вдоль моря (есть упоминания, что в то же время часть «орды» появилась неподалеку от Вены, но не брала городов, а словно бы чего-то ждала).

Не сложилось. Пришлось возвращаться назад, не делая ни малейших попыток установить где-либо в Чехии, Польше, Венгрии свою администрацию, поскольку это с самого начала не входило в стратегические задачи военного похода, подчиненного конкретной цели...

Между прочим, и *последующие* события укладываются в эту версию. Если набраться смелости и признать, что вторжение крестоносцев на Русь в 1242 г. – *ответ* на глубокий рейд русских в Европу. Не зря нападение «псов-рыцарей» носило все черты *крестового* похода. Папа попытался отомстить, как мог и умел.

(Особо отмечу: *эта* версия никоим образом не меняет сложившихся исторических акцентов, т.е. не признает за крестоносцами никакой «правоты», а русских вовсе не делает «неправыми». Крестоносцы своей долголетней агрессией причинили славянам столько бед, что правыми оказаться не могут ни в какой ситуации.)

Есть ли косвенные подтверждения нашей гипотезе?

Хватает. В тогдашней Европе широко было распространено убеждение, что Фридрих II... тайно сносился с «татарами» и пытался с их помощью сокрушить папскую власть! В нашей историографии^[39] принято считать, что римские папы «измыслили ложное обвинение». А если не измышляли? Если это была чистейшая правда? Тем более что, по нашей версии, «татары», вернее воины Александра Невского, вели себя так, словно в *малейших* деталях выполняли *общий* план, направленный на сокрушение папства. И слишком многое связывало Александра с Фридрихом – от «наследственной» дружбы до общего желания «свалить» мешавшего им ватиканского властелина...

Посмотрим, как развивались события после возвращения русских на родину. На Русь в 1242 г. напали крестоносцы, а против Фридриха также двинулось «крестоносное войско», которое штурмом взяло столицу город Аахен, чтобы короновать там своего императора.

Война эта не стихала еще четверть века. В конце концов четырнадцатилетний внук умершего к тому времени Фридриха Конрадин был взят в плен сторонниками папы и обезглавлен, что полностью противоречило принятым тогда рыцарским правилам ведения войны (касавшимся дворян и монархов). Мало того – род Гогенштауфенов был истреблен *полностью*. В 1273 г. на императорский трон возшел австрийский герцог Рудольф Габсбург, положив начало «эре Габсбургов», столь печально закончившейся в нашем веке.

Должно быть, папа пережил в свое время нешуточный страх, что и вызвало столь лютую ненависть к Гогенштауфенам, вырезанным под корень...

В этой связи нелишне вспомнить итальянские хроники XIII в., где прямо пишется о «татарском» посольстве, отправленном к Фридриху, и преподнесенных императору дарах. А другие исследователи отмечают многозначительный факт: при известии о вторжении в Европу «татар» страх охватил все державы и всех государей... кроме Фридриха! (Это и понятно: ему-то чего было бояться?! Уж он-то знал, кто движется, куда и зачем.) И наоборот: спешно отправленные к «татарам» папские гонцы встретили самый нелюбезный прием (а как же хваленая «монгольская»

веротерпимость? – А.Б.).

И поневоле закрадываются определенные подозрения насчет обстоятельств смерти Александра Невского, которую тогдашняя молва объясняла отравлением. Подозревали в этом «ордынцев», но поскольку мы знаем, что главой «ордынцев» как раз и был Невский, вряд ли стоит верить, что он отравил сам себя. А вот в тогдашней Италии отравление развилось в настоящее искусство...

Очень уж близки во времени загадочная смерть Невского и истребление Гогенштауфенов. И, если принять версию о «глубоком рейде» русской армии в Европу, направленном против папы, гораздо легче понять форменный шквал «антиатарской» пропаганды, забушевавший в Европе...

Об этой насквозь лживой, насыщенной самыми несообразными фантазиями «татароведческой литературе» мы подробнее поговорим позднее. А пока что рассмотрим еще один невероятно любопытный аспект проблемы – дальнейшую судьбу необозримой «монгольской державы»...

Но сначала – небольшое дополнение. Уже дописав этот раздел, автор, к своему удивлению, обнаружил, что оказался в положении героев романа «Дочь времени». Помните, как они, успешно реабилитировав короля Ричарда III и гордясь собой, вдруг обнаруживают, что схожие попытки, оказывается, делались еще триста лет назад?

Так вот, в одном из солидных исторических трудов, чуть ли не на самой последней странице, в «примечаниях к примечаниям», мельчайшим шрифтом напечатано, что польский историк Мартин Кроммер (1512–1589) упоминал... об участии войск галицко-волинских князей в походе «ордынцев» на Сандомир и Краков!

Я не мог, конечно, в сжатые сроки раздобыть труд Кроммера, но дополнительные сведения о нем отыскал. Это был не бедный монах, трудившийся в отдаленной обители, а известный хронист и писатель, секретарь короля Зыгмунта Августа, епископ области Вармия. Следовательно, имел доступ к лучшим архивам и библиотекам своего времени...

Мираж «Великой Империи»

1. «Хождение встречь солнцу» и фронтир

Начиная с 80-х годов XVI столетия, начинается целеустремленное и неостановимое движение русских на восток, за Урал – «хождение встречь солнцу». Логично было бы предположить, что на этом пути протяженностью в тысячи километров казаки-первопроходцы наткнутся хоть на какие-то следы великой империи монгольских ханов, протянувшейся от восточного побережья Китая до границ Польши...

Ни малейших следов империи нет! Куда-то сгинули города, куда-то пропал великолепный «ямской тракт» длиной в тысячи километров, по которому якобы неслись в Каракорум гонцы из Руси. Ни малейших *материальных* следов хоть чего-то отдаленно напоминающего государство. Более того, местное население отчего-то вовсе не знает, не помнит ни о великой столице Каракоруме, процветавшей некогда в монгольских степях, ни о великих императорах, чья власть якобы простиралась на полмира. О маньчжурах, правящих в Северном Китае, помнят и знают прекрасно – это конкретное, привычное зло, супостаты, до сих пор устраивающие набеги. Но Батые с Чингисханом никто почему-то вспомнить не в состоянии...

Что интересно, нигде от Урала до Байкала казаки не встречают даже *подобия* государства или городов! Только «Кучумово царство» на территории нынешней Тюменской области отдаленно напоминает зародыш государства, а его столица Искер, небольшое укрепление, с превеликой натяжкой способно сойти за город.

Однако там – случай особый. Кучум – не местный владыка, а своеобразный «варяжский гость». Он родом из Средней Азии, из Бухары. В эти места пришел не так давно с отрядом верных нукеров, убил здешних нойонов Едигера и Бекбулата и захватил власть. Он же и построил Искер (Кашлык).

Попавшие под его власть племена любви к новоявленному владыке не питают ни малейшей. Сравнительно быстрая и легкая победа казаков над «Кучумовым царством» имеет простейшее объяснение: воевали не с царством, не с народом, а все с тем же отрядом Кучумовых нукеров, отнюдь не многочисленным. «Подданные» Кучума при первом известии о приходе «бородачей» собираются на совет, провозглашают нойоном чудом уцелевшего племянника Едигера (Кучум вырезал практически всю родню

свергнутых им нойонов, но этого юнца удалось спрятать) и отказывают Кучуму в поддержке. Более того, показывают казакам потайной ход в Искер. Кучум с горсткой людей мечется, преследуемый казаками. *Ночное* его нападение на стан Ермака как раз и объясняется тем, что у Кучума было мало людей. Полнейшее равнодушие коренного населения к последующей судьбе Кучума доказывается еще и отсутствием в местном фольклоре (обычно обстоятельном и подробном, порой игравшем роль устной летописи) каких бы то ни было подробностей об обстоятельствах смерти Кучума. Сгинул где-то – и черт с ним...

Особо стоит подчеркнуть: огнестрельное оружие вопреки устоявшемуся мнению не давало казакам никаких преимуществ, поскольку во всех отношениях уступало луку со стрелами. Судите сами. Чтобы произвести один-единственный выстрел из тяжелой пищали, следовало:

1. Засыпать в ствол строго отмеренный порох.
2. Старательно запыжить заряд (т.е. загнать шомполом кусок кожи или плотной материи).
3. Загнать в ствол пулю, запыжить ее.
4. Насыпать пороха на «полку» возле запального отверстия.
5. Прицелиться.
6. Нажать на спуск, чтобы тлеющий *фитиль* воспламенил порох на полке, а уж от него вспыхнул заряд в стволе.

Прониклись? Во-первых, я перечислил далеко не все манипуляции (число которых по тогдашним уставам достигало 80). Во-вторых, всем этим предстояло заниматься не в тишине спортивного зала, а на поле боя, в спешке и лихорадочном напряжении. В-третьих, дальность полета пули не превосходила (а то и уступала) дальности полета стрелы. В-четвертых, за то время, пока стрелок возился со своей пищалью, противник запросто мог выпустить десяток стрел (порой отравленных), убивавших гораздо вернее пули. В-пятых, стрельба из пищали зависела еще и от погоды: дождь мог погасить фитиль, подмочить порох, порыв ветра – сдуть порох с полки, случайная искра от фитиля порой воспламеняла порох раньше времени, и стрелок получал тяжкие ожоги...

Не зря во французской армии лук был отменен только в 1527 г., зато англичане применяли его и столетие спустя – в боях с армией кардинала Ришелье при осаде острова Ре. А в сражении под Лейпцигом (1813 г.) башкирские части русской армии с успехом вышибали стрелами из седла французских кавалеристов...

Кстати, с теми же проблемами, что и казаки, столкнулись и американцы во время фронта – продвижения на Дальний Запад. Даже в

начале XIX в., располагая не в пример более совершенными ружьями и пистолетами с капсюльными замками и унитарным патроном (отличавшимися от пищалей, как небо от земли), они не могли эффективно противостоять вооруженным луками индейцам. Отнюдь неслучайно револьвер «родился» именно в Америке, и там началось его массовое производство – без револьвера американцам в покорении Дикого Запада пришлось бы туговато...

Все это я вспоминаю для того, чтобы доказать не столь уж сложный тезис:

И русским, и американцам пришлось затратить примерно одинаковое время – тридцать–сорок лет, – чтобы пройти расстояние в три-четыре тысячи километров, оставляя за собой цепочку укрепленных пунктов (острогов и фортов). И у русских, и у американцев за спиной было сильное государство, откуда они черпали людские резервы, оружие и боеприпасы. И русским, и американцам противостояли кочевые племена, находившиеся на неизмеримо более низком уровне развития.

И все равно, чтобы добраться одним от Урала до Байкала, а другим от Скалистых гор до Калифорнии, чтобы создать какую-никакую сеть укреплений и опорных пунктов, потребовалось тридцать–сорок лет...

После этого нас хотят уверить, что дикие кочевники некогда проделали *аналогичный* путь в какие-то два-три года, при этом разгромив несколько *сильных государств?!*

Интересно, что, по подсчетам современных исследователей, во *всей* Сибири, от Урала до Тихого океана, тогда обитало не более ста пятидесяти–двухсот тысяч человек. Как и должно быть, когда речь идет о немногочисленных кочевых племенах.

Где же набирал Чингисхан свои «неисчислимые» полчища? Можно, конечно, сказать, что Сибирь как раз и обезлюдела из-за того, что Чингиз «увел чуть ли не всех на восток», но такая версия чересчур уж противоречит и нашим изысканиям, и общей картине мировой истории, каковой не известны другие примеры столь массового «обезлюживания» территорий в результате переселения.

Брюква не растет на дереве, джентльмены... А гусаки не мечут икру.

Вернемся к казакам. Находясь в столь невыигрышном положении – горсточка людей посреди необозримых пространств, где обитали превосходившие числом воинственные племена, – они отчего-то не были истреблены в одночасье. Пусть и с боями, но прошли тысячи километров, основывая остроги.

Потому что, повторяю, никаких остатков империи здесь не было. Не

столь уж многочисленные народы кочевали там и здесь, разводя скот, занимаясь охотой и рыбной ловлей. В верховьях Енисея и в северных предгорьях Алтая жили оседлые племена, знавшие мотыжное земледелие и кузнечное дело, но никакого отношения к «монгольской империи» они не имели. Повсюду царило самое настоящее *рабовладение* – рабами становились пленники, взятые на войне.

Никто не помнил об империи, никто не знал о Каракоруме...

Освоение Сибири, вопреки устоявшемуся мнению, далеко не всегда было мирным. Сражений было предостаточно: с воинственными ханты-мансийскими князьками, по заслугам прозванными «кровавой самоядью», с эвенками, «людьми воистыми, в бою жестокими», с якутами, у которых «воины доспешны, а кони в железных досках». Когда в Западной Сибири стали один за другим вырастать остроги, маньчжуры забеспокоились и стали натравливать на русских своих данников, енисейских татар^[40], поставляя им оружие, в том числе и огнестрельное.

Вокруг города, в котором была написана эта книга, триста лет назад бушевали ожесточенные сражения. Тогдашний Красноярский острог долго и старательно штурмовали енисейские татары-качинцы...

И не могли взять! Куда-то сгинуло былое мастерство «диких кочевников» во взятии *огромных* городов. Куда-то исчезли стенобитные и камнеметные орудия (почему-то «китайские специалисты», по уверениям иных историков, составлявшие этакий «инженерный корпус» в монгольской армии, на сей раз так и не появились). Куда-то запропастились «боевые ракеты» и «зажигательные бомбы», которыми якобы были вооружены еще в XIII в. монголы. Азиатское воинство сражается самым примитивным (по сравнению с «ордынскими» временами) образом: палит из луков и пищалей, пытается поджечь стены и строения факелами...

Ничего удивительного нет. Русские нашли в Сибири племена, находившиеся на *нормальном* для того времени уровне развития. Все их скромные достижения – результат самостоятельной эволюции, а не «наследство» империи.

Которая, кстати, удивительнейшим образом проваливается в небытие сразу после смерти Батыя. Только что она была, нагло простиралась себе от Пекина до Киева – и вот ее уже нет, как-то сами собой прекращаются выборы великого кагана в Каракоруме, пропадает из поля зрения современников «ямской тракт» от Волги до монгольских степей, воцаряется тишина, только скотоводы мирно пасут свои стада.

«Империя» существовала только в воображении историков. Потому и сгинула в небытие так легко.

2. Где Каракорум?

«Классическая» теория монголо-татарской империи помещает его где-то в монгольских степях. Я до сих пор помню статью в каком-то околонульном журнале тридцатилетней давности – там красовался снимок каменной черепахи, обнаруженной в степи, и глубокомысленно объяснялось: отверстие в ее спине сделано для того, чтобы туда вставлялись выбитые на каменных плитах новые указы монгольских ханов, правивших из стольного града Каракорума.

Попробуем представить себе это: по бескрайней степи гонят свое стадо несколько средневековых монголов. Встретившийся по дороге императорский чиновник грозно окликает:

– Эй вы! Кончайте баклуши бить, император новый указ издал! Чтоб к завтраму же наизусть знали!

И показывает плеткой в сторону означенной черепахи. Как люди законопослушные, средневековые монголы подъезжают к черепахе, старательно читают указ, один уважительно качает головой:

– Красиво пишут, однако!

– Умный люди, ученый люди! – поддакивает напарник. – Одно слово – городские! Тринадцатый век на дворе, а они эвона как раскудрявили...

А где-то далеко в стороне тащится повозка, объезжающая других черепах, чтобы заменить каменные плиты с указами на новые...

Кто хочет, пусть принимает это за чистую монету...

Так вот, в истории с Каракорумом самое примечательное – это его название. «Каракорум» – слово отнюдь не монгольское.

«Каракорум» – *тюркское* слово!

С какой стати *монгольской* высшей аристократии именовать свою столицу, возведенную в *монгольских* степях, *тюркским* словом? Ведь не турки завоевали монгольские просторы, а вроде бы совсем наоборот... Можно ли представить себе ситуацию, когда англичане, захватив Индию, переименовывают Лондон в Бенарес? Или называют какой-то свой новый город на территории *Англии* словом на одном из *индусских* наречий?

В истории таких курьезов что-то не просматривается...

Следовательно, Каракорум располагался не в Монголии, а где-то в Заволжской орде, где как раз и говорили на тюркском^[41].

«Кара» – по-тюркски «черный», а «Корум» удивительно напоминает «Кырым» – то есть... Крым! Город Кара-Кырым.

И вот здесь мы сталкиваемся с одним примечательным свойством

тюркского языка. Оказывается, слова «Ак» – «белый» и «кара» – «черный» частенько бывают связаны вовсе не с *цветом*! А с географическим ландшафтом или *направлением*. «Ак-Су» – это сплошь и рядом не «Белая река», а *горная*. «Кара-Су» – не «Черная река», а медленно текущая, равнинная, болотистая^[42]. Кроме того, «черный» частенько означает «северный», а «белый» – «южный».

Словом, «Каракорум» вполне может оказаться либо «равнинным Крымом», либо «северным Крымом». Эта версия выглядит гораздо убедительнее предположения, будто завоевавшие полмира монголы назвали свою столицу словом, взятым из языка одного из множества покоренных народов...

Интересно, что в самых что ни на есть «благонамеренных» исторических трудах, полностью поддерживающих «официальную» версию, при самом беглом знакомстве можно отыскать прелюбопытнейшие вещи. Возьмем книгу Федорова-Давыдова.

Как выглядели «золотоордынские» города XIII–XIV веков?

«Пышно распустилась совершенно чуждая номадам (кочевникам – А.Б.) яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской ученой духовности, толкователей Корана и математиков-алгебраистов».

«Ханы вывозили из Средней Азии, Ирана, Египта и Ирака ученых, астрономов, богословов, поэтов». Напоминаю, ханы эти – якобы только что пришедшие из Центральной Азии кочевники-шаманисты!

«Золотоордынские города населяли и половцы, и болгары, и русские, и выходцы из Средней Азии, Кавказа, Крыма».

«Преобладание среднеазиатских и кавказских черт и при общем господстве тюркского языка и этноса».

И так далее, и тому подобное. Подробно описывается жизнь в городах, где смешались и русские, и турки, и жители Крыма, и якобы кочевые половцы... Где же наши монголы, узкоглазые дикари из центральноазиатских степей?

Вновь пущена в ход универсальная фраза, которой привычно отделяются десятки историков, боящихся нетривиальных вопросов: «Завоеватели-монголы быстро растворились в местной тюркской среде».

Доколе?! «Несметные орды» не могли «раствориться», а если смогли, значит, орды были немногочисленными. Но тогда они не в состоянии были совершить приписываемые им завоевания! И по-прежнему наши фундаменталисты топчутся в этом унылом заколдованном круге, не в силах

шагу сделать за его пределы... Поскольку круг этот – в их мозгах.

3. «Врет, как очевидец...»

Интересно, что пишут о монгольских ханах и о граде Каракоруме средневековые путешественники?

Массу интересного...

Вот путевые заметки монаха Гийома Рубрука, участника посольства к «великому хану монголов», отправленного французским королем Людовиком Святым (1253 г.).

Начнем с маршрута Рубрука. В Каракорум он едет... через Черное море, Тавриду и Донские степи. Возвращается – через Дербент и Армению. Совершенно нормальное направление, если Каракорум располагается где-то на Волге или в Северном Крыму. Если Каракорум в монгольских степях – такой дорогой в него ни за что не попадешь...

На Дону Рубрук попадает в *русское* селение, жители которого переправляют на лодках путешественников в Орду. У Батыя моментально находятся переводчики, которые переводят письмо короля с латинского на... персидский, татарский и славянский^[43]. Там же Рубрук видит *христианское* богослужение, но его попытки вести дискуссии о *латинском* каноне тут же натываются на неприятие.

Каракорум: «О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно. Там имеются два квартала: один – сарацин, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов. Другой квартал – китайцев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся 12 храмов различных народов, 2 мечети, в которых провозглашают закон Мухаммада, и христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот: у восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится, у западных продают баранов и коз, у южных – быков и повозки, у северных – коней».

Во-первых, эти строки начисто опровергают «официальную» точку зрения на Каракорум как на *кочевой* город, якобы состоявший из множества юрт и повозок. Прямо упоминаются стены, церкви и дворцы, недвусмысленно говорится, что ханский двор и послы находятся там «постоянно».

Во-вторых, никаких таких «монголов» и близко нет. Каракорум –

столица *оседлого* народа. Правда, далее Рубрук вскользь упоминает, что поблизости есть и кочевники. Но они ни над кем не властвуют, никем не управляют, ведут себя так, как испокон веков и принято у кочевников: время от времени приходят к городским воротам, чтобы продать немного скота и купить себе необходимые в хозяйстве вещи.

В-третьих, пшено – это просо. Просо сеют как раз русские и тюрки...

В-четвертых, «китайцы» – это, несомненно, русские (вспомните значение слова «Китай» в XIII в. и во времена Афанасия Никитина!).

Вот какие диковины встречаются в ханском дворце:

«При входе в него мастер Вильгельм Парижский сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находилось четыре серебряных льва, имевших внутри трубы, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки, отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой – каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей бал, то есть напиток из меда, из четвертой рисовое пиво, именуемое террацино. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. А на дереве ветки, листья и груши серебряные...»

Обратите внимание: мед. Значит, где-то поблизости и пасеки. Вернее, не «пасеки» в нашем понимании (каких тогда еще не было), а «борти» – *лесные* ульи пчел, устроенные ими в дуплах, откуда и добывали мед *славяне*.

Неужели это серебряное дерево, столь сложный механизм парижской работы (подобными, кстати, увлекались первые русские цари), таскали следом за ханом на тряских повозках?

Конечно, нет. Каракорум – не кочевье, а самый настоящий город. Вот и описание ханского дворца, ничуть не похожего на *юрту*:

«И дворец этот напоминает церковь, имея в середине неф, и две боковые стороны его отделены рядами колонн, во дворце три двери, обращенные к югу... Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево, а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все его могут видеть. К его престолу

ведут две лестницы, по одной подающий ему чашу поднимается, а по другой спускается... сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, с левого – женщины... Рядом с колоннами, у правого бока, находятся возвышенные сиденья, наподобие балкона, на которых сидит сын и братья хана. На левой стороне сделано так же, там сидят его жены и дочери. Одна только жена садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он...»

Ну конечно, настоящий дворец – колонны, балконы... Если не считать того, что о «женах» хана упоминается во множественном числе, описание это ничуть не отличается от описания какого-нибудь русского дворца. Серебряное дерево (у Ивана Грозного – рычащие серебряные львы), «хан», сидящий на «престоле» высоко над всеми, женщины по одну сторону, мужчины по другую – именно так, как мы видим на русских рисунках XVI века...

Даже если это и не русские, а заволжские татары или какой-то другой *оседлый* народ – в любом случае не найти ничего похожего на «монгольское кочевье».

Частенько упоминается, что в Каракоруме жило большое количество русских ремесленников, что его охрану несли русские воины. Даже русских огородников туда переселяли.

Все это лишний раз доказывает, что Каракорум располагался не так уж и далеко от Руси. Глупо думать, что «пленных ремесленников» гнали до Китая, на расстояние больше *пяти тысяч* километров. Мировая история просто не знает подобных примеров – разве что австралийские каторжники, но это совсем другая история...

Есть документ, написанный примерно в то же время, что и отчет Рубрука, – комментарии к «Анналам Бертонского монастыря». Так вот, среди других титулов Чингисхана, приводимых там, есть и такой: Cescarcarus.

Наиболее правдоподобный его перевод на русский – «Кесарь-Царь». Если есть другие толкования, интересно будет послушать...

Не в пример меньше доверия вызывает так называемая Хроника Плано Карпини, написанная францисканским монахом, посланным к «татарам» папой Иннокентием IV.

Путешествие Карпини по *Руси* как раз изобилует верными деталями. Посольство попыталось уговорить князя Василько Волынского, брата

Даниила Галицкого, вернуть свои земли под власть «латинского закона» – но безуспешно. Что ж, вполне отвечает реалиям того времени... Киев по Карпини – «бедный городок», где насчитывается не более двухсот домов – так и должно быть после всех предыдущих бедствий. Властвует в Киеве, конечно же, отец Александра Невского Ярослав Всеволодович, но сам он в Киеве не живет, управляет городом тот самый тысяцкий Дмитрий, что, как мы помним, был «обласкан» «Батыем»^[44].

«Татары», по Карпини, в своих походах доходят до страны «самоедов» и Ледовитого океана.

«Татары» в те места никогда не забирались, а вот русские как раз ходили туда частенько...

Описание ставки «Батыя» у Карпини напоминает как книгу Рубрука, так и быт русских царей более позднего времени: «Батый живет великолепно, у него привратники и всякие чиновники, как у императора, и сидит он на высоком месте, как будто на престоле, с одной из своих жен». Вновь мужчины сидят справа, женщины слева, в точности, как у русских, «татары» «в собрании не пьют иначе, как при звуке песен или струнных инструментов». Кстати, и престол, и золотую печать для хана изготовил «золотых дел мастер Козьма».

А вот дальше начинается полет буйной фантазии... В войске Батыя – 600 000 человек («150 000 татар, 450 000 других неверных и христиан»)^[45].

«Владея огромными стадами овец и баранов, «варвары» от чрезмерной скупости редко едят здоровую скотину, а более хворую или просто падаль».

Полнейший вздор. Ни у одного кочевого народа столь дурацкой «скупости», заставляющей их есть падаль, не отмечено...

«Употребляют в пищу не только лошадей, но и собак, волков, лисиц, а по нужде даже человеческое мясо».

Полнейший вздор – лисье мясо повсеместно в Азии издавна считалось ядовитым, поймав на охоте лисицу и содрав шкуру, тушку не отдавали даже собакам, а зарывали в землю. Быть может, и ели собак с волками, но только в голодные годы, при массовом падеже скота. Ну, а насчет употребления в пищу человечины или заявления «Свирепость их простирается до того, что иногда сосут кровь пойманного врага» – обычные байки. *Sоседи* татар отчего-то ни разу не упоминают о их людоедстве или кровопийстве – одни

лишь западноевропейские источники^[46].

И завершает свои побасенки Карпини... рассказом о ужасной «магнитной горе», якобы состоящей из алмазов, обладающих магнитными свойствами, возвышающейся где-то на землях «монголов». Что автоматически переводит его записки в разряд откровенных баек.

Нечто подобное писал о «татарах» в своей «Великой хронике» в 1240 г. Матфей Парижский: «Они люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами следует называть их, а не людьми, ибо они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человеческое и пожирают его... Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду».

Комментариев не будет. Замечу лишь, что подобный «творческий подход» применялся не против одних лишь татар. Посмотрите, как лихо «припечатывает» всех и всяческих иностранцев французский ученый книжник Жан Ле Бувье в своей «Книге описания стран», вышедшей примерно в 1450 г.: «Англичане жестоки и кровожадны, к тому же они скупые торговцы; швейцарцы жестоки и грубы; скандинавы и поляки вспыльчивы и злы; сицилийцы очень ревнивы по отношению к своим женам; неаполитанцы толсты и грубы, плохие католики и великие грешники; кастильцы яростны, плохо одеты, обуты, спят на плохих постелях и плохие католики». Потрясающая широта обобщений...

Гораздо более верные сведения об «Орде» дают итальянцы. Сведения, которые заставляют задуматься...

А. Альфиери, чья рукопись издана в Генуе в 1421 г., уверял, что в «землях татар» живут... белые медведи! А его книга к тому же проиллюстрирована рисунками типично русских телег.

К этому труду примыкают заметки венгерского монаха Иоганки. Означенный Иоганка рисует «ордынские земли» так:

«Страна Сибур, окруженная Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой...» [118].

Совершенно реалистические описания северных земель: белые медведи, суровые зимы, ездовые собаки... Но помилуйте, при чем тут «ордынцы»? Никто и никогда не набирался смелости утверждать, что «монголо-татары» доходили до Северного Ледовитого океана... Это

русские земли!

И верно. Дальше сам Иоганка сообщает, что в «стране Сибур» живут, проповедуя свою веру, «русские клирики»...

Наконец, «авторитетнейший и беспристрастнейший» свидетель, много лет проживший в Китае и сам видевший «монгольских ханов» – мессир Марко Поло...

Якобы семнадцать лет проживший в Китае (1275–1292).

Я смело употребляю слово «якобы», поскольку в последнее время практически одновременно и в России, и на Западе серьезные ученые пристальнейшим образом изучили труды «первопроходца», после чего схватились за головы и поделились своим ошеломлением со всем остальным миром...

Оказывается, по какой-то странной причине Марко Поло ни разу не привел ни одного собственно *китайского* имени – только тюркские и персидские.

Оказывается, человек, якобы проживший в Китае семнадцать лет, ни словом не упоминает:

1. О китайском чае.
2. О китайских иероглифах.
3. Об уникальном китайском обычае бинтования ног женщинам.
4. О книгопечатании.

Современный комментатор чешет в затылке: «Возникает впечатление, что в Китае Марко Поло общался в основном с иностранцами». А также в жизни не пробовал чая, не видел иероглифов и печатных книг...

Френсис Вуд, директор Китайского департамента Национальной британской библиотеки: «Он доехал только до Константинополя, а затем скрылся в окрестностях Генуи, где и описал свои вымышленные путешествия».

Это симптоматично перекликается с тем, что писал первый биограф Марко Поло, живший в XVI в. в Венеции: «Его книга, содержащая бесчисленные ошибки и неточности, в течение долгих лет рассматривалась как баснословный рассказ, преобладало мнение, что названия городов и стран, которые в ней приведены, все выдуманы и являются воображаемыми, не имеющими под собой никакой реальной основы, или, другими словами, они являются чистым вымыслом».

Российские исследователи Носовский и Фоменко пошли дальше. И обнаружили массу других загадок. Во-первых, неизвестен даже язык, на котором была впервые написана книга Марко Поло. Первое ее печатное издание появилось в 1477 отчего-то не в Италии на итальянском, а в

Германии на немецком.

Во-вторых, в XVI веке, когда впервые заинтересовались биографией Марко Поло, никаких его следов в *Италии* обнаружить не удалось. Считается, что знатный род, из которого происходил Поло, «исчез к XV веку».

В-третьих, Марко Поло, есть такая вероятность, не Марко Поло вовсе, а поляк по имени Марк. Те, кто выдвинул эту версию, опираются на портрет Поло из первого издания его книги, под которым стоит следующая подпись:

Das ist der edel Ritter, Marcho polo von Venedig.

То есть – «благородный рыцарь, Марк поляк фон Венедиг». Слово «поло» написано с маленькой буквы. То ли Марк из Венеции, то ли Марк из Венедии – западноевропейской славянской области...

Вот этому лично я верю вполне. У поляков есть удивительная способность обнаруживаться в самых неожиданных местах^[47]. Один польский летчик (я пишу о *реальном* случае), ненароком застряв в только что образовавшемся государстве Пакистан после окончания Второй мировой войны, совершенно случайно стал... организатором и первым командующим ВВС Пакистана (не было под рукой других специалистов). Похоронен в персональном склепе, в звании Главного маршала авиации Пакистана и кавалера всех высших пакистанских орденов. Другой случай. В начале 70-х гг. XX в., если кто помнит, область Биафра пыталась отделиться от Нигерии и провозгласить себя самостоятельной державой. У мятежников был единственный самолет, с грехом пополам приспособленный для бомбометания. Летал на нем тип, чье происхождение ясно из его прозвища – Чокнутый Поляк...

Наши тоже не подкачали. В 1848 г. восстание индейцев в Калифорнии возглавил некий Прохор Егоров. В конце XIX в. некий одессит Малыгин стал вождем индонезийской повстанческой армии, боровшейся против голландских колонизаторов. А в 1934 г. бывшие офицеры белой гвардии, в немалом количестве осевшие в Парагвае, как раз и обеспечили победу в парагвайско-боливийской войне, командуя дивизиями, полками и ротами^[48].

Ну, а если серьезно – сегодня накопилось достаточно веских аргументов, позволяющих уверенно говорить, что Марко Поло, он же, не исключено, Марк Поляк, в Китае не был вовсе...

Где же он был? Неужели так и просидел в Константинополе, как уверена г-жа Вуд?

Быть может, и нет. В книге Носовского и Фоменко «Империя» подробно и убедительно доказывается, что Марко Поло как раз и путешествовал по Золотой Орде, но Ордой этой была Русь...

По недостатку места не могу привести здесь эти убедительные и многочисленные доказательства, отсылаю любопытного читателя к книге «Империя». Однако не в силах удержаться, чтобы не воспроизвести одну из иллюстраций к первым изданиям книги Марко Поло.

Как указано, она изображает «ханский дворец в столице монгольской империи Ханбалыке» (считается, что Хан-балык – это якобы и есть Пекин). (Рис. 1.8).

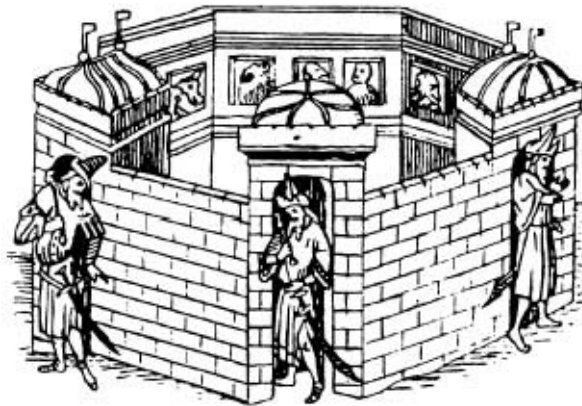

Рис. 1. 8

Что здесь «монгольского» и что – «китайского»? Вновь, как и в случае с гробницей Генриха II, перед нами – люди скорее славянского облика. Русские кафтаны, стрелецкие колпаки, те же окладистые бороды, те же характерные лезвия сабель под названием «елмань». Крыша слева – практически точная копия крыш старорусских теремов...

Так где был Марко Поло и кого он описал под видом Золотой Орды?

Обязательно нужно упомянуть, что книга Марко Поло о его путешествиях известна нам, согласно устоявшейся версии, не в его собственной рукописи, а в записях, сделанных неким венецианцем Рустичиано. Когда Марко Поло сидел в генуэзской тюрьме (историки, как ни бились, так и не выдвинули мало-мальски убедительной гипотезы, объяснявшей бы, почему «известного путешественника», «посла» и «потомка знатного рода» по возвращении в Италию в 1298 г. вдруг упрятали за решетку)^[49], Рустичиано-де старательно записал его рассказы (а сам «знатный посол» писать не умел?! И потом, что это за тюрьма, где заключенных снабжают стопой бумаги и чернилами в немалых количествах?) – и после освобождения стал распространять книгу. Между прочим, сплошь и рядом Марко Поло... упоминает о себе в третьем лице:

«...сеньор Марко Поло отправился... Марко Поло видел...»

Остается добавить, что, по данным того времени, Рустичиано пользовался самой скверной репутацией мошенника и фальсификатора.

И, наконец, не столь уж сложные и совсем недолгие поиски позволяют найти документы, послужившие для Поло (или, что вернее, Рустичиано) тем бесценным источником, откуда черпались «личные впечатления»!

В 1290 г. Папа Римский Николай IV послал на Восток священника Джованни Монтекорвино (в отличие от Марко Поло насквозь реальную личность). Монтекорвино тринадцать месяцев прожил в Индии, на Коромандельском берегу, в общине тамошних христиан, последователей св. Фомы. В отличие от Поло, падре Джованни и не пытался рассказывать байки о «Китае» – зато отправил в Рим обширный доклад, по словам современных комментаторов-исследователей, представлявший собой прямо-таки прорыв в изучении географии. Впервые вместо слухов и откровенных сказок в Европу поступила *точная* информация.

Монтекорвино впервые поведал Европе, что в Индии Полярная звезда едва-едва видна над горизонтом, а в южной части небосвода горит совсем другая «полярная звезда». Впервые сообщил о равнинности Индии, о сухости ее климата, о разнообразии растительности, о пряностях (перец, имбирь, красящее дерево «берзи», коричные деревья), о меняющих в течение года свое направление ветрах-муссонах.

Практически все эти сведения вошли *позже* в «книгу Марко Поло»!

Которая четко распадается на *три* части:

1. Весьма достоверные записки о Руси-Татарии и Восточной Европе.
2. Материалы об Индии, явно заимствованные из послания Монтекорвино.

3. Тогдашнюю «научную фантастику» – собрание завлекательных сказок вроде легенды о топившей корабли камнями исполинской птице Рух или невероятном, невообразимом множестве островов в Индийском океане (которых, если верить «Поло», насчитывается... 12 700!).

Другими словами, то ли Рустичиано, то ли кто-то еще собрал старательно самые разные материалы, от расхожих сказок до отчетов реальных странников, кое-как объединил общим сюжетом и фигурой Марко Поло – и «путевые записки» отправились гулять по миру...

Необходимо подчеркнуть, что даже эти самые «сказки» являются порой ценнейшим материалом, откуда можно почерпнуть немало полезного. Например, мы получаем дополнительный аргумент в пользу утверждения, что термин «Индия» никогда не привязывался к конкретной стране, а «кочевал» по всему известному тогда миру.

«Индий» было несколько!

В XIII в. их насчитывалось целых три. «Средняя Индия», или «Абасия» – это территория современных Судана и Эфиопии. «Великая Индия» – это и есть Индия нынешняя. «Малая Индия» – это Индокитай.

Впоследствии термины меняются. На так называемой Круглой карте Фра Мауро, составленной в 1457–1459 гг., «Первая Индия» – район, примерно соответствующий современным Афганистану и Пакистану, «Вторая Индия» – Индия нынешняя, «Третья Индия» – опять-таки Индокитай. Наглядно можно судить, как «кочевало» по карте слово «Индия», кочевало долго, несколько столетий, пока из многочисленных Индий не осталась только одна...

После этого уже не видишь ничего удивительного в том, что на Меровингской карте (720 г.), составленной французскими монахами, и английской Герефордской карте (1260 г.) «Индия» расположена как раз по соседству с землями, где обитают русские...

Кстати говоря, о картах. Английский комментатор Марко Поло Генри Юль, пытавшийся составить в 1875 г. карту «Мир по представлениям Марко Поло», как ни бился, как ни старался – а город Каракорум у него все-таки «уехал» и из Северного Китая, и из Монголии, оказавшись далеко от них, где-то возле гор.

Есть «Каталонская карта мира». Под этим названием понимается не одна карта, а целый географический атлас, составленный в 1375–1377 по поручению португальского наследного принца Жуана, отца знаменитого впоследствии короля Энрике Мореплавателя.

На одной из карт этого атласа присутствует и город *Карахора*. Расположенный далеко за пределами Индии, Китая и Монголии, опять-таки возле гор. Не нужно особенно напрягаться, не нужно заниматься натяжками, чтобы отождествить Карахора с Каракорумом, располагавшемся, никаких сомнений, где-то неподалеку от русских рубежей...

И напоследок, чтобы повеселить читателя, быть может, слегка заскучавшего от сухости изложения, приведу несколько отрывков из книги Марко Поло, посвященных его впечатлениям от Китая и прилегающих земель.

Вот что Марко Поло пишет о России: «Страна это не торговая. Страна большая, до самого моря-океана, и на этом море у них несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пилигримы...»

Русские к тому времени занимались торговлей с сопредельными странами лет триста – а в Северном Ледовитом океане, разумеется, нет

никаких «островов с кречетами». Да и на более теплых морях, примыкающих к русским областям с юга, никакие кречеты на островах не водились – за полным отсутствием таковых островов...

Так был ли Марко в России вообще?

О странствиях по пустыне. «Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, слышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот еще что, и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах и словно на барабане».

О том, как работают придворные метеорологи монгольского хана Хубилая: «Чуть не забыл рассказать вам о чуде. Когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет».

О том, какие расторопные официанты у хана Хубилая: «Бакши (знахари – А.Б.), о которых я вам рассказывал, по правде, знают множество заговоров и творят вот какие великие чудеса: сидит великий хан в своем главном покое, за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое, по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко, и другие хорошие пития. По наговорам да по колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану; а никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это: истинная то правда, без всякой лжи. В некромантии сведущие скажут вам, что дело то возможное».

О местном способе варить яйца: «Здесь, скажу я вам, очень жарко; солнце палит так, что еле-еле выдержишь; опустишь яйцо в реку, не успеешь отойти, оно сварилось».

О птице Рух. она же гриф: «Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, и только, говорят, чрезвычайно большой. Схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им».

О том, как добывают алмазы. В горные расщелины и глубокие пропасти, куда человеку не дают проникнуть ядовитые змеи, бросают куски сырого мяса, к которым прилипают драгоценные камни. «В этих горах водится множество белых орлов, что ловят змей; завидит орел мясо в глубокой долине, спустится туда, схватит его и потащит в другое место, а

люди меж тем пристально смотрят, куда орел полетел; и как только он усядется и станет клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орел боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов. Добывают алмазы и другим еще способом: орел с мясом клюет и алмазы, а потом ночью, когда вернется к себе, вместе с пометом выбрасывает те алмазы, что клевал; люди ходят туда, подбирают орлиный помет и много алмазов находят в нем».

«В Маабаре есть чародеи, что заколдовывают рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом». «Жители острова Скотра – искусные чародеи, повелевающие бурями и ураганами».

Узнаете источник, послуживший «правдивому очевидцу»? Да это же «Тысяча и одна ночь», рассказы Синдбада-морехода!

Разница только в том, что сказочного Синдбада никто не пытался произвести в «великие географы», сочинить ему убедительную биографию и в качестве реальной личности внести в энциклопедии...

Интересное свидетельство дают два американских автора капитального труда по истории географических идей: «Он (Марко Поло – А.Б.) ничего не говорит о своем отношении к географическим представлениям предшествующих времен. Нам теперь ясно, что его книга принадлежит к числу тех, в которых повествуется о великих географических открытиях. Но в средневековой Европе она воспринималась как одна из многочисленных и заурядных книг того времени, заполненных самыми невероятными, но интересными историями».

Быть может, у средневековых европейцев попросту было больше здравого смысла и критического подхода к фантастическим романам с географической канвой, нежели у иных современных ученых?

Правда ли, что монголы завоевали Китай?

Впрочем, вопрос поставлен неверно. Его безусловно следует расширить и довести до логического конца: правда ли, что в 1237 г. *вообще* существовало китайское государство?

Именно так. Представляю, какое смятение чувств может вызвать *такая* постановка вопроса у читателя, привыкшего бездумно повторять почерпнутые из учебников сведения о «четырёхтысячелетней» истории Китая. Якобы самого древнего государства на Земле.

Для затравки – простой вопрос: как *вообще* могло получиться, чтобы дикие кочевники, едва-едва сведенные Чингизом в боеспособную армию, захватили «одно из самых старых на Земле» государств? Государство, где знали порох, боевые ракеты, где на вооружении, если верить иным историкам, состояли мощные зажигательные и осколочные снаряды, «выжигавшие все вокруг на 60 шагов»? Не забывайте: монголы, вторгаясь в Китай, еще не успели «позаимствовать» у китайцев стенобитные и камнемётные машины. Обходились стрелами и саблями. Как же им удалось сокрушить огромные, укрепленные города?

В реальности, такое впечатление, не существовало ни «монгольских полчищ», ни «китайских городов»...

Еще Н.А. Морозов в 6-м томе своего труда «Христос» занялся скрупулезной проверкой «древнейших» китайских астрономических хроник, якобы бравших начало в 2650 г. до нашей эры.

Выяснились любопытнейшие вещи. У китайцев, оказалось, нет документов, написанных *ранее XVI века нашей эры*. Более того, у них нет описаний астрономических инструментов, а на территории Китая не отыскалось следов древних обсерваторий. Впервые китайские списки появления комет опубликованы *европейцами* в XVIII–XIX веках, эти списки носят явные следы переписывания друг из друга и, как указывал Морозов, *дополнения* их самими европейцами – то есть, европейские ученые поправляли китайские источники *европейскими* материалами, «подгоняя задачу под ответ»...

Далее. «Древние и подробные» китайские списки солнечных затмений оказались, мягко говоря... фантазией. Морозов отметил по поводу одного такого манускрипта, повествовавшего, что затмения якобы наблюдались в Китае в 992, 994, 998, 999, 1002, 1107 годах: «полных или хотя бы хорошо заметных солнечных затмений с такой частотой на одной и той же

территории *не бывает*».

Примерно так же обстояло и с гороскопами – описаниями расположения звезд на небе, связанных с конкретными датами. Описания таковые довольно легко поддаются расшифровке. Был исследован гороскоп, составленный во времена *первого* китайского императора Хуан-Ди, якобы жившего около 2637 г. д о нашей эры.

Оказалось, что такое положение звезд и планет – равно как и отправная точка введенного на его основе летосчисления – могли иметь место не ранее... 1323 г. *нашей* эры! Получается, что ошибка в астрономических датировках *отбросила* реальную историю Китая на три с половиной тысячи лет назад, в прошлое.

Всем известен «древнейший» 60-летний китайский цикл: пять групп по 12 лет – год Петуха, Собаки, Крысы и т.д. Оказалось, что он основан на периодических сближениях Юпитера и Сатурна, однако существуют определенные расхождения в положении двух планет. Снова проведены скрупулезные расчеты, показавшие, что... цикл этот мог быть принят *только* в промежутке меж 1204 г. и 1623 г. *нашей* эры.

Ситуацию усугубила еще и коварная особенность китайских иероглифов: в отличие от европейского алфавита, здесь благодатнейшая почва для недоразумений и ошибок. Прочтение *старой* иероглифической записи полностью зависит от того, кто ее читает – японец, кореец, северный китаец, южный китаец. У всех четырех получатся совершенно *разные* тексты.

Не зря историки грустно констатировали, что в китайских хрониках царят «хаос и бессистемность». К тому же имена написаны не *звуками*, а *рисунками*. Вот и выходит, что «императоры Чжао-Ле-Ди, Вен-Ди и Да-Ди», якобы правившие в один год, – на самом деле Ясно-Пылкий Царь, Литературный Царь и Великий Царь. А имя У-Ди означает... «военный царь». Что больше похоже на длинный список титулов *одного* человека. В точности как русский царь: «Властелин Великия, и Малыя, и Белья Руси, царь Казанский и Астраханский...» И нет ничего удивительного в том, что родилась экстравагантная на первый взгляд, однако аргументированная теория: за «древнюю китайскую историю» приняты переведенные некогда на китайский язык *европейские* хроники. Очень уж поразительное сходство открылось...

В одно и то же время в «древнем Китае» живут хунну, а в Европе – гунны. В Китае – шивеи, или свеи, в Европе – свеи-шведы. В Китае – «таинственно исчезнувшие» сирби – в Европе сербы. В Китае – «чеши», в Европе – чехи.

Параллели меж Римской империей и Китаем порой удивительны.

Начало III в. нашей эры: Римская империя прекращает свое существование в междоусобных войнах. Настало время «солдатских императоров».

В те же годы в Китае... в междоусобных войнах гибнет империя Хань, «к власти пришли безграмотные, морально разложившиеся солдаты».

Римская империя: в середине III в. н.э. власть в Риме переходит к родственнице императора Каракаллы Юлии Месе, чье правление названо «кровавым». В конце концов ее убивают.

В те же годы в Китае... к власти приходит жена одного из императоров, «энергичная и свирепая». Правит, направо и налево проливая кровь. В конце концов ее убивают.

Начало IV в. н.э.: Римская империя делится на Восточную и Западную. В те же годы в Китае империя Цзинь делится на две части – Восточную и Западную.

Римская империя воюет с гуннами. Китай в те же годы – с хунну.

V в. н.э.: Западная римская империя завоевана германцами и гуннами. Китайская Западная Лян... завоевана хунну. И в Риме, и в Китае на престоле в это время «очень юный император».

И так далее... Вот что происходило в Китае с 1722 г.:

«Маньчжурские правители образовали особый комитет для составления истории предыдущей династии Мин... Оппозиция не смогла смириться с такой трактовкой истории павшей династии, поэтому появились «частные» истории Минской династии... Правители ответили казнями, заключениями в тюрьму, ссылками... Неудобные правительству книги изымались. Между 1774 и 1782 годами изъятия производились 34 раза. С 1772 г. был предпринят сбор всех печатных книг, когда-либо вышедших в Китае. Сбор продолжался 20 лет, для разбора и обработки собранного материала были привлечены 360 человек. Через несколько лет 3457 названий были выпущены в новом издании, а остальные 6766 были описаны в каталоге. По сути дела, это была грандиозная операция по изъятию книг и не менее грандиозная операция по фальсификации текстов. В вышедших новых изданиях были изъяты все нежелательные места, менялись даже названия книг». («Всемирная история» в 10 т., подготовленная Академией наук СССР.)

Совсем недавно астрономические расчеты Морозова были проверены с использованием современных ЭВМ группой математиков Московского государственного университета под руководством академика Фоменко. Результаты те же. О том, что происходило на территории Китая ранее 1368 г., нам попросту *не известно*.

«Монгольские полчища», существовавшие лишь на бумаге, завоевали столь же нереальную «державу» – только и всего.

Поговорим о Великой Китайской стене – якобы неоспоримом доказательстве древности китайской цивилизации, построенной, как нас уверяют, для защиты от диких кочевников.

Слово Н.А. Морозову: «Одна мысль о том, что знаменитая Китайская стена вышиною от 6 до 7 метров и толщиной до трех, тянувшаяся на три тысячи километров, начата была постройкой еще в 246 году до начала нашей эры императором Ши-Хоангти и была окончена только через 1866 лет, к 1620 году нашей эры, до того нелепа, что может доставить лишь досаду серьезному историку-исследователю. Ведь всякая большая постройка имеет заранее намеченную практическую цель. Кому пришло бы в голову начинать огромную постройку, которая может быть окончена лишь через 2000 лет, а до тех пор будет лишь бесполезным бременем для населения. Да и сохраниться так хорошо Китайская стена могла лишь в том случае, если ей не более нескольких сот лет».

Фоменко дополняет: «Нам скажут – стену ЧИНИЛИ две тысячи лет. Сомнительно. Чинить имеет смысл лишь не очень давнюю военно-оборонительную постройку, иначе она безнадежно устареет и просто развалится... А ведь нам говорят, что Китайская стена как была построена, так и стояла две тысячи лет. Не говорят же, что «современная стена построена недавно на месте древней». Нет, сегодня мы видим якобы именно ту стену, которую возвели две тысячи лет назад. По нашему мнению, это чрезвычайно странно, если не сказать больше».

Л.Н. ГУМИЛЕВ: «Стена протянулась на 4 тыс. км. Высота ее достигала 10 метров, и через каждые 60–100 метров высились сторожевые башни. Но, когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил Китая не хватит, чтобы организовать эффективную оборону на стене^[50]. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и подать помощь. Если же расставить пореже большие отряды, то образуются промежутки, через которые враг легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без защитников не крепость».

Фоменко далее обращает внимание на очередную странность: за две

тысячи лет, якобы прошедших со времени постройки стены, китайцы отчего-то не построили других, действительно *нужных* каменных сооружений – крепостей, городских стен, укреплений...

Доказав, что Великая Китайская стена никак не могла быть построена две тысячи лет назад, не могла служить мало-мальски надежной защитой против кочевых орд, группа Фоменко выдвигает гипотезу, по которой стена возведена лишь в XVII веке – против неприятеля, который располагает пушками, в годы военных столкновений Московского царства и Маньчжурии.

Сразу признаюсь, что у автора этих строк догадки *еще* более еретические. У меня понемногу начали зарождаться подозрения, что Великой Китайской стены *еще* не существовало и в XIX веке...

Во-первых, я просмотрел множество фотографий стены. И пришел к выводу, что она на многих своих участках не может служить и средством обороны от пушек. По той простой причине, что протянулась в горах, по столь крутым склонам и узеньким ущельям, где чисто физически невозможно протащить пушки или провести хотя бы сотню солдат. По этим кручам, пожалуй, могут пройти только особо подготовленные группочки диверсантов-рейнджеров, которых в XVII веке просто не могло быть. Всякие другие перемещения войск и техники либо невозможны, либо бессмысленны – в этих узеньких ущельях один затаившийся наверху стрелок эффектно сможет отражать атаку целого батальона, паля из укрытия по головам столпившихся внизу солдат противника... Положительно, на многих своих участках стена не может нести никакой другой функции, кроме декоративной...

Во-вторых, в 60–70-годах прошлого столетия по северным областям Китая путешествовал архимандрит П.И. Кафаров, глава Русской Православной миссии в Пекине. Живо интересовавшийся историей Китая и легендами о Великой стене, он старательно, долго ее ищет... и не находит!

НИКАКОЙ ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ НЕТ!

Кафарову оказывают содействие высокопоставленные чиновники, он проделывает долгий, долгий путь... Стены нет!

Возле крепости Шаньхайгуань Кафаров осматривает кирпичную стену – но она тянется на несколько *сотен* метров. И ничуть не напоминает ту, легендарную. (А построена, кстати, веке в XV и постоянно подновлялась.)

На вершинах каменистых сопок – древние кумирни. По склонам сопок – земляные (недлинные!) валы. Кое-где на холмах – остатки постаментов, где в старину разжигали огромные костры, сигнализируя в глубь страны, что появились кочевники.

Великой стены нет. Все о ней слышали, но никто не в силах показать хотя бы ее остатки. Кумирни, земляные валы, старые сторожевые башни, укрепления – вот и все...

Правда, некое *подобие* Великой Китайской Стены все же удастся обнаружить. Около реки Ляохэ – старинный *земляной* вал, когда-то защищавший китайцев от набегов воинственных обитателей Приморья. Он тянется на несколько километров, но не на «тысячи», даже не на «десятки». Схожие валы строили повсюду – корейцы ими заслонялись от чжурчженей и китайцев, китайцы – от всех сразу, чжурчжени – от киданей и монголов, японцы на своих островах – от айнов.

А Великой стены – нет! Правда, существует так называемая Ивовая изгородь, как раз и построенная маньчжурскими императорами в XVI в. для защиты от вторжений из Приморья и Приамурья. Это – высокий земляной вал, который протянулся на *сотни* километров. Укрепление-межа, и в самом деле надежно защищающая от конных и пеших набегов, подобно знаменитым Змиевым валам на Руси. В нем проделаны двадцать проходов, у каждого стоит застава с охраной и караулами. На вершине вала были посажены сотни ив – отсюда и название.

Между прочим, возвести такое укрепление, пусть даже протянувшееся на сотни километров, в тысячу раз легче, нежели нашу «Великую стену». Особенно при извечном китайском многолюдстве.

Обратите внимание: на французских картах XVIII (рис. 1.9 и 1.10) ясно видно, что восточный участок стены (т.е. Ивовой изгороди) защищает в первую очередь от *Кореи*.

Рис. 1.9

Рис. 1. 10

Спрашивается, отчего же Кафаров всего сто двадцать лет назад не нашел и остатков каменной, кирпичной, протянувшейся на 4000 километров Великой стены с ее многочисленными башнями? Хотя искал старательно.

Да потому, позвольте высказать наглую мысль, что ее и тогда еще не существовало! Иначе любознательный монах непременно что-то да отыскал бы!

Мне кажется, на тех картах, что в своей книге «Империя» приводят Носовский и Фоменко, на французской и голландской картах второй половины XVIII века, где в виде жирной черной линии изображена «китайская стена» – как раз и значится *Ивовая изгородь*.

Если допустить, что китайцы две тысячи лет строили и чинили сооружение, не имевшее ни малейшего военного значения – Великую Китайскую стену, – следует признать, что целый народ страдал шизофренией в тяжелой форме...

Слава богу, ничего подобного в реальности не было. Китайцы, конечно же, не идиоты. Они строили земляные валы, порой довольно длинные. Устраивали на вершинах сопок и гор каменные платформы для сигнальных костров. Возводили «вэй» – крепости, где гарнизон состоял из 5600 солдат, и «со» – крепости поменьше, где по штатному расписанию насчитывалось 1120 вояк. Строили еще «лу-тай» – придорожные башни, где могли укрыться застигнутые налетом кочевников странники. Но никому никогда не пришла бы в голову идея Великой стены – эта сомнительная честь, есть все основания думать, принадлежит председателю Мао...

Великая Китайская стена, какой мы ее видим сегодня, в самом деле грандиознейшее сооружение, построена во времена Мао Цзе-Дуна. У которого хватало и амбиций, и многомиллионного резерва рабочей силы, чтобы реализовать подобный проект. Не зря столь часто упоминается о «реставрации Стены», которая как раз и началась после прихода к власти коммунистов.

Разумеется, я готов отказаться от столь еретической гипотезы. Если мне предъявят достоверные свидетельства людей, видевших Великую Китайскую стену во всем ее сегодняшнем величии в те годы, что лежат между путешествием Кафарова и вступлением армии Мао в Пекин (примерно 1880–1949), если найдутся соответствующие фото- и киноматериалы.

Ведь Кафаров отчего-то же не нашел Великую стену? Как ни старались помочь уважаемому гостю китайские губернаторы...

Несколько любопытных фактов из других областей науки, прямо работающих на нашу версию.

Я не буду подробно приводить пересыпанную лингвистическими терминами аргументацию языковеда и писателя, покойного Л.В. Успенского – тот, кто не убоится сложностей, пусть заглянет в его книгу «Слово о словах». Упомяну лишь о выводе, который недвусмысленно следует из построений Успенского (сразу оговорюсь, это мой, а не его вывод): «Китайский язык по своей структуре – *молодой* язык. И развивается по тем же правилам, что английский, русский и др. И, следовательно, ему никак не может быть четыре тысячи лет». (Цит. изд., стр. 318–330.)

Известный кораблестроитель академик Крылов еще в 30-е годы вспоминал скандальную историю с мнимым «изобретением» китайцами таблицы логарифмов, о чем поторопились возвестить миру иные горячие головы. Когда эти «древнекитайские» таблицы вновь перевели с китайского, оказалось, что они целиком списаны с первого издания таблиц Дж. Непера, шотландского математика, как раз и выпустившего сей труд в 1614 г. – естественно, в Европе. Доказательства плагиата железные, поскольку в китайском тексте обнаружились все те же опечатки, что были в книге Непера...

Еще одна примечательная история, взятая из книги С. Валянского и Д. Калюжного «Новая хронология земных цивилизаций»:

«Монах Шварц изобрел порох. Дело было так: он смешивал в ступке серу и селитру, совершенно не думая получить взрывчатое вещество, и случайно уронил в ступку тяжелый пестик. Смесь взорвалась, пестик вылетел и пробил потолок.

Разумеется, создатели первых пушек повторили все условия, и даже форма этих пушек была кувшинообразной – такой же, как и форма металлической ступки Шварца. Так было в Европе.

В китайских хрониках времен нашествия «монголов»

имеются описания китайских пушек, стрелявших при помощи изобретенного китайцами же пороха. Пушки эти имели кувшинообразную, форму. Для пушки такая форма совершенно не нужна. Мы знаем, почему она была такой в Европе. Значит, и древний китайский изобретатель пороха, смешивая в трубке серу и селитру и совершенно не думая получить взрывчатое вещество, случайно уронил туда тяжелый пестик. Смесь взорвалась, и...

Каким иероглифом записано имя монаха Шварца?» [24].

Я добавил бы схожий вопрос: каким иероглифом записано имя европейского изобретателя шелка?

Как гласят то ли летописи, то ли легенды, шелковичный червь был открыт императрицей Линьчи, супругой китайского владыки Хуань Ти в 2640 г. до нашей эры. Именно она якобы всерьез заинтересовалась необычными шелковыми коконами гусениц, растущих у нее в саду. И первая начала разводить гусениц в «домашних» условиях. Императрицу провозгласили Богиней шелка, а китайцы берегли свой секрет, как зеницу ока... аж до VI столетия нашей эры. То есть 3200 лет!

Потом пронырливые христианские монахи, добравшиеся до Китая, увезли несколько яиц в полых бамбуковых посохах и доставили их в Константинополь императору Юстиниану (богами шелка их, конечно, не провозгласили, что обидно). И с 550 г. нашей эры в Европе стали разводить шелковичных червей...

Во всей этой истории правдоподобна только вторая половина – то, что шествие шелка по Европе началось с Византии в христианские времена. Возможно, какие-то монахи и украли яйца – не зря у японцев есть схожая история, только вместо монахов там выступает влюбленная в японского императора китайская принцесса, его невеста, которая, уезжая сочетаться браком с нареченным, спрятала яйца в высокую прическу.

Быть может, обе истории очень близки к правде. Невероятно одно – то, что китайцы могли *три тысячи* лет держать в тайне какой-то производственный секрет. Я перечитал немало книг по истории промышленного шпионажа, но не нашел примеров, когда какая-то важная новинка (не имеет значения, в какой области науки, техники или производства) оставалась секретом для конкурентов в течение не то что «тысяч», а хотя бы десятков лет. Кстати, японцы не в пример честнее – они-то свою историю не «опрокидывали» в прошлое на многие тысячи лет. Легенду о влюбленной принцессе они относят веку к VII–VIII нашей эры. Когда как раз и шло *зарождение* японского государства.

О «потрясающих достижениях» китайцев в области артиллерии и ракетной техники мы подробно поговорим чуть погодя...

...Когда эта глава была давно написана (да и сама книга почти готова), мне попала в руки новая работа российского «Двуликого Януса», Булычева-Можейко. Как фантаст Булычев, «Янус», естественно, вправе выдвигать самые оторванные от реальности версии и идеи – но как доктор исторических наук Можейко строжайше придерживается исторической правды. Именно о второй ипостаси и пойдет речь – я имею в виду книгу И. Можейко «7 и 37 чудес», посвященную самым знаменитым памятникам архитектуры и искусства.

«Изображения Китайской стены, известные каждому с детства, создают не совсем правильную картину. Они все относятся к участкам неподалеку от Пекина, где стена хорошо сохранилась или подреставрирована. Это – позднейший ее участок... Однако вдали от больших городов, не на главных направлениях, стена не выглядит так внушительно, как у Пекина. Кое-где она представляет собой просто полуразрушенный земляной вал. Особенно это относится к ее отросткам и ветвям, построенным тысячу, а то и две тысячи лет назад. Лучшее всего сохранились части стены из голубоватого кирпича и камня с земляным наполнением. Но и в тех местах, где стена осыпалась, стоят башни... сейчас их насчитывают около двадцати тысяч».

Все сходится. Нет никакого «грандиозного сооружения», могучего и поражающего воображение единого целого. Потому и не нашел Великую стену старательный Кафаров. Есть подреставрированные участки возле столицы, которые принимают за всю стену, полагают, что вся она так и выглядит. А кроме них – множество ветхих башен, полуразрушенных земляных валов, остатков кирпичных и каменных стен...

Коли уж никакого «грандиозного сооружения» не существует, быть может, и «великая древняя цивилизация», якобы воздвигшая в седой древности Великую стену, все же не более чем сказка?

«Давай дэнги! Дэнги давай!»

А сейчас затронем вроде бы известную во всех подробностях, однако столь же любопытную и, как увидим, загадочную историю – появление на Руси баскаков, зловредных сборщиков татарской дани, и их бесславную кончину.

Фольклорная традиция породила немало ужасов. У меня и сейчас в памяти оживает нечто вроде: «Нет денег – татарин добро возьмет, нет добра – жену возьмет, нет жены – самого уволочет». Словом, ужас и беспросветность. Ограбление Русской земли в потрясающих масштабах.

Кстати, еще один примечательный аспект... Казалось бы, после столь долгого и систематического грабежа где-то в «монгольской» столице, пусть даже кочевой, где-то в китайских городах должны были скопиться горы ценностей: не только русских, но и хорезмских, польских, венгерских, чешских, грузинских. Брали в первую очередь, конечно же, драгоценные металлы. Даже если допустить, что все изделия из золота и серебра тут же злодейски переплавляли, в «монгольской столице» должно было скопиться *нереально* много золота. Как в Испании, куда целые караваны судов везли и везли американское золото.

Однако в последующие века, когда в Сибирь пришли русские, а в Китае появились европейцы, это «сверхнормативное» золото отчего-то так *нигде и никогда* не всплыло. Следуя «официальной» истории, где-то должны существовать поражающие воображение груды добычи, собранной с полумира. Но ни малейших ее следов не прослеживается. В Китае было, в общем, как раз примерно такое количество золота, какое можно объяснить накоплениями в результате собственной золотодобычи, торговли и походов на *ближайших* соседей. В Монголии – реальной Монголии – не нашлось и этого. Кое-какие накопления в буддийских храмах, пара-тройка золотых украшений у жены зажиточного скотовода, горшок с золотом, зарытый под порогом купца... Всё. Та самая «великая», «потрясающая», «грандиозная» добыча, которая просто обязана была проявить себя, как-то обозначиться в последующей истории – самым волшебным образом куда-то сгинула. Как не было.

Ну разумеется, ее не было. Поскольку никакие «монголы» никого и не грабили...

Вернемся к баскакам. Официальная история с какой-то комической важностью гордится тем, что ей удалось чрезвычайно точно определить год

первого появления баскаков на Руси – 1257-й. Лызлов, кстати, называет более поздний срок – 1261 г., но суть не в этом...

Суть в том, что первые баскаки появились в русских княжествах спустя *девятнадцать* лет (а по Лызлову даже – спустя двадцать три года) после страшного и опустошительного «татаро-монгольского» нашествия. Объяснения этому историки не дали и, похоже, давать не собираются.

Но ведь должно же существовать какое-то объяснение? Почему наши «монголо-татары», хищники, безжалостные грабители, алчные «моавитяне» не разослали по Руси своих сборщиков дани *сразу* после установления «ига»? Момент был выгоднейший: военного сопротивления ждать неоткуда, население в ужасе. Исторический опыт учит нас: любой завоеватель, едва завладев какой-то территорией, в кратчайшие сроки начинает создавать аппарат по выкачиванию ценностей, или, пользуясь современной терминологией, разветвленную и отлаженную налоговую службу.

Ничего подобного на Руси не произошло. Только девятнадцать лет (двадцать три года?) спустя после завоевания Руси новые хозяева наконец-то сообразили, что следует переписать население и обложить его податями.

Снова в который раз что-то у нас не вытанцовывается. Конечно, можно сослаться на то, что «монголо-татары»-де не умели собирать дань и проводить перепись. Но верится этому плохо. Вернее, не верится вовсе. Слишком много стран разбили и покорили наши «монголы», давно должны были научиться...

И, наконец, *сами* баскаки выглядят как-то странно с точки зрения «канонической» версии. Из книги в книгу кочует история о неких «бесерменских»^[51] купцах, якобы бравших дань на откуп – что, конечно же, позволило наиболее клиническим «патриотам» довести эту байку до логического конца и кричать о «жидах-ростовщиках», мгновенно покумившихся с «монголами».

Вот только ни «бесермены», ни «жиды» отчего-то так и не прослеживаются. Зато...

Баскаком в Ярославле служит русский монах (!) Изосим. В Устюге – русский, христианин по имени Иоанн. Суздальская летопись 1303 г., упоминая о кончине баскака Кутлубуга, вдруг употребляет слово «преставился» – то есть речь идет опять-таки о христианине, единоверце! Никаких «монголов» и близко нет. А отдельные смелые исследователи начинают ехидно уточнять, что пресловутый «ханский ярлык на княжение», якобы выдававшийся татарами русским князьям, связан скорее не с «монгольскими», а с европейскими обычаями. Поскольку аналогов

слова «ярлык» не найдено ни в монгольском, ни в татарском языках, зато в немецком их сколько угодно. «Jahrlicke» – «вассальное обязательство», «jährlich» – «почетное звание», «jährlich» – «годовое ленное обязательство». В современном немецком «jährlich» до сих пор означает «годовой», «ежегодный»... [52]

Второе. «Ордынцы» отчего-то нисколько не озабочены судьбой своих же чиновников, направленных для сбора дани. Когда сразу в нескольких городах, ударив в набат, старательно перебили всех тамошних баскаков, карательной экспедиции почему-то так и не последовало. Как уже вскользь упоминалось, Александр Невский оперативно съездил в Орду и мало того, что добился отмены наказания для виновных, вдобавок еще вынудил татар взять назад свое решение о наборе русских рекрутов для «ордынской» армии...

Явная неправдоподобность ситуации давно уже заставляет историков «классического» направления проделывать слабые телодвижения в попытках хоть как-то сгладить нелепости и нестыковки. После долгих умственных мук родилось нечто похожее на версию: дескать, поскольку баскаки были не чистокровными татарами, а «бессерменами», их истребление, в общем, как-то и не оскорбило татар, и они, благодушно выслушав Невского, вместо карательных мер добавили *дополнительные* льготы.

Давайте представим себе эту встречу. В юрту к свирепому татарскому хану (который, как нам внушают, ранее сжег город Козельск только за то, что покойный князь этого города убил пятнадцать лет назад монгольских послов) входит Александр Невский.

– А, Искандер! – хмыкает хан, почесывая спину. – Как доехал? Что там нового в моем улусе, на Руси?

– Да так, пустяки... – отвечает Невский. – Баскаков вот твоих побили... До смерти.

– Всех? – удивляется хан.

– Да пожалуй что, и всех... – пожимает плечами Невский.

– Копек-оглы, эшшек баласы! – в сердцах ругается хан на своем моавитянском языке. – Надо карательный отряд посылать. Эй, орда, на-конь!

– А стоит ли, великий хан? – почтительно настаивает Невский. – Все равно были те баскаки – бессермены заезжие, не твои татары, чай...

– И верно! – ошарашенно восклицает хан. – Что ж это я осерчал, дурак такой? Эй, орда, расседывай! Мое величество погорячились... В самом деле, Искандер, за бессерменов и наказывать-то не стоит... У тебя, может,

еще просьбы есть?

– Да вот не хотят мои русские рекрутов тебе в войско давать...

– Не хотят? И не надо! – машет рукой хан. – Подумаешь, безделица какая – рекруты... Обойдусь, не первый раз. Эй, кто там! Несите кумыс, да зовите Зульфию с Фатимой, друг Искандер приехал, гулять будем...

Как по-вашему, можно поверить в подобный диалог? Ни в коем случае! Кто бы там ни были баскаки, они представляли власть, Орду, хана, монгольский порядок. По всем обычаям и установлениям следовало дать укорот так, чтобы никому неповадно было...

Укорота не дали. А вот дополнительных льгот добавили...

Несколько осовременим ситуацию.

В горницу к Петру Первому входит Меншиков и, помявшись, сообщает:

– Дело, мин херц, в следующем: в Ярославле злоумышленным образом побили до смерти немца-канцеляриста, что послан был туда налоги счесть и собрать. И просят теперь, чтобы ты им прощение объявил, да вдобавок снял рекрутскую повинность...

Какова будет реакция Петра? Сколько дней после того будут в Ярославле вздергивать на деревьях виновных? Долгонько...

Одним словом, стоит только смоделировать ситуацию в виде диалога или сцены из реальной жизни – всякий раз получается столь неправдоподобная фантазия, что веры ей – никакой...

Кроме того, истребление баскаков было не просто стихийным бунтом, а, как подчеркивают летописи, скоординированной акцией, проведенной самими князьями: «...повелеша князи убивать ханских баскаков...» То есть, «татарам» следовало бы отнестись к происшедшему *еще* свирепее – коли перед нами не обычный стихийный бунт, а самый настоящий заговор...

В чем тут загадка? Есть ли объяснение в рамках нашей версии истории?

Пожалуй.

Есть крайне многозначительное совпадение – получается, что княжеский заговор, в результате которого были истреблены баскаки, последовал сразу после смерти Александра Невского. А смерть эта не так уж и далеко отстоит от кончины Батыя. По нашей реконструкции, это один и тот же человек. А разные даты (1255 – смерть Батыя и 1262 – смерть Александра) – результат разночтений, которых немало в летописях. То есть – ошибок. Мы видели, что и само введение системы баскачества на Руси датируется разными источниками по-разному – 1257-й и 1261-й. Так

обстоит и со многими другими событиями, в разных летописях имеющими разную датировку.

Между прочим, давняя традиция приписывает кончину насильственной смертью не только Александру Невскому... но и Батыю! Да-да, я не оговорился. Если кончину Александра современники связывали с отравлением, то смерть Батыя – с гибелью его в бою в Венгрии от руки «короля Владислава» (причем непонятным образом в роли союзницы Батыя выступала... сестра этого самого короля).

Истории неизвестен венгерский король по имени Владислав, во времена вторжения «татар» в Венгрии правил Бела IV. Однако ценна здесь в первую очередь *тенденция* – убежденность многих средневековых источников, что Батый умер не своей смертью. Процитированная чуть выше летопись, памятник, известный в современной историографии как «Хронограф Русский», так и сообщает: «По *убиении* Батыеве повелеша князи убивать ханских баскаков...»

Быть может, дела обстояли следующим образом?

После боев 1237–1238 гг., когда Ярослав и Александр обрели реальную власть над значительной частью Руси, последовало вторжение русской армии в Европу, на помощь боровшемуся с папой Фридриху II. По причинам, которые, скорее всего, так и останутся для нас неизвестны, русские не смогли переправиться в Италию, пришлось возвращаться. Столь масштабная военная кампания, ясно, требовала огромных расходов. Году к 1257-му княжеская казна опустела.

И Александр Невский (Ярослав к тому времени уже умер) вводит перепись населения, новые подушные налоги, направляет повсюду баскаков. Баскаки, конечно же, христиане. Позднейшие историки пытались поддержать «ордынскую» версию (Изосим, мол, вероотступник и супостат, а Иоанн принял крещение, уже будучи баскаком), но странная реакция Орды (точнее, удивительное благодушие) работает в пользу именно нашей версии истории.

Можно с уверенностью сказать, что возмущение вызвали не сами баскаки, а то, что налог был *новым*. Дополнительным, какого прежде не было. Европейская история прямо-таки пестрит примерами, когда *новые* налоги как раз и вызывали ожесточенное сопротивление. По свидетельству королевских юристов в Бордо, когда там вспыхнули волнения в 1651 г., причиной было «непрятие жителями новшеств» – т.е. новых налогов. В Перигоре в 1637 г. бунтовщики прямо заявили: нововведенные подати «необычные, невыносимые, незаконные, чрезмерные, НЕИЗВЕСТНЫЕ НАШИМ ОТЦАМ». Когда губернатор Бретани в 1675 г. огласил

королевский указ о новых налогах, бунтовщики заявили прямо: «Мы не против налогов, которые платим шестнадцать лет, но мы оспариваем введение **НОВЫХ** налогов».

А для того, чтобы показать, насколько *схожим* было мышление «простого народа» в разных концах Европы, приведу показательный пример.

Известно, что когда в Российской империи в 30-х годах XIX века прокатилась эпидемия чумы, крестьяне повсюду убивали докторов, вообще всех, кто походил на медиков, объясняя это тем, что «доктора разносят чуму, и их надобно извести». Порой эти печальные события вспоминали, чтобы доказать «извечную дикость и отсталость русского народа».

Хотите знать, что произошло во Франции в *те же* примерно годы?

Эпидемия чумы в южных районах. И французские крестьяне... повсюду убивают тех, кто похож не только на докторов, но и на парижан. Оказывается, среди тамошних пейзажей распространилось убеждение, что «парижане умышленно распространяют чуму, дабы извести крестьян и захватить их земли»! Как вам сходство менталитета?

Налоги вызывали ненависть с тех самых пор, как были придуманы. У Дюма в каком-то из романов есть великолепные строки: «Народ не любил его: во-первых, он был министром финансов, а министров финансов всегда не любят...»

И потому нет ничего удивительного в том, что после смерти Александра Невского (вполне может оказаться, как раз и последовавшей в результате отравления) все его вассалы-князья, все подвластные ему земли дружно поднялись бунтовать против введенных совсем недавно новых налогов. Князья, как о том недвусмысленно пишут летописцы, устроили заговор и организовали повсеместное убийство баскаков.

«Орда» потому так благодушно к этому отнеслась, что никакой «Орды» не существовало. В противном случае карательные отряды непременно разделались бы с ослушниками. Любая власть пуще всего стервенеет как раз от покушения на ее карман, то бишь неуплату налогов. Способна спокойно переносить печатные пасквили, вопли оппозиции и газетную критику – но попробуйте ударить власть по карману, будь то карман татарского хана или президента суверенной державы...

Существуй «монгольское иго» в реальности – ордынские ханы просто обязаны были послать войска и покарать виновников убийства баскаков. Однако в *нашем* варианте событий обстояло иначе – просто-напросто наследники Александра Невского-Батыя предпочли спустить дело на тормозах, поскольку сила, такое впечатление, была не на их стороне. Не зря

летописцы сообщают, что после истребления баскаков налоги для «Орды» отныне собирали *сами* князья. Возможно, мы наблюдаем чертовски знакомое явление, которое в наши дни называется «борьба федеральной власти с местной за налоговую политику». Проще говоря, «федеральный центр» в лице Александра-Батыя предпочитал собирать подати самолично и все их оставлять себе, а удельные князья, аки нынешние губернаторы, желали отстегнуть себе жирный процент. И воспользовались смертью Невского, чтобы побороться за свой вариант...

Ну, а то, что о баскаках летописцы отзываются с применением самых ругательных эпитетов, удивлять не должно ни капельки – покажите мне такую страну и назовите такую эпоху, когда сборщиков податей не сравнивали с саранчой и прочими казнями египетскими...

И еще. На протяжении всего «монголо-татарского владычества» русская церковь сохраняла какую-то странную индифферентность к «захватчикам». Еще в начале века Е.Е. Голубинский, профессор Московской духовной академии, чуточку растерянно писал: «Если полагать, что обязанность высшего духовенства – епископов с соборами игуменов – долженствовала при данных обстоятельствах состоять в том, чтобы одушевлять князей и всех граждан к мужественному сопротивлению врагам для защиты своей земли, то летописи не дают нам право сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания. Они не говорят нам, чтобы, при всеобщей панике и растерянности, раздавался по стране этот одушевляющий святительский голос».

К этому стоит добавить, что, по летописным данным, подавляющее большинство церковных владык вовсе не пострадало от «Батыева нашествия». Если не считать митрополита Иосифа. Епископ черниговский *загодя* уехал в отдаленный городок, как и ростовский епископ Кирилл. С рязанским епископом обстоит еще загадочнее – он уехал... «когда орда окружила град»! Полное впечатление, что всех их либо *заранее* предупреждают, либо не трогают...

А если вспомнить все те льготы, что русская церковь получила от «татар»?

По *нашей* реконструкции и это объясняется предельно просто. Поскольку «Батыем» были Ярослав с Александром, церковь они, понятно, не трогали.

Есть, правда, одно исключение – владимирский епископ Митрофан при невыясненных обстоятельствах погиб во время штурма города.

Однако это никоим образом не может служить доказательством «монголо-татарской» версии. Подобное случалось в 1569 г., когда в Твери

задушили митрополита Филиппа Колычева. Однако татары тут ни при чем – по приказу Ивана Грозного с митрополитом собственноручно разделался Малюта Скуратов. Причем никто не пытался свалить убийство на «ордынцев» – в те времена уже не существовало столь удобного «громоотвода», каким была вымышленная Золотая Орда, на которую и сваливали чохом свои грехи, надо полагать, немало русских князей...

И, наконец, кое-какие стенания о «разорении и разграблении» могут иметь совершенно неожиданную подоплеку...

Уже в XX столетии западноевропейские историки «задним числом» вскрыли случаи крупного казнокрадства среди чиновников испанской колониальной администрации – увы, виновных уже никак нельзя было притянуть к суду, поскольку они благополучно скончались лет четыреста назад, вдоволь попользовавшись ворованными денежками.

Дело в том, что историки скрупулезно сравнили рапорты губернаторов американских колоний Испании об ущербе, понесенном от пиратских налетов англичан и... технические характеристики кораблей рыцарей удачи вроде Дрейка, сэра Кевендиша или Уолтера Рэли. Корабли, принимавшие участие в пиратских рейдах, известны поименно. Так вот, если бы на «Золотую лань» Дрейка было погружено именно столько золота и серебра, сколько указали в качестве «украденного английскими собаками» испанские идальго, судно просто не смогло бы выйти в море. Оно отправилось бы на дно, как утюг, приняв непосильную для себя ношу. Кто-то из чиновников вовремя сообразил, что подворачивается удобный случай списать на пиратов собственные грехи...

Подозреваю, что иные древнерусские сообщения о «дочиста пограбленном татарами добре» вызваны к жизни тем же хитроумием «материально ответственных» лиц...

Сказка сказывается...

Как легко догадается проницательный читатель, речь в этом разделе пойдет о наиболее фантастичных подробностях «Батыева нашествия», о самых сказочных повествованиях.

Начать, конечно, следует с поразительных китайских ракет и пороховых снарядов, якобы перенятых «монголами» и с успехом использованных в завоевательных походах.

Чтение увлекательнейшее. Иллюстрации и того поразительнее – на *рис. 1.11* «монгольский ручной ракетомет», на *рис. 1.12* – прямо-таки древнекитайский прообраз «Катюши». А уж подробности...

Рис. 1. 11

Рис. 1. 12

«В 1232 г. в битве под стенами Кайфына (нынешнего Пекина), когда город обложило тридцатитысячное монгольское войско, атака кочевников была отражена с помощью ракет. Ракеты эти летели на расстояние 100 ли (около 9 км!), и в месте своего падения выжигали все на 60 метров в окружности» [234].

Этот леденящий кровь в жилах рассказ два чешских автора почерпнули из «старинных китайских книг». Тех самых, о чьей «древности» подробно говорилось выше...

Отечественные авторы, прямо скажем, тоже не ударили лицом в грязь. Солидный журнал «Химия и жизнь», всегда кокетничавший своим академизмом, не столь уж и давно опубликовал не менее поразительные описания китайских ракет: «„Огненные ястребы“ представляли собой деревянные сосуды с порохом или глиняные горшки, наполненные расплавленным легкоплавким металлом. Против живой силы противника использовались осколочные снаряды, начиненные порохом и разбрасывавшие при взрыве железные колючки, осколки железной или фарфоровой оболочки. Взрыв такого снаряда мог быть слышен на расстоянии 50 км, а осколки пробивали латы».

Химическое оружие, тоже, оказывается, придумано древними китайцами: «„шары ядовитого дыма“, заполненные порохом с примесью сильнодействующих растительных ядов». «Армия Чингисхана успешно применяла гранаты с нефтью... В 1206 г. монголами был ими сожжен флот одного из китайских флотоводцев. В 1225 г., осаждая Хорезм, монголы обстреливали город ракетами и пороховыми разрывными снарядами». Разрывные снаряды, «снабженные соломенным хвостом для стабилизации в полете». И, конечно же, «ракеты», которыми «монголы обстреливали со своих кораблей японский флот».

Между прочим, «древнекитайский рекорд», то есть расстояние в девять километров, которое пролетала древняя ракета, был побит только в XX веке – с применением не порохов, а жидкого горючего, не «бамбуковых трубок», а тугоплавких сталей. Что позволяет безоговорочно зачислить в разряд самых беззастенчивых фантазий «руководства» по ракетной технике вроде «книги Чин Яо-Цзу», якобы написанной в 809 г., или «учебника ракетного дела Ченг Кун-Лиана», будто бы составленного в 1045 г.

Я уж не говорю о вопиющих нелогичностях в «древних» текстах – с одной стороны, монголы якобы захватили Китай в 1212 г., с другой – в 1232 г. «тридцатитысячное монгольское войско» *все еще* совершает набеги на китайские города. Кстати, автор статьи в «Химии и жизни» – не инженер или военный историк, а кандидат *психологических* наук, как выясняется, попросту переписавший эти сказки из труда некоего С.Я. Школяра «Китайская доогнестрельная артиллерия», вышедшего в 1980 г. в издательстве... «Наука» (!).

Любопытно было бы полистать этот труд, представляю, с какими еще откровениями можно столкнуться...

Почему все эти жуткие рассказы представляются сплошной сказкой?

Во-первых, «ученые», переписывавшие друг у друга всю эту околонуучную фантастику о летящих на девять километров ракетах XIII в.

(!), ручаться можно, в детстве никогда не баловались с шутихами, поджогами, ракетами из горючей фотопленки 60-х гг. и прочими опасными игрушками. Автор этих строк как раз отдал дань тогдашнему всеобщему увлечению «огненными потехами» – и, благополучным образом не лишившись ни пальцев, ни глаз, ни каких-либо еще деталей организма, набрался определенного опыта. Можно говорить со всей уверенностью: «корзинный ракетомет», изображенный на рис. 1.11, скорее всего, взорвется в руках у стрелка, да так, что мало ему не покажется. Тут просто не может быть *безопасной* системы последовательного воспламенения «ракет». И, что существеннее, пороховая стрела, выпущенная из подобного устройства, полетит не по прямой, а к черту на кулички – из-за малой начальной скорости и полной невозможности такую стрелу стабилизировать. То же относится и к устройству с рис. 1.12. Стрела с прикрепленным к ней пороховым ускорителем еще способна лететь долго и прямо, если будет выпущена из *лука*, что как раз и придаст необходимое начальное ускорение – но во всех других случаях станет кувыркаться и метаться, как ярмарочная шутиха, представляя опасность в первую очередь для тех, кто ее выпустил... Наконец, «соломенный хвост» в роли стабилизатора ракеты – чепуха в кубе.

Во-вторых, есть косвенное, но весьма весомое доказательство того, что в средневековом Китае подобных «страшилок» на вооружении никогда не состояло. Доказательством служит полное *отсутствие* подобного оружия в Японии вплоть до первых контактов с европейцами.

Военные новинки секретом остаются недолго. В руки противника попадают либо несработавшие образцы, либо умеющие обращаться с новинкой специалисты – а ведь есть еще и разведка, охотящаяся в первую очередь за изобретениями, которые можно применить в военном деле...

Вопреки расхожему мнению, государство ацтеков в Южной Америке погубили как раз внутренние распри и сепаратизм – но никак не пресловутый мистический страх перед «молниями бледнолицых богов». По достовернейшим испанским источникам, уже в *первый* год вторжения Кортеса у индейцев оказались и аркебузы, и кузнечные инструменты, поскольку к ним просто-напросто *сбежали* иные недисциплинированные кортесовы солдатики, прихватив с собой и ружья, и порох, и кузнечный инструмент. Нечто похожее наблюдалось и во времена освоения русскими Сибири – местные племена (порой находившиеся на уровне развития каменного века), захватив парочку казацких пищалей с боеприпасом, поразительно быстро научались с ними обращаться. И, в свою очередь, палили по казакам, не испытывая и тени мистического трепета перед

«молниями»...

Известно – первые японские мечи под названием «кэн» с прямыми обоюдоострыми клинками были заимствованы из Китая. Только столетие-полтора спустя заработала местная оружейная пытливая мысль, появились классические, чисто японские мечи «тати», «катана» и «вакадзаси» – односторонней заточки, слегка изогнутые. Японцы заимствовали с континента и рукопашный бой, и кольчуги, а в середине XVI в. после знакомства с европейскими доспехами оперативно наладили у себя производство «гузоку» – доспехов, не собранных из гибко соединенных пластинок как прежде, а цельноклепаных, типа кирас.

Как видим, военные новинки в Стране восходящего солнца перенимались довольно оперативно. Однако японцы, столь восприимчивые к новому, отчего-то не перенимали у континентальных соседей ни стенобитных машин, ни камнеметательных, ни пороховых ракет, ни «разрывных осколочных снарядов», ни «гранат с нефтью». Почему? Да потому, что перенимать было нечего! В средневековом Китае попросту не существовало ни всевозможных «ракет и гранат», ни даже арбалетов (которых японские самураи тоже отчего-то не знали).

В-третьих, есть определенные закономерности в распространении того или иного оружия. Как уже говорилось, оно недолго остается тайной. В мировой истории просто не бывало случаев, чтобы одна-единственная страна даже не сотни, а десятки лет оставалась монополистом во владении неким новым оружием, в особенности таким, что *качественно* отличалось от всего прежде известного.

Посмотрим, как распространялось огнестрельное оружие в Европе.

1300 г. – во Франции появляются «каноны» – первые, весьма примитивные ручные огнестрельные орудия.

1305 г. – в Италии появились «пушки из металла».

1324 г. – венецианский сенат поручает должностным лицам заготовить для защиты города «пушки и ядра».

1338 г. – огнестрельное оружие появляется в Англии.

1342 г. – огнестрельное оружие появляется в Испании.

1372 г. – в Германии действует отлаженное производство пушек. За один этот год мастер Петер Аарау отлил в Аугсбурге двадцать орудийных стволов.

1382 г. – москвичи обстреливают из пушек осаждающие город войска хана Тохтамыша.

Словом, к концу XIV века в Европе просто нет страны, не имеющей огнестрельного оружия. Турция, кстати, тоже им вооружается – благодаря

некому оружейнику Петеру Бригге, «оловянщику», в 1346 г. изготовившему для одного из сельджукских правителей бронзовое орудие под двухфунтовые свинцовые ядра. Из Турции, надо полагать, пушки распространяются на Восток – приплыв в Индию в XVI в. и поссорившись с тамошними мусульманскими султанами, европейцы начали было обстреливать прибрежный город Момбасу из пушек, но в ответ раздалась еще более мощная канонада...

Вот так выглядит реальность, естественный процесс победного шествия технической новинки. Ничего похожего на сказочки о китайских ракетах, якобы столетиями остававшихся военной тайной.

Самая страшная тайна – та, которой не существует. Располагая китайцы в XIII в. столь страшным оружием, сравнимым по ударной силе с современными осколочными и зажигательными гранатами, с тактическими ракетами средней дальности (9 км!), никакие степные кочевники не смогли бы завоевать их города – были бы уничтожены в два счета...

Кончено, нельзя исключать, что какие-то светлые личности, немного опередившие свое время, проводили эксперименты с разнообразными пороховыми снарядами. Примеров в истории предостаточно. Однако «в серию» эти игрушки ни за что не могли бы пойти при убогом техническом уровне XIII в. Между изобретением револьвера и массовым его производством – примерно триста лет. Не зря одна из китайских легенд повествует об ученом, который, решив полетать по воздуху, прикрепил к воздушному змею немалое число пороховых трубочек, сел в «седло» и велел слугам поджечь ракеты – но рвануло так, что ни остатков изобретателя, ни остатков его аппарата не отыскалось вовсе...

В XIII веке, кстати, чем-то подобным баловались и арабы. Французский историк де Жуанвиль упоминает, что во время 7-го крестового похода (1248–1254), во время сражения за город Джимият на Ниле сарацины «выстрелили снаряд, который попал в речной берег и отскочил к рыцарям, преизядно дымя». Речь, конечно же, идет о каком-то «экспериментальном образце» вроде «сухопутной ракетной торпеды», которую изобразил в своем трактате (конец XIII в.) сирийский ученый Аль-Хасан Аль-Раммах. Самое беглое знакомство с рисунками этого дива убеждает, что оно никоим образом не могло бы двигаться целенаправленно, в первую очередь уничтожив тех, кто осмелился бы поджечь фитиль... [234]

К чести арабов стоит добавить – они не сочиняли сказок о своих храбрых полководцах, которые бы побеждали врагов с помощью многих сотен подобных снарядов. И «торпеда» Аль-Хасана, и «бомба из

Джамията», и «ракетная повозка» Итало де Фонтенуа, и «реактивная торпеда» де Фонтени оставались либо рабочими чертежами, либо единичными экспериментальными образцами, как правило, смертельно опасными в первую очередь для самих экспериментаторов. Только в *восемнадцатом* веке стали появляться более-менее перспективные разработки боевых ракет – и то во второй половине столетия, когда в Англии над ракетами стал работать В. Конгрев, в России – майор Данилов и А.П. Денисов, а в Индии – мастера майсурского раджи Хайдара Али. Но и впоследствии ракетное оружие не стало массовым – и во время англоамериканской войны 1814 г., и при подавлении русскими венгерского мятежа в 1848-м, и в Крымскую войну оно оставалось третьестепенной экзотикой, не игравшей особой роли.

А посему побасенки о средневековых китайских ракетах побасенками и останутся...

Что до стенобитных и камнемётных орудий, с ними подчас связаны не менее головоломные загадки. Оставаясь в плену «классической» версии о монголо-татарском нашествии, известный русский фортификатор, профессор В.В. Яковлев в своем труде «История крепостей. Эволюция долговременной фортификации» (издан в 1931 г. для слушателей Военно-технической академии РККА) написал примечательные строки:

«Со времени вторжения татар в Россию (1237 г.) осадное искусство получило большое развитие. Летописи, описывая осады, произведенные татарами, впервые упоминают об осадных машинах, называя их «пороки». С этого же времени начинаются в летописях указания на употребление этих машин и русскими (! – А.Б.) при атаке укрепленных городов. Машины эти назывались «сосудами на взятие града» (осада Люблина в 1245 г.)» [223].

После того, как мы, смею думать, доказали, что, во-первых, никакие «татары» на Русь не вторгались, а во-вторых, что никаких «заимствований» в Китае не могло быть сделано, можно со всей уверенностью несколько переделать вышеприведенные строки:

«ПОСЛЕ 1237 г. РУССКИЕ В ШИРОКОМ МАСШТАБЕ НАЧИНАЮТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОСАДНЫЕ МАШИНЫ ПРИ ВЗЯТИИ ГОРОДОВ».

Так оно будет вернее...

Со стенобитными машинами, или «пороками» связана одна из наиболее известных и фантастических побасенок, сочиненных русскими

книжниками о «Батыевом нашествии». Речь идет о смелом витязе Евпатии Коловрате, который, напав на «злых татаровей», был уничтожен в чистом поле... с помощью стенобитных машин!

«Повесть о разорении Рязани Батыем»^[53] описывает это так: «И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его» [173].

В. Ян в своем талантливом романе «Батый» описывает это не в пример образнее:

«Он (Бату-хан – А.Б.) завыл, увидев, как третья сотня полегла от удара грозных урусов:

– Я теряю лучших моих воинов!

Теснившиеся около джихангира темники попятились...

Бату-хан ударил себя по щекам и завизжал:

– Субудай! Субудай!

И бросил подскакавшему старому полководцу какое-то распоряжение.

Забегали нукеры. Послышался тяжелый топот коней, странный скрип и шум. Прозвучали новые татарские выкрики, треск и грохот. Резкие удары в медные щиты^[54] отзывали с холма татарских воинов... Евпатий, видя отступление татар, высоко поднял меч:

– Вперед! За...

Но страшный удар в грудь прервал его могучий голос. Он упал, обливаясь кровью. С ужасной силой, сбивая все встречное, летели в теснившихся на холме русских воинов огромные камни. Это татары подтащили на полозьях китайские камнеметные машины.

...Битва подходила к концу. Между соснами на бугре еще стояла маленькая кучка людей. Это были последние оставшиеся в живых воины отряда Коловрата. Камни редко падали на бугор, где люди стояли выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу, спокойно ожидая смерти».

Вам не взгрустнулось? А если взгрустнулось, позвольте спросить напрямик: неужели вы считаете своих предков полными и законченными

идиотами?

Дебилами, которые беспомощно стоят на холме, даже не делая попыток уклониться от камней, летящих довольно медленно, видимых издали?

Ну конечно, наши средневековые предки идиотами не были. Эта история вымышлена от начала и до конца. Поскольку является *единственным* в мировой истории описанием того, как осадные машины были использованы в сражении на открытом поле против *воинов* противника...

Тот же Ян несколькими страницами ранее пишет, что бравое воинство Евпатия атаковало конницу «монголов», находившуюся на *марше*. То есть двигавшуюся куда-то нормальным походным аллюром.

Меж тем тяжеленные камнеметы, на каких бы там «полозьях» они ни были, передвигались даже медленнее пешехода, поскольку их таскали не лошади, а быки. Конный отряд просто не мог тащиться по-черепашьи, соразмеряя свой аллюр со скоростью едва плетущихся быков, с натугой волочащих камнеметы и повозки с «громадными камнями».

Предположим, «бой длился долго». Настолько, что татары успели все же подтащить камнеметы, оказавшиеся, как пресловутый «рояль в кустах», где-то поблизости. Однако невозможно «накрыть» камнями *пешего*, перемещающегося по полю противника. Элементарная логика подсказывает, что любой военный человек не стал бы «стоять выпрямившись, тесно прижавшись друг к другу», скорее постарался бы контратаковать – все равно погибать, так лучше уж в бою, а не стоять покорной овечкой, подставив лоб камню... Камнемет – не пулемет, его невозможно в мгновение ока поворачивать так и сяк, целясь вслед активно перемещающемуся по полю человеку. Камнемет – изрядная машина. Достаточно перебежать на пару десятков шагов, чтобы пришлось «перенацеливать» громоздкое сооружение...

Однако должно же быть какое-то рациональное объяснение?

По-моему, я его отыскал в цитате из Татищева: «Пороки именовались снасти стенобитные (или артиллерия): великие бревна, на концах обиты железом и на козле повешены перевесом. Оное называется баран. Иные были как пожарные крючья и вилы, чем бревна ломали... камене же метали перевесами, самострелами великими...»

Ключ, скорее всего, в этих двух словах: «или артиллерия». Вполне возможно, что первые огнестрельные орудия по старой памяти именовались «пороками». И Евпатий (очень может быть, реально существовавший) погиб значительно позже XIII в., не исключено, и в бою с

какими-то татарами. И расстреляли его с его воинством, конечно же, из пушек или пищалей.

В этом варианте все логично и убедительно. Никто не выглядит идиотом – ни татары, зачем-то плетущиеся шагом вслед за медлительными камнеметами, ни русские, покорными овечками стоявшие на месте и подставлявшие лбы под летящие булыжники.

Та же «Повесть о разорении Рязани Батыем» рисует абсолютно неправдоподобную версию гибели в 1237 г. рязанского князя Федора Юрьевича. Якобы сластолюбивый Батый, прослышав о потрясающей красоте супруги Федора, вызвал его к себе и потребовал привести жену, а когда князь отказался, велел убить и его, и всю его свиту.

Во-первых, эта «Повесть», неизвестно когда написанная. – *единственный* источник, поведавший о сексуальных бесчинствах Батые и воспоследовавшей из-за них гибели князя Федора. Во-вторых, свидетелем выступает некий Апоница, пестун князя. Который, извольте ли видеть, «укрылся» где-то во время истребления русского посольства (это – посреди ханской ставки!), а потом ухитрился тут же, посреди татарского лагеря, неподалеку от Батыевой юрты... похоронить убитых и выбраться из татарского лагеря незамеченным!

Воля ваша, но таким «свидетелям» не поверил бы и туповатый инспектор Лестрейд...

Если уж зашла речь о фольклорных преувеличениях, невозможно не упомянуть о «принципе Тоунипанди», открытом теми же героями Джозефины Тей. Заключается он в том, что последующая устная традиция значительно преувеличивает масштабы незначительного, в общем-то, события, которое впоследствии попадает в научные труды и учебники как раз в качестве масштабного. Пример, тут же приведенный писательницей, – так называемая «Бостонская резня», которая на самом деле была всего лишь нападением хулиганов на британский военный патруль. Солдаты, когда их стали забрасывать камнями, открыли в ответ пальбу. Трое или четверо американцев были убиты. «Резней» это никак не может считаться...

В средневековой русской истории «Тоунипанди» нередки. Взять хотя бы сражение Александра Невского со шведами на Ижоре в 1240 г. В любой мало-мальски серьезной книге по русской истории обязательно уточняется, что зловерные шведы явились на ста кораблях под предводительством зятя короля Эрика ярла Биргера, что русские, потеряв всего около 20 человек, накрошили столько врагов, что лишь телами знатных рыцарей нагроузили два корабля, а простых воинов закопали в ямы бесчисленно...

Эта сказка перепевалась чуть ли не семьсот лет – пока за нее не взялся в начале нашего века один из крупнейших русских историков Д. Иловайский. И установил поразительные вещи. Оказывается, автор «Сказания об Александре» писал свой труд значительно позже, по рассказам «отцов». Оказывается, в наиболее старых летописях имя предводителя шведов не упоминалось вообще, его именовали попросту «королем Римским». Оказывается, Биргер (Бергель, как его называют немногочисленные «уточняющие» летописи)... в 1240 г. еще не был ярлом. Сей высокий титул он получил лишь в 1248 г. Иловайский заключил: «Рассказ об этой битве обилует явным преувеличением относительно врагов. Не более 20 убитых с русской стороны показывает, что битва вообще не имела больших размеров» [77].

В самом деле, столь явное несоответствие потерь у русских и шведов никак нельзя объяснить «внезапностью», благодаря которой-де русские витязи и застали врага врасплох, смогли невозбранно искрошить его в капусту. Тогдашние шведские воины, как и воины любой другой страны, вряд ли были нервными институтками, которых можно застать врасплох, навалившись с дикими воплями. А оружие все держали при себе – меч висел на поясе, топор лежал рядышком. Считанные секунды требовались, чтобы при виде выбежавших из леса врагов опомниться и начать драться всерьез... Располагая огнестрельным оружием, и впрямь возможно при внезапном нападении, потеряв всего два десятка своих, положить в несколько раз больше застигнутых врасплох кинжальным огнем супостатов. Но в эпоху мечей, топоров и копий такие номера не проходят.

Не было никаких «ста кораблей». Очень может быть, и Биргера на берегах Ижоры не было вообще. Сотня-другая воинов Невского налетела на равный примерно по численности шведский отряд. И только.

Что, понятно, отнюдь не лишает русских воинов смелости и отваги – как-никак победу одержали они, а враг позорно бежал...

Самое забавное, я отыскал в прошлом и случаи, когда «принцип Тоунипанди» применялся «навыворот». То есть, не крохотные стычки раздувались до масштабов эпохальных сражений, а масштабные события замалчивались вообще...

Дальнейшее – главным образом для тех, кто любит и хорошо знает творчество Чарльза Диккенса. Те, кому Диккенс безразличен, могут переходить к следующему разделу.

Итак, «Посмертные записки Пиквикского клуба». Смешное и очень уютное чтение – милые, эксцентричные чудачки, красивые барские усадьбы, покой и благодать, ненавязчивый английский юмор, тишайшая английская

глубинка...

Некая старая дева сгоряча решила, что друзья мистера Пиквика решили всерьез драться на дуэли с ее женихом. Не тратя времени, дама кинулась к местному судье и наябедничала.

Судья отчего-то приходит в нешуточное возбуждение. Он намерен распорядиться, чтобы перед бунтующей толпой, отчего-то мгновенно представшей его воображению, прочитали так называемый закон о мятеже, своего рода «последнее предупреждение», после которого представители власти могут на законном основании открыть огонь по мятежникам; он срочно собирает всех штатных и внештатных сотрудников полиции, приказывает арестовать возмутителей спокойствия, намерен даже вызвать войска...

Одним словом, ведет себя, как комический придурок из оперетты. Наши отечественные комментаторы Диккенса так и написали в своих примечаниях: поступки судьи, дескать, лишь подчеркивают его глупость, «закон о мятеже» выглядит жуткой архаикой... одним словом, посреди той самой уютной тишины и благолепия английской провинции мечется сдуру невесть чего испугавшийся дурачок...

Так вот, нет ни тишины, ни покоя, ни благолепия! И судья – вовсе не дурак, он умен и деловит!

Время действия романа четко определил сам Диккенс – 1827 г. Это были годы, когда страну давно уже сотрясали события, во многом не совпадающие с образом «доброй старой Англии», где испокон веков царила тишь, гладь и божья благодать... события, которые известный государственный деятель и писатель Дизраэли в одном из своих романов охарактеризовал так: «Христианство учит нас любить ближнего своего, как самого себя, современное общество не признает ближних как таковых».

Продолжалось планомерное уничтожение крестьянской общины, начавшееся еще в XIV в. – с 1770 по 1830 «свободные земледельцы» лишились более чем 6 миллионов акров общинных пашен и выпасов. Об условиях жизни наемных сельскохозяйственных рабочих дает представление свидетельство современника: «Их жилища мало чем отличаются от свинарников, и питаются они, судя по их виду, не намного лучше, чем свиньи... За всю свою жизнь я нигде и никогда не видел столь тягостного человеческого существования, как это – даже среди свободных негров в Америке». (Уильям Кобетт, «Сельские прогулки верхом».)

Тех, кто по примеру Франции пытался организовать первые профсоюзы, бросали за решетку и обвиняли в государственной измене. А случалось, и отправляли на австралийскую каторгу, как «толпаддлскую

шестерку» в 1834 г.

1816 г. – около тысячи человек организовали марш протеста, борясь за парламентскую реформу, давшую бы избирательные права гораздо большему числу англичан. Рассеяны вооруженными солдатами и «добровольцами».

1817 г. – трое руководителей так называемого пентрихтского восстания (инспирированного полицейскими провокаторами) повешены, через час тела сняты с виселицы и публично обезглавлены.

В те же годы началось луддистское движение (большинство его руководителей так и не были обнаружены, их личности навсегда остались тайной). Люди врывались на фабрики, ломали и жгли станки. Владельцы защищались с помощью вооруженных охранников, были жертвы с обеих сторон. В деревне повстанцы, рассылавшие письма с угрозой поджогов от имени некоего «капитана Свинга», поджигали амбары с зерном, риги и сельскохозяйственные машины зажиточных фермеров из тех, что особенно жестоко обращались с батраками.

Тех, кого властям удавалось схватить, сажали за решетку и отправляли на каторгу. Наборщиков газеты «Таймс» посадили за «попытку создать незаконное объединение», то есть профсоюз. Многочисленный митинг в Манчестере разогнан отрядом армейской кавалерии – 11 убитых, 400 раненых (в том числе 113 женщин). На юге Англии дороги большинства графств патрулировали отряды солдат при оружии, сотни «специальных констеблей», кое-где даже выставлялись легкие орудия.

Чуть позже, в 1831 г., в Бристоле, повстанцы ворвутся в тюрьму и освободят заключенных, сожгут дворец епископа и здание ратуши, вызванные войска откроют огонь, убив 12 человек...

Теперь-то и становится ясно, что диккенсовский судья не был дураком, а «закон о мятеже» в 1827 г. ни капли актуальности не потерял. Просто-напросто судья слегка перегнул палку – услышав о неких «возмутителях спокойствия», сгоряча вообразил, что охватившие полстраны беспорядки добрались и до его тихого захолустья, поднял на ноги всех, кого мог...

Между тем прилежный читатель Диккенса никогда не заподозрит, что описываемая им английская действительность была далеко не столь безоблачной. Джентльмены викторианской эпохи, как и положено, старались не замечать особенно вульгарных сторон жизни, опасаясь излишних неприятностей с властью имущими...

Коли уж мы говорим об Англии, можно заодно развеять и еще одну устоявшуюся легенду – о работе знаменитого писателя Даниеля Дефо в британской разведке. Дефо своим присутствием украшал ряды совершенно

другой конторы...

Разведка – это добыча сведений за пределами страны. «Соответственно, контрразведка – борьба с агентурой других держав на территории собственной. Интересы мистера Дефо лежали совсем в другой области...

Согласно его собственной докладной записке, поданной спикеру палаты общин, он предлагал создать в юго-восточной Англии сеть секретных агентов, которые доносили бы о малейших признаках антиправительственных настроений.

Когда этот план был принят, Дефо сам и претворял его в жизнь.

1704 г. – Дефо под именем Александра Голдсмита совершил долгое путешествие, слушая разговоры в гостиницах, тавернах, омнибусах, пытаясь выяснить политические симпатии и определить шансы кандидатов правительства на парламентских выборах.

1706 г. – Дефо послан в Шотландию, чтобы определить отношение населения к готовившемуся тогда объединению с Англией, а также выявлять и ликвидировать любые заговоры, направленные против объединения.

1708 г. – Дефо вновь в Шотландии, выведывает настроения и планы сторонников свергнутой королевской династии Стюартов...

Это не разведка и не контрразведка. Подобное называется иначе – тайная политическая полиция. А заграничная сеть агентов во Франции была создана Дефо опять-таки для слежки за эмигрантами, главным образом шотландцами...

О бунчуках, ямщиках и монетах

Одним из доказательств того, что «монголо-татарское иго» действительно существовало, историки «классического» направления считают многочисленные монеты с двуязычными, русско-татарскими надписями. И.Г. Спасский так и пишет: «Татарские надписи, зачастую бессмысленные или даже нечитаемые, на ранних русских двуязычных монетах в прошлом рассматривались как результат даннических отношений». И тут же уточняет, каким образом появлялись на свет эти двуязычные монеты: «...в качестве образцов для копирования брались любые татарские монеты без разбора, часто старые, с именем давно умершего хана».

Интересные дела... Официальная наука с завидной регулярностью продолжает удивлять экстравагантностью суждений. Попробуем по уже знакомому нам методу перевести идею г-на Спасского на язык киносценария, диалога из жизни.

Несомненно, всем эскизам монет давал «путевку в жизнь» князь той или иной области – как оно испокон веков и обстояло везде, где чеканили деньги. Итак, князь восседает на «столе», глядя соколом. Входит денежных дел мастер Козьма и грустно сообщает:

– Новые деньги чеканить пора, княже. Поистерлись старые-то, никакого виду...

– Добро, – решает князь. – Пораскинул умом, как новая денга выглядеть должна? На одной стороне придется по-нашенски писать, а вот на другой – по-татарски, ничего не поделаешь...

– Не первый год тружусь, княже, – со спокойной гордостью профессионала сообщает Козьма. – Вот, изобразил на пергаменте обе стороны, и лицевую, и, стало быть, обратную...

Князь разглядывает рисунок, морщится:

– Непонятно что-то. Откуда взял такие загогулины? Вроде и по-татарски, а не поймешь ничего...

– А это, княже, подручный мой, Ивашко, расстарался, – поясняет Козьма. – Глаза молодые у парнишки, углядел в хламе татарскую монетку, старую-престарую. И не поймешь, какой хан ее чеканил, что на ней выбито, всей мастерской думали, да так и не дошли своим умом. Каракули, прости господи... Однако ж надо нам новые деньги чеканить али нет? Разреши, княже, я на обратной-то стороне, на татарской, эти загогулины как раз и

начертаю?

– А что! – подхватывает князь. – Золотая голова у тебя, Козьма. Непонятно, говоришь, какой хан чеканил? И когда? Ну да нам наплевать, коли денежки срочно выпускать нужно... Чекань по сему образцу, такова моя воля!

Вы способны поверить такой сцене? Гораздо более похожа на правду другая версия. Вот именно, угадали. О том, что никакой Орды не существовало, а двуязычны монеты по той же простой причине, по какой Афанасий Никитин в своем повествовании столь свободно переходил с тюркского на русский и наоборот...

Двуязычным было тогдашнее население Руси (она же – Золотая Орда), что и нашло отражение в монетном деле. Не произошло еще утверждения в качестве государственного только *одного* языка – русского. (Вспомним, что и на *советских* деньгах были надписи на языках союзных республик.)

С превеликой натяжкой еще можно объяснить «татаро-монгольским игом» тюркские надписи на монетах XIII в. Однако и в последующие эпохи, когда ни о каком иге не шло уже и речи... двуязычие сохранялось по-прежнему! Монеты Ивана Грозного, кроме русской надписи, несут арабскую, где Иван именуется «Ибан». На московских монетах, кроме того, попадаются татарские надписи. Москов акчасы будыр» – «Это деньга московская». От «ига» давным-давно пропал и след... А татарские надписи на монетах остались! Что же, снова верить сказочкам о невежественных мастерах, которые хватили первую попавшуюся старинную монету и переносили непонятные им надписи на новые *державные* деньги?

И вновь в мировой практике не встречается примеров столь шизофренического поведения денежных дел мастеров.

Зато есть *другие* примеры. Монеты норманнских мдетелей, правивших Сицилией, – с надписями по-латыни и по-арабски. Оказывается, в Сицилии жило много арабов, и потому тамошние деньги в определенные периоды были *двуязычны*.

О «нечитаемых» монетах. В их число относят и деньги типа, изображенного на *рис. 1.14*.

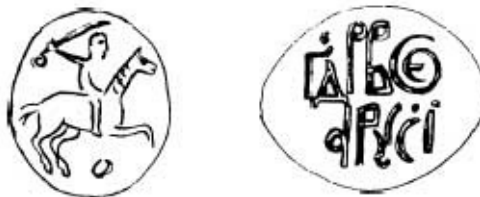

Рис. 1. 13

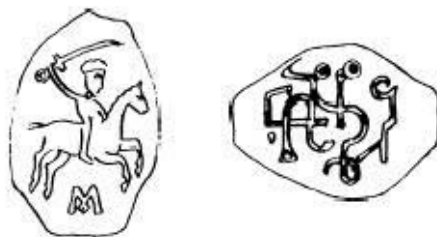

Рис. 1. 14.

Надпись на монете с рис. 1.13 гласит: «Государь всея Руси». Быть может, на «нечитаемой» стоят те же слова, но изображенные иным, забытым алфавитом, вариантом русской «скорописи»? Человеку, незнакомому со старинной русской «вязью», «скорописью», литореей, они могут показаться форменной «китайской грамотой», шифром, каббалистическими знаками...

На рис. 1.15 изображена тайнописная вязь, какой иногда писали свое имя и титул государственные деятели. Сложность подписи давала определенные гарантии от подделки.

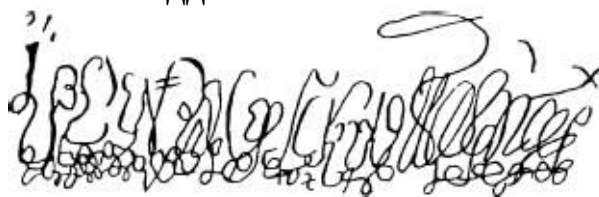

Рис. 1. 15.

На рис. 1.16 – замысловатая вязь, приближающаяся к тайнописи. Так иногда писали имя и титулы российских царей.

Рис. 1. 16

Любопытно, что именно с Суздальским княжеством (которое, по нашей реконструкции, как раз и стало центром «Золотой Орды») историки связывают примечательный факт: именно там дольше, чем во всех иных славянских землях, удерживались подражания ордынским монетам. Другими словами, именно там дольше всего чеканили двуязычную монету, суздальские мастера тщательнее остальных придерживались неких «эталонов»...

Сторонники глупой идеи о «бездумном заимствовании» первых попавшихся татарских надписей, имен давно умерших ханов, правы в одном-единственном: порой монеты с именем того или иного властителя

чеканились не при его жизни. В Смутное время, когда бояре признали русским царем польского королевича Владислава и стали выпускать деньги с его именем, в Ярославле, где власть оказалась в руках Минина и Пожарского, «в противовес» этим деньгам чеканили монеты старого образца, с именем Федора Иоанновича, умершего пятнадцать лет назад...

Во времена совместного правления Петра и Ивана Алексеевичей для каждого из них чеканились особые монеты – отдельно с именем «государя Петра», отдельно с именем «государя Ивана». При плохом знании истории, при отсутствии надежных сведений о том времени возможны ошибки.

В герцогстве Варшавском при Фридрихе Августе I (1807–1814) из-за ошибки мастеров часть «тиража» монет в один грош вместо 1811 г. была датирована... 1311-м. Хорошо, что сохранились совершенно идентичные монеты в три гроша, пять и десять с правильными датами, но все равно нельзя ручаться, что какого-нибудь богатого, но несведущего коллекционера не надули, подсунув «древность»...

Мне известен только один пример, когда неграмотные мастера копировали надписи, смысла которых не понимали. В 20-х – 40-х годах XX века китайские оружейники, несведущие в иностранных языках и эмблемах европейских фирм, клеймили свои изделия самым фантастическим образом. Встречаются пистолеты с надписью «Браунинг» и фирменной эмблемой... «Маузер»! При этом сам пистолет являет собою некий уродливый гибрид.

Однако в данном случае речь идет о неграмотных кустарях, работавших в примитивных мастерских. Меж тем изготовление денег – дело государственное, там подобных курьезов просто не бывает.

Вернемся к нашим татарам. Одним из доказательств «ига» принято также считать изображение на русских и золотоордынских монетах так называемой тамги, которую считают сугубо *татарским* знаком. Однако схожие «тамги» появляются то там, то здесь на всем протяжении русской истории, причем впервые – задолго до «монголов». Рис. 1.17 – разные формы тамги на русских монетах, 1.18 – та же тамга, но с росписи на колоннах Успенского собора Московского Кремля. 1.19 и 1.20 – символические знаки на бронзовой арке и русских женских украшениях XII в. 1.21 – символы с киевского ритуального браслета XII в. 1.22 и 1.23 – символы земли и воды на браслетах XII–XIII вв.

Рис. 1. 17

Рис. 1. 18

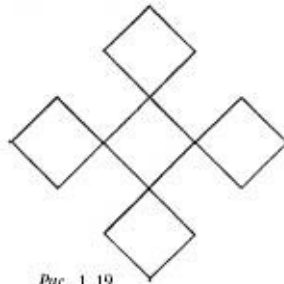

Рис. 1. 19

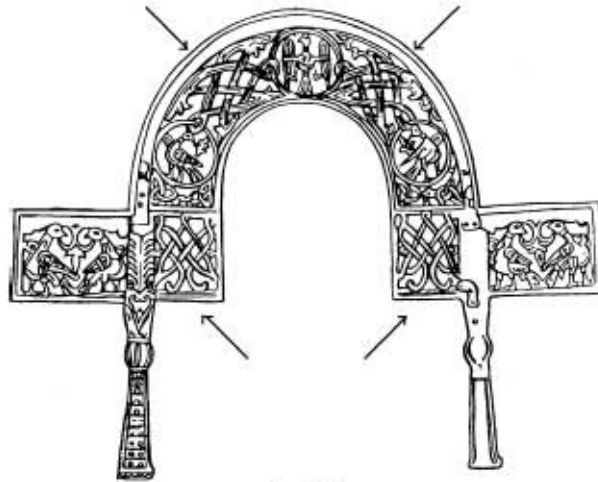

Рис. 1. 20

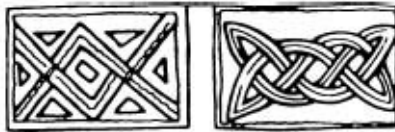

Рис. 1. 21

Рис. 1. 22

Рис. 1. 23

Даже во времена Александра III и Николая II почти идентичная «татарская тамга» в качестве декоративного узора присутствовала на медных деньгах Российской империи – рис. 1.24 и 1.25.

Рис. 1. 24

Рис. 1. 25

Как ни удивительно, но двуглавый орел, по официальной версии заимствованный русской геральдикой из Византии, в 1472 г., впервые явился на Руси... столетием раньше, с монетами Джанибек-хана, якобы «золотоордынскими». Любопытно, что время правления Джанибека считается «периодом расцвета денежного обращения в Золотой Орде»...

Что позволило группе академика Фоменко высказать дерзкую, крамольнейшую мысль: а не являются ли одним и тем же человеком Джанибек-хан и Иван Калита? Учитывая принятое в те времена обилие имен у одного и того же человека – крестильные, мирские, обиходные прозвища.

С уверенностью, конечно, утверждать трудно. Однако есть не менее любопытный факт: А.И. Лызлов в своей «Скифийской истории»... вообще не упоминает Ивана Калиту!

«Скифийская история» пестрит именами третьестепенных, ничем особенно не примечательных воевод, мурз, ханских детей, князей. Однако почему-то не упомянут вовсе великий князь Иван Данилович Калита – один из крупнейших государственных деятелей XIV века, с чьим именем справедливо связывается становление русского централизованного государства.

А может, упомянут? Только под другим именем, которое было хорошо известно современникам великого князя, а вот нами никак не связывается с Иваном Калитой? Нелишне уточнить, что прозвище «Калита» – гораздо более позднего происхождения, при жизни князя его так не называли...

Еще о «заимствованиях», якобы сделанных русскими у татар. Принято считать, что бунчук – исконно «монгольское» знамя. Кто, кроме степных кочевников, мог обзавестись в качестве штандарта конским хвостом на шесте?

Однако при вдумчивом изучении древних летописей внезапно обнаруживается *русское* знамя под названием «багряная чолка», существовавшее самое малое за полсотни лет до первого появления «монголов». Это выкрашенные в багряный цвет конские хвосты, прикрепленные к наконечнику воинского знамени. Как раз под «багряной чолкой» выступает на бой с половцами в 1185 г. князь Игорь...

Многие помнят, что в обиходе монголов широко использовалась так называемая пайцза – золотая, серебряная, медная или просто деревянная пластинка с рисунками и надписями. Пайцза служила чем-то вроде удостоверения личности, мандата, наделявшего его обладателя широкими полномочиями, подорожной – все вместе. Ее вручали послам, гонцам, чиновникам особых поручений, шпионам. В романе С. Бородин «Звезды над Самаркандом» есть смешнейшая сцена, когда у ордынского шпиона в бане кто-то ненароком взял его штаны с зашитой в ней пайцзой, надел вместо своих – и незадачливый шпион, не смея, конечно же, объяснить прямо, беспомощно бродит по предбаннику, украдкой щупая мотню у штанов, похожих на его собственные – что, понятно, вызывает массу недоразумений...

Считается, что саму идею пайцзы монголы заимствовали в Китае. Однако и здесь мы определенно имеем дело со случаем, когда мифическим «монголам» приписали нечто, не имеющее к ним никакого отношения. Во-первых, ничего похожего на пайцзу европейские путешественники, попав в Китай *позже*, не видели. Во-вторых, есть точные сведения, что за *сотни* лет до мнимого «монгольского нашествия» аналог пайцзы использовался в... древней Персии: «...идуший первым верблюд (его каравана) имел золотую пластину на лбу в качестве знака для всех встречавшихся, что путешественник был одним из друзей хана и ехал по воле хана». «Монгольская» пайцза – за сотни лет до монголов!

«Татарским заимствованием» считается и отлаженная система почтовых трактов, «ямской гоньбы», якобы устроенная в покоренной Руси как раз монголами – чтобы их гонцы в кратчайшие сроки и без помех могли

домчаться до родной Монголии, до стольного города Каракорума.

Вот только, как уже упоминалось, этот тракт «Волга – Каракорум» волшебным образом исчезает, навсегда проваливается в небытие уже в последней трети XIII в., сразу после смерти Батыя. Вместе со всей «империей на полмира»...

Зато обнаруживается, что налаженная система почтовой связи и дорог, по которым гонцы могли нестись с приличной для своего времени скоростью, заложена как раз первыми русскими князьями...

Сильвестровская летопись сообщает о том, как княгиня Ольга предприняла в 947 г. путешествие в Новгород, во время которого повсюду благоустраивала дороги, строила мосты-«перевесища» через Днепр и Десну, а кроме того, устраивала «повозы».

«Повоз» – это как раз и есть налаженная система доставки грузов и сообщений, при которой любой гонец, обладавший особыми полномочиями, мог получать в любом городе или селе княжества лошадей, еду, фураж, имел право без очереди переправляться через реки, пользуясь услугами гребцов. Обязанность поддерживать «повоз» в постоянной готовности – чинить мосты и дороги, содержать лодки, паромы и конюшни – возлагалась на местное население.

Которому, конечно, такие нововведения были не по нраву, потому что отрывали от привычных занятий. Восстание новгородцев в 1209 г. вызвано как раз «повозной повинностью». Страсти накалились до того, что горожане сбросили с моста в Волхов посадника Дмитрия и спалили его дом, а потом вели долгий торг со Всеволодом Большое Гнездо, пытаясь отвертеться от докучливых новшеств.

Как бы ни сопротивлялись местные жители, уже в X в. система «повозов» стала повсеместно распространенной и отлаженной. (Заметим в скобках, что она и в самом деле была «заимствованной», но – от Византийской империи.) В 1021 г. Ярослав Мудрый с дружиной погнался за вторгшимся в его земли полоцким князем Брячиславом. От Киева до реки Судомирь, где полочане были настигнуты и разбиты, – около восьмисот километров. Конница Ярослава преодолела это расстояние за неделю, что возможно только при отличном состоянии дорог и переправ.

Летом 1015 г. в Киеве умер Владимир Святославич, и к его сыну Ярославу в Новгород тут же помчались гонцы. Летописи сообщают, что скакали они и днем, и ночью – опять-таки это подразумевает отличное состояние дорог, ни один нормальный человек, какая бы нужда ни гнала, не поскачет посреди ночной темени по буеракам и колдобинам, где конь быстренько сломает шею, и поручение останется невыполненным...

В 1097 г. слуги великого князя Святополка Изяславича везут во Владимир-Волынский из Киева взятого в плен и ослепленного князя Василька Ростиславича. Летопись особо подчеркивает, что в ноябре дороги были неважные: «...по *неровному* пути...» Но даже по «неровному пути» *телеги* преодолели около 500 километров за шесть дней!

Кстати, гонцы, вообще те, кто торопился, ездили с запасными, «заводными» лошадьми – хотя нас хотят уверить, что этот обычай опять-таки позаимствован у татар. В своем «Поучении детям» Владимир Мономах пишет: «Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговскими верхом с поводными конями помчался». То есть ехал с двумя-тремя лошадьми, временами пересаживаясь с одной на другую, благодаря чему и преодолевались без остановок большие расстояния.

Уже в XI в. на этих трактах появились постоянные дворы. В качестве курьезной подробности стоит упомянуть, что местные жители, несшие «повозную» повинность, недолюбливали все ее виды, кроме... паромных переправ. Секрет в том, что лошадьми, гребцами, едой и сеном для коней скакавшие по «казенной надобности» гонцы пользовались бесплатно, а вот за переправу на пароме все без исключения обязаны были платить, и часть платы шла «повозникам». Поэтому, когда переправу переносили в другое место, «повозники» били челом, прося, чтобы на новое место переселили именно их, а не возлагали столь доходную обязанность на тамошних обитателей.

Таким образом, «ямская гоньба» была не перенята от «татар», а заведена самими русскими еще в X веке.

Ипатьевская летопись, рассказывая о встрече с королем Венгерским и императорскими послами в 1249 г. Даниила Галицкого, сообщает интереснейшие подробности: «Немцы же дивились оружием *татарскому*: кони в личинах и в коярах кожаных, а люди во ярыцах...» То есть галицкие кони – в больших налобниках и кожаных пополах, а люди – в доспехах особого вида. *Татар*, заметим особо, в свите Даниила нет, ни одного.

Неужели после вторжения «татар» русские (в особенности ярый и постоянный противник «татар» Даниил) в кратчайшие сроки отказались от своего, проверенного парой-тройкой столетий вооружения, доспехов, конской сбруи, заменив все это на «татарское»? Нигде не упоминается, что «ордынцы» в приказном порядке требовали от «покоренных русских» срочно перенимать их сбрую и оружие. Да и в описаниях *чисто* кочевых народов ни разу не встречаются упоминания о том, чтобы их кони носили «личины» или кожаные попоны.

Вывод прост: русские и *есть* «татары». А потому сбруя галичан, все-

таки немного отличавшаяся от западноевропейской, и была названа последними «татарской»...

С тем же Галичем связаны интереснейшие (и предельно достоверные сведения) о так называемых галицких ордынцах.

Кто же это такие? Чистокровнейшие русские, составлявшие нечто вроде деревенской общины, несшие определенные повинности. К «орде» мог присоединиться любой, но при этом обязан был принять на себя пожизненную обязанность служить там. Руководили «ордой» «тивуны» (нечто вроде судей, термин явно произошел от древнерусского «тиун») и «предводители», которые именовались... «витаманы»!

На «галицких ордынцах» лежали следующие обязанности: предоставлять запряженные повозки для перевозки грузов по первому требованию князя; постоянно держать смену лошадей в ближайшем замке, чтобы облегчать продвижение повозок; перевозить княжескую почту на расстояние не далее десяти миль; выставять четырех всадников в полном вооружении для любого похода, в котором принимает участие князь или каштелян (комендант ближайшего замка) или местные дворяне; пасти и охранять княжеский скот; следить за плотинами на княжеских мельницах; обеспечивать повозками княжеских посланников и гонцов; сопровождать в качестве охранников проходящее через их земли княжеское посольство, направлявшееся в другие страны.

Когда Галич вошел в состав Великого Княжества Литовского, ничего не изменилось – еще в начале *шестнадцатого* века (когда и слуху не было уже ни о каких «монголах») «галицкие ордынцы» жили в пяти деревнях галицкого округа и в десяти деревнях львовского округа. Как и их деды-прадеды, они работали исключительно для русских, а впоследствии и литовских феодалов.

Достаточно убедительный пример, чтобы понять, чем же на самом деле были «орда» и «ордынцы». Чисто русские термины, обозначающие русских, служивших русским. И не более того. Ни о каких повинностях «галицких ордынцев» по отношению к «татарам» не встречается в документах того времени ни строчки...

Более того, точно такие же «ордынцы», выполнявшие те же самые функции, существовали и на Руси. Впервые в московских документах они упоминаются в договоре меж Дмитрием Донским и его двоюродным братом князем Владимиром Серпуховским. Из этого и последующего договоров недвусмысленно явствует, что «ордынцы» во всех смыслах этого слова *принадлежали* московскому князю, были на положении его холопов.

По своему обыкновению, я припас напоследок маленькую сенсацию.

Нас приучили считать, что упоминание в летописях слова «поганые» непременно означает сообщение о кочевых «нехристях».

Так вот, ничего подобного!

В Западной Европе, как выясняется, слово «паганус» – «поганые» означает не только «язычника», но и «крестьянина». Дело в том, что христианство распространялось в первую очередь в городах – и лишь потом в деревнях. Поначалу язычников-крестьян именовали в Италии «паганусы»=«поганые», а потом, когда христианство достигло самых глухих уголков и «стерлись грани» меж городом и деревней, «паганус» стало обозначающим названием для *крестьянина*, пускай уже и не язычника.

Кто-то скажет, что это не аргумент. И будет прав.

Но пойдем дальше. Выше, рассказывая о разорении Киева, учиненном в 1169 г., я умышленно выпустил из текста летописи одно-единственное слово. Теперь привожу фразу целиком:

«...и монастырь Печерский пресвятой Богородицы зажгли
ПОГАНЫЕ...»

Грабя и поджигая Киев, в том числе монастыри и церкви, ПОГАНЫЕ подожгли и Печерский монастырь. Но позвольте, в войске Андрея Боголюбского, разоряющем Киев, нет ни единого «нехристя» или иного «степного кочевника». Только русские дружинники одиннадцати князей!

Вывод однозначен: СЛОВОМ «ПОГАНЫЕ» НА РУСИ ПОРОЙ НАЗЫВАЛИ НЕ ТОЛЬКО КОЧЕВНИКОВ-ИНОВЕРЦЕВ, НО И ПОПРОСТУ «ПРОТИВНИКА». Который сплошь и рядом был таким же русским, таким же христианином. А потому иные сообщения типа «налетели поганые и город пожгли» безусловно следует трактовать как нападения *соседей*, «иногородних», таких же славян. Вот только вели они себя сплошь и рядом не лучше «диких степняков» – но это уж общая беда того времени, когда до понятия «национальное государство» оставались еще долгие века, что в России, что в Западной Европе. Вдали, во Франции, известный историк Филипп де Коммин, рассказывая в своих мемуарах о войне меж бургундцами и подданными короля, прямо-таки *небрежно* роняет фразы типа: «Герцог Бургундский подошел к городу Э, который был ему сдан, как и Сен-Валери; он велел сжечь все вокруг вплоть до самых ворот Дьеппа. Он взял и сжег Нефшатель, предал огню большую часть области Ко...»

Совершенно мимоходом предал огню – дело житейское... Кстати, в

Средневековые противника сплошь и рядом именовали «отродьем антихриста» и другими, столь же нелестными прозвищами – хотя он и был таким же христианином, как те, чьи земли «антихрист» привычно предал огню и мечу...

Так где же «заимствования»? Их попросту нет по одной простой причине – во-первых, многое из того, что считается «заемным», изобретено и устроено самими русскими, а во-вторых, во времена Средневековья четкой границы меж русскими, татарами, половцами и печенегами *не существовало*. Не было противостояния, возникшего в более поздние века. Объяснялись меж собой без всякого труда, перенимали оружие, наряды и обычаи, роднились и без всяких церемоний переходили на службу от князя к хану, и наоборот.

Простой пример: в войске Игоря Святославича, в 1185 г. столь неудачно сразившегося с половцами, шел боярин Ольстин Олексич, который всего за год до того... воевал против Игоря в составе половецкого войска. Однако никто не вздумал ставить ему это в строку. На дворе стоял феодализм, и дело было насквозь житейское. В точности так же обстояло и в Западной Европе: сегодня два барона рубятся с рассвета до заката, завтра осушают бочку вина, празднуя свадьбу одного с дочкой второго (что не мешает им через месячишко снова схлестнуться). Феодализм. Понятия государства нет. Английский рыцарь может со спокойной совестью податься на службу французскому королю, и наоборот. Никто не назовет его предателем. Преступником он будет считаться только в строго определенном случае: если ушел служить *другому* королю *до того*, как истек срок данной им вассальной присяги.

Про Упыря и Чёрта

Пугаться не стоит – никаких «ужастиков» я в этом разделе рассказывать не буду. Просто целиком посвящу его средневековым именам.

Так вот, прослеживается многозначительная тенденция: сплошь и рядом, не имея *дополнительных* подробных сведений, прямо-таки невозможно определить, с кем имеет дело исследователь – с русским, половцем или татаринном, – если в старинных документах приведено *только* имя.

Среди половцев обнаруживаются ханы по имени... Глеб Тириевич, Юрий Кончакович, Роман Кзич, Данило Кобякович. Они могут быть только христианами, и никак иначе. Сразу ли поймешь, о ком идет речь, если о них повествуется *без* отчества?

Помните «ордынского царевича» Неврюя? Того самого, чья деятельность отчего-то связана с сугубо русскими делами вроде проведения княжеских съездов или усмирения мелких сепаратистов силами русских же отрядов? Хотите знать, как его звали?

Извольте. Заядлый «татарофоб» В. Чивилихин обильно и подробно цитировал летописи, повествующие о «нападениях злых татаровей». И настолько подчинил себя одной идее, что даже не заметил, с чем столкнулся...

Летопись от 1297 г. «В лето 6805 бысть рать татарская, прииде ОЛЕКСА Неврюй».

Оказывается, «татарский царевич» носил христианское имя Олекса, то есть, вне всякого сомнения, был крещеным («Олекса» – так не только в Средневековье, но и в последующие столетия звучало имя «Алексей». Еще в XIX веке крайне распространена ласковая его форма «Олёша», «Олёшенька»).

Кем же тогда был Олекса Неврюй? «Ордынским царевичем» или, что вернее, русским боярином?

Кем были «татары»? Особым народом или попросту войском? Прочтите летописное сообщение от 1284 г. и судите сами:

«Великий князь Дмитрий Александрович пришел ратию к Новгороду, и с ТАТАРАМИ, и со всей Низовскою землей, и много зла учинил, и волости пожег».

Князь пожег волости, обратите внимание. Татары никоим образом не выступают в качестве самостоятельной силы – они ратники князя, не более того...

Тремя годами ранее тот же князь Дмитрий Александрович собрал войско в Переяславле и стал укреплять город. Далее, по летописям, «Орда послала на него рать многую, Туратемира и Алтына и многих татар». Сражения не было, князь отказался от своих неведомых замыслов.

Неведомых? Туратемир нам уже знаком. И Алтын знаком. И описанные события знакомы по другим, более подробным источникам. Более того, прекрасно известно имя предводителя той рати, в составе которой были Туратемир с Алтыном. Это – *русский* князь Андрей Городецкий!

Следовательно, «татары» вновь выступают в качестве простых ратников. Надо полагать, князь Дмитрий, как многие, попытался поиграть в сепаратизм. И ему объяснили, что он не прав.

После всего этого ничуть не удивляешься, когда узнаешь, что историю с «наездом» Ивана Калиты на Новгород в 1332 г. русский летописец излагает в следующем виде: «Великий князь Иван пришел из Орды, и воспылал гневом на Новгород, прося у него серебра закамского».

Новгород в те годы получал много серебра с Урала, с Камы. Калита, как ныне экс-министр Лифшиц, полагал, что «надо делиться». Вот и пришел «из Орды», то есть из своей ставки. Пришел, конечно же, «с татарами», то есть с войском – попробуйте без войска заставить кого-то поделиться серебром...^[55]

Вновь, в десятый, сотый раз мы сталкиваемся с тем же – НЕТ НИКАКОЙ ОРДЫ. Вернее, Орда – и есть Русь, а татары – не более чем княжеское войско. «Татарский» налог, требующий отдавать десятую часть дохода, – знакомая нам и по западноевропейской «десятине» практика, налог на содержание армии. А требование «отдать в Орду каждого десятого» – обыкновенный рекрутский набор. Каковые на Руси с древности и до наших дней сопровождались плачем и стенаниями...

Имеется в списке «вторгавшихся ордынцев» и чуточку загадочный «царевич Мазовша». Простите, но что это за странный ордынец, чье имя полностью совпадает с названием одной из исторических областей Польши – Мазовша-Мазовия? Быть может, это попросту мазовшанский шляхтич на русской службе?

Вот что писал девяносто лет назад Д. Иловайский о происхождении казаков:

«Черные Клобуки (кочевые племена с южных рубежей Руси – А.Б.) название получили от своего любимого головного убора, высоких бараньих шапок черного цвета. Верхи этих шапок делались иногда из какой-либо цветной ткани и свешивались набок (как у казаков). Их смуглые лица осенялись черными усами и бородою. Наиболее знатные носили широкие шелковые кафтаны персидского покроя (как и русские в последующие столетия – А.Б.) Поселенные на южных пределах Руси с обязанностью быть ее передовыми конными стражами от соплеменных с ними половцев, Черные Клобуки, естественно, подвергались неотразимому влиянию Русской народности и постепенному с ней слиянию... Скрещение Руси с этими инородцами положило начало той русско-украинской народности, которая позднее является в истории под именем Казаков или Черкас. Последнее имя указывает еще на примесь Прикавказских и Таврических Казар^[56] или Черкесов, в разное время селившихся на русских укрainaх, особенно во время угнетения их родины Половцами и во время падения древнерусского Тмутараканского княжества».

Позднее и половцы начали переходить в христианство, не говоря уже об оседлых татарах. Так что на южных рубежах Руси не было ни абсолютно чужой «Орды», ни какого бы то ни было *заклятого* врага. Только вассальные и полувассальные области, где русские князья при нужде набирали дружины точно так же, как в исконно славянских землях.

Еще примечательное сообщение. В 1490 г. в Москву из Герата с просьбой о «любви, дружбе и союзе» прибыл посол султана Хуссейна-Мирзы, потомка Тимура. Посла звали Урус-богатырь, т.е. *русский богатырь!* Другое значение тюркского слова «урус» мне попросту неизвестно.

Впрочем, тут нет ничего удивительного, если вспомнить, что знаменитые турецкие мамлюки набирались вовсе не из крохотного горного племени черкесов, а из черкасов, т.е. казаков, а также «кипчаков» – половцев, родственных славянам.

И совсем уж ничего удивительного нет в том, что «татары» при первой же возможности поселялись оседло в самых разных государствах. Далее мы подробно поговорим о Касимовском царстве на территории Руси. Не менее известны и «татарские» племена липеков-липков, осевшие в северо-восточной Польше и несшие службу по защите границ, которую можно

охарактеризовать одним словом – «казацкая». Поселились «татары» и в Венгрии. Везде они подозрительно быстро забывают кочевые привычки, поскольку и не имели таковых никогда... Для сравнения стоит напомнить, что *настоящих* кочевников практически нигде и никому не удавалось «посадить на землю – ни бедуинов, ни пуштунов...

Вывод? Татары никогда и не были кочевым народом – ну, быть может, на заре своего появления, в «доисторические» времена...

Теперь посмотрим на проблему имен с другой стороны. Поближе познакомимся с *русскими* именами.

Уже говорилось о новгородце по имени Чёрт. Под пару ему – новгородский священник по имени... Упырь Лихой! Отмечены в истории и поп Лихач (1161), поп Угрюм (1600), поп Шумило (1608).

Имя Волчий Хвост без всякого смущения носил... один из воевод Владимира Красное Солнышко. Вот вам несколько новгородцев: Гюрги Собышкинич, Ратмир Нематович, Гнездило Савин, Юрята Пинещинич, Намест, отчего-то летописцами отчества не удостоенный. Вот семейка XVI столетия: «А руку к сему приложили монастырский детеныш Медведко Филиппов, да дети его Тимофей, да Кот, да Комар Медведковы». Вот сыновья новгородского рыбака Линя: «Сом Линёв, Ёрш Линёв, Окунь Линёв, Судак Линёв» (то-то шутником был, несомненно, батяня Линь!).

Невероятно переплелись крестильные и мирские имена, к тому же снабженные прозвищами: «Митрополит волынский Никифор, а по прозвищу – Станило». «Преставился князь Михаил, зовомый Святополк». «Аз есмь великий князь Гавриил, нареченный Всеволод, самодержец Мстиславович». «И нарекли княжну при святом крещении Пелагия, звать же ее – Сбыслава». «Сын мой Остафий, который прозван был Михаилом». «Карпуша Ларионов, а прозвище Ивашко». «Ивашко, прозвище – Агафонко». «Казак Богдан, а имя ему – бог весть».

А еще в Средневековье без малейших насмешек со стороны окружающих жили-поживали люди по имени Шуба, Суббота, Дорога.

Помните воеводу по прозвищу Тать Иван? А воеводу по прозвищу Турунтай, залетевшему в важнейшие государственные документы! Кстати, Богдан Хмельницкий в крещении вовсе и не Богдан, а – Зиновий...

Примечательно, что схожие порядки царили в Западной Европе. Во-первых, имена *переводились*. Рыцарь Блюм из Германии, поступив на французскую службу, стал именоваться и в документах, и в обиходе «де Флер». Оба слова, и немецкое, и французское, означают «цветок».

Во-вторых, во времена Столетней войны, когда ни английский, ни французский языки еще не «устоялись», отмечены многочисленные

куръезы. Скажем, в Англии до XIV века говорили на искаженном французском, и пивовары Лондона стали составлять деловые документы своего цеха на английском только... в 1422 г. Имена в документах писались разнообразнейше, их начертание зависело от того, кто взял в руки перо – английский писарь в Англии, французский во Франции, французский писарь на службе английской армии во Франции. И потому один из английских рыцарей значится в документе той эпохи как John of Pothe, Jehan Avothe, John Abote. Прибавит это в последующие столетия неразберихи, путаницы и головной боли будущим исследователям? Еще как...

Я привел все эти примеры, чтобы защитить не особенно сложный тезис: пестрота и разнообразие тогдашних «мирских» имен и прозвищ, сплошь и рядом употреблявшиеся вместо «крестильных» даже в делопроизводстве, как раз и привело к усугублению ошибок, когда скупые записи о действиях русских князей и русских ратей впоследствии принимались за свидетельства о «вторжении безбожных татар». Трудно ли истолковать запись «Ныне же поймал поганый Угрюм князя Юрия и умучил его прежесток» как очередное воспоминание о «татарских зверствах»? Хотя в действительности подоплека была совершенно иной: некий русский по имени Угрюм убил половецкого хана Юрия, сводя какие-то счета. А поскольку при этом Угрюм непочтительно накостылял по шее некоему иноку и забрал у него из погреба все меды, расположенный к Юрию инок, занося на пергамент последние новости, в сердцах обозвал Угрюма «поганым» – в точности как это сделали с дружинниками Андрея Боголюбского киевские летописцы, натерпевшиеся при погроме Боголюбским Киева...

Последний русский король

Вернее говоря, первый и последний. Речь идет о Данииле Галицком, единственном из русских князей, на законных основаниях носившим королевский титул, пожалованный Папой Римским. О личности, особо замечу, проявлявшей в политике фантастическую неразборчивость (правда, когда речь заходит о владетельных особах, то, что в характере простого обывателя именуется «подлостью», касаясь титулованной особы называется уже «искушенностью в политических интригах»...).

Так вот, судьба этого короля, вся история общения Галицко-Волынского княжества с «татарами» полностью укладывается в нашу реконструкцию происходившего.

Рассмотрим более-менее подробно. Во время «татарского вторжения» Даниил скрывается в Польше и Венгрии (с владетелями этих стран он находился и в родстве, и в старой дружбе, так что гораздо больше внимания уделял чисто «европейским» делам, нежели русским). Когда угроза миновала, возвращается. Любопытное и многозначительное обстоятельство: возвращается не в стольный город Галич (из довольно туманных сообщений того времени можно и сделать вывод, что разрушены только *стены и укрепления* Галича, а сам город цел. Запомним это и вскоре вновь вспомним...).

Даниил не доверяет Галичу. Почему? Да потому, что его бояре славятся постоянными «изменами» – и «измены» эти частенько заключаются в том, что бояре входят в союзы не с какими-то сторонними супостатами, а... с иными русскими князьями. А болховские князья, вассалы Даниила, как мы помним, мгновенно нашли общий язык с «татарами», от которых не потерпели ни малейшего урона.

Даниил, как показывает вся его последующая жизнь, – стойкий и постоянный ненавистник «татар» (правда, отчего-то щеголяет в «татарских» доспехах и сбруе, но этот казус мы уже подробно рассмотрели). С чего должен начать свою деятельность князь, решивший открыто, вооруженной рукой сопротивляться «татарам»?

Естественно, с поиска союзников в Русской земле. Однако вот вам нелепейший на первый взгляд парадокс: после «Батыева нашествия» Даниил прожил еще двадцать шесть лет, однако *никогда* не пытался заключить союз против татар *ни с одним* русским князем. Объяснить это можно лишь при помощи *нашей* реконструкции истории: потому и вел себя

так странно, что русские князья и *были* Ордой...

Маленький штришок к общей картине: вернувшись в свои владения, Даниил мгновенно поссорился с галицким епископом Артемием, открыто поддерживавшим в борьбе за престол Даниилова племянника Ростислава. Церковь тоже отчего-то была против Даниила. И разыгралась примечательная сцена: епископ (которому не причинили ни малейшего зла напавшие на Галич «татары») вынужден был бежать, а в погоню за ним бросились конники Даниила. Самого епископа не поймали, но разграбили его обоз, захватили слуг.

В 1245 г. Даниил, как пишут летописи, «ездил поклониться Батью», то есть, надо полагать, Александру Невскому. И получил от «Батыя» тот самый «ярлык на княжение».

Однако втихомолку вступил в переписку с Папой Римским и повел тайные переговоры о возможном присоединении княжества к «латинской» церкви. В конце 1253 г. (или в начале 1254 г.) прибыл папский легат и торжественно возложил на Даниила королевскую корону. Ипатьевская летопись об этом сообщает так: «Он же венец от Бога принял, от церкви святых апостолов и от стола св, Петра и от отца своего папы Накентия^[57] и от всех епископов своих».

Вскоре новоиспеченный король начинает «борьбу с татарами». Я не случайно заключил эти слова в кавычки, потому что боролся с татарами Даниил довольно своеобразно... Он напал на *русские* города в верховьях Южного Буга и Случи, на *русские* города в Киевской земле, на русское Болховское княжество. В довершение всего взял город Возвягл на Случи, сжег его дотла, а жителей (русских, естественно!) отдал «в подарок» своему брату и сыновьям. На этом «борьба с татарами» закончилась, король Даниил распустил войско... которое так ни разу и не вступило в стычку с собственно татарами.

Так уж и не вступило?! По-моему, этот случай лишний раз доказывает, кем была на самом деле Золотая Орда. Теми, против кого Даниил и воевал. Волховские князья, другие русские области, опустошенные Даниилом, – это и *есть* Орда.

Немного погодя «татары» все же сделали ответный ход. К владениям Даниила приблизилась их рать...

Только не думайте, что она стала жечь, грабить, опустошать. Вызвав представителей Даниила на переговоры (сам он идти к «татарам» по вполне понятным причинам побоялся), «ордынцы» потребовали... срыть укрепления Галича и других городов. То есть применили тот же метод, который был в столь большом ходу несколько сот лет спустя – когда короли

и цари, борясь с феодалами, прежде всего заставляли удельных князьков срывать укрепления.

Стены разрушили. Валы срыли. Сам Даниил, что интересно, вместо того, чтобы организовать сопротивление «татарам», с частью дружины воевал в это время в составе венгерского войска против чехов. После чего «татары» мирно ушли, а галицко-волынская рать... отправилась помогать другому «ордынскому» военачальнику в войне против поляков.

Н. Костомаров, историк вдумчивый и отличавшийся железной логикой (и, между прочим, разоблачивший сто лет назад иные устоявшиеся в официальной истории мифы), порой, мне представляется, попадал впросак из-за нежелания расстаться с некоторыми догмами. Рассказ о разрушении укреплений в Галицкой земле он сопровождал таким комментарием: «Брать укрепленные города осадой было не в духе татар, и потому-то татары так настаивали, чтобы в покоренной ими земле не было укрепленных мест».

Решительно не представляю, чем Костомаров руководствовался, когда писал эти строки. Во-первых, по «классической» версии, до того, как прийти в Галицкое княжество, «монголы» как раз и «взяли осадой» превеликое множество городов от Пекина до Киева. И вдруг оказывается, что осады городов – совершенно не в татарском духе! Во-вторых, на Руси ни прежде, ни после «татары» никогда и ни от кого не требовали разрушать укрепления, пример с Галичем остается единственным исключением.

Воля ваша, но в данном случае Костомаров что-то не продумал как следует...

В последние годы жизни Даниил, вместо того, чтобы попытаться, наконец, найти союзников среди русских князей в борьбе с «татарами», занимался совершенно другим: по-прежнему впутывался в польско-венгерско-чешские дела, воевал с литовцами, старательно заселял свое княжество переселенцами из Германии и Польши. Умер первый и единственный русский король в 1254 г.

Что происходило дальше? Сын Даниила Лев никогда с «Ордой» не воевал, наоборот, пребывал с ней в самых теплых отношениях. В 1274 г. по его просьбе «ордынский хан Менгу-Тимур», чтобы поддержать Льва в его войне с литовцами, отправил татарское войско. Вновь, как и в рассмотренных нами прежде случаях, «татарское» войско состояло... из дружин Романа Брянского, Глеба Смоленского^[58] и других русских князей. В 1277 г. «ордынская» рать вновь выступает на стороне Льва против литовцев, а в 1279-м – против одного из польских князей. В 1291 г. Лев с помощью неизменных «татар» отвоевал у поляков ненадолго город Люблин. Как писал впоследствии историк, «дружба Льва с татарами

простиралась до того, что он держал при себе татарских телохранителей».

Соответственно, «татары» так *никогда* и не вторгались в Галицко-Волынское княжество, и все обиды, которые якобы галичане потерпели от «ордынского» войска, заключаются в том, что «орда», проходившая по княжеству во время похода на Венгрию, разграбила несколько лавок, у кого-то отобрала коней, у кого-то – одежду, что можно считать обычным бесчинством, какое позволяли себе проходящие по чужой земле войска, независимо от веры и национальности.

Одним словом, вся эта история может иметь одно-единственное объяснение: под именем «Золотой Орды» как раз и скрывалась Русь, а «татарами» были русские. Только в рамках этой гипотезы и поведение Даниила со Львом, и поведение «татар» выглядит вполне осмысленным, логичным, лишенным нелепостей, странностей, несуразностей...

О косвенных уликах

Речь пойдет не о косвенных уликах, а как раз об их полном и донельзя загадочном отсутствии.

Известно, что чужеземное вторжение в ту или иную страну, если только завоеватели были не примитивными грабителями, спешившими поскорее скрыться с добычей, а стремились установить свое господство и остаться в качестве правящей элиты, отличалось некоторыми особенностями. *Всегда* в стране, попавшей под владычество иностранцев, вводились некие новшества, отличавшиеся от прежних порядков, установлений, обычаев.

Норманны Вильгельма (Гийома) Завоевателя^[59] в самый короткий срок построили в Англии множество укрепленных замков, ничуть не похожих на прежние укрепления саксонских танов. Подавляющее большинство земельных владений поменяли своих хозяев, перейдя от саксов к норманнам^[60]. Соответственно, изменились отношения меж податными сословиями и сеньорами, став больше похожими на «континентальные». Пришел новый язык, изменились даже границы церковных епархий.

Примеров в истории множество. С приходом завоевателей бывшую элиту сменяла новая, принадлежащая сплошь и рядом к другому этносу (Англия, Хорезм), пресекались старые династии королей и падишахов, менялась структура администрации (новые должности и их названия), количество и границы провинций, порой велась яростная борьба даже с безобидными старыми обычаями, порой менялись и вера, и само название страны.

Одним словом, всегда и везде *новшества*, вносимые завоевателями, были весьма обширны и качественно отличались от прежних установлений.

Всегда и везде... кроме подвергшейся «татаро-монгольскому нашествию» Руси.

Как ни бьешься, невозможно обнаружить ничего, хотя бы отдаленно похожего на занесенное завоевателями новшество. Ни в одной области жизни. Даже пресловутая «дань», которую пришлось выплачивать «татарам», не есть для Руси совершенно новым явлением. Испокон веков либо русские платили дань соседям, либо соседи русским, либо одни русские земли – другим.

Религия? Никаких покушений на нее не предпринималось, наоборот, «татары» наделили церковь еще большими льготами, чем имевшиеся

прежде, а священники, за редчайшими исключениями, не пострадали.

Штурм и разорение городов? И здесь можно с уверенностью сказать, что «татары» ни в чем не превзошли *прежних* агрессоров – как мы помним, не гнушавшихся «обдирать» иконы в храмах, хотя сами были христианами, гнать на продажу монахов и монахинь помоложе и покрепче...

Вот примечательный случай из времен войны Новгорода с соседями. Зимой 1170 г. после военной победы новгородцы «наловили столько суздальцев, что продавали их за бесценок, по 2 ногаты» (в гривне было 20 ногат). Интересно, кстати, кому новгородцы сбывали живой товар? Летописцы об этом молчат. Вполне может быть, что и «бесерменам»...

Впрочем, тот, кто вздумал бы жалеть бедных суздальцев, столь безжалостно продаваемых в рабство, поторопится. Дело в том, что это как раз суздальцы заявили под новгородские стены в поисках добычи – и, надеясь на победу, заранее бросали жребий у себя в лагере, разыгрывая конкретные новгородские улицы, женщин и детей (так, между прочим, они годом ранее поступили и в Киеве). Делили шкуру убитого медведя, а вышло совсем наоборот...

Кстати, будучи тогда в Киеве, ратники Андрея Боголюбского грабили всех подряд – «весь Киев, и игуменов, и попов, и чернецов, и латинян, и купцов чужестранных».

Чем отличаются от описаний «татарского нашествия» следующие строки из летописи: «От княжьих усобиц век людской сократился. Тогда в Русской земле редко пахарь ступал, но часто вроны граяли, павших деля, и галицы перекликались, спеша на еству»? Сообщение Киевской летописи о нападении на один из русских городов князя Игоря Северского (того самого, кому посвящено «Слово о полку Игореве»!): «...не щадя христиан, взял мечом город Глебов у Переяславля, и немало зла приняли тогда безвинные христиане: разлучен был отец с детьми своими, брат с братом, друг с другом, подруга с подругой, и дочери от матерей отняты были, и пришло все в смятение от полона и печали, живые мертвым завидуют, старцы печалуются, юноши изранены люто, немилосердно».

Если убрать из этой записи имя *русского* князя, совсем не трудно присовокупить и эту летопись к сообщениям о «татарских зверствах...»

Коварство «татар», нарушивших на Калке данное князьям честное слово, оказывается, имеет достаточно аналогов в русской истории.

В 1095 г. два половецких хана, Итлар и Китан, приехали в Переяславль, чтобы заключить мир с Владимиром Мономахом, которого историки называли впоследствии «наиболее рыцарственным из русских князей того времени, наиболее уважавшим клятвы и договоры».

Интересно, как же вели себя тогда «менее» рыцарственные? События разыгрались следующим образом: хан Итлар со своими людьми вошел в город и остановился на подворье воеводы Ратибора. Китан стал возле городских валов, по тогдашнему обычаю приняв к себе в качестве заложника сына Мономаха, Святослава.

Ночью Ратибор, его сыновья, киевский боярин Словята и дружинники стали уговаривать Владимира перебить половцев. «Рыцарственный» князь поначалу колебался, напоминая, что дал половцам клятву, однако оппоненты выдвинули железный довод: известно, что половцы частенько нарушают клятвы, а значит, и эти двое ханов могут оказаться клятвопреступниками, так что следует убить их раньше, чем успели проявить коварство...

Надо полагать, такая логика князя убедила быстро. Потому что дальнейшее разворачивалось в бешеном темпе: еще до рассвета воины Словята подкрались к стану Китана, выкрали молодого княжича, а потом перебили хана со всеми его людьми. Надо полагать, это было проделано достаточно тихо – в городе никто и не встревожился. Итлар и его люди утром как ни в чем не бывало отправились в дом Владимира позавтракать и обогреться. Едва они вошли в горницу, вылетело несколько потолочных досок, и прятавшиеся на чердаке русские воины засыпали половцев градом стрел, уничтожив всех до единого.

На этом, знаете ли, не кончилось. Русские войска помчались в степь, к кочевьям убитых ханов, и застали половцев врасплох, не встретив ни малейшего сопротивления, – в кочевьях полагали, что их ханы сидят на честном пиру у Владимира, стоит мир, и опасаться нечего. Победители захватили богатую добычу – скот, добро, пленников.

Нужно ли удивляться, что на следующий год половцы в отместку дотла выжгли город Юрьев-на-Роси?

«Татар» принято упрекать в том, что они злодейским образом убили нескольких русских князей.

Снова – ничего нового. Лет двести до того русские князья убивали друг друга, в том числе – родных братьев. И не всегда просто убивали – в 1098 г. внуки Ярослава Мудрого Святополк и Давид обманом захватили своего племянника Василько Ростиславича, которому в ту же ночь княжеские конюхи выкололи глаза. Когда Владимир Мономах принялся упрекать Святополка с Давидом (то, что они сделали, даже на фоне тогдашних буйных нравов было чем-то исключительным), братья, не моргнув глазом, заявили: Василько-де «замышлял» против них, вот они и опередили...

В 1153 г. великий князь Изяслав вступил в сражение с галичанами. К вечеру он велел своей дружине поднять галицкие стяги. Обманутые этой хитростью рассеявшиеся по полю галичане стали собираться к ним – и попадали в плен. Прикинув, что число пленных даже превосходит его собственную дружину, князь Изяслав велел перебить пленных, всех до единого (спаслись только немногочисленные бояре). По словам позднейшего историка, «такое вероломство и варварство против русских людей со стороны одного из наиболее любимых народом князей киевских вызвало у киевского летописца только следующее краткое замечание: «Великий плач был по всей земле Галицкой»».

На фоне всего этого сущим ангелом и голубиной душой выглядит старший сын Мономаха Мстислав. Враждуя с полоцкими князьями, он каким-то образом ухитрился захватить большинство из них вместе с женами и детьми. И, посадив на ладьи, отправил в Царьград к своему родственнику императору Иоанну Комнину. Там князья, по некоторым известиям, поступили на императорскую службу и отличились в походах против сарацин. А ведь мог и потопить в Днепре всех поголовно...

(Столь же кротким нравом отличался князь Владислав II, сын польского короля Болеслава Храброго. Прогневавшись на одного из своих бояр, он велел отрезать бедняге язык и выколоть глаза, но не препятствовал покалеченному сбежать на Русь. А мог бы и повесить...)

В этой связи стоит отметить, что в «Повести о битве на Калке» есть место, которому решительно нельзя доверять. Я имею в виду строки: «Собравшись, богатыри решили, что если они будут служить князьям в разных княжествах, то поневоле перебьют друг друга, поскольку между князьями на Руси постоянные раздоры и частые сражения. И приняли они решение служить одному великому князю в матери всех городов Киеве».

Увы, эта сцена, якобы относящаяся к 1223 г., вовсе не подтверждается сведениями из реальной жизни. Дружинники, то есть профессиональные воины, жившие исключительно захваченной в битвах добычей и «данями», никак не могли, подрывая основы собственного благополучия, собраться все вместе и провозгласить «вечный мир». Более жизненна другая сцена: когда один из русских князей пошел в поход на русский же город и уже готов был покончить дело миром, его собственные дружинники, настроившиеся на добычу, резко этому воспротивились, заявив: «Мы их не целовать пришли». И форменным образом вынудили князя начать приступ...

Особо подчеркиваю: все вышеизложенное ни в малейшей степени не отличается от общеевропейской «практики». Такие уж времена стояли. Во

Франции, скажем, идея национального государства, где обитают «французы», родилась только во второй половине XVII века. Только к 1445 г. удалось ввести практику, когда все официальные документы королевства писались исключительно на французском языке. До того во многих провинциях их составляли на местных наречиях. Собственно французский употреблялся только в Париже и примыкавшей к нему области Иль-де-Франс. На юге был в ходу «романский язык», или «разговорная латынь». В Лимузене говорили на «лемози», а в Провансе – на «пруенсаль». На севере был в ходу диалект «ойль», на юге – «ок». Эти диалекты до сих пор в ходу. Можно вспомнить роман Мерля «Мальвиль» – его герои с юга Франции то и дело вынуждены переходить с *местного* языка на французский, потому что их друг-парижанин местного попросту не понимает...

Вполне естественно, что люди, говорившие на разных языках, ощущали себя «иностранцами» по отношению к тем, чей язык был непонятен. На Руси не было столь углубленных языковых различий, но, как видим, новгородцы без всякого внутреннего сопротивления торговали пленными суздальцами, а рязанцы – киевлянами (за долгие века до «невольничьих рынков Крыма»!).

Милый штришок, свидетельствующий о нравах той эпохи: москвичи частенько именовали рязанцев «полоумными людищами», а те, в свою очередь, любили говаривать, что «против московских трусов надобно брать не оружие, а веревки, чтобы вязать их».

Стоит ли удивляться, что сам Владимир Мономах, рассказывая о взятии Минска, в котором принимал участие, сознается: во взятом городе не осталось в живых «ни челядина, ни скотины»?

Между прочим, в глазах современников тех событий вся эта череда осад, захватов городов и безжалостного грабежа выглядела несколько иначе, чем в наших. Несмотря на писанные законы вроде «Русской правды» и «Салического кодекса», от Бискайского залива до Уральских гор действовало так называемое право обычая (в Италии – «сейзина», в Германии – «гевер»). Грубо говоря, свершившийся факт как раз и становился законным аргументом. Если у западноевропейского герцога или русского князя хватало сил захватить какой-то город – сие автоматически и давало ему права владения. С этим обычаем в свое время оказались бессильны справиться даже римские папы...

Доходило, как водится, до курьезов, когда некое событие, совершившись два-три раза, превращалось в обычай. В начале IX в., когда в королевских погребах однажды не хватило вина, несколько бочек попросили у монастыря Сен-Дени. А потом... стали требовать такое же

количество каждый год в качестве обязательной повинности. Чтобы ее отменить, понадобился особый королевский указ...

В Ардре какой-то сеньор завел у себя медведя. Местные жители, которым нравилось смотреть, как мишка дерется с собаками, неосмотрительно предложили его кормить. Косолапый вскоре помер, но сеньор требовал, чтобы ему и впредь приносили пищу в таких же количествах. Неудивительно, что распространилась даже особая формула «о ненанесении ущерба»: когда король просил денег у вассалов, а епископ недолгого приюта у коллеги, тот, кого просили об услуге, непременно подсовывал на подпись договорчик со стандартным оборотом: «Оказываемая мною любезность не должна быть впоследствии обращена в постоянную повинность с моей стороны»...

Мы, кажется, отвлеклись... Вернемся к «татарам».

Итак, дополнительным аргументом в пользу того, что «вторжение» насквозь выдуманно, является еще и то, что мнимое «вторжение» не внесло в русскую жизнь *ничего нового*. Все, что творилось при «татарах», существовало и раньше в той или иной форме. Нет ни малейших следов присутствия *иного* этноса, иных *обычаев*, иных правил, законов, установлений. Погромы, грабежи, клятвопреступления и убийства – всему этому с небывалой легкостью находят аналоги в прежней русской истории. Вплоть до торговли пленниками.

А примеры особо отвратительных «татарских зверств» при ближайшем рассмотрении оказываются вымышленными. Как это было с В. Чивилихиным, сделавшим потрясающее открытие: оказывается, при осаде Козельска татары рубили павших на куски, вытапливали из них жир и этим жиром как раз спалили город...

Откуда же взял Чивилихин эти сенсационные факты?

Оказывается, позаимствовал из труда нашего старого знакомого, известного сказочника Плано Карпини. Это Карпини среди прочих фантазий воткнул и такую: «...они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома, и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо».

О «неугасимости» человеческого жира – конечно же, наврано. Излишне добавлять, что ни один автор, кроме Карпини, о столь экстраординарном обычае «монголов» не сообщает.

Кстати говоря, обнаружились любопытные совпадения книги Матфея Парижского о «зверских нравах диких татар» и... древних пропагандистских трудов русских книжников о половцах. И там, и здесь «дикие кочевники» захлеб пьют кровь, за обе щеки наворачивают

человечину, едят собак, падаль, волков, лисиц... И там, и здесь не приводится никаких конкретных примеров – хотя бы раз назвали имя бедняги, которого «дикие кочевники» слопали по своему обычаю. Нет подробностей. Не уточняется, кого съели кочевники, где, когда и при каких обстоятельствах. Повторяю, сходство столь поразительное, что я отныне подозреваю, что Матфей попросту прочитал старые русские рукописи, зачеркнул повсюду «половцев» и вписал на их место «татар»...

Даже Чивилихин, ненавидевший «татаровей» столь люто, словно они спалили его собственную дачу и охально избидели его собственную супругу, однажды расслабился интеллектом настолько, что вывел примечательные строки: «народная память хранила имена и деяния богатырей, олицетворявших сопротивление грабителям и захватчикам, которые слились в СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ «татар»...»

«Татар» заключил в кавычки не я, а Чивилихин, невзначай написавший истинную правду. Собираательный образ – в этих словах и кроется загадка...

А уважаемый мною Д. Иловайский написал следующее: «Жестокие пытки и кнут, затворничество женщин, грубое отношение высших к низшим, рабское низших к высшим и тому подобные черты, усилившиеся у нас с того времени, «суть несомненные черты татарского влияния».

Можно подумать, что Западная Европа, где фальшивомонетчиков варили в масле, заговорщиков разрывали на куски лошадьми, а малолетних детей вешали за мелкие кражи, когда-то переживала «татарское иго». Можно подумать, это «татары» пустили в обращение в Европе приветствие «сервус» (продержавшееся в иных странах до XX столетия), которое в буквальном переводе означает даже не «ваш слуга», а «ваш холоп». Можно подумать, в Европе «низшие» фамильярно хлопали «высших» по плечу, встретив на улице, а «высшие» угощали «низших» табачком и расспрашивали, как идут дела с уборкой брюквы...

(Зато я согласен с Иловайским в другой его фразе. Там, где он пишет, что татарское иго оставило следы своего влияния «и в некоторых государственных учреждениях». Вот здесь все верно. Экс-министр финансов Лифшиц – сущий баскак из русских сказаний. Вспомните удалое: «Надо делиться!» Ну чисто Иван Калита под стенами Новгорода. Немногим уступает и Евгений Ясин, во время своего визита в Красноярск в июле сего года заявивший с кровожадным простодушием ханского баскака: «Налоги надо ДРАТЬ с богатых. Возьмите, например, и опишите все коттеджи в Красноярске, и взымайте с владельцев налоги». Быть может, это у них генетическая память вещует? Баскак-прапрадедушка о себе заявил?)

Известна поэтическая легенда о трагической смерти юного княжича Владимира Юрьевича – перед штурмом Владимира-города «злые татаровья», взявшие княжича в плен, убили его на глазах осажденных. Эта легенда самым удивительным образом во многом перекликается с *реальными* обстоятельствами смерти одного из знатнейших чешских магнатов, Завиша Фалькенштейна. История его любви к королеве, столкновения с королем, история, где причудливо (как водилось в Средневековье) смешались измена, ратная храбрость, романтика и подлость, слишком длинна, чтобы ее тут пересказывать. Перейдем сразу к финалу.

В самом конце XIII в., когда Завиш попал в плен к людям короля, его долго возили по стране, объезжая один за другим замки родственников и друзей Фалькенштейна. И каждый раз повторялась одна и та же картина: неподалеку от стен палачи устанавливали плаху и призывали защитников замка сдаться, грозя, что в противном случае Завишу отрубят голову. Замки сдавались.

Замков было много, и продолжалось это долго. В конце концов Завиш, видимо, понял, что ему в любом случае не сносить головы, и возле крепости Глубокая стал кричать ее защитникам, что сдаваться ни в коем случае не следует.

Глубокая так и не сдалась. Завишу, естественно, снесли голову. Видимо, эта история, попав на Русь, под пером какого-то книжника позднейших времен и превратилась в сказание о княжиче Владимире...

Закончу этот раздел напоминанием об одном любопытном направлении средневековой мысли. Оказывается, средневековая Западная Европа... отчего-то была убеждена в «существовании на Востоке огромного царства некоего христианского властителя «пресвитера Иоанна», чьими потомками и считались в Европе ханы «монгольской империи»!

Это убеждение держалось чрезвычайно стойко – на протяжении более чем двухсот лет, сохраняясь еще в XV столетии!

Многие европейские хронисты «отчего-то» отождествляли пресвитера Иоанна с Чингисханом. Чингисхана, кстати, «отчего-то» именовали и «царем Давидом» (на Руси хватало князей с именем Давид).

«Некто Филипп, приор провинции Святой земли доминиканского ордена, – пишет современный историк, – принимая желаемое за действительное, отписал в Рим, что христианство господствует везде на монгольском востоке».

Почему же – «принимая желаемое за действительное»? Так и

обстояло. «Монгольским востоком» была Русь, вполне христианская страна.

«Убеждение это (о существовании царства пресвитера Иоанна – А.Б.) сохранялось долго и стало неотъемлемой частью географической теории позднего средневековья».

Знаете, с кем, согласно европейским авторам, поддерживал «пресвитер Иоанн» особо теплые и доверительные отношения?

С Фридрихом II Гогенштауфеном! Тем самым, что стал единственным из европейских монархов, кто не испытывал ни малейшей тревоги при известии о вторжении «татар» в Европу. Единственным, кто переписывался с «татарами» – и, как показывает наша реконструкция, вел совместно с ними военные действия против папы.

А некий аббат Одо из монастыря Сен-Реми в Реймсе (1118–1151) писал своему знакомому графу Томасу, что находился в Риме, когда там пребывал патриарх из царства пресвитера Иоанна.

Слишком много совпадений, вернее, взаимно подтверждающих друг друга доказательств. В сочетании с тезисом о том, что никаких монголов из Центральной Азии никогда на Руси не появлялось, а «Орда» была не более чем русским войском, информация о «царстве пресвитера Иоанна» как раз и становится завершающим штрихом картины.

Иначе не объяснить, почему Европа более чем *двести* лет не сомневалась в реальности «Иоаннова царства». Можно допустить, что в Западной Европе XIII–XV вв. плохо знали о происходящем в ОТДАЛЕННЫХ краях вроде Индии, Индокитая, Индонезии. Так и было.

Но невозможно поверить, что западноевропейцы в те же времена получали в корне неверную информацию о том, что творилось на пространстве от польско-русской границы до Уральских гор. Не забывайте: начиная века с десятого, в Киеве, Новгороде и Смоленске обосновались довольно крупные общины купцов чуть ли не из всех западноевропейских стран. То есть жили там постоянно на протяжении столетий. А любой купец в те времена (да и в более поздние) – это всегда еще и разведчик, обязанный поставлять не сплетни и сказки, а точную информацию – политическую, военную, торговую. Можно ли допустить, чтобы Западная Европа, располагая столь старой и отлаженной осведомительной сетью, *двести* лет принимала за «царство пресвитера Иоанна» орды диких кочевников?

Ни в коем случае. Вспомните о священнике Монтекорвино, еще в 1290

г. побывавшем в Индии, – он сообщал не вымыслы, а точные сведения. Так что не следует переоценивать «темноту» европейцев.

Между прочим, самым загадочным образом сгинул бесследно отчет королю Людовику IX его посла, французского монаха Андре Лонжюмо, как раз и ездившего в Каракорум. Известно лишь, что Лонжюмо побывал... на южном и восточном берегу Каспийского моря. НАСТОЯЩИЙ Каракорум, как помните, располагался либо в Крыму, либо на Волге. Возможно, в последующие века отчет Лонжюмо стал неудобен как раз тем, кто запустил версию о Каракоруме, стоящем посреди монгольских степей. Иногда рукописи горят...

Вообще, «классическая» теория, живописующая приход «диких монголов» из глубин Центральной Азии, захват ими Руси и прорыва их к Адриатическому морю плоха еще и тем, что постоянно заставляет нас считать идиотами обитателей чуть ли не всех стран, так или иначе соприкасавшихся в XIII в. с «татарами». В самом деле, сторонники «общепризнанной» версии приглашают нас верить, что:

1. Русские были идиотами, потому что даже *после* битвы на Калке не в состоянии внятно объяснить, с кем сражались князья.

2. Западноевропейцы были идиотами, потому что *двести* лет принимали диких кочевников за христианских подданных пресвитера Иоанна.

3. «Монголы» были идиотами, потому что лишь девятнадцать лет спустя после покорения Руси сообразили устроить перепись населения и разослать сборщиков дани.

А заодно с ними идиотами были: епископ Кромер, утверждавший, что на Польшу напала *русская* рать; мастер, изобразивший на надгробии герцога Генриха русского вместо «дикого татарина»; все русские и западные историки, причислявшие татар к европейским народам; летописцы, нарекавшие «ордынских ханов» христианскими именами; Батый, отчего-то скрупулезно продолжавший политику Всеволода Большое Гнездо вместо того, чтобы заниматься собственными делами; ученейший Лызлов, ни словом не упомянувший о «великой монгольской империи от Волги до Пекина»; и многие, многие другие.

Лично я в столь повсеместное и тотальное распространение идиотизма в строго определенный временной период поверить просто не в состоянии. *Наша* реконструкция событий хороша хотя бы тем, что не усматривает в прошлом столь несметного скопления идиотов, какое расплодили сторонники «классической» версии. У нас все как раз весьма логично, лишено нелепостей и несуразностей...

Север и Юг

В том, что со временем слово «татары» перестало означать «вооруженную силу», «войско» и прилепилось к конкретному народу, нет ничего удивительного. Почти схожие примеры в истории прекрасно известны: когда военный термин приобретал характер политического ярлыка, синонима. А то и наоборот...

«Мамелюками» в Венгрии в XIX веке звались приверженцы одного из тогдашних политических течений, а также группа депутатов парламента. Слово «янычар» сплошь и рядом становилось синонимом необузданности, зверства, вольницы – хотя термин «ени чери» на деле означает «новое войско». (В свое время войско янычар и в самом деле было «новым» по сравнению с существовавшей до того пехотой «яя».)

От слова «всадник» образовано французское и немецкое «дворянин», то есть «шевалье» и «риттер». «Улан» в турецком языке первоначально означало что-то вроде молодого холостого парня – из таких набирались особые конные полки. Впоследствии стало названием рода войск практически во всех европейских странах, как и «гусар» (первоначально «хусар» – что-то вроде удальца, сорвиголовы). Гусары участвовали еще в Первой мировой войне, а уланы дали свои последние бои в сентябре 1939-го...

Но самый яркий пример – «запорожец». Этот термин объединял людей любой национальности и любой прежней веры. В Запорожской Сечи мог остаться (при условии, что, каково бы ни было его вероисповедание допрежь, отныне он принимает православие) кто угодно – москвитянин, польский шляхтич, турок, степной кочевник, европейский искатель приключений. Постепенно этот плавильный котел превратил запорожцев в часть украинского народа.

Видимо, то же самое происходило и с татарами...

Кажется, настало время переходить к отточенным формулировкам и обобщающим гипотезам.

В моем представлении, дело обстояло примерно следующим образом. От Новгорода до Северного Кавказа^[61] и восточных берегов Каспийского моря обитали если и не стопроцентно родственные по крови народы, то жившие в некоем *симбиозе*, опять-таки порождавшем многовековые родственные связи, соучастие в делах друг друга, полностью отвечавшее обычаям феодальной эпохи: когда вчерашние враги завтра объединяются

против общего противника, а послезавтра этот противник становится союзником кого-то из тех, с кем только что воевал. Феодализм не знает *непримиримых* враждующих лагерей как меж родственными народами, так и внутри одного народа. Непримируемость, национальная или религиозная, некие четкие рубежи, по обе стороны которых обитают постоянные, заклятые враги – изобретение более позднего времени.

В этой причудливой смеси столь же причудливо формировались союзы, коалиции, браки, дружба и вражда. Москвитяне, русские, волжские болгары, половцы, печенеги, южные татары и «татары европейские», по большому счету, были обитателями одной огромной коммунальной квартиры, где хватало и пьяных драк, и умиленных лобызаний. Не стоит забывать, что в те времена религии были еще *неустоявшимися*, не обретшими тех четких «рубежей распространения», с которыми мы сталкиваемся в более поздние времена. А потому половцы и татары были христианами, а в северных русских землях все еще шла упорная борьба с остатками язычества. Ислам понемногу проникал в южные области «Золотой Орды», т.е. огромного региона, объединявшего все вышеназванные народы. Но не стал еще автоматически связываться с понятием «татары». Словом «татары» по старой памяти назывались *войска*.

Первоначально я полагал, что безоговорочный разрыв меж Севером и Югом и в самом деле связан с именем хана Узбека, который в XIV в. железной рукой ввел на юге мусульманство, вынудив татарских приверженцев христианства массами бежать на север, на Русь. Однако углубленное изучение летописей и книг ранних историков вроде Лызлова показывает, что все гораздо сложнее, и процесс был не в пример более длительным...

При словах «Крымское ханство» в сознании у нас прямо-таки автоматически возникает образ лютых супостатов, то и дело совершавших набеги на Русь, чтобы уводить вереницы пленных и потом продавать их на невольничьих рынках.

Все верно. Вот только образ этот стал соответствовать истине лишь после... 1506 г. До этого обстояло совершенно иначе. Даже верные сторонники «классических» версий вынуждены сквозь зубы признавать: *врагом* России Крымское ханство стало лишь в начале XVI в.

Ранее этого времени мы сталкиваемся все с тем же симбиозом.

В VIII–XV вв. в Крыму преспокойно обитают генуэзцы и славяне. «Татарского» владычества, в общем, не чувствуется – одни «татары» кочуют по крымским равнинам с табунами, зато у других – свои *города*^[62]. На Руси тем временем потомки Александра Невского строят

централизованное государство, опираясь на «татар», т.е. на войско, содержащееся на средства, собранные в виде «татарского» налога-десятины и состоящее из рекрутов, призванных по «татарскому» варианту мобилизации – т.е. служить обязан каждый десятый.

Управляющие Крымом ханы сплошь и рядом выступают как верные союзники славян. Более того, они частенько – *вассалы* славян...

Примеров множество. В 1421 г. крымчане – союзники великого князя Василия в походе на Казань ^[63]. Чуть позже помогают князю в его борьбе с печально известным Дмитрием Шемякой. В 1491 г., наоборот, русские войска появляются в Крыму, чтобы помочь хану Менгли-Гирею в его борьбе со *своими* сепаратистами. 1499 г. – Москва и Крым выступают на Литву, позже совместно воюют с той же Казанью и Польшей.

Когда в 1443 г. умирает бездетным крымский хан Девлет-Гирей, послы крымских татар в поисках нового владельца отправляются... в Польшу, к королю Казимиру! Дело в том, что именно в Польше, точнее в Литве, обитает Ачи-Гирей, имеющий больше всего прав на крымский стол. Литовский великий князь пожаловал Ачи-Гирею целый город, там он и обитает... Король Казимир, рассмотрев просьбу татар, утверждает Ачи-Гирея крымским ханом, и чтобы ввести его во владение, в Крым с ним вместе отправляется приближенный Казимира, «маршалек» Радзивилл.

(Между прочим, в Литве с завидным постоянством находят убежище крымские, золотоордынские и казанские ханы, потерпевшие поражение в междоусобной борьбе. Не на юг отчего-то бегут, к мусульманам, а в христианскую Литву...)

В 1444 г. под Рязанью внезапно появляется некий «ордынский царевич Мустафа» с «татарской» ратью. И просит... впустить его в город, чтобы перезимовать. Его впускают – как пишет в растерянности один из историков, «неизвестно почему».

Да, скорее всего, потому, что Мустафа не какой-то там дикий ордынец, а *свой*. Странны дальнейшие события – узнав, что Мустафа пребывает в Рязани, московский князь Василий Темный отчего-то разгневался и послал двух воевод с дружиной. Мустафа вынужден уйти из города, на него нападают с двух сторон: с одной – московская пешая рать, с другой лыжники-мордвины и рязанские казаки. (Впервые в русских летописях появляется это слово – «казаки».)

В конце концов Мустафу вместе с его отрядом уничтожили. История довольно грязноватая, не укладывающаяся в обычные штампы «злых ордынцев» и «защищающих отчизну русских»...

Давайте посмотрим список крымских, казанских и астраханских

вельмож, выехавших на службу к московским государям.

1. Байтерек – астраханский царевич (при Иване III).
2. Царевич Исуп, как и Байтерек, племянник хана Шахмата-Ахмата (при Иване III).
3. Царевич Кайбул (при Иване IV).
4. Царевич Касим (при Василии Темном).
5. Царевич Кумы-Гирей – это уже несколько позже, при Федоре Иоанновиче.
6. Царевич крымский Мурат-Гирей – при Федоре Иоанновиче.
7. Крымский хан Нурдаулат (Нур-Даулет-Гирей). В 1478 г. получил от московского великого князя в удел Городец.
8. Шигалей, крымский хан (при Василии III).
9. Царевич Эгуп (при Василии III).

Список далеко не полон, охватывает лишь наиболее знатных, а всего их за двести лет были многие десятки, положившие начало русским дворянским, а то и княжеским родам. Как, по-вашему, могли бы все они так легко быть приняты в России, смогли бы так легко адаптироваться там, будь все эти люди «чужаками»? Да никогда в жизни! Здесь мы наблюдаем практически стопроцентную аналогию западноевропейской практике – когда англичане служили французскому королю, французы – английскому, а немцы – тем и другим. Все были *свои*, соседи, люди одного менталитета, спаянные *общей* историей, генеалогией, широко разветвленным родством и свойством.

(Между прочим, судьба царевича Шигалея – готовый сюжет для пухлого приключенческого романа. Судите сами. Выехал на русскую службу из Астрахани. Потом возведен Василием III на казанский престол. Свергнут сторонниками крымского хана. С русской ратью взялся разорять казанские земли, выстроил на них в 1523 г. город Васильсурск. 1531 – получил во владение Каширу и Серпухов. Вскоре «перед государем провинился гордостным своим умом и лукавым промыслом». О чем конкретно шла речь, сейчас неизвестно – но Шигалея отправили в ссылку на Белоозеро. 1535 – из ссылки его вернула княгиня Елена Глинская. 1539 – во главе русской рати разгромил под Костромой казанское войско. Вновь стал казанским ханом, но против него составили заговор, хотели убить, и Шигалей едва спасся. Участвовал в походе русских на Казань (1547), в строительстве города-крепости Свияжска (1551), награжден «золотым»^[64] и посажен на казанский престол, освободил 60 тыс. русских пленников. Вновь казанская знать составляет против него заговор – Шигалей, узнав об этом, устраивает пир, приглашает на него заговорщиков, и его охрана

прямо за столом приканчивает 70 человек. Не пожелал лично сдавать русским Казань, но в тайной переписке предлагал разрушить оборонительные укрепления города, чтобы Иван Грозный сам его взял. В 1552 г. покинул престол и удалился в Свияжск. Кончил дни касимовским царем.

Как вам биография?)

Вот о Касимовском царстве следует поговорить подробнее. Пример примечательный...

Около 1453 г. Василий II Темный пожаловал тому самому царевичу Касиму, выехавшему на Русь и помогавшему в войне против Шемяки, земли по левому берегу Оки. Разоренный Мещерский городок был отстроен вновь и получил название Касимов, а сам удел стал именоваться Касимовским царством. Просуществовало оно в составе Московского государства свыше двухсот лет. Касимовские цари, нужно обязательно отметить, впоследствии были вернейшими вассалам Москвы. Кстати, первыми на призыв Минина и Пожарского пришли как раз касимовские «татары», а Лжедмитрия II убил касимовский дворянин с «татарским» именем Петр и «татарской» фамилией Урусов, т.е. Русский.

Как видим, вновь перед нами то, что можно называть исключительно «симбиозом». Не исключено, кстати, что Касим был христианином – исторически достоверные сведения гласят, что мечеть в Касимове построена лишь в XVIII веке.

Другими словами, Север, т.е. Русь, и Юг, т.е. Крым, Казань и Астрахань до определенного времени действуют как некая *общность*. Все войны и раздоры, возникающие меж Севером и Югом, ничуть не отличаются от тех войн и раздоров, что имели место в «исконно русских» областях.

Ситуация резко меняется к концу XV века, и объяснение этому найти легко – часть Юга оказывается *прочно* привязана к исламскому миру. Турки в 1453 г. берут Константинополь, а в 1475 г. их сильный флот появляется в Крыму, покоряет тамошние итальянские города и мелкие княжества вроде Мангупского. Возникают новые «горячие точки», новая система военно-политических союзов. И возникает *непримиримость*. Название «Золотая Орда», отделившись от Руси-Татарии, становится обозначением *одного* Юга. Теперь это и в самом деле – «бусурманская» Золотая Орда, противостоящая христианской России, вообще славянскому миру. Теперь это – заклятый враг, с которым можно разговаривать только на языке силы.

Последние сторонники былой общности продержатся еще несколько десятков лет, но в конце концов всем им придется искать спасения на Руси.

Меж Севером и Югом пролегла невидимая черта. Тут-то, такое впечатление, и начинает создаваться обширная пропагандистская литература, живописующая чужеземное, «ордынское» нашествие, случившиеся якобы в XIII в.

1506 г. Сразу несколько примечательных событий. Под Казанью разгромлено русское войско, причем один из русских воевод, боярин Шеин, попав в плен, был замучен, что полностью противоречиво *прошлой* практике. Последний крымский хан, еще пытавшийся как-то договариваться с Москвой, Шахмат, был свергнут, бежал в Литву, там оказался за решеткой и как-то очень уж кстати скончался по неустановленной причине (его приближенные, содержавшиеся под стражей в разных литовских городах, тоже вдруг поспешили умереть...).

Черта! После 1506 г. крымчане, казанцы и астраханцы уже всегда и во всем выступают в качестве заклятого врага России. Начинаются крымские набеги, жестокое противостояние... Память о прошлом понемногу размывается, начинает казаться, что «татары» всегда, с начала времен были лютыми врагами. Польские историки XVI в. еще помнят, *кто* вторглся в Польшу, а Лызлов помнит, что татары вовсе не приходили из Монголии, но впоследствии версия о «нашествии монголов» начнет победное шествие...

Вот только загадки останутся. К примеру, тайна хана по имени Нагой (Нагай). Есть такая, крайне таинственная фигура. Считается, что этот хан по имени Нагой жил во второй половине XIII – начале XIV веков, был потомком Чингисхана, почти сорок лет правил Золотой Ордой. Со «степняком-кочевником» отчего-то поддерживали отношения многие тогдашние владыки – русские князья, польские и венгерские короли, правители Болгарии (не Волжской, а европейской), Сербии, а византийский император Михаил Палеолог даже выдал за хана свою побочную дочь Ефросинью (в юрту отправил? Кочевать с диким степняком? Утонченную византийскую даму? Что там насчет брюквы и дерева, гусаков и икры?).

Считается, что от хана Нагая как раз и пошло наименование народа ногайцев. Не знаю. Быть может. Однако, во-первых, даже официальная историография признает, что ногайцы впервые появились на исторической арене столетие спустя после смерти хана Нагая, а во-вторых, на Руси прекрасно известен старинный боярский род по фамилии *Нагие*. Мария Нагая была третьей женой Ивана Грозного, матерью незадачливого царевича Димитрия. Вот здесь созвучие имен Нагой-Нагие гораздо более многозначительно...

Не поискать ли нам в *русской* истории конца XIII в. могущественного князя, с которым поддерживали отношения польские и венгерские короли,

правители Болгарии и Сербии, а византийский император даже выдал за него свою побочную дочь? Князя, правившего около сорока лет, распоряжавшегося другими русскими князьями, как своими вассалами? Причем сведения о нем в *русской* истории будут крайне скудными, подобно рассматривавшейся раньше нами паре: удивительно бесцветный, ничем себя не проявивший Батый и его современник, невероятно деятельный Александр Невский.

Пожалуй, подходящая кандидатура имеется – сын Александра Невского Даниил, которого историки считают «первоначальником» идеи собирания русских земель под руку Москвы. Несмотря на столь почетное звание, сведения о нем в русской истории крайне скудны. Его сын, знаменитый Иван Калита (который отчего-то совершенно неизвестен Лызлову) продолжал дело отца. Вместе они как раз и правили около сорока лет: сначала один, потом – другой, причем с занятием престола Калитой, как мы помним, «татары» отчего-то «перестали воевать русские земли».

Я вовсе не утверждаю, что «хан Нагай» – это собирательный образ Даниила Александровича Московского и Ивана Калиты (прежде всего потому, что не производил скрупулезного расследования). Всего-навсего подробно обрисовываю выбранный мной метод расследования. Очень уж настораживают эти странные «пары» – «татарские чаны», о чьей деятельности рассказывается крайне подробно, и сопутствующие им по времени русские князья, весьма незаурядные, но отчего-то удостоенные в русской истории лишь скупых упоминаний. Или наоборот – напоминающий скорее бледную тень Батый и средоточие энергии – Александр Невский, объединенные как раз *общностью* взятых на себя задач и целей, общими интересами. Если присовокупить к этому удивительное разнообразие мирских и крестильных имен, прозвищ... Словом, если кто-то другой потом возьмется изучать родословную Даниила Московского и Калиты и обнаружит, что женой кого-то из них была византийка, я особенно и не удивлюсь.

Гораздо больше меня увлекает другая загадка, на которую я не могу найти ответ по недостатку информации: почему традиция приписывает убийство хана Нагая «ордынцу» Тохте, но при этом прямо упоминается, что Нагая зарубили *русские* всадники?

Почему Узбек, этот якобы ревностный приверженец ислама, сделавший его единственной религией Золотой Орды, в то же время, по сведениям *русских* летописей, выдает митрополиту Петру грамоту, в которой подтверждает все «Батыевы» привилегии церкви, а также... письменно просит митрополита молиться за него самого, его семью и его

царство? А потом преспокойно позволяет своей дочери Кончаке выйти замуж за Юрия Даниловича Московского и принять христианство?

А еще меня привлекает интереснейший вопрос: с кем сражался на Куликовом поле Дмитрий Донской и кому в 1480 г. противостоял на Угре государь всея Руси Иван III?

Север против Юга: старая династия?

В «классической» историографии битва на Куликовом поле объясняется традиционно: «злой ордынец», татарин Мамай коварно вознамерился если не изничтожить Русь под корень, то по крайней мере «истребить веру христианскую, дабы заменить ее магометанской». Соответственно, Дмитрий Донской выглядит защитником Отчизны и христианства, а причины, побудившие его схватиться с Мамаем на Куликовом поле, предстают исключительно светлыми и благостными.

Вот только при любом мало-мальски скрупулезном расследовании мгновенно всплывают недоуменные вопросы...

За два года до Куликовской битвы, в 1378 г., московские полки воевали на реке Воже с «татарским мурзой» Бегичем, якобы подручным Мамаея. С этой битвы и начинаются вопросы...

Оказывается, после битвы на Воже русские захватили в подвергшемся разгрому татарском стане какого-то ПОПА «с мешком зелий и трав». Отчего-то этого попа мгновенно связали с весьма интересной личностью того периода – «мятежником и заговорщиком» Иваном Васильевичем Вельяминовым. Отец этого Ивана был последним, кто занимал в Москве высокую должность тысяцкого – нечто вроде градоначальника или мэра (но этот пост был наследственным). Дмитрий решил, должно быть, что «двум медведям в одной берлоге не ужиться», и пост тысяцкого отменил. Обиженный Иван, немало интриговавший против Дмитрия, бежал сначала в Тверь, потом... в Орду, то есть на Юг, уже почти отделившийся от Севера-Руси. И попа с ходу заподозрили в том, что он как раз и подослан отравить великого князя Дмитрия.

Таким образом сразу возникает интересная коллизия: выходит, события, именуемые «битва на реке Воже», каким-то боком были связаны со сложной интригой против Дмитрия, в которой участвовали тверичи, московские «эмигранты» и Орда... Бедного попа пытали и сослали в отдаленный монастырь, а в следующем 1379 г. Ивана Вельяминова, каким-то образом выманенного на Русь, захватили в Серпухове агенты Дмитрия, привезли в Москву и 20 августа казнили при большом стечении народа. Летописцы отметили, что у «многих смерть Вельяминова вызвала слезы» – очевидно, в этой интриге, во многом так и оставшейся для нас загадкой, симпатии немалой части москвичей были не на стороне своего князя. После этого долго и старательно охотились за сообщниками Вельяминова,

казня их одного за другим, – все они, повторяю, были русскими.

А потом на Русь двинулся Мамай...

Во главе *татарского* войска, скажете вы?

Не угадали!

«Татар» в войске Мамаю как раз и не наблюдается. То есть, по традиции его воины *именуются* «татарами», но состав их иной:

1. Ясы и аланы (то есть православные аланы и осетины!).

2. Черкасы (то есть казаки!).

3. *Половцы и печенеги* (славяне!).

4. «Фряги» (генуэзские наемники).

Вскользь упоминаются еще некие «бессермены», но, судя по тому, что это название чересчур общее, скорее расхожее клеймо вроде «злых татаровей», особо верить в них не следует.

Что любопытно, Сергей Радонежский поначалу уговаривает князя Дмитрия *уступить* «татарским» требованиям. Мог бы он вести себя так, будь целью Мамаю *уничтожение* христианской веры, вообще Руси? Вряд ли. Значит, у Мамаю была какая-то совершенно другая цель...

Князь Дмитрий все же собирается на битву. Логично будет предположить, что, прослышав о грозящей Руси и православию беде, на помощь ему придут другие князья?

На подмогу к Дмитрию не пришел *никто*! Ни один независимый, владетельный князь! Даже *тесть* Дмитрия и его тезка, Димитрий Константинович Нижегородский, не прислал ни единого человека. Уникальнейший случай. Мог смалодушничать один, отвернуться другой, из-за каких-то своих соображений не участвовать третий, но чтобы все до одного князья отказались помогать в отражении нашествия «безбожных татар», включая родного тестя Дмитрия, – такого на Руси не бывало ни до, ни после...

В чем же дело? Быть может, все прекрасно отдавали себе отчет, что это не «нашествие безбожных татар», а некое дело, касающееся *одного* Дмитрия? Другого объяснения я что-то не вижу...

Потом, правда, прибыли четверо князей – два Ольгердовича, Андрей Полоцкий и Дмитрий Корибут Брянский. Все четверо – *литвины*. Ни один *русский* князь так и не появился. Только несколько мелких вассалов Дмитрия.

И вновь, как в случае с «Повестью о битве на Калке», я намерен пользоваться исключительно *первоисточником* – «Сказанием о Мамаевом побоище».

Н. Костомаров обозвал его «множеством явных выдумок,

анахронизмов, равным образом и преданий, образовавшихся в народном воображении уже позже». И добавил в сердцах: «Эта повесть никак не может считаться достоверным источником».

Я же как раз и полагаю ее *достовернейшим* источником, при внимательном изучении работающим как раз против «классической» теории...

«Повесть» приписывает Мамаю интересное заявление: «Я не хочу так поступать, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны будут для нас – тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем».

После этого Мамай рассылает своим «татаровьям» следующий приказ: «Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба».

Каково?! «Пусть никто из вас не *пашет*». Мамай обращается к своим подданным – следовательно, его подданные занимаются *землепашеством*. И никакие они не «дикие кочевники». Какое, к черту, землепашество у скотоводов-степняков?

Похоже, автор «Сказания», как ни обличал Мамаю, попросту не сообразил, что *иные* подробности как раз и противоречат образу «дикой кочевой орды»...

Далее. Дмитрий, отправляясь на битву, *заранее* позаботился о «пропагандистском обеспечении». Он берет с собой десятерых купцов-сурожан (сурожанами звали тех, кто постоянно торговал с городом Сурожем в Крыму, имея там, говоря современным языком, «торговые представительства»). Все десять купцов перечислены поименно: Василий Капица, Сидор Алферьев, Константин Петунов, Кузьма Ковря, Семен Антонов, Михаил Саларев, Тимофей Весаков, Дмитрий Черный, Дементий Саларев, Иван Шиха. Особо уточняется: князь взял их для того, чтобы они «рассказали в дальних странах, как люди знатные». Рассказали о грядущей битве с Мамаем.

Снова перед нами нечто уникальное, не встречавшееся ни прежде, ни после. К чему, казалось бы, принимать заранее такие меры, если в других странах и так узнают, кто с кем дрался, кто победил? Нелепица какая-то...

А если – «лепица»? Если Дмитрий был как раз озабочен тем, чтобы в «дальних странах» узнали именно *его* версию событий? Сражение еще не состоялось, но уже готовы люди, которые должны были поведать Европе о нем...

Значит, существовала опасность, что «дальние страны» узнают *не ту* версию? Неправильную? Значит, для будущего сражения меж Дмитрием и Мамаем уже есть *разные* версии? У Мамаю своя, у Дмитрия своя, у кого-то,

возможно, третья?

Если это предположение – сплошная чушь, зачем Дмитрий *заранее* позаботился о людях с репутацией, именем и весом, которые должны рассказать *как следует*?

Что-то это мне напоминает... Ага, 1 сентября 1939 года, когда «коварные поляки» напали на радиостанцию в немецком городе Глейвице. И трупы «нападавших» готовы для обозрения, и репортеры как из-под земли выскочили, и свидетели имеются.

Можно вспомнить и советско-финскую войну. Не успели разорваться на советской территории «финские» снаряды, как с нашей стороны неведомо откуда появилась и армия вторжения, и даже настоящее «рабоче-крестьянское финское правительство».

Короче, что-то тут с князем Дмитрием нечисто, что-то он хитромудрое крутит...

Тогда же случилась загадочнейшая история, которую можно объяснить исключительно в рамках *нашей* гипотезы.

Иеромонах Даниил, ранее служивший при храме в «Орде», давно и долго ссорился с Дмитрием Донским. Он резко выступал против попытки Дмитрия назначить митрополитом всея Руси своего кандидата протопопа Митяя (это отдельная, прямо-таки детективная история, Митяй умер при загадочных обстоятельствах, когда плыл в Константинополь за благословением тамошнего патриарха).

Так вот, Даниил, покинув «Орду», обосновался в Троице-Сергиевой лавре и развернул бурную деятельность, призывая русских князей оставить распри и совместно выступить против «Орды». Продолжалось это довольно долго. Логично будет предположить, что Даниил, известный своей несгибаемой антиордынской позицией, окажется при Дмитрии Донском, когда тот двинется на Мамай.

Однако происходит фантастический вираж, которому историки до сих пор не могут подыскать вразумительных объяснений, – потому что увязли в плену «классической» версии. Когда полки Дмитрия приходят на Куликово поле, Даниил вдруг обнаруживается в стане... великого литовского князя Ольгерда, союзника Мамай, идущего на подмогу «татарам»! (Ольгерд немного опоздал и, узнав о поражении Мамай, благоразумно отступил.)

Так *кто* же был «Ордой»? Если признать, что Дмитрий Донской, поведение Даниила как раз логично и вполне объяснимо...

Между прочим, в воинстве Дмитрия, оказывается, есть и... разбойники. Основание? Цитирую «Повесть»: «...некий муж, именем Фома Кацибей, РАЗБОЙНИК, поставлен был в охранение великим князем на

реке...» Князя, значит, с Дмитрием не пошли, а вот разбойники пошли. Интересно...

А вот Мамай, кстати, сопровождают не «разбойники», а *князя и бояре*...

Далее. Выехавший драться с Пересветом «татарин», обычно именуемый «Челубеем»... вовсе не татарин, а *печенег*, как сообщает нам «Сказание». Что ж, ничего удивительного, мы уже подробно рассмотрели этот вопрос и убедились, что никуда половцы и печенеги не «исчезали», а спокойно жили и в XIII веке...

Крайне загадочным выглядит и поведение самого Дмитрия на поле Куликовом. Если называть вещи своими именами, он *прячется*. Отдает свои доспехи и коня ближнему боярину, ставит его под великокняжеское знамя, а сам в облике простого воина становится в ряды. Не для того ли, чтобы легче было скрыться при неудаче? Как я ни рылся в описаниях разных и всяческих битв, аналогии поведению Дмитрия подворачивались исключительно... гм, не самые благородные. Предводители, старшие командиры, офицеры меняют свой наряд на одежду рядового солдата *только* для того, чтобы скрыться от победителей в облике «сиволапой пехтуры», с которой все взятки гладки. Если у кого-то есть другие версии, по которым поведение Дмитрия выглядит *благородным*, интересно будет их выслушать...

И, наконец, вот что говорится о Мамае: «Безбожный же царь Мамай, увидев свою гибель, стал призывать богов своих...»

Знаете, каких? Ну, Магомета, конечно. Однако Магомет на самом последнем месте...

«...богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия, и Хорса, и великого своего пособника Магомета».

Вот так. Отчего-то Мамай призывает *старых* богов, и Перун с Хорсом – уж точно *славянские*... Кто такой Салават, мне попросту неизвестно – но уж никак не мусульманский святой... А Раклий, по некоторым сведениям, – другое имя Семаргла, а Семаргл опять-таки языческий бог Древней Руси.

Между прочим, имя «Мамай» частенько встречается у казаков Запорожья. Более того, «казак Мамай» – один из любимых героев украинского фольклора.

Забегая вперед, упомяну о том, что теперь мне как-то по-иному представляется смерть Мамай в Кафе – после того, как в окружении Дмитрия замаячили сразу десять купцов, тесным образом связанных с

Крымом, впору задаться вопросом: быть может, мы зря обвиняем в убийстве Мамаю *генуэзцев*?

Так кто же с кем воевал на Куликовом поле? Почему и за что?

Каждый, разумеется, волен держаться своих предположений – принимать «классическую» версию либо выдвигать собственные. Дело это сугубо добровольное. Однако я сам отныне не в силах отделаться от впечатления, что на Куликовом поле столкнулись две *династии* – старая и новая. Быть может, существовали некие неизвестные нам династические связи, давшие в свое время «ордынцам», то есть жителям Южной Руси, повод претендовать на власть над *всей* Русью. Быть может (учитывая упоминание о «старых», языческих богах), это была *последняя* попытка «староверов», под которыми в данном случае понимаются славяне-язычники, взять верх над христианами. В любом случае веры в «классическую» версию о диких кочевниках, «злых татаровьях» и благородном князе Дмитрие у меня больше нет ни на грош...

Если Мамай (интересно, под каким еще именем он был известен современникам?) представлял людей, имевших какие-то *законные* права на московское княжение – сам был обладателем такого права, – все несуразности и нелепости, неизбежные при «классической» трактовке событий, как раз получают логичное объяснение. Понятно теперь, почему князь оставили Дмитрия один на один с проблемой, почему Сергей Радонежский отговаривал Дмитрия от сражения, почему в Мамаевом войске вдруг обнаруживается русский поп, а в его ставке – «политэмигранты» из Москвы, наконец, почему подданные Мамаю – оседлые земледельцы.

Не было никаких «злых татаровей». На Куликовом поле сошлись единокровные враги. «Спор славян между собою» шел из-за московского престола – и только. А это коренным образом меняет дело...

Быть может, имеет смысл посмотреть другими глазами и на не менее известное событие – «сожжение Москвы Тохтамышем» в 1382 г.

Классическая версия незатейлива, она гласит: получив известия о приближении к Москве Тохтамышевой орды, Дмитрий Донской покинул город и отправился в свою «летнюю резиденцию» Кострому, где принялся собирать рать. Позже к нему присоединились его супруга, великая княгиня Евдокия, и глава русской церкви митрополит Киприан. Татары, обманом ворвавшись в город, устроили жуткий разгром...

В который раз обращение к *подробностям* приносит немало загадок...

Во-первых, в Москве в это время происходил охвативший весь город бунт. Простолюдины громили дома богачей, разбивали винные погреба,

убивали и грабили. Великую княгиню выпустили из города, но не разрешили взять с собой драгоценности и казну. После чего грабители собрали свое вече и провозгласили воеводой неизвестно как оказавшегося в городе *литовского* князя Остея, которого Никоновская летопись называет внуком Ольгерда (напоминаю, в те годы Литва была злейшим врагом и соперником Москвы).

Во-вторых, митрополит Киприан поехал не в Коломну, а в... Тверь (опять-таки к врагам и соперникам Дмитрия).

После этого в город и ворвался Тохтамыш... В город, где давно уже свирепствовали грабежи и резня.

Как же поступил Дмитрий, собрав под Коломной войско? Догнал татар и обрушился на них, мстя за разорение Москвы?

Ничего подобного. Рать Дмитрия обрушилась... на Рязань, не сделав ни малейшей попытки преследовать татар!

Быть может, никаких татар и не было? А имел место примитивный бунт москвичей против *ДМИТРИЯ*. Дмитрием же и подавленный с обычной для тех времен жестокостью? Более того, не просто бунт, а заговор против князя Московского со стороны Рязани, Твери и Литвы?

В эту гипотезу очень уж хорошо укладываются все известные нам факты. И то, что воеводой был избран чужак-лиловец. И то, что митрополит Киприан уехал в Тверь (летописи сообщают, что практически сразу же меж ним и Дмитрием возник острый конфликт, митрополит надолго перебрался в Киев, а Киев тогда находился под властью *литовских* князей...). И то, что Дмитрий не пытался преследовать татар, зато ударил на Рязань.

Любопытно, что историки в один голос пишут: сразу после «сожжения Москвы Тохтамышем» Рязань и Тверь отказались впредь признавать старшинство Дмитрия – другими словами, перед нами явная и недвусмысленная попытка очередного сепаратистского выступления. Удавшаяся попытка, которая, надо полагать, и началась с бунта в Москве – а последующие события на какое-то время притормозили процесс собирания русских земель под руку Москвы, под власть потомков Невского-Батыя.

И, наконец, как писал Г.В. Вернадский: «...из персидских источников известно, что в 1388 г. русские войска составляли часть великой армии Тохтамыша».

Часть? Или все войско? Снова перед нами примелькавшийся факт: войска под командованием «ордынского хана» на поверку оказываются состоящими из русских.

И последнее. Оказывается, и Дмитрий Донской, и Тохтамыш разбивали Мамая через три года после Куликовской битвы. В одно и то же время. Даже описания разгрома кое в чем совпадают.

И вновь возникает вопрос: Дмитрий Донской и Тохтамыш – два человека или *один*?

Не удивлюсь, если верно как раз последнее... Нелишне будет вспомнить, что в то же самое время на противоположном конце Европы происходили, в общем, схожие события – уже более шестидесяти лет продолжалась англо-французская война, которой суждено было длиться еще примерно столько же и войти в историю под названием Столетней (хотя воевали около ста шестнадцати лет).

Причины как раз династического порядка. Английский король был женат на французской принцессе и некоторые французские сеньоры были его вассалами. Когда во Франции пресеклась очередная королевская династия, английскому монарху хватило двух вышеупомянутых обстоятельств, чтобы претендовать на французскую корону. И началась война, конца которой дождались лишь правнуки тех, кто ее развязал...

Мы вновь сталкиваемся с несуразностями, недомолвками и откровенными умолчаниями, когда речь заходит о «стоянии на Угре». Как помнят те, кто получали хорошие отметки по истории, в 1480 г. войска великого князя московского Ивана III, первого «государя всея Руси» (т.е. властителя объединенной державы) и «орды» татарского хана Ахмата (Шахмата) встали на противоположных берегах реки Угры. После долгого «стояния» татары отчего-то пустились в бегство – и это считается концом «ордынского ига» на Руси.

Темных мест в этой истории – несказанное множество...

Начнем с того, что знаменитая картина, попавшая даже в школьные учебники, – «Иван III топчет ханскую басму» – написана на основе не подлинного события, а легенды, сочиненной лет через семьдесят после «стояния на Угре». Никакие ханские послы к Ивану не приезжали, и никакую ханскую грамоту-«басму» он в их присутствии торжественно не рвал...

Но это – запов, присказка, сказка будет впереди...

И вновь на Русь идет супостат, иноверец, грозящий, если верить современникам, самой вере христианской, самому существованию Руси. Что же, все в едином порыве готовятся дать супостату отпор?

Да ничего подобного... Снова, как и в случае с Дмитрием Донским, мы сталкиваемся с удивительной пассивностью и разбродом мнений. При известии о приближении Ахмата на Русь, полное впечатление, что-то

происходит. Нечто, до сих пор непроясненное до конца. Реконструировать его можно попытаться лишь по скудным, отрывочным сведениям...

Оказывается, Иван III вовсе не горит желанием идти сражаться с супостатом. Ахмат еще далеко, в сотнях километров, а супруга Ивана, великая княгиня Софья... *бежит* из Москвы, за что удостоилась от летописца самых обличительных эпитетов. Мало того, параллельно в княжестве разворачиваются некие загадочные события. «Повесть о стоянии на Угре» повествует об этом так: «В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался». И далее – более чем таинственные слова о тех самых загадочных событиях, *единственное* упоминание о них: «А тем землям, по которым она бродила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, Господи, по коварству их поступков, по делам их рук дай им... ..ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви... и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба...» [173].

О чем идет речь? Что сотворили бояре? И зщесь, и в других местах обличительный пафос летописцев достигает такого накала, что становится ясно: с *такой* яростью могут выражаться только современники событий, свидетели, очевидцы. Слишком свежа и неподдельна злость...

Что происходило в стране? Какие поступки бояр навлекли на них обвинения в «кровопийстве» и отступничестве от веры?

В точности неизвестно до сих пор. Немного света проливают, правда, сообщения о «злых советниках» великого князя, которые советовали не биться с татарами, а... «бежати прочь»!

Известны даже имена «злых советников» – Иван Васильевич Ощера Сорокоумов-Глебов и Григорий Андреевич Мамон. Самое любопытное, что сам великий князь, в отличие от исходящего злобой летописца, не видит в поведении двух ближних бояр ничего предосудительного – и впоследствии на них не ложится ни тени немилости, и после «стояния на Угре» оба до самой смерти своей пребывают в фаворе, получая новые пожалования и должности...

В чем же дело? Вовсе уж глухо, предельно туманно сообщается, что Ощера и Мамон, защищая свою точку зрения, упоминали о необходимости соблюдать какую-то «старину». Иными словами, великий князь должен отказаться от сопротивления Ахмату, чтобы... соблюсти какие-то древние традиции!

Вот это поворот! Выходит, *Иван* нарушает некие старые традиции, решив сопротивляться! Но тогда Ахмат, соответственно, предстает в *своем*

праве? Иначе эту загадку объяснить невозможно.

Что, если, как и в случае с Дмитрием Донским, перед нами чисто династический спор? Вновь на московский престол претендуют двое – представители относительно молодого *СЕВЕРА* и более древнего *ЮГА*, и право Юга, такое впечатление, более весомо... У Ахмата больше прав, а у его соперника, соответственно, меньше, и последний сам это понимает, находясь в полной растерянности, а ближайшие советники лишь укрепляют в нем это намерение...

И тут в игру вступает ростовский епископ Вассиан Рыло... Именно его яростные, неистовые усилия переламаывают ситуацию, именно он, если позволено будет употребить вульгарные обороты, прямо-таки *выпихивает* великого князя в поход. Не поленитесь, найдите «Послание на Угру Вассиана Рыло» и почитайте внимательно – оно много раз издано в переводе на современный русский язык...

Накал страстей и ораторского таланта потрясает. Епископ Вассиан увещевает, умоляет, взывает к совести князя, приводит массу исторических примеров, меж строк легонько грозит, что вся русская церковь может и отвернуться от Ивана, настаивает, прямо-таки *вопиет*... Напоминаю, что вся эта бездна красноречия, логики, эмоции направлена на то, чтобы убедить великого князя все-таки выйти на защиту *своей* страны... Чего великий князь отчего-то упорно не хочет делать, поддерживаемый в этом решении ближайшими советниками, упорно требующими соблюдать некую «старину» и *уйти* из Москвы...

Так у кого больше прав на московский престол, у Ахмата или Ивана III? Положительно, это в последний (или в предпоследний, о чем речь пойдет ниже) раз заявляет о своих правах *старая* династия...

Русское войско все-таки, к торжеству епископа Вассиана, уходит к Угре. Впереди – долгое, в несколько месяцев, «стояние». И вновь начинаются странности...

Завязываются переговоры меж русскими и Ахматом. Предельно странные переговоры, сразу скажем.

Ахмат хочет вести переговоры с самим великим князем.

Русские отказывают.

Ахмат идет на уступку – просит, чтобы прибыл брат или сын великого князя.

Русские отказывают.

Ахмат вновь уступает – теперь он согласен говорить с «простым» послом, но отчего-то этим послом непременно должен стать Никифор Федорович Басенков. (Почему именно он? Загадка...)

Русские... вновь отказывают. Даже в столь пустяковой вроде бы просьбе!

Получается, что в переговорах они нисколько не заинтересованы. Это Ахмат делает уступку за уступкой, это ему отчего-то необходимо договориться, но русские отвергают все его предложения...

Современные историки объясняют: Ахмат-де «намеревался требовать дань». Воля ваша, но нарисованная выше картина ничуть такой версии не соответствует. Если Ахмат был заинтересован лишь в вульгарной дани, к чему столь долгие переговоры? Достаточно было послать какого-нибудь мурзу, «злого татарина». Тот, не ломая шапки, нахально потребовал бы заплатить дань и отправился восвояси... Нет, все свидетельствует за то, что перед нами некая большая и мрачная тайна, не укладывающаяся в привычные схемы.

Наконец, о загадке отступления «татар» от Угры. На сегодняшний день в историографии существуют три версии даже не отступления – поспешного бегства Ахмата с Угры:

1. Черeda «ожесточенных сражений» подорвала боевой дух татар.

(Большинство историков это отвергают, справедливо заявляя, что никаких «сражений» не было. Имели место лишь мелкие стычки, этикие «огневые контакты разведгрупп на нейтральной полосе», выражаясь современными терминами.)

2. Русские применили огнестрельное оружие, что привело татар в панический ужас.

(Полнейший вздор. К этому времени у татар уже было свое огнестрельное оружие. *Русский* летописец, описывая взятие московской ратью города Булгар в 1378 г., упоминает, что жители «пускали громаы со стен».)

3. Ахмат «убоялся» решительного сражения.

Последнюю версию я комментировать не буду – просто-напросто жаль тратить время. Коли уж и так ясно, что все три версии истине, мягко говоря, не соответствуют...

А теперь – получайте сенсацию. Настоящую. Оглушительную. Звонкую. Ослепительную. Сейчас вы прочитаете о *подлинных* причинах бегства Ахмата с Угры, прочитаете то, что *двести* лет таилось в пыльных запасниках...

Слово – Андрею Лызлову!

«Беззаконный царь (Ахмат – А.Б.), не в силах срамоты своей терпеть, в лето 1480-е собрал немалую силу: царевичей, и улан, и

мурз, и князей, и скороустремительно пришел к Российским рубежам. В Орде же своей оставил только тех, кто не мог оружием владеть... Великий князь же, посоветовавшись с боярами, решил совершить благое дело. Ведая, что в Большой Орде, откуда пришел царь, вовсе не осталось воинства, тайно послал свое многочисленное войско в Большую Орду, к жилищам полных. Во главе стояли служилый царь Уродовлег Городецкий и князь Гвоздев, воевода звенигородский. Царь же не ведал о том.

Они, в лодьях по Волге приплыв в Орду, увидели, что воинских людей там нет, а есть только женский пол, старики и отроки. И взялись пленить и опустошать, жен и детей поганных немилосердно смерти предавая, жилища их зажигая. И, конечно, могли бы всех до одного перебить.

Но мурза Обляз Сильный, слуга Городецкого, пошептал своему царю, говоря: «О царь! Нелепо было бы великое сие царство до конца опустошить и разорить, ведь отсюда и ты сам родом, и мы все, и здесь – отчизна наша. Уйдем же отсюда, и без того довольно разорения устроили, и Бог может прогневаться на нас».

Так достославное православное воинство возвратилось из Орды и пришло к Москве с великой победою, имея с собой множество добычи и немалый полон. Царь же, узнав обо всем этом, в тот же час отступил от Угры и побежал в Орду».

Каково?! Для этого, надо полагать, русская сторона и *затянула* переговоры – пока Ахмат долго пытался добиться своих, уже неизвестных нам целей, делая уступку за уступкой, русские войска по Волге приплыли в столицу Ахмата и рубили там женщин, детей и стариков, пока у командиров не проснулось что-то вроде совести. Обратите внимание: не сказано, что воевода Гвоздев воспротивился решению Уродовлета и Обляза прекратить резню. Видимо, тоже пресытился кровью.

Естественно, Ахмат, узнав о разгроме его столицы, отступил от Угры, спеша домой со всей возможной скоростью...

А дальше?

Год спустя на «Орду» нападает с войском «ногайский хан» по имени... Иван! Ахмат убит, его войска разгромлены.

Не являются ли великий князь Иван и «Иван, хан ногайский» одним и тем же человеком? Стоит задуматься... Чтобы затушевать столь многозначительное совпадение, позднейшие историки перекрестили

«ногайского хана» из «Ивана» в «Ивака», а его самого объявили... тюменским ханом. Вопреки тому, что четко написано в книге Лызлова, пользовавшегося, напоминая, огромным количеством не дошедших для нас летописей.

(Между прочим, есть еще один вариант гибели Ахмата. Согласно ему, некий приближенный Ахмата по имени Темир, получив от великого князя московского богатые подарки, убил Ахмата. Версия эта имеет *русское* происхождение.)

Обратите внимание на то, что воинство царя Уродовлета, устроившее погром в Орде, недвусмысленно именуется «православным». Похоже, перед нами – еще один лишний аргумент в пользу версии о том, что служившие московским князьям «ордынцы» были отнюдь не «бесерменами», а православными. Не один Гвоздев именуется православным, а *все* войско, пусть даже наполовину состоящее из «служилых татар» Уродовлета и Обляза...

И еще на одном крайне примечательном аспекте стоит остановиться. Ахмат, по Лызлову, – «царь». И Уродовлет, пусть он всего лишь вассал Ивана, – «царь». Зато Иван III – всего лишь «великий князь»?

Не следует думать, будто Лызлов употреблял титулы наобум, что в его время существовали некие вольности в обращениях с титулами, и всякий историк мог писать, как ему взбредет в голову. Ничего подобного. Во-первых, когда Лызлов писал свою историю, титул «царь» уже прочно закрепился за самодержцами российскими, то есть имел «конкретную привязку» и конкретное значение. Во-вторых, во всех других случаях Лызлов никаких таких «вольностей» себе не позволяет. Западноевропейские короли у него всегда «короли», турецкие султаны – всегда «султаны». Падишах – «падишах». Кардинал – «кардинал». Разве что титул эрцгерцога дан Лызловым в переводе – «арцыкнязь». Однако именно в переводе, а не в *искажении*!

Следовательно, в Средневековье существовала некая система титулов, отражавшая некие политические реальности, – и мы сегодня об этой системе осведомлены плохо. Нам уже непонятно, почему два вроде бы одинаковых ордынских вельможи именуется один «царевичем», а другой «мурзой», почему «татарский князь» и «татарский хан» – отнюдь не одно и то же. Почему среди татар так много обладателей титула «царь», а московские государи упорно именуется «великими князьями». Только в 1547 г. Иван Грозный впервые на Руси принимает титул «царь» – и, как пространно сообщают русские летописи, сделал он это только после... *долгих уговоров* патриарха.

С чего бы вдруг? Иван Грозный никогда не страдал излишней скромностью, нерешительностью, не маялся самоуничтожением... Создается впечатление, будто он прекрасно понимал, что титул «царь» ему по каким-то скрытым от нас причинам носить как бы и «невместно»...

Не объясняются ли походы Мамаю и Ахмату на Москву тем, что согласно неким, прекрасно понятным современникам правилам «царь» был выше «великого князя» и имел больше прав на престол? Что заявляла о себе какая-то династическая система, ныне совершенно забытая?

Существование такой системы подтверждается и наблюдениями академика Фоменко. Исследуя надписи на гробницах в Архангельском соборе Кремля, он выявил интересную особенность: есть просто «великий князь» – и «благочестивый великий князь». Просто «князь» – и «благочестивый князь». Дмитрий Донской, к примеру, «благочестивый», но не «великий». Иван III – «великий», но не «благочестивый». В чем тут разгадка? Боюсь, сегодня нам уже не доискаться...

Любопытно, что в 1501 г. крымский *царь* Шахмат, потерпев поражение в междоусобной войне, отчего-то всерьез ожидает, что киевский князь Дмитрий Путятин выступит на его стороне... Какие реалии того времени давали царю основания так думать? Неизвестно...

И, наконец, одна из самых загадочных сцен русской истории. В 1574 г. Иван Грозный отчего-то разделяет русское царство на две половины, одной правит сам, а другую... передает касимовскому царю Симеону Бекбулатовичу – вместе с титулами «царя и великого князя Московского»!

Историки до сих пор не придумали убедительного объяснения. Одни уверяют, что Грозный, по своему обыкновению, чудил, другие, не столь наивные, но более циничные, считают, что Грозный таким образом «перенес» на нового царя свои собственные долги, промахи и обязательства, третьи бормочут что-то о «веселой шутке».

Все эти версии не учитывают самого существенного – *психологии* человека тогдашней эпохи. Грубо говоря, были вещи, с которыми шутить не полагалось. С которыми просто не пришло бы в голову шутить. Среди таковых вещей, безусловно, были царский титул и царский престол.

Быть может, речь идет о *совместном правлении*, к которому пришлось прибегнуть в силу тех же забытых нами *старых* династических систем? Возможно, последний раз в русской истории эти системы заявили о себе...

Симеон отнюдь не был, как пытаются уверить историки, «безвольной марионеткой» Грозного – наоборот, это один из крупнейших государственных деятелей и военных того времени. И после того, как два царства вновь соединились в одно. Грозный отнюдь не «ссылал» Симеона в

Тверь. Симеон был ПОЖАЛОВАН в великие князья Тверские. Стоит добавить, что Тверь во времена Ивана Грозного была «горячей точкой», едва усмирённым очагом сепаратизма, за которым требовался особый присмотр, и тот, кто управлял Тверью, непременно должен был быть довереннейшим лицом Грозного...

И, наконец, очень уж подозрительны те беды, что обрушились на Симеона после смерти Грозного. С воцарением Федора Иоанновича Симеона «сводят» с тверского княжения, ослепляют (мера, которая на Руси испокон веков применялась исключительно к *владельческим* особам, имевшим права на стол!), насильно постригают в монахи Кириллова монастыря. Но и этого оказывается мало – И.В. Шуйский отправляет беспомощного инока, слепого старика на Соловки. Чересчур уж много для «марионетки», «совершенно незначительной личности». Полное впечатление, что московский царь таким путем избавлялся от опасного претендента, обладавшего весомыми правами. Претендента, к которому относились крайне серьезно, – отсюда и чрезвычайные меры... По крайней мере, можно сделать вывод, что права Симеона на русский трон, как минимум *не уступали* правам Шуйского и других Рюриковичей...

(В заключение нужно упомянуть, что крепкий старик Симеон пережил всех своих мучителей. Возвращенный из соловецкой ссылки по указу князя Пожарского, он скончался лишь в 1616 г., когда в живых не было ни блаженненького Федора Иоанновича, ни загадочного Лжедмитрия I, ни поганца Шуйского...)

Итак, все эти истории – Мамаево, Ахмата и Симеона, – стоит лишь отрешиться от догматического взгляда, крайне похожи на эпизоды *борьбы за трон*, а никак не войны со «злым супостатом». Поскольку чрезвычайно напоминают аналогичные схватки вокруг того или иного трона в Западной Европе, и не только там. Догматики как-то совершенно не принимают во внимание, что *психология* русских князей и европейских королей ничем особенным не отличалась. И те, кого мы с детства считали «избавителями земли русской от злых татаровей», на деле решали свои, династические проблемы – сиречь боролись с соперниками.

А чтобы показать, насколько схож менталитет разделенных многими тысячами километров народов (и закончить на веселой ноте после всех описаний зверств и коварства), приведу два случая из жизни – русской и китайской. Оба они считаются «полулегендарными», но это нас в данном случае волновать не должно...

Русь, XI в. В Суздальских землях завелся языческий волхв и стал, собирая толпы, проповедовать о необходимости возвращения к старой вере,

причем имел у слушателей определенный успех. Когда его, говоря современным языком, рейтинг заметно вырос, встревоженный князь направил туда воеводу Яна.

Ян, как явствует из дальнейшего, был человеком сообразительным. Вместо того, чтобы с бряцаньем оружия и бравыми воплями рубить встречного и поперечного, он решил действовать тоньше – полагаясь на логику. Спрятав под плащ боевой топор, он стал в толпу и долго слушал, как волхв распинаяется о своей способности творить чудеса, прорицать будущее. Потом вышел вперед и спросил:

– Мил человек, вот ты тут нам красиво расписываешь, а скажи-ка лучше, что с тобой будет завтра?

Волхв, гордо подбоченившись и не подозревая подвоха, уверенно отвечал:

– Завтра я чудеса великие сотворю!

– А вот те хрен! – сказал Ян на чистейшем древнеславянском.

Вряд ли он сказал именно так, но смысл, надо полагать, был схожий. Вслед за тем извлек топор и от всей души почествовал оппонента по голове. Оппонент, естественно, престаивался. Тогда Ян спросил слушателей: может ли считаться чудотворцем и предсказателем этакий вот субъект, который не способен предсказать даже собственное ближайшее будущее?

Трудно определить, безукоризненная логика воеводы Яна убедила слушателей, или присутствие вооруженных дружинников Яна. Как бы там ни было, вольнодумцы «устыдились и отпали от ереси»...

Примерно те же времена, Китай. В городе Гумбуме жили гэгэны, то есть монахи. Когда-то они были самыми что ни на есть праведниками и святыми подвижниками, но со временем впали в «соблазн и разврат, забросили служение богу, ублажали свою грешную плоть всеми способами, какие только имелись в их распоряжении, словом, опустились до последней степени. Местное население их по старой памяти побаивалось (так как они объявили себя великими чудотворцами) и лишь бессильно скрежетало зубами, исправно поставляя в монастырь дары своих полей и огородов. Гэгэны, стервецы, блаженствовали.

До тех пор, пока не умер старый император. Его сын, вступивший на престол, по молодости лет был скептиком и вольнодумцем, а потому несколько не боялся гэгэнов из Гумбума, овеванных зловещей славой магов и колдунов. Зато до него помаленьку стали доходить слухи, сплетни и письменные доносы о том, что на самом деле эти «святые отцы» давно уже опозорили высокое звание монахов-подвижников и занимаются черт-те

чем.

Император велел скрупулезнейше проверить слухи и доносы. Проверили. Все подтвердилось.

Тогда юный император собственной персоной прибыл в далекий Гумбум. Весь город собрался вокруг главной площади. На площадь согнали гэгэнов, коих тут же взяли в кольцо императорские телохранители.

Восседавший в золоченом кресле юный император благожелательно и ласково улыбнулся гэгэнам, после чего медовым голосом изрек:

– О великие гэгэны! Я слышан, что для вас нет тайн ни на земле, ни на небе, что вы превзошли все науки и высшую мудрость, что будущее вам открыто. Не скажете ли, высокомудрые гэгэны из Гумбума, когда вам суждено умереть? Что на сей счет вещуют звезды? Когда вы умрете, гэгэны из Гумбума?

На площади стояла мертвая тишина. Гэгэны, уже давно почуявшие, что дело пахнет керосином, проглотили языки, не зная, что тут можно соврать. Наконец какой-то отчаянный, стуча зубами, сообщил

– 3-3-завтра!

– А вот и нет! – радостно воскликнул юный император, окончательно убедившись, с кем имеет дело. – А вот и сегодня! А вот прямо сейчас! Рубай их, молодцы!

Телохранители императора, получив ясный и конкретный приказ, воспрянули духом и моментально порубали гэгэнов в капусту. С тех пор в китайском языке появилась насмешливая поговорка: «Он предвидит свое будущее, как гэгэн из Гумбума...»

Вместо эпилога

Я вовсе не настаиваю, что именно моя гипотеза стопроцентно верна. Всего-навсего хочу защитить несколько нехитрых тезисов...

Во-первых, порой совершенно не учитывается, что оставшиеся о старых времен летописи – лишь *вершина* айсберга. На одно *описанное, дошедшее* до нас событие должно приходиться несколько десятков других, наверняка не менее значимых и масштабных, сообщения о которых до нас попросту не дошли. Следовательно, в полном соответствии с тем, что говорил Роберт Колингвуд, исследователи имеют полное право искать те самые «косвенные улики», домысливать что-то, исходя из логики, здравого смысла.

Можно привести любопытнейший пример того, как совсем недавняя история начисто *переписывалась*.

В XVI в. по повелению Ивана Грозного была создана многотомная «всемирная история» – чуть ли не от сотворения мира и до середины его собственного царствования. Это – так называемый Лицевой свод. Его последний том, в историографии обычно именующийся Синодальным списком (потому что когда-то находился в библиотеке Синода), Иван Грозный лично изуродовал многочисленными поправками на полях, причем эти поправки были направлены как раз на *фальсификацию* иных реальных событий.

Одна из таких приписок сообщает, что в 1542 г., во время набега крымцев, трое русских воевод сдали город крымскому хану. Однако давно уже установлено по Разрядным книгам (где имеются полные записи о всех назначениях и перемещениях военачальников), что во время набега все трое находились в *других* местах и никакого города не сдавали. Дело в том, что, когда была сделана приписка, все трое угодили в немилость к царю, и на них задним числом сваливали чужие ошибки...

Ни в одной русской летописи нет рассказа о столь заметном, казалось бы, событии, как боярский мятеж 1533 г. во время опасной болезни Грозного. А вот в приписках Грозного о «воровском коварстве» бояр как раз пишется очень подробно. И потому всерьез подозревают, что и эту историю Грозный выдумал, чтобы отяготить лишними обвинениями попавших в немилость бояр.

Первоначально в рассказе о вражде меж князьями Шуйскими и Бельским упоминается, что в этой распре пострадал боярин Михаил

Васильевич Тучков, которого Шуйский сослал в деревню. Однако впоследствии Грозный собственной рукой превращает Тучкова из жертвы боярской распри в ее... зачинщика. Причина? В промежутке меж двумя записями, в 1564 г., Грозному изменил и сбежал в Литву боярин Курбский. М.В. Тучков, дед князя Курбского, стал «членом семьи врага народа», а потому историю следовало изменить...

В 1547 г. московская взбунтовавшаяся толпа учинила в церкви самосуд над дядей Грозного, боярином Юрием Глинским. В 1564 г. Грозный вносит в Лицевой свод «редакторскую правку»: теперь оказывается, что это был не просто бунт, а заговор «по наущению мятежников-бояр»... Естественно, тех, которые в этом году попали в немилость.

А если бы сохранился только «новый» вариант истории?

Ради курьеза можно рассказать и об одном из крайне многочисленных примеров создания «античных древностей».

Бенвенуто Челлини, гений в своем ремесле, а одновременно, как водилось в ту интересную эпоху, виновник многих уголовных преступлений, вспоминает в своих интереснейших мемуарах, как однажды к нему в Рим приехал «превеликий хирург», маэстро Якомо да Карпи, и заказал молодому в ту пору ваятелю несколько серебряных вазочек. Увезя их в Феррару, почтенный лекарь (славный в том числе, как вспоминает Челлини, и лечением венерических болезней), выдал вазы за античные, после чего продал за приличные деньги. Бенвенуто уверяет в записках, что понятия не имел, как коварный медик использует творение его рук, однако почему-то, даже узнав о случившемся, долго молчал о проделке, якобы для того, чтобы «не лишать вазочки их славы». А чуть ниже пишет прямо: «На этом маленьком дельце я много приобрел». Чем-чем, а излишней щепетильностью великий мастер не отличался.

Так переписывают историю, так создают «античность»...

Во-вторых, следовало бы почаще проветривать окна в здании Официальной Истории и впускать свежий воздух. Практически во всех без исключений точных науках – от физики и химии до биологии с палеонтологией – идет совершенно естественный и понятный процесс *изменений*. Постепенно отказываются от устоявшихся заблуждений, на основе новой информации выдвигая более соответствующие времени теории. История же, к сожалению, иногда напоминает замшелый бастион, наглухо отгородившийся от внешнего мира и происходящих в нем изменений.

А потому все, что хоть малейшим образом не укладывается в окостенелые концепции, отвергается с порога. Посмотрите, как не раз

поминавшийся мною Мыщык резвяся и играя расправляется с неугодными ему местами из книги Лызлова...

Лызлов, рассказывая о крымских ханах, упоминает некоего Анди-Гирея. Следует комментарий Мыщыка: «В специальной литературе крымский хан под таким или близким именем не отмечен; указанные Лызловым данные относятся к Девлет-Гирею».

Не знаю, чего здесь больше – цинизма или высокомерной тупости (уж позвольте не выбирать выражений). Если перевести указанную фразу на нормальный человеческий язык, она означает следующее: «Поскольку в современной научной литературе о хане Анди-Гирее не содержится никаких упоминаний, Лызлов ошибался, и все им сказанное относится к хану Девлет-Гирею». Именно так, и никак иначе. Прикажете называть это *научным* подходом?

Зато рассказ Лызлова о русской рати, отправившейся по Волге и разгромившей в отсутствие Ахмата его ставку, современные историки попросту... замалчивают. Только мельчайшим шрифтом, в «комментариях к комментариям» этот рассказ назван «исторической легендой». Спрашивается: почему одна летописная запись, не подтвержденная никакими материальными доказательствами, безоговорочно объявляется «исторической правдой», другая точно такая же – «исторической легендой»? По какому праву историк *сам* определяет, что считать правдой, что – сказкой?

Да потому, что в противном случае пришлось бы менять концепцию – а за создание либо защиту этой концепции уже получены конкретные материальные блага, да и годы уже не те, чтобы, перечеркнув прошлые достижения, остаться на голом месте и строить научную карьеру заново...

Посему уже не удивляешься, когда в толстенном восьмисотстраничном историческом труде, который должен играть роль справочника и учебного пособия, авторы страницами *шпарят* (иного слова не подберешь) отрывки из *художественных* произведений. Забыв предупредить читателя о том, что версия писателя далеко не всегда совпадает с былой *реальностью* [71].

Скажем, известный Лабиринт на острове Крит долгое время считался дворцом критских царей, где они обитали, судили и рядили. Эта версия нашла отражение в романах (в том числе и написанном автором этих строк двенадцать лет назад). Однако в последнее время было неопровержимо доказано, что Лабиринт – не место жительства критских владык, а огромная *усыпальница*. На художественные достоинства написанных согласно прежней, ошибочной концепции романов это может и не повлиять, но вот в исторические труды непременно следует внести

поправки.

Иногда их вносят. А иногда – и нет, цепляясь когтями и зубами за «устоявшуюся» точку зрения.

Простой пример. Уже более ста лет назад русские историки (Костомаров, Срезневский, Иловайский) начали сомневаться в личности автора «Повести временных лет», приписывая ее не «скромному иноку» Нестору, а игумену Сильвестру Выдубецкому. В своей книге «Становление Руси» Иловайский обобщил все возражения против авторства Нестора и весьма доказательно отстоял гипотезу авторства Сильвестра. Однако и сто лет спустя из книги в книгу кочует именно Нестор...

Кстати, по сведениям того же Иловайского, «Повести» предшествовал некий «Начальный летописный свод». Но до наших времен он не дошел – как Летописец Затопа Засекина и многие другие апокрифы...

Кое-что, конечно, меняется. Как ни безраздельно царствовала на протяжении сотен лет версия о том, что князей Бориса и Глеба убил их злокозненный брат Святополк, за это преступление и припечатанный навеки прозвищем Окаянный, в некоторых книгах, вышедших в последние годы, отдается должное и другой версии, по которой Бориса и Глеба убил другой их брат, Ярослав Мудрый. Потребовалось шесть-семь лет, чтобы она вошла, пусть на правах *гипотезы*, в серьезные обзорные труды, но вошла все-таки! По крайней мере, открыто признается, что могут существовать *несколько* версий исторического события, а это на нашем безрыбье – нешуточный прогресс...

Читатель, возмущившийся предложенной мною гипотезой и с ходу отмечающий ее без особой мотивировки, должен уяснить себе одну простую вещь: подавляющее большинство якобы «несомненных свидетельств» монгольского нашествия из далеких степей являет собой добросовестное *переписывание* авторами трудов предшественников. И не более того.

Д. Иловайский в начале века назвал всего *семь* основных источников о монголах и Чингисхане. Рассмотрим их...

1. «Древнекитайские летописи».

(О «древности» китайских летописей читатель уже имеет некоторое представление.)

2. «Персидский летописец Рашид Ад-Дин».

(Рашид Ад-Дин работал в начале *четырнадцатого* столетия и очевидцем описанных им событий не является. Именно на книге Рашид Ад-Дина основывался хивинский хан Абульгази, когда в XVI веке написал свою «Родословную историю о татарах», которая тем не менее порой

опять-таки считается СВИДЕТЕЛЬСТВОМ.)

3. «Буддийско-монгольская летопись «Алтан-Тобчи»». (Написана опять-таки гораздо позже описываемых в ней событий.)

4. Армянская «История монголов инок Магакии. XIII век».

(Вот здесь я смущенно умолкаю – не ознакомился.)

5. «Европейские путешественники XIII века – Плано Карпини, Аспелин, Рубруквис и Марко Поло».

(За прошедшие сто лет мы уже разглядели во всех деталях, что собою представляют эти субъекты как «свидетели»...)

6. «Византийские историки Никифор Грегора, Акрополита и Пахимер».

(Умолкаю – не знаком.)

7. «Западные летописцы, например Матвей Парижский».

(Ну, с брехуном Матвеем мы тоже знакомы...)

Итак! За время, прошедшее с тех пор, как Иловайский перечислил эти «важнейшие источники», то есть почти сто лет, их число не особенно и увеличилось. Проще говоря, не увеличилось вообще. Наоборот, всплыли новые сведения о том, что «Яса», свод законов, якобы составленный лично Чингисханом, в действительности представляет собой произведение гораздо более *позднего* времени. Как и пресловутое «Сокровенное сказание монголов». Не может похвастаться особенными достижениями и археология – более того, в ходу до сих пор совершенно дикие «методы датировки» вроде примера с украшениями, который я приводил, когда ученые *договорились* считать, что наличие украшений указывает на домонгольский период, а их отсутствие – на более поздние века. Наконец, никто так и не смог подтвердить методами точных наук подлинность гумилевских «всплесков пассионарности» (экстрасенсов, контактеров, уфологов и тому подобную публику лично я обхожу за версту).

Вернемся лучше к более интересному вопросу. Как произошло, что возникла и утвердилась легенда о приходе «татар» из Центральной Азии? О Каракоруме, расположенном именно в *монгольских* степях?

Лично мне процесс представляется проходившим примерно так...

По мере того как Север и Юг «Золотой Орды» все дальше удалялись друг от друга, потому что на Севере укреплялось христианство, а на Юге, соответственно, мусульманство, прошлые события на Руси все чаще представлялись в искаженном виде – как «вторжение злых татаровей». Нельзя исключать и того, что потомки Александра Невского умышленно подстегивали этот процесс – гораздо привлекательнее свалить многие кровавые события как раз на «злых татаровей» (подобно тому, как сегодня

Октябрьскую революцию иные убогонькие умом объявляют «происками жидомасонов»). Много раз бывали «чистки истории», когда правители умышленно избавлялись от фактов и документов, рисовавших их предков или предшественников в неудобном свете. Массированный террор Сталина против «старых большевиков» как раз объясняется еще и тем, что эта амбициозная и неуправляемая вольница, слишком много знавшая и помнившая, самым своим физическим существованием противоречила благостной, отглаженной, глянцевої картинке, официальной истории Октября, которую как раз начинали писать. Грабивший банки Камо и Уншлихт с Радеком, раздававшие в 1923 г. винтовки «германским товарищам» прямо во дворе советского посольства в Берлине, никак не вязались с легендами о «победоносном шествии идей марксизма по Европе». И потому их, равно как и дубоподобных командармов, умевших лишь махать шашкой, пришлось «утилизировать».

Книга Лызлова неопровержимо доказывает: к концу XVII века уже верили, что «Батыево нашествие» было налетом «злых татаровей», но сказка о «монгольской империи со столицей в Каракоруме» еще не утвердилась. Вероятнее всего, она расцвела пышным цветом во времена Петра Первого, когда на Руси получили широкое распространение западные теории и труды западных «очевидцев» вроде Марко Поло с его жрущими слонов грифами и официантами-телекинетиками, Карпини с его «магнитной горой». Тогда все окончательно и оформилось. Татищев еще имел возможность пользоваться «неудобными» архивами, но вскоре эти архивы перестали существовать. А книга Лызлова не переиздавалась двести лет (быть может, тут и нет злого умысла, а есть обыкновенное русское разгильдяйство).

Между прочим, в *литературной* русской традиции попадают блестящие примеры неумышленных ошибок. История убийства «в Орде» Михаила Черниговского и его сына Федора под пером книжников «уехала» из 1339 г. в 1245-й, мало того, Федор из сына Михаила превратился в его «ближнего боярина»...

Между прочим, в Хорезме «нашествие монголов» странным образом, как и на Руси, совпало с великой смутой, охватившей всю страну, когда население поднялось против иноплеменных кипчаков, ставших правящей элитой, и даже ближайшие родственники хорезм-шаха стали его противниками. Не исключено, что и тамошние летописцы свалили на «диких монголов» свои собственные грехи. Иначе как прикажете объяснять такой, к примеру, казус? Город Мерв поначалу называется в числе мест, уничтоженных «монголами» дочи́ста. Однако всего через пару лет там,

согласно хроникам, вспыхивает восстание против «монголов», а еще через год «разрушенный до основания» Мерв выставляет против «монголов»... *десятитысячное войско...*

Между прочим, «диким кочевникам» совершенно нечего было делать в горной Грузии, где скотоводы не найдут ничего для себя полезного. Так что «монгольское нашествие» на Грузию требует столь же тщательного расследования.

И еще. Любой, кто пожелает выступить противником моей гипотезы, обязан, простите за наглость, сделать две непереносимых вещи. Во-первых, изучить те же исторические труды, которыми пользовался я, во-вторых, ответить на тридцать каверзных вопросов:

1. Почему в «монгольском войске» не было монголоидов, а Чингисхан и Батый описаны людьми с обликом европейцев?

2. Почему «монгольская» конница ездил на лошадях не монгольской породы?

3. Почему «Слово о погибели русской земли», якобы повествующее о «монгольском нашествии», оказалось оборванным как раз там, где следовало начаться подробностям?

4. Почему «монголы», якобы прирожденные степняки, так уверенно воевали в лесах?

5. Почему «монголы», вопреки обычаям кочевников, вторглись на Русь *зимой*?

6. Зачем степным кочевникам понадобилось бессмысленное вторжение в горную Грузию?

7. Почему Лызлов, один из образованнейших людей своего времени, ни единым словом не упоминает о Несторе и «Повести временных лет»? А также о «великой монгольской империи», некогда простиравшейся от Пекина до Волги?

8. Почему «монголо-татары» – единственный известный в истории кочевой народ, за считанные годы обучившийся обращению с самой сложной военной техникой того времени, а также взятию городов?

9. Почему многие русские и западные историки настойчиво твердят о принадлежности половцев и татар к европейцам, к славянам, к оседлым народам?

10. Почему действия Батыя почти во всем повторяют действия Всеволода Большое Гнездо?

11. Почему татары, столь благожелательно относившиеся к христианству (и сами в значительном числе христиане), казнили русских князей за «оскорбление языческих обрядов»?

12. Почему Батый передоверил представлять свою персону на важнейшем ордынском мероприятии, выборах великого кагана, одному из множества покоренных им мелких удельных князьков?

13. Почему «ордынские вельможи» сплошь и рядом занимаются исключительно *русскими* делами?

14. Почему «жадные до добычи татары», озабоченные в первую очередь грабежом, теряли долгие недели на осаду крохотных бедных городков вроде Козельска, но так *никогда* и не потревожили богатейшие Смоленск с Новгородом?

15. Почему татары, вторгшиеся в Европу, воевали только с теми странами, что поддерживали папу в конфликте меж папой и германским императором? Почему татары, якобы терпимые ко всем религиям, так нелюбезно встречали посланцев папы?

16. Что заставило татар вместо равнинной Германии, где гораздо удобнее действовать коннице, повернуть в гористую и гораздо более бедную Хорватию?

17. Почему Даниил Галицкий, «воюя против татар», разорял и жег исключительно русские города?

18. Почему Даниил Галицкий за двадцать шесть лет так ни разу и не попытался найти среди русских князей союзников в борьбе с татарами?

19. Почему «ордынские мурзы» сплошь и рядом носили русские, христианские имена?

20. Почему баскаки появились в русских городах только через 19 лет (а то и 21 год) после завоевания Руси?

21. Куда исчезла со смертью Батыева великая империя, якобы простиравшаяся от Волги до китайских морей? Где ее архивы, добыча, дворцы, крепости, потомки многочисленных пленников?

22. Почему во время «Батыева нашествия» не пострадал ни один церковный иерарх – кроме «чужака»-грека?

23. Как объяснить появление двуглавого орла на монетах Джанибека?

24. Чем объяснить удивительную стойкость легенды о «царстве пресвитера Иоанна», державшейся на Западе более *двухсот* лет?

25. Почему «ярый насаждатель ислама» Узбек письменно просил православного митрополита молиться за него, его родных, его царство?

26. Почему в «орде Мамай» практически не было татар, а подданные Мамай – определенно *оседлый* народ?

27. Почему на битву с Ахматом Ивана III пришлось прямо-таки выталкивать с превеликими усилиями?

28. Почему титул «царь» несколько сот лет считался *татарским*?

29. Почему определение «поганые» комментаторы относят только к татарам, хотя видно, что его употребляли и в отношении русских грабителей?

30. Почему «безобидная марионетка» Симеон Бекбулатович после смерти Грозного подвергся столь жестоким преследованиям?

Подыщите *другие* логичные и убедительные объяснения – что же, как пел Высоцкий, «вот тогда и приходите, вот тогда поговорим...»

Согласно нынешним законам, любой продаваемый товар должен иметь сертификат качества. Применительно к истории это означает: всякий, пытающийся доказать ту или иную гипотезу, обязан опираться не на компилятивные труды, а на *источники*.

И, право же, не моя вина, что эти первоисточники при вдумчивом их изучении позволяют выдвигать *другие* гипотезы – еретические, крамольные, непривычные, однако имеющие право на существование...

Тайны Смутного времени

Предуведомление

Признаюсь честно и сразу: я несколько погрешил против истины, дав этой главе столь завлекательный заголовок. Пристрастно говоря, в событиях, названных впоследствии Смутой, или Смутным временем, нет особых тайн – по крайней мере, крупных. Мелких найдется преизрядное количество, но по-настоящему больших, грандиозных, особо завлекательных, увы, не отыскать. Как-никак Смута отстоит от нашего времени всего на триста лет, слишком многие из ее очевидцев и участников оставили подробные воспоминания, слишком развитой к тому времени была система государственного делопроизводства – так что и официальных бумаг накопилось достаточно, и большая их часть (не в пример другим архивам) осталась в целости.

И все же... Говорят, что новое – это попросту хорошо забытое старое. В нашем случае вполне позволительно будет самостоятельно изобрести несколько схожий афоризм: «Тайна – это хорошо забытая истина».

Если смотреть с этой точки зрения, в заголовке нет ни натяжек, ни преувеличений. Смутному времени особенно не повезло – я не единожды имел случай убедиться, что представления о нем у наших современников порой прямо-таки фантастические. Проистекающие из крайне ничтожного количества точной информации, пущенной в широкий оборот. Не только в школьных, но и в вузовских учебниках прежнего времени Смуте было отведено до обидного мало места. Гораздо меньше, чем того заслуживают события, в течение девяти лет сотрясавшие одну из самых больших стран мира. Если добавить к этому стократно и справедливо осмеянное невежество совковой интеллигенции, в качестве пищи духовной пробавлявшейся лишь модной периодикой и не привыкшей по сию пору обращаться к источникам, научным трудам, мемуарам современников – картина усугубляется еще более.

А посему нечего удивляться, что в головах иных индивидуумов наличествует форменная каша. Утверждение это отнюдь не голословно – когда эта книга существовала лишь в виде дерзко-туманных задумок, я долго развлекался, задавая своим окончившим по паре-тройке институтов знакомым незатейливые вопросы вроде: «Если из Москвы пришлось изгонять польских *интервентов*, как в таком случае называется *сражение*, в результате которого Москва была взята? И когда имела место эта битва?»

Результатом всегда было недоуменное молчание. Те, кто не чурался

логики и углубленной работы ума, по размышлении признавали, что и в самом деле наблюдается некая нелепица: с одной стороны, Москва вроде бы была *взята*, с другой – никто не в силах припомнить подробностей означенного взятия...

Однако при этом все без исключения, чтобы не ударить в грязь лицом, повторяли несколько устоявшихся штампов. Вспоминали, что пришедшие на Русь «интервенты» были поляками, что Лжедмитрий Первый, он же беглый чернец Гришка Отрепьев, всерьез намеревался продать Русь «чертовым ляхам» и иезуитам, чьим тайным орудием и являлся: что Новгород и прилегающие земли были опять-таки захвачены «интервентами», но уже шведскими; что на зов Минина и Пожарского русские люди поспешили под их знамена, прямо-таки теряя каблуки от быстроты бега... Малый джентльменский набор, одним словом. Разумеется, добавляют еще, что Отрепьев был убит «возмущенным народом», что «русское войско» в конце концов изгнало «польских интервентов», успевших, правда, под конец замучить незабвенного героя Ивана Сусанина.

Если бы все и в самом деле обстояло столь незатейливо, события с самого начала назвали бы «польско-русской войной». Одной из многих. Однако наши далекие предки отчего-то именовали этот период *Смутным временем*...

Я не собираюсь раскрывать какие-либо роковые тайны (их попросту нет). Всего лишь намерен кратко изложить историю Смутного времени, опираясь исключительно на первоисточники, главным образом русские, а волю своей фантазии буду давать лишь в тех случаях, когда речь пойдет о тех самых второстепенных загадках, над коими ломают голову до сих пор. И тем не менее наберусь дерзости заявить: именно это краткое изложение основных событий Смуты для многих как раз и станет натуральнейшей сенсацией. Потому что раньше о многом либо умалчивалось, либо писалось столь небрежной скороговоркой, что это «полузнание» очень быстро вылетало из памяти.

И, разумеется, по своему обычаю не смогу удержаться, чтобы не развеять парочку устоявшихся мифов. Возможно, при этом чьи-то любимые мозоли окажутся самым варварским образом оттоптантыми, но моей вины тут нет, все, повторяю, основано на первоисточниках. Наши предки (и не только наши, понятно) в действительности сплошь и рядом были отнюдь не такими, какими представляются потомкам, – в особенности, если потомки не обременены хорошим знанием истории, подменяя это знание полумистическими и чванными заклинаниями о «святой Руси»,

решительно все беды которой происходили от козней иноземцев...

«И бысть глад велик...»

Кровавой борьбой претендентов на трон Европу никак было не удивить – хлебнула досыта за столетия. Однако, если речь пойдет не просто о претендентах, а о *самозванцах*, картина совершенно иная. Самозванцев в Европе почти что и не водилось, за редчайшими исключениями, вроде Лжесебастиана Португальского, знаменитого «Иоанна Посмертного» или «дофинов Людовиков» более позднего времени.

Однако две страны стоят особняком – Англия и Россия. По числу самозванцев Англия лишь немногим уступает России (в том случае, конечно, если мы будем считать лишь *серьезных* русских самозванцев, производивших *крупные* возмущения). Мало того, меж Англией и Россией прослеживается некая, прямо-таки полумистическая связь и в некоторых других печальных рекордах. И там, и здесь примерно равно число коронованных особ, убитых соперниками либо погибших от руки дворян. Понятно, число немалое. Генрих VIII и Иван Грозный в некоторых отношениях выглядят прямо-таки братьями-близнецами – первый был женат шесть раз, второй – восемь, оба казнили некоторых своих жен, оба превзошли и предшественников, и преемников в массовом терроре, оба расправлялись с высшими сановниками своих церквей (разница лишь в том, что Генриху удалось отобрать у церкви ее земельные владения, а Иван, добивавшийся того же, отступился). Екатерина II, с чьего прямого соизволения был убит ее супруг, ничем особенным не отличается от Марии Стюарт, так же поступившей с надоевшим мужем.

Можно добавить еще, что Англии принадлежит безусловный рекорд в другом виде междоусобиц – когда коронованные муж и жена становились врагами и воевали друг против друга в самом прямом смысле (Стефан и Матильда, Генрих II и Алиенора, «французская волчица» Маргарита и Эдуард II). Впрочем, мы отвлеклись от темы...

Так вот, Лжедмитрий I – чуть ли не единственный во всей Европе самозванец, которому удалось не просто произвести возмущение, а *сесть* на престол и удержаться там около года. Согласитесь, феномен примечательный. И, как всякий феномен, заслуживает подробного рассмотрения. Почти все предшественники и последователи Лжедмитрия, на Руси бывало дело или в Западной Европе, кончали одинаково. Самым удачливым удавалось в лучшем случае выиграть парочку мелких сражений – потом на их недолгой карьере ставили точку правительственные войска.

Самые невезучие (вроде «сына и дочери Павла I», объявившихся в Енисейской губернии, нынешнем Красноярском крае, английского герцога Монмута или печальной памяти княжны Таракановой) не успевали и этого.

Почему-то подобные предприятия с завидной регулярностью увенчивались успехом в Молдавии. В 1561 г. некий рыбацкий сын, выдававший себя за племянника одного из греческих правителей, собрал украинско-польскую вольницу, изгнал тогдашнего господаря Александра и сел на престол. Однако продержался там лишь два года – когда он попытался ввести в стране европейские обычаи и жениться на дочери протестанта, молдаване взбунтовались и убили неосторожного реформатора.

В 1574 г. другой самозванец, некий Ивония, назвал себя сыном молдавского господаря Стефана VII и с помощью казаков занял престол. Его опять-таки убили довольно быстро. В 1577 г. новый самозванец (некий то ли Подкова, то ли Серпягу) на сей раз объявил себя братом Ивонии. Дальше все пошло по накатанной колее – казаки помогли претенденту захватить молдавский престол, но вскорости недовольные подданные прикончили и Серпягу. Надо полагать, эта свистопляска надоела в первую очередь не молдаванам, а самим казакам – когда в 1592 г. у них по старой памяти попытался найти поддержку очередной соискатель молдавского престола, казаки, не мудрствуя лукаво, выдали его полякам. Видимо, этот печальный опыт учел некий сербский искатель приключений Михаил – пару лет спустя, возжаждав молдавского престола, он не стал объявлять себя родичем какой бы то ни было известной личности, а попросту собрал рать и без всяких объяснений и побасенок захватил Молдавию. Потом, как было принято в Молдавии, его убили. Тут уже лопнуло терпение у короля Сигизмунда, и он особым указом обязал казаков «впредь не принимать молдавских самозванцев».

Наконец, можно вспомнить Стефана Малого, объявившего себя чудесно спасшимся Петром III и занявшим черногорский престол. Но это совсем другая история...

Лжедмитрию I все поначалу удавалось просто блестяще. Вступив в пределы России с горсточкой вооруженных людей, которую мог втоптать в землю, не заметив даже толком, один-единственный царский полк, «названный Дмитрий», однако, прямо-таки триумфально прошествовал к Москве, где и был встречен ликующим народом вкупе с боярами и князьями церкви. Должно же быть какое-то объяснение, не исчерпывающееся «слепой верой в чудесным образом спасшегося от убийц царевича»?

Объяснений, строго говоря, два. И оба они, по совести, должны заставить задуматься и современных политологов...

Во-первых, разумеется, политика Бориса Годунова – вернее, общее и повсеместное *разочарование* в государе. Недовольными были все. Налоговые льготы, торговые привилегии, амнистии и милости, которыми Борис пытался умаслить все слои общества в начале царствования, со временем, как это обычно и бывает на Руси, как-то незаметно сошли на нет. Крестьянам окончательно запретили переходить к другим помещикам – до превращения землепашца в вещь оставалось еще около ста двадцати лет, но и сама по себе отмена Юрьева дня казалась тогдашним людям неслыханным попранием прадедовских обычаев (примерно так и мы восприняли бы указ о запрещении менять место работы).

Тем, кто стоял на общественной лестнице гораздо выше, то есть дворянам и боярам, пришлось тоже нелегко. Крестьянину просто-напросто запретили переходить от одного господина к другому, зато господа рисковали и свободой, и жизнью. В первые годы XVII века, когда по стране стали бродить первые туманные слухи о «чудесно спасшемся царевиче Димитрии», Борис Годунов, судя по всему, не просто испугался, а испугался *крепко*...

И началась вакханалия. Самым счастливым из бояр или дворян мог считать себя тот, которому всего-навсего запрещали жениться (было у Бориса такое обыкновение). Другим приходилось покруче. Постригали насильно в монахи (как Федора-Филарета, отца будущего царя Михаила Романова), ссылали к черту на кулички, бросали в тюрьму, отбирали имущество, обдирая так, что это и не снилось нынешней налоговой инспекции. Государство не просто благосклонно внимало доносам – активнейшим образом их поощряло. Часть имущества оговоренного брали в казну, а часть шла доносчикам. «Маяком доносительства», на которого должны были равняться остальные, стал некий Воинко, холоп князя Шестунова. За донос на хозяина Борис прямо-таки демонстративно дал холопу волю, наградил поместьем и велел объявить о том всенародно.

И понеслось... Как выражался один из историков, подобные меры «разлакомили» холопов, и доносы посыпались градом. По первому подозрению (чаще всего обвиняли в колдовстве, это стало таким же распространенным, как во времена большевиков – обвинение в «контрреволюции») хватали самого обвиненного, его близких, родственников, друзей и соседей. Всех, как водилось, пытали самым тщательным образом. Тех, кто признавался, сажали и ссылали. Тех, кто упорствовал, частенько лишали языка или вешали, поскольку свыше было

велено считать, что заpiresательство как раз и есть признак виновности.

Безусловно, Борис верил в «ведовство» и «дурной глаз» гораздо меньше, чем уверял. Однако всем, попавшим в «пытошные» по голословному навету, от этого было не легче.

Никоновская летопись сообщает об этом времени так: «И сталося у Бориса в царствие великая смута; доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, и проскурницы; жены на мужьев, дети на отцов, отцы на детей доносили».

Предков Пушкина сослали в Сибирь по доносу собственных холопов, отобрав имущество. Одного из Романовых в тюрьме задушил пристав. Боярину Богдану Бельскому по приказу царя по волоску выщипали бороду, которой боярин гордился (впоследствии Богдан Бельский станет одним из приближенных Лжедмитрия, торжественно поклянется перед москвичами, что царевич – настоящий...). Будущий герой-освободитель, князь Д.М. Пожарский, сделал донос на своего недруга, князя Бориса Лыкова, а его мать княгиня Марья донесла на мать Лыкова (таков уж был тогдашний обычай – мужчины могли делать доносы только на мужчин, а женщины – на женщин, бояре должны были доносить царю, боярыни, соответственно, царице). Естественно, всех Лыковых законопатили «за приставы»^[65] всерьез и надолго...

Господа, со своей стороны, отыгрывались на низших. Поскольку тогдашние законы о холопстве были столь же запутанными и поддававшимися двойному толкованию, как нынешнее налоговое законодательство, злоупотребления начались фантастические. Человек, нанявшийся на временную службу или мастеровую работу, объявлялся холопом и навсегда терял свободу, поскольку все зависело от судьи, а судья был живым человеком, хотел есть-пить вволю да вдобавок обеспечить детушек... Иногда людей без особых придумок ловили на дорогах и закабалляли. Доходило до того, что сильный и богатый боярин делал холопами... служивших у него дворян, владельцев поместий (поместья, конечно, забирал себе). Правда, необходимо отметить, что находились простолюдины-прохвосты, которые извлекали личную выгоду и из такого положения дел (ибо житейская смекалка русского человека безгранична) – «закладывали» себя в холопы, пожив немного, обкрадывали владельца, убегали и повторяли этот финт, пока не попадались или, сколотив деньжонок, не отходили от дел (благо до удостоверяющих личность документов додумался лишь Петр I столетие спустя). Нужно помнить, что знатный господин, независимо от того, угнетал он своих «холопей» или кормил кашей с маслом, мог всегда ждать доноса от любого из своих людей. По язвительному замечанию историка Костомарова, «между

господами и холопами была круговая порука: то господин делает насилие холопу, то холоп разоряет господина». Идиллия, некоторым образом. У всякого был шанс отыгаться на обидчике...

Поскольку запретный плод особенно сладок, крестьяне после «закрепления» бежали в массовом количестве – и, за неимением других возможностей, становились разбойниками. Не то что на пресловутых «больших дорогах» – в самой Москве, по свидетельствам современников, опасно было выйти ночью со двора, непременно получишь кистнем по голове.

Как частенько случается перед великими и страшными потрясениями, косяком пошли «знамения», предвещавшие, по общему мнению, нечто неизвестное, но непременно страшное...

Говорили, что в 1592 г. в северных морях появилась столь огромная «рыба-кит», что едва не своротила Соловецкий монастырь. Оползень, разрушивший в 1596 г. Печерский монастырь под Нижним Новгородом, считали предзнаменованием нехороших перемен. Прошли слухи, что волки и бездомные собаки вопреки своим обычаям пожирают друг друга, а следовательно, вновь появилось знамение, предвещающее, что вскорости и люди начнут грызть друг друга. Неизвестно откуда появились черно-бурые лисицы, забежавшие даже в Москву, – опять-таки «нехорошее знамение». В 1601 г. караульные стрельцы болтали по Москве: «Стоим мы ночью в Кремле на карауле и видим, как бы ровно в полночь промчалась по воздуху над Кремлем карета в шесть лошадей, а возница одет по-польски: как ударит он бичом по кремлевской стене, да так зычно крикнул, что мы со страха разбежались». Бури вырывали с корнем деревья, переворачивали колокольни, срывали крыши; в одном месте перестала родиться рыба, в другом пропали птицы, в третьем уродов рожали женщины, в четвертом – домашняя скотина. На небе видели по два солнца, а ночью – по два месяца. В довершение всего, в 1604 г. на небе вовсе уж некстати объявилась комета, видимая и днем. Ходят легенды, что испуганный ею Борис призвал немца-астролога, и тот пугал «великими переменами» (что случилось с астрологом – неизвестно, мог и унести ноги).

И все же – мало напоминает конец света. Бывало и тяжелее, однако самодержцы удерживались на престоле. И не в силах отделаться от убеждения: ограничься дело только *этим*, Борис мог и выстоять. Еще и потому, что государем он был крутым, не боялся рубить головы, рвать языки и забивать в железо, а на Руси так уж исстари повелось: властители, не боявшиеся крови, так и умирали властителями, и даже естественной смертью; меж тем расставались с престолом и жизнью исключительно те,

кто был умен и исполнен лучших намерений, вот только замыслы свои имел глупость проводить в жизнь не кнутом и топором...

Но дело еще и в том, что вскоре на Русь пришел Великий Голод...

Летом 1601 г. на всем востоке Европы зарядили дожди – холодные, проливные, бесконечные. От Пскова до Нижнего Новгорода они лили непрерывно двенадцать недель. Уже в июле ударил первый снег. Весь урожай погиб – даже попытки скосить недозревшие хлеба провалились. Уже в конце августа начались снегопады и метели, по Днепру ездили на санях «как средь зимы», на полях жгли костры, чтобы спасти хотя бы жалкие остатки незрелого жита. Не удавалось...

1602 г. Теплая весна, поля, засеянные еще с прошлого года, неожиданно дали обильные всходы – но вскоре вновь грянули «морозы превеликие и страшные». Всходы погибли. Лето, против прошлогоднего, было сухим и жарким. «Кто сеял сто мер жита, собрал одну меру, вместо ржи родилось былье...»

Весна и лето следующего, 1603 г. выдались довольно благоприятными, но подстерегала другая беда – не было семян из-за недородов двух предшествующих лет...

И начался голод. Цены на хлеб мгновенно взлетели в 25 раз – на этот счет есть совершенно точные воспоминания «служилых иноземцев» Жака Маржерета и Конрада Буссова. Оба владели в России поместьями, занимались хлеботорговлей и проблему знали не понаслышке.

В пищу шло все – кошки и собаки, мякина и сено, навоз, трава и корни, даже мыши, собственный кал и солома. Впервые на Руси люди стали есть людей. И не только трупы... Еще один иностранец, служивший на Москве, Петр Петрей, рассказывает, что он видел в Москве, как умиравшая от голода женщина грызла своего ребенка. В столице продавались пироги с человечиной. Легко можно представить, что творилось в провинции. Вспоминают, что путнику было опасно заехать на постоялый двор – могли тут же зарезать и съесть. Маржерет, оставивший интереснейшие записки о России, свидетельствовал: «Я был свидетелем, как четыре крестьянки, брошенные мужьями, зазвали к себе крестьянина, приехавшего с дровами, как будто для уплаты, зарезали его и спрятали в погреб про запас, сначала намереваясь съесть лошадь его, а потом и его самого. Злодеяние это тотчас же и открылось: тогда узнали, что эти женщины поступили таким образом уже с четвертым человеком».

Точности ради нужно уточнить, что не все области страны были одинаково поражены голодом, а справедливости ради упомянуть, что Борис Годунов боролся с голодом, прилагая прямо-таки титанические усилия.

Впервые в русской истории им была предпринята попытка регулировать цены – естественно, на хлеб, запрещая поднимать их до запредельных высот. Кроме того, опять-таки впервые в нашей истории, по стране разъехались «продотряды», выявлявшие спрятанный хлеб и заставлявшие владельца продавать его по установленной цене.

И вновь, в который раз на Руси, все благие намерения столкнулись с человеческой природой (как, впрочем, бывало не на одной лишь Руси)...

В Курске, где урожай был особенно хорош, во Владимире, в других уродивших окраинах отнюдь не торопились везти хлеб в голодные районы, предпочитая придерживать его в ожидании «настоящей» цены. Так же поступали и московские хлеботорговцы. Хлеб прятали все – бояре, купцы, монастыри – и все пытались им спекулировать, уворачиваясь от грозных указов царя, елико возможно. Руководившие «продотрядами» чиновники сплошь и рядом за взятку закрывали глаза на спрятанный хлеб или на то, как в Москву отправляют гнилье. Зажиточные люди массами выгоняли своих холопов, чтобы не тратиться на прокорм, а выгоднее продать сэкономленное зерно. Должностные лица, ответственные за бесплатную раздачу хлеба нахлынувшим в столицу беженцам, делились деньгами и зерном в первую очередь со своими друзьями и родней, их сообщники заявлялись в лохмотьях под видом нищих, оттесняя настоящих бедняков. Современник пишет, что сам видел, как за хлебом приходили переряженные нищими дьяки. Пекари, обязанные выпекать хлеб строго определенного веса и величины, продавали ковриги почти непропеченными, а то и подливали воды для тяжести. Им рубили головы, но особого воспитательного значения на остальных это не производило.

Считается, что погибло около трети населения страны. Жак Маржерет писал, что за два года и четыре месяца из двухсотпятидесятитысячного населения Москвы умерло сто двадцать тысяч. Монах Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, оставивший записки о Смутном времени, называет даже большую цифру – 127 000.

Спасаясь, бежали кто куда мог – в Сибирь, на Дон, Запорожье, на Украину. Поскольку Борис предпринимал меры, чтобы вернуть беглых, вся эта многотысячная масса автоматически становилась горючим материалом, вольницаей, готовой примкнуть к любому, кто пообещает не возвращать в прежнее состояние.

(Немного позже по тем же мотивам воевали против Жечи Посполитой жители Украины – польско-литовское государство соглашалось принять на службу лишь строго определенное число «реестровых казаков», однако многие, за время смут и бунтов успевшие полюбить вольготную жизнь

бродячего «лыцаря» с сабелькой на боку, категорически не хотели вновь возвращаться к плугу. И потому возникла ситуация, кажется, не имеющая аналогов в мировой практике: в нескольких восстаниях участвовали не те, кто боролся *против* Жечи Посполитой, а те, кто таким образом пытался попасть в «реестровые казаки». Иными словами, люди воевали с государством за то, чтобы именно оно, это самое государство, приняло их к себе на службу и наделило привилегиями! Случай уникальнейший...)

Понятное дело, разбойники расплодились в неимоверном множестве. В таком множестве, что перешли в несколько иную категорию – не лесных грабителей, а мятежников. В 1603 г. на Москву из Северной земли двинулось огромное сборище «гулящего народа» под предводительством некоего Хлопки Косолапого. Это уже были не разбойники, а люди с некоей программой действий. Программа, правда, не отличалась ни новизной, ни глубиной – занять столицу, всех истребить и все ограбить, – но при широком и вдумчивом ее претворении в жизнь могла натворить дел нешуточных. Дошло до того, что ватага Хлопки первой ударила на идущие ей наперехват войска под начальством окольного Ивана Басманова, и сам Басманов был убит. Правда, Хлопку все-таки разбили, взяли в плен и казнили в Москве. Чуть позже родственник царя, окольный Семен Годунов, двинулся с воинской силой усмирять бунты в Астрахани, но был разбит «воровскими казаками» и едва вырвался живым.

Борис Годунов делал все, что мог – искал спрятанный хлеб, держал на него низкие цены, начал строить каменные палаты Московского Кремля, чтобы дать работу многим сотням голодных беженцев. Издал указ о том, что все холопы, оставленные своими хозяевами без средств к пропитанию, немедленно получают вольную.

Однако беды зашли слишком далеко. На дорогах уже разбойничали не просто беглецы от голода, но и мелкие дворяне, со своей «дружиной» искавшие легкой добычи. Именно после страшных лет «великого голода» стали широко распространяться во всех слоях населения пересуды о том, что именно Борис в свое время приказал убить малолетнего царевича Дмитрия-Уара, сына Ивана Грозного от восьмой жены. И, разумеется, о том, что спасшийся царевич вскорости придет восстановить справедливость.

Легко представить, какими методами боролись с распространителями слухов. Однако было уже поздно. Борис оказался бессилён. 13 октября 1604 г. Лжедмитрий I вступил в пределы России...

Первые шаги и первая кровь

Вопреки устоявшемуся мнению, самозванец объявился не где-то «в Польше» (к тому времени, как мы помним, никакой «Польши» уже не было, а было федеративное государство Жечь Посполита), и даже не в Литве (читатель помнит, что под этим названием подразумевается отнюдь не нынешняя Литва), а в «русских землях», то есть на Киевщине, в окружении всесильного магната Адама Вишневецкого. Именно Адам и его брат Константин первыми и узнали, что один из их слуг – «потомок Иоанна Грозного».

Как это произошло, в точности неизвестно и вряд ли когда-нибудь будет установлено. По одной легенде, «Димитрий» занемог и думая, что умирает, признался в своем происхождении монаху на исповеди – ну а тот, наплевав на тайну исповеди, помчался к князю Адаму. По другой «Димитрий» сам признался князю, кто он таков, когда князь вздумал отдавать ему распоряжения, как простому прислужнику.

Бог весть... В конце концов, это не столь уж и важно. Гораздо важнее другое – по моему глубокому убеждению, Адам и Константин Вишневецкие искренне *верили*, что их гость и есть подлинный царевич Димитрий. Во-первых, без этой гипотезы никак не объяснить их последующую верность и первому, и второму Лжедмитриям, когда полагалось бы и прозреть. Во-вторых, без этой гипотезы прямо-таки невозможно понять, какой же интерес преследовали оба брата, оставаясь преданными сподвижниками самозванца. О «материальной заинтересованности» говорить смешно. Братья Вишневецкие были не просто «одними из крупных» – *крупнейшими* магнатами Жечи Посполитой. Предки знаменитого «князя Яремы» располагали властью, влиянием и богатством, не снисшимся иным королям того времени. И, что гораздо более убедительно – «царевич Дмитрий», щедро раздавая обещания тем, кто взялся бы ему помогать, суля одним умопомрачительные груды золота, а другим огромные территории России, князьям Вишневецким не обещал *ничего*. Ни единого золотого, ни единой деревеньки. И тем не менее братья решительно выступили на его стороне. Поэтому никак нельзя исключать того, что они старались «за идею». Оба были детьми своего времени и потому вполне могли поверить самозванцу – огромное богатство хорошо порой еще и тем, что его владельцы могут позволить себе роскошь не быть циничными и алчными...

Зато Юрий Мнишек, папенька знаменитой Марины, можно ручаться, в подлинность «царевича» не верил нисколько. Трудно сказать, изучая его жизненный путь, во что он вообще верил...

Отец Мнишека (впрочем, в написании его фамилии есть разночтения, позволяющие говорить, что первоначально наш пан писался *Мнишич*) приехал в Польшу из Чехии и сделал неплохую карьеру. Оба его сына, Николай и Юрий^[66], тоже весьма недурно устроились при дворе короля Сигизмунда-Августа – правда, карьера их была довольно специфической... Король был большим любителем женского пола – и «девочек» поставляли как раз Мнишеки. Существует рассказ про то, как однажды Юрий, переодевшись монахом, проник в бернардинский монастырь, где воспитывалась некая юная очаровательная мещаночка, уговорил ее оттуда бежать и привез к королю. Если это и неправда, то придумана она кем-то, кто прекрасно знал братьев.

Кроме женщин, братья Мнишеки были «придворными, поставщиками» колдунов, баб-шептух, гадалок и знахарок, к которым король, по-ребячески суеверный, питал чуть ли не большую слабость, чем к прекрасному полу, – правда, с совершенно другими целями...

Можно представить, как поживились оба братца возле короля. В особенности после его смерти. Когда король умер, оказалось, что его казна совершенно пуста – исчезло и золото, и драгоценности. Сокровищница была очищена так, что для покойника даже не нашлось приличного погребального наряда. Естественно, тут же возник вопрос: что было в нескольких мешках и огромном сундуке, которые слуги Юрия Мнишека вывезли из королевского замка (сундук, «который едва подняли шесть человек» – за шесть дней до смерти короля, а мешки – в ночь после смерти)?

Мнишек утверждал, что – сплошные пустячки. Так сказать, мелкие сувениры. Ни сестра короля, ни сейм в эти сказочки не верили, но расследование ни к чему не привело. Во-первых, «мешки и сундуки» вывозил в те дни не один Мнишек, во-вторых, за пана Юрия вступилась многочисленная родня, и дело угасло как-то само собой. Договорились считать, что королевская казна с самого начала была пуста...

Нужно добавить, что и в вопросах веры Юрий Мнишек проявлял столь же лихую беспечность – назовем это так... Когда в Жечи Посполитой на некоторое время приобрели влияние кальвинисты и ариане (арианство – течение в православии, признаваемое ересью и католиками, и православными), Юрий Мнишек водил знакомство главным образом с ними. Одна его сестра была замужем за видным арианином Стандицким,

другая – за кальвинистом, краковским воеводой Фирлеем, сам Мнишек женился на Гедвиге Тарло, девушке из знатной арианской семьи.

Когда в 1587 г. королем Жечи Посполитой стал Сигизмунд III, ревностный католик и покровитель иезуитов, в голове у Мнишека, надо полагать, наступило просветление, и он моментально стал верным католиком: в ударные сроки построил за свой счет два монастыря, а Львовской иезуитской коллегии подарил десять тысяч золотом...

Легко понять, что представлял собой этот субъект, тесть Константина Вишневецкого (Вишневецкий, правда, был православным, но Мнишека такие мелочи не останавливали – князь как-никак был еще и некоронованным королем «русской земли»...).

Вот *этот* тип, конечно же, жаждал в первую очередь злата и поместий. И ради этого, пожалуй, мог бы поверить и в то, что «названный Дмитрий» – тетушка германского императора... Насчет Мнишека нет никаких сомнений и двусмысленностей – его привлекали чисто меркантильные возможности, открывавшиеся перед тестем русского царя...

Что любопытно, в самом начале «воскресший Дмитрий» предназначался Вишневецкими и Мнишеком отнюдь не для московского трона, а для краковского! Мало кто об этом помнит, но из сохранившихся документов известно точно: магнаты первоначально лелеяли замысел свергнуть Сигизмунда и сделать королем Жечи Посполитой как раз Дмитрия, подходившего по всем статьям: сын Грозного, следовательно, Рюрикович, следовательно, в родстве с пресекавшейся династией Ягеллонов. А настоящий он или нет – дело десятое. Вишневецкие верили, что настоящий Мнишек наверняка не верил никому и ничему, но все трое всерьез собирались короновать Дмитрия в Кракове.

Потом от этой идеи отступились – стало ясно, что не выйдет, слишком многие против. И взоры обратились в другую сторону, на Восток...

Опять-таки, вопреки расхожему мнению, и король Сигизмунд, и его сановники отнеслись к воскресшему сыну Грозного без всякого энтузиазма. Коронный гетман Ян Замойский (недруг иезуитов, кстати) выражался недвусмысленно: «Случается, что кость в игре падает и счастливо, но обыкновенно не советуют ставить на кон дорогие и важные предметы. Дело это такого свойства, что может нанести вред нашему государству и бесславию королю и всему народу нашему». Стоит уточнить, что эта позиция была результатом не каких-то высокоморальных убеждений, а конкретной и четко выраженной боязнью ответного удара со стороны Москвы. Ту же позицию занимали влиятельные государственные и военные

деятели Станислав Жулкевский и Ян Ходкевич. Вообще в *Польше*, то есть так называемых коронных землях, отношение к новоявленному царевичу было самое прохладное. Король Сигизмунд, как можно судить, в подлинность царевича не верил, однако под нажимом родни Мнишека и благодаря авторитету Вишневецких вынужден был принять «Дмитрия», подарить парочку золотых безделушек и туманно пообещать содействие.

Зато литовско-русские магнаты, та самая троица, спешили к своей цели на всех парусах. Для Дмитрия уже набирали войско – главным образом казаков и беглецов из России.

Тем временем подключился и Ватикан. Как можно судить из резолюции Папы Римского на письме-донесении нунция Рангони, папа тоже не верил, что Дмитрий – настоящий. Иначе не написал бы: «Это вроде воскресшего короля португальского» (имелся в виду Лжесебастиан, чье самозванство было ясно с самого начала). Дмитрий, встретившись с папскими посланцами, по своему обыкновению на обещания не скупился, заявив, что, взойдя на русский престол, моментально присоединит Русскую церковь к Римской. При таких ставках можно было и деликатно забыть, что Дмитрий – вроде «короля португальского»...

Если не считать контактов с иезуитами, окружение Дмитрия, помогавшее ему создать «армию вторжения», ни в коей степени не было католическим. Константин и Адам Вишневецкие – православные (первым из Вишневецких, как мы уже говорили, в католичество перешел Иеремия десятки лет спустя), как и другой сподвижник Лжедмитрия, тоже, не исключено, служивший идее – литовский пан Роман Рожинский. Подавляющее большинство тех, кто встал под знамя Дмитрия, тоже были православными – казаки, литовские и западнорусские люди. Два секретаря Лжедмитрия, братья Ян и Станислав Бучинские, были хотя и чистокровными «ляхами», то есть «коронными» поляками, но – не католиками, а протестантами...

Король Сигизмунд никакой поддержки этому воинству не оказывал. Ну а запретить ничего и никому не мог, какие бы нехорошие предчувствия его ни терзали...

Заичкин и Почкаев, авторы вышедшего лет пять назад восьмисотстраничного «популярного очерка» под названием «Русская история» славны не только тем, что в качестве доказательств своих построений *шпарили* страницами вместо летописей и других источников отрывки из романов В. Яна и В. Чивилихина. Касательно Лжедмитрия они ухитрились написать следующее: король-де Сигизмунд «ПОВЕЛЕЛ Вишневецким, Мнишеку и другим дворянам составить рать из вольницы и

выступить против Бориса».

У любого, кто достаточно хорошо знаком с обстановкой в Польше того времени, подобные утверждения могут вызвать лишь здоровый хохот...

В отличие от других европейских самодержцев польский король попросту не мог «повелевать», поскольку самодержцем не был вовсе, а был не более чем своеобразной парадной фигурой, содержавшейся для чистой декорации. Шляхта, начиная от магнатов и кончая однодворцами, имела одну-единственную серьезную заботу – следить, чтобы очередной король, чрезмерно о себе возомнив, не вздумал «повелевать». В случае, если венценосец делал такие попытки, его умирляли быстро и надежно, поскольку в стране не существовало механизма, способного обеспечить выполнение королевской воли...

Тогдашних польских королей нельзя даже сравнивать с нынешней английской королевой – английская королева, о чем как-то не вспоминают, имеет право, к примеру, одним росчерком пера распустить парламент (и случалось, что тонкими намеками на такую возможность были парализованы иные парламентские инициативы). Польский король не мог и этого, а бдительнее всего следили за тем, чтобы венценосцу не попало в руки войско...

Кстати, несколько слов о войске. Его в Жечи Посполитой тогда практически не существовало, если не считать так называемого квартового. Оно было регулярным и содержалось на четвертую часть доходов с королевских имений, «кварту», но, во-первых, состояло лишь из пехоты, а во-вторых, не превышало четырех тысяч. Магнаты вроде Вишневецких, Радзивиллов или Потоцких могли посадить на коней в три-четыре раза больше обученных головорезов...

Полки «иноземного строя» появятся только в 30-х годах XVII века. Пока что в случае особой опасности для государства собиралось «посполитое рушение» – ополчение, состоявшее из шляхты, но о его боевых качествах говорить не приходится. В 1454 г., во время войны с крестоносцами, «рушение» заявило, что не сдвинется с места, не говоря уж о том, чтобы идти в бой, пока не получит добавочных привилегий. Король Казимир Ягеллончик был вынужден согласиться, и шляхетское ополчение нехотя тронулось-таки в поход, однако было вдребезги разбито крестоносцами под Хойницами. В 1537 г., в правление Сигизмунда Старого, история повторилась – «посполитое рушение», собранное для того, чтобы идти в поход на Молдавию, вместо похода принялось осыпать короля упреками касаясь его внутренней политики. И, не договорившись, попросту разбежалось по домам. В польской истории этот случай известен

под насмешливым названием «петушиной войны», поскольку скандальная шляхта, переругиваясь с королем не один день, тем временем слопала всю домашнюю птицу на мили в округе...

Можно еще вспомнить, что *всякий* шляхтич в те годы имел право самостоятельно отправлять посольства к иностранным государям, что твой король (правда, хватало ума этой привилегией не пользоваться, понимали, что при иностранных дворах таких выходов, мягко говоря, не поняли бы).

Одним словом, не зря родилась поговорка: «шляхтич в своем огороде всегда равен воеводе». Не зря существует даже версия, что Богдан Хмельницкий был тайным агентом польского короля, своими нападениями на Жечь Посполиту державший шляхту в страхе, что помогало королю «пробивать» собственные решения...

Короче, «повелевать» король Сигизмунд никак не мог. Не было у него такой возможности. Предприятие с походом на Москву было затеяно Вишневецкими и Мнишеком на собственный страх и риск, а отправленное в поход невеликое войско (числом не более четырех тысяч человек) состояло, за редчайшими исключениями, из православных...

И тут-то, в первые месяцы, был реальный шанс раз и навсегда разделаться с горсточкой искателей удачи, ведомых Дмитрием. После его первых успехов, после того, как несколько городов северо-западной Руси присягнули на верность самозванцу, стрельцы Годунова нанесли под Севском сокрушительный удар. У «царевича» осталось не более полутора тысяч человек, он едва не ускакал в Жечь Посполитую, но был насильно удержан жителями Путивля, понимавшими, что присутствие Дмитрия придает им, выражаясь современным языком, некую «легитимность», а оставшись один на один с Годуновым, они не сносят голов...

Именно «сидение» Дмитрия в Путивле и переломило ход войны самым решительным образом. Воспрянувший от успехов Борис Годунов не придумал ничего лучшего, кроме как начать самую широкую расправу не только с присягнувшими самозванцу – со всеми, кто имел несчастье обитать в областях, по которым проходило войско Лжедмитрия.

Вешали и рубили головы направо и налево, жгли избы, гумна и овины, насиловали женщин. Слово русскому историку:

«Годуновцы свирепствовали особенно в Комарницкой волости, за преданность Дмитрию мужчин, женщин, детей сажали на кол, вешали по деревьям за ноги, расстреливали для забавы из луков и пищалей, младенцев жарили на сковородах. Вся Северщина была осуждена царем на порабощение по

произволу военщины; людей ни к чему не причастных хватали и продавали татары за старое платье или за джбан водки, а иных отводили толпами в неволю, особенно молодых девушек и детей. В московском войске было наполовину татар и прочих инородцев, и они-то особенно варварски свирепствовали. Ничего подобного не делалось народу от дмитриевцев, и эта разница отверждала народ в убеждении, что Димитрий настоящий царевич» [98].

В условиях, когда по стране все шире распространяются слухи, что Годунов – узурпатор, а Дмитрий и есть подлинный царевич, методы умиротворения выбраны были далеко не самые лучшие... Естественно, это привлекало в войско самозванца все новых сторонников, а в Москве становилось все тревожнее. Патриарх Иов, глава русской церкви, выпустил грамоту, где объявлял все происходящее кознями «Жигимонта Литовскаго», который намерен «разорить в Российском государстве православные церкви и построить костелы латинские, и лютерские, и жидовские».

Совершенно ясно, что сия грамота готовилась в величайшей спешке и писавшие ее ничуть не заботились хотя бы о видимости правдоподобия – в самом деле, трудно представить себе короля – католика, который намерен строить «лютеранские и жидовские» храмы. Неизвестно, подметили ли русские люди эту логическую неувязку, но патриаршая грамота никакого заметного влияния на умы уже не оказала – власть вступала в ту печальную фазу, когда ей не верили ни на копейку, даже если утверждать громогласно, что солнце восходит на востоке...

Срочно провозгласили, что самозванец-де «есть беглый чернец Гришка Отрепьев», и патриарх предал его анафеме. Вот тут наши предки продемонстрировали неплохое логическое мышление: по словам современника, москвичи промеж собой говорили примерно следующее: «Прокляли какого-то Отрепьева – и бес с ним, а царевич-то настоящий, какое его касание до Отрепьева?!»

Дело в том, что Отрепьева слишком многие знали на Москве – и знали, что ему около сорока, зато царевичу не более двадцати четырех... (Позднее мы еще подробно рассмотрим версию, ошибочно отождествляющую самозванца и Отрепьева.)

В Жечь Посполиту срочно отправили гонца, упрекая за помощь, оказанную Дмитрию, и требуя решительных мер. Подробности переговоров неизвестны, однако знатный литовский магнат Лев Сапега дал резонный, в общем, ответ: «Этот человек вступил уже в Московское

государство, и его там легче достать и казнить, нежели в наших владениях». В железной логике отказать нельзя – самозванец прочно сидел в Путивле, откуда его извлечь было крайне затруднительно кому бы то ни было...

Борис свирепствовал, казня и пытая по малейшему навету, но инициатива навсегда от него ускользнула. Видимо, в полном отчаянии он предпринял ряд совершенно нелепых шагов...

Сначала велел тайно доставить во дворец давным-давно постриженную в монахини вдову Грозного и мать Дмитрия, Марфу Нагую и потребовал недвусмысленного ответа: жив ее сын или нет? Старуха, ничуть не сомневавшаяся в смерти сына, но к Годунову относившаяся без малейшей симпатии (и славившаяся железным характером), видимо, решила потрепать нервы «Бориске», с самым простодушным видом заявив: «Не знаю». По свидетельствам очевидцев, Мария Годунова пришла в такую ярость, что схватила зажженную свечу и попыталась выжечь глаза старухе, вопя: «Ах ты блядь! Как смеешь говорить, что не знаешь, когда тебе-то доподлинно известно?!» (царица была дочерью Малюты Скуратова, отцовские гены, видимо, дали о себе знать). Борис едва успел отнять свечу, а старуха Марфа, несомненно, втайне наслаждавшаяся происходящим, прикинулась уже совершеннейшей дурочкой: дескать, говорил ей кто-то, что ее сына живым тайно увезли из страны, но те, кто говорил, все уже умерли... Поняв, что толку не добиться, Борис отступился.

И призвал ворожей. Ворожеи напророчили царю сплошные неприятности, вплоть до скорой кончины. Борис, видимо, настолько уже ослабел душой, что даже не пытался их казнить, а послал сына в церковь молиться за собственное здравие. Одновременно вызвал ближнего боярина Басманова, пообещал тому дочь в жены, а в приданое Казань, Астрахань и Сибирь – лишь бы Басманов убил самозванца. Басманов, с одной стороны, прекрасно понимал, что достать самозванца в укрепленном Путивле трудно, а с другой прекрасно помнил, сколько раз Борис нарушал схожие обещания. И по какому-то неисповедимому движению души вдруг поверил, что царевич – настоящий (насколько, что впоследствии не покинул Лжедмитрия и погиб вместе с ним).

В совершеннейшем отчаянии Борис отправил в Путивль трех монахов с заданием отравить самозванца. Монахов быстро разоблачили, но Борис об этом уже не успел узнать – скончался...

Триумф

Смерть Годунова была скоропостижной – сохранились подробные описания. Встав из-за стола после обеда в Золотой палате Кремля со знатными иноземцами, царь неожиданно упал, изо рта, носа и ушей пошла кровь. Он прожил еще два часа, успев по обычаю того времени принять монашеский постриг и благословить на царство шестнадцатилетнего сына Федора.

Из среды живших в Москве немецких докторов тут же пошел слух, что царя отравили. Историки и прошлого, и нынешнего столетия к этой версии относятся скептически – а мы ее рассмотрим погодя.

Любопытно, что буквально через несколько дней после смерти Бориса согласно неистребимой русской традиции поползли слухи о том, что вместо Годунова в гробу лежит «кованый из железа ангел», а сам царь жив и где-то то ли скрывается, то ли странствует. Правда, слухи эти очень быстро заглохли сами по себе – Борис всем надоел хуже горькой редьки, но через несколько месяцев, о чем я напишу позже, вновь возникли при самых что ни на есть комических обстоятельствах.

Дальнейшие события, полное впечатление, отмечены явственными признаками некоего трагикомического шутовства. Наличествовало все – кровь и текущее рекой вино, страдания и ликование, плач и разудалые песни...

Петр Басманов, выехавший к сосредоточенным в Кромах правительственным войскам, с какой-то прямо-таки опереточной легкостью сумел склонить на сторону «царевича Димитрия» большую часть влиятельных командиров: двух братьев князей Голицыных, Салтыкова, рязанских дворян братьев Ляпуновых, начальника «иноземного полка» фон Розена. Началась сумятица, на меньшую часть войска, оставшуюся верной Федору, ударили казаки самозванца, и все было кончено довольно быстро. С этого дня ни о каком вооруженном сопротивлении самозванцу уже не шло и речи.

В Москву прискакали Пушкин и Плещеев, дворяне, посланцы Лжедмитрия, и, собрав по дороге на Красную площадь огромную толпу, стали читать грамоту самозванца. Пользуясь современными терминами, слушали посланцев под бурные, продолжительные аплодисменты, переходившие в овацию. Правда, некоторые особо недоверчивые индивидуумы потребовали прибытия князя Василия Шуйского – он в свое

время расследовал в Угличе убийство малолетнего царевича и с полным основанием считался «главным экспертом» по этой сложной проблеме.

Шуйский прибыл, взошел на Лобное место – и с честнейшими глазами сообщил во всеуслышание, что царевича и в самом деле некогда спасли от посланных Годуновым убийц, а в могиле покоится некий поповский сын. (Чтобы оценить это выступление должным образом, необходимо знать: всего несколько дней назад тот же Шуйский со столь же честными глазами целовал перед московским народом крест, присягая в том, что в Угличе был убит истинный царевич...)

Примерно то же самое провозгласил Богдан Бельский, родной дядя царевича. После столь авторитетных свидетельств притихли и самые недоверчивые, народ взревел и понесся в Кремль свергать юного царя Федора.

Вдовую царицу, юного царя и его сестру Ксению в простой телеге отвезли в дом, где Борис жил до того, как стал царем, и приставили крепкий караул. Тем временем согласно старинному обычаю народ московский весело и рьяно грабил дома приближенных Годунова. Напоследок, опять-таки по давнему обычаю, хотели было разграбить кремлевские винные погреба, но хозяйственный Богдан Бельский резонно заметил: ежели так поступить, то нечем будет угощать законного царя Дмитрия. И порекомендовал обратить свою энергию против немецких докторов (один из коих, как мы помним, выщипал ему бороду по приказу Годунова).

Московский народ дисциплинированно отступил от Кремля и бросился экспроприировать немецкие вина и выдержанные меды. Черпали сапогами и шапками, так увлекшись, что около ста человек, по тогдашним же подсчетам, отдали богу душу. К чести московского народонаселения следует отметить, что, в отличие от годуновских бояр, которых нещадно колошматили и в конце концов заковали в цепи, означенных немцев не только не арестовали, но даже не били. Ограбили, правда, качественно, вплоть до исподнего. Современник пишет: «...многие видели тогда людей, адамовым образом прикрывавших свою наготу листьями». Назавтра, протрезвев, москвичи составили «повинную грамоту», приглашавшую Дмитрия занять прародительский престол. Подписали ее патриарх Иов, митрополиты, епископы, бояре, окольничьи, дворяне, стольники, стряпчие, жильцы, приказные люди, дворяне московские, дети боярские, торговые люди и прочие жители – все без исключения сословия.

Патриарху это не помогло – его вскорости лишили сана и в качестве простого монаха увезли в дальний монастырь. Вообще-то, он сам вырлы

себе яму: еще в последние дни царствования Бориса написал «прощальную грамоту», где жаловался, что обременен недугами, а потому желает оставить сан и пребывать «в уединении и смирении». Видимо, Иов рассчитывал, что новый царь долго и прочувствованно будет уговаривать его остаться, но не смог предугадать поворота событий. Некоторые позднейшие историки выдвинули версию, что патриарха-де удалили из столицы потому, что он знал Отрепьева в лицо и мог обличить самозванца, но эта версия не выдерживает критики. Во-первых, Отрепьева знали в лицо слишком многие, но самозванца это не беспокоило (так как он вовсе не был Отрепьевым), во-вторых, после заверений Шуйского и Бельского ни одна живая душа уже не поверила бы никаким наговорам на Дмитрия...

Всех родных и свойственников Годунова (семьдесят четыре семейства) погнали в ссылку. Настала очередь царской семьи... Князя Василий Голицын и Рубец-Мосальский вызвали дворян Молчанова и Шеферетдинова, которым дали недвусмысленный приказ. Те прихватили с собой трех дюжих стрельцов и отправились в дом Годунова.

Вдовствующую царицу удавили веревкой без особого труда. С Федором пришлось потруднее, он яростно сопротивлялся, но в конце концов оглушили дубиной и задушили. Его сестру Ксению не тронули – она никакой угрозы для нового царя не представляла, поскольку была женского пола и на трон взойти не могла ни в каком случае (разве что будучи вдовой царя). О ее дальнейшей судьбе ходят две версии: согласно одной, Ксения вскоре попала в постель к самозванцу и была потом отправлена в монастырь перед приездом Марины Мнишек; по другой, Ксению сразу же после убийства матери и брата постригли во владимирском монастыре под именем инокини Ольги.

Тела выставили напоказ, а народу объявили, что вдовая царица с сыном в отчаянии отравились ядом (именно тогда впервые и родилась печальная традиция, согласно которой последующие русские самодержцы то умирали от апоплексического удара табакеркой, то отдавали богу душу от желудочных колик после попадания в организм серебряной вилки...).

Собственно, есть и третья версия, по которой ядом отравились все трое – царица, Федор и Ксения, но принадлежит она автору книги «Мемориал путешествий» англичанину Джерому Горсею, долго жившему в России и уехавшему на родину после смерти Грозного. Сей джентльмен еще при жизни заслужил репутацию записного враня, краснбая и фантазера – настолько, что именно он, по достоверным данным, послужил Шекспиру прототипом Фальстафа...

Более весомы свидетельства другого иностранца, который еще не раз

появится на страницах этой книги, – француза Жака Маржерета, командира пехотной роты «иноземного строя» при Годунове. (Искренне верившего, что Дмитрий – настоящий.) Маржерет приводит гораздо более правдоподобную версию: «Императрица, вдова покойного, и его сын Федор Борисович были, как считают, удушены, но был пущен слух, что они отравились» [167].

Так закончилась история царствования Бориса Годунова – зятя Малюты Скуратова, потомка знатного татарского рода, первого «выборного» государя всея Руси. Его гроб вынесли из кремлевского Архангельского собора и вместе с останками жены и сына закопали за городом на простом заброшенном кладбище.

И вот тут-то вновь возник Симеон Бекбулатович, к тому времени – глубокий старик. Как уже говорилось, он «отчего-то» внушал боярам большие опасения, как возможный претендент на престол. Видимо, современники, в отличие от нынешних историков, отнюдь не считали старика «марионеткой» Грозного и «ненастоящим» царем. Симеона срочно постригли в монахи трудами Шуйского.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно вступил в Москву, все население которой высыпало на улицы, сидело на крышах – даже церковных кровлях. Стояла прекрасная летняя погода, звонили все колокола, духовенство во главе с новым патриархом Игнатием шествовало с хоругвями и образами. Лжедмитрий ехал верхом, в золотом кафтане – тут поневоле припоминаются строчки Окуджавы, вот только эполеты не блестели, поскольку их тогда еще не успели выдумать...

Когда Лжедмитрий ехал по мосту в Китай-город, вдруг поднялся недолгий, но обильный пыльный вихрь, прямо-таки ослепивший людей, – это было некоторыми принято за дурное предзнаменование.

Одним из первых своих распоряжений Лжедмитрий велел, наконец, заплатить долги Ивана Грозного – как верный и почтительный сын...

Триста тридцать один день

Ровно столько полных суток Лжедмитрий Первый оставался властелином – с того дня, как триумфально въехал в Москву, до той ночи, когда в Кремль ворвались заговорщики.

Если охарактеризовать правление Лжедмитрия каким-то одним словом, лучше всего будет сказать – *спокойное*. Не отмеченное мало-мальски серьезными потрясениями и бунтами. Конечно, в лесах и на больших дорогах погуливали разбойники, а на юге буянили казаки, но это, по большому счету, были дела житейские, едва ли не будничные...

Царствование началось с милостей. Практически всех, кто был репрессирован при Годунове, вернули из ссылки, воротили конфискованное имущество, произвели в новые чины. Прямо-таки особое внимание (на свою беду) Лжедмитрий оказал роду Романовых, едва ли не сильнее остальных пострадавшему от Годунова. И очень быстро вернул из ссылки престарелого Симеона Бекбулатовича (почему-то как раз Лжедмитрий его не опасался вовсе, определенно полагая, что сам имеет на трон гораздо большие права...).

Подпись Лжедмитрия I

Реформы были обширными и толковыми. Даже ярый и непримиримый враг Лжедмитрия, голландский купец Исаак Масса в своих мемуарах вынужден был признать, что новые законы «безупречны и хороши».

Прежде всего новый царь объявил свободу торговли, промыслов и ремесел, отменив все прошлые ограничения. А вслед за тем уничтожил «всякие стеснения» тем, кто хотел выехать из России, въехать в нее или свободно передвигаться по стране. Сохранились свидетельства незаинтересованных лиц, англичан, писавших, что «это был первый государь в Европе, который сделал свое государство до такой степени свободным». И сохранились слова самого Лжедмитрия, предельно актуальные по сию пору: от свободной торговли, дозволенной всем и каждому, государство богатеет...

Многим вернули имения, отобранные еще Иваном Грозным. Иным князьям разрешили жениться, что было запрещено в свое время Годуновым – из опасения, что слишком много станет тех, в ком течет кровь Рюриковичей. Всем служилым людям вдвое увеличили жалованье, ужесточили наказания для судей за взятки и сделали судопроизводство бесплатным. В Россию стали во множестве приглашать иностранцев, знающих ремесла, которые могут оказаться полезными для Московского государства.

Кое в чем Лжедмитрий пошел даже дальше, чем его предшественники: при прежних царях высшее православное духовенство приглашалось в Боярскую думу лишь в исключительных случаях, но Лжедмитрий отвел патриарху и архиереям постоянные места в тогдашнем «сенате».

По воспоминаниям современников, двадцатичетырехлетний царь охотно председательствовал в думе, где не без остроумия быстро решал запутанные дела, а заодно не прочь был упрекнуть бояр в невежестве и предлагал съездить в Европу, чтобы подучиться там чему-нибудь полезному.

Очень важными были новые законы о холопстве. При Годунове человек, запродавший себя в холопы, «по наследству» «вместе с прочим имуществом переходил к наследникам своего хозяина, мало того, все его потомство автоматически становилось холопами. Согласно указу Лжедмитрия, эту практику отменили – со смертью господина холоп получал свободу, а заprodаться в «кабалу» мог только сам, его дети оставались свободными. Кроме того, было постановлено, что помещики, не кормившие своих крестьян во время голода, не смеют более удерживать их на своих землях; а помещик, не сумевший изловить своего беглого крепостного в течение пяти лет, теряет на него все права.

Из воспоминаний практически всех, как дружелюбно настроенных к новому царю, так и зядлых недругов, встает человек, крайне напоминавший молодого Петра Первого – умный, живой, веселый и любознательный, охотно перенимавший европейские новшества, доступный и простой в обращении, сплошь и рядом ломавший замшелые традиции. Что примечательно, в отличие от истеричного и кровожадного Петра, Лжедмитрий был совершенно не жесток, временами заходя в доброту чересчур далеко, к своей же невыгоде.

Ярче всего это иллюстрирует случай с Шуйским. Вскоре же после венчания Лжедмитрия на царство наш прохвост, Василий Иванович Шуйский, развернул бурную деятельность: стал по ночам собирать доверенных лиц, главным образом из влиятельного московского

купечества, убеждал их (с честными глазами, понятное дело), что новый царь – самозванец, намерен продать Русь полякам, уничтожить православную веру, а посему его следует побыстрее свергнуть.

Люди Шуйского попытались забросить эти идеи в массы – однако массы не проявили никакого интереса, наоборот, поспешили донести куда следует. Братьев Шуйских сотоварищи быстро арестовали, однако Лжедмитрий отказался судить их сам и передал дело «собору» из духовенства, бояр и представителей прочих сословий (Петр Первый наверняка тут же приказал бы отсечь всем головы на заднем дворе, не особо и разбираясь). Собор приговорил Василия Шуйского к смертной казни, а его братьев Дмитрия и Ивана к ссылке.

Лжедмитрий помиловал всех, вернул Шуйских ко двору – что его впоследствии и погубило... Чрезвычайно похоже на то, что молодой царь стал первым, кто на своем примере подтвердил печальную истину: самодержец, даже если он умен, добр и преисполнен наилучших намерений для страны, удержаться на русском престоле может только в том случае, если сечет головы направо и налево. Гуманисты не выживают, более того, после смерти оказываются вымазаны грязью и клеветой по самую маковку – это грустное правило впоследствии без осечки сработало в случаях Петра III и Павла I...

Именно Лжедмитрий первым стал строить планы покорения Крыма, к тому времени, как уже говорилось, превратившегося в источник постоянных бедствий для России. Началось ускоренное производство оружия, устраивались маневры – но со смертью молодого царя эти замыслы пришлось отложить на добрых восемьдесят лет... как и дипломатическое сближение с западноевропейскими странами, о чем всерьез думал Лжедмитрий.

Что касается «продажи Руси полякам» и «уничтожения православной веры» – ни малейших следов подобных предприятий не смогли отыскать и самые ярые враги Лжедмитрия вроде Массы. Наоборот, все свидетельствует о том, что Лжедмитрий собирался царствовать всерьез и надолго, не уступая и пяди земли бывшим «покровителям». Очень быстро в Москву приехал польский посол Гонсевский, официально – чтобы поздравить царя с восшествием на престол, а неофициально – напомнить о данных Сигизмунду обязательствах. Бедняга посол получил, как выражались в старину, полный афронт. От каких бы то ни было территориальных уступок (которые некогда обещал) Лжедмитрий отказался, с простодушным видом разводя руками и уверяя, будто «недостаточно крепко сидит еще на царстве, чтобы принимать такие

решения». Войну со Швецией, как ранее обещал королю, тоже не развязал – объясняя это теми же причинами. Более того, сам перешел в наступление, высказав сильнейшее неудовольствие тем, что король именует его «великим князем» – и потребовал, чтобы впредь в официальных посланиях его именовали не иначе как императором. По строгим дипломатическим правилам того времени это означало, что московский царь требует от короля Сигизмунда признать Жечь Посполитую стоящей на ступеньку ниже России...

Легко представить, каким сюрпризом все это стало для посла, искренне полагавшего, что встретит в Москве покорного вассала, только и озабоченного подчинением России Сигизмунду. Самое время вспомнить непечатную русскую присказку насчет нехитрого сельскохозяйственного орудия и кое-каких деталей мужского экстерьера... Посол, столкнувшись с полным провалом своей миссии, от бессилия применил вовсе уж детскую ухватку: стал уверять Лжедмитрия, будто имеет достовернейшую информацию о том, что Борис Годунов жив, странствует где-то и собирается вернуть себе русский престол.

Похоже, в голове у пана Гонсевского уже царила совершеннейшая сумятица... Его «ошеломляющие новости» никого не ошеломили и не испугали, уж в Москве-то прекрасно знали, что Годунов мертвехонек («При мне убивали», – мог бы сказать циник Шуйский) – и посол несолоно хлебавши убрался в Краков.

Примерно так же обстояло дело и с паном Мнишком, возмечтавшим стать русским магнатом. Лжедмитрий щедро отсыпал ему денег (все поведение молодого царя убеждает, что он был искренне влюблен в Марину), но вместо обещанных в полное владение Новгорода и Пскова показал, вульгарно выражаясь, кукиш с маслом, не пожаловал будущему тестю и паршивой деревушки. Нет уж, раздаривать свое царство Лжедмитрий отнюдь не собирался...

Вслед за тем настала очередь папы римского разочароваться в своем протее. Когда он собрался было направить в Москву своего посла, официально, с верительными грамотами, первым, кто воспротивился этой идее, был... король Сигизмунд. Уж он-то прекрасно знал, насколько в России не расположены к Ватикану, и сумел папу отговорить. Вместо посла в Москву выехал молодой итальянский дворянин Алессандро Рангони, племянник одного из папских нунциев.

Лжедмитрий устроил ему пышную встречу с пушечной пальбой и колокольным звоном, угостил на славу в Кремле – и побыстрее выпроводил назад, объяснив, что москвичи к таким визитерам не привыкли и могут

подумать черт-те что.

Далее начинается откровенная комедия – папа еще питает какие-то надежды, Лжедмитрий с видом крайнего простодушия разводит руками, сетуя на устоявшийся порядок вещей, который он в одиночку переломить не в состоянии.

В сентябре папа пишет Лжедмитрию пространное письмо, убеждая, что римская вера – единственно правильная.

В своем ответе Лжедмитрий ни единым словом не касается вопросов веры, а решает насущные проблемы – просит папу повлиять на германского императора, чтобы тот выступил на турок совместно с русскими, а кроме того, вновь заявляет о твердом намерении величаться императором. И наконец просит у папы инженеров, специалистов в военном деле, пушечных дел мастеров.

Позже в Москву возвращается иезуит Лавицкий, служивший «дипкурьером» меж Москвой и Ватиканом, но в ответ на новые напоминания о былых обещаниях Лжедмитрий опять-таки пропускает это мимо ушей и просит, чтобы Лавицкий... разместил где-нибудь в Европе заказ на печатание православной литературы на славянском языке. Более того, в Кремле Лавицкий встречает среди ближайшего окружения царя вышеупомянутых лютеран, братьев Бучинских, которые по прямому указанию Лжедмитрия готовят посольство в протестантскую Англию, чтобы нанять там военных и технических «спецов». И узнает вдобавок, что Лжедмитрий только что послал православным иерархам во Львов (находящийся под властью короля Сигизмунда) соболей на триста рублей и грамоту, в которой хвалит их за отстаивание интересов православия. А еще потребовал, чтобы его невеста Марина приняла православие.

Одним словом, настает момент, когда и король Сигизмунд, и папа римский больше не в состоянии обманывать самих себя. Обоим совершенно ясно, что ни единого обещания молодой царь выполнять не собирается. Единственное, чего от него удалось дожидаться, – это устройство для находящихся в царской свите католиков домового костела (Лжедмитрий резонно заявил боярам: если они сами в свое время разрешили живущим в Москве лютеранам устроить церковь и открыть школу, чем хуже поляки и литовцы, которым негде молиться?). Но, чрезвычайно похоже, на этом все и кончится. Марина Мнишек, прибыв в Москву, вынуждена принять причастие по православному обряду – а по меркам того времени, это был крайне важный и многозначительный шаг...

И вот тут-то начинаются не просто интриги – сложнейшие, головоломные политические игры. Князья Шуйские и Голицыны через

верных людей начинают переписку с королем Сигизмундом, сетуя, что тот навязал им в цари совершенно неподходящую и недостойную личность, а посему они, князья, намерены в ближайшее время свергнуть самозванца и на его место хотят посадить... сына Сигизмунда, Владислава!

По всем юридическим нормам того времени князья совершают государственную измену. Что бы ни было в прошлом, на данный момент Лжедмитрий – законный, легитимный государь, венчанный на царство главой православной церкви, приглашенный на трон земским собором из представителей всех сословий. Шуйские и Голицыны – государственные преступники...

Однако короля Сигизмунда такие тонкости не заботят, потому что под ним шатается трон. В Жечи Посполитой возникла сильная оппозиция, недовольная Сигизмундом за его женитьбу на австрийской принцессе, эрцгерцогине Констанции Габсбург, в чем многие справедливо усматривают будущее усиление «немецкой партии» в стране. Посланцы оппозиции уже побывали тайно в Кремле и предложили Лжедмитрию... корону Жечи Посполитой! Лжедмитрий дал согласие. Разведка Сигизмунда уже прониюхала об этих переговорах, о планах создания единого московско-польско-литовского государства с царем Дмитрием на престоле.

Я уже говорил, что тайна порой – это просто-напросто хорошо забытая истина. А истина такова: Лжедмитрий I не «убит возмущенным народом, протестующим против польского засилья», а ликвидирован мятежниками, действовавшими с ведома и согласия короля Сигизмунда, для которого Лжедмитрий внезапно стал опаснейшим соперником. Шуйский преследовал свои цели, Сигизмунд – свои. Но оба, как мы увидим из дальнейшего, действовали рука об руку...

17 мая – смерть в Кремле

На рассвете 17 мая москвичей будит набат. По улицам бегают посланные Шуйским «агитаторы» – но, обратите особое внимание, ни один из них не настраивает горожан против царя. Наоборот, все до одного вопят: «Спасайте царя от поляков!»

В последующих событиях не просматривается ни капли случайности. Наоборот, все устроено как-то чересчур уж гладко – одновременно блокированы все подворья, где располагались верные Лжедмитрию поляки, литовцы и «иноземная гвардия», на всех улицах, по которым может пройти подмога, воздвигнуты баррикады и рогатки. Ни один правительственный отряд так и не смог прорваться в Кремль. Князь Константин Вишневецкий ведет на помощь Лжедмитрию четыреста всадников – но натывается на организованный отпор, причем преградившие ему дорогу имеют даже пушку (пушка у «стихийно возмущившихся горожан» – это, согласитесь, более чем оригинально...).

В Кремле уже действует «ударная группа» Шуйского. Убит Басманов, до конца оставшийся верным Лжедмитрию, немногочисленные немцы-алебардчики сложили оружие под напором превосходящего противника. Лжедмитрий то ли сломал, то ли вывихнул ногу, выскочив из высокого окна – и попал в руки людей Шуйского.

Что любопытно, его энергия и воля еще могли переломить ситуацию даже в такой момент. Караульные стрельцы, определенно не состоявшие в заговоре, пытаются защищать царя, стреляют по ворвавшимся во двор мятежникам. Но кто-то из бояр грозит, что пошлет людей в Стрелецкую слободу и велит перебить жен и детей всех, кто не сложит оружия (помните «стояние на Угре»?).

Стрельцы отступают. На Лжедмитрия набрасывается толпа – но он даже теперь, раненый, оглушенный, не теряет присутствия духа, требует привести мать, то есть Марфу Нагую, требует, чтобы его вывели на Лобное место и там обвинили в самозванстве *принародно*.

Это серьезный шанс – большинство до сих пор искренне полагает, что взбунтовалось не против царя, а против «ляхов-злоумышленников». Откуда ни возьмись, выныривает князь Голицын, крича, что Марфа Нагая только что, вот сию минуту, изобличила «царя» в самозванстве, несколько человек бросаются на Лжедмитрия и открывают пальбу (потом на теле насчитают более двадцати пулевых ран). Те, кто находится вдалеке от происходящего,

до сих пор не понимают, что происходит в кремлевском дворе, – и кто-то торопится им объяснить, что там-де расстрига Гришка Отрепьев принародно винится, подлец, в своем самозванстве...

В Москве начинается вакханалия. Все до единого современники сходятся на том, что Шуйский в ночь переворота велел открыть все тюрьмы и выпустить заключенных – так что этот «элемент» прибавляет переполоха и подает пример разбуженным москвичам...

Где-то насилуют женщин (замечу, не всех подряд – около тридцати самых знатных и молодых польских красавиц бояре Шуйского, по достоверным сведениям, сразу же попридержали для себя и увезли к себе по домам), где-то истребляют поляков, литовцев, вообще всех иноземцев, имевших несчастье оказаться в городе. Попутно, борясь с «чертовыми ляхами», до нитки грабят итальянских и немецких купцов и ювелиров и убивают несколько десятков иноземных музыкантов – за их богомерзкое занятие «еретической музыкой», оскорбляющей чувства православных.

Отрубают руки и ноги, отрезают уши у живых, трупы для забавы ставят и кладут в «смешные положения». А в это время посол короля Сигизмунда пан Гонсевский...

Нет, не пытается спасти земляков. Вовсе даже наоборот. Еще с ночи в посольстве наглухо заперты все ворота, и потом, когда туда кинутся служившие Лжедмитрию подданные Жечи Посполитой... никого из них не пустят на порог, оставив на расправу толпе. Неопровержимое доказательство, наглядно свидетельствующее, *кто* устроил заговор против молодого царя. Можно добавить еще, что само посольство не пострадало нисколечко – Шуйский сразу же прислал туда пятьсот стрельцов для охраны.

И обязательно нужно добавить, что, кроме тех, кто в охотку погромил и пограбил, были и другие – *прятавшие* тех самых «чертовых ляхов» от пьяной толпы. Один из таких москвичей как раз и спас младшего брата Мнишека.

Число жертв с обеих сторон (во многих местах города поляки отбивались отчаянно и положили немало народу) определить трудно. Полагают, от двух до трех тысяч. Трупы валялись по улицам двое суток, и, по воспоминаниям, бродячие знахари вырезали из них жир для своих снадобий, не делая различия меж своими и «латинцами»...

Царь Васька

Как ни бездарен, ничтожен и слаб был Николай II, все же по здравому размышлению титул самого ничтожного и бездарного русского самодержца следует все же присвоить черной памяти Василию Шуйскому, наконец-то осуществившему свою самую заветную мечту и пролезшему (другого слова и не подберешь) в цари.

На русском престоле бывали люди большого ума и, скажем так, не особенно крепкие умом. Гуманисты и кровопийцы. Созидатели и бездарности. Однако «царь Васька» и здесь стоит особняком – он попросту *никакой*. Бесцветный. Весь какой-то по-змеиному склизкий. Так и прошел по русской истории бесшумной паучьей походочкой, гнуснопрославленный одним-единственным конкретным деянием – тем, что как раз и стал тем камушком, вызвавшим лавину, названную впоследствии Смутным временем. Остались лишь полупрезрительные строчки русского историка А. Трачевского: «Этот приземистый, изможденный, сгорбленный, подслеповатый старик, с большим ртом и реденькой бородкой, отличался алчностью, бессердечием, страстью к шпионству и наушничеству; он был невежествен, занимался волхвованием и ненавидел все иноземное. Он проявлял мужество и крайнее упорство только в отстаивании своей короны, за которую уцепился с лихорадочностью скряги».

Позднее, добавлю, свергнут с вожделенного трона, насильно пострижен в монахи и передан полякам, где на заседании сейма, стоя на коленях, униженно просил милости и пощады... Однако не будем забежать вперед.

После того как в народе пошли слухи о пугающих знамениях у могилы Лжедмитрия (а тут еще и ударивший некстати мороз погубил всходы), труп вырыли и сожгли – речь шла о колдовстве, а против колдунов испокон веку лучшим средством считался огонь. Настала пора как-то определяться.

Поначалу Боярская дума хотела разослать грамоты по стране, чтобы собрать Великий земский собор и избрать нового царя. Но Шуйский не для того столько лет интриговал и предавал, чтобы спокойно ждать, когда на престол взойдет кто-то другой... На третий день после убийства Лжедмитрия собрался народ, чтобы избрать патриарха (Игнатий, ставленник Лжедмитрия, был свергнут во время переворота). Однако как-то так повернулось, что хором зазвучали слаженные голоса: сначала-де следует избрать царя, и нет для этого лучшей кандидатуры, чем прямой

потомок Александра Невского Василий Шуйский, здесь же, кстати, присутствующий... А уж человек-то – золото!

Москвичам это золото было весьма даже знакомо, и потому возник резонный вопрос: как получилось, что Шуйский, самолично в свое время проводивший расследование смерти царевича Дмитрия и доказавший, что убили настоящего, вдруг заявил, что на Москву идет с войском подлинный Дмитрий? А потом, не далее как три дня назад, объявил, что царь-то ненастоящий?

Если кто-то рассчитывал Шуйского смутить, цели не достиг – вряд ли было на свете что-то, способное смутить Василия. Не моргнув честнейшим глазом, князь преподнес собравшимся довольно изящную, следует признать, версию: он-де с самого начала знал, что «царевич» ненастоящий, но признал его за настоящего, чтобы таким образом... ликвидировать семейство Годунова. Который и сам в каком-то смысле был ненастоящим, то есть – нахально узурпировал престол, оттеснив природных Рюриковичей. Ну, а потом согласно логике пришлось по миновании надобности в самозванце и его – того-с...

Вообще-то, в точности неизвестно, как происходила дискуссия, многие ли поверили шустрому князю. Главное, кончилось тем, что Шуйский был, по меткому определению современников, «выкрикнут» на царство. Одному богу известно, как удалось подсчитать все голоса «за» и «против» и считали ли вообще. Скорее всего, и не собирались. Решено было считать, что те, кто за царя Василия, кричат громче, а следовательно, их – подавляющее большинство... Должно быть, примерно так и обстояло...

Одним словом, Шуйского венчали на царство. По всем правилам.

И вот тут-то – *грянуло!*

Смута началась с первого же дня правления «царя Васьки». И сводить это, как обожали марксисты, к «борьбе классов и производительных сил» – предельно глупо.

Разгадку следует искать в том мощнейшем психологическом шоке, который обрушился, без преувеличений, на всю страну. Не забывайте: подавляющее большинство народа, далекого от столичных интриг и московского обилия информации, искренне считали Лжедмитрия настоящим царевичем и законным государем. И вдруг его убивают, а те, кто совсем недавно клялся и божился, что царь подлинный, говорят нечто абсолютно противоположное... И при этом на престоле восседает субъект, слишком многим известный как личность, ничтожная во всех отношениях...

Непонятно стало, во что же теперь верить, кому же теперь верить, и

можно ли вообще во что-то верить перед лицом таких событий.

Лучше всего будет предоставить слово знаменитым русским историкам, более ста лет назад подобравшим отточенные формулы.

С.Ф. ПЛАТОНОВ: «...кое-где просто не признали Шуйского во имя того же Дмитрия, о котором ничего достоверного не знали, в еретичество и погибель которого не верили, а Шуйского на царство не хотели. И верхи и низы общества или потеряли чувство правды во всех политических событиях и не знали, во имя чего противостоять смуте, или были сами готовы на смуту во имя самых разнообразных мотивов... воцарение Шуйского может считаться поворотным пунктом в истории нашей смуты: с этого момента из смуты в высшем классе она окончательно принимает характер смуты народной, которая побеждает и Шуйского, и олигархию» [154].

С.М. СОЛОВЬЕВ: «До сих пор области верили Москве, признавали каждое слово, приходившее к ним из Москвы, непреложным, но теперь Москва явно признается, что чародей прельстил ее омрачением бесовским, необходимо рождался вопрос: не омрачены ли москвитяне и Шуйским? ... связью между Москвой и областями было доверие ко власти, в ней пребывающей; теперь это доверие было нарушено, и связь ослабела, государство замутилось; вера, раз поколебавшись, повела необходимо к суеверию; потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему...»

Остается добавить: высшие слои ненавидели Шуйского как выскочку, а отношение низших определить легко после того, как узнаешь, что царь Василий продлил срок розыска беглых крестьян с пяти до пятнадцати лет...

По Москве ползали слухи, что царь Дмитрий Иоаннович жив, а вместо него «зарезали другого», запорхали подметные письма со всевозможными, говоря современным языком, сенсациями и компроматами. Главными распространителями этих слухов стали дворянин Молчанов и князь Шаховской. Первый, приближенный Лжедмитрия, после его убийства ускорил из столицы в Литву, сея по дороге смуту, а то и прямо выдавая себя за спасшегося царя. Второго Шуйский отчего-то считал своим сторонником, а потому послал воеводой в Путивль, совсем недавно бывший столицей самозванца. Однако Шаховской, едва прибыв в город, собрал на площади народ и объявил, что Дмитрий жив. Путивль моментально отложился от «узурпатора Васьки», а следом – и другие города Северной земли...

Шуйский, не успевший спокойно процарствовать и недели, лихорадочно пытался измыслить нечто убедительное. По его приказу из

Углича привезли тело малолетнего царевича Димитрия, удивительным образом сохранившееся нетленным за пятнадцать лет – настолько, что и лежавшие в гробу орехи выглядели, по свидетельствам современников, так, словно были сорваны вчера. Возле гроба немедленно начали происходить многочисленные исцеления – правда, скептики-иностранцы, жившие в то время в Москве, как один пишут, что «исцеленные» поголовно были людьми Шуйского.

(Автор этих строк – человек верующий, хоть и, каюсь, нерадивый. В каноническую нетленность святых мощей я верю, но отчего-то не нахожу в себе сил поверить в данный случай, в нетленность лесных орехов – и к тому же заранее отношусь с недоверием ко всему, что исходило от Шуйского. А посему крепко сомневаюсь, что лежащее в гробу тело мальчика принадлежало покойному царевичу – такая сволочь, как «царь Васька», могла и распорядиться, чтобы полоснули ножом по горлу какому-нибудь безродному отроку, да положили в гроб, дабы изобразить «нетленность»...)

Скрытые противники Шуйского ответили не джентльменским, зато эффектным ходом. Где-то отыскали больного, о котором было точно известно, что он отдаст богу душу с минуты на минуту, бедолагу приволокли к «святых мощам», где он и скончался при большом стечении народа. Идея с мощами была дискредитирована надежнейше. Впрочем, Шуйского все равно ничто уже не могло выручить...

Гори, огонь, гори...

«Была бы кутерьма, а люди найдутся», – написал как-то М.А. Булгаков со свойственной классике меткой лапидарностью.

Люди, раскочегарившие пожарище до небес, и в самом деле отыскиались предельно быстро. Обосновавшемуся в Литве Михаилу Молчанову князь Шаховской прямо предложил выдать себя за чудесно спасшегося от убийц царя Дмитрия, но Молчанов отказался, не столько в силу высоких душевных качеств и отвращения ко лжи, сколько из-за осознания того факта, что слишком многие на Москве знают его в лицо, и толку все равно не будет. Зато именно Молчанов отыскал где-то в Литве самого загадочного после Лжедмитрия I персонажа Смуты – человека, именовавшегося Иван Исаевич Болотников.

Я не зря употребил столь осторожный оборот «именовавшегося». Сведения о Болотникове столь скудны, что его имя вполне могло оказаться вымышленным. Согласно установившейся версии, Иван Болотников некогда был боевым холопом князя Телятевского. Для тех, кто подзабыл русскую историю, нелишним будет прояснить смысл этого термина. Вплоть до Петра I русское войско (если не считать полков «иноземного строя») комплектовалось из дворян, приезжавших на службу с несколькими своими людьми. Однако уже в конце XVI в. эта система не вполне удовлетворяла реалиям, и возник институт «боевых холопов» – они продавались в кабалу исключительно для участия в боевых действиях под командой своего хозяина, а в случае его смерти получали свободу.

Таким боевым холопом якобы был и Болотников. «Якобы» – потому что не удалось отыскать ни одного достоверного документа, подтверждающего либо опровергающего его «каноническую» биографию. При невыясненных обстоятельствах Болотников попал в плен к татарам на берегах Черного моря, несколько лет провел прикованным за ногу гребцом на турецкой галере, неведомыми путями ухитрился обрести свободу, неведомо как оказался в Венеции, через Польшу и Литву направился на Русь. Тут на его пути и оказался Молчанов. По крайней мере, так писали современники...

Болотникову поручили с небольшим отрядом идти на Русь и воевать с узурпатором Шуйским. Болотников взялся за дело со всей рьяностью. Советские историки отчего-то записали его в народные печальники и крестьянские вожди, но дело обстояло совсем не так. Набрав войско из

всевозможного сброда, Болотников изложил простую, ясную и, следует признать, чрезвычайно привлекательную программу: бояр следовало истребить, а все их достояние, включая жен с дочерьми, забрать себе. Естественно, программа эта была встречена с небывалым энтузиазмом.

Чуть позже к Болотникову, опровергая позднейшие теории о классовой борьбе, присоединилось дворянское войско с братьями Ляпуновыми во главе. Правда, столь нежный альянс продолжался недолго – когда подступивший к Москве Болотников стал забрасывать столицу прокламациями, Ляпуновы от него ушли. О содержании прокламаций дают представление воспоминания патриарха Гермогена: «...пишут к Москве проклятые свои листы и велят боярским холопам побивати своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безыменникам-ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их, воров, к себе и хотят им давати боярство и воеводство, и окольность и дьячество».

Покинутый дворянской конницей, Болотников раздобыл где-то самозванца Петра – этот субъект еще при жизни Лжедмитрия I болтался по казачьим землям и выдавал себя за сына царя Федора Иоанновича (умершего вовсе бездетным). Однако дела это не поправило – войска Шуйского осадили в Туле остатки «воров», под честное слово уговорили сдаться.

Дальше начинаются странности. В Туле повесили лишь одного – «царевича Петра». Болотникова и князя Шаховского всего-навсего отправили в ссылку. Правда, через несколько месяцев ослепленного Болотникова утопили в реке, но все равно история эта выглядит крайне загадочно. Как раз из-за того, что Шуйский сдержал данное слово.

Шуйский, держащий честное слово, данное своему врагу, – картина небывалая, невозможная, сюрреалистическая. Тем более, когда речь шла о безродном холопе. И тем не менее, все именно так и обстояло – прошло несколько месяцев, прежде чем Шуйский решился убрать Болотникова...

Никаких версий и не выдвигаю – исключительно оттого, что информация о тех событиях осталась скуднейшая. Я просто-напросто чую, кожей, шестым чувством чую стоящую за всем этим нешуточную и мрачную тайну. Во-первых, Болотникова ослепили – а на Руси эта мера испокон веков, за редчайшими исключениями, применялась только к потерпевшим поражение в междоусобной борьбе князьям, на простонародье такая сомнительная роскошь не распространялась. Во-вторых, Шуйский был исключительным подонком, и сдержать честное слово его могли заставить лишь какие-то чрезвычайные обстоятельства. В-

третьих, немецкий врач Фидлер, посланный Шуйским отравить Болотникова, отчего-то не польстился на щедрое вознаграждение, а все Болотникову рассказал. В-четвертых, в войске Болотникова были некие неизвестные «немцы» в немалом количестве – после сдачи Тулы всех их загнали в Сибирь...

Так кто же такой Болотников? Представитель старой «ордынской» династии, ухитрившийся пересидеть где-то в отдалении от столиц и потому уцелеть? Агент какой-то из европейских разведок, предположительнее всего – польской? Что заставляло дворян в течение определенного времени поддерживать с ним союз, а князя Шаховского – оставаться с Болотниковым до самого конца?

Я не знаю. И не берусь строить версии – их попросту не на чем строить. Но не в силах отделаться от стойкого впечатления, что с «делом Болотникова» что-то крайне нечисто и официальная версия отнюдь не объясняет всех странностей и темных мест... Было что-то еще, из-за скудости дошедших до нас документов навсегда канувшее в забвение. Где ты, машина времени?

...Россия полыхала. Обнаружился Лжедмитрий номер два – и взялся за дело не без размаха. Собранная им армия подошла к Москве и укрепилась в селе Тушино, за что второй самозванец получил прозвище Тушинский вор.

Скажу сразу: я не разделяю убеждение академика Фоменко, будто Лжедмитрий II – чудесно спасшийся Лжедмитрий I. Пример с Мариной Мнишек, «признавшей» второго самозванца, меня не убеждает – Фоменко считает, что это свидетельствует о тождестве первого и второго, я же в цинизме своем полагаю, что красоткой, желавшей во что бы то ни стало стать русской царицей, двигали примитивные мотивы личной выгоды. Те же самые, что заставили допрежь того Василия Шуйского несколько раз менять показания... Есть к тому же сведения, что некий иезуит тайно *обвенчал* Марину Мнишек с Тушинским вором, а это автоматически свидетельствует, что он не имел ничего общего с Лжедмитрием I, который уже был обвенчан с Мариной в Москве самим патриархом Игнатием.

Кроме того, сохранилось очень уж много свидетельств, подробно повествующих, что Лжедмитрий-два был личностью довольно бесцветной и мелкой, по всем параметрам уступавшей Лжедмитрию I, бесспорно – яркой индивидуальности. С *этим* обращались без всякого почтения, прекрасно зная и понимая, кто он таков есть, но до поры до времени поддерживая легенду...

Кто был второй Лжедмитрий, так и не выяснено – меня этот вопрос как-то не особенно интересует. Гораздо интереснее одна-единственная

загадка, оказавшаяся связанной с Тушинским вором. После его убийства касимовскими татарами среди вещей «царика» оказались книги на древнееврейском языке. А это в свое время позволило позднейшим исследователям, стоящим, скажем так, на разных полюсах, выдвинуть две, в равной степени шизофренические, гипотезы.

Стойкий большевик, поэт Илья Сельвинский в двадцатые годы, вдохновившись вышеупомянутыми книгами (которых никто, естественно, тогда не читал и неизвестно до сих пор, что там было написано), написал пьесу в стихах, где объявил Лжедмитрия II отважным еврейским юношей, который затеял весь этот сыр-бор исключительно для того, чтобы вывести своих соплеменников из России в Палестину, аки Моисей, и создать там свое государство.

Шизофрения, конечно. Дело тут не в национальности Сельвинского – он был большевик, а большевики национальности не имеют. Как всякий большевик и интеллигент, Сельвинский не обременял свою буйну головушку излишними знаниями...

Во-первых, все враги и злопыхатели, подробно писавшие о втором Лжедмитрии, нигде ни словечком не обмолвились о его еврейском происхождении. Во-вторых, Сельвинский понятия не имел, что в России начала XVII столетия попросту не было евреев. Ни единого. Уводить в Палестину было бы попросту некого. В-третьих, Палестиной в те времена владели османы, которые вряд ли позволили кому бы то ни было, евреям ли, туарегам или якутам создавать на территории своей империи государство. В-четвертых, долгая осада Москвы – далеко не самый умный путь к исходу евреев и созданию государства в Палестине. В-пятых, ни единого еврея в окружении Лжедмитрия II не замечено...

На противоположном полюсе, в стане «истинно русских», лет полсотни спустя выдвинули не менее идиотскую версию – по ней Лжедмитрий, как легко догадаться, был агентом коварных жидомасонов, жаждавших извести Святую Русь.

Эту версию не стоит даже рассматривать по одной простой причине: за последние два столетия, несмотря на все вопли и «железные» доказательства, ни единого жидомасона отловить и явить на суд общественности так и не удалось. Согласно жесткому правилу юриспруденции, без преступника нет преступления...

(Добавлю кстати, что меня всегда восхищала версия, согласно которой Пушкин-де изничтожен масонами за то, что *раскрыл* их тайны. Простая логика требует признать: коли уж Пушкин *раскрыл* масонские тайны, их должны были *узнать* широкие массы. Однако на вопрос, какие же

конкретно тайны раскрыл Пушкин, обличители масона Дантеса отчего-то смущенно сбиваются на полуслове и чешут в затылках...)

На мой взгляд, древнееврейские книги в багаже второго Лжедмитрия имеют столь простое и логичное объяснение, что диву даешься, как оно ускользнуло от исследователей.

Алхимия, чернокнижье, каббала. Ведовство и волхвовство. Во всех этих без исключения дисциплинах самым широким образом использовались древнееврейские рукописи – алхимические трактаты, гадательные книги, «колдовские» манускрипты, лечебники. Подтверждающих это фактов столько, что их не стоит и перечислять.

Скорее всего, Лжедмитрий II просто-напросто на досуге имел привычку баловаться алхимией и прочим чернокнижием, отсюда и загадочные книги с еврейскими письменами. То же, что в случае Нострадамуса, Калиостро и сотен шарлатанов помельче калибром... Всего и дел. Какие там, к черту, жидомасоны и опередившие время предшественники отцов-основателей государства Израиль...

Вот тут настало время вспомнить народную поговорку о зеркале, на которое при известных обстоятельствах не годится пенять... Сам по себе второй самозванец был личностью жалкой и ничтожной, и в подметки не годившейся тому, чье имя принял. Однако, каков бы он ни был, русская знать прямо-таки массово бросилась к нему поцеловать ножку и выпросить милостей...

Лучше всего ситуацию охарактеризовал С.Ф. Платонов: «В Москве, благодаря Тушину, все сословия дошли до глубокого политического разврата. Москвичи служили и тому, и другому государю: и царю Василию, и Вору. Они то ходили в Тушино за разными подачками, чинами и «деревнишками», то возвращались в Москву и, сохраняя тушинское жалованье, ждали награды от Шуйского за то, что возвратились, «отстали» от измены. Они открыто торговали с Тушином, смотрели на него не как на вражий стан, а как на очень удобное подспорье для служебной карьеры и денежных дел. Так относились к Тушину не отдельные лица, а массы лиц в московском обществе... оба соперника... своим совместным существованием влияли растлевающим образом на народ, развращали его».

Можно добавить, что именно Тушинский вор как раз и посвятил в патриархи всея Руси Филарета, отца будущего царя... Основной опорой, военной силой Лжедмитрия II были, конечно, авантюристы из Польши и Литвы (знаменитый Лисовский, один из воевод Тушинского вора, как раз и бежал из Жечи Посполитой оттого, что его там собирались повесить), но без «тушинских перелетов», как прозвали сновавших меж Москвой и

Тушино русских, самозванец ни за что не продержался бы так долго. Мало того, есть печальные для самолюбия потомков свидетельства: русские сподвижники Вора не только не мешали чужеземцам грабить и бесчестить церкви, но, наоборот, сами подавали пример. Сохранились воспоминания очевидца и участника событий, келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Монах прямо пишет, что даже «поляки с литвой» удивлялись, глядя, как русские тушинцы держат в алтарях своих церквей собак и скотину, а на иконах играют в кости... (Истины ради нужно упомянуть, что и сам Палицын не без греха. Вскоре, когда зашла речь об избрании на русский престол польского королевича Владислава, Палицын присягнул Владиславу и без особого смущения принял то, что гоголевский герой деликатно именовал «борзыми щенками». Впрочем, так в те чертовски сложные годы поступали слишком многие, и не нам судить этих людей, сыновей своего времени...)

Вот тут на сцене появляются те, кого без всякого на то основания именуют «шведскими интервентами».

«Интервенция» – это вторжение войск одного государства на территорию другого. Войска Шведского королевства вторглись на Русь гораздо позднее, в 1615 г., когда на троне уже два года сидел Михаил Романов и со Смутой, в общем, было покончено. Те, кого называли «интервентами», на самом деле были наемниками, нанятыми Шуйским в Швеции, – примерно пятитысячный отряд из шведов, французов, немцев, шотландцев и финнов под командой молодого, но весьма толкового Якуба Делагарди, тридцатилетнего генерала. За помощь в войне против тушинцев Шуйский обещал, кроме денег, еще и передать Швеции область Корелу (часть нынешней Карелии) – однако по своему всегдашнему обыкновению соврал. Ландскнехты не получили не только Корелы, но и обещанного жалованья, вдобавок солдаты Шуйского разграбили их обоз...

Корпус Делагарди оказался в «подвешенном» положении. Большую его часть составляли отнюдь не шведы – да и чистокровных шведов по ту сторону границы никто не ждал. Предстояло либо подыхать с голоду, либо грабить.

Нужно добавить, что к тому времени история наемничества насчитывала несколько столетий. И «неплатежи» случались настолько часто, что наемные войска успели создать самый настоящий то ли церемониал, то ли ритуал – узнав, что им не намерены платить, они собирали сходку, без особых проклятий и жалоб выбирали себе «маршала» и его заместителей, после чего начинали добывать себе средства к пропитанию грабежом всего, до чего могли дотянуться.

Даже русские источники отзываются о Делагарди довольно дружелюбно. Судя по всему, молодой генерал (бывший в приятельских отношениях с молодым военачальником князем Михаилом Скопиным-Шуйским), как ни странно, близко к сердцу принимал русские беды. Но вряд ли смог бы втолковать своему воинству, почему оно обязано умирать не за плату, а за некие идеалы...

Одним словом, корпус Делагарди перешел на «самообеспечение». Захватив Новгород, принялись грабить во всю ивановскую – но, повторяю, не для шведской короны, а исключительно для себя. Время от времени Делагарди, правда, пытался вести нечто вроде переговоров о возможной кандидатуре шведского принца на русский престол, но никто, даже он сам, к этому не относился серьезно. Все за то, что эти телодвижения понадобились Якову для того, чтобы не выглядеть откровенным предводителем разбойничьей шайки. Даже в те времена, собравшись грабить, уже думали об имидже и респектабельности.

Именно художества наемников Делагарди, занятых исключительно заботой о своем кармане, и назвали впоследствии отчего-то «шведским вторжением»...

(Ходят даже слухи, что именно тогда на Руси как раз и появился шотландец Лермонт, а вовсе не во времена Михаила, но проверить эту версию я сейчас не в состоянии.)

Необходимо отметить, что к рождению легенды о «шведских интервентах» причастны не только русские историки позднего времени, но и современник событий, король Сигизмунд. Соль в том, что Жечь Посполитая и Швеция находились тогда в состоянии войны, и при некоторой изобретательности ума присутствие на территории Московского государства регулярных шведских войск давало королю формальный повод нарушить мирный договор с Москвой...

Сигизмунд прекрасно знал, что представляет собой «корпус Делагарди», но притворился, что искренне считает его «шведским регулярным войском».

И началась польская интервенция – на сей раз настоящая, без всяких кавычек. Смоленск был осажден войсками гетмана Жулкевского...

Я несколько не рвусь оправдывать поляков (благо мои предки принадлежат не к полякам, а как раз к литвинам, тут есть свои тонкости и стародавние польско-литовские трения, постороннему непонятные). Однако никак не могу согласиться с тем, что вторжение польских войск в 1609 г. в пределы России в трудах иных национал-патриотично озабоченных тружеников пера предстает едва ли не самым черным

злодеянием в мировой истории...

Когда речь идет о двух соседствующих державах, существующих бок о бок не одну сотню лет, лучше всего сразу отказаться от привычки видеть все в черно-белом цвете. Просто-таки невозможно доискаться, кто и когда нанес первую зуботычину, послужившую детонатором многовековых испано-французских, франко-итальянских, англо-шотландских и германо-французских войн. Проще признать, что рыльце в пушку у всех заинтересованных сторон.

Именно так и обстоит с русско-польскими отношениями. Никто не спорит: безусловно, король Сигизмунд поступил, как последний негодяй, вторгшись в охваченную смутой соседнюю державу. Однако тот, кто согласится с этой формулировкой, будет вынужден, если хочет сохранить беспристрастность, применить точно те же слова к великому князю Ивану III. В 1492 г., когда внезапно умер польский король Казимир, и у поляков хлопот стало выше головы, войска Ивана неожиданно ударили на соседей и заняли большую территорию с несколькими городами, присоединив ее к московским владениям. А если забраться еще дальше, мы, к своему некоторому смущению, обнаружим, что первое в истории упоминание о русско-польском конфликте гласит, что «русские напали на поляков и отобрали несколько городов». Причем пишут это русские летописцы...

Короче, интервенция имела место, но безусловной ошибкой было бы считать ее самым черным преступлением всех времен и народов – поскольку наши собственные предки порой были не лучше...

О героической обороне русскими Смоленска написано много, и я не стану к ней возвращаться. Наоборот... По моему глубокому убеждению, патриотизм состоит не в том, чтобы замалчивать наиболее неприглядные страницы собственной истории, а в том, чтобы на их примере учиться избегать повторения. Как писал Владимир Маяковский (хотя ссылаться на него не особенно ныне и модно): «Слава! Слава! Слава героям! Впрочем, им довольно воздали дани. Теперь поговорим о дряни».

Поговорим о дряни – о Шуйских, царе Василии и его брате Дмитрии.

Их племянник, двадцатичетырехлетний князь Михаил Скопин-Шуйский, по справедливости считался лучшим русским полководцем того времени, славным многими победами над тушинцами. О нем самого высокого мнения был и поднаторевший в европейских войнах Делагарди, а популярность князя у русских можно без малейших преувеличений назвать общенародной. Именно этот человек был как нельзя более кстати, на своем месте, во главе русских войск перед лицом иностранного вторжения.

Однако удар последовал с неожиданной стороны...

В народе пошли вполне оправданные толки о том, что молодой князь Михаил, ежели судить по справедливости и заслугам, – лучший из возможных преемник царя Василия. Сам Василий к этим слухам относился довольно равнодушно (поскольку был бездетным), но его брат Дмитрий считал преемником царя как раз себя – и потому клеветал Василию на племянника, как только мог.

23 апреля 1610 г. на пиру у князя Воротынского жена Дмитрия Марья (кстати, дочь Малюты Скуратова) преподнесла Скопину-Шуйскому почетную чашу. Уже через несколько минут князь Михаил почувствовал себя плохо, пошла носом кровь (как у Бориса Годунова!), его увезли домой... С постели он уже не встал, не помогли ни царские лекари, ни срочно доставленные Делагарди немецкие врачи. Через две недели молодой князь умер. Толпа москвичей тут же бросилась разносить дом Дмитрия Шуйского – и, если бы не прискакали посланные царем ратники, несомненно, добились бы своего.

Мало кто из историков сомневается, что князь Михаил был отравлен своими дядьями. Современники событий другой версии и не хотели принимать. Навыки Шуйского в обращении с ядами общеизвестны – подсылал отравителей и к Лжедмитрию II, и к Болотникову (вполне возможно, что и Годунова отравил он). Таким образом, братья Шуйские своими руками уничтожили человека, который мог спасти их династию. Прокопий Ляпунов, человек, без сомнения, осведомленный, в глаза обвинил всех трех братьев в отравлении князя Михаила – и ушел к Лжедмитрию II...

24 июля 1610 г. неподалеку от Можайска, у села Клушино, произошло сражение, которое, безусловно, должно считаться самой позорной страницей в летописи русского оружия. Разгром, который потерпели русские войска, можно сравнить разве что с поражением под Нарвой, однако под Нарвой войско Петра I состояло главным образом из новобранцев, а под Клушино пришли люди с немалым боевым опытом...

Историки обеих стран по-разному оценивают противостоявшие друг другу силы. Некоторые польские источники придерживаются следующей версии: у поляков – 6800 конников и 200 пехотинцев, у русских – 30 000 русских и пятидесятитысячный корпус Делагарди. По русским данным, силы поляков составляли около двадцати тысяч, русских – около сорока. Впрочем, и такой расклад достаточно угнетает: проигрывать унижительно что при двухкратном превосходстве, что при четырехкратном...

Главное, польскими силами командовал талантливый и опытный полководец, гетман Станислав Жулковский, а русскими – Дмитрий

Шуйский, пригодный для этой цели не более, чем для чтения лекций по алгебре. Едва победа стала склоняться на сторону гетмана, Дмитрий в панике ускакал от войска – по свидетельствам современников, при этом увяз в болоте, потерял сапоги и коня и прискакал в Москву босой, на крестьянской клячонке. Даже если это и придумано злопыхателями, полную военную бездарность Дмитрия не оспаривал никто. Именно в этот момент стране нужен был Михаил Скопин-Шуйский, но он лежал в земле...

17 июля Шуйского свергли, насильно постригли в монахи, Боярская дума с князем Мстиславским во главе обратилась к королю Сигизмунду, заявив, что согласна избрать русским царем королевича Владислава. Среди присягнувших Владиславу был и Михаил Романов. Ничего странного, если вспомнить, что его отец Филарет как раз и был уполномочен Земским собором на то, чтобы добиться от Сигизмунда согласия на принятие Владиславом русской короны. Даже позже, когда Михаил был уже венчан на царство, в одной из первых грамот к Сигизмунду имя Михаила стояло на *четырнадцатом* месте, после бояр. Не удивительно, что поляки так долго не признавали Михаила законным государем...

Наступило время так называемой семибоярщины. Правда, во всех сохранившихся официальных грамотах «бояр» не семь, а шесть: три боярина, Мстиславский, Шереметев и Голицын, окольный князь Мезецкий и два думных дьяка – Телепнев и Луговской.

Коли уж мы помним героев, обязаны помнить и предателей. Вот они, все шестеро, поименно:

Федор Иванович Мстиславский
Василий Васильевич Голицын
Федор Иванович Шереметев
Данило Иванович Мезецкий
Василий Телепнев
Томило Луговской.

Именно эти шестеро от имени всего русского народа ночью *впустили* в Москву польские войска. И привели москвичей к торжественной присяге Владиславу, а потом разослали по всей стране «известительные» грамоты, требуя, чтобы королевичу присягала вся Русь.

Пожарище разгоралось. Смоленск был занят поляками оттого, что некий *русский* предатель Иванко с символическим прозвищем Шваль показал ведущие в город потайные ходы. (А русский воевода Бутурлин, перед тем как отступить из города под напором поляков, старательно ограбил лавки смоленских купцов.) Лжедмитрия II к тому времени уже

прикончили касимовские татары, но осталось его воинство, расколовшееся надвое. Поляки и литовцы, так называемые «лисовчики» (по имени их предводителя, того самого Александра Лисовского, что был приговорен в Жечи к повешению), сражались теперь исключительно за себя. Деваться им было попросту некуда, король Сигизмунд, хоть и не предпринимал против них прямых военных действий, не препятствовал истреблять их московским полкам. Казаки, бывшие в подчинении Тушинского вора, убили Прокопия Ляпунова и, на словах, выступали против поляков, однако о том, как они «боролись» против Сигизмунда, лучше всего расскажет русский летописец: «Беспрестанно ездя по городам из подмосковных таборов, казаки грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают; боярынь и простых жен и девиц насилуют, церкви Божьи разоряют, святые иконы обдирают и ругаются над ними так, что и писать о том страшно. А когда Ивашка Заруцкий^[67] с товарищами взяли Новодевичий монастырь, они также разорили церковь и ободрали образа, и таких черниц, как бывшую королеву Ливонскую, дочь Владимира Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде и глядеть не смели, ограбили донага, а иных бедных черниц грабили и насилывали, а как пошли из монастыря, то его выжгли. Они считаются христианами, а сами хуже жидов».

(Кстати, эти строчки не мешало бы перечесть *нынешним* казакам, которые пока что вместо реальных дел лишь пыжливо разгуливают по улицам, увешавшись бутафорскими крестами и при каждом удобном случае не преминут ввернуть, что их предки, изволите ли видеть, *всегда* служили России верой и правдой...)

В Москве в плотной осаде сидели поляки (королевича Владислава столица так и не дождалась, что неудивительно – ни один нормальный человек на его месте не приехал бы). На севере «корпус» Делагарди, дочиста ограбив Новгород, попытался было проделать то же самое со Псковом, однако Псков отбилсЯ – правда, тут же попал в руки шайки некоего «вора Сидорки», который, не мудрствуя лукаво, объявил себя чудесно спасшимся от убийц «царем Дмитрием».

Это был уже третий Лжедмитрий. Чуть позже появился и четвертый – в Астрахани, и его признало царем все Нижнее Поволжье.

Таким образом, в России одновременно существовало целых пять правительств, каждое из них считало себя законным, издавало указы, жаловало землями, а заодно, понятное дело, карало супротивников. По сравнению с тогдашней ситуацией известное противостояние президента и парламента в 1993 г. – детская игра в коняшки.

Эти пять правительств были следующие:

1. Так называемое Ярославское, состоявшее человек примерно из двадцати вождей ополчения, которое мы теперь называем несколько проще: «ополчение Минина и Пожарского».

2. Боярская дума в Москве («шестибоярщина»), под крылом польского гетмана Ходасевича.

3. Атаманы Трубецкой и Заруцкий, со своими войсками обосновавшиеся под Москвой.

4. Лжедмитрий III в Пскове.

5. Лжедмитрий IV в Астрахани.

Речь идет только о тех, кто контролировал достаточно обширные территории (Делагарди, правда, тоже захватил изрядный кусок русского северо-востока, но он, по крайней мере, не издавал никаких указов, хотя грабил, стервец, за троих).

Где-то, словно киплинговская кошка, гулявшая сама по себе, мотался со своим воинством Александр Лисовский, чье положение было самым безвыходным – за участие в шляхетском мятеже и прочие художества его приговорили к вечному изгнанию из пределов Жечи Посполитой, и податься ему было абсолютно некуда. «Лисовчики», своеобразное солдатское братство, в пору своего расцвета насчитывали до десяти тысяч конников. Военные историки отмечают железную внутреннюю дисциплину этой ватаги, ее исключительную отчаянность в бою и незаменимость при дальних кавалерийских рейдах по тылам противника. Однако, с другой стороны, по грабёжам и мародерству эта теплая компания наверняка заняла бы первое место в европейском чемпионате, вздумай его кто-нибудь проводить...

По необъятным просторам Руси великой вольготно шатались еще десятка полтора самозванцев вовсе уж мелкого пошиба. По меткому замечанию Иловайского, «самозванство вошло в какую-то моду» (в самом деле, *прежде* Русь самозванства практически не знала). Одни называли себя сыновьями Федора Иоанновича: «царевич Федор», Клементий, Савелий, Ерофей и прочая, и прочая. Подозреваю, кое-кто из них не мог внятно ответить на вопрос, кого же он изображает – «царевич», и все тут...

Некий Лаврентий объявил себя внуком Ивана Грозного, сыном царевича Ивана. Его коллега по ремеслу Август пошел еще дальше – не чинясь, выдавал себя за родного сына самого Ивана Грозного от четвертой супруги Анны Колтовской. Наглость вышеупомянутого Федора дошла до того, что он явился к Тушинскому вору и спросил совершенно в духе Остапа Бендера: «Дядюшка, узнаешь ли родного племянника?»

Лжедмитрий II, не склонный поощрять конкурентов, «племянника» не признал и велел тут же укоротить его на голову. А заодно прикончил Лаврентия с Августом – после чего остальные «царевичи» обходили Тушино десятой дорогой...

Кроме того, по лесам и дорогам разгуливали многочисленные ватаги так называемых шишей – партизанствующих крестьян, которых столь запутанная жизненная коловерть довела до полного остервенения. Согласно официальной традиции, они сражались исключительно с «интервентами», однако я позволю себе в этом усомниться, помня, что творилось в России во времена «бело-красной» гражданской войны. Вероятнее всего, попадались и отдельные идеалисты, но большая часть «лесных братьев», ручаться можно, колошматила все, что движется, не обременяя себя детальными выяснениями... Во всех прочих странах с «лесными братьями» в периоды неразберихи и внутренних смут так и обстояло, вряд ли Русь была исключением.

«Жен и детей заложим...»

Минина с Пожарским принято рисовать самыми светлыми красками. Образы их едва ли не иконописны. Вот только реальность, как водится, сплошь и рядом весьма далека от благостных картин...

Я вовсе не намерен следовать дурацкому обычаю нашей достопамятной образованщины и «развенчивать» кого-то – просто хочу напомнить читателю, что действительность всегда сложнее наших представлений о ней, а в характере практически любого крупного исторического деятеля, неважно, в нашем Отечестве или за его пределами, намешано столько противоречивого и прямо-таки порой отвратительного, что изображать кого-то *одной* лишь краской попросту глупо. История – дочь времени, и все поголовно исторические персонажи – дети своего времени, к которому бесполезно прилаживаться с черно-белыми очками...

Давно уже получила хождение «романтическая» версия сбора денег на нижегородское ополчение, по страницам романов кочевал умильный и добросердечный Кузьма Минин-Сухорук, со слезами на глазах призывавший всех присутствующих заложить жен и малых детушек, чтобы раздобыть средства на снаряжение войска.

Вообще-то, так и было. Закладывали. Только – не своих...

Минин был человеком безусловно зажиточным – торговлей скотом в то время занимались люди отнюдь не бедные, а потому к описываемому времени приобрел некоторую «крутость», практичность и сильную волю, свойственные преуспевающим дельцам. Имеются совершенно достоверные сведения о том, как он собирал деньги на войско.

Сначала Минин «пробил» решение, по которому все его приказания выполнялись беспрекословно (за тем, чтобы это соблюдалось, следили ратники князя Пожарского). И разослал по Нижнему многочисленных оценщиков. Имущество каждого было оценено со всем возможным рвением, после чего с жителей в приказном порядке потребовали отдать пятую часть имущества (а кое от кого – и треть). Когда собранных денег не хватило, Минин без колебаний «пустил на торг» наименее зажиточную часть горожан. Их небогатое имущество продавали *целиком*, кроме того, отдавали в кабалу и их самих, и их семьи. Холопы, надо отметить, шли за бесценок, потому что их было довольно много. Именно такими средствами и были собраны нужные суммы. Нравится это потомкам или нет, разрушает это иконописный образ или нет, но без подобных крутых мер

нижегородское ополчение вряд ли смогло бы снарядиться в поход и изгнать интервентов. Можно еще вспомнить, что Минин, хотя и говаривал, будто ему являлись «видения», побуждавшие постоять за землю Русскую и веру православную, окрестные монастыри обложил столь же суровым налогом.

Увы, brave Кузьма тогда же, в 1612 г., был изобличен во взяточничестве и «кривосудии». Речь идет об истории с Толоконцевским монастырем. Монастырь этот, довольно древний, в свое время получил от Грозного жалованные грамоты и был полностью самостоятельным. Позже, при Федоре Иоанновиче, игумен монастыря Калликст «проворовался и пропил всю монастырскую казну» – и, стремясь, должно быть, раздобыть денег на опохмелку, за бесценок спустил все документы богатому соседу, Печерскому монастырю, тут же радостно завладевшему всем оставшимся достоянием толоконцевцев. С наступлением Смутного времени толоконцевские монахи пожаловались в Москву, дьяку Ивану Болотникову (не путать с Иваном Болотниковым-атаманом! – А.Б.) Однофамилец «воровского воеводы» прислал комиссию, которая быстро во всем разобралась и вернула толоконцевцам самостоятельность. Однако стоило комиссии уехать, печерский архимандрит Феодосий отправился к «местному авторитету» Минину, сунул ему взятку, и Кузьма вновь присоединил толоконцевские владения к землям Печерского монастыря^[68].

Как бы там ни было, Минин и Пожарский все же выгнали из Москвы поляков (среди которых гораздо больше было немецких наемников, нежели поляков и литвинов). Правда, это святое дело не обошлось без досадных инцидентов: когда из города выходили жены и дочери бояр, сидевших в осаде вместе с поляками, казаки собирались их ограбить и, когда Пожарский принялся их унимать, всерьез грозили пришибить князя. Как-то обошлось, но казаки в поисках морального удовлетворения перебили часть пленных, нарушив свое же честное слово сохранить всем сдавшимся жизнь.

Кстати, именно под давлением казачьей части ополчения – о чем есть недвусмысленные упоминания – и был избран царем Михаил Романов. Не исключено, что могла бы пройти и другая кандидатура: «выдвигались» многие, в том числе и Пожарский, сохранились туманные упоминания, что сначала был все-таки выбран князь Трубецкой, и лишь несколькими днями спустя под давлением казаков остановились на Михаиле...

Прежде чем перейти к подведению итогов, следует обязательно упомянуть об одной насквозь мифической фигуре, без всяких на то оснований произведенной в народные герои...

Герой, которого не было

Советский энциклопедический словарь 1964-го года отзывается об этой героической личности со всем уважением: «Сусанин Иван Осипович (ум. 1613) – крестьянин с. Домнино Костромского у., нар. герой, замученный польскими интервентами, отряд к-рых он завел в непроходимую лесную глушь. Героич. поступок С. лег в основу мн. нар. преданий, поэтич. и муз. произв.».

Энциклопедический словарь 1985-го еще более уважителен и прямо-таки эпичен: «Сусанин Иван Осипович (?–1613) – герой освободит. борьбы рус. народа нач. XVII в., крестьянин Костромского уезда. Зимой 1613 завел отряд польск. интервентов в непроходимое лесное болото, за что был замучен».

Пожалуй, автор, писавший в 85-м, гораздо больше заботился о достоверности, нежели его коллега из 64-го. «Болота», нужно признать, выглядят не в пример убедительнее «лесной глуши», из которой «чертовы ляхи» отчего-то не нашли выхода – любой нормальный человек в такой ситуации, заблудившись зимой в лесу, вышел бы оттуда по собственным следам на снегу. *Отряд* должен был оставить за собой такую колею, что обратный путь можно отыскать и ночью...

Ну, а о том, что этот злодейский отряд направлялся, дабы известить только что избранного на царство юного государя Михаила Федоровича Романова, знают даже дети. Гораздо менее известно, что вся эта красивая история – выдумка от начала до конца. Авторы энциклопедических словарей правы в одном: с давних пор известны «многие народные предания», живописующие о том, как Сусанин завел поляков в болота, о том, как героический Иван Осипович еще допрежь того укрыл царя в яме на собственном подворье, а яму замаскировал бревнами. Беда в том, что меж народным фольклором и реальной историей есть некоторая разница...

Вообще-то, авторы вышеприведенных статей сами ничего не надумали, что их, в общем, извиняет. Они лишь добросовестно переписали абзацы из трудов гораздо более ранних «исследователей». «Классическая версия» появляется впервые, пожалуй, в учебнике Константинова (1820 г.) – польские интервенты выступают в поход, чтобы погубить юного царя, но Сусанин, жертвуя собой, заводит их в чащобу. Далее эта история получает развитие в учебнике Кайданова (1834 г.), в работах Устрялова и Глинки, в «Словаре достопамятных людей в России», составленном Бантыш-

Каменским. А яма, где якобы укрыл Сусанин царя, впервые появилась в книге князя Козловского «Взгляд на историю Костромы» (1840 г.): «Сусанин увез Михаила в свою деревню Деревщи и там скрыл в яме овина», за что впоследствии «царь повелел перевезти тело Сусанина в Ипатьевский монастырь и похоронить там с честью». Князь в подтверждение своей версии ссылался на некую старинную рукопись, имевшуюся у него, – вот только ни тогда, ни потом никто посторонний этой рукописи так и не увидел...

Ясно, что спасение царя от злодеев-поляков – событие столь знаменательное, что неминуемо должно было остаться не в одной лишь народной памяти, но и в хрониках, летописях, государственных документах. Однако, как ни странно, о злодейском покушении на Михаила нет ни строчки ни в официальных бумагах, ни в частных воспоминаниях. В известной речи митрополита Филарета, где скрупулезно перечисляются все беды и разорения, причиненные России польско-литовскими интервентами, ни словом не упомянуто ни о Сусанине, ни о какой бы то ни было попытке захватить царя в Костроме. Столь же упорное молчание касемо Сусанина хранит «Наказ послам», отправленный в 1613 г. в Германию, – крайне подробный документ, включающий «все неправды поляков». И, наконец, о покушении польско-литовских солдат на жизнь Михаила, равно как и о самопожертвовании Сусанина, отчего-то промолчал Федор Желябужский, отправленный в 1614 г. послом в Жечь Посполитую для заключения мирного договора. Меж тем Желябужский, стремясь выставить поляков «елико возможно виновными», самым скрупулезным образом перечислил королю «всякие обиды, оскорбления и разорения, принесенные России», вплоть до вовсе уж микроскопических инцидентов. Однако о покушении на царя отчего-то ни словечком не заикнулся...

И, наконец, о якобы имевшем место погребении Сусанина в коломенском Ипатьевском монастыре нет ни строчки в крайне подробных монастырских хрониках, сохранившихся до нашего времени...

Столь дружное молчание объясняется просто – ничего этого не было. Ни подвига Сусанина, ни пресловутого «покушения на царя», ни погребения героя в Ипатьевском монастыре. Неопровержимо установлено: в 1613 г. в прилегающих к Костроме районах вообще не было «чертовых ляхов» – ни королевских отрядов, ни «лисовчиков», ни единого интервента либо чужестранного ловца удачи. Столь же неопровержимо доказано, что в то время, когда на него якобы «покушались», юный царь Михаил вместе с матерью находился в хорошо укрепленном, напоминавшем больше крепость Ипатьевском монастыре близ Костромы, охраняемый сильным

отрядом дворянской конницы, да и сама Кострома была хорошо укреплена и полна русскими войсками. Для мало-мальски серьезной попытки захватить или убить царя понадобилась бы целая армия, но ее не было ни поблизости от Костромы, ни вообще в природе: поляки с литовцами сидели на зимних квартирах в соответствии с обычаями того времени. По Руси, правда, в превеликом множестве бродили разбойничьи ватаги: дезертиры из королевской армии, жаждавшие добычи авантюристы, «воровские» казаки вкупе с «гулящими» русскими людьми. Однако эти банды, озабоченные лишь добычей, даже спяну не рискнули бы приблизиться к укрепленной Костроме с ее мощным гарнизоном.

Вот об этих бандах и пойдет речь...

Единственный источник, из которого черпали сведения все последующие историки и писатели, – жалованная грамота царя Михаила от 1619 г., по просьбе матери выданная им крестьянину Костромского уезда села Домнино «Богдашке» Собинину. И говорится там следующее: «Как мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, в прошлом году были на Костроме, и в те годы приходили в Костромский уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина литовские люди изымали, и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси были, и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».

Царская милость заключалась в том, что Богдану Собинину и его жене, дочери Сусанина Антониде, пожаловали в вечное владение деревушку Коробово, каковую на вечные времена освободили от всех без исключения налогов, крепостной зависимости и воинской обязанности. Правда, уже в 1633 г. права Антониды, успевшей к тому времени овдоветь, самым наглым образом нарушил архимандрит Новоспасского монастыря – отчего-то он не считал «привилегию» чересчур важной. А это весьма странно, если вспомнить, что Антонида – дочь отважного героя, спасшего жизнь царю...

Антонида пожаловалась Михаилу. Тот урезонил архимандрита и выдал вдове новую «грамоту о заслугах» – но и в ней о подвиге Сусанина говорилось точно теми же словами, что и в предыдущей. Исключительно о том, что Сусанина «спрашивали», а он ничего не сказал злодеям. И только. Царь, полное впечатление, и понятия не имел о том, что на его особу покушались, но Сусанин увел «воров» в болота...

И, кстати, в обеих грамотах черным по белому указано: «Мы, великий государь, были на Костроме». То есть – за стенами могучей крепости, в окружении многочисленного войска. Сусанин, собственно говоря, мог без малейшего ущерба для венценосца выдать «литовским людям» этот секрет Полишинеля, ровным счетом ничего не менявший...

И еще одна загадка: почему «литовские люди» пытали о царе *одного* Сусанина? Будь у врагов намерение добраться до царя, несмотря ни на что, они обязательно пытали и мучили бы не одного-единственного мужичка, а всех живущих в округе. Тогда и привилегии были бы даны не только родственникам Сусанина, но и близким остальных потерпевших...

Однако о *других* жертвах налета на деревушку Домнино нигде не упоминается ни словом. Кстати, в «записках» протоиерея села Домнино Алексея так и написано: «...НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ, послужившие источниками для составления рассказа о Сусанине».

Выводы? Самая правдоподобная гипотеза такова: зимой 1613 г. на деревеньку Домнино напала шайка *разбойников* – то ли поляков, то ли литовцев, то ли казаков (напомню, «казаками» тогда именовались едва ли не все «гулящие» люди). Царь их не интересовал ничуть – а вот добыча интересовала гораздо больше. В летописи о подобных налетах, крайне многочисленных в те времена, сообщается так: «...казаки воруют, проезжих всяких людей по дорогам и крестьян по деревням и селам бьют, грабят, пытаются, жгут огнем, ломают, до смерти побивают».

Одной из жертв грабителей – а возможно, единственной жертвой – как раз и стал Иван Сусанин, живший, собственно, не в самой деревне, а «на выселках», то есть в отдаленном хуторе. О том, что налетчики «пытали Сусанина о царе» известно от одного-единственного источника – Богдана Собинина...

Скорее всего, через несколько лет после смерти убитого разбойниками тестя хитромудрый Богдан Собинин сообразил, как обернуть столь тяжелую утрату к своей выгоде, и обратился к известной своим добрым сердцем матери царя Марфе Ивановне. Старушка, не вдаваясь в детали, растрогалась и упросила сына освободить от податей родственников Сусанина. Подобных примеров ее доброты в истории немало. В жалованной грамоте царя так и говорится: «...по нашему царскому милосердию и по совету и прошению матери нашей, государыни великой старицы инокини Марфы Ивановны». Известно, что царь выдал множество таких грамот с формулировкой, ставшей прямо-таки классической: «Во внимание к разорениям, понесенным в Смутное время». Кто в 1619 г. проводил бы тщательное расследование? Хитрец Богдашка преподнес

добросердечной инокине убедительно сочиненную сказочку, а венценосный ее сын по доброте душевной подмахнул жалованную грамоту...

Поступок Богдашки полностью соответствовал тамошним нравам. Уклонение от «тягла» – налогов и податей – в ту пору стало прямо-таки национальным видом спорта. Летописцы оставили массу свидетельств об изобретательности и хитроумии «податного народа»: одни пытались «приписаться» к монастырским и боярским владениям, что значительно снижало размеры налогов, другие подкупали писцов, чтобы попасть в списки «льготников», третьи попросту не платили, четвертые ударялись в побег, а пятые... как раз и добивались льгот от царя, ссылаясь на любые заслуги перед престолом, какие только можно было вспомнить или придумать. Власть, понятно, препятствовала этому «разгулу неплатежей», как могла, периодически устраивались проверки и аннулирования «льготных грамот», но их оставляли на руках у тех, кто пользовался «особыми» заслугами. Хитроумный Богдан Собинин наверняка думал лишь о сиюминутной выгоде, вряд ли он предвидел, что в последний раз привилегии его потомков (опять-таки «на вечные времена») будет подтверждать Николай I в 1837 году. К тому времени версия о «подвиге Сусанина» уже прочно утвердилась в школьных учебниках и трудах историков.

Впрочем, далеко не во всех. Соловьев, например, считал, что Сусанина замучили «не поляки и не литовцы, а казаки или вообще свои русские разбойники». Он же после кропотливого изучения архивов и доказал, что никаких регулярных войск интервентов в тот период поблизости от Костромы не было. Н.И. Костомаров писал не менее решительно: «В истории Сусанина достоверно только то, что этот крестьянин был одной из бесчисленных жертв, погибших от разбойников, бродивших по России в Смутное время; действительно ли он погиб за то, что не хотел сказать, где находится новоизбранный царь Михаил Федорович, – остается под сомнением...»

С 1862 г., когда была написана обширная работа Костомарова, посвященная мнимости «подвига Сусанина», эти сомнения перешли в уверенность – никаких новых документов, подтверждавших бы легенду, не обнаружено. Что, понятно, не зачеркивает ни красивых легенд, ни достоинств оперы «Жизнь за царя». Еще одно Тоунипанди, только и всего...

Между прочим, некий прототип Сусанина все же существовал – на Украине. И его подвиг, в отличие от Сусанина, подтвержден

документальными свидетельствами того времени. Когда в мае 1648 г. Богдан Хмельницкий преследовал польское войско Потоцкого и Калиновского, южнорусский крестьянин Микита Галаган вызвался пойти к отступавшим полякам проводником, но завел их в чащобы, задержав до прихода Хмельницкого, за что и поплатился жизнью.

Вовсе уж откровенной трагикомедией выглядит другой факт. С приходом советской власти район, в который входило село Коробово, переименовали в Сусанинский. В конце 20-х гг. районная газета сообщила, что первый секретарь Сусанинского райкома ВКП(б) заблудился и утонул в болоте. Впрочем, времена были суровые, шла коллективизация, и мужички могли попросту подмогнуть товарищу секретарю нырнуть поглубже...

А если серьезно, укоренившаяся легенда о «спасителе царя Сусанине» явственно отдает некой извращенностью. Очень многие слыхом не слыхивали о *реальных* борцах с интервентами, немало сделавших для России, – о Прокопии и Захаре Ляпуновых, Михаиле Скопине-Шуйском. Зато о мифическом «спасителе царя» наслышан каждый второй, не считая каждого первого.

Воля ваша, в таком положении дел есть нечто извращенное.

«Таков печальный итог...»

Самозванцев в конце концов повывели всех до единого. Атамана Заруцкого посадили на кол. Четырехлетнего сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II при большом стечении народа повесили в Москве. Сама Марина подозрительно быстро скончалась то ли в тюрьме, то ли в монастыре. Впрочем, нет подтверждений, что ее смерть была насильственной. Вполне возможно, направленный послом в Краков Желябужский совершенно искренне горевал о ее кончине, заявляя, что уж она-то была бы бесценным свидетельством «польских неправд». Свой резон в этом присутствует: в те времена уже прекрасно умели вышибать нужные показания, живая Марина и в самом деле могла стать ценнейшим козырем в руках русской стороны...

Пожалуй, причудливее всех судьба швыряла «лисовчиков». После гибели в бою своего предводителя, под напором войск Михаила они ушли в Жечь, где им отнюдь не обрадовались – король Сигизмунд не так давно с превеликим трудом подавил очередной шляхетский мятеж, и многотысячная организованная вольница со столь скверной репутацией, готовая примкнуть в любой смуте, была решительно не ко двору... Кое-как, с превеликими трудами «лисовчиков» удалось выпихнуть за пределы Жечи, на службу германскому императору. Лет двадцать, постепенно уменьшаясь в количестве, они воевали в Италии и Германии, остатки некогда грозной ватаги вернулись на родину только после 1636 г. – и большая часть тут же угодила в цепкие лапы закона за всякие художества...

А что же Минин и Пожарский? Как их наградила Родина за верную службу?

Увы, их дальнейшая судьба способна дать лишь повод для грустно-философических размышлений о человеческой неблагодарности и превратностях судьбы.

Тем, кто, безусловно, более всех прочих приобрел в результате Великой смуты, стал (если, понятно, не считать царя Михаила) князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой... сподвижник сначала Тушинского вора, а потом атамана Заруцкого! Он остался при боярском титуле, пожалованном ему Лжедмитрием II, и сохранил за собой богатейшую вотчину, целую область Вагу, некогда составлявшую главное личное достояние Годунова, а потом и Шуйского. Вагу князю щедро определила «шестибоярщина». Юный царь, сидевший на престоле еще довольно

непрочно, попросту не стал ссориться со столь влиятельным и богатым магнатом – благо Трубецкой вовремя успел переметнуться в нижегородский лагерь (в точности как бывшие члены ЦК КПСС, в одночасье ставшие виднейшими демократами). Кроме Трубецкого, превеликое множество народа получило от Михаила подтверждение их титулов и поместий, неведомыми и скользкими путями обретенных в Смутное время.

Минин получил не особенно и великий чин думного дворянина, небольшое поместье и умер через три года после избрания на царство Михаила. О дальнейшей судьбе Пожарского лучше всего расскажет историк Костомаров: «Со взятием Москвы оканчивается первостепенная роль Пожарского... Во все царствование Михаила Федоровича мы не видим Пожарского ни особенно близким к царю советником, ни главным военачальником: он исправляет более второстепенные поручения. В 1614-м году он воюет с Лисовским и скоро оставляет службу по болезни. В 1618-м мы встречаем его в Боровске против Владислава, он здесь не главное лицо, он пропускает врагов, не делает ничего выходящего из ряда, хотя и не совершает ничего такого, что бы ему следовало поставить особенно в вину. В 1621-м мы видим его управляющим Разбойным приказом. В 1628-м он назначен был воеводою в Новгород, но в 1631-м его сменил там князь Сулешев^[69], в 1635-м заведовал Судным приказом, в 1638-м был воеводою в Переяславле-Рязанском и в следующем году был сменен князем Репниным. В остальное время мы встречаем его большею частью в Москве. Он был приглашаем к царскому столу в числе других бояр, но нельзя сказать, чтобы очень часто, проходили месяцы, когда имя его не упоминается в числе приглашенных, хотя он находился в Москве... Мы видим в нем знатного человека, но не из первых, не из влиятельных между знатными. Уже в 1614-м году, по поводу местничества с Борисом Салтыковым, царь, «говоря с бояры, велел боярина князя Дмитрия Пожарского вывести в город и велел его князь Дмитрий за бесчестье боярина Бориса Салтыкова выдать Борису головою».

Нужно сказать, что эта «выдача головою» была не столь уж и страшным предприятием. Впрочем, с какой стороны посмотреть... Заключалась эта «выдача» в том, что выданный являлся на двор к тому, кому был «выдан головой» и смиренно стоял там без шапки, а тот, кому беднягу выдавали, всячески поносил его во всю глотку, пока не уставал и не исчерпывал набор бранных эпитетов...

Вернемся к Костомарову. «Как ни сильны были обычаи местничества, но все-таки из этого видно, что царь не считал за Пожарским особых великих заслуг отечеству, которые бы выводили его из ряда других. В свое

время не считали его, подобно тому, как считают в наше время, главным героем, освободителем и спасителем Руси. В глазах современников это был человек «честный» в том смысле, какой это прилагательное имело в то время, но один из многих честных. Никто не заметил и не передал года его кончины; только потому, что с осени 1641-го имя Пожарского перестало являться в дворцовых разрядах, можно заключить, что около этого времени его не стало на свете. Таким образом, держась строго источников, мы должны представить себе Пожарского совсем не таким лицом, каким мы привыкли представлять его себе; мы и не замечали, что образ его создан нашим воображением по скудости источников. Это не более, как неясная тень, подобная множеству других теней, в виде которых наши источники передали потомству исторических деятелей того времени».

Возможно, кого-то эти строчки способны и шокировать, однако Костомарова вряд ли смогут заподозрить в русофобии даже самые «национально-озабоченные» профессиональные патриоты...

И напоследок вновь обратимся к одной из самых загадочных фигур русской истории – человеку, известному под именем Лжедмитрия I. Эта «Железная Маска», вернее, ее загадка, стала увлекать пытливые умы сразу же после убийства Лжедмитрия – первые попытки отыскать разгадку датированы началом XVII века...

«Названный Димитрий»

Дискуссии и споры о личности первого самозванца самым широким образом развернулись в России только во второй половине XIX века. Причины понятны: во-первых, до того времени русская историография занималась главным образом созданием *общей* картины отечественной истории, образно говоря, строительством здания, обставлять и меблировать которое можно только после окончания стройки (правда, еще во второй половине XVIII в. Милелер занимался Лжедмитрием I и склонялся к убеждению, что царевич был настоящий). Во-вторых, суровое и не допускавшее «умственных шатаний» царствование Николая не особенно и располагало к подобным упражнениям фантазии...

Многие русские историки сто лет назад считали, что самозванец и в самом деле был чудесным образом избежавшим смерти сыном Ивана Грозного. Эта точка зрения берет начало в XVII в., когда немало иностранных авторов придерживались именно ее (Паэрле, Бареццо-Барецци, Томас Смит и др.). Однако первым, кто выдвинул версию о подлинности Дмитрия и горячо ее отстаивал, был француз Жак Маржерет.

Маржерет, очевидец и участник Смуты, фигура прелюбопытнейшая. Родился он в 50-х гг. XVI в. во Франш-Конте, участвовал в религиозных войнах на стороне протестантов, потом уехал на Балканы, где воевал против турок, служил в армиях сначала императора Священной Римской империи, потом трансильванского князя, короля Жечи Посполитой, в 1600 г. завербовался на службу в Россию, где командовал пехотной ротой «иноземного строя». Воевал против Лжедмитрия I, после вступления последнего в Москву перешел к нему на службу, стал начальником одного из отрядов дворцовой гвардии. После убийства Лжедмитрия вернулся на родину, где выпустил книгу «Состояние Российской империи и великого княжества Московии». Вернулся в Россию, служил Лжедмитрию II и потом гетману Жулкевскому, участвовал в каких-то загадочных операциях английской разведки на севере России, последние десять лет был французским резидентом в Польше и Германии.

Некоторые злые языки обвиняли его в причастности к мятежу Шуйского, закончившемуся убийством Лжедмитрия I. Достоверно известно лишь, что в тот день Маржерет по болезни не присутствовал на службе. На мой взгляд, эти обвинения совершенно беспочвенны, поскольку никак не согласуются с занятой Маржеретом позицией. Пожалуй, французский

искатель удачи – самый ярый и упорный сторонник подлинности Лжедмитрия.

Безусловно, не все его аргументы следует рассматривать серьезно. Взяв хотя бы такое: «...касательно других возражений, что он неправильно говорил по-русски, я отвечу, что слышал его спустя немного времени после его приезда в Россию и нахожу, что он говорил по-русски как нельзя лучше, разве только, чтобы украсить речь, вставлял порой польские фразы».

Вряд ли иностранец, проживший в России всего пять лет, мог знать русский язык настолько безукоризненно, чтобы со всей уверенностью судить, является ли то или иное лицо коренным русским...

Зато другие теоретические построения Маржерета прямо-таки невозможно опровергнуть или обвинить в поверхностности...

«Говорят еще, что он не соблюдал их религию. Но так же поступают многие русские, которых я знал, среди прочих некто по имени Посник Дмитриев, который, побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании, узнав отчасти, что такое религия, по возвращении среди близких друзей открыто высмеивал невежество москвитов».

Лучше Маржерета, по-моему, еще никто не опроверг версии, будто Лжедмитрий был *загодя* подготовлен поляками и иезуитами, *несколько* лет воспитывался ими.

«Какое соображение могло заставить зачинщиков этой интриги предпринять такое дело, когда в России не сомневались в убийстве Дмитрия? Далее, Борис Федорович правил страной при большем благоденствии, чем любой из его предшественников, народ почитал и боялся его, как только возможно; притом, мать названного Дмитрия и многочисленные родственники были живы и могли засвидетельствовать, кто он... Война не была бы начата с 4000 человек и сказанный Дмитрий получил бы, как я полагаю, несколько советников и опытных людей из польских вельмож, уполномоченных королем, чтобы советовать ему в этой войне. Далее, и считаю, что они помогли бы ему деньгами; также неправдоподобно, что, когда он снял осаду Новгорода-Северского, его покинули бы большинство поляков...»

Об иезуитах, якобы «воспитавших» Дмитрия: «Я думаю также, что они не смогли бы воспитать его в такой тайне, что кто-нибудь из польского сейма, а следовательно, и воевода сандомирский, в конце концов не узнали бы... и если бы он был воспитан иезуитами, они, без сомнения, научили бы его говорить и читать по-латински... он также больше жаловал бы сказанных иезуитов, чем он это делал...»

Аргумент непробиваемый. В самом деле, выше мы уже рассмотрели подробно, как Лжедмитрий «содействовал» папе римскому и польскому королю, – загодя подготовленная марионетка ни за что не стала бы вести себя так. Достоверно известно, что латинского Лжедмитрий не знал, и подписывая послания королю и папе, даже в своем имени и титуле делал грубейшие ошибки: вместо «imperator» – «in Perator», вместо «Demetrius» – «Demiustri»...

И далее Маржерет подробно рассматривает самое загадочное во всей этой истории обстоятельство: то, что Лжедмитрий I *всегда*, во всем вел себя так, словно свято верил, что он настоящий сын Ивана Грозного и законный государь...

«Его правоту, кажется, достаточно доказывает то, что со столь малым числом людей, что он имел, он решился напасть на огромную страну, когда она процветала более чем когда-либо, управляемая государем проникательным и внушавшим страх своим подданным; примем во внимание и то, что мать Дмитрия и многочисленные оставшиеся в живых родственники могли бы высказать противное, если это не так... Затем рассмотрим его положение, когда большинство поляков покинули его^[70]; он отдался в руки русских, в которых еще не мог быть вполне уверен, притом их силы не превышали восьми-девяти тысяч человек, из которых большая часть были крестьяне, и решился противостоять более чем стотысячной армии...»

Конечно, с этими положениями можно спорить – но чертовски трудно... Тем более, что их подкрепляют не менее странные последующие события – предельно странное ВЕЛИКОДУШИЕ Лжедмитрия.

Как должен поступить хитрый самозванец, прекрасно знающий сам про себя, что обманывает всех окружающих, – когда он входит в Москву, располагая преданными войсками и в горячке первых дней воцарения без особого труда способный снести не одну голову?

Казнить направо и налево, вырубая всех потенциальных смутьянов...

Но ничего этого не было. Никаких казней. Даже более того – когда Шуйский стал плести интриги, распространяя слух, что на престоле сидит самозванец, Лжедмитрий не расправился с ним своей волей, а отдал на суд боярам и собору из представителей всех сословий.

А ведь это был страшный риск – при том, что и в самом деле жива была мать Дмитрия, многочисленные родственники царевича, способные переломить ход судебного разбирательства отнюдь не в пользу самозванца. Однако он поступил, как человек, *предельно* уверенный в своей правоте. И ничего с этой стороны не боявшийся...

Когда астраханский архиепископ Феодосий при личной встрече с Лжедмитрием стал обличать его в самозванстве, говоря, что подлинный царевич давно умер, Лжедмитрий ограничился тем, что... отправил архиепископа под домашний арест. Так опять-таки мог поступить только уверенный в своей подлинности человек, «заигрыванием с церковью» этот факт объяснить нельзя – к тому времени патриархом всея Руси стал ставленник Лжедмитрия, а прежнего патриарха толпа москвичей вытащила на Лобное место и едва не убила. Большинство архиереев признали нового царя (прежний патриарх Иов, кстати, фигура довольно отталкивающая. Именно он 20 февраля 1607 г., послушно выполняя инструкции Шуйского, стал уверять народ, что царевич Димитрий был «убит умыслом Бориса Годунова», хотя в свое время как раз и поддержал венчание Годунова на царство).

Наконец, свержение и убийство Лжедмитрия опять-таки несут на себе отпечаток странной, непонятной торопливости. Я уже писал о том, что было неопровержимо доказано: Гришка Отрепьев и Лжедмитрий I – совершенно разные люди. *Впервые* Годунов назвал самозванца «Гришкой Отрепьевым» только в январе 1605 г. – когда о существовании самозванца было известно уже *несколько* лет, когда он со своими отрядами четыре месяца находился в пределах России. Полное впечатление, что Годунов едва ли не до самого последнего момента не знал, кто же такой самозванец...

Слово Н.И. Костомарову: «Самый способ его низложения и смерти как нельзя яснее доказывает, что нельзя было уличить его не только в том, что он Гришка, но даже и вообще в самозванстве. Зачем было убивать его? Почему не поступили с ним именно как он просил: почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую он называл своей матерью? Почему не изложили перед народом своих против него обвинений? Почему, наконец, не призвали матери, братьев и дядю Отрепьева, не дали им с царем очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутия

(игумен Чудовского монастыря, где прежде монашествовал Отрепьев – А.Б.), не собрали чудовских чернецов и вообще всех знавших Гришку и не уличили его? Вот сколько средств, чрезвычайно сильных, было в руках его убийц, и они не воспользовались ни одним из них! Нет, они отвлекли народ, науськали его на поляков, сами убили царя скопом, а потом объявили, что он был Гришка Отрепьев, и все темное, непонятное в этом вопросе объясняли чернокнижеством и дьявольским прельщением. Но Шуйский ошибся в расчете, как часто ошибаются плуты, искусные настолько, чтобы, как говорится, подвести механику, но близорукие для того, чтобы видеть последствия».

Наконец, есть прямые сообщения о том, что Гришка Отрепьев прибыл в Москву с войском Лжедмитрия, но был им впоследствии за пьянство и беспутное поведение сослан в Ярославль...

Общеизвестно, что практически любому поступку или факту можно подыскать двойное толкование. Как бы там ни было, эта странная уверенность Лжедмитрия в своем царском происхождении, все его поступки, подчиненные этому убеждению, – как выражаются поляки, «орешек не для разгрызания»... Самозванцы так себя не ведут! Не ведут, и точка!

Тогда? «В нем светилось некое величие, которое нельзя выразить словами, и невиданное прежде среди русской знати и еще менее среди людей низкого происхождения, к которым он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Ивана Васильевича» (Маржерет).

Это пишет не экзальтированная девица и не юный поэт – пятидесятилетний кондотьер, чуждый каким бы то ни было сантиментам. Приходится признать, что в самозванце и в самом деле было некое очарование – вспомним самоотверженно защищавшего его Басманова, уверенных в его подлинности братьев Вишневецких, не преследовавших никаких материальных выгод, длинную череду других, оставшихся преданными даже после убийства «Дмитрия»...

По-моему, эта странная уверенность Лжедмитрия в своей подлинности смущала в разной степени всех без исключения историков, поскольку была слишком явной, путала все карты и требовала нешуточной виртуозности в построении более-менее логичных объяснений...

А посему уже в XIX в. родилась гипотеза, по которой Лжедмитрий стал неосознанным орудием в руках некой боярской группировки, которая, подыскав подходящего юнца, *уверила* его в том, что он и есть чудом спасшийся от убийц сын Ивана Грозного, отправила в Литву, а после тонко рассчитанными маневрами парализовала сопротивление

правительственных войск, подготовила москвичей, убила Годунова вместе с женой и сыном, ну, а впоследствии, по миновании надобности в «Дмитрии», убила и его в страшной спешке...

Вот *это* гораздо больше похоже на правду, нежели лепет о «заговоре иезуитов». В *эту* гипотезу прекрасно укладывается и террор, развязанный Годуновым против знатнейших боярских фамилий, – не утруждая себя поиском убедительных обвинений, Борис казнил направо и налево, словно бы отчаянно нанося могучие удары по некоему невидимке, хихикавшему над самым ухом. И та легкость, с которой высшее боярство переметнулось на сторону самозванца. И его убийство. И убежденность самого «Дмитрия» в своей подлинности.

Косвенным свидетельством того, что Годунов все же не умер своей смертью, а был отравлен боярами, служит довольно странная реплика самозванца. Когда в Кремль ворвались убийцы, Лжедмитрий, по сохранившимся свидетельствам, высунулся из окна и, потрясая саблей, крикнул:

– Я вам не Борис!

Что он мог иметь в виду? То, что не собирается, подобно Годунову, безропотно, как теленок на бойне, ждать смерти? Но позвольте, Годунов не ждал финала *безропотно*! Совсем наоборот – он самым яростным образом боролся до конца, он, прошедший кровавую школу опричнины, дрался за престол, как волк с лапой в капкане, – пытал, казнил, приказал войскам *лютейше* истреблять всех, кто переметнулся к самозванцу. И все же эта фраза прозвучала: «Я вам не Борис!»

Тогда? Быть может, Лжедмитрий прекрасно знал, что Борис не умер своей смертью, а был *убит*, и хотел заверить, что уж он-то постарается от убийц отбиться? Очень возможно...

В этом случае встает вопрос: кто? С чьей подачи осуществилась операция «Спасшийся царевич»?

Шуйский? Не исключено, но маловероятно – с этой версией плохо согласуются контакты Шуйского с поляками, их прямое соучастие в убийстве Лжедмитрия и истреблении его людей. По-моему, будь во главе всего дела Шуйский, он не стал бы так активно добиваться от Сигизмунда выдвижения на русский престол королевича Владислава... Вероятнее всего, Шуйский лишь ловил рыбку в мутной воде по своему всегдашнему обыкновению, и не более того.

Между прочим, многие польские вельможи отчего-то были убеждены, что Лжедмитрий – побочный сын знаменитого короля Стефана Батория...

Гораздо более вероятными кандидатами на роль руководителей

растянувшегося на годы заговора выглядят Романовы. Любопытно, что сам Годунов, по сохранившимся свидетельствам современников, прямо говорил: самозванец – дело рук бояр... Именно на семейство Романовых обрушился главный удар Годунова (а также на Богдана Бельского) – в то время как Шуйский, в общем, никаким особым репрессиям не подвергся. Мало того, у Романовых было гораздо больше оснований претендовать на престол. Если Василий Шуйский – *просто* Рюрикович, то Романовы – двоюродные братья по матери царя Федора Иоанновича, а в те времена это имело громадное значение. *Свойство* с какой-либо царственной особой перевешивало согласно тогдашним традициям даже прямое происхождение кого-то от Рюрика...

Репрессировали не только самих Романовых, но их родню, свойственников, близких друзей. Годунов упрямо бил в одну точку... Только ли оттого, что Романовы ближе всех других родов стояли к трону?

И, наконец, пора задать несколько шокирующий вопрос: а не был ли самозванец и впрямь *настоящим* царевичем?

История то ли убийства, то ли самоубийства малолетнего Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 года запутанна и туманна. Слишком много странностей и несообразностей – толпа горожан, в первые же минуты после убийства натравленная на конкретных лиц, ложные улики (вроде измазанных куриной кровью ножей, положенных рядом с трупами тех, кто якобы зарезал царевича). Следственное дело, которое было составлено людьми Шуйского, самолично расследовавшего смерть царевича, уже в XVII в. считалось безбожно фальсифицированным. Ясно одно: Пушкин, конечно же, был великим поэтом, но Годунова в убийстве царевича он, похоже, обвинял совершенно напрасно. Такой вывод следует в первую очередь оттого, что смерть царевича отнюдь не облегчала Годунову дорогу к трону. Ничуть не облегчала – нужно помнить, что существовало еще множество Рюриковичей, начиная с Романовых и Шуйских, все они имели столько же, а то и не в пример больше прав на престол, чем Годунов (или полагали, что имеют), и расправиться с этой знатной оравой для Годунова было бы предприятием совершенно нереальным...

И, наконец, если мы соберемся предположить, что малолетний царевич все же был спасен от убийц, спрятан боярами, оппоненты могут задать вопрос, прозвучавший еще в прошлом веке: если так и случилось, отчего же спасители *выжидали* аж до 1604 г.? Почему не объявили о том, что царевич Дмитрий жив, еще в 1598 г., когда скончался Федор Иоаннович?

Но в том-то и беда, что из-за скудости дошедших до нас документов

невозможно сделать какой бы то ни было вывод со стопроцентной уверенностью. Возможно, и объявляли. Известно, что Годунов, перед тем как вступить на престол, несколько недель отсиживался вне столицы, в Новодевичьем монастыре. Это можно объяснить его лицемерием (ждал, когда его агенты достаточно подготовят общественное мнение к избранию именно Бориса). А можно объяснить и тем, что как раз в эти дни спасители Дмитрия заявили о себе, и произошла какая-то борьба, о которой до нас не дошло никаких прямых свидетельств...

Мне не хочется выдвигать версий, которые нельзя подкрепить *железными* доказательствами. Увы, нет никаких признаков того, что отыщутся какие-то дополнительные документы тех времен – на это рассчитывали еще историки XIX века, но не дождались. Да, следственное дело об убийстве Дмитрия безбожно фальсифицировано Шуйским, но это само по себе ничего еще не доказывает. Все за то, что Годунов был убит, а Лжедмитрий I вел себя как человек, совершенно уверенный, будто он и есть спасенный Дмитрий. Но и это не доказательство.

Как ни грустно, но истину мы так и не узнаем никогда. Самозванец мог и оказаться настоящим царевичем Дмитрием. А мог оказаться жертвой спланированной Романовыми долголетней игры. Вроде наших демократов «первой волны» – эти блаженненькие свято верили, что именно они, изволите ли видеть, «свергли» тоталитарный строй, а в это время за их спинами серьезные люди проворачивали серьезные дела...

Загадка Лжедмитрия навсегда останется загадкой...

С высокой степенью достоверности можно утверждать единственное: Лжедмитрий, кто бы он ни был, достаточно долго прожил в *Западной Руси*. Многочисленные мелочи, на которые глаз у тогдашнего человека был наметан, не ускользнули от внимания москвичей и тогда же позволили сделать вывод: в поведении царя явственно прослеживаются детали, которые неопровержимо выдают в нем человека, за последние годы привыкшего именно к западнорусскому быту, укладу, правилам «приложения» к иконам и т.д. Что ничего не доказывает конкретно, поскольку с равным успехом может быть приложено и к самозванцу-уроженцу Западной Руси, и к настоящему царевичу, долго жившему вдали от родины, от Восточной Руси...

Эпилог и виртуальность

Итак, категорические выводы делать бессмысленно – все сохранившееся стопроцентной ясности не вносит. История как Лжедмитрия I, так и предшествовавших ему лет правления Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Годунова зияет многочисленными пустотами и темными местами. (Правда, я не согласен с академиком Фоменко в том, что Иван Грозный – это якобы *четыре* разных царя. Аргумент против этой версии есть весомейший: мемуары иностранных авторов, которые никаких «четырех царей» отчего-то в России XVI в. не усмотрели. Можно еще допустить, что множество русских старинных документов было впоследствии уничтожено, однако вряд ли кто-нибудь поверит, что агенты переписывавших Историю в угодном им Духе Романовых прочесали Европу, старательно уничтожив и все иностранные свидетельства о «четырех царях»...)

Дело даже не в недостатке доказательств, а в личности Лжедмитрия I. Который, на мой взгляд, совершенно незаслуженно оказался вымазан грязью с головы до пят и в отечественной историографии присутствует исключительно в неприглядной роли «агента ляхов и езуитов», озабоченного исключительно подчинением Руси Кракову и Ватикану.

Повторяю, *ничего* в его деятельности не дает повода для столь резких оценок. Наоборот, перед нами – человек, собиравшийся царствовать всерьез и надолго, а потому отнюдь не склонный каким бы то ни было образом наносить ущерб Московскому государству либо православной вере. Человек умный, ничуть не жестокий, не чванный, склонный к реформам и новшествам на европейский лад. Хоть убейте, я не в состоянии понять, чем же Лжедмитрий I хуже Годунова, забрызганного кровью по самую маковку еще со времен опричнины. Чем он хуже кровожадного параноика Петра I, вообще любого из Романовых, не отличавшихся глубиной кротостью.

Беда его в том, что он проиграл. Мертвые оправдаться не в состоянии. Мы в который раз сталкиваемся с грустным парадоксом: монархам категорически противопоказано быть добрыми и гуманными. Ведь достаточно было Лжедмитрию, торжественно вступив в Москву, снести пару дюжин голов, не исключая башки Шуйского, – и он при таком повороте дел имел все шансы процарствовать долго.

Более того – стать властелином объединенного московско-польско-

литовского государства (вспомните предложения, сделанные ему мятежной шляхтой). Вновь, как и в варианте с Иваном Грозным-католиком, перед нами все предпосылки для создания обширной и могучей славянской державы.

Правда, в *этом* варианте я не уверен в долговечности такой державы – чувствую, рано или поздно ее вновь разодрали бы на Жечь и Московию нешуточные противоречия: хотя бы религиозная чересполосица (православные, католики, лютеране, ариане). Сверхдержава эта могла уцелеть при обязательном условии: будучи прочно сцементирована *одной* религией.

А впрочем, еще неизвестно. Империя Габсбургов худо-бедно просуществовала несколько сот лет, представляя собою еще более причудливый конгломерат разнообразнейших народов и верований...

Как бы там ни было, нельзя сомневаться в одном: долгое правление Лжедмитрия I на Руси вполне могло привести к тому, что было бы преодолено определенно имевшее место отставание от Западной Европы – и в военном деле, и в образовании (есть информация, что Лжедмитрий подумывал об открытии университета), Россия смогла бы избежать всех жертв и бед, вызванных тем, что именуется «Петровскими реформами». И уж в любом случае страна никогда бы не сорвалась в Смуту. А это, в свою очередь, могло и не привести к будущему расколу русского православия на «староверов» и «никонианцев», сыгравшему в отечественной истории вовсе уж жуткую роль.

Так уж повелось, что на Руси все инициативы и перемены обычно исходили сверху. И Лжедмитрий как раз и мог послужить «катализатором» мирных, эволюционных реформ, которые страна, цинично выражаясь, проглотила бы, как миленькая – в те времена, до Смуты, можно сказать с уверенностью, народ покряхтывал бы, возможно поругивал меж собою новшества, однако не стал бы бунтовать «в едином порыве». Как-никак в русском обществе не вызвали особого неприятия все введенные Лжедмитрием новшества – его прогулки по Москве без охраны, военные игры, прямо-таки предвосхищавшие «потехи» Петра I, решительный отказ от русской привычки непременно дремать после обеда. Ворчали, конечно, – но принимали. Точно так же, без натяжки можно сказать, приняли бы и более существенные реформы.

Если бы только он снес пару дюжин голов... Кажется это Макиавелли выразился однажды, что безоружные пророки непременно гибнут, зато вооруженные всегда выигрывают. Увы, тираном Лжедмитрий не был.

Тираном стал *другой* – кровавое чудовище, наломавшее столько дров,

что последствия ощущались и сто лет спустя. Я имею в виду Петра I – уж он-то не боялся рубить головы, творить самое дикое самодурство. Он принес России неисчислимые беды, под флагом «реформ» вырвав ее из нормального развития (быть может, навсегда), однако, как ни странно, до сих пор считается одной из самых замечательных личностей отечественной истории.

Что ж, поговорим о нем подробнее...

Дракон московский

(Эту характеристику Петра I М.А. Булгаков в написанном им оперном либретто вложил в уста гетмана Мазепы. Что ж, Петра Алексеевича именовали и покруче – старообрядцы, к которым принадлежат предки автора этих строк по мужской линии, иначе как антихристом его не называли...)

Распалась связь времен...

Самая грандиознейшая ложь, пущенная в широкий обиход еще при жизни Петра I, – это уверения, будто Петр *первым* придумал и ввел многочисленные новшества, будто до Петра Россия представляла собой нечто замшелое, застойное, невероятно отсталое, прямо-таки автоматически сопротивлявшееся всяким и любым изменениям окостеневшего порядка вещей. Хотя эту ублюдочную сказку стали подвергать всерьез сомнению еще во второй половине XVIII в. (князь Щербатов), она оказалась чрезвычайно живучей и угнездилась в умах настолько, что любые попытки прояснить истинное положение дел порой вызывают отпор, ни в малейшей степени не основанный на какой-либо *рассудочной* основе. Иных защитников Петра I, собственно, нельзя даже назвать защитниками – сплошь и рядом ими движет чисто биологическая реакция завидевшей собаку кошки: выгнутый дугой хребет, встопорщенный хвост, яростное шипение...

Да что там, частенько сталкиваешься с тем, что предшественник Петра, царь Федор Алексеевич, *выпадает* для многих из русской истории, – иные и не подозревают о его существовании, простодушно полагая: коли уж Петр – Алексеевич, то и на троне он сменил Алексея Михайловича...

Свою лепту, конечно, внесли и творческие люди – насквозь лживый роман А.Н. Толстого «Петр I» был, к превеликому сожалению, талантлив. А это еще хуже, потому что со стоящим на ложных позициях талантом воевать не в пример тяжелее...

Однако факты – вещь упрямая. А факты таковы: во-первых, Петр I не придумал сам решительно *ничего* нового. Все его «новшества» – уродливо искаженные, гипертрофированные, весьма даже бездарные *продолжения* тех реформ, изменений и новшеств, что родились до Петра. Во-вторых, Петр не «ввел» реформы, а принялся с яростью идиота пришпоривать и ускорять реформы уже начавшиеся. Образно выражаясь, предшественники Петра двигались к своей цели, щадя и не мучая лошадь. Петр, оказавшись в седле, не поехал, а помчался дальше – раздирая лошади шпорами бока в кровь, немилосердно ее нахлестывая, разрывая рот удилами. Цели он вроде бы достиг – но загнанная лошадь пала, и, стоя над ее трупом, Петр вдруг обнаружил, что примчался вовсе не туда, что дорога впереди закутана густым туманом, не у кого спросить, куда же теперь ехать, не у кого найти

помощи, как ни надрывай глотку, – а из придорожных кустов уже в открытую выглядывает костлявая старуха с косой, пробуя пальцем лезвие...

Я очень надеюсь, что к тому же выводу, когда мы закончим, придет и читатель...

Предшественники

Даже беглое изучение источников и мемуаров убеждает: до Петра Россия вовсе не была отгорожена от остальной Европы неким «железным занавесом», как это порой пытаются представить славословящие Петра. Другое дело, что европейские новшества проникали на Русь медленно и применялись в ограниченных масштабах, – но ту же картину постепенного, эволюционного распространения всевозможных новшеств мы видим и во многих западноевропейских государствах...

Впервые сбрил бороду отец Ивана Грозного Василий III – и мир не перевернулся, а народ не взбунтовался. Православные иерархи, правда, пытались робко увещевать государя всея Руси, но, зная его крутой характер, быстренько примолкли...

Еще Ивана Грозного некий дьяк Тимофеев упрекал за пристрастие к иноземным лекарям (мне так и не удалось выяснить, что с дьяком после этого произошло, но, зная характер Грозного, строить догадки легко...). А первые наемные иностранные солдаты (немцы) появились в русской армии как раз при Василии III.

Еще Борис Годунов послал пятерых молодых дворян учиться в Англию. Правда, когда грянула Смута, все пятеро стали «невозвращенцами». Мало того, один, некий Никифорко Олферьев, мало того, что перешел в «аглицкую» веру, но еще «неведомо по какому искушению» стал англиканским священником [244].

Еще Лжедмитрий I намеревался открыть в России университет по европейскому образцу.

А во второй половине царствования Алексея Михайловича иноземные новшества начинают распространяться по России прямо-таки семимильными шагами...

Первые корабли западного образца построены именно тогда. Первый театр по западному образцу немец Грегори заводит на Руси в царствование Алексея. При дворе появляется немалое количество «иностранных специалистов». Немецкий ученый Адам Олеарий в своем «Описании путешествия в Московию» писал: «Его царское величество содержит также, с большими расходами, много толмачей для разных языков, а также много других слуг из немцев и иностранцев. В особенности много у него высших военных офицеров, частью оставивших свою религию и перекрестившихся; они и в мирное время получают большое

вознаграждение. У его царского величества между другими его толмачами имеется прекрасный человек по имени Иоганн Беккер фон Дельден, родом из Копенгагена. Он получил хорошее университетское образование, совершил замечательные путешествия и знает много языков» [167].

Тут же Олеарий отмечает, что русские доброжелательно относятся к иностранцам и их культуре, охотно усваивая то, что им кажется необходимым. «У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью».

В Москве к тому времени уже были открытые иностранцами аптеки, где фармацевтическому делу и латинскому языку учились и русские (наиболее известен из таких учеников стрелецкий сын Дмитрий Евдокимович Дерюжкин).

Сам Алексей Михайлович, как и другие дети Михаила, в детстве носил немецкое платье. Правда, взойдя на престол, вынужден был соблюдать традиции и одеваться «по-дедовски», а также запретить ношение немецкого платья при дворе – но не вообще в Москве. Дворня боярина Никиты Ивановича Романова, дяди царя Алексея, всегда щеголяла в немецких ливреях, сам боярин за стенами Кремля – тоже. Борясь с этими «соблазнами», патриарх Никон устроил боярину прямо-таки детскую каверзу: попросил прислать ему «из любопытства посмотреть» немецкие кафтаны Романова, а когда тот, ничего не подозревая, выполнил просьбу, Никон распорядился изрезать в куски «еретические одежи» и сжечь. Тем не менее в рядах московского Гостиного двора, как в то время, так и позднее можно было свободно покупать одежду «иноземных» фасонов, а большое количество немецких и польских портных, живших тогда в столице, свидетельствовало, что покупатель на их товар был многочислен...

При царском дворе тогда видную роль играли два влиятельных и знаменитых «западника» – Ордин-Нащокин и Матвеев, обучившие своих детей на западный лад. Придворный проповедник, знаменитый Симеон Полоцкий, сочинял пьесы для театра и переводил иностранные. По указанию царя в Посольском приказе стали переводить иностранные книги по космографии, риторике и фортификации.

Военная реформа на европейский манер – опять-таки новшество допетровского времени. Еще в 1646 г. князь И.Д. Милославский выехал в Голландию с поручением пригласить «мастеров железного дела, опытных капитанов и солдат человек 20 добрых самых ученых». Это и послужило началом для широкого реформирования армии. Документы тех времен пестрят именами иностранных офицеров: полковник Гамильтон, майор

Фролийос, капитан Реттих... Параллельно со старым стрелецким войском создаются полки «иноземного строя», «рейтарские» и «солдацкие» – к моменту единоличного воцарения Петра составлявшие больше половины всех русских вооруженных сил (63 полка, 90 000 солдат). Практически все иностранные воинские звания, чье введение приписывается Петру I, существовали уже при Алексее Михайловиче: полковники, майоры и ротмистры, поручики и прапорщики, сержанты и капралы, квартирмейстеры и каптенармусы. В 1674 г. стрельцами, посланными осадить взбунтовавшийся Соловецкий монастырь, командовали *майор* Иван Березников, *ротмистр* Иван Порошин и *поручик* Оксен Сипягин – бок о бок с *сотником* Клементием Иевлевым, служившим в «старых» подразделениях.

Иностранные офицеры в полках «иноземного строя» составляли если и большинство, то не подавляющее. Хватало и русских. В одном из документов поминаются «поместные рядовые иноземцы» Степан Алабышев и Василий Плаксин. В данном случае, понятно, «иноземцы» обозначает не происхождение, а должность. В 1647 г. в Москве был издан в переводе с немецкого военный устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», по которому и обучали «иноземные» полки.

Развитие горного дела и промышленности началось опять-таки в царствование Алексея Михайловича. В 1666 г. «рудознатцы» князя Милорадовы искали залежи серебра на Мезени, а *майор* Мамкеев – в Холмогорском уезде. Именно тогда в Невьянске и заложил первые заводы медеплавильщик Тумашев (хотя официальная историография приписывает эту заслугу Петру).

Интересно, что идея «прорыва» России к Балтийскому морю впервые родилась отнюдь не в России. В 1676 г. в Москву прибыл новый датский посол Фридрих фон Габель – именно он, ярый ненавистник Швеции, и принялся убеждать царя захватить Ливонию, вернуть себе балтийское побережье, от которого отрезали Россию шведы.

Еще более интересен тот факт, что до появления приткого датчанина в России, оказывается, успели крепко подзабыть о некогда «исконно русских» землях. Только после настояний Габеля в архивах были разысканы ветхие бумаги, повествующие, что коварные шведы незаконно владеют Финляндией. И уж предельно любопытен состав тех, кто решительно воспротивился идеям Габеля. Это были не «заскорузлые консерваторы» из глубинки, а наоборот, люди для своего времени передовые, оборотистые, поддерживавшие постоянные контакты с европейцами, – купцы из Архангельска...

Строго говоря, порты на Балтийском море России были и не особенно нужны. Торговля с Европой через Архангельск являла собой не то полусонное копошение, каким ее впоследствии стали представлять перевозносившие Петра историки, а налаженное и мощное предприятие. Только за один год (что полностью подтверждается иностранными источниками) чистая *прибыль* от архангельского товарооборота дала триста тысяч рублей – сумма по тем временам фантастическая. А посему купцы не хотели ввязываться в сомнительное предприятие со столь же сомнительным финалом – и к прожекткам датчанина отнеслись при дворе холодно, положив их под сукно. То, что потом эти планы с точностью «до третьего знака» взялся выполнять Петр I, вызывает сильные подозрения, что ему попросту внушили их датчане в Немецкой слободе...

Кстати, о Немецкой слободе. Эта «кузница кадров», откуда Петр во множестве черпал сотрудников и идеи, была основана за десятилетия до рождения Петра – что само по себе свидетельствует: не было ни «изоляции», ни «железного занавеса». Иностранная колония в Москве была настоящим городом (кроме немцев там жили голландцы, швейцарцы, шотландцы).

Когда умер Алексей Михайлович, на трон вступил его старший сын от первой жены Федор, правивший с 1676 по 1682 г.^[71] При нем реформы получили дальнейшее развитие. Федор и его старшая сестра Софья получили великолепное по тем временам образование – благодаря Симеону Полоцкому Федор в совершенстве знал латинский язык, неплохо читал польски, сочинял стихи. Софья немного менее преуспела в иностранных языках, зато сама писала пьесы и даже ставила их в кругу близких, создав домашний театр.

При Федоре и были начаты преобразования, творцом которых впоследствии объявили Петра...

Именно Федор отменил местничество – глупейший пережиток старины, мешавший нормальной организации армии и государственных учреждений. Все «поместные росписи» были сожжены, что особого сопротивления не встретило.

Была проведена реформа одежды. Всем придворным, военным и государственным чиновникам приказали отныне носить «иноземное» платье (правда, не немецкое, а польское). Тем, кто продолжал щеголять в старомодных охабнях и однорядках, был царским указом запрещен вход и в Кремль, и во дворец. Одновременно придворным, военным и чиновникам было *рекомендовано* брить бороды – что к тому времени было вовсе не таким уж шокирующим новшеством, Россия завела тесные связи с

Польшей, перенимая и польские кунтуши, и язык, и бритье бород. Как пишет современник: «...на Москве стали волосы стричь, бороды брить, сабли и польские кунтуши носить, школы заводить». Заодно Федор ликвидировал старинный обычай, когда «воинских людей», по трусости бежавших с поля боя, обязывали появляться на людях непременно в женских охабнях.

Провели церковные реформы, отменив «собственные иконы», – до Федора был широко распространен обычай вешать в церкви свои личные иконы и во время службы молиться только на них, запрещая это остальным. Были смягчены «судебные жестокости» – вора́м отныне не отсекали ни рук, ни ног, ни пальцев.

Наконец, серьезнейшие перемены были затеяны в сфере образования. Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев, прозванные «латинщиками» (т.е. попросту «западниками»), разработали проект Славяно-греко-латинской академии. Учениками ее могли быть люди всех сословий и возрастов, науки предполагались и гражданские, и духовные: грамматика, пиитика, риторика, диалектика, философия, богословие, языки – славянский, греческий, латинский и польский. К сожалению, из-за смерти Федора подготовку к открытию первого в России университета не довели до конца, потребовалось еще четыре года, чтобы Академия начала работу.

Подводя итоги всего вышесказанного, пора сделать краткий вывод: как уже говорилось, Петр I самостоятельно не придумал ничего толкового. Все, что он делал, было лишь продолжением преобразований, начатых за десятилетия до его появления на свет...

Софья

Знаменитый портрет Сурикова, изображающий толстую, непривлекательную бабищу, разумеется, не может служить достоверным изображением царевны Софьи. Один бог ведает, с кого он списан... Судя по свидетельствам современников, настоящая Софья была вполне привлекательной молодой женщиной.

И уж ни в коем случае ни «символом застоя», как нам старательно вдалбливали. Выше уже говорилось о полученном ею блестящем образовании. Стоит добавить, что само по себе избрание Софьи правительницей при малолетних братьях наглядно свидетельствовало о решительном разрыве с прежними традициями, по которым место женщины – исключительно в тереме, вдали от людских глаз (об этой стороне правления Софьи как-то не принято задумываться, господствует абсолютно нелогичная посылка с упором на слово «застойная правительница», хотя появление *женщины* в русской политической жизни – уже как раз и есть разрыв с «застоем»).

Кроме того, ближайшими сподвижниками Софьи были отнюдь не какие-то «заскорузлые и замшелые» ревнители старины, а, пожалуй, самые передовые люди своего времени: Сильвестр Медведев (которого казнили после устроенного Петром переворота) и князь Василий Васильевич Голицын, любовник Софьи, чьи идеи заметно опередили свое время.

По свидетельствам иностранцев, Голицын с большим уважением относился к европейцам, был открытым «западником», владел несколькими иностранными языками. Его московский дом был убран в европейском стиле, князь владел огромной библиотекой. Руководя Посольским приказом (тогдашнее министерство иностранных дел), Голицын добился немалых успехов, что сквозь зубы признают даже «петрофилы». Именно Голицын заключил «вечный мир» с Жечью Посполитой, добившись возвращения России Киева. Из воспоминаний иностранцев известен его проект крестьянской реформы – крестьяне получили бы во владение землю, взамен чего должны были, освобожденные от многих прежних повинностей, платить лишь ежегодный налог. Чтобы подробно рассказать о деятельности Голицына, пришлось бы написать отдельную книгу, замечу лишь, что иные иностранцы именовали князя «великим деятелем».

Все обвинения в его адрес, как легко догадаться, возникли впоследствии, после захвата власти Петром. Правда, с той же вопиющей

нелогичностью эти немногочисленные (много не удалось бы высосать из пальца) «вины» наглядно демонстрируют цинизм Петра... Голицына обвиняли в том, что он верит в колдовство и ведовство, – но сам Петр в 1716 г. включил в новый *военный* устав направленные против колдунов карательные меры. Голицына обвиняли в провале его крымских походов – но сам Петр так и не взял Крыма, как ни бился. Равным образом и преемники Петра ничем особенным Голицына в этой области не превзошли – в состав Российской империи Крым был включен лишь в ...1783 г.

Что касается Софьи, то даже столь видный сторонник Петра, как князь Б.И. Куракин, написал впоследствии: «Правление царевны Софьи началось со всякой прилежностью и правосудием и к удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножились коммерции и ремесла, и науки почали быть латинского и греческого языку... и торжествовала тогда вольность народная». А о самой Софье Куракин выразился так: «Великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная дева».

Вот только в памяти у нас с детства остались не эти строки, картина Сурикова и роман Толстого «Петр I», рисующие, мягко говоря, нечто довольно далеко отстоящее от истины... Мы не виноваты, так нас учили.

Строго говоря, были все предпосылки к тому, чтобы Россия развивалась по пути реформ и далее – но именно по пути *реформ*, постепенных изменений, без всяких «больших скачков» и патологического стремления немедленно сломать все, что только возможно, свойственного Петру. Известно, что Софья уже стала именовать себя «великой государыней» и заказала гравюру, где ее изобразили в шапке Мономаха. Это опять-таки не вызвало *всеобщего* ропота – лучшее доказательство того, что страна молчаливо примирилась с курсом на реформы. Правда, неведомо откуда вылезли несколько «старцев», затеявших было дискуссию о противных христианской вере нововведениях, посягающих на устои – однако стрельцы в дискуссии участвовать отказались, справедливо заявив, что это «дело поповское», а когда «старцы» стали настаивать, нескольких из них тут же отколошматили, так что незваные «дискутанты» едва унесли ноги...

И обязательно нужно заметить, что Петра, собственно говоря, никто и не рассматривал в роли самодержца всероссийского. Во-первых, никто не предвидел, что Федор умрет всего в двадцать два года. Во-вторых, *старшим* при любом раскладе был Иван. А потому Петра ничему серьезно

не учили, в противоположность Федору, Ивану и Софье. Его «воспитанием», если можно так выразиться, занималась личность жалкая и ничтожная – дьяк Зотов, отнюдь не светоч ума и знаний, пьяница и придворный клоун. Назначая его воспитателем Петра, царь и царица поинтересовались, умеет ли он читать и писать, этим экзамен и ограничился. (Четыре действия арифметики Петр освоил лишь в шестнадцать лет.) Вполне возможно, хотя точных данных и нет, что именно Зотов приохотил юного Петра к педерастии, о которой в последующие годы порой говорилось открыто (позже мы к этому вопросу еще вернемся). Впрочем, эту сомнительную честь иные приписывают Францу Лефорту, а также Меншикову...

После смерти Федора Боярская дума в полном соответствии с тогдашними правилами высказывалась за то, чтобы созвать Земский собор из представителей всех сословий, а уж Собор должен решить, кому быть на царстве – Ивану или Петру.

Однако «клан Нарышкиных» (мать Петра Наталья Кирилловна и ее многочисленные родичи) устроил переворот. В числе их сторонников оказался и патриарх Иоаким^[72]: именно он вышел на церковное крыльцо и спросил собравшихся там «стольников, стряпчих, дворян, всех чинов служивых людей, гостиной, суконной и черной сотен^[73] и иных чинов людей», кому быть на престоле. Толпа (среди которой во множестве рассыпались надевшие панцири под кафтаны люди Нарышкиных) «почти единогласно» назвала Петра (даже писавший свой роман по безусловному социальному заказу А.Н. Толстой не смог обойти свидетельства современников, поведавших, что нескольких человек, кричавших за Ивана, тут же убили ножами).

Это абсолютно незаконное по меркам того времени предприятие тут же встретило сопротивление. Стрелецкий полк Карандеева прямо отказался присягать Петру, поскольку «отдали престол малому мимо старого», т.е. обошли законного претендента на престол. Ничего удивительного, что царевне Софье без всякого труда удалось уже через две недели поднять стрелецкие полки и восстановить справедливость, заставив не просто возвести на престол Ивана, а провозгласить его «первым» царем, Петра же – «вторым».

Безусловно, сам молодой Петр, необразованный, не имевший никакого представления о государственной деятельности и политике, ни за что не сумел бы устроить второй дворцовый переворот 1689-го года, свергнувший Софью. Лидером тут определено была мать Петра Наталья Нарышкина,

«медведиха», как ее с почтительным страхом именовали, возглавлявшая обширный клан Нарышкиных. Когда Софья была заточена в монастырь, Голицын сослан, а Медведев казнен (его голову выговорил себе патриарх в качестве платы за поддержку переворота Нарышкиных), именно «медведиха» взяла в руки власть^[74]. И не выпускала до самой своей кончины. Все, что в это время дозволялось Петру, – это «воинские потехи» с преображенцами и плавание на пресловутых ботиках. Сохранилось довольно много свидетельств, что с его мнением властная Наталья не считалась совершенно. Более того, давно уже существует обоснованная версия, что именно «медведиха» втайне поощряла пьянство Петра, гульбу в Немецкой слободе, сексуальные забавы то ли с Анной Монс, то ли с Меншиковым, то ли с обоими вместе. Лишь бы держался подальше от трона... Только после смерти Натальи Кирилловны 25 января 1694 г. Петр начинает всерьез заниматься тем, что можно назвать государственной деятельностью...

Эта версия косвенно подтверждается простым анализом всех введенных «медведихой» изменений: они как раз были направлены не на «внедрение прогрессивных новшеств», а на восстановление тех самых «застойных» порядков. Был казнен один из виднейших «западников» Сильвестр Медведев, сменивший Иоакима патриарх Андриан разразился посланием против тех, кто бреет бороду, называя их «котами» и стращая адским пламенем. При дворе вновь стали носить «старое» платье...

Кстати, *подлинные* причины нелюбви Петра к старым знатым фамилиям раскрывает его верный сподвижник князь Куракин в своей «Истории о Царе Петре Алексеевиче»: «Начало падения первых фамилий надо видеть еще в детстве Петра, когда царством управляли царица Наталья Кирилловна и ее брат Лев Нарышкин. В том правлении имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено как от его царского величества, так и от персон тех правительствующих, кои кругом его были, оттого, что все оные господа, Нарышкины, Стрешневы, Головкин, были из домов самого низкого и убогого шляхетства и всегда ему (т.е. Петру – А.Б.) внушали с молодых лет против великих фамилий».

Даже верный сподвижник Петра Б.Н. Куракин охарактеризовал правление Натальи Кирилловны как «весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправо правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донныне продолжается с умножением, и вывести сию язву трудно».

История болезни

То, что Петр I был человеком нездоровым в психическом плане, в общем, никогда не подвергалось сомнению. Не будучи медиком, я не стану выдвигать свои собственные гипотезы, а предоставлю слово американскому историку Мэсси (никак не числящемуся среди противников Петра, наоборот, подобно многим отечественным интеллигентам, прямо-таки «влюбленного в царя-реформатора»):

«...молодой царь начал страдать досадным, нередко заставлявшим его испытывать мучительные унижения недугом. Когда Петр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало непроизвольно дергаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся секунды две-три, а иногда – настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, после чего спазм захватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались так, что виднелись одни белки. При наиболее тяжелых, яростных припадках затрагивалась и левая рука – она переставала слушаться и непроизвольно дергалась, кончался такой приступ лишь тогда, когда Петр терял сознание.

Располагая только профессиональными описаниями симптомов, мы не сможем наверняка установить ни саму болезнь, ни ее причины. Скорее всего, Петр страдал малыми эпилептическими припадками – сравнительно легким нервно-психическим расстройством, которому в тяжелой форме соответствует истинная эпилепсия, проявляющаяся в так называемом «большом припадке». Насколько известно, Петр не был подвержен этому крайнему проявлению болезни: никто из оставивших письменные свидетельства не видел, чтобы он падал на пол и изо рта у него шла пена или утрачивался контроль над телесными отправлениями. В его случае раздражение возникало в отделе мозга, управляющего мышцами левой стороны лица и шеи. Если источник раздражения не исчезал или хотя бы не ослабевал, соседние отделы мозга тоже приходили в

возбуждение, что и вызывало непроизвольные, судорожные движения левого плеча и руки.

Еще труднее, не зная наверняка характера заболевания, точно указать его причину. Современники Петра и авторы более поздних исторических трудов предлагают целый спектр мнений. Одни приписывали эти судороги травмирующему воздействию того ужаса, который он испытал в 1682 г. десяти лет от роду, когда стоял рядом с матерью и на глазах у него озверевшие стрельцы убивали Матвеевых и Нарышкина. Другие находили истоки болезни в потрясении, перенесенном им семь лет спустя, когда Петра разбудили среди ночи в Преображенском вестью о том, что стрельцы идут убивать его самого. Третьи грешили на безудержное пьянство, к которому царь пристрастился с легкой руки Лефорта – чего стоит один Всеппянейший собор! Был даже слух, просочившийся на Запад в письмах из Немецкой слободы, будто недуг царя был вызван ядом, который подослала ему Софья, пытаясь расчистить себе путь к престолу. Однако самой правдоподобной причиной эпилепсии, особенно если больной никогда не получал сильного удара по голове^[75], отчего на ткани мозга может появиться рубец, считается перенесенное им длительное и тяжелое воспаление. В ноябре 1693 – январе 1694 года у Петра на протяжении нескольких недель держался сильный жар – тогда многие даже опасались за его жизнь. Подобное воспаление, скажем, энцефалит, способно вызвать образование на мозге локального рубца, впоследствии раздражение поврежденного участка под действием особых психологических возбудителей дает толчок припадкам такого свойства, какими страдал Петр. Болезнь глубоко повлияла на личность Петра, ею в значительной степени объясняется его необычайная скованность в присутствии незнакомых ему людей, неосведомленных о его конвульсиях и потому не подготовленных к этому зрелищу» [132].

Добавлю вслед за Мэсси: не только скованность, но и многочисленные припадки дикой, неконтролируемой ярости, а также подробно описанные современниками патологические привычки. Например, Петр с каким-то ненормальным упрямством стремился не только поить людей «в лежку» посредством знаменитого Кубка Большого Орла – вспоминают, что сам он, обожавший уксус и оливковое масло, приходил в бешенство, когда кто-то

этими «яствами» пренебрегал. И самолично, случалось, вливал в рот тому или иному бедняге бутылку уксуса или масла. Поведением нормального человека, пусть даже самодура, это никак не назовешь.

Любопытные воспоминания оставил епископ Солсбери Джилберт Бернет, много общавшийся с Петром во время его поездки в Англию: «Он человек очень горячего и вспыльчивого нрава, наделенный крайне грубыми страстями. Природную свою горячность он усугублял тем, что в больших дозах пил бренди, который собственноручно и с усердием очищал. Он подвержен конвульсиям во всем теле, и, похоже, что они сказываются и на его голове. Недостаток рассудительности и непостоянство характера слишком часто и заметно проявляются у него»^[76].

О пьянстве – фактически алкоголизме – Петра написано немало. В самом деле, «чего стоит один Всепьянейший собор!» Под этим названием широко известен «Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор» – долголетняя забава Петра, злейшая пародия на церковную иерархию, по тем временам считавшаяся необыкновенным святотатством. «Князем-папой» был назначен Зотов, сам Петр удостоился лишь с присущей ему скромностью звания «протодьякона» собора. О деятельности этого «клуба» можно сказать тремя словами – пили, как лошади. Пародируя при этом все существовавшие тогда церковные обряды. Именно тогда и стали шептаться, что на престол взошел антихрист – попойки отнюдь не проходили за закрытыми дверями, время от времени устраивались маскарадные шествия, как две капли воды напоминавшие более поздние «антирелигиозные праздники», вошедшие в моду в первые годы советской власти... В этой части своего повествования А. Толстой полностью придерживается исторической правды – «и голым его гузном били яйца в лохани... князю, забив свечу в задний проход, пели вокруг него ирмосы, отчего он отдал Богу душу...»

Брауншвейгский посланник Вебер оставил описание одной самой обычной ассамблеи во времена уже зрелого Петра.

Некий гражданский чиновник Бассевич за недосугом опоздал к началу. Петр заставил его выпить четыре стакана венгерского (при том, что тогдашние стаканы были побольше наших граненых – А.Б.), а потом велел сесть за стол и пить дальше, с прилежанием.

Затем Петр усмотрел, что на левой стороне стола, где сидели министры, больше пригубливают, чем пьют. Заставил каждого выпить по «огромному» стакану и ушел вверх, к императрице, предварительно поставив у всех выходов часовых, которые должны были следить, чтобы никто не покидал застолья.

«Великий адмирал (вероятно, Апраксин – А. Б), напивовавшись, плакал, как ребенок, что обыкновенно с ним бывает в подобных случаях. Князь Меншиков упал замертво, и его люди принуждены были послать за княгиней и ее сестрою, которые с помощью разных спиртов привели его в чувство и попросили у царя позволения ехать с ним домой. Князь валашский (Кантемир) схватился с обер-полицмейстером; то начиналась какая-нибудь ссора, то слышалось чоканье бокалов на братство и вечную дружбу».

Не менее знаменательные воспоминания оставил другой немец – Берхгольц.

Взявшись распоряжаться танцами, Петр поставил в первые пары самых дряхлых стариков, дав им в партнерши самых молодых дам. Сам возглавил пляску, приказав всем выделять ногами то же, что и он. «Старики путались, задыхались, кряхтели, у некоторых кружились головы, другими овладевали припадки одышки, некоторые и не выдерживали и повалились на пол, другие присели на корточки. Петр рассердился, приказал прекратить музыку и заставил каждого из неудачных танцоров выпить по большому штрафному бокалу крепкого венгерского».

Впрочем, нужно заметить: Петр, сам пьяневший очень медленно, любил напаять допьяна других еще и для того, чтобы у них развязывались языки. Сталин впоследствии перенял эту привычку, ставшую серьезным подспорьем в государственных делах и ему...

По свидетельству современников, лишь в самые последние годы жизни Петр отвык от привычки забираться на стол, где бы ни происходил праздник, и плясать вприсядку среди посуды...

Одним словом, пресловутое дирижирование оркестром и публичное исполнение «калинки» – не нововведения нашего времени, а всего лишь продолжение добрых старых традиций Петра I, который во время официальных и неофициальных визитов в зарубежные страны и там развлекался так, что об этом потом долго вспоминала вся Европа. Когда в голландском анатомическом театре спутникам Петра стало дурно от непривычного зрелища, царь велел им наклониться к рассеченному трупу и зубами рвать мускулы. Когда два дворянина из «Великого посольства» весьма неодобрительно отозвались о поведении царя, по их мнению, выставлявшему себя на посмешище, Петр, ничуть не озабочась тем, что находится в чужой стране, приказал заковать их в кандалы и как ни в чем не бывало попросил голландцев обеспечить ему плаху с палачом – поскольку он намерен казнить двух своих приближенных. Голландцы отговаривали его как могли. С превеликими трудами отговорили. Однако

Петр потребовал, чтобы «оскорбителей» по крайней мере отправили в ссылку. Голландцы уступили, и два русских бедолаги очутились в ссылке в отдаленнейших колониях Голландии – один на Яве, другой в Суринаме...

В Англии Петр опять-таки вел себя весело и непосредственно. Посещения кабаков и забавы с одной из известных лондонских актрис были, в общем, цветочками. Английский король поселил русского монарха в поместье знаменитого писателя Джона Эвлина – на беду последнего. После того, как в ухоженном поместье три месяца пьянствовал Петр с приближенными, хозяева «...обнаружили, что полы и ковры в доме до того перемазаны чернилами и засалены, что надо их менять. Из голландских печей вынуты изразцы, из дверей выломаны медные замки, краска на дверях попорчена или загажена. Окна перебиты, а более пятидесяти стульев – то есть все, сколько было в доме – просто исчезли, возможно, в печках. Перины, простыни и пологи над кроватями изодраны так, будто их терзали дикие звери. Двадцать картин и портретов продырявлены; они, судя по всему, служили мишенями для стрельбы. От сада ничего не осталось. Лужайку так вытоптали и разворотили, будто по ней маршировал целый полк в железных сапогах. Восхитительную живую изгородь длиной в четыреста футов, высотой девять и шириной пять сровняли с землей. Лужайка, посыпанные гравием дорожки, кусты, деревья – все погибло. Соседи рассказали, что русские нашли три тачки (приспособление, тогда еще в России неизвестное) и придумали игру: одного человека, иногда самого царя, сажали в тачку, а другой, разогнавшись, катил его прямо на изгородь».

Так что принятие Петром причастия по англиканскому обряду, сделанное как-то наспех, на фоне всего этого смотрелось вовсе уж безобидно – хотя православных спутников Петра ужаснуло...

О гомосексуализме Петра многие говорили открыто, связывая это то с Францем Лефортом, то с Меншиковым. Сохранилось «розыскное дело» сержанта Преображенского полка – он, не особо-то и принимая меры предосторожности, в кругу сослуживцев говорил, что «государь-де с Меншиковым живет бляжым образом». Самое любопытное тут – даже не эти высказывания (наверняка основанные если не на точной информации, то на стойких слухах, имевших хождение в гвардии), а приговор болтуну. Его всего лишь сослали в Оренбург, в армейскую часть. По меркам того времени – гуманизм невероятнейший. Чтобы в полной мере можно было оценить до странности загадочную мягкость подобного приговора, приведу три примера – практически стандартные завершения пустяковых, в общем, дел...

27 июня 1721 г. В Петербурге празднуют двенадцатую годовщину победы под Полтавой. Зело поддавший мужичок Максим Антонов в экстазе верноподданныческих чувств прорывается сквозь цепь солдат и начинает бить Петру поясные поклоны, а когда охрана пытается его оттащить, заезжает одному из гвардейцев в ухо. Бедолагу арестовали, пытали до ноября (на дыбе и с раздроблением костей в тисках), после чего последовал утвержденный сенатом приговор: «Крестьянина Максима Антонова за то, что к высокой особе Его Царского Величества подходил *необычно*, послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно».

Второй пример. В городе Конотопе, в кабаке, некий солдат предложил некоему украинцу выпить за здоровье «государя императора». Украинец понятия не имел, что это за император такой (до окраин еще не дошло известие о принятии Петром императорского титула) и ответил что-то вроде: «Черт его там знает, что за император такой, я, кроме государя и знать никого не хочу».

Заковали, повезли в Тайную канцелярию, в Петербург, пытали, «били батогами нещадно», потом выпустили...

Третий пример. Деревенский поп из Козловского уезда приехал впервые в жизни в Москву и видел там, как Петр, отъезжая со двора Меншикова, забрал в карету свою собачку, посадил на колени и поцеловал. Вернувшись домой, попик сдуру стал об этом подробно рассказывать землякам – и оказался в Москве вновь, уже под конвоем, на допросе у самого Ромодановского. Его, правда, из уважения к сану, не пытали – но за «ущербные чести царевой» разговоры нещадно выпороли плетью и погнали домой по этапу...

Согласитесь, после таких примеров простая высылка в Оренбург разболтавшегося о царской педерастии гвардейца выглядит предельно странно...

Я уже не говорю о том, что именно при Петре жутким цветком распустилось пресловутое «слово и дело» – венец петровского политического сыска, позволявший кому угодно принародно выкрикнуть обвинение против кого угодно...

Самый последний заключенный мог, прокричавши эти страшные слова, автоматически подвести под пытки практически любого человека. Чтобы читатель составил некоторое представление о повседневной практике созданной Петром Тайной канцелярии, приведу в переводе на современный литературный язык официальный документ: «Обряд, как обвиняемый пытается».

«Для пытки обвиняемых в преступлениях отводится особое место, называемое застенком. Оно огорожено палисадником и накрыто крышей, потому что при пытках бывают судьи и секретарь для записи показаний пытаемых.

В застенке для пытки устроена дыба, состоящая из трех столбов, из которых два врыты в землю, а третий положен наверху поперек. Ко времени, назначенному для пытки, кат, или палач должен явиться в застенок со всеми инструментами, а именно: шерстяным хомутом, к которому пришта длинная веревка, кнутами и ремнем для связывания пытаемым ног.

Палач перекидывает длинную веревку через поперечный столб дыбы, потом закручивает пытаемому руки на спину, заправляет их в хомут и вместе со своими помощниками тянет веревку до тех пор, пока человек не повиснет в воздухе. После этого палач связывает ноги пытаемого упомянутым выше ремнем, а другой конец последнего прикручивает к столбу.

Если человек не винится и на дыбе, пытаются иначе:

1. В тисках, сделанных из трех толстых железных полос с винтами. Между полосами кладут большие пальцы пытаемого, от рук – на среднюю полосу, а от ног – на нижнюю. После этого палач начинает медленно поворачивать винты, и вертит их до тех пор, пока пытаемый не повинится или пока винты вертеться не перестанут. Тиски надо применять с разбором и умением, потому что после них редко кто выживает.

2. Голову обвиняемого обвертывают веревкой, делают узел с петлей, продевают в нее палку и крутят веревку, пока пытаемый не станет без слов (т.е. потеряет сознание – А.Б.).

3. На голове выстригают на темени волосы до голого тела, и на это место, с некоторой высоты, льют холодную воду по каплям. Прекращают, когда пытаемый начнет кричать истошным голосом, и глаза у него выкатываются. После этой пытки многие сходят с ума, почему и ее надо применять с осторожностью.

4. Если человек на простой дыбе не винится, класть между ног на ремень, которыми они связаны, бревно. На бревно становится палач или его помощник, и тогда боли бывают сильнее.

Таких упорных злодеев (кто запирается – А.Б.) надо через короткое время снимать с хомута, вправлять им кости в суставы, а потом опять поднимать на дыбу. Пытать по закону положено три

раза, через десять и более дней, чтобы злодей оправился, но если он на пытках будет говорить по-разному, то его следует пытать до тех пор, пока на трех пытках подряд не покажет одно и то же, слово в слово. Тогда, на последней пытке, ради проверки, палач зажигает веник и огнем водит по голой спине висящего на дыбе, до трех раз или более, глядя по надобности.

Когда пытки кончатся и злодей, повинившийся во всем, будет подлежать ссылке на каторгу или смертной казни, палач особыми щипцами вырывает у него ноздри и, сверх того, на щеках и лбу ставит знаки. Для этого он берет клейма, в которых острыми железными спицами изображены слова, и сильно бьет злодея в лоб и щеки, а потом натирает порохом, после чего слова те бывают ясно видны навсегда».

Слов нет, пытали и до Петра. Однако прежде никому не приходило в голову превращать пытку в *индустрию*, составлять писанные руководства... Можно еще добавить: так как в петровские времена солдат в армию брали навечно («бессрочно»), а кое-кто, удрученный такой перспективой, бежал, то всем поголовно «забритым» стали делать на правой руке татуировку в виде креста, чтобы безошибочно опознавать беглых – за двести с лишним лет до нацистских номеров-татуировок на руке узников концлагерей...

При Алексее Михайловиче количество деяний, за которые по закону полагалась смертная казнь, приближалось к шестидесяти. При Петре – возросло до девяноста. Любопытно высказывание Петра о полиции: «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства». Разумеется, в первую очередь подразумеваются «безопасность и удобность» самого Петра... Вряд ли под этой сентенцией подписались бы те, из кого «душа государства» выбивала душу, частенько без всякой вины.

Милый человек Роберт Мэсси, автор классического трехтомного труда «Петр I», к его чести, вовсе не пытается объявить петровские зверства «исконно русской привычкой». Наоборот. Американец, со всем обожанием относящийся к Петру, долго перечисляет сходные по времени западноевропейские примеры – виды пыток и казней, сверхсуровые законы. С одной-единственной целью: доказать, что подобная практика во всей Европе была обыденной. И дальше пишет еще более определенно: «И все-таки Петр не был садистом. Он вовсе не наслаждался зрелищем человеческих страданий – не травил же он, к примеру, людей медведями просто для потехи, как делал Иван Грозный. Он пытал РАДИ

ПРАКТИЧЕСКИХ НУЖД ГОСУДАРСТВА (выделено мною – А.Б.), с целью получения необходимой информации и казнил в наказание за предательство. И немногие из его русских и европейских современников в XVII веке взялись бы оспаривать подобные выводы».

Честно говоря, порой мне трудно бывает понимать гуманных американцев... С одной стороны, Мэсси в чем-то прав – по всей Европе свистал кнут и шипело раскаленное железо. С другой...

Тирания Петра для России в чем-то была *качественно* новым явлением. Иван Грозный был сатрапом. Он мог, не чинясь, снести дюжину голов – но многие тысячи людей благополучно поживали себе в отдалении, поскольку не попадались сатрапу на глаза. Петр же создал *систему*, по которой всякий без исключения был признан *винтиком*. Жуткий механизм, обрекавший при определенном повороте дел *всякого*, правого или виноватого, на самую страшную участь. Есть разница меж спущенным на людей ради развлечения медведем и *писанным* руководством для пыток.

Система Петра в чем-то – предвосхищение нацистской. Простая аналогия: теоретически любой антисемит в свое время, возникни у него желание, имел возможность ударить, оскорбить еврея, устроить погром – однако всегда и везде рисковал получить по загривку дубинкой шуцмана или ножнами шашки городского. Но нацистские законы как раз *официально* поставили евреев вне закона. Нечто подобное случилось и при Петре – если раньше для того, чтобы угодить на дыбу, требовались веские основания, отныне под пытошную практику была подведена *теория*. А теория, общеизвестно, в тысячу раз превосходит жестокость любых сатрапов – поскольку для теории *всякий* становится не личностью, а «подлежащим биологическим объектом».

И еще. Если пытки, как пытается нас уверить Мэсси, были общеевропейской практикой, трудно с этой точки зрения понять поведение Петра во время кровавой расправы со взбунтовавшимися стрельцами. Противореча себе, тот же Мэсси пишет, что Петр «пытался спрятать свои пыточные камеры от глаз и ушей европейцев». Отчего же, если это была «общая практика»? Выходит, чуял, что поступает *неправильно*?

Пытали от Урала до Бискайского залива. И все же... Я не могу представить себе английского короля, который шпагой рубит посуду перед своим маршалом и кричит ему: «Ты, бляжий сын!» Не могу представить французского короля, палкой в кровь колошматящего своего министра. Австрийского императора, который заставляет придворных собственноручно отрубать головы схваченным бунтовщикам. Да и русские цари, включая Ивана Грозного, избегали эксцессов, характерных для

Петра...

«Он пытал ради практических нужд государства...»

Когда в пытошные явился патриарх, чтобы просить пощады для стрельцов, Петр его буквально вышвырнул. Были казнены несколько священников, только за то, что они *молились* за несчастных. Жена какого-то мелкого подьячего, проходя мимо повешенных, бросила сдуру: «Кто знает, виноваты вы или нет?» Пытали и выслали из Москвы и ее, и мужа.

Чтобы *проверить* подозрения (кто-то донес, что мятежные стрельцы переписывались с Софьей), сенных девушек царевны били кнутом. Одну из них Петр, случайно вошедший в застенки, освободил от дальнейших истязаний, заметив, что девушка беременна, – но это ему не помешало приказать повесить обоих. Для полковых священников мятежных войск соорудили особую виселицу в виде креста, их вешал придворный шут, наряженный православным иерархом. Трех стрельцов повесили у самых окон Софьиной кельи. Какие во всем этом были «практические нужды»?

Иногда бывали случаи прямо-таки сюрреалистического юмора. В одной из тюрем обнаружилось «пыточное общество», куда принимали лишь заключенных, перенесших хотя бы одну пытку. Прогресс на более высокие ступени в обществе зависел от способности мужественно переносить все более жуткие пытки. Выше всех стояли те, кто вытерпел пытки падающей по капле водой или засунутым в ухо раскаленным угольком.

Когда майор Глебов стал любовником заточенной в монастырь Евдокии Лопухиной, Петр приказал посадить его на кол – и надеть тулуп с шапкой, чтобы не замерз (дело происходило зимой). Майор мучился на колу восемнадцать часов. Ни тени чувств Петр, конечно, к бывшей супруге не испытывал – надо полагать, попросту не потерпел посягательств на свою, пусть и бывшую, но собственность.

В своей последней книге И. Бунич утверждает, что существуют резолюции Петра на следственных делах: «Смертью не казнить. Передать докторам для опытов».

Конкретных источников Бунич не приводит – а его гипотезы не всегда стопроцентно подтверждены документами. Однако это чрезвычайно *похоже* на Петра. Я бы не удивился, окажись вдруг, что Петр первым ввел в практику медицинские эксперименты на живых людях – его стиль, его нравы, его патологическое пренебрежение к людским жизням...

Даже Николай II, отнюдь не похожий на кроткого голубка (известны десятки его кровожадных резолюций об усмирении и казни «бунтовщиков»), высказался о Петре I весьма нелицеприятно: «Я не могу

не признать больших достоинств моего предка... но именно он привлекает меня менее всех. Он слишком сильно восхищался европейской культурой... Он уничтожил русские привычки, добрые обычаи, взаимоотношения, завещанные предками».

В конце концов, во все времена у государственного руля не единожды оказывались пьяницы, полубезумцы, развратники, гомосеки, сатрапы, проливавшие кровь, сносившие головы женам, сыновьям и дочерям, тиранившие подданных так, что это превосходило всякое воображение. Быть может, цель и в самом деле оправдывает средства, и *свершения* Петра искупают всю пролитую им кровь? В самом деле, кто нынче помнит, чем (точнее, каким количеством трупов и разбитых судеб) оплачены промышленные успехи Англии и США), на чьих костях стоят великолепные здания и современные фабрики?

Но в том-то и дело, что не было никаких «свершений» Петра. Было шараханье из крайности в крайность, обезьянничанье, самодурство, кровь, крайне завлекательные, но оказавшиеся пустышками проекты... И только. По большому, глобальному, стратегическому счету результат оказался во сто раз ниже затраченных усилий.

Рассмотрим реформы и их последствия подробно...

Экономика

Наша интеллигенция-образованщина (проверено на личном опыте в многочисленных беседах-тестах) до сих пор считает главным признаком отставания допетровской России чисто внешний: долгополые охабни, рукава до пят, окладистые бороды, незнание иностранных языков. Дело даже не в том, что бороды начали брить еще до Петра, а языки многие знали неплохо...

Совдеповская интеллигенция (которая и правила бал в первые годы «перестройки», пока не была вышвырнута на обочину) не учена по-настоящему ни рынку, ни цивилизованной экономике, в простоте душевной полагая, что «есть вещи поважнее рынка», как недавно выразился кто-то на страницах центральной газеты; что рынок – для *других*. А ей, демократической интеллигенции, правительство как раз и должно *платить* за героическое и перманентное отстаивание идей рыночной демократии...

Все вопли об «упадке культуры» как раз и объясняются тем, что интеллигентным бездельникам перестали *платить*. Невероятно на первый взгляд, но есть одна-единственная область, где «радикал-демократы» и «национал-патриоты» начинают употреблять практически одинаковые обороты, и осуждающие фразы совпадают даже текстуально: когда речь заходит о частном книгоиздании. И тот, и другой лагерь громогласно сокрушается о «мутном потоке» «недолитературы», захлестнувшем прилавки...

О том, что среди сего «мутного потока» – Пушкин и Пастернак, Мандельштам и Фрейд, Ломброзо и Костомаров, Довлатов и Булгаков, предпочитают умалчивать. Иначе придется признать простой, как мычание, факт: государство перестало *платить* только за то, что человек (неважно, национал-патриот или радикал-демократ) что-то там напечатал. Вот и стенают «ревнители культуры», «экономисты» и «аналитики», оказавшиеся вдруг не у дел...

Эскьюз ми, мы, кажется, отвлеклись. Как выражается мой знакомый доктор наук и профессор: «Я не интеллигент, у меня профессия есть». Гумилев, кстати (который Лев), на вопрос, числит ли он себя среди интеллигенции, решительно отвечал: «Да боже упаси!» Но это так, к слову.

Весь этот пассаж приведен с одной-единственной целью: напомнить, что сплошь и рядом петровские реформы печатно и публично оценивают люди, которые просто не понимают, в чем был корень зла...

Бороды и охабни – сие вторично, третично, десятирично. Всего через полторы сотни лет после борьбы Петра с бородами мода на бороды пышным цветом расцвела в Западной Европе, ими щеголяли все – от Жюль Верна и Пастера до Бисмарка и Мольтке, а человек с бритым лицом вплоть до Первой мировой войны прежде всего вызывал мысли, что это, должно быть, актер, у коего отсутствие растительности на лице вызвано сугубо профессиональными соображениями. Даже появился словесный оборот, встречающийся во многих романах того времени, – «бритый, как актер»...

Главный и трагичнейший признак российского отставания от Западной Европы – не одежда и прически, а слабость *третьего сословия*. Отсутствие (или пребывание в зачаточном состоянии) институтов, аналогичных европейским торговым и ремесленным гильдиям. Именно на горожан, кровно заинтересованных в отмене средневековых феодальных правил, мешавших спокойно торговать и производить, опирались европейские короли в борьбе с баронской вольницей.

Россия в этом плане трагически отставала. Трагически, но не безнадежно – в правление Алексея Михайловича, Федора и Софьи прямо-таки ударными темпами стала развиваться самая что ни на есть *рыночная экономика*, то есть – частное предпринимательство, торговля и производство, практически свободные от опеки государства.

Иван Грозный, как много раз говорено, был сатрап. Он мог рубить головы и варить на сковородах, спускать на народ медведей и громить изобличенные в сепаратизме города. Однако он – как любой другой российский самодержец до Петра – вовсе не посягал на *основы рынка*. Не лез в экономику.

Меж тем Петр впервые в отечественной истории начал в самых широких масштабах внедрять систему, охарактеризовать которую прямо-таки подмывает термином «большевизм».

Или – государственный капитализм, не суть важно. Не тот случай, когда стоит играть терминами. Главное – если до Петра российская экономика развивалась по *общемировым* законам, при Петре она вернулась к откровенному *рабству*. То есть укладу, который по самой сути своей не может быть эффективным...

Простой и яркий пример – металлургическо-оружейное производство. Допетровский Пушечный двор, главный оружейный завод России, не был, конечно, *частным* предприятием. Однако все до единого там работавшие, от «главных конструкторов» до последнего подметальщика стружек, были вольнонаемными, получали самую высокую в стране «казенную» зарплату (и даже, подобно западноевропейским мастерам, имели свой цеховой знак,

который носили на груди). В царских указах особо подчеркивалось, что хозяева заводов, как русские, так и иностранцы, обязаны нанимать «всяких людей по доброте, а не в неволю».

При Петре на многочисленных, выраставших, как грибы, заводах в основном работали *рабы* – бесправные люди, трудившиеся за харчи, *загнанные* за высокие стены на всю жизнь. В документах того времени сплошь и рядом встречаются слова «отдать в работу навечно»: не только на оружейные заводы, но и в прядильные мастерские, если речь идет о женщинах. Указ 1721 г. гласил, что все промышленники, даже не дворянского происхождения, имеют право покупать деревни с крепостными крестьянами, которых вправе заставлять пожизненно трудиться на заводах и рудниках. Дошло до того, что с заводов запрещалось изымать беглых от помещиков крестьян, – но легко догадаться, что эти «облагодетельствованные» беглецы становились рабами уже не помещика, а фабриканта...

Это был поворот, повторяю, даже не к феодализму – к рабству. Причем грустный парадокс в том, что не только были обращены в рабов мастеровые, но и фабриканты порой становились таковыми... не по своей воле. Берг-и-Мануфактур Коллегия (тогдашнее министерство горного дела и промышленности) строило за казенный счет фабрики, а потом сдавало их частным лицам или компаниям... иногда *не спрашивая* желания. Когда было решено начать собственное производство сукна, в 1712 г. высочайше повелено «завести за казенный счет фабрики и отдать их торговым людям, а буде волею не похотят, ХОТЯ БЫ И НЕВОЛЕЮ». Наверное, это единственный в мировой практике пример, когда фабрикантом делали в принудительном порядке...

Легко представить, с какой «производительностью» трудились фабричные рабы, сколь «инициативно» управляли навязанными им фабриками нежданные владельцы...

Логически продолжая «прогрессивный» курс петровских реформ, в 1736 г. Анна Иоанновна издала указ, по которому все вольные мастеровые, в данный момент работающие на заводах, объявлялись «навечно и с потомством» закрепленными за фабрикантами...

А Европа меж тем усиленно развивала *частную*, рыночную экономику. В России же согласно очередному указу (декабрь 1719 г.) подлежал беспощадному битью кнутом всякий помещик, который не доносит о наличии на его землях полезных ископаемых (а откуда ему, бедолаге, не получившему должного образования, знать, что в его землях скрывается?!).

Легко догадаться, что произведенные с помощью рабского труда

товары качеством не блистали. Даже благорасположенный к Петру историк вынужден написать: «Только грубые солдатские сукна были хороши, да все то, что нужно было для военного снабжения, до пушек включительно, но товары чисто промышленные, которые искали себе сбыта в народе, были плохи».

Поскольку с ними успешно конкурировали товары иностранные, Петр, дабы поддержать отечественных промышленников, пошел по избитому пути: вздул до небес пошлины на импортные товары. Таможенный сбор с некоторых товаров составлял 37% их стоимости, а для иных – даже 75%. Эти тарифы отменили только в 1731 г., когда стало совершенно ясно, что никакой практической пользы от них нет...

На Запад из России вывозилось исключительно *сырье*. Как ни пытался Петр грознейшими указами обязывать русских купцов везти свои товары за границу, ничего не выходило – купцы отлично понимали, что предприятие это безнадежное. За все время царствования Петра лишь дважды случалось, чтобы русские купцы выбирались за границу с *товарами*, а не *сырьем*. Первый случай – плавание в Стокгольм некоего Барсукова (судя по тому, что известно только о самом факте плавания, зато полное молчание сохраняется о результатах, ничего путного из этой затеи не вышло).

Второй случай и вовсе предельно анекдотичен. В тот же Стокгольм приплыли из Ревеля несколько русских купцов – на крохотном суденышке – и привезли... немного полотна, каленые орехи и деревянные ложки. Из экономии эти негоцианты не пошли в гостиницу, а варили себе кашу прямо на костре у причала, где и ночевали, а днем на купленных тут же санях ездили по городу (дело, кстати, происходило летом), и как принято в России, во всю глотку орали: «Кому ложек? Кому орешков?» Русский посланник в Стокгольме Бестужев ужаснулся при виде таких визитеров и попытался отправить их домой, но они не послушались. Сохранилось унылое донесение Бестужева в Петербург: «Русские купцы никакого почтения не оказывают, беспрестанно пьяные, бранятся и дерутся между собою, отчего немалое бесчестие русскому народу. И хотя я вашего величества указ им и объявлял, чтобы они смирно жили и чистенько себя в платье содержали, но они не только себя в платье чисто не содержат, но некоторые из них ходят в старом русском платье без галстуха, также некоторые и с бородами по улицам бродят».

Голландский резидент в Петербурге, поначалу испугавшийся русской конкуренции в Европе, вскоре написал на родину, что созданные Петром для внешней торговли «кумпании» «пали сами собою»...

Вдобавок ко всему всюю резвились «высшие люди». Меншиков,

Шафиров и Петр Толстой решили завести шелковую мануфактуру. Добились немалых налоговых льгот, получили из казны огромные ссуды и субсидии, согнали крепостной народ – но, как легко догадаться, управлять производством не сумели, основные капиталы промотали и переключились на промысел моржей в Белом море...

Именно Петр, без малейших натяжек, стал родоначальником не только государственного капитализма (который порой крайне трудно отличить от «развитого социализма»), но и ГУЛАГа. По-моему, от большевистского ГУЛАГа и «великих строек социализма» ничем не отличается петровское строительство Петербурга – куда опять-таки *сгоняли* со всей страны людей, которые работали под конвоем за миску похлебки (менее известно, что на строительстве города и Ладожского канала сложили свои косточки и сорок тысяч пленных шведов). Кроме того, ради ускоренного возведения Петербурга Петр запретил домостроение из камня по *всей* стране – что также было приказным вторжением в частное предпринимательство...

У Петра были и свои Беломорканалы. Десятки тысяч людей, насильно пригнанных, десять лет рыли канал меж Волгой и Доном, но потом Азов пришлось вернуть туркам, строительство, отнявшее массу времени, трудов и жизней, пришлось забросить. Когда в 1718 г. начали рыть обводной канал от Волхова к истоку Невы, строительство поручили Меншикову. Кончилось тем, что около семи тысяч рабочих умерли от голода и болезней, а более двух миллионов рублей неизвестно куда испарилось. Канал достроили лишь в 1732-м, при Анне Иоанновне...

«Десятки тысяч народу собирались по наряду со всего государства для работ по постройке и укреплению гаваней и на стройку судов в адмиралтействе. Эта работная повинность была одна из самых тягостных для русского народа при Петре. За работу платили, но с задержками, а самая организация работы отличалась большими недочетами. Хлеб доставлялся неисправно, условия жизни среди болот и у моря в холодное и ненастное осеннее время порождали эпидемические заболевания, люди гибли тысячами в этой тяжелой страде».

Это пишет не критик, а один из тех, кто с нескрываемой симпатией относился к Петру и его делам...

(Объективности ради стоит заметить, что и Волховский канал, и Вышневолоцкий, связавший Каспий с Балтикой, играли потом важную роль в судоходстве. Однако беда петровского времени в том, что любая удача, любое толковое предприятие сопровождалось десятком провалов в других областях жизни, массовыми жертвами, казнокрадством...)

Со временем, при наследниках Петра, промышленность стала давать

сбои, безнадежно отставать от европейской – потому что рабский труд, как тысячу раз говорено, непродуктивен. К началу XIX века отставание стало свершившимся фактом и аукнулось впоследствии позорным поражением в Крымской войне. Военная, техническая и научная отсталость, вызвавшая это поражение, лежит своими корнями в абсолютно *нерыночных* реформах Петра.

Вообще, как давно подметили объективные историки, сложилась железная закономерность: те отрасли промышленности, куда государство не вторгалось со своей манией «развивать», как раз и достигали наибольших успехов. У Петра и его преемников не доходили руки до легкой промышленности – и в XIX веке Россия завалила отличными ситцами и другими тканями всю Евразию... Производство посуды избегло царского ока – и получил всемирную известность русский фарфор. Подобных примеров множество. Зато отрасли, либо сделанные «казенными», либо находившиеся под бдительным присмотром государства, постепенно хирели и чахли – металлургия, судостроение, домостроение...

Плюс ко всему – чудовищная милитаризация. В 1701 г. армия и флот поглощали три четверти доходов государства, в 1710-м – четыре пятых (78%), в 1724-м (когда никакой войны не было) – две трети.

Чтобы добывать деньги на военные забавы, Петр пошел по пути, от которого отказались его предшественники. При Федоре и Софье жалованье тем, кто работал на государство, было повышено – Петр его не единожды урезал. При Федоре и Софье снижались налоги – при Петре же...

Согласно сделанным еще до революции подсчетам (П.Н. Милюков), за время царствования Петра прямые и косвенные налоги возросли в пять с половиной раз, и эта цифра не учитывает еще огромную инфляцию.

Рассмотрим новые налоги, введенные Петром.

1. «Орленая» бумага (все официальные документы, от договоров по мелким сделкам до прошений в гос. учреждения должны были подаваться на гербовой бумаге).

2. Сбор на рождение (родился ребенок – плати).

3. Сбор на похороны (помер близкий – плати).

4. Сбор на заключение брака.

5. Сбор на составление завещания.

6. Налог на пшеницу.

7. Налог на свечи.

8. Налог с владельца лошади.

9. Налог на конскую шкуру (сдох у тебя конь, ободрал ты его – плати).

10. Налог на конские хомуты.
11. Налог на упряжные дуги.
12. Налог на ношение бороды.
13. Отдельный налог на ношение усов.
14. Каждый десятый поросенок от каждой свиньи должен сдаваться в казну.
15. Налог на домовладение (в Москве).
16. Налог на ульи (по всей России).
17. Сбор с покупки кровати.
18. Банный сбор (с каждой баньки).
19. Мельничный сбор и сбор с владельца постоянного двора.
20. Трубный сбор (есть у тебя печь с трубой – плати).
21. Сбор с дров, купленных для собственного употребления.
22. Налог на орехи (купил орехи, а в их цену включен и налог).
23. Налог на арбузы.
24. Налог на огурцы.
25. Налог на питьевую воду.
26. Налог на продажу лошадей.
27. Налог на частные рыбные ловли.
28. Налог на покупку гробов.

Кроме того, источником вышибания денег стали так называемые казенные монополии на тот или иной продукт или товар, над производством и продажей которого государство осуществляло контроль и по своему усмотрению регулировало на него цену. В этот перечень входили: все виды спиртного, смола, деготь, рыба, рыбий жир, масло, мел, ворвань, поташ, ревень, свиная щетина, сибирские меха, шахматы, игральные карты, лен, табак, соль (что до соли, ее указом от 1705 г. предписывалось продавать со стопроцентной «накруткой», и люди, которым не по силам было платить бешеные деньги, из-за отсутствия соли болели и умирали).

Однако и этого не хватало, чтобы прокормить государственных монстров, отрицавших все нормальные законы экономики. Тогда грянуло невиданное в России новшество – подушная подать. Как многие нововведения Петра, позаимствованная во Франции. Вместо принятой раньше податной единицы, «двора», отныне брали с каждой живой души – от младенцев до стариков. Эту систему отменил лишь в 1887 г. Александр III...

Петр тем не менее не достиг в увлекательном деле измышления все новых податей подлинных высот. Во время Отечественной войны немецкие

оккупанты в Белоруссии брали налог за каждое окно в избе, а также налог на собак и кошек. В свое время Петр отчего-то не обратил внимания на столь заманчивые статьи доходов – и слава Богу, не исключено, что в этом случае на Руси вовсе перевелись бы собаки и кошки...

Стоит еще добавить, что попутно сдирали колокола с церквей, дабы переплавить их на пушки, забривали в солдаты монахов и всех «праздношатающихся»...

Подобное налоговое ярмо требовало драконовских мер для его выполнения – а потому по всей стране были расквартированы войска, которые и взяли на себя функцию сборщиков налогов.

Выглядело это так. Была произведена «раскладка полков на землю», и по всей стране разместили воинские части, которые население обязывалось взять на полное содержание. Денежки должен был вышибать особый комиссар, избиравшийся из дворян данной губернии. Полк, разместившийся в конкретной местности, не только жил за ее счет, но и брал на себя массу полицейских функций: ловлю воров и разбойников, удержание крестьян от побегов и ловля беглых, искоренение незаконного винокурения и контрабанды, содействие лесничим в борьбе против незаконных порубок, надзор за гражданскими чиновниками. В.О. Ключевский пишет: «...пастьба полковых лошадей и домашнего офицерского и солдатского скота на общих выгонах, право военного начальства требовать в известных случаях людей для полковых работ и подвод для посылок, право общего надзора за порядком и безопасностью в полковом округе – все это должно было создавать постоянные недоразумения у войскового начальства с обывателями».

В указе Сената 1727 г. говорилось прямо: «Бедные российские крестьяне разоряются и бегают не только от хлебного недорода и подушной подати, но и от несогласия офицеров с земскими правителями, а у солдат с мужиками». Драки солдат с мужиками происходили постоянно – до нашего времени дошло немало повествующих об этом судебных дел.

Всего тяжелее приходилось при сборах подушной подати, которую собирали земские комиссары с прикомандированными к ним воинскими отрядами. «Каждый объезд продолжался два месяца; шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом страхе под гнетом или в ожидании вооруженных сборщиков».

В Казанской губернии менее чем через два года такого военно-финансового хозяйствования полк не досчитался при очередной ревизии 13 000 душ – более половины всех числившихся по бумагам налогоплательщиков. Народишко попросту разбежался...

«Офицеры обыкновенно знать не хотят местное начальство, грубят и дерзят даже воеводе, а когда воевода пожалуется полковнику, то это хорошо, если полковник грубо ответит, что не дело воеводы судить поведение господ офицеров; а то пошлет команду, отберет у воеводы шпагу и посадит его под арест, «яко сущаго злодея» – как жаловался в сенат один воевода, которому пришлось испытать на себе полковничье беспристрастие».

Прежде Петра никто не додумался до оккупации *собственной* страны...

Позже, как полагается, полномочия военных незаметным образом расширились – теперь полковая канцелярия выдавала паспорта уходящим на заработки крестьянам, солдаты обеспечивали стопроцентную явку *дворян* на собрания, а полковник выступал в роли судьи при всех столкновениях обывателей с его солдатами (о беспристрастности такого судьи читатель сам должен составить свое мнение). Сбор подушной подати вообще был передан от гражданских военным. Полковому начальству официальным указом поручили «смотрение за губернаторами и воеводами», вылившуюся в контроль над всей гражданской администрацией, которой, по сути, оставили две функции: исполнять, не раздумывая, распоряжения сверху и вышибать налоги...

Практически то же самое творилось и в городах. На «посадских людей» наложили две тяжелейших повинности – рекрутскую и постоянную. Посадские, как и крестьяне, должны были выставлять новобранцев и снабжать их хлебным пайком. Торговые люди сами рекрутчине не подлежали, но обязаны были давать рекрутов из своих «задворных» людей – тех, кто подряжался жить на купеческом дворе «вечно». Посадские обязаны были снабжать войска провиантом (разумеется, за бесплатно), давать лошадей и подвод, чинить дороги и мосты. На постой солдат ставили «по сколько человек на двор придется» – то есть, сколько поместится, вытесняя иной раз хозяев. Посошков писал: «При квартирах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды страшные чинят, что и исчислить их не можно. А где офицеры их стоят, то и того горше чинят... и того ради многие и домам своим не рады, а в обидах их никакого суда сыскать негде: военный суд далек от простых людей, не токмо простолудин не доступит к нему, но и военный человек на неравного себе не скоро суд сыщет».

Посошков знал о сем бедствии не понаслышке: его самого в Новгороде некий полковник ни с того ни с сего, из чистого куража поливал бранью и грозил проткнуть шпагой. Просто так – не вовремя «штафирка» попался на

дороге. Когда Посошков попытался подать на обидчика в суд, тот на суд не пошел, заявив, что он человек военный и судить его может лишь столичная военная коллегия. Необходимо отметить, что Посошков был весьма богатым купцом, не последним человеком по меркам того времени....

Петровская армия вела себя в России, словно в завоеванной стране. В Костроме полковник Татаринов *выгнал за город* всех членов городского магистрата – то есть высшего органа городской гражданской администрации. В Коломне генерал Салтыков, будучи там проездом, «бил бургомистра смертным боем». Другого коломенского бургомистра некий драгунский офицер в невеликих чинах велел своим солдатам высечь, что и было исполнено. В Пскове пьяные солдаты застрелили члена ратуши, а бургомистра били так, что он умер. Это лишь малая часть примеров – кроме того, все вышеперечисленные буйства совершили люди проезжие, случайные. Как вели себя военные, жившие в городах постоянно, догадаться легко – еще хуже...

Параллельно шло *закабаление* крестьянства – именно при Петре как раз и началось то, что впоследствии именовалось «русским рабством».

История крепостного права в России – вопрос сложный и обширный. Тех, кто им интересуется, могу отослать к книге К. Валишевского «Иван Грозный» – вопреки упрекам со стороны иных дебилов в «русофобии», Валишевский, на мой взгляд, сумел показать долгую, непростую историю формировавшейся несколько сот лет *системы* крепостного права. Пересказывать книгу бессмысленно, поэтому постараюсь растолковать суть проблемы кратко.

До Петра крестьянин был крепостным, но не *рабом*. Он не мог покинуть своего помещика – однако был не «вещью», а *ограниченным* в правах, зависимым. И только. Согласно достоверным сведениям, у некоторых крепостных крестьян во времена Алексея Михайловича были даже *свои* крепостные!

После указа Петра от 1711 г. «О крепости крестьянской» крестьянин как раз и стал вещью. Отныне его можно было продать с землей и без земли (либо разлучив семью), проиграть в карты, выменять на обученного материться попугая, убить, сослать без суда в Сибирь, загнать пожизненно на рудник или на завод...

Петр и ввел *рабство*, просуществовавшее полторы сотни лет. Даже замечательный русский историк Н. Эйдельман однажды продемонстрировал поверхностность знаний о том времени, написав следующее: «...в других краях (т.е. в Европе – А.Б.) мужик, конечно, платил и кланялся сеньору, но разве можно, скажем, представить Санчо

Пансу рабом, продаваемым на аукционе?»

Но ведь и в допетровские времена невозможно представить *продаваемого* или *меняемого* на борзую русского крестьянина! (Кстати, законы, капля в каплю напоминавшие отмену русского «Юрьева дня», появились в Англии гораздо раньше, в 1349 г.)

Более того, во времена первой «ревизии», всеобщей переписи населения, крепостными стали все, кто оказался «в хозяйстве» помещика, – даже свободные люди. Тот, кто угодил в списки, из крепостного состояния вырваться уже не мог. Любые жалобы на неправильное внесение в список были строжайше запрещены.

Именно Петр первым положил начало внутригосударственной паспортной системе, сначала охватывавшей исключительно крестьян, которые могли выйти за пределы поместья только с бумагой от барина, а потом, как это частенько бывает в России, монстр помаленьку рос и охватил всех поголовно...^[77]

Многие «нововведения» Петра к тому же были чисто механическим перенесением на российскую почву европейских реалий. Так обстояло с поморскими судами – как-то, побывав на русском Севере, Петр усмотрел «старомодные» корабли и строжайшим указом повелел строить новые исключительно на «голландский» манер. Однако в том-то и загвоздка, что поморские корабли испокон веков предназначались для плавания во льдах, а потому имели особое, только им присущее строение корпуса – как шведские и норвежские (и прославившийся впоследствии «Фрам» Нансена). А голландские корабли служили исключительно для плавания по теплым морям, где нет льда. Но, как легко понять, перечить Петру никто не осмелился – и гораздо более подходящие для плавания в Ледовитом океане корабли стали ломать. Хотя в Швеции и Норвегии суда такого типа, конечно же, сохранились на все последующие времена...

Француз Кампредон писал: «Вообще Россия гораздо менее разоряется от уплачиваемых народом податей, чем от лихоимства тех лиц, на которых возложена обязанность собирать эти подати. Царь от этого ничего не теряет, потому что он время от времени конфискует имение уличенных в лихоимстве, но народу это не приносит никакого облегчения».

Иностранцу вторит обер-прокурор Ягужинский: «Большая часть доходов собирается неправильно и не в надлежащее время, плательщики по большей части не знают, что и сколько должны платить, и не получают надлежащих квитанций. Бедные подданные предоставлены произволу сборщиков и вынуждены часто платить один и тот же налог несколько раз или в большем количестве, чем положено; отсюда происходит великое

разорение для плательщиков, а казна ничего не выигрывает, так как эти лишки делаются добычей частных лиц. В казну не попадает и третьей части сбора, хотя подданные уплачивают его полностью и даже с излишком».

Позднее, в 1726 г., Меншиков писал в докладной Верховному Тайному Совету: «Мужикам бедным бывает страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров; крестьянских пожитков в платеж податей недостает, и крестьяне не только скот и пожитки продают, но и детей закладывают, а иные и врозь бегут; командиры, часто переменяемые, такого разорения не чувствуют, никто из них ни о чем больше не думает, как только о том, чтобы взять у крестьянина последнее в подать и этим выслужиться».

Годом ранее о том же писал и Сенат: «Платежом подушных денег земские комиссары и офицеры так притесняют, что крестьяне не только пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посеянный хлеб за бесценок отдают и оттого необходимо принуждены бегать за чужие границы».

Естественно, начались восстания и побегі. Впервые за все времена русской истории народ побежал *массами*. Бегали и до того, но не в таких масштабах. Опять-таки впервые целые деревни и станицы бежали в «басурманскую» Турцию – лишь бы подальше от Петра.

В начале XX столетия П.Н. Милюков, изучив петровские архивы, пришел к страшным выводам: уже к 1710 г. податное население (т.е. за вычетом дворянства, высшего духовенства и купечества – А.Б.) уменьшилось на одну *пятую*. Конечно, в это число входят и беглые, но все равно, не менее пятнадцати процентов податного населения России *погибло...*

Иногда казна бывала форменным образом пуста. Когда однажды Петру понадобилось отослать своему союзнику, польскому королю Августу, субсидию, пришлось забрать наличность из нескольких контор, занять денег у Троицкого монастыря, у купца Филатьева, даже одолжить у Меншикова 420 золотых...

О народных симпатиях и антипатиях лучше всего сможет поведать один интересный факт: в российской истории встречались самозванцы, выдававшие себя за «Алексея Петровича», «Петра II», «Иоанна Антоновича», «Петра III», «Павла I», «Цесаревича Константина» – но ни единого, объявившего бы себя Петром I, *не замечено*.

Комментариев не будет.

Внешняя политика

В этой области – ни малейших успехов. Внешняя политика при Петре I была делом сиюминутным, чисто тактическим. Характерная ее черта – резкий поворот от наметившегося при Федоре и Софье сближения с католическим миром в сторону протестантских стран. Еще один парадокс Петра состоит в том, что он, с одной стороны, потакал православному духовенству в расправах над «иноверцами»^[78], с другой – всю свою жизнь искал союзов и дружбы исключительно с протестантами, которых православные считают страшными еретиками...

После смерти Петра не осталось каких-либо прочных и выгодных для страны военно-дипломатических союзов, если не считать не принесших никакой пользы браков царской дочери и двух племянниц с иностранными князьками. Изоляция и тупик, если по большому счету...

Вообще то, что можно называть «внешней политикой», началось лишь с царствованием Екатерины II. Трудно назвать обычной и нормальной внешнеполитической деятельностью перевод Меншиковым награбленных миллионов в зарубежные банки, полнейший застой в заграничных делах, наблюдавшийся при Анне Иоанновне, или деятельность министров Елизаветы, за крупную взятку втравивших Россию в абсолютно чуждую ей Семилетнюю войну...

Военное дело

О военных успехах Петра принято писать лишь в самых восторженных тонах. Не отрицая столь серьезного и масштабного предприятия, как занятие русскими Прибалтики, следует все же сделать одно немаловажное уточнение: нужно помнить, что Россия сражалась с державой, находившейся не в расцвете сил, а скорее «на закате». Мощь Швеции была уже непоправимо подорвана и участием в Тридцатилетней войне, и рядом крупных потерь в воинской силе и военном флоте, понесенных во второй половине XVII в. от Польши.

Не мешает помнить еще, что Полтавская битва, которую нас с детских лет приучили считать чем-то невероятно грандиозным и эпохальным, была, в общем, едва ли не заурядной стычкой – другого слова просто не подберешь, ознакомившись с точными данными...

С русской стороны в Полтавском сражении участвовало непосредственно лишь десять тысяч солдат (и еще тридцать тысяч стояли в резерве). У шведов – шестнадцать тысяч. Против четырех шведских орудий были выставлены семьдесят два русских (а по другим данным – сто двенадцать). Нужно подчеркнуть, что речь идет о *свежих* русских частях и предельно измотанных шведских, которые действовали на враждебной им территории, не получая ни подкреплений, ни провианта, ни боеприпасов. Не зря В.О. Ключевский, которого никак нельзя заподозрить в русофобии, так и писал: «Стыдно было бы проиграть Полтаву... русское войско, им (Петром – А.Б.) созданное, уничтожило шведскую армию, т.е. 30 тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга».

Наконец, длилась Полтавская битва всего *два часа*. Но даже располагая крупным превосходством в людях и вовсе уж подавляющим перевесом в артиллерии, Петр применил «новинку» – *впервые* в русской военной истории появились расположившиеся в тылу наступающих заградительные отряды, которые получили от Петра приказ стрелять по своим, если те дрогнут...

(Замечу еще: в 1708 г., когда Карл XII вступил в пределы России, Петр впал в такую панику, что распорядился вывезти из Москвы кремлевские сокровища. Ради удобства обороны Кремля едва не был снесен храм Василия Блаженного...)

Знаменитый петровский флот, которому посвящены исполненные

восторженного умиления книги и фильмы, на деле представлял собой скопище сметанных «на живую нитку» из сырого дерева кораблей, по петровскому обычаю предназначавшихся для решения узких, сиюминутных задач. Историки упрекают преемников Петра за полнейшее пренебрежение флотом, который Екатерине II пришлось практически возрождать заново, но в том-то и суть, что вплоть до времен Екатерины II у России просто *не было* масштабных, стратегических задач, требовавших океанского флота. А потому со смертью Петра мгновенно воцарилось запустение, корабли за отсутствием боевой задачи тихонько гнили...

Кстати, рекрутов в петровские времена вели на службу в кандалах. В городах, до распределения по полкам, их держали «в великой тесноте, по тюрьмам и острогам, немалое время, и, таким образом еще на месте изнузив, отправляли, не рассуждая по числу людей и далекости пути с одним, и то негодным, офицером или дворянином, при недостаточном пропитании; к тому же поведут, упустив удобное время, жестокою распутицею, отчего в дороге приключаются многие болезни, и помирают безвременно, другие же бегут и пристают к воровским компаниям, ни крестьяне и ни солдаты, но разорители государства становятся. Иные с охотой хотели бы идти на службу, но видя с начала над братией своей такой непорядок, в великий страх приходят» (из доклада Военной коллегии Сенату, 1719 г.).

О флоте. Один из лучших адмиралов царя, англичанин Паддон, вопреки британской традиции известный человеколюбивым отношением к матросам, писал, что «русский флот, вследствие дурного продовольствия, потерял людей вдвое больше любого иностранного флота». И это при том, что в те времена во всех военных флотах царили жутчайшие условия быта для матросов...

В 1716 г. адмирал Девьер писал царю из Копенгагена: «Здесь мы нажили такую славу, что в тысячу лет не угаснет. Из сенявинской команды умерло около 150 человек, и многих из них бросили в воду в канал, а ныне уже покойников 12 принесло ко дворам, и народ здешний о том жалуется, и министры некоторые мне говорили, и хотят послать к королю».

У того же Паддона в 1717 г. из-за гнилого продовольствия в течение месяца из 500 новобранцев умерло 222, а остальные «почитай, помрут с голоду, обретаются в таком бедном состоянии от лишения одежды, что, опасаясь, вскоре помрут». (Письмо Паддона.)

Наконец, примером совершенно утопических «прожектов», повлекших огромные жертвы, остается Прутский поход Петра.

Представители православных балканских народов, буквально

осаждавшие Москву с просьбой о помощи, из лучших побуждений преувеличивали размах антитурецкого движения в своих странах и в таких же пропорциях преуменьшали ожидавшие русскую армию трудности. Изображалась совершенно фантастическая картина: как, при одном появлении русских войск сербы, черногорцы, болгары, валахи и молдаване прямо-таки сметут в едином порыве турецких угнетателей...

Наслушавшись этих сказок, Петр писал фельдмаршалу Шереметеву: «Господари пишут, что как скоро наши войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся и весь свой многочисленный народ побудят к восстанию против турок: на что глядя и сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турок, и одни присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание внутри турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти за Дунай, большая часть войска его разбежится, а может быть, и бунт поднимут».

Французский историк Жорж Удар писал впоследствии: «...он (Петр – А.Б.) имел несчастье, вместо того, чтобы сконцентрировать все усилия на заключении мира со Швецией, ввязаться в хаос сложных дипломатических интриг, которые требовали тонкого политического чутья, изощренной дипломатии и финансовых средств, которых ему не хватало».

Оценка событий вернейшая... В июне 1711 г. русские войска под командованием Петра вступили в Молдавию. Однако единственной «подмогой», какую они дождались, стал приезд молдавского господаря Кантемира с кучкой придворных. Не было ни многотысячных отрядов восставших, ни обещанных складов с провиантом, ни воды. А турецкое войско вместо того, чтобы поднять бунт против своих начальников и разбежаться, взяло русских в окружение...

Петр, сидя в осажденном лагере, до того пал духом, что, направив к великому визирю своего посла Шафирова, приказал добиваться мира любой ценой. Если потребуются, не только отдать Турции все завоеванные на юге земли, но и вернуть шведам всю Прибалтику, кроме Петербурга, а если шведам этого покажется мало, отдать им и Псков с прилегающими землями... Словом, велено было «соглашаться на все, кроме рабства».

К счастью, турки вовсе не собирались вести дипломатические баталии в защиту шведских интересов (иначе, вполне возможно, в Пскове сегодня говорили бы по-шведски). Однако в отстаивании своих интересов преуспели. Шафиров и великий визирь Балтаджи Мехмет-паша подписали трактат, по которому Россия обязывалась вернуть Турции Азов, срыть свои крепости Таганрог и Каменный Затон, уничтожить русские корабли на

Черном море, не вмешиваться в польские дела, не держать в Польше войска, отказаться от содержания в Стамбуле постоянного посольства (что по меркам того времени было неслыханным унижением российской дипломатии). Горькая ирония заключается в том, что после первого сражения турецкие войска, даже янычары, отнюдь не горели желанием идти в бой. Турки поймали Петра на самый примитивный и наглый блеф...

В Прутском походе русская армия потеряла 27 285 человек. Из них в боевых действиях погибли только 4800, остальные – от жажды, болезней и голода. Однако, вернувшись в Петербург, Петр поступил совершенно по-советски – устроил пышный парад, словно это он остался победителем и безусловным триумфатором...

На фоне столь трагической неудачи почти незамеченной прошла и забылась надолго гибель в Хиве двухтысячного отряда князя Бековича-Черкасского, отправленного реализовать очередной преждевременный петровский прожект – разыскать старое русло реки Аму-Дарья и направить ее течение в Каспийское море...

В заключение стоит сказать, что, вопреки устоявшейся точке зрения, в главных военных походах Петра значительную часть армии составляли все же не «полки нового строя», а те самые стрельцы, которые считаются «отмененными и распущенными» еще в самом начале XVIII в. К 1708 г. в строю еще было 14 старых стрелецких полков, а многие из тех, что именовались «солдатскими», на деле были опять-таки старыми стрелецкими...

А всеобщая милитаризация жизни привела к тому, что даже «лихие люди» в массовом порядке поддавались новым веяниям – одни имели на вооружении пушки, другие (в Орловской провинции) выстроили себе укрепление «военного образца», где и сидели вместо традиционных чащоб и пещер. В Лихвинском уезде некий разбойник Сиротка одел свою шайку в военные мундиры, а при себе постоянно держал «почетный караул с фузеями и шпагами»...

Закон, юстиция, престолонаследие

Допетровская Россия отнюдь не представляла собой некую «черную дыру» в области законодательства. Наоборот, за последние шестьсот лет сложились правовые традиции и законоустановления, пусть и уступавшие западноевропейским, но не намного. Можно ради экономии места отослать читателя к книге профессора М.Ф. Владимирского-Буданова, считавшейся в 1886 лучшим университетским курсом, и переизданной в 1995 г.: «Обзор истории русского права». Даже беглое знакомство с этим трудом способно многому научить... [40]

Петр, ломавший, такое впечатление, все, до чего мог дотянуться, по сути, ликвидировал старую систему русского права, переведя страну в режим «чрезвычайщины». Россия управлялась не законами, а царскими указами, полностью игнорируя прошлый опыт. Именно Петр стал родоначальником «троек» и «внесудебных совещаний», впоследствии перенятых большевиками...

Даже Мэсси вынужден был признать: «Во всеобщей халатности, зависти, продажности, как в болоте, увязла и едва не захлебнулась система управления, которую он пытался создать».

Поняв, наконец, что с казнокрадством и взяточничеством (вызванными к жизни его же реформами) обычными средствами не справиться, Петр создал особые комиссии по расследованию. Каждая состояла из гвардейских офицеров – майора, капитана и поручика, которым было приказано рассматривать дела и вершить суд не по закону, а «согласно здравому смыслу и справедливости».

Известно, что творится, когда огромные полномочия получают люди, каждый из которых имеет свой здравый смысл и по-разному понимает справедливость... Брауншвейгский посланник Вебер писал: «...члены почтенного Сената, куда входили главы знатнейших родов из всех царских владений, были обязаны являться к какому-то лейтенанту, который судил их и требовал у них отчета».

Добавлю, что эти самые гвардейские офицеры сплошь и рядом совершенно не разбирались в сложных делах, которые им предстояло решать по «справедливости». О их поведении наглядный пример дает жалоба фельдмаршала Шереметева, к которому неожиданно-негаданно оказался приставленным гвардии сержант Щепотьев. И не просто соглядатаем – Щепотьев привез с собой адресованную фельдмаршалу

царскую инструкцию, где говорилось, что Щепотьеву «велено быть при вас некоторое время, и что он вам будет доносить, извольте чинить». Другими словами, фельдмаршалу предлагалось следовать приказам сержанта...

Сохранились письма Шереметева своему свату Головину. В одном он жалуется: «Он, Михайло (Щепотьев – А.Б.), говорил во весь народ, что прислан он за мною смотреть и что станет доносить (приказывать – А.Б.), чтоб я во всем его слушал». Строчки из второго письма: «Если мне здесь прожить, прошу, чтоб Михайло Щепотьева от меня взять... непрестанно пьян. Боюсь, чево б надо мной не учинил; ракеты денно и ночью пускает, опасно, чтоб города не выжег». Судя по сочувственному ответу Головина, репутация Щепотьева была всем известна – как самая незавидная.

Если так поступали с фельдмаршалом, одним из любимцев Петра, имевшим огромные заслуги перед государством Российским, легко представить, как куражились над менее высокопоставленными чинами облеченные высочайшим доверием гвардейцы. Даже на заседаниях Сената, считавшегося высшим правительственным учреждением, постоянно присутствовал гвардейский офицер, чтобы своей властью отправлять в крепость тех, кто на заседании станет вести себя «неподобающе и неблагопристойно».

Посланным в провинцию гвардейцам предписывалось «губернаторам непрестанно докучать», чтобы они неотложно исполняли царские требования, в противном случае гвардейцы должны были «как губернаторов, так и вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги, и на шею положить цепь, и по то время не освобождать, пока они не изготовят ведомости (отчетность – А.Б.)». В 1723 г. в Твери за волокиту со сбором налогов тверского воеводу вкупе с прочим высшим начальством долго держали в оковах по распоряжению гвардейского *рядового* солдата, нагрянувшего из Петербурга. *Солдат* Преображенского полка Пустошкин посадил на цепь московского вице-губернатора Войекова, имевшего чин бригадира (средний меж полковником и генералом) – а вдобавок чуть ли не всю губернаторскую канцелярию. Свидетель этого, президент юстиц-коллегии граф Матвеев, уточняет, что чиновники были нисколько не виноваты – вызвавшие царский гнев неряшливо составленные «ведомости» были делом рук не Войекова, а прежней администрации, но гвардеец в такие тонкости не вникал...

В марте 1711 г. Петр сделал доносительство *официальной* государственной службой. Было создано особое ведомство из чиновников-доносчиков, названных фискалами, состоявшее из пятисот человек, а во главе их стоял обер-фискал, в чью задачу входило «выведывать случаи

злоупотребления и доносить на виновных Сенату, невзирая на чины и звания». Доносительство стало *профессией* – даже большевики этого повторять не стали, держа своих многочисленных стукачей «за штатом»...

Объективности ради нужно упомянуть, что порой фискалы и в самом деле приносили пользу, вскрывая злоупотребления провинциальной администрации. Однако все их благие дела были каплей в море произвола. Сама организация этого ведомства создавала широчайшее поле для злоупотреблений – в случае правильности доноса половина штрафа шла в пользу фискала, в случае же, если донос оказывался ложным, предписывалось фискалу «в вину того не ставить».

Даже в *официальных* документах на высочайшее имя встречались предложения типа «Фискалов всех следует повесить на одной рейке». Дошло до того, что митрополит Стефан Яворский выступил в Москве с обличительной проповедью против фискалов, справедливо заметив, что «они поставлены вне закона, тогда как прочие отданы им на милость. Какой же то закон, например, поставить надзирателя над судом и дать ему волю, кого хочет, обличить, поклеп сложить на ближнего...» Петр на это никак не отреагировал (а ведь мог бы митрополита и посадить, но не сделал этого, благородная душа...). Правда, чуть погодя царь издал указ об ответственности фискалов за ложные доносы, но в указе особо оговаривалось: если ложность доноса явилась следствием ошибки, фискал освобождается от ответственности, «ибо невозможно фискалу во всем ведать аккуратно». Однако и в случае доказанного злого умысла, побудившего к ложному доносу, фискал подвергался лишь... «легкому штрафу, чтобы впредь лучше осмотрясь доносил». Петр считал, что «лучше недоношением ошибиться, чем молчанием»...

Обер-фискал Алексей Нестеров прославился тем, что отдал под суд даже собственного сына. Однако через несколько лет появился указ, из которого русский люд узнал, что Нестеров «1. Будучи обер-фискалом, не только за другими противных дел (нарушений закона – А.Б.) не смотрел, но и сам из взятков и по дружбе многое в делах упущение делал. 2. В провинциальные и городские фискалы многих определял недостойных, и то за деньги, лошадьми, запасами и разными другими вещами с них брал. 3. От разных чинов людей за просьбу и предстательство к судьям и за произведение к делам брал многие посулы деньгами и другими вещами».

Нестерова колесовали. Его преемник Михайла Желябужский, уличенный в подделке духовных завещаний, был бит кнутом и сослан на каторгу. В общем, как говаривали древние римляне: «Кто охранит охранителей?» Или – «Quae mala sunt inchoata in principio vix bono perguntur»

exitu»^[79].

Сохранился рассказ о том, как однажды Петр велел обер-прокурору Ягужинскому написать указ о ворах: если выраженная в деньгах стоимость украденного достаточна для покупки веревки, надлежит ее купить и вора на ней повесить. Ягужинский (сам мастак по части казнокрадства и взяток) ответил, что в случае принятия такого указа Петру грозит опасность остаться вовсе без подданных. Если это и анекдот, то основанный на суровой реальности петровской эпохи, когда Меншиков, к примеру, ухитрялся присваивать не просто имения, а целые *города*...

Много написано о чудовищном расцвете бюрократии при Петре. Что характерно, причиной этому были не русские нравы (хотя и до Петра волокиты в делах хватало), а опять-таки механически позаимствованные на *Западе* модные идеи.

Полузабытый ныне публицист Е. Гайдар в простодушии своем полагал: стоит только «ввести» рынок и отменить всякое государственное регулирование, как все наладится само собой, и потекут молочные реки в кисельных берегах. Петр, духовный отец всех российских интеллигентов, попросту увлекся диаметрально противоположными, новыми в ту пору теориями «регулярности государственного строя», созданными Гроцием, Пуфендорфом и Вольфом. Считалось, что стоит лишь ввести «хорошие» правительственные учреждения, как на земле наступит рай земной. Знаменитый философ Лейбниц в переписке с Петром выразил эти тезисы ясно: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы».

Петр был большим любителем всяческой механики... Идеи Лейбница дополнял Вольф, поучавший, что государство должно руководить абсолютно всем: «Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинами, а уши – музыкою, пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзию, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые подданные прилежали добродетели и благочестию». Подданные же, по Вольфу, «должны с готовностью и охотно делать то, что

власть НАХОДИТ НУЖНЫМ для общего благополучия».

Петра это так восхитило, что он стал настойчиво звать Вольфа в Россию осуществлять идеи на практике, предлагал даже пост президента создаваемой Академии наук. Однако хитрый немец, должно быть, прекрасно понимал, как велика разница меж теоретическими умствованиями и повседневной практикой – и в Россию не поехал...

Однако Петр с обычной своей энергией принялся все и вся регламентировать...

Предписывалось ткать холсты только определенной ширины^[80], под страхом каторги запрещалось выделывать кожу для обуви дегтем, употребляя для этого ворвань, жать было приказано не серпами, а «малыми косами с граблями», уничтожить окошки для выливания воды в бортах судов, заменив их помпами; жителям Петербурга запретили пользоваться гребными лодками и предписали обзавестись парусными (причем до мельчайших подробностей указывалось, как их красить и чинить). Печи предписывалось ставить не на полу, а на фундаментах, потолки непременно обмазывать глиной, крыши крыть не досками, а черепицей, дерном или дранкой, могилы для умерших устраивать по единому утвержденному образцу, живым обязательно ходить в церковь по праздникам и воскресеньям, а священникам – «во время литургии упражняться в богомыслии».

Во всех случаях издавались пространные царские указы, где сам Петр расписывал «от сих и до сих» – так что указы, по сути, превращались еще и в длиннейшие «поучения», как было с повелением Петра «запретить жителям невской столицы ездить на невзнузданных лошадях и выпускать со дворов без пастухов коров, коз, свиней и других животных». Государь император самолично занимался вопросами, которые должен решать какой-нибудь полицмейстер... Подозреваю, подобные указы и были спародированы Салтыковым-Щедриным в «Истории города Глупова», когда один из тамошних градоначальников издает указ «О правильном печении пирогов». Чертовски похоже на Петра...

Между прочим, лечиться тоже следовало по указу. Попив минеральной водички с олонекских источников, Петр нашел ее отменной – и велел подданным в приказном порядке ездить «для поправления недугов на олонецкие воды». Когда многим водичка не помогла и не получившие исцеления стали роптать, Петр срочно издал очередной указ, в котором объяснялось, что отдельные неуспехи в лечении водами вызваны... несоблюдением пациентами высочайше утвержденных правил лечения.

Воеводы на местах, засыпанные грудой указов, потихоньку, надо

полагать, приходили в состояние полного отупения. В частности, воеводам предписывалось «заботиться о сиротских домах, академиях и школах, а также госпитальях». Однако, кроме Петербурга и пары-тройки больших городов, госпиталей нигде не было – как не было нигде сиротских домов, кроме Петербурга. Академии имелись только в Москве и Киеве...

История сохранила память о самоотверженной деятельности вятского воеводы Чаадаева, который попытался добросовестно выполнить очередной указ и основать хотя бы школу. Нашел даже учителей и комнату, остановка была за малым – полным отсутствием учеников. Воевода применил типичные для той эпохи методы – разослал по уезду солдат, те наловили достаточное количество подходящих по возрасту подростков. Естественно, при первом же удобном случае ученики разбежались. Воевода махнул рукой на сие «просветительское предприятие» и не только не завел академии, но и школ больше не открывал (должно быть, прекрасно понимал, что в Вятском уезде кадров для академии и с драгунами не разыщешь).

Столь мелочная регламентация привела к тому, что чиновники на местах *вообще* перестали проявлять инициативу, в любой мелочи требуя инструкций Петра. Соликамский воевода доносил сенату, что местная тюрьма пришла в жалкое состояние: «тюремный острог и избы весьма прогнили и стоят на подпорах, так что арестанты того и гляди разбегутся» – и просил царского именного разрешения на ремонт. Однако его перещеголял московский губернатор, который не осмелился без царского указа... починить снесенную паводком деревянную мостовую...

Начитавшись Лейбница, Петр учредил коллегии – нечто вроде министерств. Увы, механизм работал вовсе не так, как Лейбницу представлялось в Европах... С.М. Соловьев пишет: «Колеса в новых машинах не пошли хорошо; вместо того, чтобы приводить друг друга в движение, они иногда зацеплялись друг за друга и мешали общему движению».

Характернейший пример – случай с финансовой коллегией. Ее нормальная работа зависела от своевременной присылки из губерний отчетности. Распоряжение об этом было сделано в 1718 г. – губернии никак не отреагировали и не единой бумажки не прислали. В 1719 г. им вновь напомнили о необходимости сдать отчеты – и вновь молчание.

По губерниям помчались гвардейцы с приказом «сковать за ноги и на шею положить цепь, и в приказе держать, покамест не изготовят все нужные ведомости». Не помогло. Гвардейцы дружно доносили, что одни губернаторы и воеводы еще не кончили составлять отчетность, «а другие

ничего и не учинили». В Азовской губернии подпоручик Селиванов попробовал было посадить под арест волокитящих чиновников, но они «силою» вырвались из-под караула и разбежались... Шел 1721 г., а с мест не поступило ни единого отчета, в центре представления не имели о доходах и расходах провинции.

Чтобы навести порядок, Петр пошел по избитому пути, блестяще высмеянному Паркинсоном, – раздул штаты. В довесок к коллегиям были учреждены «министерские консилии». И началось...

Коллегии были подчинены сенату, но начальники трех важнейших – военной, морской и иностранной – сами были членами как сената, так и «министерских консилией». А потому сносились с царем, минуя сенат. По определению П.Н. Милюкова, «между тремя инстанциями центрального управления – консилией министров, сенатом и коллегиями – не существовало правильного иерархического отношения: власть учредительная, законодательная и исполнительная беспорядочным образом мешались в каждой из них».

Петр, по сохранившимся сведениям, стал разрабатывать проект новой бюрократической конторы, которая исправит положение, но умер, не успев родить очередного монстра...

Положение усугублялось еще и дефицитом на местах мало-мальски подготовленных людей. Дошло до того, что провинциальное начальство силком отнимало друг у друга грамотеев. Известна анекдотичная (но рядовая) история о том, как камерир^[81] Калужской провинции послал людей и форменным образом взял в плен подьячего с писцом, служивших в воеводской канцелярии. Воевода стал слезно просить, чтобы камерир хоть писца-то вернул, но тот встретил воеводского посланца «с неподобною бранью, кричал на него и грозил, что ежели кто писца возьмет, того он, камерир, шпагою насквозь просадит». Воевода, оставшись без грамотеев вовсе, не сдался и отрядил к камериру «военную силу» – оказавшихся под рукой капитана Тюнина и рейтарского сына Анненкова. Однако бравый финансист отбил и эту атаку. Капитан Тюнин жаловался воеводе: «Оный камерир говорил мне, чтобы я впредь за этим подьячим не ходил, а ежели опять приду, то обещен буду; Анненкову же говорил: ежели ты для взяття оного подьячего опять придешь, то я тебя буду бить батожем по спине и по брюху, да еще возьму дубину и руки-ноги тебе переломаю».

Местные власти вдобавок ко всему, как уже говорилось выше, подчинялись разным центральным ведомствам, а потому архивы полны документами, живописующими, как «воевода обругал в присутствии площадными словами камерира», «камерир дерзнул бесчестить побоями

воеводу», «воевода и камерир били смертным боем земского комиссара». Впрочем, мода расходилась из столицы – «в сенате подканцлер Шафиров бранил вором обер-прокурора Скорнякова-Писарева».

В Муромской провинции местный священник отважился подписать свидетельство, что избитый земским комиссаром крестьянин умер не «своей смертью», а от побоев. Комиссар нагрянул к попу во двор с командой, обнаружил, что тот не платил три года налог на баню, – и неделю держал под арестом. Освободился бедный попище лишь после того, как пообещал в виде взятки стог сена. Комиссар его, однако, засадил вновь – в свинарник, полураздев, и «морил студеной смертью трое суток». Выбив неуплаченные налоги, выпустил, но расписки не дал – мало того, средь бела дня унес со двора у попа трех породистых гусей. Легко догадаться, как обращались с «простым» народом, если такие измышательства над лицами духовными сходили с рук...

При этом нужно добавить, что «задержки зарплаты» петровского времени способны были ужаснуть даже нынешних отощавших врачей с учителями... Архангельские приказные люди жаловались в 1720 г., что им еще не выдано жалованье за... 1717! Доходило до того, что крестьяне *сами*, видя жалкое положение чиновников, приносили им кто пшенички, кто копеечку. Когда фискалы сцапали подьячего одной из губерний за взятку, на защиту бедолаги встали крестьяне и простодушно объяснили, что они «своим желанием» дали тому денег, а то бы с голоду помер...

Даже столь важная персона, как обер-секретарь сената Щукин, бил челом Петру: «не получая содержания, изжив свое малое именье, пришел в крайнюю нищету и мизер». Вдобавок, за два с лишним столетия до сталинских займов, всех поголовно чиновников обязывали отдавать часть жалованья «на нужды государства».

В 1726 г. Екатерина I, понимая, что на выплату жалованья государственным служащим в казне нет денег, вынуждена была... узаконить взятки. Жалованье отныне выплачивали только президентам коллегий, «а приказным людям не давать, а довольствоваться им от дела по прежнему обыкновению от челобитчиков, кто что даст по своей воле, понеже и наперед того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели».

О деятельности судебных учреждений при Петре не хватает духу рассказывать подробно. Опишу лишь одно-единственное (в общем, рядовое для того времени) дело.

В 1703 г. крестьяне Новодевичьего монастыря убили крепостного – человека соседнего, кашинского, помещика Кисловского. Возбудили дело.

Посланного для ареста и розыска солдата крестьяне встретили «всей волостью с дубьем», и служивый ретировался, прихватив попавшегося под руку мужичка Ивана Дворникова. В губернской канцелярии Дворникова немного подержали и по недостатку улик выпустили, благо сам истец в то время как раз поступал на военную службу и в суд не ходил.

Прошло *семнадцать* лет. Кисловский, дослужившись до поручика и получив отпуск, вернулся в имение – и вновь возбудил дело против Дворникова. Дворникова опять посадили – и он провел в ожидании рассмотрения дела два года за решеткой. Впрочем, сидел он своеобразно – поскольку денег на его содержание не отпускалось, сторожа каждое утро в течение этих двух лет отпускали своего узника в город – собирать милостыню или подрабатывать по мелочам. За решеткой бедолага только ночевал.

На третий год какой-то шутник сдуру наплел Дворникову, что того собираются отправить в Преображенский приказ (заведение, дублировавшее жуткую Тайную канцелярию). Дворников с перепугу сбежал, приписался к Новодевичьему монастырю, где его и застала первая петровская «ревизия» – перепись податного населения. Кисловский, узнав, где обретается ответчик, послал бумагу в монастырь (по тогдашним правилам монастырского крестьянина нельзя было так просто взять с монастырских земель, если дело было чисто уголовным). Монахи посадили Дворникова под замок, через неделю пришли к выводу, что дело подсудно не им, а светскому суду.

Дворникова под конвоем отправили в кашинскую «судных и розыскных дел канцелярию». Пока конвой добирался туда с арестантом, канцелярию ликвидировали очередным высочайшим указом.

Вернули в монастырь. Потом повели к земскому комиссару, но тот заявил, что преступление совершено не на его территории. После долгой переписки Дворникова отвезли в Углич, на допросе, как водится, стали пытаться, от чего он умер в ноябре 1723-го. Кисловский, однако, продолжал дело против монастыря, требуя с того, как с хозяина Дворникова, денежного вознаграждения за случившееся двадцать пять лет назад убийство его крепостного (к которому, очень может быть, Дворников был и непричастен). Только через двадцать семь лет, в 1730 г., Кисловский, ставший к тому времени майором, получил бумагу, что дело решено в его пользу, но получил ли он свои денежки, неизвестно...

С одной стороны, судьи, как и прочие чиновники, были до предела запуганы потоком указов и атмосферой всеобщего страха. Историк областных реформ Петра М.Н. Богословский пишет: «Возможно ли

правосудие там, где суд лишен твердости и уверенности в своих действиях? Где каждый состоявшийся приговор может быть тотчас же изменен, где сам судья произносит приговор неуверенным голосом? Судья того времени действовал с той же нетвердостью, с какой действует человек, которому никто не верит. Ему не верило общество, которое он судил: оно не видело правды в его приговорах и искало ее выше; ему не верила власть, которая его поставила: она боялась, хватит ли у судьи сил справиться с доверенным ему делом. Кончалось тем, что менее всего судья стал верить в самого себя, и вот почему он, опасаясь всяких апелляций и ревизий, предпочитал, принимая челобитную, не давать ей никакого дальнейшего движения. Посмотрите любую вязку дел, оставшихся от судебных учреждений Петра: значительно большая часть судебных дел, в ней находящихся, не окончена, и на многих из них вы видите надпись, сделанную уже в царствование Екатерины II: «передать в архив к вечному забвению».

С другой же стороны, судьи вносили свою лепту в царившее повсеместно противостояние всех и всяческих властей. Подробно об этом рассказывает опять-таки Богословский. Читая, не знаешь, смеяться или плакать – право же, нынешние неурядицы кажутся детскими играми...

«В Переяславле-Залесском воевода по прибытии к месту службы нового судьи пригласил его принести положенную присягу, а судья обиделся на это и велел ответить, что он к присяге не пойдет, потому что не признает за воеводой никакого права приводить к присяге его, судью. Владимирский воевода доносил на владимирского судью, что он в делах чинит волокиту и продолжение, а его, воеводу, не слушает и впредь слушать не хочет, не только не сообщает воеводе ничего о ходе судебных дел, но и отказывается сообщить ему инструкцию (т.е. очередные рассылаемые на места правительственные указы – А.Б.). Владимирский судья, в свою очередь, жаловался на вмешательство воеводы в судебные дела. Архангельский судья, как только прибыл на место службы, начал перебранку с вице-губернатором и грозил ему, что «будет сидеть на его месте». Великолуцкий воевода отказался дать помещение судье, отобрал у него команду драгун, назначенную для ловли разбойников, сам разбирал судебные дела, а челобитчиков, которые обращались не к нему, а к судье, «устрашивал». Новгородский воевода поссорился с судьей, и воевода отказался отвести помещение для суда и тюрьмы, за теснотой помещения пришлось остановить судопроизводство, и многие колодники, как донес суд, «помирали от духоты». Когда Юстиц-коллегия прислала воеводе указ дать суду помещение, воевода медлил исполнить это, и только спустя порядочное время известил судью, что он может со своими ассессорами

перебраться на старый воеводский двор. Судья утром на другой день пришел на службу по новому адресу, но у ворот ему преградил дорогу часовой с ружьем, который объявил судье, что воевода «не велел судье иметь канцелярию на этом дворе». Воевода не только не давал суду помещения, он еще строго запретил ратуше посылать в суд какие-либо справки и преследовал тех из обывателей, что обращались в суд; у посадского Щеколдина (свободного человека! – А.Б.) схватили жену и по распоряжению воеводы посадили в тюрьму за то, что посадский жаловался в суд. А посадского Попова жестоко избил тростью по голове камерир за такое же «преступление». Угличский воевода отвел судье такое помещение, что тот только руками развел: «Только изба одна, и та вся гнила, и кровля развалилась, и течь от дождя великая, и в окошках рам нет», подъячих же воевода прислал таких, что судья не знал, как от них избавиться, потому что они были всегда беспросыпно пьяны и никаких дел делать не могли. И так было всюду. Всюду, по словам одного указа Юстиц-коллегии, местные власти, забыв веление генерального регламента быть всем властям меж собой в единении и «чинить друг другу вспоможение», «с яростью и презрением тщатся уничтожить одна сделанное другой».

На стенах присутственных мест в это время висел повсюду указ Петра, повелевавший судьям защищать «бедных людей, вдов и сирот безгласных и беспомощных, которым сам его царское величество всемилосердным защитителем есть и взыскателем обид их напрасных»... Помимо всего прочего, Петр еще и создатель системы государственного лицемерия, когда декларировалось одно, а делалось другое. Предшественники Петра, не свободные от жестокости и взяточничества, все же не жили «двойной моралью» – у них на стенах не висело всевозможных утопически-лицемерных казенных бумаг, полностью противоречащих тому, что в данном помещении творилось.

Знаменитый крестьянский мыслитель Посошков, живший во времена Петра, оставил интереснейшие записки. О суде он, в частности, сообщает, что состояние суда в России «засорно»: «не только у иностранцев-христиан, но и у басурман суд чинят праведно, а у нас вера святая, благочестивая и на всем свете славная, а судебная расправа никуда не годная; какие его императорского величества указы ни состоятся, все ни во что обращаются, и всяк по своему обычаю делает...»

Юстиц-коллегия, тогдашнее министерство юстиции, плакалась сенату, что подчиненные ей суды даже не платят наложенных на них за волокиту коллегией штрафов. И в полном соответствии с повседневной практикой просила «послать по судам расторопных гвардейцев, дабы понуждали

судей скорее делать дело».

Неудивительно, что и с самим «министерством юстиции» обращались порой вовсе уж пренебрежительно. Однажды *рядовой* фискал по фамилии Косой, на что-то рассердившись, «с изменившимся лицом и с криком великим приблизился к президентскому (т.е. министра юстиции! – А.Б.) столу и, ударяя в стол рукой, говорил, что он-де не послушен будет никакому суду до прибытия его царского величества».

В другой раз секретарь губернской канцелярии (т.е. чин, согласно табели о рангах приравненный к *поручику* – А.Б.) узнал, что некий посадский пошел в Юстиц-коллегию, чтобы принести жалобу на действия этой самой канцелярии. Недолго думая, секретарь послал драгун, и те с матами да рукоприкладством уволокли жалобщика из приемной министерства юстиции, сорвав заседание коллегии...

Что уж тогда удивляться общепринятой практике, когда посыльных из суда в деревнях встречали «с дубьем, с цепами и кольями заостренными и шестами железными». Даже незнатные юнцы-недоросли, поддавшись общему настроению, нахальничали сверх меры. Когда к «школьнику математической школы навигацких наук» Зиновьеву явился подьячий с солдатами, чтобы отвести его в суд для дачи свидетельских показаний (брат школяра, драгун, обвинялся в разбое и грабеже), юный навигатор схватил полено и, умело им действуя, вышвырнул пришедших во двор. В суд его доставили, лишь вытребовав военное подкрепление...

И, наконец, именно Петр выдвинул тезис, что признание – царица доказательств... Нет нужды подробно рассказывать, с какой готовностью ухватились за этот тезис через двести лет товарищи чекисты и в каких масштабах его применяли...

Наконец, никак нельзя обойти вниманием петровские законы «о единонаследии» и «о порядке престолонаследования».

«Закон о единонаследии», механически выдернутый из западноевропейского законодательства, заключался в следующем: помещик, имевший несколько сыновей, мог отныне завещать все свое недвижимое имущество кому-то одному (не обязательно старшему, по своему выбору). Если он умирал без завещания, вся недвижимость переходила к старшему сыну. Впрочем, касалось это не только помещиков, но и «всех подданных, какого чина и достоинства оные ни есть». Намерения, на первый взгляд, были самые благие: во-первых, не дробить имущество до бесконечности, во-вторых, заставить «обделенных» поступать на службу, идти в торговлю, в частное предпринимательство, в искусство.

Однако, как с роковым постоянством случалось со всеми петровскими новшествами, красиво выглядевшие на бумаге идеи при практическом претворении их в жизнь превратились в источник неразберихи, вражды, сломали многие судьбы. Вполне естественно, помещики, внезапно оказавшиеся перед необходимостью делить своих детей на «богатых» и «нищих», всеми способами старались обойти закон: продавали часть деревень, чтобы оставить деньги «обделенным», с помощью клятвы на иконе обязывали «единонаследника» выплатить остальным их долю деньгами – что полностью подрывало идею «недробления». В докладе, поданном в 1730 г. Сенатом императрице Анне Иоанновне, указывалось, что этот закон «вызывает среди членов дворянских семей ненависти и ссоры и продолжительные тяжбы с великим для обеих сторон убытком и разорением, и небезызвестно есть, что не токмо некоторые родные братья и ближние родственники враждуют между собою, но и отцов дети побивают до смерти!» Стремясь обеспечить младших, отцы распродают движимый инвентарь в их пользу, оставляя иногда наследнику деревни и хозяйства «без лошадей, скота, орудий и семян, отчего как наследники, так и кадеты («обделенные» – А.Б.) в разорение приходят». Сенаторы докладывали: «Пункты об единонаследии, как необыкновенные сему государству, приводят к превеликим затруднениям в делах».

Более того, все продекларированные благие намерения насчет свободы «определяться в ремесла, торговлю и искусства» так и остались на бумаге. «Хотя и определено по тем пунктам, дабы те, которые деревням не наследники, искали бы себе хлеба службой, учением, торгами и прочим, но того самым действием не исполняется, ибо все шляхетские дети, как наследники, так и кадеты, берутся в одну службу сухопутную и морскую в нижние чины, что кадеты за двойное несчастье себе почитают, ибо и отеческого лишились, и в продолжительной солдатской или матросской службе бывают, и так в отчаяние приходят, что уже все свои шляхетские поступки теряют».

Одним из немногих толковых поступков императрицы Анны как раз и стала отмена в том же году «пунктов о единонаследии».

Еще более страшную роль в русской истории сыграл «Закон о престолонаследии». Петр сочинил его после убийства родного сына, царевича Алексея. Нам усердно вдабливали в голову, что Алексей «хотел вернуть страну на застойный путь». Однако сейчас об этом деле известно достаточно, чтобы говорить со всей уверенностью: Алексей (европейской образованностью, кстати, неизмеримо превосходивший нахватавшегося вершков папашу) всего-навсего намеревался вернуться на *донпетровский*

путь развития – никоим образом не отрицавший реформ, но избавленный от всех пороков петровских деяний. Путь постепенной, разумной эволюции, исключавшей идиотскую ломку и шараханья в крайности... Но поскольку Петр признавал единственно правильным путем только свой, с сыном он расправился беспощадно, между делом нарушив данное ему честное слово (когда посланные за Алексеем за границу объявили ему, что в случае возвращения царственный отец клянется своей честью не преследовать более сына).

В феврале 1722 г. Петр объявил указом, что отныне всякий будущий российский самодержец волен *сам* назначать себе преемника, отменив закон о старшинстве.

Новый закон еще при жизни Петра встретил глухой ропот и неприятие в народе (разумеется, с недовольными боролись кнутом и топором). А после смерти Петра, как писал историк начала века Князьков, «отсутствие мужского потомства и наличие среди женского потомства двух линий наследниц – дочерей царя Ивана и царя Петра – сделало, при отсутствии узаконенного и всем объявленного порядка престолонаследия, то, что русский престол в течение всего XVIII века был игрищем судьбы, причем решающую роль в праве претендентов на престол играла гвардия, руководившаяся своими симпатиями и антипатиями к отдельным лицам» [102].

Следует поправить: не только в течение XVIII в. После смерти Петра гвардия ровно сто лет устраивала либо пыталась устраивать перевороты. Павел I в 1797 г. отменил: «Закон о престолонаследии», но сам стал жертвой убийц гвардейцев. Гвардия попыталась и в 1825 г. по заведенному порядку вмешаться в судьбу трона, но Николай I пушечным огнем вымел остатки дворянской «махновщины»...

Образование, культура

Нужно сразу оговориться, что никакой «культуры» Петр I из Европы и не пытался заимствовать. Нововведения в этой области шли по двум направлениям: либо чисто механическое заимствование *внешних* примет «цивилизации» (бритье бород, одежда, курение табака), либо обучение предметам, необходимым для решения чисто *функциональных* задач: военной, технической пользы для государства. Упомянувшийся Вебер, которого русские историки прямо называют «одним из умнейших наблюдателей русской жизни петровских времен», не зря отмечал в своих записках, что большая часть получивших образование за границей петровских дворян «показывали только несносное чванство, потому что усвоили внешний лоск, душевные же их способности остались невозделанными, живут так, как жили в старину».

Иначе и быть не могло. «Душевные способности» Петра не интересовали нисколько. Эйдельман нашел меткое определение: он писал, что Петр направил всю свою деятельность на то, чтобы воспитать подданного с деловой сметкой свободного человека и психологией раба. То есть поставил перед собой совершенно нереальную задачу...

Учеба и образование были организованы по глубоко порочному принципу: перефразируя слова Наполеона I, «ввязаться в драку, а там видно будет». Другими словами, бросить в воду несколько десятков совершенно не умеющих плавать людей – а вдруг среди них найдется один, кто не утонет и сможет потом брать призы в соревнованиях по плаванию?

Даже в султанской Турции за двести лет до Петра, забирая мальчиков из христианских семей, обязательно в каждом конкретном случае проводили то, что можно назвать «собеседованием» или «выяснением склонностей». Тех, кто подходил для военной службы, отправляли в янычары. Те, кто имел задатки для гражданской службы, – попадали в своеобразные «вузы», из которых впоследствии вышло немало знаменитых османских дипломатов и администраторов. Многим своим достижениям в XVI–XVII веках Турция обязана как раз этой системе (лишь потом, когда вошли в силу кумовство и наследственные привилегии тех же янычар, Османская Порта стала клониться к закату).

О том, как проходил «отбор» при Петре, самое лучшее представление дают воспоминания одного из посланных учиться за границу – В.В. Головина. В мае 1712 г. все малолетние дворяне были вызваны в Петербург.

«Был нам всем смотр, а смотрел сам его царское величество и изволил определить нас по разбору на трое: первые, которые летами постарше – в службу в солдаты, средние – за море, в Голландию, для морской навигационной науки, а самых малолетних – в город Ревель, в науку».

Сотоварищ Головина по несчастью, князь Михайло Голицын не мог стать навигатором по той простой причине, что страдал морской болезнью, но это, понятно, во внимание не принималось...

Обучение тех, кого послали в Испанию, выглядело так: ученики, не знавшие ни единого слова по-испански, часами слушали ученого преподавателя, на своем родном языке объяснявшего непонятную юнцам премудрость. Так же обстояло и с посланными в другие страны. О том, что прежде чем послать учиться, следует обучить языку, на котором предстоит учиться, как-то не задумывались. Нахватается вершков один из сотни – уже хорошо.

При этом ученикам годами не высылали денег на содержание. Легко понять, что они разбегались кто куда, от тоски пили и куролесили. В Тулоне гардемарин Сунбулов так разошелся, что ненароком пристрелил из пищади местного жителя. Другие ученики, в той же Франции, так страдали от безденежья, что решили «запродаться в холопы», в простоте душевной не ведая, что во Франции такая практика отсутствует. Еще один, сбежав из Венеции, постригся на родине в монахи – не помогло, извлекли из монастыря и силком отправили обратно в Венецию...

В самой России обстояло примерно так же. В школы загоняли силком, не озабочиваясь хотя бы поверхностным выяснением желаний и способностей. И держали впроголодь. Ученики знаменитой Навигацкой школы в 1711 году разбежались, чтобы не помереть голодной смертью. Три года спустя из той же школы доносили наверх, что ученики, пять месяцев не получая денег, «не только проели кафтаны, но и босиком ходят, прося милостыню у окон». Чиновник адмиралтейской конторы так и написал генерал-адмиралу Апраксину: «Ежели школе быть, то потребны на содержание ее деньги, а буде деньги даваться не будут, то истинно лучше распустить, понеже от нищенства и глада являются от школяров многие плутости». В тех случаях, когда деньги все же платили, из них тут же начинали вычитать на покупку учебных пособий и починку школы – что вряд ли способствовало улучшению быта и искоренению «плутостей»... Однако за побег из школы навигатору грозила смертная казнь, а родителям, встревоженным условиями, в которые попало их чадо, и рискнувшим бы подать прошение об отчислении его из школы – каторжные работы... Ну, а порка плетью и штрафы за любую провинность были в Навигацкой школе

делом вовсе уж житейским.

То же самое творилось и в Морской академии. «Сорок два гвардейца не ходили на учение затем, что стали наги и босы». В 1724 г. сам Петр, приехавший на занятия, обнаружил, что иные «гвардейцы» одеты буквальным образом в отрепья. Выяснилось, что 85 учеников уже пять месяцев не посещают занятий «за босотою и неимением дневного пропитания», а многие ушли побираться...

Вполне естественно, что молодежь, наслушавшись о таких порядках, уклонялась от ежегодных смотров, как могла. У «прогульщиков» отбирали имена, били батогами, ссылали в Азов, даже объявляли вне закона – не помогало. Вряд ли дело тут в «неприятии новшеств». Образование, насильно навязанное, мало чем отличавшееся от каторги, не учитывавшее вкусов, желаний и способностей, вызывало такое отвращение, что тысячи людей рисковали попасть в ссылку и подвергнуться конфискации имущества, лишь бы только не угодить в учение...

И.Т. Посошков оставил воспоминания об одном, вовсе уж курьезнейшем примере: «В Устрицком стану есть дворянин Федор Мокеев сын Пустошкин, уже состарился, а на службе никакой и одной ногой не бывал; и какие посылки жестокие за ним ни бывали, никто взять его не мог: одних дарами ублаготворит, а ежели кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на себя юродство и в озеро по бороду опустится. И за таким его пронырством иные его и с дороги отпускали; а домой приехав, как лев рыкает. И никакой службы великому государю, кроме озорства, не показал, и все его боятся. Детей у него четыре сына выращены, младшему уже 17, и никто их в службу выслать не мог...»

Можно, конечно, заклеить этого Пустошкина как врага прогресса... Однако... Положа руку на сердце – кто из молодых читателей этой книги согласился бы, чтобы его, не спросив желания и не испытав способностей, загнали за тридевять земель слушать лекции на непонятном языке? При чем вынуждая добывать средства на жизнь нищенством? Кто отдал бы своего ребенка в заведение вроде Навигацкой школы *добром*?

Кстати, первая художественная зарубежная книга была переведена на русский только в 1760 г. – французский куртуазный роман аббата Талемана «Езда на остров любви». До того переводились лишь учебники артиллерийского дела и руководства по управлению парусами. Культурой и не пахло...

Спустя десятилетия после смерти Петра образование, якобы поднятое царем-реформатором на недостижимую по сравнению с «застойной Русью» высоту, оставалось в самом жалком состоянии. А это наглядно

свидетельствует, что и в этой области Петр ограничился скорее видимостью реформ...

Слово писателю прошлого столетия: «По мысли Петра Великого и его последователей, первые учрежденные в России высшие учебные заведения, имевшие целью „произвести людей, способных к наукам“, должны были послужить рассадником просвещения и дать контингент учителей и воспитателей для вновь образуемых школ и вообще для образования „шляхетского“ юношества. Но в какой степени они оправдывали это назначение и в каком размере производили людей, действительно „способных к наукам“ и к преподаванию, можно судить, например, по состоянию наилучше обставленных к тому времени академических учебных заведений.

В отчете академии наук за 1759 год о подведомственных ей университете и гимназии находим официальное известие, что „как между студентами, так и гимназистами находится почти половина отчасти пьяниц, забияк, ленивых, непонятливых, и в учении никакого успеха себе не оказавших“, которые признавали „учение себе крайним принуждением и тягостию“. Ввиду этого академия сознавалась, что состояние ее учебных заведений „нимало не соответствует с высочайшим намерением Ея Императорского Величества и с ожидаемой от академии народною пользою“».

Конечно, можно в очередной раз сослаться на то, что народ вновь попался какой-то неправильный, не такой, однако гораздо честнее будет посмотреть в корень: *такие* реформы именно *таким* бардаком и должны были закончиться. Петр всегда и во всем выглядел полнейшим антиподом Мидаса: все, к чему он прикасался, превращалось в дерьмо...

Религия

Еще до революции объективные историки, никоим образом не принадлежащие к атеистам, отмечали, что ко временам Петра русская православная церковь переживала тяжелый кризис. Это мнение, в свою очередь, было основано на свидетельствах современников событий, которые писали, что «во всем видится слабо и неисправно», что единственная в Москве духовная школа пала так, что «живущие в ней скорбят и всего лишаются, и учиться в ней невозможно, потолки и печи и иные строения обвалились». Патриарх же «весь ушел в свои личные дела, строит свои имения да отбывает пышные церковные церемонии». Верхушка духовенства стала практически недостижимой для рядовых священников, «как двери рая для изгнанных прародителей». Не то что простоватому сельскому попику, но и иному настоятелю большого монастыря с превеликими усилиями удавалось дойти даже не до патриарха – до патриаршего секретаря-дьяка.

Архиерей в провинции заставлял водить себя под руки и шествовал не иначе, как под звон колоколов. Тех, кто являлся для поставления в священники, владыка держал на крыльце в любую погоду по несколько часов. Перевестись из одного прихода в другой можно было только за взятку. Встречались архиереи, во всеуслышание бранившие прямо в церкви простых священников, даже бывшие их, сажавшие в цепи и в колодки (повторяю, я цитирую не «антирелигиозные» листки и брошюры, а работы православных историков царских времен).

Низшее духовенство, третируемое и угнетаемое, порой и не заслуживало «деликатного» обращения. В огромном большинстве своем оно не только не могло «наизусть проповедовать догматы и законы Св. Писания», но и едва разумело грамоте. Многие «проникали» в священники благодаря взятке. Отцы Собора 1667 г. прямо констатировали, что в священники попадают «сельские невежды, из коих иные и скота пасти не умели».

Доходило до того, что этикие «отцы-пастыри», чтобы быстрее отвязаться от длинной церковной службы, читали молитвы... в шапку, принесенную родственником того, кто не мог или не хотел идти в церковь. Дома «прогульщик» надевал эту шапку на специально выбритую макушку – и считал, что отныне на него и без посещения храма снизошла благодать. Попадались священники, служившие молебны под дубом, а потом

раздававшие ветки и желуди, как освященные – конечно, не бесплатно.

Небрежное отношение к себе и своему сану отражалось даже в одежде. По словам современника, «...иной такой пресвитер возложит на ся одежду златотканую, а на ногах лапти во всякой грязи обваленные, а кафтан нижний весь гнусен». Еще в XVII в. жаловались на «безместных попов», кучками сидевших у московских Спасских ворот и на Варварке: «...безчинства чинят всякие, меж себя бранятся и укоризны чинят скарედные и смехотворные, а иные меж себя играют и на кулачки бьются». В документах того времени частенько попадаются даже дела о священниках, которых прихожане «били и увечили», не пуская в церковь – конечно, из-за образа жизни «духовных наставников».

Опять-таки современники с нескрываемой горечью пишут, что в монастыри стали уходить отнюдь не в поисках душевного спасения. Ростовский епископ Георгий Дашков в письме царю с отчаянием сообщает, что чернецы его епархии «спились и заворовались». Монахи за плату венчали браки (что им было по церковному уставу строжайше запрещено), давали деньги в рост. Отмечались случаи, когда муж, желая избавиться от жены, призывал в дом «неведомого монаха», и тот насильно постригал женщину в инокини.

Дошло до того, что в Москве, в Успенском соборе, дьяконы из озорства бросали воском в служащих молебен священников. Митрополит ростовский, впоследствии канонизированный, Димитрий, с горечью писал: «Окаянное наше время! И не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Иереи небрегут, а люди заблуждаются, иереи не учат, а люди невежествуют, иереи слова Божьего не проповедуют, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны... О, окаянные иереи, не радящие о доме своем!»

Св. Димитрий Ростовский подробно объяснял, что он имел в виду, обрушиваясь на «окаянных иереев»: «Что тебя привело в чин священнический, то ли, дабы спасти себя и других? Вовсе нет, а чтобы прокормить жену, детей и домашних... Ты искал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса!»

Короче говоря, «церковное образование и просвещение народа остановилось, церковная благотворительность не существовала, духовенство в массе своей не стояло выше паствы, а паства опускалась до глубин невежества, грубости, безнравственности, равнодушия в вопросах веры, суеверного отношения к ним. Церковь, как носительница нравственных начал в жизни государства, переставала существовать, не в

состоянии поддерживать себя и свое достоинство».

Причина лежала на поверхности, ее видели уже тогда: деятельность Никона, приведшая к расколу. «...из русского церковного общества петровских времен осталось при старых обрядах, следовательно, вне влияния господствующей церкви, очень большое сравнительно количество людей, и это были как раз те, которые по складу своего ума и натуры жили деятельной религиозной жизнью, любили мыслить и спорить на религиозные темы, посещали храмы, знали круг церковного пения и чтения и твердо держались за церковные обряды и обычаи, какими они хранились древнерусской церковью, не допуская самой возможности каких-либо перемен в них... в массе русских людей они были по-своему передовые люди, охранители благочестия, жившие живой религиозной мыслью. Этим людям нельзя было приказать с уверенностью в их повиновении верить так, а не этак, молиться вот так, а не иначе, как это можно было делать по отношению к безразлично-суеверной массе, утопавшей в полном невежестве и совершенно не подымавшейся до вопросов личного нравственного совершенствования во имя религиозных побуждений».

Увы, официальная церковь как раз и имела дело с этой «безразлично-суеверной массой» (которой, конечно же, гораздо легче управлять), а на старообрядцев, «передовых людей и охранителей благочестия» при Петре обрушились массовые репрессии, о которых я подробнее расскажу чуть позже.

В отношении к религии Петр по своему всегдашнему обыкновению, о чем бы ни шла речь, страдал шизофренической раздвоенностью теории и практики, слов и дел. На словах он показывал себя ревнителем православия – но преспокойно принимал в Англии причастие по англиканскому образцу, а в Германии перед памятником Лютеру произнес хвалебную речь в честь «сего великого пастыря». Когда случайно произошло какое-то промедление при пострижении в монахини царицы Евдокии, Петр так рассердился на патриарха Адриана, что тот, всерьез опасаясь за свою жизнь, свалил вину на архимандрита и четырех священников – все пятеро были тут же арестованы и отправлены в страшный Преображенский приказ. Когда во время стрелецких казней патриарх по стародавнему обычаю, побуждавшего его молиться за гонимых, возглавил двинувшийся в Преображенское крестный ход, Петр орал на главу православной церкви, как капрал на недотепа-новобранца...

В то же время продолжал свои потехи «всеппянейший собор». Тот самый, где были шутовские фигуры «патриархов», «кардиналов», «епископов», «архимандритов», «попов и дьяконов» – около 200 человек.

«Патриархом» считался воспитатель Петра, ничтожный пьянчужка Зотов. Доходило до того, что священников (!) забавы ради заставляли по всем правилам венчать в церквах шута с вдовой или карлика с карлицей (помнится, кто-то негодовал на большевиков, впоследствии венчавших священников с кобылами? Корни таятся в петровских кощунственных забавах...). Публичное святотатство, когда при шутовском «освящении храма бога Вакха во дворце Лефорта» народ крестили табачными трубками, связанными в виде креста, ужаснуло даже чуждого православию иностранца, немца-лютеранина Иоганна Корба...

Вот что пишет об этих забавах *современный* богослов протоиерей Лев Лебедев: «Это то же двойничество. Петр и его приближенные – оборотни; в обычное время они те, кто они есть, в часы потех они как бы надевают маски... подобные потехи имеют демоническое происхождение. Это подражание бесам, любящим принимать на себя образы различных людей или животных... люди очень точно узнали и почувствовали дух петровских нововведений, определив его как дух АНТИХРИСТОВ» [108].

Нельзя не упомянуть о весьма примечательных слухах, круживших по Москве после смерти Франца Лефорта, умиравшего жутко, не по-христиански – он бранил и гнал от себя пастора, требовал музыки и вина, под развеселую музыку и испустил последний вздох... Говорили, что еще до смерти Лефорта, незадолго, ночью, когда Франц пропадал у очередной любовницы, его жена услышала страшный шум в спальне. Вошедшие слуги никого там не увидели. Однако шум продолжался, а «на следующий день, ко всеобщему ужасу, все кресла, столы и скамейки, находившиеся в его спальне, были опрокинуты и разбросаны по полу, в продолжение же ночи слышались глубокие вздохи»... Эти разговоры прилежно запечатлел тот же Иоганн Корб. Похоже, за Лефортом ночью приходили его *хозяева*... так *кто* же бесился в ближайшем окружении Петра?

Для поднятия всеобщего уровня нравственности и христианской морали Петр, как обычно, издал пространный указ. Всем предписывалось регулярно посещать церкви и исповедоваться – под угрозой крупного штрафа. Практически одновременно именным указом было введено нечто невиданное и неслыханное прежде на Руси: отныне священнику **ПРЕДПИСЫВАЛОСЬ** под страхом смертной казни немедленно доносить по начальству о тех, кто на исповеди признавался в злоумышлениях на жизнь государя и его семьи, прочих государственных преступлениях, причастности к бунту... Как это повлияло на отношение народа к духовным пастырям, догадаться легко – тем более, что на духовенство тем же указом была возложена обязанность совместно со светской

администрацией, фискалами и сыщиками преследовать уклонявшихся от двойных податей раскольников...

В 1705 г. Петр провел «генеральную чистку» духовенства, взяв в солдаты и переведя в «податное сословие» множество дьячков, монастырских слуг, пономарей, поповичей, их детей и родственников. Запретили строить новые церкви и монастыри. Архиереи, принимая кафедру, должны были давать клятвенное обещание, что «ни сами не будут, ни другим не допустят строить церквей свыше потребы прихожан» («потреба», естественно, определялась самим Петром). Были установлены «штаты» священников и монастырских служителей, сверх которых строго запрещалось рукополагать священников и постригать монахов. Вообще Петр стремился превратить монастыри в нечто среднее меж богадельнями и мастерскими. В знаменитом «Духовном регламенте» Петра так и говорилось: «Весьма монахам праздными быть да не допускают настоятели, избирая всегда дело некое. А добро бы в монастырях завести художества, например, дело столярное». Далее Петр... запретил монахам держать в кельях перья и чернила, писать что бы то ни было^[82]. Отныне выходить за пределы монастыря монахи и монахини могли лишь на два-три часа, с письменным разрешением настоятеля, скрепленным его подписью и печатью...

Блуститель патриаршего престола, митрополит Стефан Яворский, был отодвинут на задний план и буквально связан по рукам и ногам повседневной практикой петровских преобразований. Уже не митрополит решал, кому быть архимандритом того или иного монастыря, а царь – а то и приближенные, как это было с фельдмаршалом Апраксиным и боярином Мусиным-Пушкиным, лично занимавшимся назначением архиерея в Холмогоры. В ведение того же Мусина-Пушкина отошли патриаршая типография, сочинение, перевод и издание книг, даже исправления Библии.

Стефан, конечно, пытался протестовать – но с величайшей оглядкой. Практически после каждого смелого поступка вроде проповеди, где клеймились фискалы, Стефан тут же посылал Петру смиренное письмо, где просился «на покой» и подписывался «верный подданный, недостойный богомолец, раб у подножия, смиренный Стефан, пастушок рязанский». Петра такое «официально разрешенное диссидентство» вполне устраивало – как двести с лишним лет спустя брежневские идеологи снисходительно разрешали евтушенкам, аксеновым и прочим вознесенским изображать «критиков системы» и «инакомыслящих»...

Не дело мирянина – судить отцов церкви. Я и не пытаюсь – но, поскольку все познается в сравнении, стоит вспомнить других иерархов,

которые и в более опасных обстоятельствах, прямо грозивших им смертью, находили в себе силы бороться – когда все, казалось бы, потеряно и любые усилия бесполезны.

Можно вспомнить о трех священниках – англичанине, русском и поляке, – которые впоследствии были причислены к лику святых.

Архиепископ Кентерберийский Фома Бекет в XII в. открыто выступил против самодурства короля Генриха. И не уступал до тех пор, пока не был убит королевскими рыцарями.

Патриарх Гермоген не подписал грамоту, в которой московское боярство объявляло, что «отдает себя на волю» польского короля. Отсутствие его подписи по нормам того времени дало духовное и правовое основание русским городам выступить против интервентов. Ярославцы так и писали жителям Казани: «Ермоген стал за веру и православие и нам всем велел до конца стоять. Ежели бы он не сделал сего досточудного дела – погибли бы все». Гермогена заточили в Чудов монастырь и уморили голодной смертью, но он так и не сдался.

Когда к осени 1655 года шведы заняли почти всю Жечь Посполитую (что впоследствии в польской историографии получило название «потопа») и перед интервентами-иноверцами капитулировали верхушка дворянства и армия, присягнув шведскому королю, ситуацию переломил скромный приор Ясногорского монастыря в Ченстохове Августин Кордецкий. Запершись в монастыре с горсточкой шляхты и монахов, он стал сопротивляться. С чисто военной точки зрения это предприятие не имело никакого значения – укрепление было небольшое, и под его стенами стоял отряд всего в пару тысяч шведов. Однако духовное значение сражения оказалось неоценимым. Ченстохова – самая почитаемая в Польше обитель, где находится икона Богоматери, по преданию, написанная евангелистом Лукой^[83]. Воззвания, рассылаемые Кордецким, известия о том, что монастырь держится, *устыдили* страну – и вспыхнувшая всенародная война вымела захватчиков.

К сожалению, в петровские времена не нашлось подобного пастыря, рискнувшего бы открыто оказать сопротивление...

Чуть погодя Петр пошел дальше, ликвидировав всякие надежды духовенства на избрание нового патриарха. Сохранились рассказы о том, как Петр в ответ на просьбу архиереев дать им патриарха швырнул на стол кортик и рявкнул: «Вот вам патриарх!» (Более смягченная версия вместо кортика повествует об «ударе кулаком по столу». И то, и другое как нельзя более похоже на Петра.)

В январе 1721 г. был учрежден Святейший Синод – чисто чиновниче-

светское, бюрократическое учреждение, управлявшее отныне церковными делами. Во главе его встал гражданский чиновник, обер-прокурор – «око государево», очень скоро превратившийся в полновластного диктатора.

В Сенате к тамошнему обер-прокурору были приставлены фискалы. Равным образом и к обер-прокурору синода совершенно официально приставили чиновников со схожими функциями, именовавшихся... инквизиторами, с «протоинквизитором» во главе.

Подробно описывать деятельность этого учреждения я не стану – скажу лишь, что и его постигла участь всех петровских нововведений. «Исправление зол церковной жизни» обернулось созданием очередной «командной структуры». В 1857 г. известный русский писатель по церковным вопросам А.Н. Муравьев говорил: «В наше время обер-прокурор Святейшего Синода пользуется столь неограниченной властью, какой не пользовался ни один патриарх: простой подписью «читал» и «исполнить» он решает самые важные церковные дела».

Церковь превратилась в простое дополнение к бюрократической машине, этакую шестеренку, катастрофически теряя авторитет в народе. Доходило до грустных курьезов: при Александре I, высочайшем покровителе всей и всяческой мистики, министр духовных (!) дел князь Голицын был членом близкой к «хлыстам» и скопцам секты, известной как «корабль Екатерины Татариновой». Только Николай I разогнал всевозможные «корабли», «кружки», сектантские колонии и еретические общества.

Во времена Петра Славяно-греко-латинская академия из строго учебного заведения превратилась в штаб духовной цензуры, боровшейся как с проникавшим из-за рубежа «иномыслием», так и со староверами. За академией было закреплено монопольное право на обучение иностранным языкам. Без ее разрешения всем, под страхом конфискации имущества, запрещалось нанимать и держать у себя домашних учителей греческого, латинского и польского языков. Только окончившим академию разрешалось держать у себя дома греческие, латинские и польские книги любого содержания, рассуждать о вере и вступать в прения на религиозные темы – человек, не закончивший академии, не имел права даже у себя дома, со своими домашними, рассуждать о вере. Академия вела строгое наблюдение за «иностранными учеными свободных (т.е. гуманитарных – А.Б.) наук» и выдавала им разрешение на проезд в Россию. Под надзор академии отдавались все иноверцы, принявшие православие, всякое «колебание в вере» наказывалось ссылкой, а за упорство в «прежних верованиях» полагалось сожжение в деревянном срубе. Кроме того, сожжение на костре

грозило всем, кто держал у себя «чародейные, волшебные, гадательные и церковью возбраняемые книги», на пиру или где бы то ни было порицал православную веру, переходил из православия в иную веру, критически отзывался о мощах, иконах, святых. «Страшным инквизиционным трибуналом» назвал это заведение историк Соловьев. Все царствование Петра горели костры, на которых жгли раскольников, вольнодумцев, всех нарушивших вышеприведенные запреты... Каждый, кто уверяет, будто в России инквизиции никогда не существовало, – либо лукавит, либо не знает истории...

Старообрядцев при Петре преследовали жесточайше. С них, в частности, брали особый двойной налог – исключительно в целях притеснения. На приведенном рисунке изображена бляха, свидетельствовавшая, что пошлина за право ношения бороды уплачена (по ребру идет надпись «Борода лишняя тягота»). Эту бляху полагалось постоянно носить на груди – опять-таки в издевательских целях^[84]. Позже родилось еще одно нововведение – все старообрядцы должны были отныне носить на спине *желтые* лоскуты материи (рис. 1.27).

Рис. 1.27

(Делайте со мной что хотите, но я уверен, что именно у Петра нацисты впоследствии заимствовали идею желтых звезд, которые должны были носить на груди евреи. Все совпадает – сама идея, цвет материала. Один из гитлеровских идеологов, Розенберг, родился на территории Российской империи, учился в Прибалтике, неплохо изучил историю царствования Петра...)

До сих пор в исторической (сугубо научной и художественной) литературе описывается, как «фанатичные староверы» занимаются самосожжением. И мало кто знает, что в 1691 г. двести самых уважаемых «иноков и учителей» старообрядчества, собравшись на совет, единогласно осудили практику самосожжения, и в самом деле встречавшуюся. Было

выпущено «отразительное писание», беспощадно осуждавшее проповедников самосожжения, как одержимых «неразумным и бесовским наваждением». А посему читателю представляется самому определить, *кто* же в таком случае виноват в многочисленных массовых сожжениях старообрядцев во времена царствования Петра, *кто* подносил огонь к избам, где были заперты староверы...

Со старообрядцами рука об руку боролись церковные и светские власти. Когда игумен Питирим и его подручные не добились ни малейшего успеха в «обращении» керженских старообрядцев, в Нижний Новгород на помощь им нагрянул гвардейский капитан Юрий Ржевский, получивший право своей властью загонять староверских монахов и монахинь в православные монастыри, а укрывавшихся от уплаты двойных податей отправлять на каторгу. Пославший его Петр настоятельно рекомендовал «приискивать» за виновными чисто уголовные вины. Так и писал бравому капитану: «Буде возможно явную вину сыскать, кроме раскола, таких с наказанием и вырезав ноздри, ссылатъ на галеры...» Легко догадаться, что Ржевский без труда «сыскивал» мнимые преступления...

Сохранился его отчет: «Ныне до вашего величества послал раскольников необратных и замерзельх, они же и указу твоему учинились противны, положенного окладу платить не хотят, и за то биты кнутом, и вынуты ноздри, и послано на каторжную работу числом 23 человека... да женского пола 46 человек замерзельх послал в девичьи монастыри – положенного окладу платить отреклись, и за то учительницы их биты кнутом 13 человек...»

Немного позже Питирим, чтобы уличить старообрядцев в ереси, пошел на прямой подлог: по его приказу была изготовлена якобы «старинная» книга, так называемое «Соборное деяние на еретика Мартына». В ней утверждалось, что еще в 1147 г. в Киев пришел монах Мартин, армянин по происхождению, стал проповедовать двуперстие и все прочие заблуждения, свойственные раскольникам XVII в., однако в 1157 г. собор русских епископов осудил Мартина, назвав двуперстие «армянским кукишем».

О последующих событиях много писали русские историки, поскольку старообрядцы (целая группа под водительством дьякона Александра) самым тщательным образом исследовали «древнюю книгу» и неопровержимо доказали, что это сочиненная в нынешнем году подделка. Этой истории самой по себе посвящены отдельные научные труды – проведенная Александром экспертиза считается первым в российской истории палеографическим анализом старинной рукописи, и современные

исследователи до сих пор используют практически те же методы, какими руководствовался дьякон.

Однако Питирим ответил более весомым аргументом – приказал взять Александра под стражу (впоследствии дьякона били кнутом и казнили). А «Соборное деяние» продолжали распространять как ни в чем не бывало... Пытать Александра и предать его смерти письменно распорядился сам Петр.

То же самое творилось по всей стране. «Всюду проповедничество предпочитало вместо действия словом вступать в союз с гвардии капитанами, всюду увещевали людей, заковав их предварительно в кандалы, и всюду результат был одинаков: кто был послабее, те объявляли, что раскаиваются, а более сильные почувствовали еще глубже ров, возникший между ними и господствовавшей церковью».

Другими словами, в результате прямо-таки гестаповской борьбы Петра со староверами очень большой процент трудолюбивого, искренне верующего населения был форменным образом поставлен вне закона и подвергся постоянным преследованиям. В свою очередь, это вело к еще большему ожесточению нравов, застою в экономике. В свое время подобное наблюдалось во Франции – изгоняя гугенотов, страна лишилась множества искусных ремесленников, преуспевших купцов, интеллектуалов, от чего выиграла Англия, принявшая беглецов (именно они и помогли претворить в жизнь то, что именуется «английской промышленной революцией»). Так и в России: трудолюбивые, грамотные старообрядцы исключались из деятельности на благо страны, вынужденные массами бежать кто в глухие места, кто в Жечь Посполитую (в нашей историографии совершенно не изучена весьма интересная тема – огромный вклад, который внесли староверы в процветание той же Литвы. В точности как гугеноты в Англии).

И, наконец, одно из самых страшных последствий петровских реформ – фактический раскол простого народа и «верхнего мира» на две *разных* нации. Возникло две нации, две культуры, два мира...

Разумеется, до Петра не было никакой идиллии – помещики и бояре угнетали «черный люд» почти столь же тяжко. Но между боярином и его крестьянином не было *пропасти* – оба носили одинаковую одежду, различавшуюся лишь материалом, оба ходили в одну и ту же церковь, принадлежали к одной культурно-духовной общности. После петровских преобразований «барин», городской, образованный и одевался иначе, и лицо у него было «босое», и родного языка он сплошь и рядом не знал. Сохранились свидетельства современников, как в 1812 г. простонародье

таскало в московскую полицию «французских шпионов» – схваченных на улицах дворян, которые изъяснялись меж собой по-французски. Они были не виноваты – просто-напросто родного языка не знали и говорить по-русски даже на самые простейшие темы не могли. Из этих искорок, понемногу тлевших, и разгорелось на всю Россию в 1917-м пожарище, слизнувшее помещичьи усадьбы, а заодно и библиотеку Блока – какие там, к черту, жидомасоны, всего лишь лопнул нарыв, вздувшийся еще при Петре, бесповоротно расколовшем нацию...

Итог

Время от времени (к счастью, все реже и реже) иные исследователи в поисках очередной сенсации начинают вспоминать о «загадке», якобы сопровождавшей кончину Петра. Слабеющая рука Петра (умирающего то ли от простуды, то ли от скверно залеченной венерической болезни) нацарапала лишь два слова «Отдайте все...» – и бессильно упала. Вот и гадают, вот и ломают головы – кому же наш «госмударь всея Руси» собирался оставить страну?

Печальный итог в том и состоит, что сам Петр не мог не понимать: наследство оставить *некому!*

Супружница Екатерина глупа, распутна и откровенно спивается. Елизавете всего шестнадцать. Другой дочери, Анне, семнадцать. Внуку Петру Алексеевичу десять. Молодые племянницы Анна и Екатерина замужем за иностранными князьками (первая, впрочем, уже вдова). Племянница Прасковья умом не блещет...

НАСЛЕДНИКА НЕТ. Чье имя не напиши, он или она неминуемо станут игрушкой в руках приближенных – казнокрадов, мотов, озабоченных лишь собственным преуспеянием. Иллюзий на их счет сам Петр никогда не питал, в глаза говорил, что прекрасно понимает: после его смерти пустят прахом все наследие...

Не мог Петр этого не понимать. Прекрасно знал. А потому – нет никакой загадки. «Завещание», можно ручаться, осталось недописанным не потому, что холодеющей руке не хватило какой-то минуты. Петр, несомненно, заранее пытавшийся предугадать ход событий после своей смерти, попросту осознал: называть чье бы то ни было имя *бесполезно*. Потому что не будет *продолжателя*.

И это недописанное завещание, каракули на грифельной доске – свидетельство полного и окончательного краха, который умирающий Петр, нет сомнений, успел осознать во всей полноте. Драконы сплошь и рядом умирают бесславно, не в бою – в сырой пещере, под писк крыс, уже нагло высунувшихся из всех углов, уже прикинувших, как будут обдирать чешую, чтобы добраться до остывающего мяса...

Потомки

К Петру (в отличие от многих других самодержцев) отношение потомков было неоднозначным с самого начала, и разброс мнений оказался особенно велик...

Уже в конце XVIII в. князь Щербатов написал прекрасную, до сих пор не устаревшую работу, исследование, впервые, наверное, в российской историографии поставившую вопрос виртуальности: как развивалась бы Россия, не будь Петра? У Щербатова есть примечательная фраза: «Нужная, но, может быть, излишняя перемена». Чуть позже Радищев, по сути, вторил Щербатову, пусть и с другой колокольни: «И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную». Но как раз «вольность частную» наш сатрап и подавлял с небывалым прежде усердием...

Пушкин поначалу написал «Полтаву» – одно из ярчайших в русской литературе восхвалений Петра. Однако, возмужав и посерьезнев, за сто пятьдесят лет до Стивена Кинга создал великолепный «роман ужасов» – поэму «Медный всадник», где Петр уже совсем иной, прямой аналог современных полусгнивших зомби и прочих «живых мертвецов», с тупой непреклонностью преследующих вопящих от страха беглецов...

Крайне символично, между прочим, что карточка Николая I, 14 декабря 1825-го покончившего с последней отрыжкой «вольностей гвардейских», стегнула и по Медному всаднику. Не менее символично и то, что декабристы для своей ублюдочной пародии на прошлые гвардейские перевороты выстроились как раз вокруг памятника Петру...

Ситуация стала еще более интересной, когда в России стала издавать осмысленные звуки интеллигенция (не путать с интеллектуалами!), по своей сути как раз и являвшаяся одним из монструозных порождений петровских ломов. Под интеллигенцией и здесь, и далее я всегда полагаю в виду нечто строго конкретное: аморфное скопище субъектов, получивших некоторое образование (точнее, нахватавшихся вершков) и одержимых параноическим апломбом быть «духовными вождями и учителями», равно как и «совестью народной». Радикальной интеллигенции Петр как раз пришелся по нутру – подобно всякому, славному *разрушением*. Белинский, бледная поганка российской общественной мысли, изощрялся, как мог, и в прозе, и в стихах:

Россия тьмой была покрыта много лет,
Бог рек: да будет Петр – и был в России свет.

Здесь проявилась еще одна видовая черта отечественной интеллигенции, превращающая ее в вульгарную «образованщину»: полнейшее невежество в истории. В письме Кавелину Белинский не менее категоричен: «Для меня Петр – моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-либо сделать, быть чем-нибудь полезным».

Радикалы и революционеры Петра как раз обожали. Белинскому вторил «московский бастард» Герцен: «Петр, Конвент научили нас шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый».

И зашагали... Советские историки любили важно отмечать, что «Ленин в высшей степени положительно относился к деятельности Петра I». («Вождь мирового пролетариата» в данном случае всего лишь следовал за Энгельсом, еще одним почитателем разрушения и вселенской ломки, назвавшим Петра «действительно великим человеком». Маркс считал Петра гением, деятельность Петра – «исторически оправданным закономерным историческим процессом».) Так что среди учителей Ильича несправедливо будет числить лишь Маркса с Энгельсом – эту сомнительную честь разделяет и Петр, названный Герценом «революционером на троне». Он же, Герцен, говаривал, что Петр был «первой свободной личностью в России». Спорить с этим нельзя – беда только, что Петр был еще и *единственной* свободной личностью в России, все прочие, от фельдмаршала, до крестьянина, – по сути, рабами...

А уж особенно интеллигенции, понимающей лишь внешние признаки, нравилось, что Петр «поставил Россию в ряд с западными державами». И никто не задумывался, какой ценой... Главное, все брили бороды и носили европейское платье. Суть глубинных процессов интеллигенция понимать не в состоянии...

Лев Толстой поначалу относился к Петру прямо-таки восторженно, собирался писать роман о нем, но впоследствии наступило отрезвление, и Толстой оставляет такие строчки: «Был осатанелый зверь...» «Великий мерзавец, благочестивейший разбойник, убийца, который кощунствовал над Евангелием...» Говорил о Петре I и его сподвижниках: «...убивали людей. Забыть про это, а не памятники ставить».

Алексей Толстой до того, как пришел на службу к большевикам,

высказывался о Петре несколько иначе, чем в своем будущем романе (талантливом, несмотря ни на что): «Но все же случилось не то, что хотел гордый Петр: Россия не вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав. А, подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде – рабою. И сколько бы ни гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены».

Тот же Герцен выразился как-то, что «Чингисхан с телеграфом хуже, чем Чингисхан без телеграфа». Именно таким «Чингисханом с телеграфом» и был Петр, и добавить мне больше нечего...

Кстати, любопытнейшие рассуждения о природе «консерваторов» и «либералов» мне встретились в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова), в той их части, где речь идет об участии его в продолжавшемся девять месяцев Московском Церковном Соборе, открывшемся вскоре после Февральской революции:

«Большинство было, в общем, консервативно, но в хорошем смысле этого слова: было по сердцу добрым, желало помочь устройению жизни, готово было к жертвенности, не гордилось собою, считалось с братским мнением других, было достаточно свободно в своем понимании окружающих обстоятельств. Обычно слово «консерватор» считалось в русском интеллигентском воззрении синонимом тупости, злобы. По совести сказать, на Соборе было как раз обратное. Вот либералы (они почти все вышли из преподавательской, отчасти и профессорской среды духовных школ) были действительно раздражены, злобны, упорны в своем либерализме, партийно нетерпимы и просто злостно тупы... они очень не любили повиновения, послушания, признания авторитетов, любви и уважения к начальству. Наоборот, всячески унижать то, что выше их, лишать прав, ограничивать, отвоевывать привилегии самим себе, командовать над другими – вот их свойства. И чего бы ни коснулось, они готовы тотчас же в злобный бой против инакомыслящих... как люди с самоуверенным духом, большими знаниями и способными развязными языками, они производили большой шум: и по количеству подобных ораторов (они всегда выступали!), и по горячим речам их иногда казалось, будто чуть не весь Собор мыслит так, как они звонят. Но когда дело

доходило до решений... эта десятая частичка оставалась в меньшинстве» [33].

Прошло восемьдесят лет, но отечественные интеллигенты и либералы не изменились ни на йоту. Все вышеприведенное прекрасно описывает и *нынешних*. Злобный бой против любого инакомыслия, жажда власти, стремление лишать оппонента всех и всяческих прав... Вот только знаний не в пример меньше, старая интеллигенция при всех своих недостатках была все же хорошо образована, а нынешняя – совки-с...

Между прочим, знаменитое крылатое выражение «Петр прорубил окно в Европу» выдуманно не в России – этот пассаж впервые употребил в 1769 г. в своих «Письмах о России» итальянец Франческо Альгорроти. Хорошо, что наши соотечественники не причастны хотя бы к *этой* глупости. В самом деле, эпитет выбран неудачнейше. Нормальный человек прорубил бы *дверь*. Реформы, лезущие в окно – зрелище довольно сюрреалистическое...

Виртуальность

Как же без нее? Никуда нам не деться от виртуальности... В истории был шанс обойтись без Петра. Я имею в виду до сих пор не проясненные до конца события в ночь с 7 на 8 августа 1689 г.

Сторонники Софьи уверяли, что в ту ночь приверженцы Петра намеревались занять Кремль, убить царевну и Ивана. Сторонники Петра уверяют, что все обстояло как раз наоборот, и люди самого энергичного и решительного из сторонников Софьи стрелецкого начальника Федора Шакловитого хотели убить Петра.

Кто прав, неизвестно. Вероятнее всего – и те, и другие. В обоих лагерях хватало деятелей, понимавших, что мирным путем решить проблему не удастся. Главное, той ночью Петр мог быть убит (впрочем, его могли убить и много раньше, когда в Кремль ворвались верные Софье стрельцы, недовольные тем, что «младший» обошел «старшего»).

Что тогда? Ответ один: медленное (но не ставшее из-за этого порочным), эволюционное развитие. Реформы, проводимые с гораздо меньшей кровью, не сотрясшие страну столь жестоко, не создавшие непреодолимой пропасти меж высшими и низшими, меж народом и государством, церковью и народом. Все, что нам известно о достижениях России допетровской эпохи, позволяет говорить с уверенностью: не было бы никакого «застоя». И не было бы кровавого вихря...

Советский историк Н. Молчанов, апологет Петра, защищал избранный тем путь развития довольно оригинально. Вспомнил о так называемом плане Лейбница. В 1670 г. Лейбниц разработал план создания так называемого Европейского союза, призванного обеспечить Европе вечный мир. Для этого, по Лейбницу, излишнюю энергию («пассионарность», сказал бы Гумилев) следовало направить на колониальную экспансию. Англии и Дании, по Лейбницу, следовало колонизировать Северную Америку, Франции – Африку и Египет, Испании – Южную Америку, Голландии – Восточную Индию, Швеции – Россию.

И вот уже Молчанов заламывает руки в наигранном ужасе: «Нашей родине угрожало колониальное рабство» [126].

Да полноте... Поневоле припоминается русский лубок времен Крымской войны: «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон поражает Русь на карте указательным перстом»...

То, что этот план придумал «сам» Лейбниц, еще ни о чем не говорит.

«Россия – не Африка», как выражался казачий урядник из романа Пикчуля. Вряд ли у Швеции хватило бы сил не то что «колонизовать» Россию – отхватить кусок территории. Это сваям не удалось даже в тяжелейшие времена Смуты... И потом, вся колониальная экспансия, как бы энергично она ни проводилась, никоим образом не уберегла Европу от войн – а следовательно, «план Лейбница» остается очередной утопией, согласно известной русской солдатской песне совершенно не учитывавшей овраги...

Лично мне гораздо ближе точка зрения историка П.Н. Милюкова, писавшего: «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы... Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие». В первом томе «Истории России», вышедшей в 1935 г. на французском языке в Париже под редакцией Милюкова, глава о петровских преобразованиях имеет многозначительный заголовок: «Результаты реформы: хаос».

И, наконец, во времена петровского правления наблюдались две любопытных «развилки в истории» – точки, где отечественная история могла свернуть на другие рельсы.

Первая развилка касается Петербурга, который при определенных обстоятельствах мог и не подняться на берегах Невы. Если бы Петр захватил Ригу на несколько лет раньше, а не в 1710 г., в постройке Санкт-Петербурга не было бы ровным счетом никакой нужды. Рига являлась уже *готовым* портом на Балтике, мало того, ее гавань была свободна ото льда на целых шесть недель дольше, чем Невская губа. В новой *столице* у Петра, в общем, не было особой необходимости – ему нужны были крепость на Балтике и порт, позволивший бы вести морскую торговлю по той же Балтике, в обход Архангельска. Обоим условиям вполне отвечала Рига. Окажись она в руках Петра году в 1702-м, десятки тысяч людей не погибли бы в непосильных трудах посреди гнилых болот. Правда, при этом варианте не было бы Эрмитажа и многого другого, но когда вопрос стоит именно так, лучше уж обойтись без Адмиралтейства и Эрмитажа...

Виртуальность, вернее, «развилка» номер два – судьба Елизаветы Петровны. В 1722 г. Петр всерьез намеревался выдать ее за одного из принцев французского королевского дома, юного герцога Шартрского, а впоследствии, после смерти тогдашнего польского короля Августа Саксонского, посадить зятя с дочерью на польский престол.

Интереснейшая виртуальность! В случае ее осуществления я не берусь наскоро просчитывать возможные варианты, оставляя это другим. Возможно, Елизавета при этом раскладе никогда не оказалась бы на русском престоле. Возможно, Жечь Посполита избегла бы раздела.

Возможно, обе страны образовали бы единую державу... Увы, мне просто некогда в рамках этой книги решать столь сложные уравнения.

В реальной жизни брак не сложился – из-за происков английского короля Георга I, старого недруга Петра. Герцог Шартрский в конце концов женился на немецкой принцессе, а Елизавета осталась дома...

Смерть идеалиста

...Слишком все очевидно?

Когда заходит речь о Петре III – первом в восемнадцатом столетии законном императоре России, стоит подчеркнуть сразу: в удивительном единодушии сливаются те, кто обычно согласия меж собой достигнуть ни за что не способны. И если оппонент скажет «белое», из чистой вредности начнут кричать: «Черное!».

Есть, однако, исключения... К примеру, числящийся среди либералов и демократов питерский историк Е.В. Анисимов и один из самых упертых «национал-патриотов» москвич М. Лобанов поносят Петра чуть ли не одинаковыми словесами. «Недалекий» – рубит сплеча питерец. «Холуй Пруссии, враждебный всему русскому, – подхватывает москвич. – Слишком все очевидно».

Очевидно? Недолгое царствование Петра III, его незаурядные реформы были настолько оболганы и вымазаны черной краской, что чуть ли не двести лет историческая наука вместо объективного подхода пробавлялась сплетнями и анекдотами о Петре, – а следом тянулась и литература.

Причины лежат на поверхности. Беспристрастные свидетели, те, кто находился рядом с Петром, либо предали его, либо более тридцати лет провели в своих отдаленных имениях. И вдобавок три главных создателя легенды о «дурачке» и «прусском холуе» были, надо признать, людьми в высшей степени незаурядными...

Это, во-первых, сама Екатерина II. Во-вторых, княгиня Екатерина Дашкова. И последний – Андрей Болотов. Личности крупные и интереснейшие. Дашкова – филолог и писательница, директор Петербургской Академии наук и президент основанной при ее прямом участии Российской Академии (занимавшейся разработкой русского языка и литературы). Болотов – офицер в отставке, ученый и писатель, один из основоположников русской агрономической науки, автор классического труда «О разделении полей» и многотомных любопытнейших воспоминаний. Авторитет их в свое время был слишком велик. Настолько, что совершенно забытыми оказались другие мнения: мало кто помнит, что весьма положительную оценку Петру в бытность его и наследником, и императором дали столь видные деятели русской культуры, как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Я.Я. Штелин. А Гаврила Державин назвал ликвидацию Петром жуткой Тайной канцелярии «монументом

милосердия»... Карамзин еще в 1797 г. решительно заявлял: «Обманутая Европа все это время судила об этом государе со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников...»

Побудительные мотивы «тройки критиков» предельно ясны. Екатерина II, свергнувшая супруга и молчаливо одобрявшая его убийство кучкой гвардейской сволочи, более всех остальных нуждалась в том, чтобы создать образ кретина и предателя русских интересов. Дашкова – ее сподвижница по перевороту, а кроме того, княгиней двигали чисто личные причины (любовницей Петра, крестного отца Дашковой, была ее родная сестра Елизавета Воронцова). Болотов – давний приятель Григория Орлова. Все трое задним числом поливали грязью покойника – и, скорее всего, сами верили в то, что писали...

Хотя шитые белыми нитками места видны невооруженным глазом. Типичнейший пример: до своего вступления на престол Екатерина выражалась о муже следующим образом: «Тогда я впервые увидела великого князя, который был действительно красив, любезен и хорошо воспитан. Про одиннадцатилетнего мальчика рассказывали прямо-таки чудеса». В окончательном варианте своих «Записок», десятилетия спустя, императрица решительно «меняет показания»: «Тут я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонен к пьянству, что приближенные не дают ему напиваться за столом». С великолепным пренебрежением к логике Петр в одном месте обвиняется в «неспособности исполнять супружеский долг», а в другом – в амурах с Елизаветой Воронцовой, на которой, вот наглость, возмечтал жениться (учитывая, что Екатерина к тому времени меняла любовников, как перчатки, откровенно пренебрегая мужем, желание Петра вступить в новый брак вовсе не выглядит ни странным, ни глупым^[85]).

Дашкова, поддерживая легенду о «глупости» Петра, сама же приводит высказывание, с которым к ней однажды обратился Петр: «Дочь моя, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон» [54].

Впоследствии все произошло именно так: императрица отбросила Дашкову, как выжатый лимон...

Болотов, собравший немало анекдотов о «ничтожном» монархе и отстаивавший версию о «всенародном возмущении» императором, однажды проговаривается: «Как вдруг получаем мы то важное и всех нас до крайности поразившее известие, что произошла у нас в Петербурге известная революция...» «Не могу и поныне забыть того, как много

удивлялись все тогда такой великой и НЕОЖИДАННОЙ перемене, как и была она всем поразительна...» [16].

Прав ли Болотов, утверждая, что Петр «возбудил в народе на себя ропот и неудовольствие», «сие народное неудовольствие было велико»?

Никоим образом. Сохранившиеся свидетельства рисуют совершенно иную картину. Впрочем, начнем по порядку и подробно рассмотрим главные обвинения (они же – мифы) против Петра.

Миф 1. «Петр питал нездоровое поклонение перед Фридрихом и предал интересы России, отдав Фридриху завоеванную русскими Восточную Пруссию. Общественное мнение России было возмущено миром с Пруссией».

Начнем с того, что никакого «общественного мнения» в России тогда не существовало и существовать не могло. Как не существовало ничего подобного в других абсолютистских державах – во Франции, в Пруссии, Австрийской империи. В те годы только Англия могла похвастаться тем, что можно назвать общественным мнением: независимые газеты, независимые депутаты парламента (правда, при необходимости редакторов запросто ставили к позорному столбу, а депутатов отправляли за решетку, но это уже другая история).

Быть может, «всенародное возмущение» охватило русские полки, воевавшие с Фридрихом?

Позвольте этому не поверить. Солдат всегда, везде, во все времена радовался окончанию войны – только безумец может испытывать сожаление, узнав, что идти на смерть отныне не придется. Тем более, что речь шла не о войне ради защиты родины от вторгшегося неприятеля, – вряд ли русский солдат знал толком, ради чего его погнали за тридевять земель и заставили сражаться с пруссаками. Разумеется, русские в этой войне проявили самый высокий героизм – но цели войны были их пониманию чужды.

У России просто-напросто не имелось *своих* поводов для войны, не было меж Пруссией и Россией противоречий, требовавших решения посредством войны! В Семилетнюю войну Россию откровенно *втащили* Англия и Франция, используя в качестве неисчерпаемого резерва пушечного мяса, для решения своих проблем. Не зря императрица Елизавета Петровна долго и упорно противилась объявлению войны Пруссии, но ее буквально вынудила к этому придворная клика во главе с великим канцлером Бестужевым, продажной шкурой, бравшей взятки едва ли не со всех европейских дворов. «Союзники» России преследовали свои цели, а канцлер Бестужев отработывал «дачи» – только и всего...

Безусловно, Петр III относился к Фридриху с нескрываемым уважением, но почему он не имел права уважать одного из лучших европейских полководцев того времени? Нелишне вспомнить, что сама Дашкова называла Фридриха «самым великим государем».

Сцены, когда Петр якобы целовал портрет Фридриха или становился перед ним на колени, – не более чем злые анекдоты. Прилежно записавший их Болотов честно признавался: «Самому мне происшествия сего не доводилось видеть, а говорили только тогда все о том». О многом можно сказать именно так: никто не видел, но все говорили...

Будучи еще великим князем, Петр, по свидетельству Штелина, «говорил свободно, что императрицу обманывают в отношении к прусскому королю, что австрийцы нас подкупают, а французы обманывают. Мы со временем будем каяться, что вошли в союз с Австрией и Францией».

Последующие события доказали, что эти слова были прямо-таки пророчеством. Французская армия дважды вторглась на территорию России, а Австрия всегда вела враждебную России политику (взять хотя бы классический пример, когда во время Крымской войны пришлось держать на австрийской границе целую армию, чтобы предупредить вполне возможное вторжение). И наоборот: с 1762-го по 1914-й год не было ни единого военного конфликта меж Пруссией (Германией) и Россией. Да и война 1914-го года – если вдуматься, трагическое недоразумение, по большому счету, ненужное обеим державам...

До сих пор никто из историков, писавших о русско-прусской войне, не придавал *нового* значения так называемому делу Зубарева, одной из загадок XVIII века...

Напомню вкратце. В Пруссии был задержан тобольский мещанин Иван Зубарев, старообрядец, имевший какие-то дела с тамошними собратьями по вере. Согласно официальной версии, он был завербован прусской разведкой, получил даже патент на чин полковника прусской службы – и отправлен в Россию, будто бы устроить там бунт против Елизаветы, освободить из заключения в Холмогорах свергнутого императора Иоанна Антоновича. Причем в Холмогоры якобы должны были приплыть на помощь прусские военные корабли...

Дело Зубарева всегда вызывало интерес своими странностями: по сохранившимся свидетельствам, с тоболяком отчего-то обошлись в России предельно мягко – всего-навсего отправили в ссылку, а там, по некоторым данным и вовсе простили. Именно эта мягкость позволила некоторым историкам выдвинуть версию, что мнимый раскольник был русским разведчиком, внедрившимся в секретную службу Фридриха.

Никто, повторяю, не занимался *третьей* возможной версией. Зубарев мог оказаться не перевербованным эмигрантом и не русским контрразведчиком, а одним из агентов великого канцлера Бестужева. Вся эта операция могла быть затеяна с вульгарной целью окончательно склонить Елизавету к войне с Пруссией. Трудно представить, чтобы Фридрих, реалист до мозга костей, всерьез мог планировать морской рейд в Холмогоры. Да и зачем ему был нужен забытый всеми Иоанн Антонович, если симпатии к прусскому королю недвусмысленно высказывали и наследник русского престола Петр, и его супруга Екатерина?! История убеждает нас, что от Бестужева можно было ждать любой подлости, – достоверно известно, что прусская разведка в свое время перехватила письмо Бестужева, в котором *русский* канцлер советует саксонскому канцлеру графу Брюлю... отравить *русского* резидента в Саксонии, не согласного с политикой Бестужева! Так что «прусский полковник Зубарев» вполне мог, подготовленный Бестужевым, сыграть роль той самой последней капли, переполнившей чашу терпения Елизаветы. Всю жизнь императрица панически боялась, что ее свергнут с престола, как она сама свергла Брауншвейгскую фамилию. Всю жизнь она опасалась, что кто-то попытается освободить Иоанна Антоновича. Тут как нельзя более кстати появляется «посланец Фридриха», якобы собравшегося устроить в России заговор в пользу Иоанна... Последние колебания отброшены, и русская армия увязает в бессмысленной войне с Пруссией.

Между прочим, идея заключения мира с Пруссией принадлежит отнюдь не Петру III. Еще при жизни Елизаветы, в последние месяцы ее царствования, великий канцлер Воронцов (сменивший продажного Бестужева) с ведома Елизаветы начал готовить почву для возможного заключения мира – причем, что немаловажно, согласно его плану, Россия как раз и намеревалась отказаться от Восточной Пруссии (которая, собственно говоря, в те времена России была и не особенно нужна)! Таким образом, вступивший на престол Петр лишь довел до логического конца эти планы.

Кстати говоря, и Англия, и Франция пытались в те же самые месяцы заключить с Фридрихом сепаратный мир за спиной России! Так что «предательство интересов России», приписываемое Петру, ничего общего с предательством не имеет.

Еще и оттого, что Петр вовсе не собирался «отдавать» Фридриху Восточную Пруссию. Ко дню убийства Петра русские войска все еще *оставались* в Восточной Пруссии – согласно двум подписанным Петром и Фридрихом трактатам, по которым Россия имела право вовсе остановить

вывод своих войск в случае обострения международной обстановки.

Она и остановила. Сохранился указ Петра, предписывающий ввиду «продолжающихся в Европе беспокойств» не только не выводить войска, но и пополнить новыми запасами армейские склады в Восточной Пруссии, а также отправить к берегам Восточной Пруссии кронштадтскую эскадру, чтобы прикрывать русские торговые суда [129].

Как видим, ни «предательства», ни «возвращения» Восточной Пруссии Фридриху не последовало. Австрийский посланник в Петербурге Ф. Мерси так и сообщал в Вену о действиях Петра: «Теперь он не может выпустить из рук королевство Пруссию».

Кто же «выпустил из рук» Восточную Пруссию?

Екатерина!

Одним из первых ее распоряжений после свержения Петра стал приказ расквартированным в Восточной Пруссии русским полкам форсированными темпами возвращаться на родину. А два года спустя Екатерина подписала с Фридрихом новый союзный договор, ряд статей которого без малейших изменений был взят из того самого, «предательского», договора Петра... И упрекать ее за это нет необходимости – политическая реальность того времени такова, что союз с Пруссией был России необходим, поскольку позволял с легкостью отразить попытки любой третьей державы установить в Европе свою гегемонию.

Миф 2. «Петр хотел втравить Россию в войну с Данией из-за своего Шлезвиг-Гольштейнского герцогства, и это предприятие было чуждо российским интересам».

Петр (остававшийся законным герцогом Шлезвиг-Гольштейнским) и в самом деле всерьез намеревался отвоевать свои владения, не так давно захваченные датчанами. Но была ли эта война ненужной России?

Вряд ли. Любопытнейший парадокс как раз и заключается в том, что, какими бы мотивами ни было продиктовано решение Петра, включение в состав России Шлезвиг-Гольштейна влекло за собой прямо-таки фантастические стратегические перспективы!

Достаточно взглянуть на подробную карту, чтобы убедиться: держава, владеющая Шлезвиг-Гольштейном, автоматически получает два важнейших военно-стратегических преимущества: во-первых, открывает своему флоту доступ в Северное море, во-вторых, способна без особого труда блокировать выходы из Балтийского моря. Шлезвиг – это ключ и к Балтике, и к важнейшим торговым путям, связывающим Англию с остальным миром.

И это блестяще доказывает поведение Пруссии в отношении

Шлезвига. Чтобы завладеть им впоследствии, Пруссия без колебаний развязала две войны с Данией. Первую, в 1848–1850, она проиграла, но в 1864-м, взяв в союзники Австрию, напала на Данию вновь и не прекращала военных действий, пока не добилась передачи ей Шлезвиг-Гольштейна. Именно на территории этого герцогства, в Киле, была построена крупнейшая база военно-морского флота Германской империи...

Миф 3. «Петр намеревался уничтожить православную церковь».

Росскaзни о том, что Петр якобы намеревался «обрить православных священников», а то и вовсе уничтожить православную церковь – из разряда все тех же анекдотов, выдаваемых за серьезные сообщения о реальных событиях. Достоверности здесь столько же, сколько и в «мемуарах» фрейлины В.Н. Головиной, которыми сплошь и рядом пользуются как достоверным источником, хотя звание фрейлины Головина получила лишь в 1782 г., а на свет появилась... через четыре года после убийства Петра.

Эта байка была пущена в ход Екатериной, чтобы привлечь на свою сторону церковных иерархов. А основывалась она на вполне реальном, но не имевшем ничего общего с «уничтожением церкви» событии – на намерениях Петра отобрать у церкви ее земельные владения.

Как и во многих своих начинаниях, Петр и здесь был не оригинален – более того, он просто-напросто хотел довести до логического конца процесс, начатый за сотни лет до него русскими великими князьями и царями...

Еще Иван III (однажды преспокойно приказавший высечь на людях архимандрита Чудова монастыря) всерьез подумывал о секуляризации, т.е. переводе в светское владение обширных монастырских и церковных земель. Кое-какие шаги к этому пытался предпринять Иван Грозный на знаменитом Стоглавом соборе, но церковь в те времена представляла собой силу, перед которой пришлось отступить и Грозному... Михаил и Алексей Михайлович Романовы всячески пытались ограничить возможности церкви в приобретении новых владений, порой прямо запрещая подданным жертвовать церквам и монастырям как земли, так и крестьян. Пытался «отписать на государство» церковные владения и Петр I – но даже «дракону московскому» пришлось отступить. Даже крайне набожная Елизавета в 1757 г. разработала схожий проект – но не рискнула ввести его в действие. Объяснение лежит на поверхности: обладавшие особым статусом обширнейшие владения церкви попросту мешали нормальному развитию экономики, и это прекрасно понимали за сотни лет до Петра III.

Мало того, в самой православной церкви несколько сотен лет шла ожесточенная борьба иерархов с так называемыми нестяжателями –

начиная с «ереси стригольников» (30-е годы XIV в.). Нестяжатели как раз и протестовали против превращения церкви в собственника-феодала – впрочем, началось это даже не со стригольников, а с выступлений известного проповедника XII в. Кирилла Туровского и его последователей... На знаменитом соборе 1274 г. во Владимире предшественники нестяжателей четко сформулировали свою точку зрения: «Невозможно и Богу работати, и мамоне».

Подробно рассматривать эту сложнейшую тему я не буду, поскольку пришлось бы писать отдельную (и претолстую) книгу, чтобы рассказать о многолетних дискуссиях, ожесточенных словопрениях на церковных соборах, сожжениях на костре еретиков-реформаторов, о Феодосии Косом, Максиме Греке, Вассиане Патрикееве, дьяках Курицыных, о перекличке идей «нестяжателей» с идеями католиков-францисканцев и многим, многим другом... Повторю лишь: намерение Петра III отобрать у монастырей их огромные поместья было не более чем логическим завершением многовекового процесса, идей и стремлений, не завезенных из Германии, а родившихся в самой России. Зачислять Петра в гонители православной церкви нет никаких оснований. Скорее наоборот – именно Петр был инициатором договора от 8 июня 1762 г., по которому Россия обязывалась защищать права и интересы православного населения Жечи Посполитой. А русский посланник в Вене Голицын получил от Петра указание вручить резкую ноту венецианскому послу «по причине претерпеваемых греческого вероисповедания народом великих от римского священства обид и притеснений». Из отчета Голицына явствует, что власти Венецианской республики вынуждены были принять соответствующие указы, ограждающие права своих православных подданных...

Кстати, Екатерина (по сути, за все время своего царствования осуществлявшая *намеченное* Петром), укрепившись на престоле... преспокойно провела секуляризацию монастырских и церковных земель. В масштабах, неизмеримо превосходивших намерения Петра! Ростовский митрополит Арсений Мациевич, энергично протестовавший против этой идеи и в царствование Елизаветы, и при Петре (и не подвергшийся за это никаким репрессиям), направил в синод очередной протест, в простоте душевной полагая, что тронуть его не посмеют, коли уж не тронули предшественники Екатерины.

Митрополит жестоко заблуждался – Екатерина немедленно приказала арестовать одного из самых выдающихся церковных иерархов и незамедлительно судить за «оскорбление величества». Когда бывший канцлер Бестужев попытался заступиться за Арсения, Екатерина ответила

холодным письмом, где были и такие примечательные строки: «Стоит вспомнить, что прежде, без всяких церемоний и соблюдения приличий, в делах, без сомнения, гораздо менее важных, духовным особам сносили головы. Не представляю, как мне сохранить мир в государстве и порядок в народе (не говоря уж о защите и сохранении данной мне Богом власти), если виновный не будет покаран» [242].

Ангелица кротости и всемилостивая мать Отечества...

Все же казнить строптивного митрополита Екатерина не решилась – очень уж был популярен в стране. Однако Арсения лишили сана, назвали «смердом Андрейкою» и сослали в отдаленный монастырь посреди карельских лесов, фактически в заключение. (Ради вящей справедливости нужно уточнить, что «проштемпелевал» решение императрицы суд из семи церковных иерархов – митрополиты Новгородский и Московский, архиепископы Петербургский и Крутицкий, епископы Псковский и Тверской, архимандрит Новоспасского монастыря.)

По непонятной мне логике мышления, Петр, тем не менее, до сих пор выставляется врагом православия, питавшим на его счет самые коварные замыслы. Зато о здравии Екатерины молились во всех церквах...

186 дней

Ровно столько Петр просидел на престоле – всего полгода. И сделано за эти полгода было столько, что, продержись Петр на троне еще пару лет, Россия могла окончательно свернуть с ублюдочного пути «кнута и топора», пути, на который ее загнали Иван Грозный и Петр I.

Даже открытые недоброжелатели Петра III – вроде А. Болотова и австрийского посланника Мерси-Аржанто отмечали привлекательные стороны его характера – жажду деятельности, неутомимость, доброту и доверчивость. Только французский посол Бретейль отчего-то именовал Петра «деспотом» и «северным тираном», но характеристику Бретейля «туп, как табурет» В. Пикуль не выдумал сам, а взял из свидетельств современников...

Деспот и тиран ни за что не ликвидировал бы страшную Тайную канцелярию. Деспот и тиран никогда не стал бы ходить по столице без охраны. Деспот и тиран пытал бы, ссылал и казнил, но ничего подобного Петр не делал.

Его указ об амнистии раскольников, которым позволялось вернуться в Россию и свободно исповедовать свою веру, был как раз разрывом с деспотической практикой Петра I. Кроме того, разрешалось возвращаться «без всякой боязни и страха» бежавшим за рубеж «великороссийским и малороссийским разного звания людям, также купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и воинским дезертирам». Подобных амнистий не бывало ни при предшественниках Петра, ни при его венценосных преемниках... Любопытно, что многие положения петровского указа о веротерпимости во многом совпадали с соображениями, изложенными М.В. Ломоносовым в трактате «О сохранении и размножении российского народа». Именно Ломоносов подробно рассмотрел ущерб, происходивший от бегства старообрядцев за границу, и предлагал отказаться от насильственных методов в борьбе с ними. (Кстати, взгляды Петра III и Ломоносова на полную бесцельность Семилетней войны опять-таки совпадают – заметки Ломоносова ноября 1761 г. и письмо Петра Елизавете от 17 января 1760 г. чуть ли не дословно повторяют друг друга.)

Именно Петр III отменил зловещее «слово и дело». Именно при Петре III впервые в русском законодательстве убийство крепостных было квалифицировано как «тиранское мучение». И принимались

соответствующие меры: у помещицы Е.Н. Гольштейн-Бек отобрали в казну имение за «недостойное поведение» и плохое управление хозяйством, способное повлечь за собой разорение крестьян. Помещицу Зотову, пытавшую своих дворовых, постригли в монахини, а имущество конфисковали для выплаты компенсации пострадавшим. Воронежского поручика Нестерова за «доведение до смерти дворового человека» навечно сослали в Нерчинск. (Кстати, определенное количество монастырских крестьян Петр успел перевести в государственные – а этой категории землепашцев жилось не в пример легче.) Мартовский именной указ запрещал отныне наказывать нижних чинов батогами и «кошками» (девятихвостыми плетками).

Многие реформы Петра откровенно направляли Россию вместо крепостнического пути развития на буржуазный. Петр решительно выступил против проекта Р.И. Воронцова, закреплявшего монополию на землевладение и занятия промышленностью исключительно за дворянством. Планы Петра были другими: «Рассматривает все сословия в государстве и имеет намерение поручить составить проект, как поднять мещанское сословие в городах России, чтобы оно было поставлено на немецкую ногу, и как поощрить их промышленность».

За одно это намерение Петр заслуживал памятника. Первая и главнейшая причина отсталости России – как раз отсутствие сильного «третьего сословия», подобного западноевропейскому (кстати, полнейшее пренебрежение поляков к «третьему сословию» сыграло не последнюю роль в крахе Жечи Посполитой). Одновременно Петр издал несколько указов о коммерции, которыми запрещал ввозить из-за границы сахар, сырье для ситценабивных фабрик и другие виды продукции, производство которой вполне может быть налажено в России (легко догадаться, что эти указы могли привести лишь к развитию отечественной промышленности, и никак иначе). Кроме того, Петр ввел поистине революционное новшество – запретил владельцам фабрик и заводов покупать себе крестьян в рабочие и повелел «довольствоваться вольными наемными по паспортам за договорную плату». Правда, закрепить за монастырскими крестьянами земли, которые они фактически обрабатывали, Петр уже не успел, а Екатерина именно *это* его намерение осуществлять не стала, предпочитая раздавать крестьян в крепостные своим любовникам...

Сохранилось много свидетельств того, что Петр питал устойчивый интерес к нуждам университетов и прекрасно понимал пользу народного просвещения. Особенно ярко это проявилось, когда Петр, будучи еще наследником престола, был назначен главнокомандующим сухопутного

шляхетского кадетского корпуса. Это заведение для обучения дворянской молодежи было основано в 1731 г. по инициативе видного русского государственного и военного деятеля фельдмаршала Миниха. Там учились видные писатели Сумароков и Херасков, основоположник русского профессионального театра Федор Волков. Есть масса документов, доказывающих, что постоянная забота Петра о корпусе не походила ни на каприз, ни на прихоть. Так же обстояло и с Кильским университетом.

Наконец, нужно обязательно вспомнить об указе Петра «О вольности дворянской». Вопреки устоявшемуся мнению, этот указ вовсе не означал некоего «права на всеобщее безделье» дворянства. Наоборот, он всего лишь ликвидировал тяжелое наследство «дракона московского», когда люди, вопреки и состоянию здоровья, и личному желанию, и способностям, обязаны были прямо-таки каторжным образом служить четверть века. Петр III заявил, что отныне не видит необходимости в «принуждении к службе».

Указ подробно регламентировал все стороны жизни дворян – как раз для того, чтобы вольности не превратились в беспредел. Выходить в отставку разрешалось только в мирное время, это правило утрачивало силу во время военных действий, а также за три месяца до их начала. Было разрешено поступать на службу за рубежом – но только в «союзные» державы, с обязательством по первому требованию вернуться в Россию. Родители всякого дворянского недоросля по достижении им 12 лет обязаны были письменно отчитаться, чему их сын обучен, желает ли учиться дальше, и если да, то где (сравните с воспоминаниями Головина об обычаях Петра I). Вовсе уж новаторским было установление некоего «прожиточного минимума» – те, кто имел менее тысячи крепостных, должны были определять детей в Кадетский корпус. Тех, кто вздумал бы оставить детей «без обучения пристойных благородному дворянству наук», Петр III прямо пугал «тяжким нашим гневом». Тех, кто станет уклоняться от надлежащего обучения детей, предлагалось рассматривать «как нерадивых о добре общем» и презирать «всем нашим верноподданным и истинным сынам Отечества». Им запрещалось не только появляться при дворе, но и бывать «в публичных собраниях и торжествах».

Конечно, многие дворяне, получив вдруг возможность невозбранно вернуться в свои поместья, использовали нежданную свободу исключительно для того, чтобы трескать водочку и таскать в баню крепостных девок. Но немало было и других – тех, кто занимался в своих имениях науками, собиранием библиотек, просвещением. Достаточно вспомнить Болотова, именно благодаря указу Петра ставшего крупным ученым.

Неудивительно, что Сенат намеревался «от имени благодарного дворянства» воздвигнуть золотую статую императору. Известен ответ Петра: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных».

С легкой руки вышеупоминавшейся тройцы распространилось (и впоследствии без малейших поправок перешло в советскую историографию) мнение, будто все эти указы дурачку-Петру «подсовывали» мудрые приближенные, а он подмахивал не глядя. Однако уцелело достаточно документов, чтобы неопровержимо доказать: практически все реформы Петра были его *личной* инициативой, приходившей в голову не «вдруг», а после долгого изучения тех или иных вопросов, напряженной интеллектуальной деятельности. Не зря после смерти Петра эти «мудрые» приближенные как-то враз растеряли «мудрость», зато Екатерина многие годы проводила в жизнь почти все намеченное Петром (разумеется, приписывая себе авторство).

Ее почитатели (и прошлые, и современные) почти доходят до смешного. Уже цитированные Заичкин и Почкаев^[86], надо отдать им должное, в своем толстенном труде старательно перечисляют реформы и нововведения Петра, однако делают ошеломляющее заключение: «Указы не принесли Петру III желаемой популярности».

Не принесли?! Лучшее свидетельство популярности Петра в простом народе – прямо-таки фантастическое количество самозванных Петров Федоровичей, на порядок превосходящее число двойников каких бы то ни было иных венценосных особ. Мало того, даже за пределами Российской империи использование имени Петра приводило к любопытнейшим результатам... Один из предводителей восстания чешских крестьян в Австрийской империи (1775 г.) выдал себя за... «русского принца». Знаменитый Степан Малый, балканский самозванец, выдавая себя за Петра III, стал правителем Черногории (а впоследствии дошло до того, что появился... Лжестепан Малый!).

Если это не популярность, что же такое популярность вообще?

Янычары

У цитировавшейся выше фразы Карамзина есть продолжение: «... Строгий суд истории, без сомнения, его упрекнет во многих ошибках, но та, которая его погубила, звалась – слабость».

Не столько «слабость», сколько – «благородство». Петр III проиграл Екатерине исключительно из-за самых привлекательных сторон своего характера – благородства, доброты, гуманности. Простодушно полагая, что коли уж он законный государь, опасаться ему нечего, Петр попросту забыл, что находится в России, где способен выжить и удержаться на троне только самодержец, не боящийся проливать кровь...

Зато Екатерина, даром что чистокровная немка, это прекрасно помнила. И сподвижников себе подобрала соответствующих. По сути, совершенный ею переворот мало чем отличается от поведения современной вульгарной бабенки, вздумавшей оттяпать при разводе мужнину жилплощадь, – разница только в масштабах...

Признаться, я испытываю к этой стерве нечто вроде суеверного уважения – именно из-за масштабов стервозности. Захватить власть в одной из величайших европейских империй и изменить судьбу державы на сотни лет вперед исключительно для того, чтобы отделаться от ненавистного мужа, – это все же впечатляет...

И жажда власти, конечно. В своих записках Екатерина предельно откровенна: «Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился, я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа... никогда мы не говорили между собою на языке любви: не мне было начинать этот разговор».

Именно эти и подобные строки укрепляют в убеждении, что Павел не был сыном Петра. Свидетельство Дашковой «Петр III был совершенно равнодушен к великому князю Павлу и никогда его не видал» подкрепляется сообщениями из других источников. А потому можно смело говорить, что Петр был *последним* Романовым на русском троне.

Почему же немка без капельки русской крови смогла свергнуть родного внука Петра I?

Ответ прост и заключается в одном-единственном слове.

Гвардия.

У Екатерины была поддержка большинства гвардии, а у Петра ее не

было. И неудивительно. Петр относился к гвардии именно так, как она этого заслуживала, зато Екатерина сыграла на самых низменных струнках души тупого и никчемного сброда, именовавшегося «русской гвардией».

Возможно, кому-то такая оценка покажется излишне резкой. Что ж, рассмотрим тему подробнее...

Начать следует с того, что после смерти Петра I русская гвардия *никогда* (вплоть до 1914 г.!) не участвовала в военных действиях. Вообще не воевала. Даже Дашкова скороговоркой упомянула: «Гвардейские полки играли значительную роль при дворе, так как составляли КАК БЫ ЧАСТЬ ДВОРЦОВОГО ШТАТА. Они не ходили на войну; князь Трубецкой (генерал-фельдмаршал русской армии! – А.Б.) не исполнял своих обязанностей командира».

Более подробно развивает тему Андрей Болотов: «К числу многих беспорядков, господствовавших в гвардии, принадлежало и то, что все гвардейские полки набиты были множеством офицеров; но из них и половина не находилась при полках, а жили они отчасти в Москве и в других губернских городах и вместо несения службы только лытали, вертопрашили, мотали, играли в карты и утопали в роскоши; и за все сие ежегодно производились, и с такою поспешностью, в высшие чины, что меньше нежели через 10 лет из прапорщиков дослуживались до бригадирских^[87] чинов и по самому тому никогда и ни в которое время не было у нас так много бригадиров... нужно было только попасть в гвардейские офицеры, как уже всякий и начинает, так сказать, лететь, и, получая с каждым годом новый чин, в немногие годы, нередко, лежа на боку, дослуживался до капитанов; а тогда тотчас выходил либо в армейские полковники^[88] и получал полк с доходом, в несколько десятков тысяч состоящим, либо отставлялся бригадиром» [73].

Это описание относится к последним годам царствования Екатерины, но во времена Петра III все обстояло точно так же (разве что не было чина бригадира). Новорожденных (а иногда еще и пребывающих в материнской утробе^[89]) тут же, пользуясь связями, записывали рядовыми или сержантами в гвардию, и, достигнув совершеннолетия, недоросль, благодаря мнимой «выслуге лет», становился офицером, хотя в жизни не бывал в «своем» полку...

Многозначительная деталь: в штатном обозе гвардейского полка простому сержанту для его пожитков совершенно официально, согласно уставу, отводилось *шестнадцать* повозок. Для сравнения: армейский полковник имел право только на *пять*... [110]

Никакого обучения военному делу практически не существовало – не только для «заочных» гвардейцев, но и для тех, кто находился в строю. Лишь кое-как обучали держать строй и не путать правую ногу с левой да объясняли, где следует дернуть у ружья, чтобы оно выпалило... Главной и единственной обязанностью гвардейцев было стоять в карауле во дворце. Сплошь и рядом «господа гвардия» отправлялись исполнять эту почетную обязанность, едва держась на ногах (и тридцать лет спустя Павел I будет снимать с постов вдрызг пьяных гвардейцев – на улицах Петербурга, среди бела дня...).

Стоит ли удивляться, что Петр (всегда заботившийся об армии и флоте, что подтверждается многочисленными документами) к гвардии относился без малейшего уважения, еще будучи наследником, называл гвардейцев «янычарами» и говорил: «Они только блокируют резиденцию, неспособны ни к какому труду, ни к военным занятиям и всегда опасны для правительства».

В этом отзыве нет ни малейших преувеличений. Если называть вещи своими именами, картина рисуется самая неприглядная: многотысячное скопище бездельников десятилетиями жрет, пьет и роскошествует за государственный счет, не принося стране ни малейшей пользы... Петр с первых дней своего царствования попытался указать «янычарам» их настоящее место. Для начала он упразднил лейб-компанию – гвардейскую роту, чьей единственной заслугой было участие в возведении на престол Елизаветы. Затем издал вполне здравое и толковое распоряжение, согласно которому все до единого, числившиеся гвардейскими офицерами, должны были соизволить нацепить соответствующие мундиры (многие – впервые в жизни) и исполнять отныне свои служебные обязанности.

Легко понять, что гвардию этот указ привел в злобный ужас – кое-кто и представления не имел, где расположены «его» казармы, а в чем заключаются азы службы, решительно не представлял... Однако император был непреклонен – и на плацу появились ошарашенные господа «офицеры», маршировавшие еще хуже рекрутов Петра I, которым привязывали к ногам пучки сена и соломы. Даже спустя полтора столетия одно из самых здравых решений Петра III лихо именовали «тупым самодурством»... Дашкова оставила примечательные строки: «Гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский прошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида».

Ну еще бы! Кончилось тянувшееся десятилетиями безделье. Гвардию оскорбили самым жесточайшим образом, потребовав от нее *настоящей*

военной службы. Чуть позже Петр поразил «янычаров» в самое сердце, дойдя до крайних пределов «самодурства»: он осмелился заявить, что отправит гвардию на войну! Циничное тиранство сего решения не оставляло императору никаких шансов уцелеть на престоле, вообще выжить... *Такого* гвардия уже не могла перенести – благо под рукой имелась матушка Екатерина, обещавшая вернуть исконно гвардейские вольности... То есть – прежнее сытое безделье.

И все же стоит уточнить: даже в гвардии нашлись честные люди. Вопреки распространенным легендам, агитация сторонников Екатерины среди гвардейцев вовсе не встретила единодушной поддержки. Когда измайловцы и семеновцы уже открыто перешли на сторону Екатерины, преображенцы колебались, кричали, что умрут за Петра. Только после того, как арестовали преображенских офицеров – С.Р. Воронцова, П.И. Измайлова, П.П. Войкова и многих других, – полк удалось вывести на улицы.

Однако и впоследствии, в первые дни после переворота, не было «всеобщего ликования». Один из очевидцев утверждал: «Я лично видел, как один матрос плюнул в лицо гвардейцу, сказав при этом: «Ты, бессовестный тип, продал императора за два рубля». Секретарь французского посланника К-К. Рюльер, очевидец переворота (и ярый сторонник версии о «тупом самодуре»), все же признавал, что видел, как матросы упрекали в кабаках гвардейцев, «что те за пиво продали императора».

Возможно, в Петербурге после успешного переворота и обстояло так, как описывала Дашкова: «Улицы были запружены ликующим народом, благословляющим нас; звон колоколов, священники в облачении на паперти каждой церкви, полковая музыка производили неопишное впечатление».

В Москве (как свидетельствует тот же Рюльер) обстояло несколько иначе. Получив манифест о восшествии Екатерины на трон (где Екатерина, в частности, цинично уверяла, что пойти на этот шаг ее, изволите ли видеть, слезно просили некие «выборные депутаты от народа»), губернатор огласил его перед военным гарнизоном и жителями столицы. Потом выкрикнул здравицу в честь новой государыни.

В ответ – всеобщее молчание, угрюмое, многозначительное и жуткое. Губернатор провозглашает здравицу вторично – и вновь молчание. Только в третий раз «Ура Екатерине!» подхватывают несколько голосов – это кричат стоящие рядом с губернатором офицеры, которым он злым шепотом приказывает немедленно изобразить «глас народа». А тем временем в

солдатских рядах слышится глухой ропот: «Гвардия располагает престолом по своей воле...»

Вскоре Петр III будет убит кучкой пьяных гвардейцев – о возможности такого финала Екатерина, конечно же, и подумать не могла в доброте своей...

Виртуальность

Мог ли Петр III подавить мятеж гвардии?

Без особого труда. Утром 28 июня, едва в Петербурге начались беспорядки, генерал-поручик Михаил Измайлов с несколькими кирасирами прорвался из города и прискакал в Петергоф, где находился Петр. Ярый враг Екатерины, Измайлов не терял ни минуты. Без малейших натяжек можно утверждать: начини Петр действовать *немедленно*, он имел все шансы на победу. Тем более, что в его свите находился человек, который мог уверенно и жестоко раздавить мятежные полки...

Речь идет об одной из заметнейших и славных фигур XVIII столетия – графе и генерал-фельдмаршале Бурхарде Христофоре Минихе. Личность примечательнейшая...

На военную службу Миних попал семнадцатилетним. Двадцать лет воевал в Европе, дослужился до генерал-майора, а в 1721 г. перешел на русскую службу, где прославился не только на поле боя, но и постройкой каналов, шлюзов на Неве, Рогервикской гавани на Балтике, разработкой новых военных уставов. Именно Миних основал в Петербурге Кадетский корпус и ввел в русской армии кирасирские полки, взял Очаков, успешно осуществил рейд в Крым, разбил турок под Хотинском (потеряв всего 70 человек при более чем тысяче убитых с турецкой стороны). Именно Миних арестовывал Бирона, а вскоре и Брауншвейгскую фамилию.

При Елизавете Миних угодил в немилость и был отправлен в ссылку – по злой иронии судьбы, в тот самый домик в Пелыме, который сам же Миних спроектировал для свергнутого Бирона... В Пелыме, в Тобольской губернии, Миних просидел двадцать лет. И ухитрился не просто выжить – сохранить железное здоровье. Упрямый крестьянский внук (предки Миниха были крестьянами, лишь его отец получил дворянство от датского короля Фридриха) разработал подробную и обширную программу выживания – сочинял духовные песни и проповеди, труды по фортификации, военные планы, трактаты о переменах в гражданском управлении, учил обывательских детей, работал на огороде. Спал при этом лишь три часа в сутки – и через двадцать лет вернулся волею Петра в Петербург, не лишившись ни единого зуба, крепкий и бодрый (сохранились воспоминания, что семидесятидевятилетний старик лихо крутил амуры с доступными придворными красотками).

Миних советовал Петру действовать, не теряя ни минуты. Шансы

были огромные – войсками, расквартированными в Прибалтике и Восточной Пруссии, командовал преданный Петру П.А. Румянцев. Кронштадтская крепость еще не успела присягнуть Екатерине, и посланный ею адмирал Талызин до Кронштадта пока что не добрался.

Достаточно было *немедленных* действий – отправить курьеров в Кронштадт, к заграничному корпусу Румянцева (а самому Петру с придворными и голштинскими гвардейцами безотлагательно бежать подальше от Петербурга). Многопушечные линейные корабли Кронштадтской эскадры, войдя в Неву, держали бы под прицелом весь город. Полки Румянцева, обстрелянные и получившие боевое крещение в сражениях с лучшей европейской армией того времени, прусской, без всякого труда втоптали бы в грязь гвардейских бездельников (которых армия откровенно ненавидела). Если только гвардейцы рискнули бы сопротивляться...

Зная железный характер нимало не боявшегося крови Миниха, можно предположить, что Екатерина могла и «совершенно случайно» погибнуть при штурме Петербурга. Уже потом, после ареста Петра, когда императрица спросила Миниха: «Вы хотели против меня сражаться?», старый вояка, не боявшийся уже ни Бога, ни черта, браво ответил: «Так, всемилостивейшая государыня! Я хотел жизнью своей пожертвовать за монарха, который возвратил мне свободу!» Екатерина, взяв со старика клятву верности, восстановила его в прежних должностях, и он еще пять лет, до смерти, находился в непрерывных трудах... [6]

Этот человек, оказись у него власть распоряжаться от имени монарха, мог изменить историю. Увы, Петр промедлил, и это стоило ему жизни. Вряд ли стоит судить его за проявленную нерешительность слишком строго. Дело тут не в простой, «житейской» трусости. Он попросту *не умел* сражаться в таких условиях. В его системе жизненных ценностей с самого начала не предусматривалась возможность *таких* событий. Петр был слишком уж европейцем – а в России это никогда не прощалось. Зато блестящая азиатчина, которой обучилась Екатерина, принесла свои плоды. Россию вновь вернули на дорогу кнута, топора, произвола, взяв из реформ Петра только то, что служило укреплению ничем не ограниченной самодержавной власти. По инерции Екатерина созвала депутатов от дворянства, купечества и крестьян, которые должны были выработать новый свод законов (идея Петра III), но сумела превратить это в пустую говорильню. Зато закрепила украинских землепашцев, до того свободных...

Чтобы дать характеристику «золотому веку Екатерины», вовсе не

обязательно открывать Америк. Достаточно вспомнить строки Пушкина: «Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос оболыщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Последний рыцарь

Тот же «двойной стандарт» был использован на всю катушку в случае с Павлом I. Вновь однотипные события получали совершенно разное толкование. Когда на столе вприсядку плясал пьяный Петр I – это именовалось «государь изволит отдыхать от трудов тяжких». Когда подвыпивший Петр III играл в чехарду со своими гвардейцами – это, легко догадаться, рассматривалось как признак совершеннейшей дебильности. Когда чудесил Суворов (прыгал через стулья, кукарекал, венчал одним махом двадцать пар своих крепостных) – сие почтительно звалось «чудачествами великого человека». Когда гораздо менее безобидно давал выход своим эмоциям Павел I (и в самом деле чуточку эксцентричный) – пресловутое «общественное мнение» распускало сплетни о «коронованном безумце»...

И совершенно как-то упускается из виду, что ославленный «деспотом и безумцем» Павел своей деятельностью (пусть в какой-то степени хаотичной и далеко не всегда продуманной) опять-таки, если и не вносил коренных изменений, то понемногу уводил Россию с пути, ведущего в тупик.

В задачу автора не входит подробно рассматривать недолгое царствование Павла – в последние годы появилось сразу несколько дельных книг, напрочь разрушающих устоявшуюся версию о «коронованном безумце». Я лишь бегло попытаюсь обозреть *толковые* преобразования императора.

Прусский военный агент, отнюдь не бывший горячим поклонником Павла, сообщал на родину: «Император Павел создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина II». Русский мемуарист дополнял эти сведения, называя реформы Павла в области артиллерии «первым шагом к преобразованию и усовершенствованию».

Именно Павел отменил закон о престолонаследии Петра I, принесший России столько бед. Именно Павел снял с крестьян недоимку в семь с лишним миллионов рублей, возместив ущерб для бюджета... за счет новых обложений, коснувшихся исключительно дворян. Именно Павел категорически запретил продавать дворовых и крестьян без земли. Указ, определявший, чтобы крестьяне отныне работали на хозяев лишь три дня в неделю, был высоко оценен беспристрастным наблюдателем – прусским

дипломатом Вегенером: «Закон, столь решительный в этом отношении и не существовавший доселе в России, позволяет рассматривать этот демарш императора как попытку подготовить низший класс нации к состоянию менее рабскому».

Проницательный пруссак зрил в корень – указы и реформы Павла были, по выражению знаменитого Сперанского, «возможным началом целой системы улучшений крестьянского быта». Весьма похоже, что именно под влиянием идей Павла Сперанский и разрабатывал свои проекты реформ несколько лет спустя.

Вовсе уж революционным прорывом было утверждение в сентябре 1800 г. «Постановления о коммерц-коллегии» – фактически новом министерстве торговли и промышленности. Из 23 членов коллегии 13, по замыслу Павла, купцам предписывалось выбрать из своей среды. Впервые в русской истории купцы и заводчики, политически бесправные даже при миллионных капиталах, получали, по сути, места в правительстве.

Александр I уже на пятый день своего царствования поторопился ликвидировать это отцовское нововведение: «...оставя в той коллегии членов, от короны определенных, всех прочих, из купечества на срочное время избранных, отпустить в их дома, и впредь подобные выборы прекратить». «Плешивый щеголь» свои действия мотивировал... заботой о самих купцах, которые, оторванные-де от прежней деятельности, на выборных постах моментально придут в полное ничтожество и разорение... И еще много десятилетий самодуры-городничие (списанные Гоголем с самой что ни на есть доподлинной натуры) таскали купцов за бороды, вымогали взятки и сажали под арест. Вплоть до бесславного падения прогнившей русской монархии купцы и промышленники были отстранены от управления государством (лишь после 1905 г. двое-трое видных буржуа смогли занять второстепенные правительственные должности). В то же самое время британские монархи возводили своих торговцев и промышленников в дворянское достоинство. Именно в пренебрежении наследников Павла к отечественным Карнеги и Вандербилтам крылся корень зла, а вовсе не в мифических «масонских происках» и «кознях большевиков»...

Наконец, самым решительным образом изменить судьбы Европы и мира могло задуманное Павлом военное предприятие – удар русских войск по Индии. Этот план до сих пор именуется «безумной авантюрой», но забывают, что разрабатывался он совместно с Наполеоном, а Бонапарта можно упрекнуть в чем угодно, только не в увлечении утопическими прожеками. План был вполне реальным (схожий, кстати, разрабатывали

позже и генштабисты вермахта) – и при нелюбви индийцев к английским угнетателям появление русских войск за Гиндукушем могло уже в начале XIX века покончить с Британской империей.

Как я ни ломал голову, не мог понять, чем же Наполеон в качестве союзника и компаньона по переделу мира был бы для России хуже англичан. Потому что не вижу никакой глобальной, стратегической пользы от имевшего место англо-русского союза. А вот вреда было предостаточно. Нравится это кому-то или нет, но политика – это в первую очередь способ предоставить своему государству наибольшие выгоды. С этой точки зрения совместные действия России и Франции по разгрому Британии могли повлечь за собой нешуточную выгоду.

Между прочим, сами англичане никогда не страдали даже намеком на романтизм или простое благородство в своей внешней политике, оставаясь жестчайшими прагматиками. Достаточно вспомнить, как в 1801 г. английская эскадра под командованием Нельсона устроила самый настоящий пиратский налет на датскую столицу Копенгаген: внезапно появившись на рейде, английские фрегаты открыли огонь по датским кораблям и городу (притом, что обе страны вовсе не находились в состоянии войны). Мотивировка? Дания могла примкнуть к антибританской коалиции, сколачивавшейся Наполеоном. Не «примкнула» – могла примкнуть. Вот и решено было дать датчанам урок... и ни малейшего стыда англичане не испытывали ни тогда, ни впоследствии. Сохранилось циничное послание Нельсона датскому командованию: «Лорд Нельсон имеет указание пощадить Данию, если она не будет далее оказывать сопротивление, но если датская сторона будет продолжать вести огонь, лорд Нельсон будет вынужден сжечь все ее плавучие батареи, которые были им захвачены, не имея возможности спасти храбрых датчан, защищавших эти батареи» [195, 216].

Другими словами, Нельсон, пиратски напав на город, взял заложников и угрожал их перебить, если защитники столицы не сдадутся... Чем *эти* лучше Бонапарта? (За эту бойню, в которой погибло более двух тысяч человек, Нельсон после возвращения домой удостоился салюта из всех орудий Тауэра и титула виконта. Ордена, на который адмирал рассчитывал, он, правда, не получил – как-никак меж Данией и Англией не было официально объявленного состояния войны, и приходилось соблюдать минимум приличий...)

После бандитского налета на Копенгаген английская эскадра планировала повторить то же самое в Кронштадте и Петербурге и повернула назад, лишь получив известие о смерти Павла...

В этой смерти, как и в убийстве Петра III, виноваты те же персонажи – зажавшиеся гвардейцы. Как и отец, Павел пытался навести порядок, заставить дармоедов служить по-настоящему. Болотов писал: «...не успел вступить на престол, на третий уж день чрез письмо к генерал-прокурору, приказал обвести везде и всюду, чтоб все, уволенные на время в домовые отпуски, гвардейские офицеры непременно и в самой скорости явились к своим полкам, где намерен он был заставить их нести прямую службу, а не по-прежнему наживать себе чины без всяких трудов. И как повеление сие начало, по примеру прочих, производиться в самой точности, то нельзя изобразить, как перетревожились тем все сии тунеядцы, и какая со всех сторон началась скачка и гоньба в Петербург. Из Москвы всех их вытурили даже в несколько часов, и многих выпроваживали даже из города с конвоем...»

«Сии тунеядцы» возьмут свое через четыре года – сначала распространив несметное множество самых грязных слухов и сплетен о мнимом безумии императора. Потом подспеют английские денежки – через любовницу британского посла Уэнтворта Ольгу Жеребцову, сестру екатерининских фаворитов братьев Зубовых. И, взойдя на престол по неостывшему телу отца, Александр I поспешил успокоить сообщников: «Все при мне будет, как при бабушке!» Другими словами – Россия вновь свернула в тупик...

Меж тем сохранились *иные* отзывы о Павле. Прусский посланник Брюль так охарактеризовал в докладе императору реформы Павла: «Недовольны все, кроме городской черни и крестьян». Это вполне перекликалось с воспоминаниями будущего декабриста Фонвизина: «В это бедственное для русского дворянства время бесправное большинство народа на всем пространстве империи оставалось равнодушным к тому, что происходило в Петербурге – до него не касались жестокие меры, угрожавшие дворянству. Простой народ даже любил Павла...»

Коцебу, немецкий литератор и русский разведчик, писал: «Из 36 миллионов русских по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это». Свидетельство Коцебу тем более ценно, что он в свое время побывал в сибирской ссылке по приказу Павла – но сохранил объективность.

Как и генерал Ермолов, при Павле два года просидевший в тюрьме. По свидетельству Фигнера, Ермолов тем не менее «не позволял себе никакой горечи в выражениях... говорил, что у покойного императора были великие черты и исторический его характер еще не определен у нас».

Наполеон назвал Павла Дон Кихотом – без малейшей издевки. Другие

именовали императора «последним рыцарем». В этом есть своеобразный ключ. Павел, помимо всего прочего, определенно пытался создать некую новую идеологию, которая могла бы заменить явственно гниющую идею абсолютизма.

Не успел. В России донкихоты уничтожаются еще быстрее, чем в Испании. Неизбежность гибели Павла лучше всего выразили два человека, находившиеся, если можно так выразиться, на противоположных полюсах: видный декабрист Поджио и начальник тайной полиции при Александре I Санглен. Поджио: «Павел первый обратил внимание на несчастный быт крестьян и определением трехдневного труда в неделю оградил раба от своевольного произвола; но он первый заставил вельмож и вельможниц при встрече с ним выходить из карет и посреди грязи ему преклоняться на коленях, и Павлу не быть!» Санглен: «Павел хотел сильнее укрепить самодержавие, но поступками своими подкапывал под оное. Отправляя, в первом гневе, в одной и той же кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, научил нас и народ, слишком рано, что различие сословий ничтожно. Это был чистый подкоп, ибо без этого различия самодержавие удержаться не может. Он нам дан был или слишком рано, или слишком поздно. Если бы он наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного, мы благословляли бы его царствование...» [25].

В том-то и парадокс, что едва намеченная Павлом «рыцарская идеология», безусловно подрывавшая прежний порядок вещей, при дальнейшем ее развитии ударила бы по самодержавию не в пример сильнее, чем все прежние попытки. Павла следует оценивать не только по тому, что он уже сделал (сплошь и рядом – хаотично, наспех, непродуманно), а по тем *последствиям*, что спустя годы и годы могли вывести Россию из тупика...

Не зря один из современников-консерваторов назвал реформы Павла «карбонарским равенством», которое-де «противоречит природе вещей»...

Николай Бердяев писал в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «...таинственная страна противоречий, Россия таила в себе пророческий дух и предчувствие новой жизни и новых откровений... святая Русь всегда имела обратной своей стороной Русь звериную. Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и звериного и недостаточно раскрывала в себе человеческое. Ангельская святость и зверская низость – вот вечные колебания русского народа... для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем...» [10].

Безусловно, никоим образом не стоит относить к «ангелам» ни Лжедмитрия I, ни Петра III, ни тем более Павла I. И все же эти три

самодержца как раз и были теми, кто нес России «новую жизнь и новые откровения». Их, всех троих, с какой-то жуткой, мистической регулярностью как раз и сожрала та самая «Русь звериная», что пошло Руси лишь во вред...

А сожрав, оклеветала и оболгала так прочно, что последствия сказываются до сих пор. Еще в начале нашего века, после 1905 г. (раньше этого срока попросту запрещалось даже упоминать, что Павел погиб насильственной смертью), два видных психиатра попытались решить, наконец, вопрос о душевной болезни императора – либо ее отсутствии. П.И. Ковалевский выпустил выдержавшую восемь изданий книгу, где сделал вывод, что Павел принадлежал «к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования». Правда, второй участник ученого диспута, профессор В.Ф. Чиж написал, что «Павла нельзя считать маньяком», что он «не страдал душевной болезнью» и был «психически здоровым человеком». Доверия к работе Чижа у меня больше не оттого, что его точка зрения схожа с моей, а потому, что Чиж пользовался обширным кругом архивных материалов, в то время как Ковалевский в основном ссылаясь на чисто литературные «павловские анекдоты»...

Увы, и в наши дни любители анекдотов частенько берут верх над историками. Восемь лет назад один из виднейших чешских неврологов, профессор Иван Лесны, выпустил книгу, название которой можно перевести как «О немощах могучих». Книга интереснейшая, посвящена возможным душевным болезням многих известных исторических деятелей. Вот только в русском переводе из нее кто-то деликатно изъясил главу о Павле I [237].

Я не поленился отыскать оригинал. Чешский профессор бестрепетной рукой ставит диагноз: «мегаломания», «явственные признаки невроза навязчивости», и даже «параноидальные черты характера». Однако, едва речь заходит о доказательствах, Лесны... повторяет те же старые, неведомо кем пущенные в оборот *анекдоты* о Павле. Явным признаком душевной болезни Лесны, кроме того, считает «постоянный страх Павла, что его постигнет судьба отца»... Позвольте, но ведь именно так и произошло!

Естественно, Лесны считает, что Чиж «был чересчур благосклонен к Павлу». Сам он – безоговорочный сторонник Ковалевского. Что ж, Бог ему судья. Хорошо, по крайней мере, и то, что Лесны не упустил возможности описать склонности Павла, которые вряд ли служат признаком душевной болезни. «Император испытывал огромную склонность к чести с большой буквы «Ч» – как некогда древние рыцари». Действительно, что тут от

болезни? Тем более, что Лесны тут же приводит прекрасный пример: в свое время Павел под честное слово освободил из тюрьмы предводителя польских повстанцев Косцюшко и разрешил ему уехать за границу – при условии, что тот никогда больше не поднимет оружия против России.

Косцюшко свое слово чести сдержал – вряд ли он считал Павла сумасшедшим, обещания, данные сумасшедшим, никто не спешит исполнять.

...Их было трое – непохожих, способных повернуть Россию на *иную* дорогу.

И всех троих Россия тупо сожрала. Отсюда и многие последующие беды, господа...

Некто Емельян

События, известные как «Пугачевский бунт», до сих пор таят множество загадок.

Сам размах этого предприятия уникален – ничего подобного на Руси прежде не бывало. Смута – другое дело, она была настоящей гражданской войной, а не мятежом. Между тем против Пугачева, по признанию самой Екатерины, была «наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям была». Лишь спешно заключив мир с Турцией и сняв с фронта регулярные части, удалось подавить мятеж...

Впрочем, называть события «мятежом» как раз неправильно. Перед нами – что-то другое. В отличие от разинского бунта, представлявшего собой всего лишь буйство разросшейся до гигантских размеров разбойничьей шайки, не озабоченной ни в малейшей степени административными делами (да и не способной на таковые), войско Пугачева было строжайше организовано. Оно управлялось не «советом атаманов», а самой настоящей Военной коллегией, своего рода аналогом екатерининского военного министерства в миниатюре, обладавшей также судебными правами. При Пугачеве находилось довольно много якобы пленных офицеров – в том числе столь примечательные личности, как родственник старинного недруга братьев Орловых Шванвича и Тимофей Падуров, бывший депутат созданного Екатериной народного собрания, в чем-то аналога старых Земских соборов, – официально это собрание^[90] именовалось Комиссией Законоуложения и сыграло довольно важную роль в выработке российских законов.

Кроме того, в штабе Пугачева были польские офицеры, какие-то загадочные французы, а в его войсках – отряды, сформированные из поволжских немцев-колонистов. Менее всего пугачевская армия, обучаемая и руководимая профессионалами, управляемая Военной коллегией, походила на разинскую банду или казацкую вольницу. И если бы Пугачев не потратил столько сил на бесплодную осаду Оренбурга, эта армия могла и дойти до Москвы, где способных оказать ей сопротивление войск попросту не было...

Во все времена и во всех странах хватало «народных самородков», однако в истории Емельяна Пугачева все складывается очень уж гладко, подозрительно гладко. Две жизни Пугачева – казака и вождя – определенно не стыкуются. До некоторого момента перед нами – заурядный человек,

ничем особенным себя не проявивший, на войне не поднявшийся выше хорунжего, а после то срывавшийся в бродяжничество, то устраивавший глупые авантюры. Совершенно бесцветная личность.

И вдруг все меняется – в считанные недели этот бродяга сумел обаять не столь уж доверчивых казацких старшин, подозрительно легко разбить довольно крупные воинские соединения, обрасти пленными офицерами, ссыльными иностранцами, немцами-волонтерами, создать эффективные органы управления вроде Военной коллегии..

Случаются, конечно, чудеса – но не до такой же степени! Человек, действовавший в *одиночку*, сам по себе, ни за что не добился бы подобного, даже десятой доли. Самозванцев на Руси хватало и до Пугачева – но мало-мальски серьезных результатов добивались только те, за которыми кто-то *стоял*.

Кто же стоял за Пугачевым и был мозгом предприятия? Те самые казацкие старшины? Но и им вряд ли было бы по плечу такое дело, требовавшее не просто ума и воли, а определенных знаний и навыков. Версия о «самородках» выглядит чересчур наивной.

Тогда?

До сих пор в точности неизвестно, что делал Пугачев во время своего не столь уж короткого пребывания в Жечи Посполитой. Известно лишь, что он поддерживал связи с раскольниками, обитавшими во множестве в местности под названием Ветка на территории Литвы. По некоторым данным, именно староверы смогли похитить в Петербурге и переслать Пугачеву одно из четырех знамен, когда-то принадлежавших голштинской гвардии Петра III.

Любопытно, что первые манифесты «государя императора Петра Федоровича» отнюдь не предусматривали поголовного истребления дворянства. Пугачев обещал лишь отобрать у крепостников земли и крестьян, а взамен платить им «большое жалованье». Лишь позже, во времена крупных неудач, Пугачев призывает вырезать дворян поголовно...

Какое бы то ни было тщательное исследование осложняется тем, что материалы по пугачевскому бунту до сих пор, мягко говоря, малодоступны, а обширных работ, основанных на документах, в пределах досягаемости попросту нет. Даже пушкинская «История пугачевского бунта» малодоступна. Что таят архивы, остается лишь догадываться – вместо публикации документов историки до сих пор отделяются байками об особенно удачных каламбурах плененного Пугачева и тому подобных мелочах.

А ведь что-то должно сохраниться! Невозможно представить, что

екатерининская Тайная экспедиция не допрашивала самым подробным и тщательным образом того же Падурова, других офицеров, служивших у самозванца, поляков, немцев, казацких атаманов. Все это просто обязано было фиксироваться на бумаге. Масса документов российской тайной полиции доекатерининских времен прекрасно сохранилась^[91]. Значит, где-то лежат и пухлые папки с протоколами допросов пугачевцев...

Пока же, по недостатку информации, приходится лишь строить более-менее отражающие реальность версии. С высокой степенью вероятности можно предположить, что «государь Петр Федорович» был инструментом неких внешних сил, поддержанным и деньгами, и людьми.

Возможно, здесь прослеживаются ниточки, ведущие к французской разведке. Предположение не столь уж и невероятное: французы еще с середины XVII в. поддерживали связи с Украиной. Там строил крепости французский инженер Боплан, и в XVIII в. там просто не могло не оказаться французских разведчиков. Где Украина, там и казаки. В первые годы царствования Екатерины II на черноморских верфях (факт, документально подтвержденный) русская контрразведка сцапала французских агентов, пытавшихся поджечь строящиеся корабли. Мотивы просты и лежат на поверхности: Россия воевала с Турцией, а Франция давно уже искала союза с Османской Портой, препятствуя чрезмерной активности русских в том регионе.

Возможно, ниточки тянутся в Варшаву. Ослабление России было Жечи Посполитой необходимо даже более, чем Франции, а связи польской короны с частью казачества насчитывают не одно столетие.

Наконец, к операции «Емельян» определенно были подключены мощные центры старообрядческой эмиграции, располагавшие в России собственной «агентурной сетью» и пользовавшиеся в народе нешуточной поддержкой.

Быть может, сплелись все вышеперечисленные факторы. Увы, невозможно говорить о чем-то конкретном – для этого нужно с головой погрузиться в архивы^[92].

В конце концов, до сих пор нет твердой уверенности, что так называемый «Емелька Пугачев», выдавший себя за Петра III, и в самом деле был казаком станицы Зимовейской Емельяном Пугачевым. Я не удивлюсь, если это – два разных человека. Почему несчастную законную супружницу «Емельки», ее дочерей и сына, а также вторую жену – «царицу Устинью» пожизненно заключили в крепость? Оттого ли только, что они были «членами семьи врага народа»? Или они могли еще и сболтнуть что-

то такое, что безусловно противоречило официальной, высочайше утвержденной версии «пугачевского бунта»? Почему, наконец, Екатерина не раз именovala Пугачева «маркизом»? Что это, простая издевка или отголосок еще чего-то, нам неизвестного?

В одном я не сомневаюсь – *настоящий* Петр III Федорович был убит в 1762-м году...

Гестапо Павла Пестеля

*Какая сволочь разбудила Герцена?
Кому мешало, что ребенок спит?*

(Кажется, Наум КОРЖАВИН)

Отрадно видеть, что в последние годы, похоже, перестали считаться «священными коровами» и так называемые декабристы. А это отраднейший факт, поскольку означает, что люди понемногу избавляются от навязанной радикалами привычки считать таким Прометеем любого бунтовщика – только за то, что он, сокол и буревестник, выступил против существовавшего порядка вещей. Опыт человечества, увы, сплошь и рядом подсказывает нам, что «героические» инсургенты, за редчайшими исключениями, либо после своей победы заводят такие порядки, что «старый режим» начинает казаться раем земным, либо, даже будучи разогнаны, успевают нацедить кровушки, сколько и не снилось тем, кого «буревестники» намеревались отправить на свалку истории...

Меня многие годы занимал интересный вопрос: почему во время венгерской революции 1848 г. другие, столь же вроде бы угнетаемые австрийской короной народы тем не менее выступили против мадьяр в союзе с габсбургскими войсками? Тут явственно просматривалась некая нелогичность – что нашло на чехов, словаков и хорватов, какое затмение ума? Неужели они были столь реакционны и верноподданны?

Оказалось, причины предельно просты... Когда победившие в Венгрии революционеры очертили границы своей независимой отныне державы, в эту державу вошли и земли, населенные вышеупомянутыми хорватами, словаками и чехами. Поддавшись общему настроению («революции» гремели по всей почти Европе), сии народы, рассуждая логически, решили, что настала и их очередь создавать свободные национальные государства...

Тут-то из революционной Буды (в те годы Буда и Пешт еще не объединились в один город) и последовал резкий, недвусмысленный окрик. Всевозможным «нацменьшинствам» было заявлено, что подобные настроения – вовсе даже не стремление к свободе, а злокозненный сепаратизм, подрывающий устои революционной Венгрии, единой и неделимой. «Сепаратисты» резонно спросили: отчего же венграм можно отделяться от австрийской империи и создавать свое государство, а всем

прочим то же самое стремление категорически заказано? Буда ответила кратко и веско: «Потому что это – контрреволюция». Против тех, кто не внял предупреждению и продолжал болтать о независимых Словакии и Хорватии, были брошены войска. Славная революционная армия обстреливала из пушек мятежные деревни, после чего в дело вступали конница и пехота.

Тогда-то хорватские и словацкие части начали войну против Венгрии совместно с австрийцами. Австрийский император, конечно, угнетал налогами и поборами, но он был меньшим злом – при нем, по крайней мере, деревни не выжигали артиллерийским огнем...

Подобное поведение венгров тем более удивительно, что огромный процент революционных вождей и трибунов составляли люди немадьярских национальностей. Лайош Кошут был чехом по происхождению, «буревестник революции» поэт Петефи – словаком (в те времена, когда он глаголом жег сердца мадьяр, был еще жив его отец, в отличие от сына не отказавшийся от фамилии Петрович), Дамьянич – хорватом...

По зрелом размышлении приходишь к выводу, что Николай I, послав на подавление венгерского мятежа огромную армию, по сути, спас европейское равновесие. Была для Европы вполне реальная угроза превратиться в кипящий котел, на десятилетия стать ареной войн, воинушек и вялотекущих мятежей. В те годы другого финала бессмысленно было бы ожидать. Получилась бы вторая Латинская Америка, только и всего...

Вернемся к декабристам. Которые были плохи не оттого, что «узок их круг и страшно далеки они от народа», а потому, что совершенно не просчитывали последствий. Всякому овощу свое время. Массовое сознание российского народа образца 1825-го ни за что не позволило бы безболезненно перейти к грезившейся декабристам идиллии. Даже французы (народ, безусловно превосходивший наших соотечественников в развитом правосознании) во времена своей революции пролили столько крови и учинили столько зверств, что последствия, по мнению иных французских историков, акупаются даже сегодня...

А посему нельзя относиться к декабристам с любовью и уважением только потому, что они, чистые души, «хотели сделать лучше». Важны не намерения, а последствия. Известно, куда ведет вымощенная одними благими намерениями дорога...

Я не буду разрабатывать виртуальность, которая могла бы возникнуть в результате победы декабристов. Всю работу проделали до меня:

замечательный историк Н. Эйдельман (как документалист) и мой хороший друг, талантливый писатель из Одессы Лев Вершинин, написавший великолепную «историческую фантастику» (см. библиографию) [37, 217]. После них работать в этом направлении уже бесполезно. Посему я лишь кратко изложу наиболее вероятное виртуальное будущее.

Революционная армия очень быстро раскалывается на несколько непримиримых лагерей, которые начинают войну по всем правилам. Параллельно в стране действуют верные уцелевшим членам императорской фамилии войска, польские повстанцы и массы крестьян, поднявшиеся на «бессмысленный и беспощадный» русский бунт. Как минимум *несколько* лет в стране тянется повсеместная гражданская война без фронтов и тылов, все воюют со всеми. Более чем вероятно, соседи начинают интервенцию, как сто раз случалось в истории многих государств при подобном обороте дел. В *лучшем* случае отыщется в конце концов сильная личность вроде генерала Бонапарта или Франко, маршала Пилсудского или Боливара – и жесточайшими мерами восстановит порядок. Но к тому времени страна будет залита кровью, выжжена и разграблена. Да и то – если отыщется личность...

А посему к Николаю Павловичу у меня претензия одна – мало повесил. За одного только генерала Милорадовича, ученика Суворова и замечательного русского полководца, следовало тут же, на Сенатской, перевешать каждого десятого.

Между прочим, мы как-то ухитрились забыть, что великому князю Николаю в декабре 1825 было всего двадцать девять лет. И не может не восхищать сила воли, ум и энергия совсем молодого человека, которого к тому же вовсе не готовили к роли самодержца. Лишний раз убеждаешься, сколь много в критические моменты зависит от волевой и энергичной личности. Николай не просто мастерски подавил бунт – он вдобавок положил конец столетнему разгулу гвардии, вместо защиты Отечества занимавшейся мятежами и цареубийствами. Символично, что с разрывом всего в несколько месяцев схожие события разыгрались и в Турции. Там султан столь же решительно уничтожил янычарский корпус – как и русская гвардия, к тому времени выродившийся в скопище сытых бездельников, обеспечивших себе наследственные привилегии и думавших о чем угодно, кроме защиты родины...

За умиленными пассажами в защиту и одобрение декабристов мы как-то совершенно забыли рассмотреть простой и конкретный вопрос – *что*, собственно, готовили означенные господа стране в случае своей победы?

Намеченное ими освобождение крестьян без земли, способное лишь

навредить, – еще цветочки...

В «Обзоре общественного мнения», составленном в 1829 г. офицерами III отделения (давно пора отбросить ублюдочную большевистскую оценку этого учреждения, сохранившуюся по сию пору), содержится любопытный абзац.

«Молодежь, то есть дворянчики от 17 до 32 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые старшинами в них, иногда даже собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении в России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достичь коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения».

Время показало, что автор этих строк был совершенно прав. Во второй половине XIX столетия народовольцы, как раз главным образом и состоявшие из «дворянчиков» и «экзальтированной молодежи», заразили общество вирусом революции, убили Александра II практически за считанные дни до введения им конституции да вдобавок проторили дорожку большевикам...

Вернемся к декабристам. Чтобы понять, что же на самом деле представляли собой эти субъекты, необязательно вспоминать о полусумасшедших неудачниках вроде Якушкина. Достаточно заглянуть в первоисточники – в «Русскую правду», сочиненную Павлом Пестелем в качестве руководства на ближайшее будущее.

Как же Пестель представлял себе полицейскую систему новой свободной России?

Новую полицию Пестель предлагал именовать... «Высшим благочинием» (прямо-таки оруэлловское Министерство Любви). «Высшее благочиние охраняет правительство, государя и государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства, и по важности сей цели именуется оно высшим...»

По Пестелю, деятельность «Высшего благочиния» с самого начала должна сохраняться в строжайшей тайне, оно «требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе

сего приказа, который может оно устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся». Даже имена чиновников «не должны быть никому известны, кроме государя и главы благочиния». До подобной секретности не дотянули ни ЧК, ни гестапо...

«Высшее благочиние» должно развернуть самую широкую сеть доносчиков и тайных агентов: «Для исполнения всех сих обязанностей имеет высшее благочиние непрременную надобность в многообразных сведениях, из коих некоторые могут быть доставляемы обыкновенным благочинием (т.е. обычной полицией – А.Б.) и посторонними отраслями правления, между тем как другие могут быть получаемы единственно посредством тайных розысков. Тайные розыски, или шпионство, суть по сему не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и, можно сказать, единственное средство, коим высшее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели».

Естественно, чины «внутренней стражи» должны получать самое высокое жалованье: «Содержание жандармов и жалование их офицеров должно быть втрое против полевых войск, ибо сия служба столь же опасна, гораздо труднее, а между тем вовсе не благодарна».

Наконец, численность «ревнителей благочиния» предполагается огромная: «Для составления внутренней стражи, думаю я, 50 000 жандармов будут для всего государства достаточны».

Для сравнения: тогдашний Корпус внутренней стражи, в который входили и жандармские части, к 1825 г. насчитывал всего около пяти тысяч человек...

Так что я предлагаю читателю самому решить куда могли завести *такие* планы и чем кончилось бы их вдумчивое претворение в жизнь. Кстати, к 1842 г. штаты многократно руганного и предаваемого анафеме III отделения составляли... 40 человек.

Кстати, офицеры III отделения отчего-то всерьез полагали, что основным мотивом, подвигнувшим декабристов на мятеж, было желание освободиться от своего кредитора, то есть – императорской фамилии. Шеф жандармов Дубельт так и пишет: «Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы «людей 14-го декабря», было ложное утверждение, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а императорской фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделившись от кредитора, отделяются от долгов, заполняло главных заговорщиков, и мысль эта их пережила...»

В самом деле, к 1825 г. большая часть дворянских имений была заложена в Государственном банке. Маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 г., писал, что император является «не только первым дворянином своего государства, но и первым кредитором своего дворянства» [105].

Так что эта версия имеет все права на существование – аналоги в мировой истории встречались. Доклад Дубельта, уточняя, был строго секретным, не предназначенным для широкого распространения. Известно, что на допросах господ декабристы порой прямо-таки выворачивались до доньшка. Начальник III отделения Бенкендорф и шеф жандармов Дубельт – люди чести (пора, наконец, отказаться от их совдеповских оценок!), боевые офицеры, герои 1812-го года. Если признать, что они не кривили душой, а фиксировали то, что знали, картина получается и вовсе прелюбопытная. По крайней мере, начинаешь понимать, почему вдруг бросились бунтовать не просто знатные люди – помещики, владевшие многими тысячами душ и обширнейшими имениями. Чего не сделаешь, чтобы освободиться от кредитора, которому нет охоты возвращать долг...

Кстати, проверить эту версию «не просто, а очень просто». Нужно всего лишь вдумчиво покопаться в архивах. И если обнаружится, что имения «людей 14-го декабря» были заложены в казну, все подозрения превратятся в уверенность...

Пушкин, еще в 1822 г., будучи совсем молодым, прекрасно понимал опасности «дворянских» революций, понимал, что «ограничение дворянами самодержавия» выродилось бы в нечто страшное: «Владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничи б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных».

Правда, он писал это, имея в виду попытку дворянства ограничить в 1730 г. права императрицы Анны, но разница невелика...

...И дряхлый Октябрь позади

Введение, оно же предупреждение

Лиц, политически озабоченных, автор почтительнейше просит эту главу не читать. Поскольку в гордыне своей тщится не «реабилитировать» кого-то или «ниспровергнуть», а провести беспристрастное, насколько удастся, историческое расследование. «Насколько удастся» – потому что автор тоже живой человек и не свободен от симпатии с антипатиями.

Сразу оговорюсь: влезать в дискуссию по поводу выноса либо невыноса Ленина из Мавзолея не собираюсь. По причине безгливого пренебрежения к таковой. Ну совершенно нам больше нечего делать, кроме как ломать копы на сей счет! Ну заняться нам больше нечем! Ну нет у нас других забот! Как будто хоть от одной малюсенькой проблемы избавимся, закопав Ильича согласно его пресловутому завещанию, которого ни одна живая душа в глаза не видела, кстати...

Итак... Все дискуссии и споры вокруг Октября, если подойти к ним с позиции строгого анализа, вертятся вокруг четырех главных вопросов, которые не столь уж трудно вычленить:

1. Как там обстояло с иностранными деньгами на революцию?
2. Кто из соратников Ильича работал на Охранное отделение?
3. Какую роль в крахе Российской империи играли евреи и масоны?
4. Была ли альтернатива большевикам?

В таком порядке и станем рассматривать...

Мани, мани, мани...

Особо впечатлительным и буйным защитникам дела и тела Ленина, похоже, придется признать: были иностранные денежки, были... Главным образом германские. Чересчур уж неопровержимы улики.

Вот только лично я сформулирую свои впечатления от исторической неопровержимости этого факта кратко: ну и что? Как выражается мой грубый знакомый: «Ну и х..ли?»

В самом деле, ну и что? Вы мне лучше продемонстрируйте хотя бы одного-единственного революционного вождя за последние сто лет, который *не брал* бы денег у какой-нибудь иностранной державы. Разве что молодой Фидель Кастро, его экспедиция на шхуне «Гранма» – как раз из тех безнадежных предприятий, что бывают затеяны исключительно от лютого безденежья (однако, как ни странно, порой удаются).

Брали все. У кого только удавалось. Взяли бы у самого черта, окажись он поблизости, ибо мораль революционеров всех времен и народов насквозь утилитарна: нравственно то, что идет на пользу революции, всего и дел... Безнравственно, легко понять, то, что революции мешает заполыхать успешно.

Этот нехитрый тезис почему-то всегда и везде в истории сопровождался столь же нехитрым правилом, ставшим прямо-таки нерушимым законом природы: тот, кто давал деньги, в девяти случаях из десяти не только не получал от этого никакой выгоды, но вдобавок приобретал нешуточные хлопоты...

Ирландские революционеры в начале века существовали, если откровенно, на полном пансионе Германии (не из симпатий к кайзеру, а оттого, что деньги удобнее всего вымогать у того, кто является конкурентом и врагом силы, против которой ты борешься...). Немцы вбухали кучу денег и оружия в господ вроде де Валера. Чем же все это кончилось?

Ирландские революционеры (те, кого англичане не повесили) создали-таки независимое государство, а кое-кто и занял в нем неплохие посты. Никто не поминает недобрым словом славных отцов-основателей за их шашни с тевтонами, наоборот, ставят им памятники. Что до немцев... Немцы от своих ухлопанных на ирландцев немалых денежек не получили выгоды ни на копейку – ни в Первую мировую, ни во Вторую мировую, ни вообще. Спрашивается, кто же кого использовал?

Аналогичная картина – в Польше. Пилсудский создавал свои легионы при немаленькой немецкой помощи (злословят, брал даже деньги у японцев). Однако ни малейшей выгоды немцы от такого вложения капитала не получили. Вместо силовых акций на территории Российской империи Пилсудский предпочитал тратить полученные деньги на создание своих структур. Потом, когда настал подходящий момент, эта хорошо вооруженные «структуры» в одночасье окружили и разоружили немецкие части на польской территории и велели скорым шагом убираться нах фатерланд. Пилсудский получил осуществление своей мечты, независимое польское государство, а немцы, как и в случае с Ирландией, – шиш с маслом.

Немцы передали генералу Франко уйму военной техники, денег, амуниции, помогали войсками. Чем все кончилось? Тем, что Франко преспокойно укреплял государство, отделавшись от нывших что-то насчет боевого братства тевтонов посылкой на Восточный фронт одной-единственной дивизии. Снова наши туповатые колбасники оказались в полном проигрыше. Невозможно отделаться от впечатления, что их использовал в качестве дойной коровы всяк, кому не лень. Именно так впоследствии африканские царьки, приколов к набедренным повязкам значки с портретом Ленина и выучившись произносить без запинки слово «социализм», выжимали немалые денежки из дорогого Леонида Ильича...

По большому счету, Ленин поступил с немцами гениальнейше. Кинул их так, как не кидали «сумрачный тевтонский гений» ни ирландцы, ни поляки, ни испанцы, ни индийцы с их Субха Чандра Босом. Все длиннющие составы с мясом, салом и яйцами, сколько их ни ушло в Германию с оккупированных по Брестскому миру территорий, стали мимолетнейшей выгодой – скорее уж, призраком выгоды – перед тем, что произошло в самой Германии: революция, устроенная не без чуткого ленинского влияния, крах монархии, проигрыш в Первой мировой. Только не надо говорить, что Ленину просто повезло. Слишком хорошо спланированным получилось везение, прямо-таки по Анчарову: парашютисты обрушились на вражеские позиции и устроили там хорошо налаженный хаос.

Безусловно, именно такой поворот событий Ленин и предвидел – а вот те, кто отсчитывал ему полновесные золотые рейхсмарки, и в ночном кошмаре предвидеть не могли подобных последствий... Следовательно, тратить хотя бы минимальное время на обличение козней немецкого генерального штаба – занятие неблагодарное и абсолютно ненужное. Пустая трата сил.

Вопрос следует ставить гораздо шире, глубже, копать в другом совершенно месте. Как бы ни претило это «национальной гордости великороссов». И сформулируем мы этот вопрос так: можно ли, даже затратив приличные деньги в золотом исчислении, сокрушить здоровую страну?

Весь опыт человечества отвечает – ни за что на свете! Нигде и никогда подобные замыслы не удавались в отношении стран и режимов, обладавших достаточной дозой здоровья и сопротивляемости. Внешнее революционное воздействие кончается успехом лишь в том случае, когда противостоящий ему режим уже исчерпал внутренние ресурсы, не пользуется поддержкой большинства населения, безнадежно прогнил...

А потому пресловутые «немецкие денежки» – проблема из третьестепенных, и их наличие ничего не решало, ничего не меняло, никоим образом не могло перевесить чашу весов на сторону большевиков. Такова суровая истина, нравится это кому-то или нет...

«...Имена агентов не доверены бумаге»

В какой бы стране ни происходило дело, едва речь заходит о взаимоотношениях подпольщиков и тайной полиции, ситуацию следует охарактеризовать словами Бабеля: «Никто не знает, где кончается Беня и где начинается полиция». Всегда и везде подполье было профильтровано агентами полиции настолько, что это дало Г.К. Честертону возможность для написания великолепного романа «Человек, который был Четвергом», где в один прекрасный день выясняется, что вся верхушка некоего условного тайного общества состоит из полицейских чинов...

В России это правило работало столь же блестяще. Настолько, что в некоторых случаях просто невозможно распутать сложнейшие переплетения, связывающие разномастных революционеров и органы политического сыска. До сих пор нельзя внести полную ясность в историю с убийством Столыпина – то есть выяснить, насколько стремление левых устранить премьера совпадало с точно таким же желанием людей из высших придворных кругов отделаться от «выскочки» и «Бонапарта»... До сих пор почти невозможно установить потаенные пружины и побуждения чинов охранного отделения в случае с Азефом, который с их прямого попустительства организовал множество терактов, – то ли его руками кто-то из сановников втихую убирал врагов и конкурентов, то ли считалось, что высокое положение агента искупает весь причиненный им империи вред, то ли все вместе...

Первое, полное впечатление, играло гораздо большую роль, нежели второе. Достаточно вспомнить историю жандармского подполковника Судейкина и его «подопечного», провокатора Дегаева. Подполковник задумал прямо-таки фантастическую провокацию в масштабах империи. Посредством своего агента в среде революционеров Дегаева полностью контролировать всю деятельность революционеров, по мере надобности «снимая урожай», а кроме того... руками революционеров убирать своих конкурентов из высших сановников. Планы у Судейкина были грандиознейшие...

«Он думал поручить Дегаеву под своей рукой сформировать отряд террористов, совершенно законспирированный от тайной полиции; сам же хотел затем к чему-нибудь придраться и выйти в отставку... устроить фактическое покушение на свою жизнь, причем должен был получить рану и выйти в отставку по болезни. Немедленно по удалении Судейкина Дегаев

должен был начать решительные действия: убить графа Толстого (министра внутренних дел – А.Б.), великого князя Владимира и совершить еще несколько более мелких террористических актов... ужас должен был охватить царя, необходимость Судейкина должна была стать очевидной, и к нему обязательно должны были обратиться, как к единственному спасителю. И тут Судейкин мог запросить что душе угодно...»

Практически те же мечты, как установлено историками, питал и В.К. Плеве, в то время – директор департамента полиции. Известно, что граф Толстой панически боялся быть убитым – и угрозу видел как раз в Плеве...

Наполеоновские планы Судейкина закончились крахом – его самого как-то очень уж кстати убили революционеры во главе с жаждавшим реабилитации Дегаевым. Вполне возможно, высшие сановники империи были не такими простаками, какими их считал Судейкин, и вовремя приняли свои контрмеры – в конце концов, не один Судейкин занимался политическим сыском и располагал агентурой в кругах революционеров...

Плеве, правда, достиг своей цели – пусть и без убийства шефа. Занял кресло министра внутренних дел двадцать лет спустя после истории с Судейкиным – но опять-таки погиб от руки террористов, направлявшихся... Азефом. Разобраться, где кончалась полиция и начинались революционеры, в таких условиях прямо-таки невозможно^[93].

По сохранившимся документам Охранного отделения (при том, что огромная их часть погибла) историки выводят заключение: в конспиративных кружках и партиях всех политических направлений «секретных сотрудников» насчитывалось от 50 до 75 процентов от всех участников...

А потому не редкостью были прямо-таки анекдотические ситуации вроде той, когда охранка получила два донесения от разных лиц о встрече в 1914 г. видного ленинца «товарища Георгия» и не менее видного социал-демократа «примиренческого» направления «товарища Маракушева». Оба провели долгий, серьезный разговор о возможной в будущем совместной работе, о созыве общепартийной конференции и др. Подробнейшее изложение их беседы очень быстро попало в охранку, как я уже говорил, в двух разных донесениях... [86]

Юмор здесь в том, что секретными сотрудниками охранки были и «товарищ Георгий», и «товарищ Маракушев». Разумеется, каждый из них не подозревал о службе собеседника на ниве доносительства – и оба накатали подробнейшие отчеты...

Не менее курьезный случай связан и со Всероссийской конференцией партии социал-демократов, созванной по инициативе Ленина в 1912 г.

Помог ее провести департамент полиции – по своим соображениям заинтересованный в том, чтобы туда попали исключительно представители большевистского толка. «Ленинцам» не чинилось никаких препятствий, зато представителей всех других фракций арестовывали подряд. Наконец, не менее шести агентов охраны участвовали в этой самой конференции. А выдвинутый в Государственную думу и успешно туда попавший делегат большевиков Роман Малиновский был по совместительству и агентом охраны...

Не зря во время Февральской революции «возмущенный народ» отчего-то первым делом бросился поджигать здания Московского и Петроградского охранных отделений – хотя, если рассудить логично, подавляющее большинство простого народа понятия не имело, по каким адресам пребывают эти конторы без вывесок. Однако и оставшихся документов достаточно для самых пикантных открытий... Так, выяснилось, что в Советах рабочих депутатов, сыгравших огромную роль в февральском перевороте, насчитывалось более тридцати осведомителей охраны. Один из них был даже председателем одного из Советов, трое – товарищами (т.е. заместителями) председателя, двое – редакторами «Известий» народных депутатов, один – председателем Союза деревообделочников. Секретным сотрудником оказался Николаев-Ассинский, член комиссии по... ревизии Красноярского охранного отделения!

Несколько лет назад одно из весьма демократических изданий попыталось изобличить в работе на охранку И.В. Сталина. Увы, автор разрекламированной фальшивки совершенно не знал истории – общая беда наших интеллигентов. Был напечатан фотоснимок с машинописного сообщения начальника одного из губернских охранных отделений другому, где сообщалось: «К вам выехал провокатор Джугашвили». В погоне за максимальным эффектом тот, кто состряпал эту «липу», не дал себе труда озаботиться изучением принятых некогда в охранном отделении правил секретного делопроизводства...

Фраза о «провокаторе Джугашвили», которого надлежит встретить и привлечь к работе, правдоподобна точно так, как депеша из берлинской штаб-квартиры гестапо своей мадридской, скажем, резидентуре, имеющая такой вид: «К вам выехал нацистский шпион, примите и создайте условия для работы»...

Завербованные охранкой или жандармерией агенты именовались в секретной переписке исключительно «секретными сотрудниками» или просто «сотрудниками». Сплошь и рядом их настоящую фамилию знал

только работавший с агентом офицер. Существовало, кроме того, особое циркулярное указание: «Сотруднику для конспирации обязательно дается кличка, непохожая на его фамилию, отчество и присущие ему качества, под этой кличкой-псевдонимом он и регистрируется по запискам и агентуре».

Более того: кличка подбиралась так, чтобы посторонний, по какой-то случайности узнав ее, не мог провести никаких аналогий не только с фамилией, но и полом, национальностью, вероисповеданием, внешним обликом, характерными приметами. Мужчина мог зваться «Пелагея» или «Зина», женщина – «Сидорыч», врач – «Мужиком» и т.д. Будь вышепротитированная бумага и в самом деле о Сталине, она, вероятнее всего, выглядела бы иначе: «К вам выехал секретный сотрудник Блондин». А то и – «Блондинка».

Всех имен тех, кто работал на охранку, будучи прилежным членом партии большевиков, мы не узнаем уже никогда. Начальник Петербургского охранного отделения генерал Герасимов вспоминал в своих написанных в эмиграции мемуарах, что со многими своими агентами в среде большевиков поддерживал отношения лично, не внося их имена в какие бы то ни было документы и не докладывая о них в Департамент полиции (именно в архиве Департамента, несмотря на гибель московских и петербургских бумаг, и сохранились имена агентов). Герасимов рассказывал еще, что, уходя из Охранного отделения, он предложил наиболее ценным из своих агентов выбор: либо они переходят на связь к его преемнику, либо оставляют службу в охранке. Многие выбрали последнее – эти-то имена и останутся тайной навсегда...

Что до моего личного мнения, я уверен: на охранку работал каждый второй большевик, не считая каждого первого. Вряд ли Сталин искажил положение дел, во время пресловутых процессов обвиняя «старых большевиков» в работе на охранку. Ну, а если вдруг выяснится, что в числе секретных сотрудников были и Иосиф Виссарионович, и Владимир Ильич, лично я особого удивления не испытаю...

Потому что речь вновь пойдет о революционной морали, рассмотренной в предыдущем разделе. Революционеры всех мастей и оттенков не только готовы были брать деньги у самого черта – но и сотрудничать ради успеха дела с самим чертом. Дело Азефа это великолепно доказывает. Известны высказывания Ленина о том, что неизвестно еще толком, кто получает больше выгоды в случае работы одного из подпольщиков на охранку – охранка или данная революционная организация...

От этого высказывания нетрудно перебросить мостик к «делу

Малиновского», опять-таки во многом оставшемся загадкой. Член ЦК партии большевиков и депутат Государственной думы Роман Малиновский, покинувший в свое время страну, отчего-то моментально вернулся в Россию, едва услышав о революции, – и в 1917 г. был большевиками расстрелян.

И возникают серьезные вопросы. Почему Малиновский держался столь беспечно? И почему его расстреляли с такой торопливостью – во времена, когда о «красном терроре», собственно, еще не заходило речи? В последующие годы, когда террор набрал вовсе уж жуткие обороты, разоблаченных агентов охраны тем не менее проводили через довольно долгие судебные процессы – и частенько им удавалось избежать «стенки»... Полное впечатление, что Малиновскому просто-напросто торопились заткнуть рот. То ли он знал об агентуре в рядах большевиков *слишком* много, то ли его отношения с охранкой были гораздо сложнее, чем принято думать (не исключено, что все делалось с молчаливого одобрения Ильича), то ли кому-то, стремившемуся скрыть свою службу в охране, с перепугу подумалось, что Малиновский может знать и о нем...

История эта имеет и свою оборотную сторону. Те самые хитромудрые переплетения меж охранкой и подпольем иногда приводили к тому, что помощь в выявлении «секретных сотрудников» оказывали... довольно высокопоставленные чины МВД. Вроде бывшего директора Департамента полиции Лопухина, который по непонятным до сих пор мотивам вдруг выдал знаменитому «охотнику за провокаторами» Бурцеву многих агентов охраны в революционном движении, в том числе и Азефа. Так же поступили высокопоставленные чиновники Охранного отделения Меншиков и Бакай...

С именем Лопухина связана еще одна предельно загадочная история. После кровавых событий 9 января 1905 г. боевая организация эсеров вынесла смертный приговор великому князю Сергею Александровичу, генерал-губернатору Москвы, и боевики стали готовить покушение. Через осведомителей это стало известно Охранному отделению, и оно попросило у директора Департамента полиции Лопухина выделить тридцать тысяч рублей для организации усиленной охраны великого князя.

Лопухин... отказал! С предельно странной формулировкой: по его глубокому убеждению, террористы «не посмели бы напасть на члена императорской фамилии». Как будто император Александр II, погибший от бомбы террористов, был частным лицом...

Деньги так и не были выделены. Великий князь был убит.

Предательство? Или просто та самая глупость, что хуже любого

предательства? Что двигало Лопухиным, сегодня уже не прояснить...

И, наконец, можно вернуться к «делу Малиновского». Его провал – прямое следствие опять-таки весьма непонятного поведения В.Ф. Джунковского. Будучи товарищем министра внутренних дел, Джунковский приказал Департаменту полиции разорвать всякие отношения с Малиновским, а его самого заставил сложить с себя полномочия члена Государственной думы и выехать за границу.

Для одного из высших полицейских чинов – чистоплюйство неслыханное, практически не имеющее аналогов в мировой практике. Чтобы отказаться от услуг не рядового агента – сексота, ставшего членом ЦК партии большевиков – заместитель министра внутренних дел должен быть либо полнейшим идиотом, либо...

Мне удалось отыскать лишь один-единственный подобный пример – когда в 1929 г. государственный секретарь США Стимсон велел закрыть так называемый «Черный кабинет» – отдел дешифровки иностранных дипломатических шифров – произнеся при этом историческую фразу: «Джентльмены не читают переписку друг друга». Иначе как идиотством назвать это нельзя – государственный чиновник и разведчик, увы, как раз обязаны не быть порой джентльменами...

Между прочим, Джунковский после Октября не просто уцелел – стал консультантом Дзержинского в создании ВЧК (нравится это кому-то или нет, но, вопреки установившимся штампам, ЧК создавалась с использованием услуг массы подобных «консультантов»), мало того, Джунковский благополучно прожил в СССР до 1936 г., ничуть не прячась – пока до него не дотянулась длинная рука Сталина...

А посему возникает вопрос: что лежало в основе столь странных поступков Джунковского^[94] – доведенное до абсурда чистоплюйство или какие-то связи с большевиками еще до революции? Похоже, не только «партия власти» засылала своих агентов к подпольщикам, но и обратный процесс имел место. Очень уж странны и внезапно накатывавшее на высоких чинов полиции чистоплюйство, и та легкость, с которой иные чиновники охраны, люди в своей системе не последние, вдруг бросались к тем, за кем совсем недавно наблюдали, и выкладывали все, что только знали... Впрочем, иногда не менее странно вели себя и «несгибаемые» террористы, внезапно отпуская на все четыре стороны полностью изобличенных провокаторов – и Азефа, и других. Положительно, разобраться в этом переплетении нельзя...

(Кстати, само спокойное житье-бытье Джунковского в СССР аж до 1936 г. косвенным образом доказывает, что Сталин его ничуть не опасался,

иначе пристукнул бы раньше...)

А в общем, как и в случае с иностранным золотом, работа того или иного большевистского деятеля на охранку, реальная или только подозреваемая – дело десятое. Суть совсем не в том. Подобные третьестепенные детали представляют, конечно, интерес для любителей разоблачений и сенсаций, но не способны помочь в решении *основополагающего* вопроса: какие силы вызвали к жизни Октябрьский переворот? Была ли альтернатива?

И потому не стоит ломать копья, дискутируя с пеной у рта, кто работал на охранку, а кто нет – не в том дело, совсем не в том...

Октябрь до Октября?

Отечественная историография, увы, почти не уделила внимания «нетрадиционным», если можно так выразиться, попыткам государственного переворота в царствование Николая II. Меж тем вопрос этот интереснейший...

Я имею в виду не два замысла покушения на царя в конце 1916 г. – в первом случае знаменитый авиатор капитан Костенко замышлял (задолго до Гастелло) врезаться на своем аэроплане в царский автомобиль; во втором – некая группа офицеров открыла Керенскому свой план сбросить бомбы на автомобиль царя во время посещения им переднего края. Оба этих замысла, учитывая несовершенство тогдашних аэропланов и тогдашних авиабомб, отдадут самой дешевой ковбойщиной и наверняка окончились бы позорнейшей конфузией.

В истории отмечены случаи не в пример любопытнее... Крайне интересен один из эпизодов полузабытых мемуаров видного большевика Гусева-Драбкина. Согласно его воспоминаниям, в апреле 1905 г. в петербургском ресторане «Контан» состоялась весьма странная встреча – за одним столом оказались представители социал-демократов, эсеров, освободителей и... гвардейского офицерства. Последних возглавлял некий Мстиславский-Масловский. Он и рассказал господам революционерам, что представляет тайную организацию гвардейских офицеров «Лига красного орла», цель которой – свержение императора и установление конституции. План офицеров существовал в двух вариантах. По первому, когда на Пасху войска поведут в церковь на молебен (естественно, без оружия), заговорщики захватят в казармах их оружие и арестуют царя. Согласно второму варианту, предполагалось объявить в столичном гарнизоне, что Николай II желает объявить конституцию, но некие противники такого шага захватили его в Гатчине в плен. Под предлогом освобождения обожаемого монарха следовало поднять войска, арестовать всех, кто мог оказать сопротивление, в том числе, конечно, и самого Николая, которого якобы и «освобождали»...

Эти задумки обсуждались вполне серьезно. Не сошлись в главном – планах на будущее. Гвардейцы предлагали после захвата царя созвать по старинной традиции Земский собор, их оппоненты горой стояли за Учредительное собрание. Так и разошлись ни с чем. Очень похоже, эта встреча не имела никаких последствий ни для кого из ее участников.

Вообще-то, и эти замыслы – авантюра чистой воды, если вспомнить, сколь многочисленной была охрана Николая («Собственный его императорского величества конвой», куда входили сводный пехотный полк, рота дворцовых гренадер, четыре сотни лейб-казаков; 300 агентов охранной службы из команды полковника жандармов Спиридовича; 300 охранников дворцового коменданта Войекова; несколько сотен охранников дворцовой полиции генерала Герарди; особый железнодорожный полк). Однако само по себе существование заговорщиков из среды гвардейского (!) офицерства крайне любопытно. К сожалению, более никаких сведений об этой «Лиге красного орла» отыскать не удалось – и вряд ли Гусев-Драбкин выдумал всю эту историю...

Не менее любопытный эпизод встречается в мемуарах знаменитого графа Игнатьева – военного дипломата в Париже, впоследствии перешедшего к большевикам и передавшего в СССР огромные деньги с парижских счетов. Некоторые историки предполагают, что граф в свое время был вульгарно завербован ЧК, но речь не об этом... [74]

Отец Игнатьева Алексей Павлович в свое время занимал довольно высокие посты в Российской империи, побывав и товарищем министра внутренних дел, и генерал-губернатором, носил звание генерал-адъютанта, до самой гибели был членом государственного совета, имел обширные связи при дворе, вообще «в обществе». После русско-японской войны граф-отец неожиданно признался графу-сыну, что, сознавая ничтожество Николая, всерьез намеревается «пойти в Царское с военной силой и потребовать реформ».

Реформы эти не имели ничего общего с либерализмом – наоборот, Игнатьев-старший был ярким монархистом и мечтал всего-навсего заменить Николая «сильным царем», способным укрепить пошатнувшуюся монархию. Спасение он видел в возрождении «старинных русских форм управления», с не ограниченной ничем самодержавной властью царя и губернаторами, в своей деятельности зависимыми исключительно от монарха.

Дело, похоже, зашло довольно далеко. Игнатьев-старший даже показал сыну составленный им список будущего кабинета министров и рассказал о некоторых деталях – граф всерьез рассчитывал на воинские части, с командирами и офицерами которых был давно знаком и пользовался у них авторитетом: вторую гвардейскую дивизию, кавалергардов, гусар, кирасир, казаков.

Неизвестно в точности, о каких именно частях идет речь – в Российской армии было много различных гусарских, кирасирских,

казацких полков. Неизвестно также, насколько все это было серьезно, что здесь от мечтаний и фантазий, что – от реального заговора, втянувшего в свою орбиту даже гвардейцев. Как бы там ни было, сведения о планах доморощенного Бонапарта, похоже, дошли до российских секретных служб... В декабре 1906 г., когда Игнатъев-старший участвовал в дворянских выборах в Твери, местная полиция, сославшись потом на приказ свыше, вдруг отозвала с постов охранявших графа полицейских. Ближе к вечеру в буфет вошел некий террорист и в упор выпустил в Игнатъева всю обойму.

Террориста задержали – оказалось, член боевой дружины эсеров. Все было закамуфлировано под очередной теракт революционеров против «царского сатрапа» – но вдова Игнатъева сразу же заявила, что убийство организовано свыше, и отправила царю довольно дерзкую телеграмму, недвусмысленно намекавшую на причастность Николая к убийству. Сам Николай на похороны Игнатъева не приехал – хотя по своему положению в обществе и послужному списку граф вполне заслуживал такой чести.

И в этом случае какой-либо дополнительной информации отыскать не удалось. Подозреваю, были и другие попытки совершить «верхушечный переворот» и заменить ничтожного Николая более дельным самодержцем – но мы о них ничего не знаем. Потому что не осталось ни свидетелей, ни письменных воспоминаний.

Если в кране нет воды...

Разумеется, никак нельзя пройти мимо давних попыток приписать Октябрьский переворот^[95] козням либо жидов, либо масонов, либо тех и других вместе, объединенных под пресловутым ярлыком жидомасоны. Прежде всего потому, что эти взгляды, как бы к ним ни относился нормальный человек, все же занимают известное место в политической и общественной жизни, посему требуют не механического отрицания, а анализа.

Итак, масоны... Дело в том, что понятие это весьма сложно и обширно – хотя его по невежеству то и дело втискивают в крайне примитивные схемы...

Безусловно, в многовековой истории мирового масонства были самые разнообразные течения – от резко антихристианских, представлявших собой неприкрытую духовную заразу (не зря в католической церкви до сих пор не отменена папская булла 1763 г., прямо предписывающая отлучать от церкви членов масонских лож), до своеобразных игр взрослых людей, абсолютно безобидных и напоминавших скорее балы-маскарады.

С чем я категорически не могу согласиться – так это со сказками о вездесущести и всемогущести масонства. Сказки эти более подходят для романов в мягких обложках наподобие французского цикла о Фантомасе, который ухитряется неведомо каким образом возводить под Парижем целые подземные города (а в известной экранизации – и вовсе тайком засовывает в башню старинного замка огромную ракету). Оставим это фантастам. В реальности было удивительно мало «всеохватывающих» и «глобальных» заговоров. Прежде всего оттого, что на земном шаре чересчур уж много государств, наций, банков, промышленных корпораций и секретных служб, а это подразумевает столь обширный разброс интересов и их многообразие, что никакой «суперглобальный заговор» просто не может возникнуть. Когда во второй половине XVIII в. в Баварии и в самом деле завелись масоны-иллюминаты (несомненные революционеры, некоторые идеи коих прямо-таки предвосхищали и марксизм, и ленинизм), секретные службы королевства Бавария быстренько выловили почти всех, провели через судебный процесс (многотомные материалы которого тогда же были изданы) – и после этого всякий след масонов в баварских землях простыл. И не было там впоследствии никаких особо жутких революций – так, бунтишки...

Верно, кое-кто из вождей Французской революции родом из заграниц, Марат – урожденный швейцарец, а знаменитый Клоотц-Анахарсис – немец. Однако вынужден вернуться к тому, о чем уже говорил: никакая деятельность кучки заговорщиков не способна сокрушить *благополучное* государство. Монархия во Франции прогнила настолько явственно, а король Людовик был столь ничтожен и бездарен как правитель, что все обвалилось едва ли не само собой. Кстати, та революция до жути в некоторых своих аспектах походила на последовавшую через сто двадцать лет русскую – во Франции на сторону революционеров переметнулся брат короля, в России – великий князь Кирилл, и во Франции, и в России ниспровергать и добивать старые порядки бросилось множество дворян, а на стороне монархов практически не оказалось войск...

Характерно, что «масонский след» старательно искали и ищут – и в первые послереволюционные годы, и в наши дни – в первую очередь непрофессионалы. Беллетристы, репортеры, любители сенсаций. Меж тем, если дать слово профессионалу, окажется: жандармский генерал Спиридович, начальник Московского охранного отделения, ас секретных служб, прямо говорил в беседе с Николаем II, что мнимое участие масонов в расшатывании престола – не более чем миф, не подтвержденный достоверной агентурной информацией.

На мой взгляд, надежным свидетелем может служить и князь В.А. Оболенский, бывший член ЦК кадетской партии, в 1910–1916 гг. возглавлявший одну из масонских лож Петербурга. Так вот, князь писал впоследствии, что «в России, собственно, настоящих масонов не было, а было нечто вроде того, что-то похожее». По Оболенскому, русские масоны не представляли собой никакой политической силы и не имели никакого отношения к революционному движению^[96]. Если говорить о реальных политических симпатиях, то «среди масонов было много противников революции. Большинство, к которому принадлежал и я, во всяком случае, было против революции... В целом масонство не стояло за революцию». Быть может, масонство хотело использовать революцию для каких-то своих целей? «Я на этот вопрос должен ответить отрицательно, – пишет Оболенский. – Невозможно даже представить себе, чтобы масоны могли сыграть в Февральской революции какую бы то ни было роль, хотя бы уже по одному тому, что они принадлежали к различным взаимно враждовавшим партиям, сила же сцепления внутри любой из этих партий была неизмеримо прочнее, чем в так называемом масонском братстве... Вражда разделяла их такая, что в февральские дни я уже ни разу не мог собрать их вместе, они просто не смогли бы уже сидеть за одним столом. А

в большевистскую революцию и гражданскую войну наша ложа вообще прекратила свое существование».

От себя добавлю: согласно сохранившимся документам, ЧК-ГПУ с превеликим энтузиазмом вылавливала уцелевших масонов и отправляла по наработанному конвейеру...

Иногда ссылаются на свидетельства о «мощи масонства» известного монархиста В.В. Шульгина. Однако в августе 1975 г. сам Шульгин говорил: «Никакой я тут не свидетель. Масонов не видел, с ними не встречался, что за люди – не знаю. Только раз в Париже заговорил о них при мне В.А. Маклаков. Что-то он о них рассказывал, с насмешливой бравадой, и себя к ним причислял, но болтовне его я не придал значения. Что болтуны они были и шуты гороховые, пялили на себя дурацкие колпаки, это еще у Толстого показано, где о Пьере Безухове».

Словом, версию о «масонском следе» придется категорически отбросить. Вполне допускаю, что отдельные «упертые» ее сторонники моментально зачислят в масоны генерала Спиридовича, Шульгина, а то и автора этих строк, но меня мнение таковых волнует мало – моя книга написана для нормальных людей...

Теперь – евреи. Копий тут сломано превеликое множество, да вот беда – копия какие-то гниловатые. Если взглянуть непредвзято, выяснится, что и сторонники, и противники версии о революции как «еврейском заговоре» совместными усилиями (именно так!) загнали проблему в тупик. Одни с пеной у рта сваливали все без исключения беды на жидов, другие отбивались столь же примитивно и убого, уныло талдыча: «Все вранье, а евреи – хорошие». Именно эта примитивная постановка вопроса привела к тому, что у нас до сих пор нет подробной, объективной и свободной от любых перегибов (как со стороны «обличителей», так и «защитников») истории российского еврейства: его жизни, политических и литературных течений. Меж тем история российских евреев, как и любого другого народа, несомненно, во сто раз сложнее и интереснее, чем это нам рисуют примитивы-критики и примитивы-защитники. Вольнодумное брожение в среде еврейства XVIII века, вызванное общей волной брожения европейского, – что мы об этом знаем? Шолом-Алейхема еще с грехом пополам способны вспомнить – но совершенно забыт Липецкий, автор нашумевшей в свое время антихасидской повести «Польский мальчик», или Шацкес, автор «Предпасхальных дней», направленных против старозаветного иудаизма...

Лучше всего, думается, будет обратиться к книге весьма авторитетного свидетеля – Голды Меир [120]. Что же она пишет о состоянии еврейской

политической мысли начала века?

«Тоска евреев по собственной стране не была результатом погромов (идея заселения Палестины евреями возникла у евреев и даже у некоторых неевреев задолго до того, как слово «погром» вошло в словарь европейского еврейства); однако русские погромы времен моего детства придали идее сионистов ускорение, особенно когда стало ясно, что русское правительство использует евреев как козлов отпущения в своей борьбе с революционерами.

Большинство еврейской революционной молодежи в Пинске, объединенной огромной тягой к образованию, в котором они видели орудие освобождения угнетенных масс, и решимостью покончить с царским режимом, по этому вопросу разделилось на две основных группы. С одной стороны, были члены Бунда (Союза еврейских рабочих), считавшие, что положение евреев в России и в других странах переменится, когда восторжествует социализм. Как только изменится экономическая и социальная структура еврейства, говорили бундовцы, исчезнет и антисемитизм. В этом лучшем, просветленном, социалистическом мире евреи смогут, если того пожелают, сохранять свою культуру: продолжать говорить на идиш, соблюдать традиции и обычаи, есть, что захотят.

Поалей Цион – сионисты-социалисты... смотрели на это по-другому. Разделяя социалистические убеждения, они сохраняли верность национальной идее, основанной на концепции единого еврейского народа и восстановлении его независимости. Оба эти направления были нелегальны и находились в подполье, но, по иронии судьбы, злейшими врагами сионистов были бундовцы...»

Что, добавлю от себя, нашло подтверждение впоследствии: Бунд влился в партию большевиков, Поалей Цион в двадцатые годы раскололся из-за внутренних противоречий (в которых довольно явственно проглядывают уши ГПУ). Когда в 1920 г. из Палестины в РСФСР приехали члены так называемого «Гдуд ха-авода», отнюдь не во всем разделявшие большевистскую идеологию, большевики расправились с ними довольно быстро – часть сослали в Сибирь, часть расстреляли. А в 1927 г. ОГПУ бросило в тюрьму главу хасидов, любавичского ребе Иосифа-Ицхока Шнеерсона – за его религиозную деятельность (кстати, синагоги осквернялись столь же беззастенчиво, как и христианские церкви). Приговоренный сначала к расстрелу, а потом к ссылке, Шнеерсон был выпущен исключительно благодаря волне протестов из-за границы... [111]

Лидером сионистов в России долгое время был интереснейший человек – Владимир Жаботинский. Перечитав некоторые его труды

(изданные, стоит подчеркнуть, в Израиле, для *своих* в первую очередь), я не нашел ничего, напоминающего пресловутую русофобию. Скорее наоборот. Сионистская идея в изложении Жаботинского довольно проста: он как раз отрицательно относится к «чрезмерному наплыву евреев» в русские культурные организации («не стоит быть музыкантами на чужой свадьбе, особенно если и хозяева, и гости давно ушли») и предлагает простой и достойный выход: если вас обижают здесь, нужно уехать в Палестину, создать там свою страну, окружить ее высокой стеной, после чего заявить остальному миру: мы не лезем в ваши дела, а вы не лезьте в наши... [68]

Ни русофобией, ни человеконенавистничеством здесь и не пахнет. Более того: именно Жаботинский в июле 1917-го, выступая в Таврическом дворце перед полупьяной революционной толпой, смело и открыто признался, что считает свержение монархии большим несчастьем для России. Чуть позже, когда на Украине несколько красных полков восстали против Советской власти, Жаботинский дал срочную телеграмму еврейским общинам: помочь восставшим чем только возможно, одновременно уничтожать красных комиссаров без малейшего колебания... В этой связи можно вспомнить и Д. Пасманика – еврея, воевавшего в белой армии, а впоследствии, в Париже, создавшего Еврейский антибольшевистский комитет.

Другими словами, стоит только отрешиться от штампов, увидишь качественно *иное* прошлое, оставляющее мало места басням об «еврейском заговоре» (любопытно, кстати, где были чисто русские, когда Жаботинский выступал в Таврическом дворце?). Есть любопытная закономерность: отчего-то никакой другой страны евреи не «захватили», не «развалили», не «уничтожили». Скорее даже наоборот – Британская империя достигла наибольшего расцвета как раз во времена, когда премьер-министром был крещеный еврей Дизраэли. Английская писательница Карен Хьюитт пишет прямо: «Никакого особого еврейского „политического лобби“ здесь не существует» [204].

Есть у британцев интересная особенность – они каким-то образом ухитряются *вбирать* в себя представителей любых иных народов. А потому там, собственно говоря, существует одна «национальность» – британец. «Считаете ли вы себя при этом шотландцем, ирландцем или валлийцем, подозреваете ли, что ваша бабушка была француженкой или дедушка – русским, были ли ваши родители беглецами из нацистской Германии по причине своего еврейского происхождения – все это не имеет значения» (Хьюитт).

Другими словами, напрашивается не особо лестный, но, несомненно,

существующий в реальности вывод: есть в британцах нечто, позволяющее им добиваться успеха и процветания без всякого нытья о «внутренних супостатах». И, соответственно, есть у россиян малопривлекательная, противоположная черта – сплошь и рядом сваливать собственное нерадение на козлы тех самых «супостатов». И наши «правые», толкующие с серьезным видом о «кучке жидомасонов», и «левые», уверяющие, будто «Великую Россию» погубила «кучка большевиков», на деле – горошины из одного стручка. Насколько могу судить по собственному опыту, и те, и другие ужасно обижаются, когда намекаешь на их схожесть с непримиримыми оппонентами, но факт остается фактом – будь Россия по-настоящему благополучной, никакая «кучка» из кого бы то ни было не смогла бы ее погубить.

В свое время два православных священника – протоиерей Георгий Флоровский и отец Александр Шмеман – задались вопросом: как могло случиться, что народ, который называли «наихристианнейшим и богоносным», поддержал в массе своей атеистическую вакханалию в России? И пришли к печальному выводу: не был народ ни богоносным, ни наихристианнейшим, под покровом неукоренившегося христианства в его душе бушевали языческие страсти, которые и вырвались наружу, когда с них были сняты вериги – не без влияния врага рода человеческого. А вот Запад, увы, оказался более благоразумным и прагматическим и на дьявольскую удочку не попался...

Даже покойный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, отдавший дань разговорам о «внешнем воздействии» и «кучках заговорщиков», не удержался от горьких слов, рассуждая о мнимой вине пастырей: «Как легко и просто во всем винить иерархов! Главное – сам всегда остаешься чист и прав... Одумайтесь – хранителем благочестия в Православной Церкви является весь народ церковный, и никто не сможет избежать своей доли ответственности на Страшном Суде Христовом! Архиереи не с неба падают, и еще святитель Игнатий Брянчанинов (сто сорок лет назад) говорил, что бессмысленно винить духовенство в падении нравов и оскудении благочестия, если нет должного благонравия в самом народе» [83].

Все это без малейших натяжек можно отнести и к версиям о «кучке врагов внутренних и внешних». Жертвами волков становятся исключительно слабые и больные олени...

«Позвольте! – может спросить дотошный читатель. – Вы хотите сказать, что в русской революции так-таки и не было никакого внешнего влияния?»

Отчего же, было. Версию с «германскими деньгами» я уже рассматривал подробно. Теперь обращусь к другим деньгам – тем, что давал революционерам американский еврей Яков Шифф.

Начнем с того, что не он один – денежками большевиков снабжали и исконно русские – Савва Морозов, Сытин, известный фабрикант Шмит (проникшийся революционным духом настолько, что *сам* устроил стачку на своей фабрике!) и еще многие, не имевшие ни малейшего отношения к еврейству. Вопрос следует поставить несколько иначе: какие цели преследовал Шифф и достиг ли он их?

Цель Шиффа ясна: свобода и равноправие российских евреев. Была ли она достигнута в результате Октябрьской революции?

Ни в малейшей степени! Мнимая свобода евреев обернулась свободой заключенного в концлагере. Раньше евреи сидели в «бараке усиленного режима», а потом их перевели на общий режим – только и всего. Дореволюционная культура евреев была бесповоротно разрушена, религия подверглась преследованию с тем же рвением, что и христианство, капиталисты-евреи лишились своих заводов, банков и поместий, многим еврейским интеллектуалам вроде Пасманика и Жаботинского пришлось бежать за границу, спасаясь от вполне возможного расстрела. Евреев, выражаясь фигурально, переодели в казенное, обрили, сунули в руки винтовку и поставили в шеренгу «борцов за дело мирового пролетариата». Попутно некоторую их часть использовали в качестве иноплеменных карателей, не открыв ничего нового – именно так использовали швейцарцев во Франции, кипчаков – в Хорезме. Когда в кондотьерах минула нужда, коммунистические вожди (русские, переставшие быть русскими, и евреи, переставшие быть евреями) преспокойно поменяли евреев на мингрелов, а латышей – на дрессированных русских. Кстати, о возможности именно такого финала еще в 1921 г. писал в эмиграции Пасманик, умоляя евреев не обольщаться призраком равенства, предупреждая: используют и выбросят...

Вывод? Взяв деньги у Шиффа, большевики кинули его точно так, как германскую разведку. Следовательно, не стоит и далее придавать романтику Шиффу демонические черты. Не в его деньгах суть...

Что любопытно, об иных внешних воздействиях критики большевиков и не задумываются вовсе...

Меж тем отгадка предельно проста. В полном соответствии с чеканным изречением древних римлян «Куи продест?» – «Кому выгодно?» не помешает оглядеться как следует и поискать: нет ли в пределах досягаемости взгляда кого-то *другого*, получившего от прихода к власти

большевиков немалую выгоду?

Отыщется, знаете ли. Тевтоны заплатили за спонсорство большевиков крушением своей монархии, Шифф потратил деньги зря. Зато трудно даже приблизительно подсчитать выгоду, которую получили от Советской власти американцы.

Здесь и неисчислимы сокровища, антиквариат, вывозившийся в США чуть ли не пароходами вплоть до 1930 г. – полотна великих мастеров, изделия Фаберже, драгоценные камни... Здесь и сырьевые богатства, выкачанные из СССР посредством концессий трудами Хаммера и иже с ним. Здесь и царское золото, по версии некоторых историков, буквальным образом спасшее Америку в период краха 1929 г...

Не бывает *таких* случайностей. Перед выгодой, извлеченной янкесами, меркнет всё остальное. Прикажете верить, что мы имеем дело со стечением обстоятельств?

Свежо предание... Кроме того, есть еще один любопытнейший аспект проблемы: уже не первый год в прессе всплывают туманные упоминания о том, что в начале столетия русская нефтяная промышленность фактически грозила вытеснить из Европы американскую. Пишут еще, что именно на денежки американского нефтяного магната Генри Детердинга русские революционеры устраивали забастовки на богатейших бакинских нефтяных месторождениях...

«Нефть» – магическое слово, родившееся не вчера. Уже в начале века нефтяные войны начинали понемногу разгораться – и уже тогда были потаенными, невидимыми миру...

К сожалению, недостает данных, чтобы построить убедительную и доказательную версию. Либо мы имеем дело с обрывками информации, либо с вовсе уж косвенными свидетельствами. Однако нельзя и отбрасывать с ходу версию об «американо-нефтяном» следе. Уже в начале нашего столетия в этом бизнесе крутились такие капиталы, перед которыми все субсидии и Шиффа, и германского генерального штаба выглядят карманными деньгами юной гимназистки. Октябрьская революция, я не в силах отделаться от такого впечатления, пахла нефтью. А в качестве отвлекающих фигур, на которых и обрушились карающие перья «национал-патриотов», были чрезвычайно удобны именно Шифф с неуловимыми масонами...

И еще один интересный аспект, вновь возвращающий нас на берега туманного Альбиона...

По-моему, никто еще не рассматривал в одной связке Октябрьскую революцию в России и судьбу государства Израиль. Так вот,

прослеживается любопытная взаимосвязь: помимо всего прочего, установление Советской власти... *отодвинуло* провозглашение Израиля на несколько десятков лет!

Потому что с созданием Советской России и возникновением мнимого «еврейского равенства» кое-кто получил в руки мощнейший аргумент против создания Израиля, еврейского государства в Палестине. Теперь можно было громогласно заявлять, что нет никакой необходимости в еврейском государстве, коли уж на карте мира появилась страна, якобы во мгновение ока ставшая раем для евреев...

Кто же сопротивлялся созданию Израиля долгие десятилетия, с завидным упорством, перераставшим в злобу?

Об этом лучше всего расскажет опять-таки Голда Меир: «Всего несколько лет прошло с тех пор, как Великобритания получила мандат на Палестину, – а правительство уже проявляло довольно сильную враждебность к евреям. Хуже того, оно стало сворачивать еврейскую иммиграцию в Палестину и в 1930 г. угрожало вообще ее временно прекратить».

Буквально перед началом Первой мировой войны произошла так называемая Вторая Алия (35 000 евреев прибыли в Палестину в 1909–1914 гг.). Англичан это не радовало ни тогда, ни впоследствии...

«В 1929 году опять поднялась волна арабских беспорядков, и хотя британцы восстановили порядок, они сделали это с расчетом создать у арабов впечатление, что никто не будет особенно сурово наказан за убийство или ограбление евреев...

...Оказалось, что англичане куда более озабочены умиротворением арабов, чем выполнением своих обещаний евреям. В Лондоне мне цинично сказали: «Вы, евреи, хотели получить во владение национальный дом, а получили всего-навсего квартиру в нем». Но правда была еще горше. Начинало казаться, что квартирохозяин хочет и вовсе разорвать контракт...

...долгий, тяжкий, и порою трагический конфликт между нами и британцами...»

Можно по-разному оценивать взгляды покойного премьер-министра Израиля – каждый делает это, понятно, в соответствии со своими политическими убеждениями и пристрастиями. Но в любом случае то, о чем пишет Голда Меир, – часть мировой истории, а знать историю необходимо. Кстати, в мемуарах Голды Меир найдется и весьма любопытное упоминание о гражданской войне в Испании: «...я вспомнила, что на конгрессе Социалистического интернационала год назад я увидела, как плачут члены испанской делегации, умоляя о помощи, чтобы спасти

Мадрид. Эрнст Бевин только и сказал: «Британские лейбористы не готовы воевать за вас». Другими словами, «не готовы» воевать с Гитлером...

Вернемся к англичанам и их политике в Палестине. «И в мае 1939 года, несмотря на эскалацию преследований и убийств евреев в Австрии и Германии, англичане решили, что время пришло, наконец, окончательно захлопнуть ворота Палестины. Правительство Чемберлена (то самое, что фактически сдало Чехословакию Гитлеру – А.Б.) поддалось арабскому шантажу почти так же, как поддалось нацистскому».

Со стороны судить о конфликте меж арабами и евреями – дело безнадежное. Я и не пытаюсь – но, повторяю, историю знать необходимо во всей полноте...

«Тысячу раз с самого 1939 года я пыталась объяснить себе и, конечно, другим, каким образом британцы в те самые годы, когда они с таким мужеством и решимостью противостояли нацистам, находили время, энергию и ресурсы для долгой и жестокой борьбы против еврейских беженцев от тех же нацистов. Но я так и не нашла разумного объяснения – а может быть, его и не существует. Знаю только, что государство Израиль, возможно, родилось бы только много лет спустя, если бы британская «война внутри войны» велась не с таким ожесточением и безумным упорством».

«Что мы требовали от британцев и в чем они нам так упорно отказывали? Даже мне ответ на это сегодня представляется невероятным. С 1939 по 1945 год мы хотели только одного: принять в страну всех евреев, которых хотели спасти. Вот и все. ...Британцы были непоколебимы...»

Нужно добавить, что после 1945 года англичане установили морскую и воздушную блокаду, чтобы перехватывать идущие в Палестину корабли с еврейскими репатриантами на борту...

Версия? Оговорюсь сразу: я не располагаю достаточно достоверной информацией, чтобы утверждать, будто британская разведка имела какое-то отношение к устранению с престола Николая II, чтобы вызвать хорошо просчитанные стратегические последствия, то есть – остановить еврейскую эмиграцию из России в Палестину. Однако не удивился бы, окажись эта версия (или какая-то ее часть) в той или иной степени приближенной к истине. Исторический опыт убеждает, что британцы всегда и везде руководствовались исключительно *своей* выгодой. И неплохо умели просчитывать стратегические ходы. Можно в этой связи вспомнить, что как раз британцы (о чем я подробнее расскажу чуть погодя) фактически предали Николая и его семью, родственников своего короля, не согласившись на переезд свергнутого царя в Великобританию... Можно

вспомнить пресловутую английскую «интервенцию» в Советскую Россию – о чем я опять-таки расскажу погодя. По сути, все вмешательство англичан в русскую гражданскую войну свелось к тому, что английские торпедные катера атаковали в гавани Кронштадта российские военные корабли – то есть примитивно пытались устранить *конкурирующую* на Балтике с «Ройял Флитом» силу, только и всего... Ну, а о том, как бритты в 1945-м выдали на расправу Сталину тысячи белоэмигрантов, и без меня написано много. Словом, англичане *никогда*, ни в малейшей степени не были доброжелателями России, кто бы Россией ни правил, – а это дает некоторое моральное право не бояться выдвигать кое-какие версии, пусть они и покажутся иным либералам фантастическими...

(Вообще, британская логика – штука своеобразная. В свое время была опубликована рассекреченная переписка двух британских дипломатов периода, предшествовавшего Семилетней войне. В то время Англия еще заигрывала с Пруссией – и вот английский посол в Петербурге Уильям интересуется у своего берлинского коллеги Митчела, как тот смотрит на идею снабдить паспортом английского дипломатического курьера отправляемого в Россию прусского разведчика Ламберта. Митчел категорически против, мотивируя это следующим образом: «Такая варварская нация, как Россия, способна будет на всякие крайности из-за подобного нарушения международного права» [46].

Русские – «варварская нация», потому что не потерпят нарушения международного права... Красиво, ничего не скажешь.)

Ники, Аликс и остальные

Крайности у нас обожают. А потому в противовес всему, что написано при коммунистах, в последние годы трудами иных деятелей культуры – особенно в том преуспели Солоухин и Говорухин – в массовое сознание оказался успешно вбит образ царской России, прямо-таки подобной сказочной саксонской стране Кокэйн, краю всеобщего благоденствия, с молочными реками и кисельными берегами. И остается решительно непонятным: если все обстояло столь прекрасно, что за паранойя охватила русский народ, заставив его своими руками разрушить столь благополучную, сытую и процветающую страну? И поневоле закрадываются еретические мысли: а вдруг и не было паранойи? Вдруг клятые коммуняки в своих оценках царской России были во многом правы?

Крайности крайностями, а истина, как ей и положено, лежит посередине...

Морис Палеолог, французский посол при российском императорском дворе, однажды с помощью нехитрых арифметических подсчетов установил, что по крови Николай II был русским только на 1/128. Разумеется, сам по себе этот факт ничего не объясняет. Не раз в истории случалось, что «инородцы» по крови, взявшись за управление тем или иным государством, достигали успехов, которые и не снились «коренным»: еврей Дизраэли, потомок крещеных евреев Франко, белорус Пилсудский, грузин Сталин. Дело не в составе крови. Дело в другом: насколько Николай, во время переписи населения 1897-го собственноручно начертавший в графе о профессии опросного листка «Хозяин земли Русской», годился для роли рачительного и толкового хозяина?

Английский писатель Паркинсон, автор знаменитого «Закона Паркинсона», однажды мимоходом высказался о причинах краха российской монархии так: «...любую революцию порождает само правительство, оно создает вакуум, куда бунтари засасываются, можно сказать, против воли... Империи рушатся, потому что гниют изнутри, а правители, на чьем счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, чего они не удосужились сделать. А подлинные лидеры правят мощно, ярко, быстро ведут за собой народ к четко поставленной цели. Когда этого нет, как, скажем, в царской России, возникает вакуум... Нас ввели в заблуждение историки: если верить им, революции совершали голодные крестьяне, замыслив бунт против своих

хозяев. Но так ли это? Люди, которые по-настоящему угнетены, никогда не поднимутся на бунт, и, если бы революции вырастали из народного недовольства, они случались бы гораздо раньше, когда дела обстояли еще хуже. Но в том-то и дело, что тираны процветают, а кресла трещат под их преемниками, у которых вроде бы самые благие намерения» [147].

Здесь гораздо меньше парадокса, чем может показаться на первый взгляд. Именно так в мировой истории и обстояло: в Англии процветал тиран Генрих VIII, но расстался с головой слабый и бесцветный Карл I. Во Франции более полувека благоденствовал теоретик абсолютизма Людовик XIV, загнавший страну в полное истощение войнами и расточительностью, – но головы лишился опять-таки бесцветнейший Людовик XVI. В России не зафиксировано ни одного серьезного покушения на Ивана Грозного, Петра I и Николая I...

Итак, вакуум. Правители, приводящие народ к катастрофе как раз тем, чего они *не* сделали...

И собственную гибель, и гибель империи Николай, по сути, запрограммировал уже своей женитьбой. Нынешние его апологеты с могучим сюсюканьем, порой превосходящим по громкости корабельную сирену, восторгаются и умиляются: государь, отец наш, «женился по страстной любви»! И при этом именуют себя монархистами...

Проблема давно исследована теоретиками монархической идеи в самых разных европейских странах: самодержец, кроме огромных, ничем не стесненных прав, обладает еще добровольно возложенными на себя обязанностями. Одна из таких обязанностей – невозможность подобно обычному человеку жениться по любви. Брак монарха обязан преследовать два требования:

- а) принести в дальнейшем политические выгоды,
- б) служить появлению на свет здорового потомства.

Оба эти условия никоим образом не были соблюдены. Женившись по любви, Николай совершил свое первое предательство интересов России, сделал то, чего не имел права делать. На российском престоле оказалась истеричка с дипломом доктора философии, несшая в генах страшную болезнь – несвертываемость крови (гемофилию). Хотя уже в те времена медики обладали достаточными знаниями о наследственных болезнях вообще и механизме передачи гемофилии детям мужского пола. Никто, однако, не набрался смелости вразумить императора – ну как же, романтический Ники пылал любовью...

Последствия известны. Родился больной наследник. Легко представить, как это повлияло на психическое состояние царствующей

четы, и без того не блиставшей интеллектом. При дворе появились сменявшие друг друга шарлатаны – «магнетизеры», целители, «святые старцы». Кончилось все Распутиным, приведшим к окончательному краху...

Кроме того, Алиса Гессенская повинна и в другом, не менее фатальном для империи грехе – она с прямо-таки параноическим упорством старалась избавиться от мало-мальски выдающихся государственных деятелей, «затмевавших» ее ничтожного супруга. И проталкивала поближе к трону вовсе уж явные ничтожества...

Знаменитый русский военный теоретик Драгомиров оставил убийственное высказывание о Николае II: «СИДЕТЬ на престоле годен, но СТОЯТЬ во главе России неспособен». Министр иностранных дел Н.П. Дурново считал, что Николай «обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства», что маловато для человека, стоящего во главе империи... Не менее категоричен известный юрист Кони: «Его взгляд на себя, как на провиденциального помазанника божия, вызывал в нем подчас приливы такой самоуверенности, что ставились им в ничто все советы и предостережения тех немногих честных людей, которые еще обнаруживались в его окружении». Он же писал о царе: «Трусость и предательство прошли красной нитью через всю его жизнь, через все его царствование, и в этом, а не в недостатке ума и воли, надо искать некоторые из причин того, чем закончились для него и то, и другое». Это написано за год до расстрела царской семьи в Екатеринбурге. Не недостаток ума, а «отсутствие сердца и связанное с этим отсутствие чувства собственного достоинства, – писал Кони, – в результате которого он среди унижений и несчастья всех близко окружающих продолжает влачить свою жалкую жизнь, не сумев погибнуть с честью».

Британский премьер-министр Ллойд-Джордж не менее категоричен: Российская империя была «ковчегом, у которого полностью отсутствовали мореходные качества. Весь его остов прогнил, и экипаж был не лучше. Капитан годился только для прогулочной яхты в спокойных водах, а штурман выбирался его женой, отдыхавшей на кушетке в каюте». Николая англичанин характеризовал как «корону без головы... конец был трагическим, но за эту трагедию страна не может нести ответственность ни в коем случае». Даже питающий к Николаю самый горячий пиетет Роберт Мэсси не выдерживает: «В ходе войны народ хотел не революции, а только реформ. Но Александра, побуждаемая Распутиным, страстно протестовала против всякого умаления царской власти. Уступая жене, борясь за спасение самодержавия и отрицая все доводы в пользу ответственного перед

народом правительства, Николай сделал революцию и конечный триумф Ленина неизбежными» [131].

Малоизвестный факт, кажется, не имевший аналогов в мировой практике: в свое время русская полиция... конфисковала тираж книги «Полное собрание речей императора Николая II за 1894–1906 годы»! Собранные вместе, речи и резолюции императора производили столь невыгодное, даже дискредитирующее впечатление, что книгу пришлось срочно изымать из обращения...

Как-то забылось, что ближайшие родственники Николая сделали для дискредитации русской монархии гораздо больше, чем все листовки кучки большевиков... Великие князья не чурались спекуляции, финансовых афер, прямого казнокрадства. Александр Михайлович нагрел себе руки на знаменитой аванюре с «концессией Безобразова» в Маньчжурии, прикарманил огромные суммы, которые должны были идти на постройку военных кораблей, в годы Первой мировой войны нажил состояние на торговле спиртным (при том, что она была прямо запрещена). Михаил Николаевич спекулировал земельными участками на Кавказе. «Высочайший шеф» русского флота Алексей Александрович присвоил миллионы рублей из казенных сумм флота и средств Красного Креста. Современник писал: «В карманах честного Алексея уместилось несколько броненосцев и пара миллионов Красного Креста, причем он весьма остроумно преподнес балерине, которая была его любовницей, чудесный красный крест из рубинов, и она надела его в тот самый день, когда стало известно о недочете в два миллиона».

На фоне этих субъектов, пользовавшихся полной безнаказанностью, сущим ангелочком выглядит Николай Константинович, который всего-навсего, словно гимназист, украл у матери бриллианты для своей любовницы-певички. Пожурен и отправлен в Ташкент...

Собственно говоря, Николай далеко не первый монарх, печально прославившийся полнейшим ничтожеством. Бывали и почище. Однако в иных случаях положение спасал «могучий ум при слабом государе». Столь же ничтожный Людовик XIII сохранил достаточно ума, чтобы фактически передать власть в руки кардинала Ришелье, незауряднейшего государственного деятеля.

Однако Николай – и побуждаемый женой, и по своей инициативе – решительно избавлялся от всех мало-мальски выдающихся министров. В 1906 г. произошло событие, до сих пор не оцененное по достоинству: увольнение в отставку министра финансов, а позже Председателя Совета Министров С.Ю. Витте. Именно Витте провел в жизнь реформы,

обеспечившие конвертируемость русского рубля, ввел золотую валюту. При нем рубль полностью обеспечивался золотым содержанием. Еще несколько лет упорной работы в том же направлении могли вывести Россию из тупика – но Витте был чересчур незауряден, а потому отправлен в отставку. Кстати, поминавшееся выше отсутствие смелости привело к тому, что у царя вошло в обычай отделяться от министров довольно подленьким способом – вызвав и обласкав того или иного сановника, Николай отправлял его, заверяя в своей полной благосклонности, но буквально на завтра же появлялся дворцовый фельдъегерь с высочайшим указом об отставке. «Он смотрел на своих министров, как на простых приказчиков», – вспоминает очевидец. Слишком активный и инициативный человек всегда был подозрителен. Назначая премьер-министром Коковцова, царь спросил прямо: «Надеюсь, вы не будете меня заслонять так, как это делал Столыпин?»

Вот, кстати, о Столыпине... У нас в последние годы принято ссылаться на его реформы, как на спасительные для России. Стало прямо-таки хорошим тоном сокрушаться о гибели Столыпина, с пеной у рта заверяя: останься он в живых, Россия процветала бы...

Позвольте не верить. Во-первых, почитатели Столыпина как-то совершенно упускают из виду, что к моменту убийства премьера он фактически был уже политическим трупом. Его уход в отставку был делом решенным, вопросом считанных дней. Как раз оттого, что царь не терпел «заслонявших» его... И можно говорить с железной уверенностью: после отставки Столыпина его реформы были бы моментально свернуты, точно так, как это произошло после убийства.

Кем было организовано убийство, не сомневались уже тогда. Сказочка о «злокозненном жиде Мордке», по собственному-де хотению (вариант: по воле некоего жидомасонского центра) убившем «спасителя России», – байки для убогих. Столыпин был негоден дворцовым консерваторам даже больше, нежели большевикам и иным революционерам. Деникин писал: «Слева Столыпина считали реакционером, справа (придворные круги, правый сектор Государственного Совета, объединенное дворянство) – опасным революционером» [58]. Хозяйка знаменитого светского салона, дочь егермейстера двора А. Богданович писала в своем дневнике: «... Столыпина, убитого никем иным, как охраной» [14]. Светская дама лишь зафиксировала на бумаге то, что говорили совершенно открыто. Оставшись бы в живых, Столыпин ничего уже не смог спасти – поскольку царь и его тупое окружение цеплялось за «старину» и прямо-таки вырубало всех, кто мог их, убогих, спасти...

Между прочим, есть еще малоизвестная, но любопытнейшая точка зрения на столыпинские реформы митрополита Вениамина (Федченкова), происходившего из крестьянской семьи и знавшего обстановку в деревне не понаслышке: «Ему (Столыпину – А.Б.) приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого «хуторского» хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Не знаю, верно ли я сформулировал его идею. Тогда я жил в селе и отчетливо видел, что народ – против нее. И причина была простая. Из существующей площади – даже если бы отнять все другие земли: удельные, помещичьи, церковные и монастырские – нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесятидесятичными хуторами, да и за них нужно было бы выплачивать. Значит, из более зажиточных мужиков выделилась бы маленькая группочка новых «владельцев», а массы остались бы по-прежнему малоземельными. В душах же народа лишь увеличилось бы чувство вражды к привилегиям новых «богачей» [33].

Подтвердить или опровергнуть эти высказывания просто: достаточно взять сохранившиеся дореволюционные статистические справочники и проделать нехитрые расчеты. Довольно быстро можно будет выяснить, прав митрополит или ошибался...

«Хутора в народе проваливались, – писал он далее. – В нашей округе едва ли нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное».

Другими словами, есть *разные* точки зрения на реформы Столыпина, и забывать об этом не след.

Как не стоит забывать и о провалившемся «плане Кутлера». Николай Николаевич Кутлер (1859–1924) – русский государственный и политический деятель, юрист по образованию. В 1905–1906 годах, занимая пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, он подготовил проект отчуждения частновладельческих земель в пользу крестьянства. Кутлер и два его соавтора (профессор-экономист Кауфман и директор департамента государственных имуществ Риттих) предлагали передать крестьянам 25 миллионов десятин государственных и помещичьих пахотных земель – задолго до Столыпина. Несмотря на то, что предусматривалось взыскание с крестьянства огромного выкупа, даже

превосходившего платежи реформы 1861 г., несмотря на то, что к передаче крестьянам были намечены в основном земли «впусте лежащие, а также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду», Николай II отклонил проект С.Ю. Витте, в то время еще остававшийся главой правительства, поддержал Кутлера, представив царю доклад со следующей примечательной фразой: «Представляется предпочтительным для помещиков поступиться частью земли и обеспечить за собой владение остальной землей, нежели лишиться всего». Николай поставил две резолюции: «Частная собственность должна остаться неприкосновенной», «Кутлера с его должности сместить».

Стоит ли удивляться, что после революции Кутлер перешел к большевикам и работал в Наркомфине и в правлении Госбанка? Стоит ли удивляться, что с 1908 по 1913 г. в стране было зарегистрировано около двадцати двух тысяч (!) крестьянских выступлений? Винить в этом кучку большевиков нелепо. Продолжался старый, как мир, спор меж землепашцем и феодалом – причем феодал был настолько туп, что сопротивлялся любым переменам, своими руками вырыв себе могилу...

Опять-таки в последние годы укрепилось ничего общего не имеющее с исторической правдой убеждение, будто «русский крестьянин кормил всю Европу, продавая за границу зерно».

Более нелепое утверждение трудно себе представить – поскольку сохранилось множество справочников, энциклопедий, мемуаров, свидетельствующих, кто именно «кормил Европу».

Крестьянин-единоличник здесь совершенно ни при чем. *Всё* до единого зернышка, вывозимое на экспорт, было произведено в хозяйствах южнорусских и новороссийских *помещиков*. Как говорят на Западе – латифундистов. Вывозимое зерно было собрано с помощью *наемной* рабочей силы и передовой по тому времени сельскохозяйственной техники – и то, и другое могли себе позволить лишь крупные помещики. Латифундисты. Владельцы «агропромышленных комплексов». «Фермер» здесь ни при чем. Да и не было в России «фермеров». «Ферма» – это *отдельно* расположенное крестьянское хозяйство, по-русски – хутор. В России же, как во многих других странах, были *деревни* – места компактного проживания земледельцев, окруженные полями. «Ферма» и «деревня» – совершенно разные вещи...

Вернемся к крестьянам-единоличникам. *Они* как раз никакого зерна в Европу не вывозили и не могли вывозить – по той простой причине, что из-за малого количества земли и почти первобытного уровня ее обработки не способны были производить *излишки*.

«И я не тому дивлюсь, что бывали восстания крестьян, а нужно дивиться тому, что их было все же очень мало», – пишет митрополит Вениамин.

Русская деревня до революции хронически голодала – это непреложная истина, опровергающая сказочки о «кисельных берегах». Надежным свидетелем может послужить автор написанных в эмиграции воспоминаний А.Н. Наумов, бывший в 1915–1916 гг. министром земледелия. Он участвовал в борьбе с «самарским голодом» еще в конце прошлого века, когда «небывалые недороды 1897–1898 гг. повлекли за собой почти повсеместное недоедание, а в ряде районов настоящий голод с его последствиями – цингой и тифом». «Что же мне пришлось увидеть? Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны». Видный сановник Ламздорф оставил схожие воспоминания: «От просящих хлеба нет прохода. Окружают повсюду толпой. Картина душераздирающая. На почве голода тиф и цинга». Мало того, министр иностранных дел Гирс «в ужасе от того, как относятся к бедствию государь и интимный круг императорской семьи». Царь... не верит, что есть голод! За завтраком в тесном кругу «он говорит о голоде почти со смехом». Находит, что раздаваемые пособия только деморализуют народ, вышучивает тех, кто уезжает в губернии, чтобы наладить помощь. Такое отношение к бедствию «разделяется, по-видимому, всей семьей».

Когда общественность сама пыталась организовать хоть какую-то помощь, этому мешали те же сановники. Полковник А.А. фон Вендрих, инспектор министерства путей сообщения и фаворит царя, посланный особоуполномоченным в пострадавшие от голода районы, дезорганизовал грузовое движение на центральных магистралях, загнал в тупик одиннадцать тысяч вагонов с зерном, шесть с половиной миллионов пудов подмокли и стали гнить.

Доложили царю. Николай раздраженно отмахнулся: «Не говорите о нем вздора, это достойный офицер. Всяких побирающихся будет много, а таких верных людей, как Вендрих, раз-два и обчелся».

Вендрих просто гноил отправленный голодающим хлеб. Алабин, председатель Самарской губернской земской управы, получив крупные взятки от хлеботорговцев, отправил голодающим гнилую муку, а в другие районы – зерно с примесью ядовитых семян куколя и других сорняков. Начались эпидемии, люди гибли от отравления. Алабина отдали под суд, но оправдали ввиду «неумелости».

Еще один фаворит царя, товарищ министра внутренних дел Гурко,

которому было поручено создать резерв зерна, за взятку переуступил свои полномочия иностранцу Лидвалю – а тот вообще сорвал поставки. Наумов, говоря о голоде, особо подчеркивал «неподготовленность административных верхов, их неспособность обеспечить снабжение, учет и размещение по стране имеющихся запасов». Так стоит ли удивляться, что по всей стране горели помещичьи усадьбы и идиллические «дворянские гнезда»?

О «готовности» России к Первой мировой войне авторитетно может поведать А.И. Деникин: «Положение русских армии и флота после японской войны, истощившей материальные запасы, обнаружившей недочеты в организации, обучении и управлении, было поистине угрожающим. По признанию военных авторитетов, армия вообще до 1910 г. оставалась в полном смысле слова беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910–1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и материальном отношении совершенно недостаточно. Закон о постройке флота прошел только в 1912 году. Так называемая «Большая программа», которая должна была значительно усилить армию, была утверждена лишь... в марте 1914 г. Так что ничего существенного из этой программы осуществить не удалось: корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей».

В числе главных причин этого Деникин называет «нашу инертность, бюрократическую волокиту, бездарность военного министра Сухомлинова – «совершенно невежественного в военном деле».

Ситуация усугублялась еще и тем, что русская армия то и дело шла в наступление совершенно не подготовившись – поскольку союзники, терпевшие поражение за поражением, панически просили помочь, и полк за полком ложился костями, спасая «цивилизованных» французов и англичан...

По исконному российскому обычаю, когда дела шли плохо, вместо критического и беспристрастного анализа в пожарном темпе выискивали «изменников» и «супостатов». Иная клевета, родившаяся в начале Первой мировой, не умерла до нашего времени...

И советские историки, и антисоветски настроенные эмигранты частенько прохаживались в адрес «изменника и предателя» генерала Ренненкампа, якобы главного виновника сокрушительного поражения армии генерала Самсонова в Мазурских болотах. Главный упор, как легко догадаться, делался на немецкое происхождение Ренненкампа – других

доказательств попросту не было.

Однако А.И. Деникин дает совершенно иную картину событий, безоговорочно реабилитируя Ренненкампа, к которому относился с большим уважением, и возлагает вину на самого Самсонова, допустившего ряд серьезнейших промахов. И нашедшего в себе силы застрелиться после гибели своей армии...

Кстати, в одном из крупных поражений русских войск в Карпатах был прямо повинен генерал Брусилов, но впоследствии, уже служа у красных, свалил все на генерала Корнилова, прекрасно понимая, что опровергнуть его ложь никто не в состоянии...

Принято считать, что к Февральской революции положение на фронтах наладилось. Больше стало пушек, снарядов, другой военной техники. В подтверждение любят цитировать и Черчилля, и Деникина.

Все так. Однако при этом упускается из виду одна простая вещь: готовность к успешному продолжению военных действий вовсе не означает автоматически, что в государстве все благополучно, что оно здорово. Лучше всех в Европе в 1939 г. к большой войне оказалась подготовленной Германия – но свидетельствует ли это о здоровье государственного организма и нации? Скорее наоборот...

Воз увяз в трясине. Монархия в феврале *рухнула*. Многозначительная деталь: петербургский градоначальник генерал Хабалов, которому было поручено подавить беспорядки, даже не в состоянии был напечатать увещающие воззвания. С превеликими трудами выпустив *несколько* экземпляров листовок, послал городовых наклеить их «где-нибудь». Дальше ехать некуда... Шульгин писал: «Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... и даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала. Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает» [215].

Ставка Николая на бездарности ничем другим закончиться и не могла... Столыпин сказал однажды: «Никто не может отнять у русского государя священное право и обязанность спасать в дни тяжелых испытаний богом врученную ему державу». Но дело как раз в том, что Николай сам, добровольно, снял с себя это право. «Отрекся, как роту сдал», – не без брезгливости замечает Шульгин.

Можно, конечно, сваливать все на измену командующих фронтами. В самом деле, все они, поголовно, на вопрос о желательности отречения ответили положительно: великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт), генерал Брусилов (Юго-Западный фронт), генерал Эверт (Западный

фронт), генерал Сахаров (Румынский фронт), генерал Рузский (Северный фронт), адмирал Непенин (командующий Балтийским флотом). Колчак, командующий Черноморским флотом, от посылки аналогичной телеграммы воздержался, но с мнением других «согласился безоговорочно», как и начальник штаба Ставки генерал Алексеев^[97].

Но возникает другой вопрос: смогли бы высшие военные чины столь легко отречься от императора, с которым связывали бы хоть какие-то надежды?

Вряд ли. Просто-напросто ничтожный «Ники» потерял всякий авторитет. Вдумайтесь: *никто* не выступил в его защиту. У Людовика XVI, по крайней мере, нашелся полк швейцарцев и несколько десятков дворян, открывших ружейный огонь по рвущимся в Тюильри восставшим. Две-три сотни человек все же выступили с оружием в руках.

У Николая не было и этого. Мэсси, правда, упоминает о некоем «преданном эскадроне кавалергардов», якобы двое суток скакавшем по снежному бездорожью из Новгорода на защиту царя и династии, по это больше похоже на одну из тех легенд, что в избытке сопровождают любое крупное историческое событие...

Все бросили. Все оставили. Морис Палеолог отмечает: «Одним из самых характерных явлений революции, только что свергнувшей царизм, была абсолютная пустота, мгновенно образовавшаяся вокруг царя и царицы в опасности. При первом же натиске народного восстания все гвардейские полки, в том числе великолепные лейб-казаки, изменили своей присяге верности. Ни один из великих князей тоже не поднялся на защиту священных особ царя и царицы: один из них не дождался даже отречения императора, чтобы предоставить свое войско в распоряжение инсurreкционного правительства^[98]. Наконец, за несколькими исключениями, тем более заслуживающими уважения, произошло всеобщее бегство придворных, всех этих высших офицеров и сановников, которые в ослепительной пышности церемоний и шествий выступали в качестве прирожденных стражей трона и присяжных защитников императорского величества» [145].

И тут же французский посол приводит мнение некоей русской «госпожи Р.»: «Да это он нас покинул, он нас предал, он не исполнил своего долга, это он поставил нас в невозможность защищать его. Не его предали родня, гвардия и двор, а он предал весь свой народ».

Оставшаяся для нас загадочной «госпожа Р.» была права. Бездарный, жалкий, трусливый Ники предал свой народ – и тем, что отрекся с

вопиющим нарушением существовавших тогда законов о престолонаследии. И тем, что культивировал возле себя таких же бездарей, как сам. И тем, что оставался глух к любым попыткам объяснить ему истинное положение дел...

Остались подробные записи о беседе с царем монархиста Родзянко, прямо заявившего Николаю: «Никакая революционная пропаганда не может сделать того, что делает присутствие Распутина в царской семье. Влияние, которое Распутин оказывает на церковные и государственные дела, внушает ужас всем честным людям. А на защиту проходимца поставлен весь государственный аппарат, начиная от верхов Синода и кончая массою филеров... Явление небывалое!»

Царь отделался по своему обыкновению пустыми фразами. Как обычно. Он предал Столыпина, он предал Кутлера, предал Витте, пригнул у трона тобольского конокрада... Более ничтожной и пустой личности на троне Российской империи еще не бывало.

Потом начали предавать его. 10 апреля 1917 г. последовал холодный полуофициальный ответ английского министерства иностранных дел Керенскому, пытавшемуся «сплавить» царя с семьей на берега Альбиона: «Правительство Его Величества не настаивает на своем прежнем приглашении царской семьи». Более того, когда распространились слухи, что Николая с семьей готова принять Франция, английский посол в Париже лорд Френсис Берти срочно отправил письмо в секретариат французского МИД, где о «Ники» и «Алисе» высказался так: «Она должна рассматриваться как преступница или преступная одержимая, а бывший император как преступник за свою слабость и покорность ее подсказкам».

Когда к германскому послу Мирбаху пришли русские монархисты, умоляя выволочь царя из Екатеринбурга, Мирбах преспокойно заявил: «Судьба русского императора в руках его народа. Раз мы проиграли, лучшего мы не стоим. Это старая, старая история – горе побежденному!»

Можно, конечно, яростно обличать подлость и цинизм как британцев, так и германцев (при том, что и британский, и германский императоры были родственниками Николая). С одной стороны, нет никаких сомнений: и те, и другие поступили довольно подло.

С другой же... Николай *сам* довел дело до такого финала, когда превратился в живого мертвеца, ненужного никому – ни иностранным владетельным домам, ни кому бы то ни было в собственной стране. Нелишне вспомнить, что ни одно из белых движений не рассматривало всерьез свою борьбу как сражение за права Николая, никто не собирался восстанавливать его на троне. Так что знаменитое высказывание Свердлова

о расстреле царской семьи: большевики, мол, «не хотели оставлять монархистам живого знамени», можно смело назвать полнейшей глупостью. Никто из противников большевиков и не рассматривал Николая в качестве знамени.

«Кто хочет себя погубить, тот погубит», – сказал Шульгин.

Мне жаль расстрелянных в Екатеринбурге *детей*. Но нет ни капли жалости к *дворянину* Романову (поскольку после отречения он был всего лишь дворянином, и не более того, и утверждать, будто «большевики убили *царя*», как-то смешно).

Он *сам* погубил все и всех, став могильщиком старой России, а потому иного отношения и недостоин.

После Февраля

Существовали ли после Февраля другие варианты будущего, альтернатива Октябрю?

Вряд ли. Смешно и думать, что Россия, освободившись от исчерпавшей себя монархии, могла по мановению некоей волшебной палочки каким-то чудом превратиться в демократическое, свободное, умиротворенное государство. Во-первых, противоречий накопилось слишком много. Во-вторых, попросту не существовало силы, способной бы противостоять большевикам. Единственную попытку переломить ситуацию – «мятеж генерала Корнилова» – моментально свел на нет сам Керенский, предпочитавший Корнилову союз с большевиками.

А там и самого Керенского, оказавшегося еще бездарнее и ничтожнее Николая, просто-таки вышвырнули пинком под зад. Почти бескровный переворот наглядно свидетельствует, что правительство Керенского не пользовалось ни малейшей поддержкой. И взятие власти большевиками отнюдь не было неожиданностью. Нечто подобное предсказывалось еще 20 августа 1917 г. на заседании ЦК кадетской партии: «... в стране начинается распад... результаты бездействия власти... власть возьмет в руки тот, кто не побоится стать жестоким и грубым... мы дождемся диктатуры... в правительстве уже считаются с возможностью применения военных для получения хлеба от крестьян... Вспышки социального бунтарства на окраинах будут не столько результатом дурных пастырей и разных негодяев, сколько следствием разрухи и взаимного непонимания... Будут ли поводом голодные бунты или выступление большевиков, но жизнь толкнет общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции...»

Большевики не побоялись резануть скальпелем по живому, только и всего... Впрочем, стоит ли сводить все к понятию «большевики»? Отчего-то совершенно забылось, что Октябрьский переворот устроили *три* силы, еще несколько месяцев после того действовавшие во взаимном согласии. Большевики, левые эсеры, анархисты – две последних партии отнюдь не уступали большевикам в численности, если не превосходили. В последние годы принято ругать знаменитого «матроса Железняка», разогнавшего Учредительное собрание. Но Александр Железняков вовсе не был большевиком! Он – активный член партии анархистов. И погиб на гражданской, командуя опять-таки анархистским боевым отрядом. Левые

эсеры какое-то время были не просто союзниками большевиков, но и занимали довольно ответственные посты в ЧК – а посему несут свою долю вины за красный террор...

Собственно, в октябре 17-го в России случилось то, о чем Энгельс писал Вайдемейру еще 12 апреля 1853 г.: «Мне кажется, что из-за беспомощности и вялости всех остальных партий в одно прекрасное утро наша партия будет вынуждена взять власть, чтобы проводить в конце концов то, что не отвечает непосредственно нашим интересам, а отвечает общереволюционным и мелкобуржуазным интересам; таким образом, побуждаемые пролетарскими массами и связанные своими собственными толкованиями и в большей или меньшей степени выражаемыми в партийной борьбе декларациями и планами, мы будем вынуждены делать коммунистические эксперименты и прыжки, для которых лучше всего сами знаем, что не время. При этом мы потеряем головы – будем надеяться, только в физическом смысле – наступит реакция, и до того, как мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, начнут считать нас не только чудовищами, но и глупцами...»

Как ни относиться к Энгельсу, а он все предсказал удачнейше, масон клятый. Власть валялась на земле. Большевики взяли и подняли. Потом начались «коммунистические эксперименты», прыжки, которым было «не время». А чуть позже появился Сталин, опять-таки предсказанный множеством теоретиков, от Виктора Гюго до белоэмигрантов. Перестрелял особо упертых революционеров и принялся строить обычную империю...

Были ли шансы у противников большевиков победить в гражданской войне?

Крайне сомнительно. Нелепо и смешно считать, будто красные победили лишь благодаря «превосходству в военной силе» или «железной дисциплине». Для *гражданской* войны эти категории не имеют никакого значения. Когда нет фиксированной линии фронта, когда солдаты всех противоборствующих лагерей являются уроженцами *одной* страны – никакая «железная дисциплина» не способна повлиять на что бы то ни было. История гражданской войны пестрит примерами, когда красные части (не только полки, но и дивизии!), решив вдруг расплесться с Советской властью, крайне легко приводили свои намерения в исполнение – в два счета вырезали комиссаров и чекистов (сколько там было тех и других? Горсточка по сравнению с вооруженной солдатской массой...) и уходили, куда заблагорассудится. Благо палитра не исчерпывалась красным и белым цветом – были еще махновцы, григорьевцы, антоновцы, прочие атаманы, просто воевавшие против всех на свете «зеленые»... То же самое,

кстати, происходило и во всех других лагерях...

Причина в другом – у большевиков была идея, способная овладеть массами, а у их противников, всех, вместе взятых, таковой идеи не нашлось. Можно тысячу раз повторять, что идеи большевиков были ошибочными, неправильными, лицемерными, ложными, маскировавшими их истинные намерения... Не в том суть. Большевики смогли предоставить своим сторонникам идею – а их противники не смогли. Точка. Чрезвычайки и комиссары – дело десятое...

Имеет смысл подробно рассмотреть то, что творилось в стане Деникина и Врангеля. Потому что свидетель событий очень уж осведомленный и занимавший в белом движении довольно высокий пост – митрополит Вениамин был «епископом армии и флота» и членом врангелевского «совета министров»...

«Какими же принципами руководствовалось белое движение? ...сознаюсь: у нас не было не только подробной политико-социальной программы, но даже самые основные принципы были не ясны с положительной стороны. Я и сейчас не помню каких-нибудь ярких лозунгов: а как бы я мог их забыть, если бы они были? А что помню, то было не сильно, не увлекало. Можно сказать, что наше движение руководилось скорее негативными, протестующими мотивами, чем ясными, положительными своими задачами. Мы боролись против большевиков – вот общая наша цель и психология... Что касается политического строя, то он был неясный, «не предрешенческий: вот покончить бы лишь с большевиками, а там «все устроится». Как? Опять Учредительное собрание, прежде разогнанное Железняковым? Нет! Об Учредительном собрании и не упоминалось. Что же? Монархия с династией Романовых? И об этом не говорилось, скорее этого опасались, потому что едва ли народные массы воротились бы к старому. Конституция? Да, это скорее всего. Но какая, кто, как – было неизвестно... Какие социально-экономические задачи? Тут было ясно: восстановление собственников и собственности. Ничего нового при генерале Деникине не было слышно...»

«...когда зашла речь о династии Романовых, генерал Врангель в последующем обмене мнениями бросил горячую фразу, которая страшно поразила даже его сотрудников-

генералов:

– Россия – не романовская вотчина!»

«Мне показалось, что народ наш смотрит на дело совсем просто, не с точки зрения идеалов политической философии славянофилов и не по рецептам революционеров, а также и не с религиозной высоты догмата Церкви о царе-помазаннике, а с разумной практической идеи – пользы. Была бы польза от царя, исполать ему! Не стало – или мало – пусть уйдет! Так и с другими властями – кадетскими, советскими. Здоровый простой взгляд».

Иными словами, от большевиков слишком многие могли рассчитывать получить *пользу*. Которой не увидели от белых...

«Можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, – писал Вениамин, – но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетия. А что же мы все (и я, конечно, в том числе) могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное собрание или Земский собор, который каким-то чудом все разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что здесь лежала одна из главных причин всего белого движения – в его безыдейности! В нашей бездумности!»

На юге белые спохватились, наконец, провести земельную реформу, когда «Добровольческая Армия была разбита на всех фронтах и у белых остался лишь крымский клочок». Естественно, она была, по выражению Вениамина, «компромиссной и запоздалой» и ничего уже не могла спасти...

Ни о какой «идейности» Юденича нет и разговора. Колчак... Колчак повторил ход большевиков и их союзников, разогнав в Омске остатки Учредительного собрания. Сначала, в первые месяцы, он получил огромную поддержку сибиряков – Советская власть, подступившая было к

сибирякам со своими «европейскими» догмами, которые за Уралом решительно не работали, была не просто свергнута в считанные дни: даже благонамеренные коммунистические историки употребляли гораздо более близкое к истине слово «пала». Сибирский паровой каток грузно покатился на запад, сметая жиденькие большевистские заслоны, и накал борьбы был такой, что солдаты двадцатидевятилетнего колчаковского генерала Пепеляева взяли Пермь фактически в *штыки* – голодные, необмундированные, почти не имевшие патронов и артиллерийской поддержки...

Но вот потом Сибирь отвернулась от Колчака – опять-таки в считанные недели. Когда пропитанный кокаином адмирал взялся восстанавливать в Поволжье старое помещичье землевладение, от него моментально ушли татары, башкиры, черемисы. Когда в Сибири началась волна реквизиций и прямого террора, там без малейшего участия большевиков возникли партизанские армии в десятки тысяч человек, сражавшиеся не «за красных», а всего-навсего против Колчака. (Потом многие из партизанских командиров с тем же талантом и размахом будут сражаться против красных, а другие, подобно Щетинкину и Кравченко, как-то очень уж быстро погибнут, но это другая история...) Именно это масштабнейшее партизанское движение, а не потуги бездарного Тухачевского, и обеспечили поражение Колчака.

Кстати, барон Будберг, занимавший высокий пост в гражданской администрации Колчака, в своих мемуарах опровергает укоренившееся представление о том, что слово «большевизм» непременно должно быть связано с прилагательным «красный». Будберг утверждает, что нельзя забывать и о «белых большевиках» – атаманах вроде Семенова и Анненкова, ничуть не уступавших «красным большевикам» в пренебрежении законностью и порядком, в методах расправы с противниками и просто инакомыслящими...

И, разумеется, не стоит принимать серьезно утверждения об интервенции иностранных войск в Россию.

По большому счету, не было никакой интервенции. Все три прибалтийских карлика, провозгласив независимость, чуть ли не мгновенно сговорились с большевиками и в обмен на гарантии с их стороны разоружили на своей территории белогвардейские части (потом, в тридцатые, карлики жестоко расплатятся за прошлое, но их жалкий писк ни в ком уже не встретит поддержки и понимания...).

Немцы, правда, вооружали и экипировали Краснова, но это было каплей в море.

Англичане высадились в Архангельске отнюдь не для борьбы с большевиками, а для того, чтобы прибрать к рукам огромные склады вооружения и армейского имущества, которые большевики могли, по мнению англичан, передать немцам. И приплыли бритты в Архангельск... по приглашению тамошнего Совета (за что потом большевики расстреляли его председателя). После капитуляции Германии англичане преспокойно снялись с якоря и уплыли, предав белое движение на Севере.

Аналогичным образом держались и финны – перерезав собственных красных, в дальнейшем озаботились лишь охраной своих рубежей, не сделав ни малейших попыток помочь реально белой гвардии. За что и поплатились потом советским вторжением и потерей изрядного куска территории.

Американцы и японцы на Дальнем Востоке, такое впечатление, больше ревниво следили за действиями друг друга (чтобы, не дай бог, не усилился чрезмерно соперник), нежели всерьез боролись с большевиками.

Чехи преспокойно устранились от войны с красными в Сибири. Все бы ничего (в конце концов, не обязаны были), но вдобавок поручик Гайда, произведший сам себя в генералы, спер изрядную часть колчаковского золотого запаса. И в обмен на разрешение вывести награбленное без досмотра сдал партизанам Колчака – в компании с французами. Именно это золото легло в основу созданного чуть погодя «Легия-банка», благодаря ему кукольная страна Чехословакия и просуществовала худо-бедно двадцать лет, пока не прикатил вермахт. Вообще чехи в двадцатом столетии явили миру печальнейший пример атрофии инстинкта государственности. Создать мощные укрепрайоны в Судетах, возле которых любой враг мог топтаться месяцами, создать армию, немногим уступавшую вермахту, – и позорно задрать лапки кверху, едва стукнули кулаком по столу в Берлине. Поневоле вспоминается кусок из пародийной «Всемирной истории», сочиненной до революции юмористами журнала «Сатирикон»: «И все у них было как-то несерьезно, по-детски – будто игра в куклы. Страны были маленькие, ничтожные, а тянулись за большими, подражали взрослым: так же устраивали политические восстания, казнили противников и, конечно, вводили реформуацию. Но все было у них на детский рост: вместо войн – стычки, вместо казней – пустяки. Да и реформация была какая-то не такая... Что же это за история?» [41].

Французы? Эти в свое время (есть точные свидетельства) грозили обстреливать с военных кораблей части Деникина, если те войдут в Одессу.

Греки... Как я ни ломал голову, не могу до сих пор понять, каким ветром занесло в Новороссию греческие части и какого черта они там

искали. Не иначе вспомнили времена Александра Македонского, комики...

Одним словом, если бы «интервенты» сражались с большевиками *серьезно*, по-настоящему – большевики не могли не пасть. Однако все иностранные державы преследовали свои, мимолетные, шкурные интересы, не имевшие ничего общего с реальной борьбой против большевизма, – что дало большевикам лишний козырь...

Можно еще упомянуть, что у красных оказалась масса как гражданских чиновников царского времени, так и царских офицеров в немалых чинах. Конечно, кое-кого, как о том справедливо пишут, затащили на службу шантажом, взяв близких в заложники. Но вряд ли это справедливо в подавляющем *большинстве* случаев. Слишком многие пришли добровольно – и генерал Бонч-Бруевич, брат ленинского сподвижника, и генерал Брусилов, и блестящий генштабист, генерал от инфантерии Поливанов, бывший помощник военного министра Российской империи Редигера. Здесь и столбовой дворянин Тухачевский, и царский полковник Шапошников, будущий шеф генштаба при красном царе Сталине, и десятки других...

Между прочим, впоследствии, когда Советская Россия из замышлявшегося Лениным «депо мировой революции» превратилась трудами Сталина в обычную империю, где «большевистская идеология» сохранялась лишь для вывески, слишком многие из эмиграции *осознали* это перерождение – и *приняли* его!

Сейчас кое-кто то и дело пытается реабилитировать подонка Власова, оправдывая его тем, что он-де был «против» Сталина. И это, мол, все искупает. Однако не мешает напомнить строчки «Войны и мира», посвященные бегству русских из Москвы перед сдачей ее Наполеону: «Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего».

Точно так же люди из родовитейших русских фамилий, равно так и бывшие вожди белого движения, категорически отказались сотрудничать с Гитлером. К немцам привычно подался их старый клиент Краснов, но Деникин брезгливо отказался от всяких контактов с фюрером. Княгиня Вика Оболенская сражалась во французском Сопротивлении – и погибла. Князь Феликс Юсупов, в свое время отказавшийся вступить в белую гвардию, отверг все попытки гитлеровцев заманить его к себе на службу. Его сообщник по убийству Распутина, великий князь Дмитрий Павлович, живя в Швейцарии, печатно приветствовал победы Советской Армии над гитлеровцами. Он же, кстати, писал: «Наша родина не могла быть

управляема ставленниками по безграмотным запискам конокрада, грязного и распутного мужика. Старый строй неминуемо должен был привести Романовых к катастрофе».

Наконец, стоит упомянуть о позиции церкви по отношению к большевикам. Много жутких фактов о истязаниях и убийствах красными православных священников (и не их одних) обнародовано в последние годы. Однако есть и еще один аспект проблемы, долгое время остававшийся в тени...

Свидетельствует митрополит Вениамин, участник Московского Церковного собора 1917–1918 гг.: «...вторым, весьма важным моментом деятельности Собора было установление взгляда и поведения Церкви по отношению к советской власти. При борьбе Советов против предшествующей власти Керенского Церковь не проявила ни малейшего движения в пользу последнего. И не было к тому оснований. Когда Советы взяли верх, Церковь совершенно легко признала их власть. Не был исключением и митрополит Антоний, который после так ожесточенно и долго боролся против нее вопреки своему же прежнему воззрению. Но еще значительнее другой факт. При появлении новой власти всегда ставился вопрос о молитве за нее на общественных богослужениях. Так было при царях, так, по обычаю, перешло к правлению Керенского, когда Церковь вместо прежнего царя поминала «благочестивое Временное правительство», так нужно было помянуть и новую власть. По этому вопросу Собором была выработана специальная формула, кажется, в таком виде: «О стране нашей российской и о предрешающих властях ее».

(Между прочим, тот же Собор под давлением своих членов из интеллигентов принял решение «об облегчении и умножении поводов к брачным разводам» – как ни сопротивлялась фракция крестьянских делегатов.)

Итак, церковь молилась за большевиков, церковь, как далее пишет Вениамин, участвовала в отпевании всех погибших во время Октябрьского переворота, как большевиков, так и их противников. В 1919 г. патриарх издал указ, согласно которому служители церкви не должны были вмешиваться в политическую борьбу, а «занимались бы своим прямым делом: богослужением, проповедью Евангелия, спасением души». (Кстати, Вениамин свидетельствует, что при известии о расстреле бывшего царя у белогвардейцев «не было глубокой печали».)

Я не собираюсь никого осуждать. Просто-напросто факт остается фактом: если называть вещи своими именами, русская православная церковь практически сразу же самоустранилась от борьбы, не положив на

чашу весов свой немалый авторитет... То ли прошли времена Томаса Бекета, Джона Болла и протопопы Аввакума. То ли сыграла свою роль своеобразная обида на самодержца, о которой недвусмысленно свидетельствует отрывок из воспоминаний Вениамина: «Церковь вообще была сдвинута тем государем (Петром I – А.Б.) с ее места учительницы и утешительницы. Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозным внутренне, а с того же Петра, секуляризация, отделение их – и юридическое, а тут еще более психологически жизненное – произошло более двухсот лет тому назад. И хотя цари не были безбожниками, а иные были даже и весьма религиозными, связь с духовенством у них была надорвана. Например, нельзя было представить себе, чтобы царь или царица запросто, с любовью и сердечным почтением могли пригласить даже Санкт-Петербургского митрополита к себе в гости, для душевной беседы или даже для государственного совета. Никому и в голову не могло прийти такое дружественное отношение! А как бы были рады духовные! Или уж нас и в самом деле не стоило туда звать, как бесплодных? Нет, думаю, тут сказался двухвековой отрыв государственной власти от Церкви...»

Как хотите, а эти строки пронизаны недвусмысленной обидой. Увы, церковь осталась в *стороне*. Самоустранилась. И мне почему-то сразу вспомнился разговор благородного дона Руматы с кузнецом:

«Кузнец оживился.

– И я так полагаю, что приспособимся. Я полагаю, главное – никого не трогай, и тебя не тронут, а?

Румата покачал головой.

– Ну нет, – сказал он. – Кто не трогает, тех больше всего и режут».

Какими бы мотивами ни руководствовались иерархи церкви, их дальнейшая судьба великолепно укладывается в эту фразу...

Виртуальность

Существовала ли возможность для Российской империи избежать русско-германской войны?

С определенной долей вероятности. И ключ здесь... в Гришке Распутине. Сколь бы зловещую роль он ни сыграл российской истории, ради объективности нужно упомянуть: при определенных обстоятельствах именно Распутин мог бы остановить бойню...

Я уже писал о том, что, по большому счету, война меж Россией и Германией была невыгодна обеим сторонам. И это прекрасно понимали в начале века наиболее толковые российские политики.

Прямо-таки роковую роль в многолетнем раздувании конфликта меж двумя империями сыграла супруга Александра III, принцесса Дагмара Датская, ставшая Марией Федоровной. Именно она, питавшая к Германии чуть ли не патологическую ненависть, и толкнула венценосного супруга к заключению союза с Францией. Которая видела в России лишь резерв пушечного мяса для реванша – Париж долгие годы жил мечтой отобрать у Германии Эльзас-Лотарингию...

Один из умнейших людей России, министр иностранных дел П.Н. Дурново, называл франко-русский союз «нетрадиционным и противоестественным». По его словам, «Россия и Германия представляют в цивилизованном мире яркое консервативное начало, противоположное республиканскому. Наша война с немцами вызовет ослабление мирового консервативного режима. Сейчас уже безразлично, кто победит – Россия Германию или Германия Россию. Независимо от этого, в побежденной стране неизбежно возникнет революция. Но при этом социальная революция из побежденной страны обязательно перекинется в страну победившую, и потому-то не будет победителей и побежденных. Любая революция в России выльется в социалистические формы».

Эти пророческие слова прозвучали за десять лет до Октября...

Равным образом и С.Ю. Витте считал русско-германскую войну «актом самоубийства не только двух монархий, но и двух миров, без которых жизнь человечества вообще немыслима». Ему вторил, столь же пророчески, русский дипломат Розен: «Война с Германией ни к чему, кроме крушения империи, привести не может».

Того же мнения придерживался германский кайзер: «Военное единоборство монархических держав, каковы наши, вызовет неизбежный

крах обеих монархий...»

Лично я считаю крайне толковым совет Вильгельма Николаю II не лезть в европейские дела, а «обратить усилия в Азию». Чем бы эти слова ни были продиктованы, в них много правды: Россия – евразийская держава, а стремление «играть значительную роль в европейском концерте» – во многом бредово, поскольку проистекает из дурацких планов Петра I, стремившегося не отстать «от больших». Как ни крути, а пренебрежение к интересам азиатской части империи при Николае привело и к неразвитости сибирской промышленности, и к позорному поражению в японской войне...

Могут возразить: Германия питала планы завоевательных походов на восток!

Резонно. Питала – как и Австро-Венгрия. Однако это еще не означает, что война должна была вспыхнуть с железной, роковой *неизбежностью*. В конце концов, подобные планы Германия питала и при предшественниках кайзера Вильгельма, однако Бисмарк, несмотря на всю заманчивость планов, удерживал страну от «дранг нах Остен». В конце концов, в 1913 г., когда наблюдалась схожая напряженность, Германия категорически удержала Австро-Венгрию от нападения на Сербию.

А потому стоит подробнее рассмотреть событие, послужившее фактическим детонатором Первой мировой – убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда. Как и в случае с любым другим преступлением, нельзя нарочито ограничиваться *одной* версией...

В нашей исторической литературе принято упоминать об эрцгерцогe как о враге славянского мира. Однако есть и другие мнения. Франц-Фердинанд, племянник императора, как и сын императора Рудольф (чья загадочная смерть в замке Майерлинг до сих пор не объяснена полностью), по другим данным, прекрасно понимал, что славянам, составлявшим три пятых населения империи, нужно сделать значительные уступки. Другими словами – вместо двух официальных опор – Австрии и Венгрии – следовало добавить третью. Превратить империю в *тройственный* союз, где славяне будут иметь столько же прав и влияния (и мест в правительстве), как австрийцы и венгры.

Не зря убийца эрцгерцога Гаврила Принцип на допросе заявил, что Франц «осуществлял идеи и реформы, вставшие на нашем пути».

Что же это был за путь? Создание объединенного южнославянского королевства. Эрцгерцог своим существованием мешал как этим планам, так и австрийским и венгерским сановникам, вовсе не

расположенным делить власть в империи со славянскими конкурентами. Как и в случае со Столыпиным, эрцгерцог мешал всем...

Еще в 1964 г. группа профессоров-историков из Кельна и Геттингена выступила со своей версией сараевского покушения. Они считали, что в нем были замешаны и русские сторонники «партии войны» – великий князь Николай Николаевич и группа генералов с Брусиловым и Самсоновым во главе. Они-то через свою сербскую агентуру – в сербской разведке и террористической организации «Черная рука» – и направляли террористов. Косвенным подтверждением этому служит фактическое устранение сербской полиции и секретных служб от своих обязанностей по охране высокого гостя^[99].

Эта версия безусловно имеет право на существование. Возможно, все даже сложнее – не будем забывать, что эрцгерцог мешал и кое-кому из придворной камарильи Австро-Венгрии...

Кстати, очень многие историки уверены: прояви тогда Англия больше решимости, войны могло и не быть. Увы, британцы долго отделялись крайне уклончивыми заявлениями, до самого начала военных действий не обозначив четко свою позицию (как они позже вели себя и в связи с испанской гражданской войной, и с нападением на Польшу вермахта, и в случае с Чехословакией...).

Вполне может оказаться, что вина лежит не на *одной* только Германии. В конце концов, в том, что и в России имелась «партия войны», нет ничего ни порочного, ни унижительного... Нет ничего невероятного.

Зато против войны с Германией безоговорочно был Распутин. Как-никак и Витте со всей определенностью писал: Распутин вполне мог удержать царя от объявления войны Германии. Мы уже имели случай убедиться, сколько точны и удачны были предсказания Витте...

Сохранилось много свидетельств, что Распутин каким-то звериным чутьем ощущал опасность германо-русского конфликта, в чем, на мой взгляд, был совершенно прав. Вообще Распутин относился к Германии и немцам с большим уважением, считая, что русским не грех у них многое позаимствовать – и в этом опять-таки был прав (позиция Распутина по отношению к Германии – единственное, что меня примиряет с этой фигурой).

Однако за день до сараевского покушения... Распутин был ранен. Некая Хиония Гусева, посланная врагом «святого старца», окопавшимся в эмиграции иеромонахом Илиодором, нанесла ему удар ножом и только чудом не убила. Полнейшее совпадение во времени обоих покушений заставляет поневоле задуматься. Как и судьба кое-кого из тех, кого считают

принадлежавшими к русской «партии войны»: Брусилов, как известно, весьма даже неплохо устроился при большевиках. Равным образом большевики с удивительным расположением отнеслись к Илиодору – хотя он до революции был лидером самых ярых, фанатичнейших черносотенцев, каких красные стали расстреливать пачками буквально в первые дни после прихода к власти... они и пальцем не тронули Илиодора, когда тот после революции вернулся в страну. Он долго еще носился с самыми вздорными идеями – создать некий синтез православной веры и большевистских идей, а самому стать «красным» патриархом – а в 1921 г. был без малейших препятствий отпущен за границу, где и умер в 1952-м...

Положительно, в расследовании покушений на Франца-Фердинанда и Распутина последняя точка еще не поставлена...

Сараевское покушение могло и не закончиться европейской бойней. Кроме того, существовала еще одна возможность повернуть историю в другом направлении: весной и летом 1915-го группа русских сановников «распутинской» ориентации установила тайные контакты с германским правительством. На секретный меморандум-запрос своего военного министра о том, насколько желательны переговоры с Россией о мире, Вильгельм ответил категорическим «да».

Какие последствия могло иметь заключение мира меж Россией и Германией в 1915 г., кроме сохранения русской монархии?

Вполне возможно, военные действия против Франции и Англии Германия продолжала бы еще долго (причем американцы могли под давлением «изоляционистов» и не вступить в войну). Отсюда вытекают два возможных пути развития: либо Франция была бы в короткие сроки разбита (столь же позорно, как в 1871 г.), либо затянувшиеся сражения привели бы к социальному взрыву – но отнюдь не в России, а в Великобритании...

Чтобы понять, сколько горючего материала скопилось по ту сторону Ла-Манша, достаточно не спеша перечитать «Железную пяту» Джека Лондона. И вспомнить богатую историю английских мятежей. А комиссаров и чекистов собственного розлива, я уверен, отыскалось бы не меньше. Реалистические романы Герберта Уэллса (особенно «Анна-Вероника» и «Белпингтон Блэпский») показывают превеликое множество радикалов, ставших бы при других условиях великолепными кандидатами в комиссары, достаточно напаять на них кожанки, дать маузеры и разрешить своей волей расправляться с «буржуями» и «консерваторами»...

В «России во мгле» Уэллс пишет: «Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты,

одежда и жилье». Кстати, именно так и произошло во Вторую мировую – когда продуктовые карточки были отменены только в 1954 г. А потому стоит прислушаться к другим предсказаниям Уэллса, данным в той же книге... [201]

«Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, – это то, к чему шла Англия в 1918 г., но в обостренном и завершенном виде... расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов потребления, социальный и политический развал и все прочее – лишь вопрос времени. Магазины Риджент-стрит постигнет судьба магазинов Невского проспекта, а господам Голсуорси и Беннету придется спасать сокровища искусства из роскошных особняков Мэйфера...»

Вообще-то, Уэллс любил баловаться возведенными в крайнюю степень ужаса апокалипсическими картинами. Однако... Гораздо более прагматичный Ллойд-Джордж, не писатель-фантаст, а политик, в речи от 18 марта 1920 г. говорил о революционной опасности в Англии почти теми же словами: «...когда дело дойдет до сельских округов, опасность будет там так же велика, как она велика теперь в некоторых промышленных округах. Четыре пятых нашей страны заняты промышленностью и торговлей; едва ли одна пятая – земледелием. Это – одно из обстоятельств, которое я имею в виду, когда я размышляю об опасностях, которые несет нам будущее. Во Франции население земледельческое, и вы имеете солидную базу определенных взглядов, которая не двигается очень-то быстро и которую не очень-то легко возбудить революционным движением. В нашей стране дело обстоит иначе. НАШУ СТРАНУ ЛЕГЧЕ ОПРОКИНУТЬ, чем какую бы то ни было другую страну в свете, и если она начнет шататься, то крах будет здесь по указанным причинам более сильным, чем в других странах».

Как видите, прогноз довольно пессимистический – а в *нашем* варианте истории с затянувшейся англо-германской войной, в которой не участвует Россия, а Франция разбита, мог обернуться и совершенно уэллсовским апокалипсисом.

Забавно смотрелось бы, право. Корней Чуковский, приехав в Англию посмотреть на революцию, собирает материал для будущей книги под уже родившимся в уме заголовком: «Британия во мгле». В чем ему помогает понурый Герберт Уэллс, которого, как буржуя, выкинули из уютного

особнячка и не поставили тут же к стенке только оттого, что кто-то вспомнил о его происхождении из самых что ни на есть трудовых пролетариев. В колониях уже давно перерезали «сагибов», у шотландской границы, на реке Твид, еще держится парочка гвардейских полков, прикрывающих бегство в Канаду королевской семьи, на лодках в Ирландию под покровом ночного мрака переправляются аристократы и члены парламента, едва успевшие распахать по карманам фамильные бриллианты, в революционном правительстве заседает Бернард Шоу, крайне обрадованный таким поворотом событий, шотландцы отложились, ирландцы отложились, то же собираются сделать валлийцы, арендаторы увлеченно делят землю, на Пикадилли собирают подписи под воззванием немедленно соорудить памятник Уоту Тайлеру, лондонская беднота победителями шляется по дворцам знати, набивая карманы всем подвернувшимся под руку, в деревенской глубинке без особого ожесточения, но непреклонно ставят к стенке не успевших убежать лендлордов, военный флот полностью разложен непрекращающейся волной митингов и дезертирством, по улицам болтаются толпы под красными знаменами, а на горизонте маячат германские разведывательные корабли, присматривающие места для высадки десанта. Где-то в глухой деревушке у испанской границы переливают из пустого в порожнее покинувший занятый немцами Париж французские министры, Италия спешит обратиться в Берлин с просьбой о мире...

Беспочвенные фантазии? Возможно, и нет...

В одном я убежден – и *этот* вариант не спас бы ни русскую монархию, ни персонально Николая. Поскольку выход России из войны летом 1915 г. не разрешил бы никаких внутренних противоречий. Российская империя всего лишь гнила бы гораздо дольше – только и всего. Николай по-прежнему продолжал бы курс на окружение себя услужливыми ничтожествами, любой яркий сановник, способный «затмить» царя, оказывался бы в отставке. Земли у крестьян не прибавилось бы ни на клочок, Дума по-старому увязала бы в бесплодных дискуссиях, не способная ничего решать. Страна двигалась бы в прежнем направлении, утыкаясь в тупик... Крах был бы *другим*, выглядел бы как-то иначе, но избежать его, мое убеждение, ни за что не удалось бы... Николай и монархия были обречены.

Господа Обмановы

«Еще один претендент на престол! – вскричал офицер. – Они нынче размножаются, как кролики!»

М. Твен. «Принц и нищий»

Именно так, «Господа Обмановы», известный журналист Амфитеатров озаглавил свой фельетон о Романовых, за который его в 1909 г. сослали в мой родной Минусинск (это – к вопросу о «тишайшем» царе, якобы избегавшем безсудных расправ. Ого...).

Поразмыслив, я пришел к выводу, что это название, безусловно, стоит позаимствовать, поскольку речь пойдет о шайке самых беззастенчивых и наглых авантюристов, именующих себя «великой княгиней Леонидой», «великой княгиней Марией» и «наследником российского престола Георгием Романовым». Впрочем, с последнего нет спроса – он слишком молод, ему с детства вбили в голову, что он будто бы Романов и будто бы наследник престола. А вот вся остальная гоп-компания...

Началось все, естественно, с небезызвестного великого князя Кирилла Владимировича, двоюродного брата Николая II.

Закон о престолонаследии в России был принят Павлом I в 1791 г. и при Николае I в 1832 г. в формулировке «Учреждение об императорской фамилии» был включен в Свод законов Российской империи. Последние поправки внесены Николаем II в 1911 г.

Формулировки «Учреждения» строги и недвусмысленны, как математические теоремы, и ни малейшего двойного толкования не допускают. Все расписано не менее строго, нежели в воинских уставах.

В соответствии с этими формулировками, наследником российского императорского престола могло быть исключительно лицо, удовлетворяющее следующим требованиям:

1. Принадлежность к Императорскому дому Романовых.
2. Первородство по мужской линии.
3. Равнородность брака родителей претендента.
4. Рождение от православных родителей, безусловная верность православной вере и ее канонам.
5. Соблюдение присяги на верность Основным Законам царствующего на их основании императора и его наследника.

6. Пригодность к занятию престола с религиозной точки зрения.

7. По пресечении мужского потомства право на престол переходит к лицу женского пола, удовлетворяющему шести вышеприведенным требованиям.

Сделать небольшие разъяснения следует лишь по третьему пункту. «Равнородность» означает, что наследник престола должен быть женат исключительно на представительнице царствующего дома. Причем не имеет равным счетом никакого значения, сколь обширны владения родителей невесты и какой титул она носит – лишь бы в момент заключения брака родители невесты находились на престоле, а сама она перешла в православие. Таким образом, хотя территория княжества Монако меньше иного британского королевского поместья, принцесса британского королевского дома и княжна Монако совершенно равны, как равнородные и дочери царствующих особ. Даже если бы наследник российского престола вздумал жениться на сиамской или персидской принцессе, все вышесказанное сохраняло бы законную силу (опять-таки при условии перехода невесты в православие).

Однако Кирилл и все его потомки были лишены прав на престол самим Николаем еще в 1907 г. Причины?

1. Великий князь Кирилл родился от матери-лютеранки, которая приняла православие лишь много лет спустя после его рождения (и через тридцать четыре года после замужества), поэтому, согласно ст. 188 Основных Законов, Кирилл мог бы претендовать на престол лишь в том случае, если бы вообще не осталось других Романовых мужского пола, рожденных в православных браках.

2. В 1905 г. Кирилл женился на принцессе Виктории-Мелите Гессенской. Хотя она и принадлежала к царствующему дому, брак этот опять-таки лишал Кирилла и его потомков прав на престол, поскольку:

- а) брак был заключен вопреки прямому запрету императора,
- б) невеста была лютеранкой, так и не принявшей православие,
- в) невеста была разведенной,
- г) невеста была двоюродной сестрой Кирилла (а в России на брак кузена с кузиной требовалось особое разрешение церкви, о получении которого в данном случае не заходило и речи).

«По совокупности» Кирилл тогда же был выслан из России вместе с женой и официально лишен прав престолонаследия. Существует соответствующий документ с резолюцией императора Николая II.

Позже, уступив долгим просьбам родителей Кирилла, Николай *частично* смягчился: он признал брак Кирилла великокняжеским – и

только (это обеспечивало супругам соответствующее денежное содержание). Однако лишение Кирилла и его потомков прав на престол никогда не отменялось. Более того, Кирилл и его супруга могли пользоваться титулами «великий князь» и «великая княгиня», но их детей это не касалось – решение о присвоении титула кому-либо из потомков Кирилла мог принять лишь сам император – чего он никогда не сделал.

Первого марта 1917 г. Кирилл, контр-адмирал и командир гвардейского флотского экипажа свиты Его Величества, нацепив красный бант, под красным знаменем привел своих матросов к зданию Государственной думы (которая к тому времени была распущена указом императора) и объявил, что вверенное ему воинское соединение переходит на сторону Думы. Поскольку это было совершено за сутки до официального отречения от престола Николая II, поступок Кирилла автоматически подпадал под пункт третий 252-й статьи «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Согласно этому пункту, озаглавленному «Шпионство в военное и в мирное время», в военное время считается государственным изменником и приговаривается к лишению всех прав состояния (в том числе и дворянства) и смертной казни любой русский подданный, «...когда он будет возбуждать войска Российской империи или союзные с Россией к неповиновению или возмущению, или будет стараться поколебать верность подданных ее...»

Обратите внимание: статья Уложения уже до суда назначает конкретное наказание – лишение прав состояния и смертную казнь. На долю суда^[100] выпадало лишь официально закрепить на бумаге приговор...

Стоит заметить, что Кирилл тут же развернул бурную «общественную деятельность» – недвусмысленно обвинил императрицу в шпионаже в пользу Германии^[101], дал интервью «революционным» газетам, где, в частности, говорил: «Даже я, как великий князь, разве я не испытывал гнет старого режима? Вместе с любимым мною гвардейским экипажем я пошел в Государственную думу, этот храм народный... смею думать, с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободней в новой России и мне... впереди я вижу лишь сияющие звезды народного счастья...»

И, наконец, Кирилл собственноручно, без всякого принуждения письменно отказался от своих (хотя и несуществовавших) прав престолонаследия – как и Михаил, в пользу Учредительного собрания...

Брат французского короля Филипп Орлеанский в свое время примкнул к революционерам, явно собираясь сделать неплохую карьеру. Сначала его удостоили даже титула «Герцог Эгалитэ» (Герцог Равенство), но потом,

когда заработала гильотина, на всякий случай отрубили голову. Кирилл избегнул подобной участи, вовремя смывшись за границу. За границей и началась долгая клоунада...

31 августа 1924 г. Кирилл *самолично* провозгласил себя «императором и самодержцем всероссийским», сына Владимира – «великим князем», дочь Киру – «великой княгиней». Ни на первое, ни на второе, ни на третье он не имел никакого права. Вдова Александра III, императрица Мария Федоровна, первой заявила, что не признает свежеиспеченных «титолов» Кирилла и его детей. Ее примеру последовали *все остальные* уцелевшие члены дома Романовых, оказавшиеся за границей (сейчас таковых насчитывается 50 человек, из них 19 мужчин, и до сих пор позиция их остается прежней).

Однако Кирилл, ничуть этим не смущаясь, основал в одной из деревушек во французской провинции Бретань... «императорский двор». В 1930 г. он даже устроил в лесу под Парижем «парад» своих «подданных», коих собралось аж две тысячи...

Великий князь Николай Николаевич^[102] охарактеризовал эту комедию с солдатской прямоотой: «Кирюха есть всего-навсего предводитель банды пьяниц и дураков» (есть и более соленые его высказывания о новоявленном «императоре» и его «дворе»). С тех пор никто из серьезных монархистов и членов дома Романовых не называл Кирилла иначе, чем «царь Кирюха».

Царя Кирюху прямо-таки свербило от желания царствовать всерьез – а потому в 1929 г. он обратился к «народам Советского Союза» с пространним манифестом, озаглавленным «Моя программа», в которой провозглашал, что готов признать Советскую власть... если она назначит его императором новой России – и, как водится, обещал разные вольности, как-то: «возвратить промышленные и торговые предприятия их прежним владельцам», «утвердить 8-ми часовой рабочий день». Впрочем, речь шла не об одних послаблениях – «радикальное искоренение в России бродяжничества, отлынивания от работы, разгула».

Как легко догадаться, ответа из Советской России так и не последовало...

Когда «император» умер, дело его продолжил сын, «великий князь» Владимир Кириллович, с той же скромностью провозгласив себя «главой Российского императорского дома», а детей произведя в «великие князья» (на что опять-таки не имел ни малейшего права). Мало того, даже в Российской империи, будь Владимир *настоящим* великим князем, его дети ни за что не получили бы этого титула. Поскольку Владимир женился на Леониде Багратиони-Мухранской, которая была:

- а) неправославной,
- б) разведенной с предыдущим мужем,
- в) неравнородной.

Багратиони-Мухрани, правда, были потомками некогда правившей в Грузии династии Багратидов (Багратиони), однако после добровольного вхождения Грузии в состав Российской империи и подписания соответствующих договоров они сохранили лишь права на титул князей Российской империи (никаким образом не великих! В состав дома Романовых Багратиони не входили).

Дочь Владимира, «великая княгиня» Мария Владимировна, вышла замуж за принца Фридриха-Вильгельма Гогенцоллерна Прусского. Впервые в этой истории появляется человек, носящий свой титул законно (правда, прусский принц, чья семья нигде уже не правила, был опять-таки неравнородным).

Тогда «император» Владимир Кириллович выкинул вовсе уж уму непостижимый фортель, противоречивший всем законам Российской империи, какие только существовали (а заодно и мировой династической практике). Дело в том, что примерно с XIV века, после известных династических казусов, вызвавших Столетнюю войну, все «владельческие дома» Европы (и России в том числе) руководствовались так называемым «салическим правом», согласно которому наследование шло по *мужской* линии. Принцесса, выданная замуж, принимала титул мужа и никогда уже, ни при каких обстоятельствах, не имела права претендовать на трон отца.

Однако это как раз и не устраивало «царя Володьку» – у него не было наследников мужского пола, и «династия» должна была вскоре вымереть естественным образом. Мария отныне становилась «принцессой Марией Гогенцоллерн» – но Владимир (затаите дыхание!) присвоил прусскому принцу... титул «великого князя»! Хотя плод этого брака, юный Георгий, во всех иностранных династических справочниках справедливо значится как принц Георг Гогенцоллерн (а его права на несуществующий германский престол должны оставаться немецкой головной болью), бабушка Леонида и мама Мария, две самозванки, незаконно присвоившие титулы «великих княгинь», объявили Георгия «великим князем» и «наследником Российского престола». Что удивительно, кое-кто в самой России, вместо того, чтобы по старинке отправить самозванцев на конюшню для известного употребления, принимал их, как *настоящих* великих княгинь и наследника!

По скудоумию своему? Или невежеству в русской истории? Или все было гораздо прозаичнее – в конце концов, и возле Тушинского вора

крутились прихлебатели, выпрашивая титулы...

Быть может, циничной беззастенчивостью все и объясняется? Плевать, что Леонида, Мария и Георгий – самозванцы. Главное, могут и удостоить титулом. Маркиз де Гайдар или барон фон дер Чубайс – сие, конечно, звучит... Не впервые престолом овладевали самозванцы.

Кстати, имел место быть пикантнейший факт. В свое время неведомо на каком основании объявил себя «регентом российского престола» и принялся раздавать титулы некий Алексей Брумель, брат известного спортсмена, не имеющий к дому Романовых (да и вообще к дворянству) никакого касательства. Сшил себе боярскую горлатную шапку, позировал перед репортерами, раздавал жалованные грамоты...

Естественно, все *настоящие* члены дома Романовых, живущие за границей, полностью проигнорировали существование «регента Брумеля» – помилуйте, какой здравомыслящий человек станет принимать всерьез подобного субъекта, безусловно, скорбного головушкой? Все, кроме потомка «царя Кирюхи»...

«Государь император» Владимир Кириллович оперативно прислал в Россию для опубликования во всех газетах грозный меморандум, где предавал Брумеля анафеме и напоминал, что единственный законный претендент на русский трон – никакой не Брумель, а сам Владимир Кириллович. Каково? Два клоуна-самозванца, увлеченно борющихся за трон России, – это, конечно, зрелище...

Деятельность наследников «царя Кирюхи» постоянно подвигает автора этих строк однажды последовать их примеру, поскольку он по материнской линии происходит из старого (хоть и бедного) рода польских шляхтичей. Теоретически, каждый шляхтич Жечи Посполитой имел право выдвигать свою кандидатуру на престол. Не собрать ли мне в Варшаве пару-тройку тамошних знакомых, тоже имеющих шляхетных предков? Поить коньяком, пока не крикнут на царство, звеня прадедовскими саблями... По крайней мере, видимость законности будет соблюдена – как ни крути, а это даже законнее, чем «самопроизводство в чины» Кирюхи и его потомков. Боюсь только, не примет Польша такого «пана круля». Еще поколотят, и придется срочно проследовать в эмиграцию. А главное, таким вот образом «польских королей» можно наплодить немерянное количество. Побольше даже, чем «русских императоров». Так что я с превеликой душевной скорбью вынужден отказаться от всех попыток баллотироваться в польские короли – как ни подзуживал в застолье один знакомый, потомок самых доподлинных белорусских магнатов...

А если серьезно – и Леонида, и Мария, и юный Георгий остаются

самыми вульгарными самозванцами. Лично я не сторонник возрождения в России монархии – хотя бы потому, что это даже не вчерашний, а *позавчерашний* день. Но если бы вдруг и случилась серьезная попытка восстановить монархию – как легко догадаться, это следовало бы сделать, ни в малейшей степени не отступая от *прежних* законов Российской империи, подробно регламентировавших данный процесс.

Нельзя называть людей «великими княгинями» и «наследниками престола» только потому, что им этого очень захочется. Либо мы балуемся, либо действуем серьезно. Еще можно стерпеть суррогатный «Амаретто» и суррогатный «Сникерс», едали и пивали при нужде и не такое, но суррогатные Романовы, самозванцы, потомки государственного изменника, должны проходить исключительно под рубрикой исторических курьезов. Всегда в России при пресечении той или иной династии новый царь избирался на Земском соборе, представлявшем все до единого сословия страны. По крайней мере, таков был *порядок*. Кстати, кровное родство, равно как и древность рода, не всегда были определяющими факторами. Борис Годунов был *братом* вдовствующей царицы, в *свойстве* с покойным царем – и по тогдашнему укладу это перевешивало даже претензии имевшихся в изобилии Рюриковичей. Равным образом, не последнюю роль в избрании на царство Михаила Романова сыграло то, что свой род Романовы вели от брата Анастасии Кошкиной – Юрьевой-Захарьиной, первой жены Ивана Грозного. Вновь *свойство* с царями перевесило длиннейшие родословные...

Между прочим, радикальнее всех проблему королей в изгнании решили австрийцы. В 1920 г. венгерский парламент принял закон, согласно которому ни один потомок правивших некогда империей Габсбургов (самый раззаконнейший!) не имел более права появляться в пределах республики.

Не принять ли и нам подобный закон? Который мог бы, скажем, называться «Законом о самозванцах»? Всевозможных Брумелей, это, конечно, не проймает – тут нужны чисто медицинские меры, но вот всевозможных Леонид и Георгиев можно было бы на законном основании заворачивать от границ, буде объявятся на рубежах.

Клоуны и трон России – две вещи несовместные...

Забутые страницы Второй мировой

Необъятное

О тайнах и забытых, но крайне интересных событиях Второй мировой можно, всякий согласится, написать не просто книгу – многотомную библиотеку. Увы, объем моего скромного труда уже не позволит чересчур уж глубоко погрузиться в сие безбрежное море...

А посему ограничусь подробным рассказом об одной несправедливо забытой секретной операции – и мимоходом упомяну о некоторых тайнах.

После не столь уж углубленных поисков в истории Второй мировой можно обнаружить и крайне любопытные факты, работающие на сокрушение защищаемой иными примитивами версии, будто одни лишь «сталинские сатрапы» руководствовались принципом «Потерь не считать!» Многие, наверное, помнят основанный на реальных событиях роман Ю. Бондарева «Батальоны просят огня». Имитируя наступление, на занятый немцами берег высаживают несколько батальонов – и не реагируют более на их отчаянные призывы о подкреплении, потому что не будет в том районе никакого главного удара, следует ввести немцев в заблуждение, заставить оттянуть силы с других участков, и не более того...

Почти аналогичная история случилась в 1942 г. под Дьеппом. Союзники, репетируя будущую операцию «Оверлорд», высадили на бельгийском побережье шесть тысяч английских и канадских солдат с одной-единственной целью – провести разведку боем. И не более того. Живыми из этой передряги вышли только две тысячи...

В свое время польская военная разведка раскрыла секрет немецкой шифровальной машины «Энигма», а с началом Второй мировой эмигрировавшие в Англию специалисты помогли британцам наладить регулярное чтение вермахтовских шифрограмм. Однажды из перехваченного документа выяснилось, что город Ковентри будет подвергнут «показательной» бомбардировке, чтобы преподать англичанам урок.

Черчилль оказался перед страшным выбором. Принять заранее какие бы то ни было меры, стянуть в город пожарные машины и полевые госпитали означало бы открыть немцам, что их шифры разгаданы – за чем последовала бы смена кодов.

Англичане не сделали ничего. Немецкие бомбардировщики превратили Ковентри в развалины, а расшифровка немецких кодов успешно продолжалась...

В 1943 г., в Гибралтаре взорвался и упал в море самолет генерала Сикорского, главы польского эмигрантского правительства в Лондоне. В том, что это была диверсия, нет никаких сомнений. А вот что касается виновников... С разгулом перестроечной публицистики взрыв самолета поспешили приписать агентам Сталина – известно было, что Сикорский, узнав о Катыни, относился к Москве крайне враждебно. Однако нельзя исключать, что бомбу в самолет подложили люди из Интеллидженс Сервис – в те времена хорошие отношения с Москвой значили для Черчилля неизмеримо больше, нежели эмоции генерала-эмигранта, возмущенного безсудными расстрелами его земляков... Во всяком случае, американское издание «Ридерс дайджест» вполне серьезно относится к версии об «английском следе».

Сам Черчилль, кстати, тоже не чурался безсудных расправ. 23 мая 1940 г. по его настоянию британским парламентом был принят печально известный секретный закон, оставшийся в истории как «Постановление I-V». По этому закону партия Мосли, британский Союз фашистов, была не просто запрещена – в считанные дни арестовали несколько тысяч ее активистов. Среди них были люди самых разных профессий: учителя, священники, чиновники, военные, государственные служащие, частные торговцы, журналисты, даже кандидаты в депутаты парламента и несколько членов парламента. Не было никаких исключений для больных (в том числе и душевнобольных), людей вытаскивали из больничных коек, сажали за решетку вместе с женами и детьми. Заодно «подмели» всех без исключения итальянцев и немцев, независимо от того, как долго они жили в Англии. Арестованных держали сначала в Эскотском концлагере – на обнесенном колючей проволокой ипподроме, под открытым небом, потом распахали по тюрьмам. Никому из них до самого конца войны (последних освободили в апреле 1945 г.) не предъявлялось никаких обвинений – аресты, кстати, начались, когда Британская империя еще не была в состоянии войны ни с Германией, ни с Италией. Никаких доказательств их работы на немцев отыскать так и не удалось – людей загнали за колючую проволоку исключительно за «неправильные» убеждения. Даже современные авторы, не питающие ни малейших симпатий к Гитлеру или Мосли, именуют эту историю «бесчеловечным политическим погромом». В 1992 г. в Англии было опубликовано исследование профессора Брайна Слипсона о «самом значительном нарушении прав человека в этом столетии». Профессор резюмировал кратко: «В высшей степени отвратительно». Большая часть материалов до сих пор либо засекречена, либо уничтожена... [197]

Существует любопытная загадка, прямо связанная с Советской Армией. Однажды мне встретился человек, утверждавший, что он участвовал в высадке союзников во Франции. По его словам, в составе 8-й ударной американской армии «Саламандра» под командованием генерала Риджуэя находилась отдельная бригада советской морской пехоты в количестве пятисот человек. Вместе с американцами она прошла до Эльбы, а впоследствии по приказу Сталина все «повидавшие Запад» были разосланы по северным лагерям – правда, в качестве не эков, а офицеров охраны, которых до самой смерти Сталина не выпускали на Большую землю. Как относиться к этой информации, я не знаю. Каких-либо подтверждений пока не нашлось.

Подобных интригующих свидетельств, которые пока что нельзя проверить, – множество. Рассказывают, что героическая подпольщица Елена Мазаник, подорвавшая гауляйтера Кубе, смогла прицепить под его кроватью бомбу исключительно благодаря тому, что сама частенько в этой постели бывала. Рассказывают, что первый в истории атомный взрыв произошел не в США на известных испытаниях, а в 1939-м или 1940-м в одном из закрытых институтов то ли Киева, то ли Харькова. Рассказывают, что группа Николая Кузнецова погибла в схватке не с бандеровцами, а заброшенной в глубокий тыл советской разведгруппой. Разведчики якобы, увидев «немецких офицеров», попытались захватить столь аппетитного языка, но Кузнецов и его спутники были не те ребята, чтобы так просто поднять руки вверх, и, прежде чем их положили мертвыми, успели изрядно накрошить одетых, разумеется, в немецкую же форму разведчиков...

Проверять подобные сообщения – не хватит жизни. Как бы к ним ни относиться, запечатлевать их на бумаге необходимо: мифы новейшего времени заслуживают столь же пристального изучения, как и рожденные древними народами.

Правда, сам я без особого скептицизма готов поверить рассказу одного белорусского старика, бывшего партизана, уверявшего, что во время одной из операций он однажды встретил в чащобе самого натурального «снежного человека». Сведения о подобных существах в том районе бытовали испокон веков – и сам я, выросши в Сибири и изрядно поколесив по всевозможным глухим местечкам, в «мохнатого лесного хозяина» верю безоговорочно – не то что в летающие тарелки и серебристых инопланетян, якобы брюхатающих девок... Инопланетяне – это либо, в полном соответствии с учением церкви, бесовское наваждение, либо всевозможные иллюзии, либо прямой бред шизиков-«контактеров». Зато обитатели тайги

– дело другое. В тайге можно встретить много необычного – достаточно вспомнить интереснейшие сообщения В. Арсеньева, человека рассудительного и здравомыслящего...

Охотники за «Фау»

Поклонники нордически стойкого штандартенфюрера Штирлица, Героя Советского Союза и анекдотов, конечно же, помнят один из его самых славных подвигов: изложенную в романе «Пароль не нужен» лихую историю про то, как Штирлиц отыскал под Краковом упавший в болото «Фау» и с помощью героических польских коммунистов-подпольщиков ухитрился переправить его к своим на присланном из Москвы самолете.

Увы, волею своего создателя Юлиана Семенова Штирлиц поневоле оказался в роли воришки, присвоившего чужую славу. Упавший в болото невзорвавшийся снаряд «Фау» существовал на самом деле, и партизанам удалось вывезти его в тыл на присланном с «большой земли» самолете. Вот только самолет был не советский, а подпольщики – вовсе не коммунистами, к Москве они относились не лучше, чем к Берлину...

Дело в том, что в Польше, помимо ориентировавшихся на Москву и польскую компартию Армии Людовой и Батальонов Хлопских, с осени 1939 года действовала еще одна подпольно-партизанская организация – Армия Крайова, несравненно более сильная и многочисленная, подчинявшаяся законному польскому правительству, находившемуся в эмиграции в Лондоне и не питавшая ни малейших симпатий к марксизму. Легко понять, что по этой именно причине АК угодила в немилость к Кремлю и сразу же после вступления в Польшу советских войск подверглась массовым репрессиям. Наиболее характерный пример искажения истины – известный роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого», где автор окрестил бандгруппами пять лет сражавшиеся с нацистами партизанские отряды АК и с нескрываемым смаком описывал предпринятые против них боевые действия. Если в Польше память об АК никогда не выкорчевывалась начисто, в СССР до последних его дней о «лондонских» подпольщиках положено было упоминать вскользь, с непременно раскрытием их «реакционной» антисоветской сущности. А потому о многих славных свершениях АК у нас и не слыхивали – например, о сложной операции, в результате которой был уничтожен польскими патриотами Франц Кучера, командир войск СС и полиции в оккупированной Польше.

И Юлиан Семенов, не опасаясь опровержений, мог с величайшей легкостью приписать Штирлицу и «красным» полякам захват «Фау». В действительности эта заслуга как раз и принадлежала подпольным группам

АК...

На острове Узедом в Балтийском море, возле крохотной рыбацкой деревушки Пеенемюнде нацисты построили испытательные полигоны для самолетов-снарядов «Фау-1» и ракет «Фау-2», которыми обстреливали Великобританию. В феврале 1943 г. варшавский разведцентр Армии Крайовой поручил инженеру Антони Коцьяну выяснить точное местонахождение полигона, о котором до того имелись лишь обрывочные слухи и нечеткие фотографии, добытые британской авиаразведкой.

Выбор был не случаен – Коцьян, действовавший под кличкой Корона, до войны считался одним из лучших польских авиаконструкторов. Предпринятые его людьми систематические поиски в запретных зонах и анализ разрозненных сообщений обо всех нестандартных железнодорожных грузах вскоре позволили определить, что искомые объекты располагаются где-то в районе города Штеттина. Туда и были направлены разведчики партизанской группировки «Балтика», вычислившие точный адрес: Узедом. Агенты Коцьяна, внедрившиеся в ряды угнанных на принудительные работы остарбайтеров, своими глазами наблюдали полет ракет. А вскоре ими был завербован служивший в Пеенемюнде унтер-офицер люфтваффе – австриец родом, как и многие его соотечественники, настроенный против Гитлера и нацистов. Именно он начертил довольно точные планы полигона и помог раздобыть некоторые чертежи самолетов-снарядов и ракет. Через четыре месяца после начала операции бывший капитан польской армии Ян Новак под видом немецкого железнодорожника проник в Гдыньский порт, везя с собой микрофильмы, где были засняты планы и чертежи. В порту польские докеры спрятали разведчика в угольном бункере направлявшегося в Швецию парохода, и в Стокгольме Новак благополучно передал все материалы англичанам.

...В ночь на 18 августа 1943 г. над островом Пеенемюнде появились английские самолеты. Шестьсот бомбардировщиков, накатываясь волна за волной, до утра опорожняли отсеки, сбросив полторы тысячи тонн фугасных и зажигательных бомб (и потеряв при этом всего 47 машин). Прилетевшие из-под Берлина ночные истребители немцев разгрому помешать не смогли.

Три четверти лабораторий, заводов, портовых сооружений было превращено в руины. Под бомбами погибли начальник полигона доктор Тиль, старший инженер проекта Вальтер, генерал-майор фон Шамье-Гличинский, а с ними 735 немецких специалистов. Утром в Берлине застрелился генерал-полковник Йешоннек, начальник штаба люфтваффе, отвечавший за производство «Фау». Предпринятые одновременно с

налетом на Пеенемюнде бомбежки заводов в самой Германии и пусковых установок на побережье Франции привели к тому, что серийный выпуск «Фау-2» был задержан примерно на полгода.

И никак нельзя умолчать об одной печальной подробности: хотя поляки переправили в Лондон точные планы объектов, англичане бомбили без разбора, по площадям, уничтожив в том числе бараки концлагеря и насильно пригнанных рабочих. Вместе с немцами погибли 213 заключенных: 91 поляк, 23 украинца, 17 французов и 82 узника неустановленной национальности...

После налета на Пеенемюнде наученные горьким опытом немцы стали спешно устраивать засекреченные полигоны в других местах – в том числе и на территории Польши. Испытания ракет на «живом объекте» гитлеровцы провели в районе Буга, выпустив внезапно по польской деревне Сарнаки сто модернизированных образцов ракет «Фау» типа «А-4». К счастью, точность попадания оказалась крайне низкой – на деревню, где жило более тысячи человек, не упала ни одна ракета, лишь один крестьянин погиб, а его соседка была ранена. Зато известия о ракетном обстреле деревни быстро попали к Коцьяну, с помощью математических расчетов установившему, что новый полигон расположился возле небольшого городка Мьелец.

Командир партизанского отряда АК Ежи Хмелевский (до войны – также авиаспециалист) выслал в подозрительные районы поисковые группы и создал на местах густую сеть наблюдателей, перед которыми была поставлена задача: любыми усилиями собрать как можно больше остатков взорвавшихся ракет до того, как места падения успеют оцепить немцы. Этот приказ, потребовавший адских трудов, был успешно выполнен: несмотря на строжайший дорожный контроль, обломки ракет увозили в Варшаву, где их тщательно изучали в подпольной лаборатории, а о результатах регулярно сообщали по радио в Лондон. А из Лондона все настойчивее требовали совершить вовсе уж невозможное: прислать ракету целиком...

Подпольщики быстро поняли, что совершить налет на один из перевозящих ракеты поездов ни за что не удастся – составы шли из Германии под усиленной охраной, нигде в пути не останавливаясь, на всем пути следования сопровождаемые звеньями истребителей.

Однако не зря говорится – смелым Бог владеет...

Немецкий офицер из административной службы жаждал прикупить для семьи на черном рынке салца и мясца, но деньгами не располагал. И быстро оказался на крючке подпольщиков. За каких-то две тысячи марок у

него удалось одолжить на время точную топографическую карту одного из полигонов, привязанную к местности. Вновь усевшийся за расчеты инженер Коцьян определил, что выпущенные с этого полигона ракеты должны падать в строго определенном районе – 60 кв. км. восточнее Варшавы, у Седлице. Район оказался под постоянным наблюдением людей Хмелевского. В один из дней апреля 1944 г. погода выдалась исключительно пасмурной, шел дождь, над болотами стояли туманы, и очередная ракета, упавшая неподалеку от Седлице, не взорвалась, а немецкие поисковые группы из-за плохой видимости не сразу определили место падения и опоздали...

Зато не оплошала группа под командой офицера АК Стефана Игнашака. Ракету моментально разобрали на составные части, их вывезли и укрыли в окрестных деревнях, а весивший полтонны двигатель, с которым было больше всего мороки, спрятали неподалеку. Когда появились немецкие поисковые группы и полевая жандармерия, не было ни ракеты, ни партизан. Через два дня гитлеровцы прекратили поиски, решив, что ракета утонула в болотах.

Целехонькие детали ракеты доставили в Варшаву. Только образец горючего не удалось довести – прямо на вокзале оно вдруг воспламенилось в кармане Игнашака, везшего бутылку под видом касторки. Каким бы чудом это потом ни выглядело, Игнашаку и двум охранявшим его партизанам удалось избежать ареста – сбежавшиеся солдаты поверили объяснениям Игнашака, на хорошем немецком языке растолковавшего, что у него в кармане вдруг вспыхнула зажигалка. Немцев подвела как раз секретность, окружавшая все связанное с «Фау», – простые солдаты и охранники вокзала в жизни не слыхивали о ракетном горючем, способном порой самовоспламеняться, вот и обошлось...

В Варшаве радиотехническую аппаратуру ракеты исследовал на явочной квартире профессор Януш Грошковский, член АК, крупный ученый довоенной Польши. Именно он, работая на кухонном столе, раскрыл один из главных производственных секретов фирм «АЭГ» и «Сименс»: установил, что ракета «Фау» наводится на курс по радио, и, кроме того, сама передает наземным станциям информацию о своем полете.

Вскоре после этого гестаповцам удалось арестовать Корону – инженера Коцьяна, выданного провокатором (правда, по другому делу). Однако это уже не могло помешать операции «Мост» – отправке разобранной ракеты на самолете в Англию.

Неподалеку от древнего города Тарнува, примерно в 250 км южнее

Варшавы, в лесу был тайно оборудован аэродром под кодовым названием «Бабочка», окруженный четырьмя сотнями партизан командира Влодзидемежа Гедымина. Правда, в случае серьезного боя шансов у поляков практически не было – районы вокруг «Бабочки» кишели немцами, буквально в двух километрах от посадочной полосы располагались четыре тысячи эсэсовцев и отведенные с советского фронта для переформирования подразделения вермахта. Оставалось полагаться на ювелирный расчет и удачу...

25 июля 1944 г. с аэродрома на занятом союзниками юге Италии взлетела «Дакота» 267-й эскадрильи Королевского воздушного флота Великобритании. К тому времени из Варшавы в лес уже доставили важнейшие детали трофейной «Фау», в том числе двигатель и «мозг» – двадцатикилограммовое радиотехническое пилотирующее устройство. Самолет приземлился, буквально за пять минут был загружен... но взлететь не смог. В тот день с утра до темноты шел дождь, и импровизированная взлетная полоса размокла.

Нервы у англичан сдали, пилоты решили уничтожить машину и уйти с партизанами, уже начали обливаться самолет бензином. Однако бойцы Гедымина сделали невозможное: за какой-то час срезали с полосы верхний слой мокрого дерна и выстелили множеством нарубленных веток. Все это – в двух километрах от немцев...

На сей раз «Дакота» благополучно взлетела и до рассвета успела вернуться на базу, пролетев 1500 км над занятой немцами территорией. Детали ракеты благополучно доставили в Лондон кружным путем – через Италию, Северную Африку и Гибралтар.

Операция «Мост» была успешно завершена. Что до потерь – их, как бы ни пытались уверить в обратном иные гуманисты, никто не полагал чрезмерными. Война вещь жестокая, и не родился еще тот полководец, что станет беречь солдат...

Антони Коцьян был расстрелян гитлеровцами в тюрьме Павяк. Следователям так и не удалось узнать тогда о его причастности к охоте на «Фау» – инженер вынес все пытки и вдобавок ухитрился передать на волю зашифрованную записку. Вместе с ним погибли еще 140 бойцов АК.

Судьба других сложилась более благополучно. Стефан Игнашак остался в живых. Профессор Грошковский после войны стал членом Польской академии наук (и почетным членом многих зарубежных академий), был заместителем Председателя Государственного Совета. Многие разведчики и партизаны АК, пережившие послевоенное лихолетье, угодили в советские лагеря, но другие служили в послевоенной польской

армии и разведке. Романы Богомолова и Семенова до сих пор пользуются спросом...

Император и его тень

Император

Сегодня, когда вульгаризаторское словоблудие первых лет «перестройки» с ее примитивнейшим подходом к обсуждению самых сложных моментов отечественной истории безвозвратно ушло в прошлое, можно «без гнева и беспристрастно» рассмотреть одну из сложнейших и величественных фигур XX столетия – Иосифа Виссарионовича Сталина. «Реабилитировать» его нелепо (поскольку не было ни суда, ни приговора), «восхвалять» нет нужды – просто-напросто необходимо *отдать должное*... Кто сегодня помнит «теоретиков», всерьез уверявших, будто все масштабные предприятия Бонапарта были причиной его маленького роста и связанной с этим робостью перед прекрасным полом? Были такие...

Великая и страшная фигура Сталина, как гвоздь в доску, вбитая в великое и страшное столетие, до сих пор окутана прямо-таки мистическим туманом, но История дама серьезная, и чем дальше уходит в прошлое примитивное нытье о «нарушении Сталиным ленинских норм» и «культе личности», тем явственнее проступает на облаках «по ту сторону льда» тень великого *императора*.

Вообще-то, в промежутке меж двумя мировыми войнами в Европе диковинной редкостью смотрелись страны, в которых *не было* жестких нацистских, фашистских, тоталитарных, авторитарных режимов. В чем легко убедиться на конкретных примерах.

Албания – сильная зависимость от фашистской Италии согласно договорам 1926, 1927, 1936 годов.

Болгария – правый переворот и убийство премьер-министра (июнь, 1923)^[103].

Венгрия – установление диктатуры адмирала Хорти (1919).

Германия – приход к власти Гитлера (1933).

Греция – военная диктатура (1936).

Италия – король назначает Муссолини главой правительства (1922).

Испания – приход к власти Франко (1939).

Латвия – правый переворот (май 1934).

Литва – правый переворот (1926).

Польша – военный переворот Пилсудского (1926).

Португалия – после антимонархической революции 1910 г. череда военных переворотов, режим маршала Кармоны, впоследствии свергнутого доктором Салазаром.

Румыния – диктатура маршала Антонеску (1940, сентябрь).

Чехословакия – попытка правого переворота, предпринятая генералом Гайдой (1926), впоследствии – фашистский режим в Словакии.

Эстония – правый переворот (1934).

Югославия – военная диктатура (1929), впоследствии – движение усташей.

Финляндия была союзником Гитлера. Во Франции, в Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании были относительно крупные организации местных нацистов. В Швеции, Швейцарии и Ирландии существовали влиятельные пронацистские круги.

Относительно «экологически чистыми», как видим, остались лишь отдаленная Исландия да страны-крохотульки: Сан-Марино да Монако с Андоррой... И Великобритания – но та, как уже говорилось, своим бездействием лишь помогала иным тоталитарным режимам развивать сомнительные успехи...

Что любопытно, появление Сталина – пусть и не конкретизируя – предсказывал еще Гюго: «...первая потребность народа после революции^[104] – если этот народ составляет часть монархической Европы – это раздобыть себе династию... В сущности, первый одаренный человек или даже первый удачливый встречный может сойти за короля... каковы же должны быть качества появляющегося после революции нового короля? Он может – и это даже полезно – быть революционером, иначе говоря, быть лично причастным к революции, приложившим к ней руку, независимо от того, набросил ли он на себя тень при этом или прославился... Какими качествами должна обладать династия? Она должна быть приемлемой для нации, то есть казаться на расстоянии революционной – не по своим поступкам, но по воспринятым ею идеям. Она должна иметь прошлое и быть исторической, иметь будущее и пользоваться расположением народа» [52].

В десятку. Как показывают последние исследования, Сталин, быть может, лучший из русских императоров, всю жизнь лишь казался революционером. Можно вдумчиво прочитать все 13 томов его сочинений – а можно и просто вспомнить, как летом 1917-го Сталин с помощью Молотова фактически захватил «Правду» и, безжалостно правя ленинские статьи, стал проводить курс на вхождение большевиков в коалиционное правительство Керенского. Или прямо-таки гениальную идею Сталина 1922 г. об административно-территориальном устройстве будущего СССР. Нет никаких сомнений: восторжествовал план Сталина (Российская Федерация с гирляндой автономий) – никакого «права на самоопределение»

не оказалось бы в «конституциях республик», да и самих «конституций» не было бы. В последующие десятилетия автономии прочно успели бы уяснить, что никакого «самоопределения» быть не может. Дальнейшее развитие страны в комментариях не нуждается.

Удачнее всех пока что на сегодняшний день вывел формулу Виктор Суворов – Сталин не более чем «меньшее зло». Любой из его главных соперников, одержи он верх, неминуемо был бы злом большим. Еще и оттого, что субъекты вроде Троцкого или Бухарина великолепно умели лишь разрушать. *Строить* они были решительно неспособны. На гражданской войне, «в грозе и буре» стали незаменимыми – но ни к чему не пригодны в мирные дни...

Уничтоженные Сталиным фанатики «мировой революции», полное впечатление, так и не поняли, за что конкретно им суют в ухо дуло нагана. Хнычущие, одуревшие, строчащие цидульки «будущим руководителям партии», не понимали, что их тонкие шеи хрустят под железной перчаткой старой, как мир, имперской идеи, имевшей лишь внешнее сходство с «мировым пожаром»...

Я не могу всерьез относиться к идее, что предвоенные достижения в науке, технике и военном деле достигнуты вопреки Сталину. Такого просто не бывает...

Имеет смысл послушать известного неприязненным отношением к Сталину И. Бунича: «...если вдуматься, что оставил ему Ленин, кроме методики построения первого в мире социалистического государства и туманных пророчеств о неизбежности войн в эпоху империализма – постоянного детонатора всемирной пролетарской? Пустую казну, дезорганизованную и совершенно небоеспособную армию, расколотую, разложенную и на глазах деградирующую партию, разоренную, разграбленную и распятую страну с темным, забитым, деклассированным и, что возможно, самое главное, неграмотным населением... Разрушенная до основания промышленность, приведенная в полный хаос финансовая система, парализованный транспорт, почти полностью уничтоженная квалифицированная рабочая сила и частично уничтоженная, частично рассеянная по всему миру интеллигенция...» [21].

Что же потом?

«Прошло 10 лет – микросекунда в масштабе истории – и ошеломленный мир с ужасом, смешанным с восхищением, вынужден был признать, что стал свидетелем чуда. И хотя это чудо было очень милитаризовано, но от этого отнюдь не

становилось менее впечатляющим... 303 дивизии уже находились под ружьем. 23 тысячи танков, включая невиданные еще в мире бронированные чудища с дизельными, а не бензиновыми моторами... 17 тысяч самолетов... 40 тысяч артиллерийских стволов и секретные реактивные минометы... 220 подводных лодок – больше, чем у всех стран в мире, вместе взятых, эскадры новейших эсминцев и линкоров^[105]... заводы, выплавляющие больше всех в мире на душу населения чугуна и стали, бесчисленные конструкторские бюро, лаборатории, научно-исследовательские институты, разрабатывающие новые виды оружия, вплотную подошедшие к ядерному огню и реактивному движению».

Но главное, что не может не подчеркнуть Бунич, в другом...

«Откуда все это началось? Откуда появились сотни тысяч, миллионы инженеров, исследователей, конструкторов, летчиков, штурманов, механиков, водителей танков, командиров кораблей, флотских штурманов, электриков, минеров, артиллеристов, инженеров-механиков надводного и подводного флота, специалистов по металлургии сверхпрочных сплавов, сверхпроводимости, плазме, радиотехнике и радиолокации?^[106] Они же не выросли на деревьях. И на 1913 год ни одного из подобной категории военных и гражданских специалистов не было и в помине. Почти никого, не считая единиц, не было и в 1930 году^[107]. И вот, всего за 10 лет, они появились, и в таком количестве, что составили инфраструктуру мощной военно-индустриальной империи. А всего 10 лет назад многие из них даже не знали грамоты. Речь идет не о том, какой ценой все это создавалось, а о том, как это возможно было создать за столь короткий срок!.. Сталин мог с явным удовлетворением поверить в свою способность творить чудеса».

И справедливо верил, могу добавить. Высокие технологии, которые Сталин скупал за границей, сами по себе говорят о его организаторском гении. Запад строил Сталину под ключ супер-передовые заводы – тракторные, автомобильные, химические, поставлял оборудование для ГЭС и домен, лицензии на производство самолетов. Вряд ли на Западе не понимали, что собственными руками помогают творить могучего

соперника и конкурента, – но там бушевал экономический кризис, а русский император платил золотом...

Дело даже не в высоких технологиях – а в том, что всего за десять лет возникло новое поколение, обученное со всем этим квалифицированно обращаться – и, используя за основу, идти дальше.

Любопытно было бы подсчитать всех людей *старой* Империи, кто окружал Красного Монарха. Начальник Генерального штаба Шапошников – бывший полковник царской армии. Генеральный прокурор Вышинский – во времена Керенского подписывал приказ об аресте Ленина. Много лет прослуживший советским послом в Лондоне Майский – бывший активный член КОМУЧа, белогвардейского самарского правительства. И список необозрим...

В недавние годы «дети Арбата» любили упрекать Сталина за то, что при его владычестве «совершенно не развивалось творческое наследие марксизма-ленинизма».

Святая правда. А на кой черт империи марксизм-ленинизм? Это руководство по раздуванию «мировой пролетарской революции»? Сталинизм – это, скорее, рационалистическое обслуживание усеченным до предела идейным пайком текущих потребностей империи, выраженное в форме сухих инженерных инструкций. Чтобы это понять, достаточно изучить труды Сталина... *Этот* монарх не стремился разжечь мировой пожар, поскольку, нет сомнений, безгранично презирал «мировое пролетарское движение» – он просто-напросто услаждал уши возможного противника мерным топотом имперских легионов. И его понимали совершенно правильно, с расшаркиваниями прося подмогнуть насчет желтеньких, покорно выставляя из передних эмигрантские правительства и ставя на довольствие вышвырнутых императором провинциальных корольков. «Ленинская гвардия» непременно поставила бы к стенке румынского короля Михая – Сталин же, пожаловав высшим орденом империи, чуть ли не на завтра небрежным мановением руки смел с трона, позволив убраться восвояси с полными карманами бриллиантов. Это развлекается могучий император, только и всего... Не зря те из *старой* эмиграции, кто был умен и наделен инстинктом державника, быстро угадали в вожде – императора. Генерал Деникин и князь Юсупов вовсе не были белыми воронами... Не зря старая лиса Черчилль, кремень-бритт, вознамерившийся было встретить императора сидя, вскочил и вытянулся в струнку, словно юный кадет, под действием «неведомой силы», ударившей из желтых тигриных глаз – о чем честно вспомнил в мемуарах. Старый бульдог, аристократ по крови и кости, на уровне подсознания почуял

Великого Монарха – и на всю жизнь сохранил к нему почтительное уважение. Когда окружившие Лысого Кукурузника холуи, ополоумев от призрака свободы, поливали Сталина грязью, потомок герцогов Мальборо на торжественном заседании британской палаты общин в честь 90-летия со дня рождения Сталина произносил панегирик покойному. Тогдашнюю речь Черчилля полезно перечитывать...

Сталин был кровав, суров, жесток и ужасен... Но где вы видели других могучих императоров, великих строителей? В начале любой великой стройки – грязь и кровь. Я хотел бы знать, отыщется ли человек, у которого *часто* щемит сердце и подступает бессонница, когда он вспоминает о десятках тысячах русских мужиков и пленных шведов, уложенных Петром I в гнилые болота. Я хотел бы видеть человека, у которого до сих пор сжимаются кулаки при воспоминаниях о расстрелянном Бонапартом молодом герцоге Энгиенском. Я хотел бы напомнить, что в той самой «цивилизованной» Британии всего двести пятьдесят лет назад шотландские шахтеры работали в *рабских* железных ошейниках, а за кражу вешали *детей* лет 12–14. Всего сто восемьдесят лет назад в центре Лондона регулярные кавалерийские части рубили демонстрантов и сметали пушками «бунтовщиков».

Сталин был жесток и ужасен. Но он, в сущности, всего лишь сделал так, что Россия за пару десятков лет *пробежала* путь, который благополучные западные демократии преодолели за пару столетий. Он «продолжал дело» не Ленина, а многих и многих европейских монархов.

В той же Англии власть более *трехсот* лет ломала практически аналогичную русской деревенскую общину – самыми драконовскими методами. Причина проста и подмечена английскими же историками: свободный *владелец* участка земли и доли в общинной собственности (выгоны, луга, рыбные ловли, все, как в России) стоял непреодолимой преградой на пути... как ни парадоксально, капитализма. Капитализму требовался как раз «винтик» – безземельный работник, которого нетрудно загнать на фабрику. Все было просто, как мычание. Фабрики изготовляли лучшую в мире английскую шерсть. Шерсть давали овцы. Овцам нужны пастбища. Крестьянин-собственник ни за что не отдаст под пастбища свою собственность – у него другие интересы. Вот и началось то, что все мы помним из учебников как «огораживание». У общин любыми неправдами отбирали *собственность*. И потому XIV–XVI века в истории Англии известны чередой чисто крестьянских восстаний – Тайлера, Кэда, Кета, Джозефа, «Благодатного паломничества», «Маусхолдского сообщества»... [158]

По данным историка Грина (Дж.Р. Грин, «Краткая история английского народа»), казнено около семи тысяч участников восстания Тайлера (при том, что тогдашнее население Англии примерно равнялось двум с половиной миллионам). А послание Королевского совета, обращенное к бунтовщикам и зачитанное самим королем, заканчивалось так. «Отныне ваша *рабская* зависимость будет несравненно более суровой. Ибо до тех пор, пока мы живы и божьей милостью правим этой землей, мы не пожалеем ума, сил и здоровья на то, чтобы ужас вашего *рабского* положения стал примером для потомков». (Уолсингхэм, «История Англии».)

В царствование Генриха Восьмого (1509–1547) более 72 тысяч человек (около 2,5% всего населения страны) было казнено за «бродяжничество и воровство». Главным образом, эти «бродяги и воры» – согнанные с земли крестьяне...

И стратегическая задача была выполнена – созданы огромные поместья «нового типа», где на чужой земле работали наемные батраки^[108]. От колхозов это отличается только тем, что новые латифундии принадлежали не государству, а частным лицам. Для батраков особой разницы не было: что пнем по сове, что сову об пень...

Другими словами, жертвы английской «коллективизации» оказались как бы «разложенными по графам», «разнесенными» на десятки репрессивных процессов, на сотни лет, а российские жертвы Великого Скачка словно бы «одномоментны». Но я уверен: в процентном отношении к числу населения западноевропейские «винтики» потеряли немногим меньше. Жертвы среди тамошнего «низшего сословия», быть может, и превосходят числом отечественные...

Честно говоря, моя польская кровь не может простить Сталину одного – Катыни. Но я тут же вспоминаю, что столь нежно любимые русскими монархистами государи, вместе взятые, убили раз, наверное, в двадцать больше поляков, чем люди Сталина. По крайней мере, при Сталине никто не насиловал и не убивал монахинь, не расхаживал по улицам с наколотыми на копья детьми, как делали это солдаты атакующего Варшаву Суворова...

Заговорив о Сталине, нельзя не коснуться интереснейшей темы – был заговор военных в 1937-м или нет?

Начнем с того, что Гамарник, Якир, Уборевич, Уншлихт и прочие «военные гении», в свое время оплаканные реками слез, – вовсе не командиры поля боя, а политработники в высоких чинах. Те, кто торчал с маузером наготове за спиной командира, сгонял за «колючку» восставших

крестьян и расстреливал заложников. А те, кто помахал-таки саблей, вряд лигодились бы для боев с иностранными армиями – все эти Дыбенки и Примаковы были не более чем реликтами, что наглядно доказал «опыт» Ворошилова с Буденным, во Вторую мировую не способных решительно ни на что.

Теперь – Тухачевский. Авантюрист и бонапартик, озабоченный лишь возможностью сделать в кровавом хаосе гражданской войны блестящую карьеру (какого же еще дьявола понесло к большевикам столбового дворянина, никогда прежде не контактировавшего с левыми идеями?).

Начнем с того, что, каким бы парадоксом это не покажется, у Тухачевского не было и опыта Первой мировой войны. В плен к немцам он попал поздней осенью 1914 г., в период, который можно назвать *первым*. К декабрю этого года начавшие войну *кадровые* армии всех воюющих сторон были практически выбиты. Война становилась *другой* – пришли новые люди, в массе своей не связанные с довоенными армиями, чуть позже стала широко использоваться военная авиация, танки, новые виды артиллерии, другая техника. Изменились сами тактика и стратегия. Так что вернувшийся на родину после крушения монархии Тухачевский в военном отношении был полным нулем – его военный опыт попросту никуда теперь не годился, поскольку принадлежал безвозвратно ушедшему вчерашнему дню.

Поход в Сибирь Тухачевский выиграл исключительно благодаря тем самым партизанским армиям, практически без всякой помощи красных покончивших с Колчаком. «Достижения» Тухачевского сводятся лишь к атаке на мятежный Кронштадт и карательным операциям против восставших крестьян (которых будущий маршал травил в лесах боевыми газами).

Единственным «вкладом» Тухачевского в военную науку стал «таранный метод», заключающийся в том, что «теоретик» предлагал собрать все силы в кулак и ударить по слабому месту противника. Однако подобный метод под названием «косая атака» был впервые применен в Семилетнюю войну королем Фридрихом Прусским (который, в свою очередь, попросту позаимствовал его у полководца Древней Спарты Эпаминонда...).

При единственной попытке помериться силами с «внешним врагом», в польскую кампанию 1920 г., Тухачевский был позорно бит маршалом Пилсудским. Лет пять назад под одной обложкой переизданы книги обоих «дуэлянтов». Чтение занимательнейшее [196]. Мои личные симпатии к Пилсудскому здесь ни при чем – просто-напросто польский маршал

неторопливо и логично *доказывает*, что Тухачевский на каждом шагу занимается подтасовками, и события, мягко говоря, происходили не совсем так... Достаточно прочитать версию событий, изложенную *самим* Тухачевским.

Он, изволите ли видеть, проиграл кампанию оттого, что зловерные поляки начали свое наступление первыми. Если бы они дали Тухачевскому время подготовиться и самому перейти в атаку, он непременно победил бы. «Белополяки» по врожденному своему коварству такой возможности не дали. Играли неправильно. Сами хотели выиграть. Тот, кто не поверит мне, пусть сам прочитает Тухачевского...

Дело не только в том, что Тухачевский проиграл из-за отсутствия стратегических резервов, которые по бездарности своей считал ненужными. Не только...

«Уже 5 недель продолжалось наше безостановочное наступление, – пишет Тухачевский. – 5 недель мы стремились найти живую силу врага, для того, чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу. 5 недель белополяки неизменно уклонялись от решительного наступления, в силу расстройств своей армии, и лишь только вышли на Вислу, подкрепленные новыми формированиями, рискнули на это дело. Заранее мы не знали, где встретим главное сопротивление противника – на Висле или за Вислой. Но мы знали одно, что где-нибудь мы его главные силы найдем и разгромим...»

Другими словами, Тухачевский *пять недель* оперирует вверенными ему войсками, *не зная*, где находятся основные силы противника! «Где-нибудь» да попадется противник... Я решительно не в состоянии понять: неужели в царских военных училищах не учили, как организовать разведку за линией фронта? Нет, судя по «воспоминаниям самых разных людей – от графа Игнатьева и Деникина до Н. Гумилева, – учили неплохо. Тогда... Что же это за командующий фронтом, не способный в течение пяти недель раздобыть сведения о противнике, маневрирующем на довольно ограниченном пространстве?

«Наша победоносная конная армия ввязалась в эти дни в ожесточенные бои за обладание Львовской, где бесплодно потеряла время и силы на укрепленных его позициях в борьбе против пехоты, конницы и мощных воздушных эскадрилий».

Другими словами, Тухачевский бросил кавалерию в атаку на

укрепления, где сидевших в окопах и блиндажах обороняющихся прикрывала к тому же боевая авиация...

«Полякам повезло», потому что командующий 4-й красной армией «потерял связь со штабом фронта». Несколькими абзацами ранее сам Тухачевский объясняет, почему полякам «повезло» – «они *немногочисленными* отрядами внезапным ударом *нарушили* связь штаба 4-й армии и штаба фронта. Где же здесь «везение»?

Польская 5-я армия «совершенно безнаказанно» теснит красных, хотя на фланге и в тылу у нее находятся четыре стрелковых и две кавалерийских дивизии Тухачевского, которые... стоят, не получая приказов, как признается сам Тухачевский.

Интересно, что проигранную им столь бездарно кампанию Тухачевский позже назовет «блестящей операцией» – блестящей с точки зрения красных. Что же тогда зовется неудачей?

Читать творение Тухачевского попросту смешно. «Рабочий класс Западной Европы от одного наступления нашей Красной Армии пришел в революционное движение». Бред. Полный бред.

«Если бы мы только вырвали из рук польской буржуазии ее буржуазную шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы свершившимся фактом».

Бред. «Рабочий класс», как и «трудовое крестьянство», в это время как раз и вливался массами в ряды «буржуазной шляхетской» армии... Впрочем, в подобных бреднях Тухачевский был не оригинален и не одинок. Дзержинский сообщал Ленину 17 августа, что «польские крестьяне безучастно относятся к войне, уклоняются от мобилизации», а варшавские рабочие «ожидают прихода Красной Армии».

В этот день польские крестьяне и варшавские рабочие уже гнали войска полностью потерявшего контроль над событиями Тухачевского на восток... Кстати, в то время самой сильной партией в польском сейме была как раз крестьянская, а во главе правительства были представители и крестьян, и рабочих – Витос и Дашинский... Как писал Пилсудский, «если человечеству на роду написано пройти через русский эксперимент, в чем я сильно сомневаюсь, то мы, поляки, будем последними, кто на это пойдет. Мы слишком близкие соседи с Россией, чтобы последовать ее примеру». Это написано о тех самых днях, когда отступавший Тухачевский все еще полагал, что ведет «классовую войну»...

Именно по инициативе Тухачевского (задолго до Гитлера и Гудериана

увлеченного идеей «блицкрига») массово производились легкие быстроходные танки в ущерб производству тяжелых. Именно Тухачевский, увлеченный доктриной итальянского генерала Дуэ (считавшего, что можно победить, всего лишь послав на врага армаду тяжелых бомбовозов, а все остальные рода войск играют чисто вспомогательную роль) бросил все силы на производство тяжелых бомбардировщиков, проигрывая в истребителях и штурмовиках. Именно Тухачевский тормозил введение в армии автоматов, якобы «чисто полицейского оружия», хотя свои боевые качества автоматы уже успешно доказали в боливийско-парагвайской войне 1934 г. Не без участия Тухачевского грянула недоброй памяти операция «Весна», когда в 1930 г. армию «чистили» от бывших царских офицеров (многие из коих знали истинную цену «гениальному» маршалу...).

Недавно в Мюнхене вышла книга военного историка Манфреда Хайдлера «Рейхсвер и Красная Армия: этапы необычного сотрудничества. 1920–1933 годы», то есть те годы, когда Сталин, безусловно, еще не был мало-мальски полновластным хозяином ни армии, ни секретных служб.

По Хайдлеру, уже к лету 1925 г. была создана военно-авиационная школа в Липецке, где на «Фоккерах» прошли курс обучения около 120 германских пилотов, а также наземный аэродромный персонал. В танковой школе под Казанью «Кама» прошли обучение не менее 30 германских танкистов, испытывались танки германского производства. Севернее Самары в 1928 г. с участием немцев отрабатывалось распыление с самолетов отравляющих газов, испытывались химические мины и гранаты. К тому времени 19 высших офицеров РККА прошли подготовку на курсах генерального штаба рейхсвера (Уборевич учился там непрерывно в течение года). Более половины членов *досталинского* Реввоенсовета имели служебные контакты с рейхсвером или ездили «обмениваться опытом». Какое отношение к этому мог иметь Тухачевский, в 1925–1928 гг. начальник штаба РККА, с 1931-го – заместитель председателя Реввоенсовета СССР?

Самое прямое. Напоминаю, Сталин еще не был *хозяином*... Тем, кто склонен обвинять Сталина в «ошибках» 41-го, нелишне будет напомнить, что наступающими германскими частями сплошь и рядом командовали офицеры, подготовленные на советской земле трудами как раз Тухачевского. По данным Хайдлера, самое малое 20 германских курсантов-авиаторов из Липецка и 10 танкистов, подготовленных в «Каме», дослужились в вермахте до генеральских погон...

В общем, германофильство Тухачевского и его окружения лежит на поверхности. А потому нет ничего неправдоподобного в версии, что

высшие военные с той и другой стороны, стремясь к более тесному сотрудничеству, что-то такое замыслили. Вполне возможно, на одной стороне хотели избавиться от Сталина, на другой – от Гитлера. Чистка армии, проведенная Сталиным в 37-38 годах, по времени удивительно совпадает с аналогичными (хотя и более мягкими мерами) Гитлера – он в те же годы вышиб в отставку немалое число слишком много о себе воображавших надменных пруссаков в генеральских лампадах. Косвенным подтверждением служат слова самого Хайдлера, откровенно сокрушавшегося, что «практически все активные участники военного сотрудничества с Германией погибли в результате сталинских чисток». «Активность» – понятие растяжимое... Что-то было! Бездарность и активность – сочетание взрывоопаснейшее...

И напоследок я скажу... Меня вполне убеждают книги Виктора Суворова о замышлявшейся Сталиным операции «Гроза» – дополненные к тому же изысканиями дотошнейшего Бунича. Это убедительно, потому что все факты логически находят свое место в системе. Я сам, не прилагая особенных трудов, разыскал немало других фактов, не нашедших места в книгах Суворова и Бунича, но столь же идеально уложившихся в версию о «Грозе».

И не пойму одного: почему к этому сталинскому замыслу (безусловно, гениальнейшему) относятся со столь наигранным омерзением. Можно подумать, что именно Сталин впервые в мире додумался до захвата либо всей Европы, либо большей ее части. Те же замыслы питал Наполеон (и успешно проводил их в жизнь), однако к Бонапартию отношение до безразличия *ровное*. Как будто существуют плохие и хорошие завоеватели. Как будто Наполеона на этот шаг толкнула романтическая любовь к человечеству. Как будто англичане, в прошлом столетии захватившие заморскую Индию, а в наше время готовые развязать атомную войну из-за *захваченных* ими Фолклендских островов, лежащих за много тысяч километров от Англии, в чем-то лучше.

Сталин хотел захватить Европу... Ну и что? Не он один, не он первый, другие были ничуть не лучше...

А жаль, что не удалось, право. Интереснейшее было бы предприятие. В конце концов, кто сказал, что созданная таким образом супердержава вечно оставалась бы коммунистической? Все зависело от того, кто стал бы преемником Сталина. Все зависело от того, *который* сподвижник стал бы наследником.

Вот о наследниках мы и поговорим...

Тень императора

Разумеется, речь пойдет о Лаврентии Павловиче Берия – фигуре, до сих пор во многом оставшейся загадкой. Потому что нельзя принимать всерьез те «разоблачения», что выплеснулись в печать сначала при лысом шуте, а впоследствии, без малейших изменений – во времена не к ночи будь помянутой «перестройки»...

Появились даже книги – вроде «мемуаров» совершенно забытой ныне актриски Алексеевой-Черменской, живописно повествующей, как всемогущий маршал, оказывается, высматривал девочек прямо из окон своего особняка, и за намеченной жертвой неслись по улице взмыленные полковники, хватали за шкурку, волокли в дом... [4]. Мало того – по Алексеевой, Лаврентий Павлович, оказывается, имел привычку делиться со свежепойманной шлюшкой секретнейшими сведениями из быта Политбюро... Это *Берия*?!

Стряпне Алексеевой верить невозможно. Безусловно, женщин Берия не чурался – но наверняка при его возможностях все было организовано гораздо эффективнее и держалось в тайне. Образ сексуально озабоченного полового неврастеника, нарисованный подобными «мемуаристками» попросту не согласуется с личностью Л.П.

Кроме того, если речь идет об Алексеевой, ее книга полна откровенных глупостей, не позволяющих относиться к ней серьезно. Трудно верить человеку, который именуется Риббентропа – «Ребентроп», «Аллилуева» пишет с одним «л» – но при этом, оказывается, из-за несдержанного языка Берии посвящен в потаеннейшие секреты Политбюро... Более того, откровенной сказочкой выглядит якобы подлинный рассказ о том, как наша актрисуля, будучи еще дитем, встретила в скверике возле Кремля дедушку Ленина и бабушку Крупскую. В те годы, о которых идет речь, Ленин уже безвыездно сидел в Горках и по Москве гулять никак не мог... Слишком уж хорошо отхронометрированы последние годы жизни Ленина, чтобы можно было хоть на секунду поверить Алексеевой.

Гораздо более близким к истине выглядит свидетельство вдовы Берия Нины Гегечкори: она была убеждена, что несколько сот тех «совращенных злодеем женщин», о которых шла речь при Никите, на самом деле были агентами Берии.

Вот *это* больше похоже на правду. Хотя бы потому, что использование

разведкой женщин впервые отмечено еще Библией. В начале тридцатых годов в аппарате военного атташе польского посольства в Берлине служил некий ротмистр Сосновский – если смотреть со стороны, беззаботный красавец-бонвиван, прожигатель жизни и кобелино, ухитрившийся уложить в койку несколько десятков германских дамочек. Германские контрразведывательные органы ровным счетом ничего не заподозрили – лишь рутинно строчили отчеты о кобеляже ухаря-ротмистра, похихикивая в кулак. Никому и в голову не пришло проанализировать список мужей распутных дамочек и связи их самих. Лишь в 1936 г., когда Сосновский вернулся на родину, в Германии грянул преогромный скандал, оставшийся совершенно неизвестным публике, но не ставший от того менее жутким...

Вполне возможно, со своими дамочками Сосновский и спал. Попутно. Главным было другое – всех их он заагентурил, так как каждая тем или иным образом имела доступ к секретам рейха. И все они, вместе взятые, притащили ротмистру в клювиках столько секретнейшей информации, что немцы долго не могли опомниться...

Да что там, многие (в том числе и «исследователи») частенько плохо представляют, *чем* руководил Берия. Ничтоже сумняшеся его именуют то «всесильным шефом НКВД», то «шефом госбезопасности» – не подозревая, что речь идет о *разных* ведомствах...

Для сведения – подробная хронология.

Руководителем НКВД Берия стал в 1938 г. На короткое время в 1941 г. (февраль–июль) из НКВД был выделен самостоятельный Наркомат госбезопасности (нарком – В.Н. Меркулов). В 1943 г. из НКВД вновь, уже окончательно, выделили НКГБ, чьим наркомом вновь стал В.Н. Меркулов. Когда в 1946 г. все наркоматы были переименованы в министерства, министром МГБ был назначен В.С. Абакумов, занимавший этот пост до 1952 г. С 1952 по 1953 гг. министром МГБ был партаппаратчик С.Д. Игнатьев. Таким образом, с 1943 г. Берия госбезопасностью уже не руководил. А в 1945 г. перестал быть и наркомом внутренних дел. Его сменил С.Н. Круглов, остававшийся в этой должности и после переименования НКВД в МВД, до 1953 г. Лишь после смерти Сталина Берия вновь возглавил оба объединенных ведомства...

Жаль тратить время попусту и доказывать, что к *главному* террору Берия не имеет никакого отношения – в последние годы опубликовано достаточно материалов. Гораздо более важным представляется упомянуть о другой ипостаси Берии, скверно освещенной до сих пор: этот человек был одним из величайших организаторов науки и промышленности двадцатого столетия. За что и стал на многие годы «тенью императора». Примитивных

палачей, своих Малют Скуратовых Сталин менял, как перчатки, благо для подобной деятельности им не требовалось большого ума...

Об этом стыдливо умалчивают, но именно Берия внес огромный вклад в создание и ядерного оружия, и боевых стратегических ракет, и отечественной космонавтики. Не будет преувеличением заявить, что первый в мире спутник и полет Гагарина – это лишь логическое завершение проектов, которые были начаты Берией и успешно им осуществлялись. Не говоря уже о том, что Берия был организатором обороны Кавказа в Великую Отечественную, и создал одну из лучших (если не самую лучшую) стратегических разведок в мире.

Свидетельствует бывший начальник 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР В. Чернявский (октябрь 1992 г.):

«Ум у Берия был острый, расчет точный, он хорошо разбирался в искусстве разведки и контршпионажа. После прихода в МВД в 1953-м Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и энергично начал заниматься ее перестройкой. Он обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе их молодых и энергичных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и государства без переводчиков. Он считал, что отношения с нашими союзниками должны быть более уважительными и доверительными, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно по тем, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, чтобы избежать малейшего повода для ссылки на то, что они заведены и реализованы, мол, по указанию «советских товарищей». Это были вполне разумные указания».

О чисто разведывательных операциях и без того написано в последние годы слишком много. Гораздо интереснее поговорить об идеях и предложениях Берии, напрочь расходившихся с привычной практикой...

Именно Берия весной 1953 г. создал группы для проверки и пересмотра наиболее громких фальсифицированных дел: «заговора врачей», «сионистского заговора», «мингрельского дела» и «дела МГБ» (интересно, что практически тогда же Хрущев отклонил предложения о реабилитации расстрелянных членов Еврейского антифашистского

комитета, мало того – направил партийным организациям закрытое письмо с требованием не комментировать на партсобраниях опубликованные в прессе сообщения МВД о пересмотре вышеперечисленных дел!). Именно Берия предлагал передать лагеря и тюрьмы от МВД в ведение министерства юстиции – мера, которую только собираются вводить в 1997 году... Именно Берия на Президиуме ЦК КПСС предлагал широкую амнистию для политзаключенных – однако его предложения не приняли, и амнистия была объявлена лишь для уголовников. Правда, лицемерно указывалось, что освободить следует и тех политзаключенных, чей срок не превышает пяти лет, – но таких практически не было...

Слишком многое из предлагавшегося Берией шло вразрез с практикой того времени. Чуть позже Хрущев с пеной у рта будет критиковать Берию за сокращение в четыре раза (!) аппарата пресловутых «советников» в ГДР. Более того, просочится информация, что Берия был против... построения социализма в ГДР. После убийства Берии, на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК раненым динозавром ревел Молотов: «При обсуждении германского вопроса в Президиуме Совета Министров вскрылось, однако, что Берия стоит на совершенно чуждых нашей партии позициях. Он заговорил тогда о том, что нечего заниматься строительством социализма в Восточной Германии, что достаточно и того, чтобы Западная и Восточная Германии объединились, как буржуазное миролюбивое государство... означает фактический переход на позиции, чуждые коммунизму... Во внесенном Берия проекте постановления... было предложено признать «ошибочным в нынешних условиях курс на строительство социализма, проводимый в Германской Демократической Республике». В связи с этим предлагалось «отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР». Этого мы, конечно, не могли принять... Стало ясно обнаруживаться, что Берия стоит не на коммунистических позициях. При таком положении мы почувствовали, что в лице Берия мы имеем человека, который не имеет ничего общего с нашей партией, что это человек буржуазного лагеря, что это – враг Советского Союза».

Кстати, несколько месяцев спустя в ГДР начались крупные беспорядки, пролилась кровь, и «советским товарищам» пришлось вправлять мозги Вальтеру Ульбрихту, чуть ли не словами Берии заставляя отказаться от «форсированного» строительства социализма... Это позволяет с уверенностью судить, что все сказанное Молотовым было не стандартным лживым обвинением в «измене делу партии и перерождении», а касалось реальных событий, реальных идей Берии.

Чуть погодя Молотов столь же неистово поносил Берию за попытки

установить связи с «врагом советского строя» маршалом Тито...

Позволю себе высказать крамольнейшую мысль: останься Берия у власти, не было бы растянувшегося на десятки лет гниения коммунистической системы – потому что уже с начала пятидесятых начало бы создаваться совершенно *другое* общество. Трудно обрисовать его черты, но в одном сомнений нет: это общество было бы избавлено от коммунистических идейных догм.

Потому что и Сталин, и Берия, как я уже говорил, ни в малейшей степени не были *убежденными* коммунистами. Они – прагматики, державники, имперцы, слишком много свидетельств тому. А это предполагает иной образ мышления и иные представления о пути развития страны...

Мы до сих пор не в состоянии осознать лежащий на поверхности факт: победа Хрущева над Берией как раз и была шагом НАЗАД! В отличие от «великих визирей» Сталина, прагматиков до мозга костей, относившихся к «коммунистической идеологии» как к необходимой до поры до времени вывеске, недалекий и примитивный Хрущев (собственно, умевший лишь бороться за власть), наоборот, искренне *верил* – в марксизм, ленинизм, коммунизм и прочие «измы». Берия же скорее напоминает умнейшего и хитрейшего прагматика Дэн Сяо-Пина, тихонечко, незаметненько, без всякого шума развернувшего Китай в сторону от «измов». Оказалось на примере Китая: *такое* можно совершить без ломок, потрясений, «разоблачений», бездумной пляски на костях мертвецов, пустой болтовни. Вряд ли столь уж невозможным выглядит утверждение: останься Берия во главе страны, СССР мог бы за десять – пятнадцать лет стать подобием нынешнего Китая. Не было бы ни дурацких телодвижений Хрущева, ни брежневского застоя. Было бы что-то совершенно *другое*. Гораздо более умное, не позволившее бы державе скатиться до ее нынешнего состояния.

Сама участь Берии говорит о том, что никакого заговора он не готовил. И (что мне до сих пор непонятно) как-то ухитрился проглядеть *реальный* заговор, направленный против него...

Никаких *фактов*, свидетельствовавших бы о намерениях Берии устроить переворот, не найдено до сих пор. Если бы было что-то конкретное, его не преминули бы вытащить на свет божий еще при Хрущеве. Скажем, сообщения типа: «Такой-то полк такой-то дивизии МВД получил приказ выдвинуться в район деревни Большие Бодуны для ликвидации сторонников Хрущева, причем перед майором Костоломовым была поставлена конкретная задача – хрустальным графином бить Хрущева по лысине...»

Ничего подобного нет! Все воспоминания пестрят лишь сообщениями о приведенных в боевую готовность *армейских* частях, о их перемещении, блокировании автострад. Свергнувшие Берию военные как раз готовились...

Россказням о том, что Берия был арестован в Кремле, я решительно не верю – воспоминания «участников» якобы имевшего место ареста пестрят столь многочисленными и вопиющими противоречиями, что этим «свидетельствам» не поверит и курсант милицейской школы...

Его убили на месте, никаких сомнений. Людей *такого* масштаба боятся патологически и никогда не оставляют в живых при переворотах, где бы и когда перевороты ни происходили... Даже спустя годы и годы в воспоминаниях хрущевцев будет прорываться наружу этот липкий животный страх перед Берией, холуйский ужас...

Стоит привести воспоминания сына Берии Серго: «...Звонил летчик-испытатель Амет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза...

– Серго, – кричит, – у вас дома была перестрелка. Ты все понял?

...Когда мы подъехали, со стороны улицы ничего необычного не заметили, а вот во внутреннем дворе находилось два бронетранспортера... сам я видел только два бронетранспортера и солдат... Сразу же бросились в глаза разбитые стекла в окнах отцовского кабинета. Значит, действительно стреляли... Охрана личная у отца была – по пальцам пересчитать. Не было, разумеется, и настоящего боя. Все произошло, насколько понимаю, неожиданно и мгновенно... когда возвращались к машине, услышал от одного из охранников: «Серго, я видел, как на носилках вынесли кого-то, накрытого брезентом...» ...Спешили вынести рядового охранника? Сомнительно. Со временем я разыскал и других свидетелей, подтвердивших, что видели те носилки...» [11].

Интересно, что «продажная буржуазная пресса» сразу же распространила по миру именно эту версию, и другой никогда в зарубежных средствах массовой информации не выдвигалось.

Хрущев и его сообщники (все поголовно – трусливое зверье, сами заляпанные кровью по уши в прошлые времена) просто не могли поступить иначе. Они боялись, они спешили. Сказочки про «якобы имеющиеся» материалы допросов и суда над Берией – липа. Не зря их до сих пор не осмеливаются рассекретить – сейчас, к слову, существуют надежные методики компьютерных и иных анализов, позволяющих безошибочно определить фальсификацию...

Здесь появляется магическое слово – *архивы*.

Эдвард Радзинский написал умную и толковую книгу о Сталине,

прекрасно опровергающую прежние вульгаризаторско-примитивные подходы к проблеме, но он так и не понял, какую шутку с ним сыграли те, кто допустил его в архивы. Радзинскому показали личные письма Сталина к родственникам и друзьям, другие третьестепенные бумажки – и он решил, что попал в *архив Сталина*... [163]

Увы... *Настоящие* архивы Сталина и Берии, несомненно, представляли собой скопище столь тайных и убойных материалов, что их вряд ли рассекретят полностью (если только они еще целы). Зная масштабы Сталина и Берии, можно попытаться вычислить, *что* же там хранилось.

Компромат. Вряд ли только на отечественных партийных бонз. Вероятнее всего, там хранилось немало интересного и на иностранных политиков. В свое время люди Сталина и Берии проникли в ближайшее окружение и президента США, и короля Великобритании – представляете, *какого* уровня материалы могли оседать в личных сейфах Иосифа Виссарионовича и Лаврентия Павловича?

Между прочим, практически ничего не известно о *личной* разведслужбе Сталина, замкнутой исключительно на него, работавшей исключительно на него, выполнявшей только его приказы. Такая служба, работавшая и за границей, и в стране, просто обязана была существовать. Масса любопытнейших вопросов: что с ней произошло после смерти Сталина? Удалось ли бывшим «визирям» ее отыскать и проникнуть в ее секреты? Наконец, где она скрывалась?

«Ветеран и старейший работник бериевского НКВД генерал Суслопаров утверждал, что Сталин «вел» примерно 15 иностранных агентов, о которых не знал никто».

Это – Игорь Бунич, уверенный, что такой службой «мог быть только какой-нибудь сектор в международном отделе ЦК».

Возможно. Но справедливо это только для иностранных агентов Сталина (понятно, занимавшихся отнюдь не мелочами). А внутри страны?

Быть может, стоит присмотреться к почти совершенно забытой конторе, о которой практически ничего не пишут. Я имею в виду Наркомат государственного контроля. Организация интереснейшая – права были огромными, милитаризована до предела, насыщена генералами и офицерами, возглавлялась знаменитым Львом Мехлисом, которого впоследствии сменил, перейдя из МГБ, Меркулов. Но в том-то и суть, что о ней сейчас публике неизвестно *ничего*. В аппарате *этого* заведения многое

можно было спрятать...

Серго Берия вспоминает, как после незамедлительно последовавшего ареста на него усиленно давили, требуя одного: сказать, где покоятся *архивы*. В конце концов приехал сам Маленков...

«Может, в другом ты сможешь помочь? – как-то очень по-человечески он это произнес. – Ты что-нибудь слышал о личных архивах Иосифа Виссарионовича? У отца твоего тоже ведь архивы были, а?»

Означает ли это, что к тому времени архивы Сталина и Берии еще не попали в руки Хрущева с Маленковым? Кто знает... Тема столь серьезна, огромна, таинственна и масштабна, что любые скороспелые домыслы тут неуместны. Об *этом* нет ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего свидетельства. Лишь смутные слухи об армейских штурмовых группах, напавших на дачи Берии и Сталина, об охране, отстреливавшейся до последнего, о надписи на могиле сотрудника МГБ: «Пал в бою с частями Советской Армии»... Покрыто мраком. Были архивы, никаких сомнений. И содержали они что-то чрезвычайно важное, убойное, жуткое. И вряд ли за ними охотились одни хрущевцы. Любая иностранная спецслужба должна была пускать слюнки...

Мрак и туман. Даже не с чего начинать. Известно лишь, что «победители» пачками расстреливали высших чинов МВД, чьи знания были *опасными*. Виктора Абакумова, бывшего начальника контрразведки СМЕРШ (некогда подчиненной лично Сталину), еще при Сталине посаженного, при Хрущеве, в 1954 г. судили – и расстреляли в *тот же день*. При том, что это полностью противоречило тогдашней судебной системе, при том, что смертная казнь была тогда отменена. Помнится, «диссиденты» ныли что-то о допущенных в отношении Тухачевского «нарушениях» – следствие по его делу велось «всего» четыре недели, а суд длился «всего» несколько часов. По иным данным, суд над Абакумовым длился *минуты* (если вообще имел место), а расстреляли его через *минуту* после вынесения приговора. Что же такое он знал и сколько? Он много должен был знать – СМЕРШ не только противодействовал иностранной агентуре, но, как положено любой военной контрразведке, присматривал и за своими лампасниками... Кто больше боялся *живого* Абакумова – Хрущев или военные?

Расстреляли после пародии на суд «много знавших» – Меркулова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика, Деканозова, Влодзимирского, Рюмина,

Леонова, Лихачева. Версию о том, что это якобы «карали виновников незаконных репрессий», следует с ходу отмести – те, кто их судил, были ничуть не лучше. Беда в том, что до сих пор мало известно о реальной расстановке сил и реальных расправах в высшем руководстве – все еще имеет хождение хрущевская версия о «восстановлении законности» и «возмездии палачам»...

Жуков

Возможно, маршал Жуков по количеству пролитой им крови и шлейфу самолично вынесенных смертных приговоров за спиной в определенные годы превосходит даже Сталина.

Это одна из страшнейших фигур русской истории. И лучше всего ее суть передает портрет работы Константина Васильева.

Изображенное на нем запредельное *существо* не имеет ничего общего с миром людей, потому что пришло из какого-то *другого*. Это не человек, это языческий бог войны с волчьим оскалом на синем лице. Шинель словно отлита из стали, холодным тусклым золотом светятся тарелки орденов, за спиной пляшут багрово-золотистые языки подземного огня и жутко белеет скелет какого-то здания...

Не надо думать, однако, что в этих моих словах присутствует хотя бы тень осуждения. Ничего подобного. Знаменитые полководцы с древних времен и до наших дней – существа особой породы. Те самые языческие боги войны, для которых человек был и останется инструментом. Только *такой* волкочеловек в шинели из негнущейся стали мог выиграть войну с Гитлером – оставим сопли, мы же не дети... Жуков был столь же велик и ужасен, как его Хозяин. По царю и бояре. Жуков – это сама война, оживи статуя скифского или древнеславянского бога войны, она была бы таким Жуковым...

Другое дело, что существуют два Жукова. Один выиграл величайшую войну, за что земной ему поклон и вечная память. Другой... Другой дал возможность «упертым» коммунякам вроде Хрущева продержаться у власти еще почти сорок лет. Без Жукова Хрущев просто не мог бы победить. Вот *этого* Жукова я не в силах принять. Этот совершенно другой – зазнавшийся после и в самом деле блистательных побед, возомнивший себя небожителем, способным перевернуть историю. Хотя ничего он не перевернул, был позорно сброшен Никитой, забыв, что благодарности от подобных субъектов ждать смешно, наоборот...

Другой Жуков развел вокруг себя чересчур уж много дерьма... Нет нужды подробно развивать эту тему, стоит лишь вспомнить о «деле Руслановой». Знаменитую певицу, арестованную в 1948 г., до сих пор кое-кто считает «безвинной жертвой Сталина». Посмотрим...

«Подрывная работа против партии и правительства», которую ей инкриминировали, конечно же, чушь. Зато ко второму пункту обвинения:

«находясь со своим мужем в Германии, занималась присвоением в больших масштабах трофейного имущества» – имеет смысл присмотреться подробнее.

При обыске у певицы и ее мужа генерала Крюкова, человека из ближайшего окружения Жукова, выяснилось: семейство владеет двумя дачами, тремя квартирами, четырьмя автомобилями, антикварной мебелью, километрами тканей, сотнями шкурок каракуля и соболя, редкими сервизами, ценными картинами...

Сначала заговорили об ордене Отечественной войны I степени – в августе 1945-го Русланову им наградили по прямому приказу Жукова (когда об этом узнал Сталин, двумя годами спустя, орден изъяли, как незаконно выданный). Дальше разговор стал и вовсе интересным...

«Материалами следствия вы изобличаетесь в том, что во время пребывания в Германии занимались грабежом и присвоением трофейного имущества в больших масштабах, – говорил следователь майор Гришаев. – Признаете вы это?»

Русланова «резко» заявляет, что не признает. Майор задает резонный вопрос: «Но при обыске на вашей даче изъято большое количество ценностей и имущества. Откуда?»

Ответ Руслановой бесподобен: «Это имущество принадлежит моему мужу. А ему его прислали в подарок из Германии. По всей вероятности, сослуживцы».

После этого Русланову не вызывают на допросы два с лишним месяца, она успокоилась было, но майор Гришаев, сволочь бериевская, не так-то прост... Последовал неожиданный допрос.

«Дополнительным обыском в квартире вашей бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке, 26, в специальном тайнике под плитой были изъяты принадлежащие вам 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, рубины, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия...»

Тем временем давно уже взят за задницу генерал-лейтенант Крюков. И успел признаться, что в своем госпитале содержал самый настоящий бордель, сотрудиц которого за ударную работу награждал боевыми орденами, что старательно собирал валявшиеся по обочинам германских дорог бриллианты и сапфиры, меха и картины старых мастеров, что Золотую Звезду получил опять-таки в обход законов, по личному указанию Жукова, что сам Жуков в частных беседах заявляет, будто разбил Гитлера сам, один, а некий Сталин тут и вовсе ни при чем...

Честно говоря, я и здесь не собираюсь никого осуждать. Вопрос опять-таки из категории тех, к которым следует относиться с философской

грустью. Любая армия испокон веков грабила разбитого противника и его захваченную страну. Побежденную Германию буквально выпотрошили не одни советские воины – все союзники волокли оттуда добро грузовиками и вагонами, американский генерал Лео Хаули переплюнул Крюкова по всем показателям...

Простите за цинизм, но я порой удивляюсь, как вообще в Германии еще остались живые немцы и минимум имущества...

Не в осуждении дело. Простите за цинизм в квадрате, но, что бы там ни замышлял Сталин, не мы пришли к ним первыми, а они к нам. И натворили у нас столько, что любые выходки наших солдат в оккупированной зоне перед этим бледнеют. Вопрос в другом: не стоит делать «жертвами сталинизма» примитивных хомячков вроде Крюкова и Руслановой. Не тот случай. «Тебя посодют, а ты не воруй...»

По указанию Сталина в январе 1948 г. в московской квартире Жукова и на его даче в Рублево оперативники МГБ провели негласные обыски. Золотых часов было найдено не так уж много, всего семнадцать штук, сундуков с дорогой посудой, мехами и прочим барахлишком немного побольше – 51. В акте «О передаче Управлению делами Совета Министров Союза ССР изъятого МГБ СССР у Маршала Советского Союза Г.К. Жукова незаконно приобретенного и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов» значатся: ценных мехов – 323 шкурки, тканей – 3420 метров, картин из Потсдамского дворца – 60, а также дворцовая мебель, гобелены, ковры, множество других ценных предметов. Кроме того, указывается, что ранее на таможне были задержаны отправленные из советской зоны оккупации Германии 7 вагонов с мебелью для Жукова – всего 194 предмета. Вовсе уж пикантно выглядят строки из рапорта Абакумова Сталину: «...в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке». Жуков немецким не владел и читать эти книги безусловно не мог, – но, поскольку переплеты были тиснены золотом, сработал инстинкт хомяка...

Люди Абакумова разрабатывали также друга и фаворита Жукова, уполномоченного МВД в Германии генерала Серова, судя по всему, бывшего «главным поставщиком» Жукова. О масштабах деятельности Серова можно судить по результатам обыска у одного из его подчиненных – генерала Сиднева: сотни золотых и серебряных изделий, 600 серебряных ложек, 178 меховых шкурок, около полусотни ковров, гобелены французских и фламандских мастеров XVII–XVIII веков, фарфор и хрусталь. Как показал Сиднев, Серов вывозил ценности из Германии

поездами, грузовиками, самолетами, мимоходом присвоив около 30 килограммов золота. Сколько из этого попало к Жукову, в точности неизвестно, но Жуков старательно покрывал Серова.

Несколькими годами позже Жуков и Серов примут самое активное участие в убийстве Берии, или, как это до сих пор принято именовать, «восстановлении Хрущевым ленинских норм». Будет после пародии на суд расстрелян Абакумов (который сам не без греха по части трофеев), а Крюков с Руслановой, как и некоторые другие, срочно выпущены по настоянию Жукова, как «безвинные жертвы бериевского произвола»...

Короче говоря, *другого Жукова* уважать нельзя – за весну 1953-го года...

Микита

Нельзя прямо-таки найти такое, что это лысое ничтожество ухитрилось бы *не* развалить...

Никакой демократией и гуманизмом, разумеется, и не пахло. Хваленый XX съезд, во-первых, закрепил порочнейший тезис – будто «настоящий террор» начался лишь в 37-м году. Хотя в 37-м он всего лишь стал захлестывать *организаторов* – вот они и взвыли. Да так, что отголоски этого воя слышны до сих пор: посредственный кинорежиссер А. Кончаловский, находясь не у родных пенатов, а в США (!) снял картину «Ближний круг», где проводится та же ублюдочная идея: все «преступления сталинской эпохи» сконцентрированы в образе «старого большевика», «ленинского гвардейца», чистого ангела, которому злобные бериевцы вышибли мозги... Это неизлечимо.

Во-вторых, XX съезд понадобился Хрущеву исключительно для того, чтобы вытащить из-за проволоки *своих*. Уцелевших «гвардейцев». Всех остальных освободили только потому, что требовалось создать впечатление, будто «новая власть» наконец-то восплакала о судьбе маленького человека и отныне возлюбит его всей душой...

Возлюбит? Много писано о трагедии в Новочеркасске 1962-го. Однако почти никто не упоминает о 1956-м годе, когда в Тбилиси еще более зверски была расстреляна еще более массовая демонстрация – молодые люди вышли на улицу, протестуя против пролившихся на покойного Сталина потоков грязи. Впрочем, по терминологии «демократической интеллигенции», это все были презренные сталинисты, а потому их вроде бы и не жалко...

Главное преступление Хрущева в том, что он сорвал попытку Берии пойти *иным* путем. И повел страну все в тот же коммунистический тупик, согласно полусгнившему указателю с полустертой надписью «Ленинский путь». Хрущев в отличие от Сталина и Берии был *убежденным* ленинцем, *убежденным* коммунистом, за что ему и анафема...

Он вновь устроил гонения на русскую православную церковь, возрожденную последним русским императором Сталиным. Он, вместо того, чтобы вкладывать деньги в полностью обнищавшую центрально-черноземную Россию, затеял одну из грандиознейших по бездарности и провальным результатам авантур XX века – «освоение целины». Он вызвал берлинский кризис и едва не развязал мировую ядерную войну, послав

ракеты на Кубу. Он сотворил величайшую в истории глупость – по пресловутым «идеологическим» соображениям поссорился с Китаем.

Политика – это цинизм в квадрате. Не помню точно, кто именно, Питт или Пальмерстон, произнес фразу о том, что у Англии нет ни друзей, ни постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы, но фраза эта гениальна, в ней вся суть политики.

Союз СССР и Китая – сила, которой просто-напросто не мог противостоять никто на планете. Разрушив этот союз, Хрущев предал государственные интересы своей страны так, как их никто и никогда не предавал. Ради чего? Ради все того же «возвращения к ленинским заветам», мертворожденной концепции, в которую умнейший прагматик Мао не укладывался...

Хрущев нанес страшный удар по советской стратегической разведке. То, что в тюрьму отправился как «бериевский костолом» ас разведки, генерал-майор Г. Овакимян, в 1941–1945 координатор в США работы НКВД-НКГБ по сбору информации об атомном оружии, – еще цветочки...

Из выступления Хрущева на пленуме ЦК 1953-го:

«Настоятельно необходимо, как совершенно правильно говорил товарищ Маленков, укрепить руководство партии во всех звеньях и покончить навсегда с нарушением норм отношения партии и МВД^[109], повысить воспитание чекистских кадров, поднять ответственность партийных органов за осуществление повседневного и конкретного руководства органами, постоянно добиваясь повышения революционной бдительности...»

Легко догадаться, к чему это привело: к чему еще может привести ситуация, когда невежественные в специальных вопросах, но «идейно выдержанные» партийцы начинают «руководить» профессионалами в столь сложной области, как стратегическая зарубежная разведка... Последовала длиннейшая череда снятий с постов, отзывов в страну, ликвидации резидентур, замен «невыдержанных идейно» «выдержанными». Волна провалов, перехода к противнику, хаос, парализована работа на целых направлениях, ФБР и аналогичные службы без труда «раскалывают» идейно выдержанных неумех...

Мало кому известна история с радиоэлектронной разведкой... К началу 60-х годов КГБ добился неплохих результатов в дешифровке американских кодов. Радиоразведка и агентура получили возможность добывать массу материала, который в Москве тут же дешифровывали.

Именно благодаря этой работе в Москве в период карибского кризиса своевременно стало известно: если СССР не пойдет на компромисс и не уберет ракеты с Кубы, США, не колеблясь, начнут военные действия, но в обмен на вывод ракет готовы гарантировать территориальную целостность Кубы. Именно из вовремя прочитанной американской шифрпереписки в Москве узнали об истинных целях полетов самолетов-шпионов У-2 над СССР и о возможных действиях США в случае возникновения в связи с этими полетами конфликтной ситуации. И этим далеко не ограничиваются полученные нами выгоды...

Однако Хрущев во время поездки в США (когда колотил по трибуне в ООН ботинком) вновь повел себя, как последний идиот. Сначала он в беседе с представителем США в ООН Лоджем совершенно по-детски похвастался, что знаком с конфиденциальными посланиями президента Эйзенхауэра государственным деятелям других стран. Потом стал похвалиться директору ЦРУ Даллесу, что его, Даллеса, агенты передают свои шифры КГБ, который с помощью этого дезинформирует ЦРУ и вымогает у него деньги. И в шутку предложил, чтобы, коли уж создалась такая ситуация, спецслужбы СССР и США объединились – все равно КГБ знает все секреты ЦРУ.

Американские профессионалы мысленно схватились за головы, моментально осознав: русские читают шифрпереписку! В сжатые сроки Агентство национальной безопасности США заменило практически все свои шифрсистемы. Колоссальная работа советской разведки пошла насмарку, все, решительно все пришлось начинать сначала... [5]

Об идиотских мерах Хрущева по сокращению армии и уничтожению самой современной военной техники (лысому стукнуло в дурную голову: коли уж у нас есть баллистические ядерные ракеты, все остальное устарело) я подробно рассказывать не буду – и без того написано много.

Коснусь лучше прелюбопытнейшего аспекта деятельности Хрущева.

Все, практически все им совершенное, принесло СССР прямо-таки непоправимый вред. И наоборот, США от всего этого только выиграли. Прагматик Берия у руля власти им был не в пример страшнее, нежели примитивный, легко просчитываемый большевик Хрущев. Америке были только на руку и явное загнивание страны в результате дальнейшего следования «ленинским путем», и ссора Советского Союза с Китаем, и удар Хрущева по армии, и многое другое... Настолько на руку, что возникает настоятельная необходимость задать вопрос прямо: что во всем этом от тупости Хрущева, что – от сознательных тайных операций американцев?

Если советская разведка ухитрялась внедрять своих агентов в

окружение американского президента и английской королевы (причем это только то, о чем мы *знаем*), если в свое время истеблишмент Франции был профильтрован советской агентурой, если (по последним изысканиям) Японию на США умело натравила потаенно приложившая массу усилий советская разведка – почему мы так пугаемся версии о существовании *обратного* процесса?

Вряд ли сам Хрущев был агентом американцев. Да это и не требовалось, в общем. Достаточно было иметь агентов в его окружении и умело направлять в тупик, создавая впечатление, что эти идеи не за океаном рождены, а сами родились в гениальной лысой голове...

Тому, кто решит, что автор чересчур подзагнул, охотно предоставляю интереснейшего свидетеля – самого Аллена Даллеса. Одного из лучших разведчиков столетия (понятно, среди тех, чьи имена стали известны) [53].

«Специфический характер коммунистического государства иногда дает Западу некоторые возможности получения определенных услуг со стороны лиц, «не желающих сотрудничать». Преступление, которое добропорядочный коммунист легче всего совершает и которого больше всего боится – это политическое преступление. Основными же политическими преступлениями среди коммунистов считается неправильный образ мыслей, уклоны различных видов, отступление от линии партии в своих действиях или даже в неосторожных заявлениях. Зачастую подобные отклонения могли иметь место когда-то в прошлом, но объявляются отклонениями и преступлениями позднее, когда партия вдруг сочтет необходимым в силу каких-то причин провести чистку в своей среде, пересмотреть программу и толкование ленинизма. Все чистки, проводившиеся за последние 15 лет^[110], являются примерами циничных соображений выгоды: доктрина формулировалась с тем, чтобы найти козлов отпущения или оправдать серьезные изменения в системе управления, в политике или в организации правительственного аппарата. Например, в начале 50-х годов многие искренние и преданные коммунисты с ужасом узнали, что они являлись титоистами и должны понести за это наказание. После смерти и ниспровержения Сталина самым тяжким преступлением, конечно, стал сталинизм. Имеются и другие менее серьезные и более серьезные многочисленные партийные проступки.

Западные разведывательные службы, как это хорошо известно коммунистам, пристально наблюдают за этими проявлениями и, кроме того, в течение ряда лет ведут учет факторов, связанных с деятельностью, выступлениями, личной и общественной жизнью коммунистических лидеров от самой верхушки до самых низших звеньев партийной иерархии. Когда появляются первые признаки новой чистки, западные разведывательные службы зачастую пытаются установить контакт с лицами, которым, по их мнению, угрожают отстранение, позор, а возможно, и более суровые наказания, и убедить их в том, что они будут нуждаться в помощи и получают ее, если согласятся на сотрудничество. Здесь просматривается не столько попытка оказать давление, сколько стремление напугать человека, лишить его самоуверенности и самодовольства и заставить почувствовать, что он нуждается в друзьях и в помощи».

Конец цитаты. По-моему, неплохое чтение для тех, кто искренне представляет иностранного разведчика в виде узколобого типа, крадущегося через границу на коровьих копытах, навьюченного автоматом, минами, баклажкой с ядом, рацией и прочим мусором... Разумеется, хитрая лиса Даллес, как и положено профессионалу, не дал ни единой конкретной привязки, даже географической (упоминания о «титоистах» и «сталинистах» вовсе не должны непременно относиться к СССР), но в этом и нет необходимости. Ценно само признание в существовании некогда (некогда?) именно *такой* стратегии... Как выражались древние римляне, умному достаточно. Даллес оговаривается, что «этот метод срабатывает не так часто, как хотелось бы», но вряд ли от подобной оговорки меняется суть дела...

...Завершить разговор о лысой мрази хотелось бы рассказом о двух примечательных фактах.

Хрущев обожал повторять вопреки истине, что сам он вовсе не замешан в «сталинских репрессиях». На знаменитом, бурном пленуме ЦК в июне 1957 г., когда схлестнулись Никита со своими сторонниками, с одной стороны, и «антипартийная группировка» Молотова-Маленкова-Кагановича, Никита вновь затянул старую песню о «политических репрессиях». «Антипартийная группировка» их якобы только и олицетворяла своими персонами – а противостоял им ленинец Хрущев. Когда зашла речь о печально известной особой тюрьме при Комитете

партийного контроля, Хрущев вновь стал распространяться о полнейшем своем неведении. Маленков, брезгливо поморщившись, бросил:

– Ты у нас чист совершенно, товарищ Хрущев...

Чуть позже, когда Никита уверял, будто «все делалось по личному указанию товарища Сталина», прозвучал безымянный голос из зала:

– Не сваливайте все на покойника!

Примерно в то же время Хрущев уговаривал маршала Константина Рокоссовского написать «разоблачительные» мемуары – о полной бездарности Сталина в политике и военном деле, о «кроважности» покойного вождя. Короче говоря, просил добросовестно полить покойного грязью, упирая на то, что Рокоссовский сам в свое время побывал в тюрьмах и лагерях.

Рокоссовский решительно отказался и уважение к Сталину сохранил на всю оставшуюся жизнь...

Секреты Советского космоса

«Малыш» и «Великан»

Если американцы и западноевропейцы в начале восьмидесятых годов разрабатывали космические челноки одной-единственной модификации, в СССР обстояло как раз наоборот: советские конструкторы «заложили на стапелях» два типа «челноков», отличавшихся друг от друга как внешним видом и конструкцией, так и назначением. «Малыш» предназначался исключительно для транспортировки на орбиту и с орбиты экипажей орбитальных станций, «большой» же челнок должен был решать те же задачи, что и американский «Спейс Шаттл».

Первое испытание «малыша» состоялось 3 июня 1982 г. С космодрома Капустин Яр стартовала ракета-носитель СЛ-8 и вывела на круговую орбиту высотой 225 км объект, названный в сообщениях ТАСС «Космос-1374», а на самом деле – «пассажирский малыш». Разумеется, беспилотный. После одного оборота вокруг Земли по сигналу Центра управления полетами включился тормозной двигатель, и после контролируемого полета в атмосфере «малыш» приводнился в Индийском океане к югу от Кокосовых островов. 15 марта 1983 г. на близкую по параметрам околоземную орбиту вышел «Космос-1445» – и приводнился в том же районе столь же удачно. Его подняли на борт одного из советских научных кораблей. Третий и четвертый «малыши» (27 декабря 1983 г., «Космос-1517», 19 декабря 1984 г. – «Космос-1614») приводнялись уже в Черном море – точность расчетов повысилась.

15 мая 1987 г. стартовал уже «большой» челнок. Испытание закончилось провалом – авария двигателя челнока не позволила ему выйти на орбиту, и он большей частью сгорел в плотных слоях атмосферы, не считая обломков, упавших в Тихий океан.

Были пробы и другого типа – в 1985 г. челнок, отделявшийся в стратосфере от носителя, бомбардировщика «Мясищев-4», опять-таки в автоматическом режиме отрабатывал подход к земле и посадку. Единственная неудача этих испытаний была связана с причинами, не имевшими отношения к самому «великану», – однажды при взлете аварию потерпел самолет-носитель.

И, наконец, наступило время для полета, который в тайне уже не держали – 29 октября 1988 г. успешно приземлился беспилотный «Буран» – не полумакет, как его предшественники, а самый настоящий челнок.

К великому нашему сожалению, на этом, похоже, история

отечественных челноков обрывается...

Тайна или розыгрыш?

Лет двадцать назад мне пришлось неделю проваляться в больнице и там услышать от сотоварища по палате весьма любопытную историю. Поскольку эта больница была не психушкой, я склонен относиться к его рассказу если и не со всей серьезностью, то, по крайней мере, с интересом...

По словам этого человека, однажды, осенью 1961 г., его по каким-то делам занесло в Татарскую АССР, в довольно глухой уголок, где простодушные татары до сих пор именовали начальство «господин товарищ председатель».

Однажды в степи грянуло, да так, что все в округе решили, будто неугомонный Никита Сергеевич развязал-таки третью мировую войну. Не узрев классического «атомного гриба», кое-кто из тех, что поцивилизованнее, рискнули наведаться в район взрыва... и подобрали там интереснейшие вещи: *три* белых гермошлема с надписями «СССР», странные сапожки, еще какие-то мелочи.

Потом нагрянули те, «кому надлежит». Все отобрали, заставили даже неграмотных поставить крестики под самыми страшными подписками, долго пугали всеми мыслимыми карами, обыскали место падения неизвестного объекта на километры вокруг и отбыли...

Такая вот история. Я человек недоверчивый, сам, случалось, распространял весьма правдоподобные байки, а пару лет назад написал для одной бульварной газеты обширную, тщательнейшим образом стилизованную под «документальное журналистское расследование» статью – там, с массой сухих технических подробностей, ссылок на несуществующие документы и зарубежные публикации доказывалось, что в апреле 1945 г. нацисты вывели на орбиту космический корабль с двумя пилотами, но он рухнул в глухих отрогах Кордильер.

Между прочим, многие потом верили. Поэтому к той давней истории я отношусь, в общем, скептически – любит русский народ баять сказочки в духе шукшинского Броньки Пупкова. И все же...

В первых советских пилотируемых полетах наблюдается странный разрыв. 12 апреля 1961 г. летит Гагарин. 6–7 августа того же года – Титов. После этого наступает перерыв ровно на год – до 11 августа 1962 г., когда взлетел «Восток-3» с Николаевым. Перерыв этот выглядит несколько странно, учитывая, что в те годы СССР и США вели ожесточеннейшую

«космическую гонку», стремясь завоевать приоритет, где только возможно. По обе стороны океана царила спешка. Вопреки хваленной непогрешимости американской техники, в США с надежностью обстояло порой ничуть не лучше, чем у нас – можно вспомнить и трех астронавтов, погибших на старте в 1967-м, и «Челленджер», взорвавшийся из-за банального недосмотра техников...

Рассуждая теоретически, мог ли Хрущев, вдохновленный первыми успехами Гагарина и Титова, распорядиться о запуске на этот раз *многоместного* корабля? С тремя (а то и четырьмя) космонавтами?

Очень даже свободно. Примеров в истории нашего многострадального Отечества предостаточно. Запусков «к датам», или совершённых исключительно для того, чтобы вульгарно опередить конкурента. Могли, не продумав и не рассчитав толком, запустить «Восток-3» – *первый* «Восток-3» – в котором находилось несколько человек. После катастрофы поневоле пришлось сделать перерыв на год.

Однако «могли» еще не означает «сделали». Я ничего не утверждаю и не опровергаю – передо мной самая настоящая загадка, и глупо ее изучать на основе столь скудной информации. Даже с гораздо более близкой нам по времени гибелью Гагарина, происшедшей прямо-таки «при честном народе», до сих пор ничего толком не ясно.

А вдруг отыщутся и другие свидетели? Вдруг мой тогдашний собеседник не врал? Или не стоит надеяться?

Я не знаю...

Бесы в оптическом прицеле

«Одно, что мы можем и должны сказать русскому интеллигенту, это – постарайся стать человеком».

М.О. Гершензон (1909 г.)

*«А назывались они все одинаково.
Кратко и выразительно.
Как на заборе!»
В. Пикуль*

Один из самых живучих и стойких российско-советских мифов – миф о высоком предназначении, высокой миссии и духовном превосходстве так называемой «интеллигенции»...

Советский энциклопедический словарь 1988 г. определяет «интеллигенцию» как «Общество, слой людей, профессионально занимающийся умственным, преим. сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Термин «И.» введен писателем П.Д. Боборыкиным (в 60-х гг. XIX в.). Вопросы возникают мгновенно: к чему было выдумывать какой-то особый термин, не существовавший доселе ни в одном языке, если неплохи были и старые: «ученый», «интеллектуал», «человек искусства»? И как быть, если человек, «профессионально занимающийся сложным творческим трудом», тем не менее категорически отказывается признавать себя интеллигентом? (У Л.Н. Гумилева спросили однажды: «Вы интеллигент?» «Да боже упаси!» – замахал тот руками.)

Поневоле вспоминаются слова дореволюционного мыслителя Г. Федотова: интеллигенция – это специфическая группа, «объединяемая идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». Что подтвердил один перестроечный публицист, без колебаний причислявший себя к интеллигенции: «интеллигент» – это «псевдоним для некоего типа личности», «людей определенного склада мысли и определенных политических взглядов». Умри, Денис, лучше не напишешь!

История вопроса начинается и в самом деле в 60-е гг. XIX в. По свидетельству камергера Д.Н. Любимова, «в связи с проектом какого-то циркуляра министерства внутренних дел, где упоминалась русская

интеллигенция, Победоносцев писал Плеве: «Ради Бога, исключите слова «русская интеллигенция». Ведь такого слова «интеллигенция» по-русски нет, Бог знает, кто его выдумал, и Бог знает, что оно означает...»»

Победоносцев, выдающийся публицист и мыслитель, в данном случае оказался не прав. Министр внутренних дел Плеве изучил вопрос и пришел к выводу, что термин «интеллигенция» все же означает некое вполне определенное понятие – никоим образом не отождествлявшееся, однако, с понятием «образованная часть населения». Сын камергера Любимова охарактеризовал интеллигенцию так: «Прослойка между народом и дворянством, лишенная присущего народу хорошего вкуса». Добавлю от себя: лишенная и подлинной образованности, и способности мыслить логически, и патриотизма.

Плеве говорил Любимову-старшему: «Та часть нашей общественности, в общезнании именуемая русской интеллигенцией, имеет одну, преимущественно ей присущую особенность: она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленные к дискредитированию государственной, а также духовно-православной власти, ко всему же остальному в жизни страны она индефферентна». В 1912 г., уже после смерти Плеве от руки интеллигента-бомбиста, военный историк, Генерального штаба генерал-майор Е.И. Мартынов (впоследствии убит большевиками), написал не менее горькие строки: «Попробуйте задать нашим интеллигентам вопросы: что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Девяносто из ста ответят вам: война – преступление, патриотизм – пережиток старины, армия – главный тормоз прогресса, военная специальность – позорное ремесло, воинская доблесть – проявление глупости и зверства...»

Стоит ли удивляться, что в 1905 г. русские интеллигенты отправляли телеграммы японскому микадо, поздравляя его с победой над Россией?

Ненавидящие свою страну, не знающие и не понимающие своего народа, отвергающие как «устаревшие» все национальные и религиозные ценности, вечно гонящиеся за миражами, одержимые желанием переделать мир по своим схемам, ничего общего не имеющим с реальной жизнью, без всякого на то основания полагающие себя солью земли – интеллигенты разожгли в России революционный пожар. Н.А. Бердяев писал: «Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту, со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями... Интеллигенция была у нас идеологической, а не

профессиональной или экономической группировкой... Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями... По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало развитию в ней социальной мечтательности».

Вот только «мечтательность» эта сочеталась с револьверами и бомбами. Пятнадцать лет интеллигенты из «Народной воли», равнодушно списывая в «неизбежные издержки» десятки случайных жертв, охотились за Александром II – и убили-таки, за несколько дней до того, как государь намеревался огласить конституцию. Крайне любопытны обширные мемуары одного из участников этой «дикой охоты» Н.А. Морозова [127]. Оказывается, он и его друзья, люди взрослые и образованные, были убеждены, что «казнь тирана» и провозглашение всех и всяческих свобод... автоматически приведут к молниеносному перерождению «темного народа», в России тут же воцарится всеобщая братская любовь. Взрослые люди... Но вот означенный Морозов странствует переряженным по деревням. Чтение увлекательнейшее – романтический юноша впервые попал в «мир народа», смотрит прямо-таки глазами марсианина... И на каждом шагу убеждается, что кабинетные схемы ничего общего с реальностью не имеют. Народовольцы отчего-то решили, что хлебороб полагает городского ремесленника отбросом общества, но мужики, оказывается, питают нескрываемое уважение к имеющему специальность горожанину. По подложному паспорту Морозов числится печником, и его лепет, что он-де ищет в деревенской жизни высшего совершенства, вызывает у мужичков лишь недоумение. «Сектант, поди, какой» – наконец выносят они вердикт и успокаиваются. Кто ж еще, кроме сектанта, будет так себя вести?

Вот «печника» обсчитала разбитная кабатчица, бой-баба, и юноша задает себе резонный вопрос: «Неужели после установления всеобщей свободы эта хитрая баба станет святой Лукрецией?»

Тут бы и остановиться, задуматься: если реальная жизнь ничуть не похожа на то, что народники о ней нафантазировали, не честнее ли забыть о бомбах и прокламациях? Увы, мышление народовольцев сворачивает на привычную колею: «что ж, тем хуже для реальности...» Если народ равнодушен к новоявленным «избавителям» – его, темного, следует помимо желания вести к счастью железной рукой... [\[111\]](#)

После смерти Александра III, невероятными усилиями сбившего волну террора, гангрена распространяется вновь. И это уже не деклассированные одиночки вроде богатейшего помещика Лизогуба и крестьянского сына

Халтурина. Общество охвачено какой-то жуткой паранойей либерализма и саморазрушения.

Несколько характерных примеров. В феврале 1899 г. ректор Санкт-Петербургского университета вывешивает объявление, где пишет: в прежние годы студенты при наступлении каникул учиняли в пьяном состоянии групповые беспорядки в общественных местах, а посему он, ректор, ставит это господам студентам на вид и предупреждает, что в нынешнем году полиция намерена гасить в зародыше подобные шалости. О революционных идеях – ни слова. Но господа юные интеллигенты, ужасно обиженные столь явным посягательством царского сатрапа на права личности, выходят толпой на улицу. Полиция, понятно, принимает надлежащие меры. Тогда к студенческой забастовке подключаются все высшие учебные заведения империи и бастуют два месяца.

(Между прочим, у замечательного русского поэта Афанасия Фета была примечательная привычка. В течение многих лет он, проезжая по Москве, каждый день приказывал кучеру остановиться возле университета, опускал стекло и плевал в сторону «цитадели знаний». Об этом рассказала в своих мемуарах сестра А.П. Чехова. Современный комментатор-интеллигент охарактеризовал действия Фета как «злое невежество» – а это лишний раз доказывает, что интеллигенция неизлечима...)

14 мая 1906 г. в Севастополе брошена бомба в коменданта города генерала Неплюева. Генерал уцелел, но погибло восемь случайных прохожих (в том числе двое детей), несколько десятков человек ранены. Но депутаты Государственной думы публично называют суд над схваченными на месте преступления бомбистами «кровопролитием», а левая печать призывает родственников погибших отбросить эмоции и понять, что их близкие погибли по чистой случайности, во имя святого дела...

Впрочем, это не единственный случай, когда жертвами террора становились абсолютно непричастные. Летом 1906 г. в Петергофе вместо генерала Трепова убили генерала Козлова. В Пензе вместо жандармского генерала Прозоровского по ошибке убили пехотного генерала Лиссовского. В Киеве вместо жандармского генерала Новицкого ударили ножом отставного армейского генерала.

В том же году депутат Думы Герценштейн с думской трибуны весело называет «иллюминациями» многочисленные поджоги дворянских усадеб, сопровождавшиеся убийствами, изнасилованиями, зверствами. Именно за эти слова, а не за еврейское происхождение правые вскоре убили весельчака...

14 мая того же года боевики из «еврейской самообороны» обстреляли

католический крестный ход, что повлекло за собой еврейский погром, прекращенный спешно прибывшими войсками. Комиссия из членов Госдумы... обвинила правительство в организации погрома.

В Сибири, в Томске, левые боевики начали стрелять из револьверов по крестному ходу. Его участники, оказавшись под огнем, кинулись на революционеров, отобрали оружие, загнали «леваков» в здание народного дома и сгоряча подожгли его, мстя за подлое нападение, за убитых и раненых. Печать окрестила эти события «зверствами черносотенцев».

Эсерка Мария Спиридонова убивает на улице чиновника гражданского ведомства. Из тюрьмы переправляет на волю бредовое письмо, обвиняя допрашивавших ее жандармов в пытках и изнасиловании. Позже на суде она откажется от этих показаний, к тому же учиненная по горячим следам экспертиза не обнаружит следов пыток и констатирует, что девственность юной фурии никоим образом не нарушена. Однако оба офицера уже застрелены боевиками...

Только за первые шесть месяцев 1906 г. революционерами убито 499 человек – но Дума, к недоумению иностранных журналистов, пытается протащить закон об амнистии за *любые* преступления, если только они имеют политический характер!

Террористка, дочь якутского вице-губернатора (!), отправленная в швейцарский санаторий подлечить головку, прямо в лечебнице убивает из пистолета немецкого купца, имевшего несчастье быть похожим на министра Дурново...

Впрочем, это началось еще с Веры Засулич – когда юная особа, всадившая шесть пуль в «царского сатрапа», была не только оправдана судом, но и встречена *аплодисментами* толпы.

Считалось само собой разумеющимся, что человек из «образованного общества» должен желать поражения России в японской войне. Купец, эмигрант П. Бурышкин с горечью пишет в своих воспоминаниях, что «образованное общество» проявляло фантастическое равнодушие к деятельности и нуждам российских предпринимателей, купцов, заводчиков. «Купчина толстопузый» был лишь персонажем фельетонов и карикатур... [23]

Однако и среди «образованного общества» находились смелые, болевшие за Россию люди, не побоявшиеся выступить против либеральной чумы. В 1909 г. появилась книга «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», которую можно охарактеризовать кратко: «Интеллектуалы против интеллигентов» [38].

В самом деле, наша милейшая интеллигенция обожает в спорах с

проворством карточного шулера подменять понятия. Тот, кто выступает против «интеллигенции», обвиняется в том, что... выступает против *интеллекта*, против культуры, знаний, образования. На сем скользком поприще интеллигенция не чурается ни подлогов, ни лжи, ни демагогии.

В жизни обстоит как раз наоборот. Интеллект – это одно, а «интеллигент» – это другое. Авторы сборника «Вехи» – не какие-то полуграмотные лабазники-охотнорядцы^[112], а люди, с чьими именами прочно связаны эпитеты «известный», «выдающийся». Бердяев, С. Булгаков, Гершензон, Кистяковский, Струве, Изгоев, Франк – интеллектуалы, историки, экономисты, философы.

Приведу лишь наиболее знаменательные отрывки, отнюдь не вырванные из общего контекста...

Н.А. БЕРДЯЕВ: «В русской интеллигенции рационализм сознания сочетался с исключительной эмоциональностью и со слабостью самооценной умственной жизни... Сама наука и научный дух не привились у нас, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими. Ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью, и если они были политическими индефферентистами, то сама их наука считалась ненастоящей...»

С.Н. БУЛГАКОВ: «Весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции, а следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией... Наша интеллигенция в своем западничестве не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причем приняла их в связи с наиболее резкими и крайними формами философии просветительства (т.е. атеизма – А.Б.). Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, т.е. просветительство, материализм, атеизм, социализм – вот несложная философия истории среднего русского интеллигента...

Героизм – вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожания... Интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза с явно истерическим оттенком. Россия должна быть спасена, и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция вообще и даже имярек в частности – и помимо его нет

спасителя и нет спасения... Героический интеллигент не довольствуется поэтому ролью скромного работника (даже если он и вынужден ею ограничиваться), его мечта – быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа... Для него необходим (конечно, в мечтаниях) не обеспеченный минимум, а героический максимум... Даже если он и не видит возможности сейчас осуществить этот максимум и никогда ее не увидит, в мыслях он занят только им. Он делает исторический прыжок в своем воображении и, мало интересуясь перепрыгнутым путем, вперяет свой взор лишь в самую светлую точку на краю исторического горизонта... Во имя веры в программу лучшими представителями интеллигенции приносятся жертвы жизнью, здоровьем, свободой, счастьем... («худшие» представители интеллигенции, которых гораздо больше, охотнейше приносят в жертву чужие жизни, здоровье, свободу и счастье – А.Б.). Хотя все чувствуют себя героями, одинаково призванными быть провидением и спасителями, но они не сходятся в способах и путях этого спасения... С интеллигентским движением происходит нечто вроде самоотравления... Интеллигенция, страдающая «якобинизмом», стремящаяся к «захвату власти», к «диктатуре» во имя народа, неизбежно разбивается и распыляется на враждующие меж собой фракции, и это чувствуется тем острее, чем выше поднимается температура героизма... Герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя, и при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность сословного аристократизма, надменно противопоставляющая себя «обывателям». Кто жил в интеллигентских кругах, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим... Вследствие своего максимализма интеллигенция остается малодоступна к доводам исторического реализма и научного знания...

...В нашей литературе много раз указывалась духовная оторванность нашей интеллигенции от народа. По мнению Достоевского, она пророчески предсказана была уже Пушкиным, сначала в образе вечного скитальца Алеко, а затем Евгения Онегина... И действительно, чувства кровной исторической связи, сочувственного интереса, любви к своей истории, эстетического ее восприятия поразительно мало у интеллигенции, на ее палитре преобладают две краски, черная для прошлого и розовая для будущего...»

М.О. ГЕРШЕНЗОН: «Что делала наша интеллигентская мысль последние полвека? Я говорю, разумеется, об интеллигентской массе.

Кучка революционеров ходила из дома в дом и стучала в каждую дверь: «Все на улицу! Стыдно сидеть дома!» – и все создания высыпали на площадь: хромые, слепые, безрукие, ни одно не осталось дома. Полвека толкутся они на площади, голоса и перебраниваясь. Дома – грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ – да оно и легче, и занятнее, чем черная работа дома. Никто не жил – все делали (или делали вид, что делают) общественное дело... а в целом интеллигентский быт ужасен: подлинная мерзость запустения, ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем, день уходит неизвестно на что, сегодня так, а завтра, по вдохновению, все вверх ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности, перед властью – то гордый вызов, то покладистость – не коллективная^[113], я не о ней говорю, а личная...

Примечание ко 2-му изданию: эта характеристика нашей интеллигентской массы была признана клеветой и кощунством^[114]. Но вот что, десять лет назад, писал Чехов: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» (письмо к И.И. Орлову 22 февраля 1889 г. в вышедшем на днях сборнике писем А.П. Чехова под ред. Бочкарева). Последние слова Чехова содержат в себе верный намек: русская бюрократия есть в значительной мере плоть от плоти русской интеллигенции...

...Чем подлиннее был талант, тем ненавистнее ему были шоры интеллигентской общественно-утилитарной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших: Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета... То, чем жила интеллигенция, для них не существовало... в лице своих духовных вождей она (интеллигенция – А.Б.) творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры: Тютчеву – за невнимание, Фету – за посмеяние, Достоевского объявляла реакционным, а Чехова индифферентным... А масса этой интеллигенции была безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью. Могла ли эта кучка искалеченных душ остаться близкой народу?

...Она выбивалась из сил, чтобы просветить народ, она засыпала его миллионами экземпляров популярно-научных книжек, учреждала для него библиотеки и читальни, издавала для него дешевые журналы – и все без толку, потому что она не заботилась о том, чтобы приноровить весь этот материал к его уже готовым понятиям, и объясняла ему частные вопросы знания без всякого отношения к его центральным убеждениям, которых она не только не знала, но даже не предполагала ни в нем, ни вообще в человеке... Сонмище больных, изолированных в родной стране, – вот что такое русская интеллигенция... в длинной веренице интеллигентских типов, зарисованных таким тонким наблюдателем, как Чехов, едва ли найдется пять-шесть нормальных человек. Наша интеллигенция на девять десятых поражена неврастением: между ними почти нет здоровых людей – все желчные, угрюмые, беспокойные лица, искаженные какой-то тайной неудовлетворенностью, все недовольны, не то озлоблены, не то огорчены...»

А.С. ИЗГОЕВ: «До последних революционных лет творческие даровитые натуры в России как-то сторонились от революционной интеллигенции, не вынося ее высокомерия и деспотизма».

Б.А. КИСТЯКОВСКИЙ: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности, из всех культурных ценностей право находилось у нас в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития... Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы... В идейном развитии нашей интеллигенции, поскольку оно отразилось в литературе, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которой складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли».

П.Б. СТРУВЕ: «В 60-х годах с их развитием журналистики и публицистики «интеллигенция» явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое. Замечательно, что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить^[115]. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика... даже Герцен, несмотря на свой социализм и атеизм, вечно борется в себе с интеллигентским ликом...

...Интеллигенция нашла в народных массах лишь смутные инстинкты, которые говорили далекими голосами, слившимися в какой-то гул. Вместо того, чтобы этот гул претворить систематической воспитательной работой в

сознательные членораздельные звуки национальной личности, интеллигенция прицепила к этому гулу свои короткие книжные формулы. Когда гул стих, формулы повисли в воздухе...»^[116]

С.Л. ФРАНК: «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, кроме критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые^[117]. У нас нужны особые, настойчивые указания, исключительно громкие призывы, которые для большинства звучат всегда несколько неестественно и аффектированно... Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента, ощущаются им смутно и неинтенсивно и, во всяком случае, всегда приносятся им в жертву моральным ценностям... Начиная с восторженного поклонения естествознанию в 60-х годах и кончая самоновейшими научными увлечениями вроде эмпириокритицизма, наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции... Эта характерная особенность русского интеллигентского мышления – неразвитость в нем того, что Ницше называл интеллектуальной совестью, – настолько общеизвестна и очевидна, что разногласия может вызвать, собственно, не ее констатация, а лишь ее оценка...

...Лучи варварского иконоборчества, неизменно горящие в интеллигентском сознании...»

После Октября интеллектуалов либо уничтожали, либо высылали за границу (как произошло и с некоторыми авторами «Вех») – зато интеллигенция самым великолепным образом устроилась при большевиках, поскольку ее мировоззрению как нельзя лучше отвечали идеи «всемирного пожара» и «нового искусства». Двадцать лет после революции интеллигенция правила бал, пока реалист Сталин не выбрал синицу в руках – и интеллигентов долго топтали сапогами в тех же самых подвалах, где они сами измывались над теми, кто входил в понятие «неизбежные издержки».

Лучше всего о том, что и сегодня не потеряла актуальности ни единая строчка «Вех», свидетельствует статья Солженицына «Образованщина», вышедшая в 1974 г. [75].

Солженицын: «Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, но не сумела управить ее обломками. Потом, озираясь из эмиграции, сформулировала интеллигенция оправдание себе:

оказался «народ – не такой», «народ обманул ожидания интеллигенции». Так в этом и состоял диагноз «Вех», что, обожествляя народ, интеллигенция не знала его, была от него безнадежно отобщена!»

И не только «отобщена»... Тот же С.Н. Булгаков предупреждал, что вера в чудо преобразования мира и души человека может привести к «особой разновидности духовного аристократизма, надменно противопоставляющего себя обывателям». И разъяснял свою мысль подробно: «В своем отношении к народу, служение которому ставит своей задачей интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями – народопоклонничества и духовного аристократизма. Потребность народопоклонничества... вытекает из самих основ интеллигентской веры. Но из нее же с необходимостью вытекает и противоположное – высокомерное отношение к народу как к объекту спасительного воздействия, как к несовершеннолетнему, нуждающемуся в няньке для воспитания «сознательности», непросвещенному в интеллигентском смысле слова».

Этот «духовный аристократизм» привел к тому, что в первые годы Советской власти среди лютовавших чекистов хватало самых что ни на есть патентованных интеллигентов – от Менжинского до доктора Кедрова. (По некоему странному совпадению чуть ли не вся гитлеровская верхушка состояла опять-таки из классической интеллигенции – неудачливый художник, фармацевт, журналисты, вообще гуманитарии, не добившиеся, стоит подчеркнуть, успехов в науке и оттого создавшие свою, людоедскую. Альфред Розенберг получил прекрасное образование, кстати, в высших учебных заведениях Российской империи – рассадниках интеллигенции.)

И народники, и большевистские интеллигенты, и соратники Гитлера – все вместе подходят под определение известного социалиста М. Бакунина: «Особенно страшен деспотизм интеллигентного и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше понимающего настоящие интересы народа, чем сам народ. Во-первых, представители этого меньшинства попытаются во что бы то ни стало уложить в прокрустово ложе своего идеала жизнь будущих поколений. Во-вторых, эти двадцать или тридцать ученых-интеллигентов перегрызутся между собой».

И, наконец, слово известному социологу и публицисту Н.Я. Данилевскому, еще в 1871 г. писавшему: «Примеры гармонического внутреннего развития народной образованности вообще не слишком часты, и лучшим из них может служить Англия... Без такой народной основы так называемая интеллигенция не что иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне

почерпнутое образование, не переваривших и не усвоивших его, а только перемалывающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлою этикеткою современных» [55].

Далее Данилевский пишет вовсе уж пророчески: «Но как ни внешне наше русское просвещение, как ни оторвана наша интеллигенция (в большинстве своем) от народной жизни, она не встречает, однако же, в русском народе и в России *tabulam rasam* ^[118] для своих цивилизаторских опытов, а должна, волею или неволею, сообразоваться с веками установившимся и окрепшим народным бытом и порядком вещей. Для самого изменения этого порядка интеллигенция принуждена опираться, часто сама того не замечая, на народные же начала, когда же забывает об этом (что нередко случается), то народ, составивший уже долгим историческим опытом общественный организм, извергает из себя чуждое, хотя бы то было посредством гнойных ран, или как бы облегает его хрящеватою оболочкою и обособляет от всякого живого общения с народным организмом; и чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешает, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждает его, и она обтекает и обходит его мимо».

Первое утверждение, об иммунитете народа к интеллигентским бредням, оказалось ошибкой (надо помнить, эти слова написаны до того, как вспыхнул народовольческий террор, никто не мог и предполагать, что гангрена так распространится...). Увы, «цивилизаторские опыты» продолжались десятки лет и вовлекли в свою орбиту все население России. Но вот впоследствии... Все по Данилевскому. Когда схлынул угар первых перестроечных лет, когда стало ясно, что бывшие кумиры не более чем пустословы, когда вместо митингов все, кто хоть что-то собой представлял, смогли заняться реальным делом (как бы ни был уродлив и сюрреалистичен нынешний капитализм) – так называемая «демократическая интеллигенция» полностью потеряла прежнее влияние на общество и практически выпала из жизненного процесса. И вновь отступила на свои кухоньки «перебалтывать языком» (но на сей раз потеряла еще и тех из своей среды, кто опять-таки занялся делом и посему добровольно отрекся от звания интеллигента, несовместимого с нормальной работой, нормальными заработками, нормальной жизнью, не связанной с «вечной борьбой»).

Разумеется, интеллигенция ничего не поняла и ничему не научилась. И мгновенно подыскала очередные убогие формулы, не имеющие ничего общего с реальным положением дел: есть вещи выше рынка. Раньше

мешали реализоваться злобные коммунисты, теперь же – тупые «новые русские»... И так далее. И невдомек им, ущербным и озлобленным, что за душой у них и не было ничего – ни подлинных знаний, ни деловой энергии, ни малейшей способности хоть что-то *создавать*. Вместо знаний была модная публицистика, вместо деловых качеств – беспочвенная вера в то, что государство будет *содержать* и далее. Когда в свое время Маргарет Тэтчер железной рукой обрезала финансирование всевозможным «институтам» и «аналитическим центрам», где безрезультатно переливали из пустого в порожнее (вроде пресловутого Института изучения апартеида, годами сочинявшего пухлые бессодержательные обзоры, перепевавшие всем известные истины), тамошняя образованщина чуть ли не теми же самыми словами, что и отечественные оголодавшие «соловьи», обвиняла Железную леди в покушении на *культуру*. Ибо работать и делать дело никто не умел, но кушать хотелось – вот и отождествляется собственное безденежье с гибелью культуры...

Вовсе уж неожиданное сходство и с «Вехами», и с работой Солженицына мы находим в книге английского литературоведа Карен Хьюитт «Понять Британию», написанной специально для того, чтобы лучше объяснить сегодняшнему россиянину состояние дел и умов в Великобритании: «...вас удивит отсутствие «интеллигенции»... Мы называем людей, чей труд зиждится на специальном умственном усилии, – «профессионалами»... Чего им не хватает^[119] – так это чувства принадлежности к особой группе или классу с четко проявляющейся национальной ответственностью за поддержание духовных ценностей народа. Необходимо предостеречь вас, что многие британцы находят само это понятие не только причудливым, но и агрессивным. (Молодцы британцы! – А.Б.) У британского рабочего имеются свои ценности. Он не ждет от британской интеллигенции, чтобы она маршировала, размахивая флагом духовности и защищала его интересы – а ведь именно в таком ключе русские частенько рассказывают мне, что такое ваша интеллигенция... Я нахожу бессмысленным вопрос, который задают многие русские: «Есть ли у вас группа, подобная нашей интеллигенции, хранящая духовные ценности общества?»» [204].

Браво и брависсимо... Ни в одной стране мира, кроме России, нет «группы, хранящей духовные ценности» – поскольку таковые ценности и без того принадлежат всем и защищены всей мощью свободного государства. Никому в цивилизованном мире не нужен *посторонний* «хранитель», якобы служащий совестью *других*. Повсюду в цивилизованном мире пользуется уважением лишь тот, кто честно

зарабатывает себе на хлеб, а если и получает жалованье от государства – то опять-таки за конкретную пользу обществу, а не расплывчатое «хранение духовных ценностей».

У нас же до сих пор все наоборот. Нормально работать и хорошо зарабатывать считается бесчестьем. Правда, в последние годы власть наконец-то перестала платить за «полезность», и многие интеллигенты, оказавшись перед необходимостью добывать хлеб насущный, едва не сошли с ума. Малая часть сумела переквалифицироваться в нормальных работников – и с радостью отбросила прежние бредни (сужу по виденным лично примерам). Кто-то окончательно опустился. Кое-кто сумел зацепиться за днище «корабля капитализма». В моем родном Красноярске группка особо закоренелых интеллигентов сотрудничает в бульварной газетке, славной объявлениями телефонных проституток. Правда, чтобы сохранить видимость приличий, кое-кто из них регулярно объявляет в той же газетке, что сам-то он лично к подобной практике относится крайне отрицательно, и уж свою-то доченьку ни за что в проститутки не пошлет – а вслед за тем с комической важностью предается привычному интеллигентскому рукоблудию: клеймит все неугодное, выносит безапелляционные приговоры тем, кто удачливее и богаче, называет видных политиков уменьшительными именами, прямо оскорбляет. К примеру, некий голоштаный мальчик в той же газетке назвал Лужкова «ельцинской шестеркой», а другой, постарше и потасканнее, окрестил Кобзона «главарем московской мафии») – одним словом, пользуясь кратким мигом сытости, продолжает делать то, что авторы «Вех» осмеяли еще девяносто лет назад...

Вообще-то, и на хваленном Западе водилась порой самая что ни на есть патентованная интеллигенция. Отечественные либеральные публицисты почесывали в затылках: отчего это могучие зарубежные умы вроде Уэллса, Шоу, Фейхтвангера словно бы и не замечали ужасов красного террора? Да потому и не замечали, что (как о том сами писали недвусмысленно) по известной интеллигентской привычке расценивали все происходящее в России как великий эксперимент, оправдывающий любые жертвы. Достаточно вдумчиво прочитать «Россию во мгле» Уэллса, эссе Шоу, чтобы убедиться – мэтры были прямо-таки заморожены экспериментом...

Кстати, вы помните, что несколько лет назад одна молдавская поэтесса при участии всамделишного священника обвенчалась с памятником Стефану Великому, стоящим в Кишеневе? Как писал мой злоязычный друг-молдаванин – теперь ждут, что родит булыжник...

О роли интеллигенции в катавасии последних десяти лет я не

расположен писать – тошнит. Скажу лишь, что визжавшая в свое время на площадях и телеэкранах интеллигенция понятия не имела о последствиях: как ни парадоксально, она сама, своими руками выкопала себе могилу, приблизив наступление такого порядка, которому легионы бездельников и трепачей, якобы «хранящих духовные ценности», более не нужны. Как бы ни относиться ко всем преобразованиям последних лет, я поставил бы Ельцину памятник при жизни за одно-единственное его деяние: за то, что он приближает время, при котором будут цениться лишь сугубые профессионалы, а не «трубадуры демократии», ничего другого делать не умеющие. Раз в России вымирает интеллигенция – Россия не погибла. Главное, нынешняя образованщина уже не сможет никогда воспроизводить себе подобных. Эти – последние. Туда им и дорога.

Динозаврики, конечно, еще копошатся. Интеллигенты, мелкие бесы, еще сохраняют какой-то минимум влияния и воздействия на привыкшие к отраве умы. Поскольку разрушать вроде бы и нечего (да и не даст частный владелец разрушать то, что построено на его земле), нынешняя интеллигенция сейчас пробавляется за счет всевозможной бесовщины: «контакты», летающие тарелки, штопка астрала и починка чакры, еретические бредни вроде «учения Рериха» и поисков «аномальных зон». Комичнейшее впечатление оставляют бородатые «вечные мальчики», еще нынче утром стоявшие на молебне в православной церкви, а к вечеру с умным видом рассуждающие о «карме» или «прошлых жизнях» – и не ведают, бессмысленные, что эти понятия противоречат самой сути христианства (ислама, кстати, тоже). Ну, и бульварная журналистика выручает, читателю еще долго не надоедят сенсации типа «Гигантский кузнечик в штате Айова слопал бабушку!», «Телефон-автомат изнасиловал блондинку!», «В пещере под Красноярском живет призрак фараона Рамзеса!» Кое-кто ударяется в то, что по дурости своей именует «толкованием Библии», забыв, что богословие – самая старая на планете наука, насчитывающая уже почти два тысячелетия, и, прежде чем выдергивать цитаты из наспех пролистанного Писания, следует изучить труды серьезных богословов...

Еще в 1340 г. преподаватели юридического факультета Парижского университета письменно постановили, что претендовать на место в науке следует лишь тогда, когда имеешь что-то за спиной:

«Мы полагаем, что там, где отсутствует фундамент, нельзя производить надстройку, и что не через нарушение последовательности степеней, а постепенно и своевременно

должно восходить к более высоким должностям и наукам. И так как грамматика, логика, физика и прочие низшие науки есть путь и основание к другим, более высоким знаниям, устанавливаем и предписываем, что никто не должен допускаться к степени бакалавра канонического права на юридическом факультете в Париже, сколько бы он ни слушал декретов и декреталий, если он сначала не будет достаточно тверд в начальных знаниях».

Увы, с изучением Библии обстоит наоборот – народишко с простодушным цинизмом бросается выдвигать «эпохальнейшие» гипотезы на библейские темы, не получив предварительно и капли «начальных знаний»...

Последним грешком страдал и Лев Толстой, которого в свое время отлучили от церкви за конкретные еретические прегрешения. Вольнодумствующий граф в гордыне своей начал буквально кроить Евангелие на кусочки и с важным видом объяснять: вот в этот эпизод он верит, а этому у него доверия нет... Вот и отлучили – за ересь.

Мне попался любопытный документ: воспоминания игумена Оптинского скита отца Феодосия, относящиеся к осени 1908 г.:

«Бес в образе Льва Толстого.

Собралась собороваться группа богомольцев, душ четырнадцать, исключительно женщин. В числе их была одна, которая собороваться не пожелала, а попросила позволения присутствовать зрительницей при совершении таинства.

По совершении таинства, смотрю, подходит ко мне та женщина, отводит меня в сторону и говорит:

– Батюшка, я хочу исповедаться и, если разрешите, завтра причаститься и у вас пособороваться.

На другой день я разрешил ее от греха, допустил к причастию и объяснил, чтобы она собороваться пришла в тот же день часам к двум пополудни. На следующий день женщина эта пришла ко мне несколько раньше назначенного часа, взволнованная и перепуганная.

– Батюшка, – говорит, – какой страх был со мною нынешнею ночью! Всю ночь меня промучил какой-то высокий страшный старик, борода всклокоченная, брови нависли, а из-под бровей такие острые глаза, что как иглой в мое сердце впивались. Как он вошел в мой номер, не понимаю: не иначе, это была нечистая

сила...

– Ты думаешь, – шипел он на меня злобным шепотом, – что ты ушла от меня? Врешь, не уйдешь! По монахам стала шляться да каяться – я тебе покажу покаяние! Ты у меня не так еще завертишься: я тебя и в блуд введу, и в такой грех, и в этакий...

И всякими угрозами грозил ей страшный старик и не во сне, а въяве, так как бедная женщина до самого утреннего правила – до трех часов утра – глаз сомкнуть не могла от страха. Отступил он от нее только тогда, когда соседи ее по гостинице стали собираться идти к правилу.

– Да кто же ты такой? – спросила его, вне себя от страха, женщина.

– Я – Лев Толстой! – ответил страшный и исчез.

– А разве не знаешь, – спросил я, – кто такой Лев Толстой?

– Откуда мне знать? Я неграмотная.

– Может быть, слышала? – продолжал я допытываться. – Не читали ли о нем чего при тебе в церкви?

– Да нигде, батюшка, ничего о таком человеке не слыхала, да и не знаю, человек ли он или что другое».

«Таков рассказ духовника Оптиной пустыни, – заключает церковный комментатор. – Что это? Неужели Толстой настолько стал «своим» в том страшном мире, которому служит своей антихристианской проповедью, что в его образ перевоплощается сила нечистая?» [156].

Так может случиться и с нашими интеллигентами: совсем не берут в расчет, что неверие в иные неприглядные места, лежащие по ту сторону, вовсе не избавит от попадания туда...

Красноярск, 1997

Россия, которой не было: взгляд гения

Все книги Александра Бушкова, будь то фантастика, детективы или приключения, прекрасно расходятся, издаются огромными даже для нынешнего времени тиражами. Но книгу, которую вы сейчас держите в руках, я рекомендовал бы не просто для семейного чтения – для изучения в школах и вузах. Это следовало бы сделать, даже если бы в ней только разоблачались разного рода «исторические мифы». С точки зрения ученого, это, строго говоря, никакие не мифы, а утвердившиеся в обществе дикие, предельно далекие от истины представления. Некоторые из них – «просто» невинный плод невежества. Той самой простоты, что много хуже воровства. А большая часть возникла не случайно и не стихийно: эти представления есть плод сознательной подтасовки фактов, трактовки документов в угоду надуманной схеме, подчинения истории политической злобе дня. Взять хотя бы превращение одного из самых бездарных и самых страшных монархов (Петра I) в главного российского просветителя и чуть ли не спасителя Отечества... Или удивительная история Ивана Сусанина – случайной жертвы разбойников, превращенной в национального героя...

Что ж! Мы до сих пор сказочно плохо знаем собственную историю. Одна из причин этого – в сознательной политике советской власти.

Недавние владыки России, конечно же, панически боялись обсуждения истинных личностей всех этих лениных, троцких, тухачевских. О перевороте 1917 года, гражданской войне или о голоде в Поволжье нам позволялось знать только то, что соответствовало официальной версии об ангелах-коммунистах, «белом стаде горилл» или о стараниях сахарного Ильича всеми силами спасти умирающих от голода.

Но и обо всей русской истории распространялись сведения, которые и сказочными-то называть не хочется. Русские народные сказки и информативнее, и честнее, и просто более историчны, чем «история» советского разлива. Взять те же разжижающие мозги бредни про «классовую борьбу в Древней Руси» или про «крестьянскую войну Ивана Болотникова»... Нет, сказки гораздо лучше!

Но есть и вторая причина нашего массового исторического невежества. Ее мало принимают во внимание, и хорошо, что о ней берется писать А.А. Бушков. Это действия горластого племени «интеллигентов» – весьма плохо образованных, но решительно все

склонных представлять в виде некой идеологии. Если коротко, то идеология – это взгляд решительно на все стороны бытия с какой-то одной частной позиции. В духе классического:

*«Я знал негра.
Он был неграмотный,
Не разжевал даже азбуки соль,
Но он слышал, как говорит Ленин,
И он знал ВСЕ».*

(Выделение мое – А. Буровский.)

70 лет в обществе дозволялась только одна идеология. Но будет наивным думать, что в воспетых знаменитым анекдотчиком московских кухнях искали горний свет вечных истин. Там ковали новые идеологии! Как сказал другой поэт, тоже причастный к интеллигентской трепотне:

*«Растет по чердакам и погребам
Российское духовное величие.
Вот выйдет, и развесит по столбам
Друг друга за малейшее отличие».*

Да-с, именно этим и занялась интеллигенция, как только закончилась «эпоха исторического материализма». Каждая группка и группочка вынесла на всеобщее обозрение свою собственную идеологию – за редким исключением, – злобную и невежественную. И если бы только для себя! Каждая шаечка претендует на то, что ее идеология непременно должна стать идеологией для всех. И готова развесить на столбах не только друг друга, но и всех нас – за неприятие «единственно правильного» отношения к миру. Ведь «знать все» можно не только путем слушания Ленина, но и слушания Сахарова, О. Лациса, Жореса Медведева ...да решительно кого угодно.

И каждая такая группа и группочка, конечно же, «точно знает», что происходило на протяжении всей русской истории. Кто такие готы – германцы или славянское племя. Кто в истории – «прогрессивен», а кто, напротив, «контрреволюционен». Ко благу ли монгольское завоевание? Откуда пошло само слово «Русь»? Кем были для России татары, немцы,

хазары, евреи, большевики, западники, старообрядцы – черными демонами или светлыми ангелами? Разумеется, это знание основано не на работе ученых-историков. Не на старательном анализе источников. А на своей, «единственно правильной» идеологии. В ней ведь, на все времена, «сказано все»...

Как же тут разобраться человеку, который уже не обладает хорошими знаниями? И как ими прикажешь «обладать», если неизвестно – где взять?!

Для этого нужна литература – достаточно популярная по форме, доступная массовому читателю, и в то же время – «научная» по содержанию. Это могут быть исторические романы или фильмы – если, конечно, они хорошо написаны и интересны. Из опыта последних лет берусь назвать только «Гардемаринов»; в какой-то степени – сочинения В. Пикуля (в них, впрочем, тоже многовато идеологии). И только. А хорошего опыта исторической публицистики и вообще назвать не решусь. Все – сплошная идеологическая жвачка, попытки «не своих» сделать «своими». Или бред. В качестве примера – разного рода творения «рерихнувшихся», иеговистов или других сектантов.

На этом фоне А. Бушков видится отрадным явлением. Он несравненно точнее, надежнее, научнее... решительно всех. И интереснее. Эту книгу наверняка прочтут миллионы людей – как и его детективы. Повторяю – если бы просветительство и мифоборчество было единственной заслугой А.А. Бушкова – и тогда книгу следовало бы печатать. Но у него есть по меньшей мере еще две важные заслуги.

Уже не первый раз А. Бушков удивительным образом ухитряется оказываться на передовом рубеже современной науки. Как? Это выше моего разума. Но судите сами: уже в «Анастасии» он очень точно воспроизвел представления современного глобального эволюционизма, разработанные знаменитым акад. Н.Н. Моисеевым. Согласно этим представлениям, всякая система развивается в своем «канале эволюции». Но «каналы» исчерпывают себя. Развиваться дальше по этим правилам система не может, а никакие другие правила «в условии не заданы». И система вступает в «точку бифуркации» – время поиска нового «канала эволюции». При этом система распадается на составные элементы, часть этих «элементов» гибнет, часть – необратимо изменяется, а способ новой «сборки» целого определяется тем, каков будет новый «канал эволюции»...

Применительно к человеческому обществу это означает, что, стихийно и бездумно развиваясь, общество постоянно рискует

«перерасти» законы жизни, созданные столетия назад, в совершенно других условиях.

Прокормить население в этом количестве и на этой территории оказывается невозможным... без изменения способа хозяйствования. И, соответственно, общество вступает в период бифуркации – Хаоса, начинает судорожно искать новые правила общежития, причем с непредсказуемым результатом. Есть много оснований считать «бифуркациями» все, что происходит в России с 1917 г. И все, что происходит во всем мире со времен Первой мировой войны.

А в этой книге Бушков опять оказывается провозвестником самых новых методов исторического исследования... В «классическое» время науки, в XVII–XIX вв., ученый искал абсолютную истину. По каждому поводу возможно было только одно «правильное» суждение. И историки не представляли исключения. Каждый из них строил «единственно правильную» схему развития государства Российского. И спорил с другими, как с носителями «неправильного» и «ошибочного» знания.

Современный ученый хорошо знает, что всякое знание условно и относительно. Одни и те же экспериментальные данные можно объяснить несколькими разными способами. На одних и тех же источниках можно написать несколько разных историй России. И бессмысленно утверждать, что одна из них – «истинная».

Более того – в «точках бифуркации» страна и народ действительно выбирают дальнейшую историческую судьбу. И в XIII–XIV вв., и во время Смуты XVII в., и во время Смуты начала XX в., и в нынешней смуте мы выбираем. А вся известная нам русская история – не что-то «единственно возможное», а тоже результат прежних выборов. Эта история могла бы быть совсем другой – и не только при принятии Русью ислама или католицизма. Направлений развития гораздо больше. Например, что могло бы возникнуть, пойдя Наполеон не на Москву, а на Петербург? Приди к власти не злобный мальчишка Петр, а интеллектual средних лет – Василий Голицын? Промахнись бомбист, и проживи Александр II до 1895 года?..

Для современного ученого «Россия, которая могла бы быть», гораздо интереснее «России, которую мы потеряли». В «виртуальности» существует множество вариантов «возможных Россией», из которых мы реализуем один на каждом историческом повороте. Например, в данный момент. Я считаю, что «модельное мышление» в истории имеет, помимо прочего, еще и огромное воспитательное значение. По современным представлениям, законы истории не безличны, не подобны законам

космической эволюции. Реализуется тот вариант общественного развития, который мы хотим реализовать... Право, есть о чем задуматься!

Собственно, об этом и пишет А. Бушков. Он предлагает нам не истину в последней инстанции, не «правильное» прочтение источников. Он строит **ВЕРОЯТНОСТНУЮ МОДЕЛЬ**. Показывает, что источники можно интерпретировать и с таким результатом. Показывает одну из «возможных России».

Кажется невероятным эта способность писателя – применять в своем художественно-публицистическом исследовании самые передовые, только еще утверждающиеся в науке методы, да еще с таким прекрасным результатом. Не знаю, читал ли А. Бушков книги акад. Н.Н. Моисеева, Э.С. Кульпина и других. Если да – то следует констатировать – их идеи он усвоил глубоко и творчески и сумел придать им превосходную художественную форму. Если нет – то, значит, он смог сам, самостоятельно открыть закон смены периодов мирного развития общества – периодами, если угодно, Хаосов.

Что ж! Гениальность иногда трактуется и как способность видеть то, чего не видят другие. Жаль только, прижизненная репутация гения А. Бушкову никак не светит. Ведь никак не может быть, чтобы это слово было применимо к мужику средних лет, с которым можно поздороваться на улицах, который выгуливает собаку по тропинкам Академгородка... В нашем обществе гений – это исключительно покойничек, желательно – из Мавзолея. И в любом случае – не «отсюда». Если Бушкова и нарекут «гением», произойдет это лет через 50 и за 5000 километров от Красноярска. А жаль.

И еще одно. Книга А. Бушкова – своего рода эталон добросовестного исторического исследования. Несомненно, у кого-то высказывания автора вызовут гнев и прочие непохвальные чувства. Ведь автор посягает на устоявшиеся, привычные представления! Но спорить будет трудно – потому что книга А. Бушкова прекрасно аргументирована. По каждой теме привлечено множество источников, и каждый источник исчерпывающе проанализирован.

Да, конечно, все это пишет не профессионал. Да, не все, о чем пишет А. Бушков, может быть принято критически мыслящим читателем. Да, он не возвещает истины в последней инстанции, а строит некую модель... Но опровергнуть справедливость именно его модели – крайне трудно. А если и возможно – то лишь путем долгого, кропотливого труда. Работы с источниками, сравнимой по объему с работой самого А. Бушкова.

*А.М. БУРОВСКИЙ,
канд. исторических наук,
доктор философских наук, профессор КрасГУ,
президент Красноярского регионального
отделения Международной академии ноосферы,
действительный член Академии науковедения.*

Список литературы

1. Библия. Синодальное издание. – М., 1968.
2. Агафонов О. Казачьи войска Российской империи. – М.: Эпоха, 1995.
3. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. – Новосибирск: Наука, 1991.
4. Алексеева Н. Лаврентий Берия в моей жизни. – М.: Современник, 1996.
5. Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. – М.: Международные отношения, 1996.
6. Бантыш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. – М., 1991.
7. Бегунова А.И. От кольчуги до мундира. – М.: Просвещение, 1993.
8. Безвременье и временщики. – Л.: Худ. лит., 1991.
9. Беленький М.С. Биография смеха. – М.: Худ. лит., 1991.
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990.
11. Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. – М.: Современник, 1994.
12. Бехайм В. Энциклопедия оружия. – Спб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995.
13. Блок М. Апология истории. – М.: Наука, 1986.
14. Богданович А. Три последних самодержца. – М.: Новости, 1990.
15. Бойцов М., Шукуров Р. История средних веков. – М.: МИРОС, 1995.
16. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Тт. 1–3. – М.: Терра-TERRA, 1993.
17. Боярский П.В. Седлайте коней! – М.: Дет. лит., 1994.
18. Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. – М.: Политиздат, 1991.
19. Бунич И. Пятисотлетняя война в России. – Спб.: Облик, 1996.
20. Бунич И. Операция «Гроза», или ошибка в третьем знаке. – Спб.: ЮНА-Облик, 1994.
21. Бунич И. Полигон сатаны. – Ростов-на-Дону: Профпресс, 1994.
22. Буслаев Ф. О литературе. Исследования, статьи. – М.: Худ. лит., 1990.
23. Бурышкин П. Москва купеческая. – М.: Известия, 1990.
24. Валянский С.И., Калужный Д.В. Новая хронология земных

цивилизаций. – М.: Олимп, 1996.

25. В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. – М.: Мысль, 1988.

26. Ванчура В. Картины из истории народа чешского. Тт. 1–2. – М.: Худ. лит., 1991.

27. Валишевский К. Иван Грозный. – М.: Икпа, 1989.

28. Валишевский К. Первые Романовы. – М.: Икпа, 1989.

29. Валишевский К. Вокруг трона. – М.: Икпа, 1990.

30. Валишевский К. Дочь Петра Великого. – М.: Икпа, 1990.

31. Валишевский К. Сын великой Екатерины. – М.: Икпа, 1990.

32. Валишевский К. Марысенька, королева Польши. – М.: Икпа, 1989.

33. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: Отчий дом, 1994.

34. Верн Ж. История великих путешествий. Кн. 1. Открытие земли. – М.: Терра-TERRA, 1993.

35. Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь-Москва: Леан-Аграф, 1996.

36. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – Тверь-Москва: Леан-Аграф, 1996.

37. Вершинин Л. Хроники неправильного завтра. – М.: Аргус, 1996.

38. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909 (переизд. М.: Новое время, 1990).

39. Вигилев А.Н. История отечественной почты. – М.: Радио и связь, 1990.

40. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

41. Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». – Л.: Сов. писатель, 1990.

42. Галич М. История доколумбовых цивилизаций. – М.: Мысль, 1990.

43. Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

44. Герои и битвы. – М.: Современник, 1995.

45. Гоголицын Ю.М. Величайшие подделки, грабежи и хищения произведений искусства. – Спб.: Брайт Лайт, 1997.

46. Горбовский А., Семенов Ю. Без единого выстрела. Из истории российской военной разведки. – М.: Мол. гвардия, 1984.

47. Горяйнов С.Г., Егоров А.А История России IX–XVIII вв. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

48. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: Экопрос, 1993.

49. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – Спб., 1994.

50. Гумилев Л.Н. Хунну. – Спб.: ТАЙМ-АУТ, 1993.
51. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. – Спб., 1994.
52. Гюго В. Отверженные. Кн. 2. – М.: Правда, 1979.
53. Даллес А. Искусство разведки. – М.: Междунар. отношения-Улисс, 1992.
54. Дашкова Е. Записки 1743–1780. – М.: Наука, 1985.
55. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
56. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. – М.: Голос, 1994.
57. Дегтярев А. Трудный век Российского царства. – Л.: Дет. лит., 1989.
58. Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: Прометей, 1990.
59. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1986.
60. Джером К. Джером. Избранное. Т. 1. – ГИХЛ. М., 1957.
61. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. – М.: Прогресс, 1988.
62. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. – Петрозаводск: Госиздат, 1957.
63. Дитмар А.Б. От Птолемея до Колумба. – М.: Мысль, 1989.
64. Доронин А. Руси волшебная палитра. – М.: Мол. гвардия, 1992.
65. Дубов Н. Колесо Фортуны. – М.: Дет. лит., 1978.
66. Елизаветин Г. Деньги. – М.: Детгиз, 1960.
67. Евдокимов Д. За давностью лет. – Л.: Лениздат, 1988.
68. Жаботинский В. Избранное. – Израиль: Б-ка «Алия», 1984.
69. Жук А.Б. Револютеры и пистолеты. – М.: Воениздат, 1990.
70. Забелин И. История города Москвы. – М.: Столица, 1990.
71. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. – М.: Мысль, 1992.
72. Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности. – Л.: Лениздат, 1991.
73. Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. – М.: Современник, 1989.
74. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. – М.: Воениздат, 1986.
75. Из-под глыб. Сборник статей. – ИМКА-пресс. Париж, 1974.
76. Иловайский Д. Становление Руси. – М.: ЧАРЛИ, 1996.
77. Иловайский Д. Начало Руси. – М.: ЧАРЛИ, 1996.
78. Иловайский Д. Собиратели Руси. – М.: ЧАРЛИ, 1996.
79. Иловайский Д. Царская Русь. – М.: ЧАРЛИ, 1996.
80. Иловайский Д. Новая династия. – М.: ЧАРЛИ, 1996.
81. Иловайский Д. Отец Петра Великого. – М.: ЧАРЛИ, 1996.

82. Ильин М., Сегал Е. Как человек стал великаном. – М.: Рипол, 1994.
83. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Битва за Россию. – Саратов, 1993.
84. Ирасек А. Старинные чешские сказания. – М.: Правда, 1987.
85. Ирвинг В. Жизнь Магомета. – М.: Интербук, 1990.
86. История сыска в России. Тт. 1–2. – Минск: Литература, 1996.
87. Калугин В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. – М.: Современник, 1989.
88. Касвинов М.М. Двадцать три ступени вниз. – М.: Мысль, 1978.
89. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. – М.: Наука, 1980.
90. Козлов Ю.Ф. Союз короны и креста. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995.
91. Коммин Ф. де Мемуары. – М.: Наука, 1986.
92. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. – Баку: Язычи, 1990.
93. Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. – М.: ЧАРЛИ, 1994.
94. Костомаров Н. Русь крещеная. – М.: ЧАРЛИ, 1996.
95. Костомаров Н. Бунт Стеньки Разина. – М.: ЧАРЛИ, 1994.
96. Костомаров Н. Старый спор. – М.: ЧАРЛИ, 1994.
97. Костомаров Н. Казаки. – М.: ЧАРЛИ, 1995.
98. Костомаров Н. Смутное время Московского государства. – М.: ЧАРЛИ, 1994.
99. Костомаров Н. Русская республика. – М.: ЧАРЛИ, 1994.
100. Костомаров Н. Земские соборы. – М.: ЧАРЛИ, 1995.
101. Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993.
102. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. – Пушкино: Культура, 1990.
103. Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). – М.: Сов. Россия, 1987.
104. Кузьмин А. Хазарские страдания // Молодая гвардия, М., 1993, № № 5–6.
105. Кюстин А. де Николаевская Россия. – М.: Политиздат, 1990.
106. Ларичев В. Путешествие в страну восточных иноземцев. – Новосибирск: Наука, 1973.
107. Латинские юридические изречения. – М.: Юристъ, 1996.
108. Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. – М.: Вече, 1995.
109. Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизма – М.: Книга, 1990.
110. Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698–1801. – М.: АСТ,

1995.

111. «Лехаим», №№ 50–51. М., июль 1996.

112. Лозинский С.Г. История папства. М.: Политиздат, 1986.

113. Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. Спб.: Час пик, 1992.

114. Лызлов А. Скифская история. М.: Наука, 1990.

115. Мадер Ю. Тайна Хантсвилла. М.: Политиздат, 1965.

116. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986.

117. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Спб.: Полигон, 1994.

118. Марков С. Земной круг. М.: Современник, 1976.

119. «Махаон». – М., 1996, № 2.

120. Меир Голда. Моя жизнь. – Чимкент: Аурика, 1997.

121. Мир русской истории. Энциклопедический справочник. – М.: Вече, 1997.

122. Митяев А.В. Героические страницы истории Родины. – IX–XVIII вв. М.: Просвещение, 1991.

123. Михневич В. Русская женщина XVIII столетия. – Киев, 1895.

124. Можейко И.В. 1185 год. – М.: Наука, 1989.

125. Можейко И.В. 7 и 37 чудес. – М.: Современник, 1996.

126. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. – М.: Межд. отношения, 1984.

127. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Тт. 1–2. – М., 1957.

128. Моруа А. Жизнь Дизраэли. – М.: Политиздат, 1991.

129. Мыльников А.С. Испытание чудом: русский принц и самозванцы. – Л.: Наука, 1991.

130. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. – Спб., 1996.

131. Мэсси Р. Николай и Александра. – М.: Интерпракс, 1990.

132. Мэсси Р. Петр Великий. Тт. 1–3. – Смоленск: Русич, 1996.

133. Наровчатов С. Необычное литературоведение. – М.: Мол. гвардия, 1973.

134. Над пропастью нераскрытых тайн. – М.: Современник, 1996.

135. Наша слова (на белорусс. яз.). – Минск, № 10, 1990.

136. Непомнящий Н. Экзотическая зоология. – М.: Олимп-АСТ, 1997.

137. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. – М.: Просвещение, 1990.

138. Никольский Н.М. История русской церкви. – Минск: Беларусь, 1990.

139. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. – М.: Факториал, 1996.

140. Оболенский Г.В. Император Павел I. – Смоленск: Русич, 1996.
141. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – М.: Терра-TERRA, 1992.
142. Павленко Н.Н. Петр Первый. – М.: Мол. гвардия (ЖЗЛ), 1976.
143. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1988.
144. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М.: Наука, 1988.
145. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Политиздат, 1991.
146. Панова В.Ф., Бахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. – М.: Политиздат, 1991.
147. Паркинсон С. Закон Паркинсона. – М.: Прогресс, 1989.
148. Пересветов Р. Тайны выцветших строк. – М.: Детгиз, 1963.
149. Перну Р., Клэн М-В. Жанна д'Арк. – М.: Прогресс, 1992.
150. Пикуль В. Битва железных канцлеров. – Л.: Лениздат, 1978.
151. Пикуль В. Эхо былого. – Владивосток: Дальневосточное изд., 1987.
152. Пикуль В. Нечистая сила. – Красноярск: кн. изд-во, 1989.
153. Пикуль В. Исторические миниатюры. – Рига, 1994.
154. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – Петрозаводск: Фолиум, 1996.
155. Плотников С.Е. Сначала был порох. – М.: Просвещение, 1991.
156. Православные чудеса в XX веке. – М.: Трам, 1993.
157. По Москве. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917 (переизд. М.: Изобразительное искусство, 1991).
158. Поулсен Дж. Английские бунтари. – М.: Прогресс, 1987.
159. Преступники и преступления. – Донецк: Сталкер, 1997.
160. Прочко И.С. История развития артиллерии. – Спб.: Полигон, 1994.
161. Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. – М.: Наука, 1991.
162. Пыляев М.И. Старый Петербург. – М.: Икпа, 1990.
163. Радзинский Э. Сталин. – М.: Вагриус, 1997.
164. Раззаков Ф. Век террора. Хроника покушений. – М.: ЭКСМО, 1997.
165. Рогозин Д. Русский ответ. – Спб.: Глаголь, 1996.
166. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. – М.: Современник, 1990.
167. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1986.
168. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988.
169. Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. – Минск: Народная асвета, 1977.

170. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. – М.: Межд. отношения, 1991.
171. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово, 1986.
172. Сенкевич Г. Собр. соч., т. 9. – М.: Худ. лит., 1985.
173. Сердца из крепкого булата. Сборник русских летописей и памятников литературы. – М.: Патриот, 1990.
174. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Тт. 1–2. – Смоленск: Русич, 1996.
175. Скрынников Р.Г. Святители и власти. – Л.: Лениздат, 1990.
176. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». – М.: Мысль, 1988.
177. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. – Новосибирск: Наука, 1987.
178. Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. – М.: Московский рабочий, 1986.
179. Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. – Спб.: Судостроение, 1991.
180. Соловьев С.М. Иллюстрированная история России. – М.: Русское слово, 1997.
181. Спиридович А. Записки жандарма. – М.: Худ. лит., 1991 (репринт. издание 1930).
182. Справочник личных имен народов РСФСР. – М.: Русский язык, 1987.
183. Стаднюк И. Исповедь сталиниста. – М.: Патриот, 1993.
185. Сталин И. Сочинения, т. 10. – М.: Госполитиздат, 1949.
186. Степанова В.Е., Шевеленко А.Я. История средних веков. – М.: Просвещение, 1981.
187. Судоплатов П. Разведка и Кремль. – М.: Гeya, 1996.
188. Суворов В. Ледокол. День М. – М.: АСТ, 1996.
189. Суворов В. Последняя республика. – М.: АСТ. 1996.
190. Суворов В. Контроль. – М.: АСТ, 1996.
191. Талалай С. и Я. Самые удивительные животные мира. – М.: Армада, 1997.
192. Тарле Е.В. Наполеон. – М.: Наука, 1991.
193. Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс-Культура, 1996.
194. Три каравеллы на горизонте. – М.: Межд. отношения, 1991.
195. Трухановский В. Судьба адмирала: триумф и трагедия. – М.: Мол. гвардия, 1984.
196. Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920

года. – М.: Новости, 1992.

197. Уолкер А. Одри. – Смоленск: Русич, 1997.

198. Урланис Б.Ц. История военных потерь. – Спб.: Полигон, 1994.

199. Успенский Л. Слово о словах. Почему не иначе? – Л.: Дет. лит., 1971.

200. Успенский Л. Ты и твое имя. Имя дома твоего. – Л.: Дет. лит., 1972.

201. Уэллс Г. Собр. соч., т. 15. – М.: Правда, 1964.

202. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976.

203. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече-АСТ, 1996.

204. Хьюитт Карен. Понять Британию. – Пермь: Книжный мир, 1992.

205. Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь, 1988, № 12.

206. Цареубийство 11 марта 1801 г. – Спб.: изд. А.С. Суворина, 1907 (репринт 1990).

207. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини. – М.: Худ. лит., 1988.

208. Черепнин А.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. – М.: Наука, 1969.

209. Черняк Е.Б. Вековые конфликты. – М.: Межд. отношения, 1988.

210. Черняк Е.Б. Судебная петля. – М.: Мысль, 1991.

211. Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. – М.: Межд. отношения, 1972.

212. Чивилихин В. Память. – М.: Современник, 1982.

213. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. – Л.: Наука, 1991.

214. Шильдер Н. Император Павел I. – М.: ЧАРЛИ, 1996.

215. Шульгин В.В. Дни. 1920. – М.: Современник, 1989.

216. Эджингтон Г. Адмирал Нельсон. – М.: Прогресс, 1992.

217. Эйдельман Н. Апостол Сергей. – М.: Политиздат, 1988.

218. Эйдельман Н. Революция сверху в России // Наука и жизнь, 1988, №№ 10–12, 1989, №№ 1–3.

219. Экономцев И.Н. Записки провинциального священника. – М.: Верная, 1993.

220. Энциклопедический словарь, тт. 1–2. – М.: Сов. энциклопедия, 1964.

221. Эскин А. Гуд бай, Америка! // Возвращение, 1992, №№ 6–7. Израиль: Иерусалим.

222. Юрганов А.Л., Кацва Л.А. История России XVI–XVIII вв. – М.: МИРОС, 1994.

223. Яковлев В.В. История крепостей. – Спб.: Полигон, 1995.

225. Ян В. Батый. – М.: ГИХЛ, 1960.
226. Beck J. Ostatni raport. – PIW: Warszawa, 1987.
227. Bidwell G. Cudza krew. – Slask: Katowice, 1979.
228. Cydzik G. Ulani, ulani... – WMON: Warszawa, 1983.
229. Czuma M. Nad Wisla, nad Niemnem, nad Dnieprem. – «Przekroj»: Warszawa, 1989.
230. Encyklopedia popularna. – PAN: Warszawa, 1982.
231. Fiodorow J. Proces Aleksego. – WL. Lodz, 1987.
232. Herlinger J.J. Niezwykłe peripetie odkryc i wynalazkow. – NK. Warszawa, 1985.
233. Kosidowski Z. Krolewstwo zlonych lez. – J.-S. Warszawa-Sofia, 1986.
234. Kroulik J., Ruzicka B. Vojenske rakety. – NV. Praha, 1985.
235. Kwasniewicz. 1000 slow o dawnej broni palnej. – WMON. Warszawa, 1987.
236. Lem S. Filozofia przypadku. T. 1. – WL. Krakow, 1988.
237. Lesny J. Sprawy o nemocech mocnych. – Horizont. Praha, 1989.
238. Muller H. Gewehre. Pistole. Revolver. – Leipzig, 1985.
239. Muller H., Kolling H. Europaische hieb-und stichwaffen. – Berlin, 1981.
240. Nowicki J., Ziecina K. Samoloty kosmiczne. – WNT. Warszawa, 1987.
241. Polska w kalejdoskopie. – Interpress. Warszawa, 1977.
242. Serczyk W. Katarzyna II. – Ossolineum, 1989.
243. Sidorski O. «Panie Kochanku». – Slask. Katowice, 1987.
244. Sielicki F. Podroz Borysa Szeremietiewa. – PAN. Wroclaw, 1975.
245. Snoch B. Synowie Krzywoustego. – WSP. Warszawa, 1987.
246. Spieralski Z. 500 zagadek o dawnym wojsku polskim. – WP. Warszawa, 1972.
247. Spiewakowski A. Samuraje. – PJW. Warszawa, 1989.
248. Subotkin W. Z kart historii polskiego lotnictwa. – KAW. Szczecin, 1985.
249. Szubanski R. Polska bron pancerna 1939. – WMON. Warszawa, 1982.
250. Ryniewicz Z. Bitwy swiata. – WP. Warszawa, 1995.
251. Widacki J. Detektywi na tropach zagadek historii. – Slask. Katowice, 1988.
252. Vzacne zbrane a zbroj. – NV. Praha, 1986.
-

Примечания

Здесь и далее в скобках приводится номер источника в списке литературы. – *Прим. авт.*

Эти материалы вполне доступны. Рекомендуется для чтения тем, кто продолжает считать Тухачевского великим стратегом...

Эдвард Галифакс (1881–1959) – в то время британский министр иностранных дел.

Здесь и далее цитируется по: Авигдор Эскин. «Гуд бай, Америка!», журнал «Возвращение», №№ 6–7, 1992, Иерусалим, Израиль.

Интересно, что к движению народovolьцев был причастен один из предков В. Новодворской. Отсюда, надо полагать, и берет начало неукротимый большевизм Московской Девственницы – гены, увы...

S. L e m. Filozofia przypadku. W. L Krakow, 1988.

Есть интересная, довольно доказательная версия о том, что Карл XII не погиб от шальной пули при осаде неприятельской крепости, а был убит выстрелом из своего же окопа в результате заговора тех, кто хотел покончить с его военными авантюрами, губительно действовавшими на Швецию.

Некоторые историки оценивают число жертв этой резни в три тысячи.

Когда-то мне доставляло несказанное удовольствие чтение чешских журналов, где в международных новостях частенько фигурировала Малгожата Тэтчерова. Таковы уж правила чешского – «Маргарет» переводится как «Малгожата», а поскольку «Тэтчер» – не девичья фамилия, а фамилия по мужу, она соответствующим образом и склоняется...

Интересно, что *прозвище* «Колон» носил и современник Колумба – итальянский капер на французской службе Гийом Казанова. По стечению обстоятельств оба «Колона» встретились на море – в 1476 г. Казанова напал на фламандскую эскадру, где матросом на одном из кораблей плыл Колумб, и потопил как раз тот корабль, где находился Колумб... Колумб едва спасся вплавь, благо до берега было недалеко.

В дальнейших главах будет рассмотрена убедительная версия, доказывающая, что тюркским языком часто пользовались и славяне.

В Средневековье в русском языке слово «жид» еще не носило оскорбительного оттенка (имея тот смысл, что и в современном польском: «zyd!» – это попросту «еврей»).

Именуется еще «Слово о законе и благодати».

Дмитрий Рогозин, лидер Конгресса Русских Общин, как его аттестуют собратья по движению, «один из идеологов национально-государственной оппозиции, автор ряда философских и политологических трудов», в одной из своих велеречивых книг, говоря о XVI веке, искренне полагает, что Литва и Белоруссия – два *разных* государства. О том, что это было одно и то же, «идеолог» и не подозревает...

Краков до 1569 г. был столицей Польши, в *нашем* варианте мог оставаться ею и впредь.

Меня, признаться, удивляют те сторонники перезахоронения Ленина, что заявляют в качестве главного аргумента, будто он «погребен не по-христиански». Увы, истине сие не соответствует. И в православии, и в католичестве много случаев, когда покойных не зарывали, а оставляли покоиться в каменных либо стеклянных саркофагах – при одном обязательном условии: тело должно лежать ниже уровня земли.

В «перестроечные» времена иные витии проливали слезы по поводу участи пресловутого генерала Григоренко, которого держали в психушке за то, что он в начале 70-х требовал «вернуться к ленинским нормам жизни». По моему личному убеждению – за такие желания надо не просто держать в психушке, а держать безвылазно...

Любителям детективного жанра эта история известна по великолепному роману Джозефины Тей «Дочь времени».

В одной из новгородских берестяных грамот упоминается житель города по имени... Чёрт!

Новгород-Святополч стоял на берегу Днепра.

Нужно обязательно подчеркнуть, что многие русские князья отчего-то не пошли на Калку выручать половцев.

О том, что пленных князей «метнули под доски», сообщает лишь «Повесть». Другие источники пишут, что князей просто убили, не издеваясь, а третьи – что князей «взяли в плен». Так что история с «пиром на телах» – лишь один из вариантов.

Любопытно, что летописи того времени упоминают о принявшем христианство половецком хане *Бастые*.

Азовское море.

Отдельные роды монголов жили не в степи, а в тайге.

На современном казахском «Красная Армия» звучит как Кызыл-Орда!

Любопытно, что в «Слове о полку Игореве» среди служивших черниговскому князю тюрков-кочевников упоминаются некие *татраны*.

Имеется в виду, понятно, Волжская Болгария.

Примечательно, что одно из значений латинского слова «inde» практически то же самое – «далеко», «вдали».

Именно так сегодня называется Китай практически на всех языках.

Если результатом моих усилий станет лишь возвращение из забвения А.И. Лызлова, я буду этому только рад.

Кто-то из историков иронизировал по поводу установившейся в театре привычки отдавать роль матери Джульетты *пожилой* актрисе – на деле, учитывая нравы того времени, Джульеттиной матушке было лет двадцать семь – двадцать девять...

Стоит ли после этого удивляться, что во времена «перестройки» один из районов Москвы объявил свое воздушное пространство суверенной зоной?

Было бы удивительно, если Александр Невский-Батый, которому в его грандиозных планах необходима была поддержка церкви, *не издал* подобного указа...

Впоследствии иные историки поторопились объявить праведж «заимствованным» у татар. О «заимствованиях» – чуть позже.

Другие источники именуют Романца «Домотом» или «Довмонтом», но на том, что он был русским, сходятся все тогдашние авторы.

Лично мне представляется, что осада была столь долгой потому, что осаждающих было *мало*.

В языке того времени слово «изумление» означало не удивление, а потерю рассудка, «выпадение из ума».

Следует отметить, что в нашей истории, к сожалению, историей папства занимались не историки, а главным образом авторы «антирелигиозных трудов». что накладывает на их писания специфический отпечаток.

К волжским татарам енисейские никакого отношения не имели, были названы «татарами» из тех же соображений, по которым Америку окрестили «Индией», – перенос знакомых терминов на новооткрытые страны и племена.

Любопытно, что в коми-зырянском языке есть слово «молгон» – «крайний», «конечный». «Молгонский народ» – окраинный народ! Те, для кого этот язык не был родным, могли и переставить буквы. И возникает «монгольский народ», живущий не в степях Монголии, а попросту «в отдалении». Знаменитая Мангазея на Оби сначала называлась русскими... *Молгонзея*. «Далекая земля».

Сравните с русским «красный» = «красивый» и «черный день» = «плохой день».

А где же монгольский и китайский?!

Быть может, Дмитрий в свое время *сдал* Киев Ярославу и Александру?
Отсюда и милости...

Не означает ли это, что христиан попросту больше, чем татар?

Во время Первой мировой войны (!) в Германии расклеивали плакаты, где сообщалось, что казаки питаются человечинной. Матфей наплодил хорошеньких эпигонов...

Например, в родословной английских Стюартов.

Впоследствии, когда чуть ли не вся рыбоперерабатывающая промышленность и сейнерный флот Парагвая оказались в руках русских, в самые мрачные времена диктатора Стресснера действовал его секретный приказ: членам русской общины дел не «шить»! Наказывать только за *реальные* преступления.

Есть смутные упоминания, что Поло был взят в плен после морского сражения, в котором участвовал на своем корабле. Быть может, попросту пиратствовал? Пираты мастера рассказывать сказки...

Ехидный комментарий Фоменко. «Как будто до начала строительства этого нельзя было сообразить». В жизни сообразили бы, но строят ведь – на бумаге, в воображении...

Знает кто-нибудь, где такая страна – «Бесермения»?

Наконец, до XIII в. «ярлами» (в Англии «эрлами») звались вельможи, впоследствии переименованные в герцогов и графов.

Как о ней пишут даже официальные источники – «известна только в позднейших списках, содержит ряд искажений фактов и хронологии».

Щиты, надо полагать, отлиты из меди на привалах, в походных мастерских?

Обратите внимание: нигде не указано, что Калита собирал дань для татар. Серебро ему понадобилось исключительно для собственного употребления.

То есть якобы исчезнувших *хазар*.

т.е. папа Иннокентий IV.

Вы не забыли, что Смоленск *никогда* не был под властью Золотой Орды?

Строго говоря, это прозвище не вполне согласуется с исторической правдой. Вильгельм в свое время помогал английскому королю Эдуарду Исповеднику изгнать датчан, за что Эдуард *завещал* ему свое королевство, но часть танов после смерти Эдуарда избрала королем его родича Гарольда, которого Вильгельм и сверг.

Английские историки считают, что реальный прообраз благородного разбойника Робин Гуда как раз и был саксонским помещиком, изгнанным из своих владений норманнами и ушедшим в «лесные братья».

Арабский книжник Аль-Хорезми, живший в X веке, помещает на Северный Кавказ... *русов!*

Лызлов: «В Тавриде же Херсонской за Перекопом за градом, во Азове, в Кафе, Керчи, в Херсоне (она же Корсунь) и по иным градам, кои тогда были, обитают италиане генуенсы под властью царей греческих, с татарами, живущими в полях близ Перекопа, мир имеющие».

Казань точно так же была столицей *оседлого* народа, земледельцев и ремесленников. Никаких «кочевников».

«Золотой», или «жалованный золотой» – воинская награда за доблесть, носилась на шапке (по иным сведениям, на груди).

«Отдан за приставы» – тогдашняя формулировка ареста.

Не исключено, что Мнишеки сначала были православными потому что всюду Юрий так и писался – «Юрий» («Юрий» – это «Георгий», но «Георгий» по-польски – всегда «Ежи»).

Казачий атаман, ставший любовником Марины Мнишек.

При Михаиле толоконцевцы жаловались ему уже на Минина, но чем кончилось дело, мне не удалось доискаться.

В этот период Пожарский побывал под следствием по обвинениям в присвоении казенных денег, подделке документов и притеснении находившихся под его управлением посадских и волостных людей. Два первых обвинения признаны не соответствующими действительности, но третье подтвердилось полностью...

После первых неудач. – А.Б.

Федор, Софья и Иван – дети Алексея от первой жены, Марии Милославской, *Петр* – от второй, Натальи Нарышкиной.

Давно уже находятся исследователи, которые выдвинули версию о том, что горячее участие патриарха Иоакима в судьбе Петра объясняется как раз тем, что Петр был его сыном. Проводилось даже сопоставление антропологических данных – правда, вопрос до сих пор остается открытым.

«Черной сотней» назывались низшие купеческие гильдии, а иногда и ремесленные люди.

В этой связи стоит вернуться к загадочной смерти молодого царя Федора – а впоследствии и Ивана. Федор был болезненным, но по заключениям иноземных врачей, смертельными недугами не страдал. Среди стрельцов прямо говорили о его отравлении. Доказать ничего нельзя, но хорошо известно, что «медведиха» в средствах никогда не стеснялась.

Есть точные сведения, что во время одной из «воинских потех» в опасной близости от Петра разорвалась граната, и он получил сильную контузию.

Из трех детей Петра от Евдокии Лопухиной в младенчестве и раннем детстве умерли двое. Из двенадцати детей от Екатерины – десять (десятая, дочь Анна, скончалась двадцатилетней). Роковые случайности или патология препятствовавшая производству на свет жизнеспособного потомства?

Кстати, аналог современных трудовых книжек и пресловутой 33-й статьи изобрел Наполеон I.

Как раз при Петре вновь начались публичные сожжения «еретиков» и религиозных вольнодумцев, чего Русь, за редчайшими исключениями, не знала последние двести пятьдесят лет.

Вещи, которые в принципе дурны в начале, редко завершаются добром в конце (*лат.*).

Этот указ практически погубил производство холста в Архангельске: «В прежнее время у города большой торг был, много тысяч крестьян кормилось, а когда указ состоялся, то крестьянству прибыла немалая тягость, а в казну убыток, потому что у иных в избах и места столько нет где широкий стан поставить. Разорились от этого все крестьяне северные».

Камерир – начальник финансового управления провинции; подчинялся не местному воеводе, а столице, что усугубляло неразбериху в делах.

Очень быстро Петр творчески развил эту мысль, распространив ее на все население. Появился указ, предписавший выявлять и сдавать начальству всех тех, «кто запершись пишет...» Формулировалось это так: «о донесении на тех, кто запершись пишет, кроме учителей церковных, и о наказании тем, кто знал, кто запершись пишет, и о том не донесли».

Как и предание о крестившем Русь апостоле Андрее, оно, в общем, служит косвенным доказательством того, что гипотеза группы Фоменко верна. Если к исчислению «от Рождества Христова» и впрямь приписали лишнюю тысячу лет, нет ничего удивительного в том, что апостол Андрей посещал Русь, а апостол Лука написал икону в Польше.

Ежегодный налог со старообрядца, не расставшегося с бородой, составлял 450 руб. в ценах 1913 г. Любители истории могут сами высчитать, мала или велика эта сумма.

Между прочим, такие намерения были как раз возвратом к старым русским обычаям, когда цари брали в жены соотечественниц-дворянок.

Вообще, Заичкин с Почкаевым интересные ребята. В одном месте своей книги они в полном соответствии с исторической правдой пишут, что до 14 лет Петр воспитывался в лютеранстве, но всего несколькими страницами далее вдруг называют Петра католиком. Почему уж тогда не магометанином?!

Бригадир – воинский чин, средний меж полковником и генералом.

При переводе в армию гвардейские офицеры не просто получали автоматически следующий чин – «прыгали» через чин: подпоручик – в капитаны, капитан – в полковники.

Что, легко догадаться, влекло некоторую конфузию – в случае, если еще до рождения записанный в гвардейцы младенец появлялся на свет девочкой...

Состоявшее из выборных делегатов от дворян, горожан, казаков, нерусских народов и государственных крестьян.

Как сохранилось следственное дело Степана Разина.

Вольтер, кстати, считал Пугачева турецким агентом.

По свидетельству генерала Спиридовича, Азеф сплошь и рядом «засвечивал» перед революционерами других секретных сотрудников, внедряемых в их ряды, – из соображений конкуренции, чтобы подольше оставаться незаменимым... От чего, понятно, был один только вред [181].

Кроме «увольнения» Малиновского, еще и ограничившего возможности Департамента полиции в вербовке секретных сотрудников, – и это за пару лет до революционного взрыва...

«Демократические» публицисты последних лет отчего-то вообразили, что это они, гениальные, окрестили Октябрьскую революцию «переворотом». Меж тем я откопал в своей библиотеке книжку по истории КПСС 1957 года издания, где слова «Октябрьский переворот» партийный историк употребляет без всякого смущения...

Будь все иначе, разве Оболенский и его сподвижники жевали бы сухую корочку в эмиграции?

Исключая великого князя и Брусилова, все они потом погибнут – революция подобна Сатурну... Непенина убьют матросы. Колчака расстреляют сибирские партизаны, имевшие мало общего с большевиками. Рузского по приговору суда расстреляют в Ессентуках. Эверта вскоре убьют на фронте солдаты. Алексеев, надломленный поражениями, умрет на Дону. Все они полагали, что из кувшина, с которого столь неосмотрительно сорвали печать, вынырнет нечто пристойное, с европейской конституцией в лапках. А вынырнуло клыкастое чудовище. И совершенно некого винить. Просто не могло быть *другого* финала...

Речь идет о Кирилле и его гвардейском флотском экипаже.

Именно материалами этой группы пользовался В. Пикуль, дополнив их собственными изысканиями, подтверждающими версию.

Точнее, военный трибунал, так как дело происходило в военное время, касалось военнослужащего, кроме того, в Петрограде было объявлено военное положение.

Как бы к императрице ни относиться, но это обвинение – вздор.

Который сам не без греха – еще будучи верховным главнокомандующим русской армией, послал в Думу в феврале «челобитную» телеграмму. В первые дни революции, когда Николай еще оставался наместником Кавказа, тифлисский городской голова Хатисов по поручению Николая объявил на митинге на Эриванской площади, что «великий князь сочувствует делу революции»...

Нашими историками до сих пор, увы, не освещена должным образом роль находившихся там белогвардейских формирований в болгарской гражданской войне 20-х гг.

Правда, Гюго оговаривается: таково-де мнение не народа, а «ловких политиков», но последующая история Европы сводит эту оговорку на нет...

Несколько лет назад какая-то газетка упрекала Сталина за то, что он купил в Германии недостроенный крейсер. Журналист попросту не понимал, что «недостроенный» – означает «новейший»...

В 1941-м на вооружении армии уже были радиолокаторы отечественного производства, кое в чем превосходившие английские.

Тут Бунич не вполне прав – *единицы* были и в 1913 г. Но именно единицы... Причем – не всех категорий специалистов.

До сих пор в Англии более 95% тех, кто непосредственно работает на земле – *арендаторы...*

Напоминаю, в состав МВД тогда входила и зарубежная разведка.

Книга Даллеса впервые издана в 1963 г.

Морозов оказался из тех немногих, кого удалось вернуть к нормальной жизни: отсидев в крепости двадцать пять лет, он поумнел и стал крупным ученым.

Слово «охотнорядцы» носит в интеллигентской литературе после известных беспорядков 80-х гг. прошлого века символ чего-то зверски реакционного. Однако что плохого в том, что частные предприниматели разогнали демонстрацию буйствующих юнцов-радикалов, пусть и приложив кому-то по шее?

Насмотрелись и коллективной покладистости, групповых призывов «раздавить гадину» и в 37-м, и в 93-м...

Ну разумеется, шум после выхода книги поднялся страшный, удивляюсь, как никого из авторов тогда не убили... Однако взбешенная «либеральная интеллигенция» разослала по России ораторов, читавших лекции о реакционности, полнейшем ничтожестве и профессиональной несостоятельности авторов «Вех»...

Увы, с тех пор произошли роковые перемены...

Точное описание нашей «перестройки»...

Блестящее подтверждение того, что эти слова несколько не устарели, мы имеем и в наши дни. Российский парламент 1993 г. был «плохой» – и его можно расстрелять из танков. Белорусский парламент 1996 г. был «хороший» – и Лукашенко, распустивший его (всего лишь распустив!), – фашист и тиран...

Чистую доску (*латинск.*).

В слово «недостает» англичанка не вкладывает ни сожаления, ни иных отрицательных эмоций. Она лишь имеет в виду, что английским профессионалам подобное чувство *не присуще*.